

С. М. Соловьевъ.

КУРСЪ НОВОЙ ИСТОРИИ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высоч. утвр. Т-ва И. Н. Кушнерева и К^о, Пименовская ул., соб. д.
1898.

С. М. Соловьевъ.

КУРСЪ НОВОЙ ИСТОРИИ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высоч. утвер. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская ул., соб. д.
1898.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Открытіе новыхъ странъ и путей.

Расширеніе исторической сцены, 3.—Открытія португальцевъ и испанцевъ, 4.—Старый и Новый Свѣтъ, 5.—Открытіе и завоеваніе Америки, 6.

II.

Эпоха возрожденія.

Книгопечатаніе, 10.—Итальянскіе города, 11.—Поклоненіе древности, 12.—Макиавелли, 14.—Саванарола, 15.—Папство и народы, 15.

III.

Р е ф о р м а ц і я.

Гуманисты и обскуранты, 18.—Иоганнъ Рейхлинъ, 18.—Эразмъ, 20.—Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, 20.—Мартинъ Лютеръ, 21.—Споръ объ индульгенціяхъ, 21.—Отлученіе Лютера отъ церкви, 23.—Вормескій сеймъ, 25.—Карлштадтъ и Мюнцеръ, 26.—Францъ фонъ-Сиккингенъ, 27.—Крестьянскія возстанія, 28.—Цвингли, 28.—Распространеніе реформы, 29.—Аугсбургскій сеймъ 1530 г. и Нюрнбергскій религиозный мѣръ, 29.—Анабаптисты, 30.—Смалькальднская война, 31.—Аугсбургскій Интеримъ, 32.—Аугсбургскій сеймъ 1555 г., 33.—Кальвинъ, 34.

IV.

Слѣдствія реформациі; католическая реакція.

Раздробленіе Германіи, 36.—Тридентскій соборъ, 39.—Орденъ Іисуса, 39.—Інквизиція въ Италіи, 42.

V.

Исторія владѣній Габсбургскаго дома, Австріи и Испаніи до тридцатилѣтней войны.

Опустошеніе Венгрии турками, 43.—Распространеніе протестантизма, 45.—Унія и лига, 46.—Кардиналъ Хименесъ, 48.—Возстаніе испанскихъ городовъ, 48.—Опустошеніе Туниса, 49.—Филиппъ II, 49.—Осада Мальты и битва при

Лепанто, 49.—Возстаніе Мавровъ, 51.—Соединеніе Португаліи съ Испаніей, 52.—Отложеніе Нидерландовъ, 53.—Изгнаніе Маврисковъ, 61.—Развитіе литературы, 61.—Упадокъ Испаніи, 62.—Отдѣленіе Португаліи, 63.—Гуго Гроцій, 63.—Государственное устройство Голландской республики, 64.—Гомаръ и Арминій, 65.—Характеръ и судьба Голландіи, 65.

VI.

Англія при Тюдорахъ.

Развитіе парламентскихъ формъ, 66.—Генрихъ VIII, 68.—Отношеніе англійской церкви къ папѣ, 69.—Распространеніе протестантизма, Тиндаль, 70.—Дѣло о разводѣ короля, 70.—Отпаденіе Англійской церкви отъ Римской, 72.—Томасъ Морусъ и Томъ Кромвель, 76.—Регинальдъ Поль, 77.—Шесть артикуловъ, 79.—Бракъ Генриха VIII, 79.—Палата общинъ, 80.—Шотландія, 81.—Протекторъ герцога Сомерсетъ, 83.—Герцогъ Нортумбѣрландъ, 83.—Марія Тюдоръ и Жана Грей, 83.—Елисавета, 87.—39 артикуловъ, 88.—Протестантизмъ въ Шотландіи. Ноксъ, 88.—Марія Стюартъ, 89.—Борьба Елисаветы съ Филиппомъ II, 91.—Ессекъ, 93.—Популярность Елисаветы, 93.—Ея столкновенія съ парламентомъ, 94.

VII.

Франція

при послѣднихъ Валуа и первыхъ Бурбонахъ до принятія ею участія въ тридцатилѣтней войнѣ.

Развитіе королевской власти, 95.—Людовикъ XII, 99.—Итальянскія войны, 100.—Францискъ I, 102.—Его походъ въ Италію и конкордатъ съ папой, 103.—Борьба съ Карломъ V, 104.—Покровительство наукамъ, 108.—Генрихъ II, 108.—Распространеніе протестантизма, 109.—Гизы, 110.—Борьба католиковъ съ гугенотами, 111.—*Парижская кровавая свадьба*, 113.—Лига, 114.—Война *трехъ Генриховъ*, 115.—Генрихъ IV, 116.—Нантскій эдиктъ, 118.—*Сатира Мениппъ*, Монтанъ и Боденъ, 119.—Сюлли, 119.—Малолѣтство Людовика XIII, 120.—Ряшелье, 122.—Взятіе Ларошели и Нимскій эдиктъ, 125.—Борьба съ Испаніей, 125.

VIII.

Скандинавскія государства

отъ разрушенія Кальмарскаго союза до принятія ими участія въ тридцатилѣтней войнѣ.

Непрочность Кальмарскаго союза, 127.—Борьба Христіана II съ аристократіей, 128.—Возстаніе Густава Вазы, 129.—Торжество дворянъ въ Даніи при Христіанѣ III и введеніе протестантизма, 130.—Фридрихъ II и Петръ Оксъ, 131.—Торжество Густава Вазы надъ духовенствомъ, 131.—Неистовства Эрика XIV, 132.—Упроченіе протестантизма въ Швеціи и неудачная попытка соединенія ея съ Польшей, 133.

IX.

Тридцатилѣтняя война.

Возстаніе чеховъ, 134.—Опустошеніе Богеміи, 136.—Вмѣшательство державъ въ борьбу католической лиги съ протестантами, 137.—Валленштейнъ, 138.—

Ришелье и Густавъ-Адольфъ, 139.—Оксенштирна, 142.—Смерть Валленштейна, 143.—Дѣйствія французовъ, 144.—Мнѣніе Ришелье объ „естественныхъ границахъ“ Франціи, 144.—Вестфальскій миръ, 145.—Слѣдствія войны, 145.

Х.

Сѣверныя государства до конца XVII вѣка.

Ослабленіе Даніи, 148.—Ограниченіе королевской власти, 148.—Государственный переворотъ, 149.—Христіана, 150.—Карлъ X и война съ Польшей, 151.—*Великій Курфирстъ*, 152.—Война съ Даніей, 153.—Карлъ XI. Редукція и усиленіе королевской власти, 154.—Шлезвигъ, 155.

ХІ.

Польша до конца XVII вѣка.

Очеркъ исторіи Польши, 156.—Польская конституція, 163.

ХІІ.

Австрія и Турція до конца XVII вѣка.

Васварское перемиріе, 165.—Венгерское возстаніе, 166.—Осада Вѣлы турками, 167.—Карловицкій миръ, 168.

ХІІІ.

Англія при Стюартахъ.

Стюартъ, 169.—Іаковъ I, 170.—Карлъ I, 171.—Его борьба съ парламентомъ, 171.—Война съ Шотландіей, 173.—Долгій парламентъ, 174.—Революція, 175.—Война Карла съ парламентомъ, 176.—Оливеръ Кромвель и Независимые, 177.—Войско и парламентъ, 178.—Казнь короля, 180.—Покореніе Ирландіи и Шотландіи, 181.—Актъ мореплаванія и война съ Голландіей, 182.—Разогнаніе парламента, 182.—Протекторатъ, 183.—Ричардъ Кромвель, 186.—Возстановленіе Долгаго парламента, 187.—Монкъ, 187.—Карлъ II, 188.—Test-act, 191.—Habeas Corpus-act, 191.—Тори и виги, 192.—Мильтонъ, 192.—Гоббесъ, 193.—Герцогъ Йоркскій, 193.—Іаковъ II, 195.—Возмущеніе герцога Монмута, 195.—Мѣры Іакова для возстановленія католицизма, 196.—Вильгельмъ Оранскій, 197.

ХІV.

Франція

отъ смерти Ришелье до смерти Мазарини.

Положеніе Франціи въ концѣ жизни Ришелье, 199.—Мазарини, 200.—Фронда, 201.—Принцъ Конде, 201.—Заговоръ Бофора, 202.—Разстройство финансовъ, 202.—Переговоры правительства съ парламентомъ, 203.—Павель Гонди (кардиналъ Рецъ), 205.—Война правительства съ парламентомъ, 205.—Разрывъ Конде съ дворомъ и примиреніе, 207.—Арестъ Конде, 209.—Вторая фронтда, 209.—Дѣятельность Мазарини, 213.—Рейнскій союзъ, 214.—Миръ съ Испаніей, 214.—Людовикъ XIV.—правитель, 214.

XV

Умственное движеніе въ Европѣ въ первую половину XVII вѣка.

Антихристіанское движеніе, 215.—Віо, 216.—Ванини, 216.—Галилей, 216.—Бэконъ, 216.—Декартъ, 217.—Гоббесъ, 218.—Вэнсанъ де-Поль, 218.—Новые ордена, 219.—Янсенизмъ и Поръ-рояль, 219.—Паскаль, 220.—Г-жа Рамбулье, 222.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Время Людовика XIV.

I.

Эпоха Кольбера.

Слѣдствіе фронды, 225.—Людовикъ XIV, 226.—Николай Фуке, 230.—Жанъ-Батистъ Кольберъ, 230.—Разслѣдованіе финансовыхъ и помѣщичьихъ злоупотребленій, 231.—Мѣры для поднятія промышленности и торговли, 233.—Увеличеніе флота, 234.—Заботы о наукахъ и искусствахъ, 236.—Изданіе историческихъ памятниковъ, 236.—Французскій языкъ, 237.—Сатира во Франціи, 239.—Мольеръ, 240.—Протестъ Николая противъ театра, 243.—Ларошфуко, 244.—Боссюэтъ, 245.

II.

Войны съ Испаніей и Голландіей. Ментенонъ. Упадокъ Франціи.

Партіи въ Нидерландахъ, 250.—Юаинъ де-Виттъ, 250.—Соперничество Голландіи съ Англіей, 251.—Претензія Людовика XIV на испанскія владѣнія, 251.—Завоеваніе французами Бельгій, 252.—Образованіе *Тройного* союза и С.-Жерменскій миръ, 252.—Война съ Голландіей, 253.—Истощеніе финансовъ, 257.—Возненіе въ провинціяхъ, 259.—Захватъ въ Германіи, 259.—Большой Аугсбургскій союзъ, 262.—Противоположность между цѣлями Людовика XIV и Кольбера, 263.—Гоненіе на протестантовъ, 264.—Ментенонъ, 266.—Уничтоженіе Нантскаго эдикта, 268.—Галликанство, 270.—Фенелонъ, 272.—Вопросъ о воспитаніи и образованіи, 272.—Г-жа Гюйонъ, 278.—Бэль, 278.—Политическая программа Фенелона, 279.—Разореніе Франціи, 280.—Отношеніе Людовика къ проектамъ преобразованія, 282.—Велікій союзъ противъ Франціи, 283.—Рисвикскій мѣръ, 285.

III.

Война за испанское наслѣдство.

Европейское равновѣсіе, 286.—Испанское наслѣдство, 288.—Занятіе французами Бельгій и сѣверной Италіи, 293.—Союзъ Англіи съ Голландіей, 293.—Медлительность со стороны Австріи, 294.—Союзъ Австріи, Англіи и Голландіи противъ Франціи, 296.—Смерть Вильгельма Оранскаго и отношеніе къ нему современниковъ, 297.—Анна, 298.—Марльборо, 299.—Начало войны и неудачи союзниковъ, 302.—Филиппъ V и герцогиня Орсини 306.—Положеніе Португаліи, 306.—Политика Пьемонта, 307.—Пораженіе французовъ, 308.—Отношеніе англійскихъ партій къ побѣдѣ, 309.—Возстаніе камизаровъ, 311.—Успѣхи союзниковъ и истощеніе Франціи, 312.—Требованія союзниковъ и обращеніе Лю-

VI

довика къ народу, 315.—Усиленіе партій мира въ Англіи, 316.—Гарлей и С. Джонъ, 317.—Торжество торіевъ и мирные переговоры Англіи съ Франціей, 319.—Заключеніе мира, 320.—Вопросъ о престолонаслѣдіи въ Англіи, 323.—Болинброкъ, 326.—Георгъ I, 328.—Преслѣдованіе протестантовъ и янсенистовъ, 329.—Смерть Людовика XIV, 330.

IV

Умственное движеніе въ Англіи въ первую половину XVIII вѣка.

Борьба партій, 331.—Политическое краснорѣчіе и литература, 332.—Свифтъ, 333.—Памфлеты, 334.—Взаимноевліяніе Англіи и Франціи, 335.—Локкъ, 336.—Шефтсбюри и компанія, 338.—Трактатъ Болинброка *Объ изученіи исторіи*, 338.—Попъ, 346.—Состояніе духовенства, 347.—Методизмъ, 348.

V.

Умственное движеніе во Франціи въ первую половину XVIII вѣка.

Паденіе монархическаго начала, 350.—Правственное паденіе дворянства, 352.—Паденіе духовнаго авторитета, 353.—Разсудочное направленіе, 354.—Вольтеръ, 355.—Монтескье. *Персидскія письма*, 362.—*Разсужденіе о причинахъ величія и паденія римлянъ*, 372.—*О духъ законовъ*, 374.—Историко-политическая литература, 386.—Антресольный клубъ, 388.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Открытія новыхъ странъ и путей.

Расширеніе исторической сцены.—Открытія Португальцевъ и Испанцевъ.—
Старый и Новый Свѣтъ.—Открытіе и завоеваніе Америки.

Новую исторію обыкновенно начинаютъ съ открытія Америки: почему же этому событію приписывается такое важное значеніе? Мы видимъ, что въ исторіи сцена дѣятельности человѣчества постепенно расширяется: сцена такъ называемой Древней Исторіи—это преимущественно берега Средиземнаго моря. Въ такъ называемой Средней Исторіи историческая сцена гораздо обширнѣе: въ исторіи принимаютъ участіе народы средней, сѣверной и восточной Европы; въ соотвѣтствіе южному древнему Средиземному морю важное историческое значеніе получаетъ новое, сѣверное Средиземное море Европы, т.-е. Нѣмецко-Балтійское (ибо эти два соединяющіяся другъ съ другомъ моря мы имѣемъ полное право разсматривать какъ одно сѣверное Средиземное море): на его берегахъ являются цвѣтушіе торговлю Ганзейскіе города, на его берегахъ города Нидерландскіе, соперники городовъ Итальянскихъ въ промышленной и торговой дѣятельности. Наконецъ Новая Исторія начинается съ того времени, когда сцена дѣятельности европейскихъ, т.-е. собственно историческихъ, народовъ опять сильно расширяется: Западный, Атлантическій океанъ съ открытіемъ Америки становится средиземнымъ моремъ, большою дорогою между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, и кромѣ того открываются новые пути между отдаленными частями Старо Свѣта.

Разумѣется, не вдругъ европейскій человѣкъ рѣшился переплыть Атлантическій океанъ. Этому рѣшенію предшествовало плаваніе около западныхъ береговъ Африки: честь первыхъ открытій здѣсь принадлежитъ жителямъ Пиренейскаго полуострова, преимущественно Португальцамъ. Близость Пиренейскаго полуострова къ западнымъ берегамъ Африки уже достаточно объясняетъ дѣло; но были и другія причи-

ны, условившія движеніе народовъ Пиренейскаго полуострова для открытія и завоеванія невѣдомыхъ земель. Припомнимъ главное явленіе изъ исторической жизни этихъ народовъ, припомнимъ постоянную борьбу, которую вело христіанское народонаселеніе Пиренейскаго полуострова съ магометанскими завоевателями, Аравитянами. Борьба эта поглощала всѣ остальные интересы жизни; весь народъ запечатлѣлся рыцарскимъ характеромъ; Испанцы и Португальцы жили въ постоянномъ крестовомъ походѣ, религіозный интересъ въ борьбѣ съ невѣрными стоялъ на первомъ планѣ. Къ описываемому времени жители Пиренейскаго полуострова составили изъ себя массу военного населенія: то былъ народъ рыцарей, дворянъ, борцовъ за христіанство противъ невѣрныхъ. Въ этомъ крестовомъ походѣ, увѣнчавшемся къ концу XV вѣка блестящимъ успѣхомъ, развились силы, требовавшія выхода. Португальцы и Испанцы бросились на открытія, но дѣятельность ихъ въ новооткрытыхъ странахъ была продолженіемъ тѣхъ же крестовыхъ походовъ противъ невѣрныхъ. Португальскій принцъ *Генрихъ Мореплаватель* считается начальникомъ этого движенія; но Генрихъ руководился не промышленнымъ духомъ, а желаніемъ распространить христіанство; подъ его руководствомъ сдѣланы были открытія острововъ *Канарскихъ* и *Азорскихъ*. За этимъ послѣдовало открытіе береговъ *Верхней* и *Нижней Гвинеи*. *Варроломей Диасъ* открылъ мысъ *Бурный*, переименованный въ мысъ *Доброй Надежды* (1486 г.); *Васко-де-Гама*, обогнувъ этотъ мысъ, открылъ въ 1498 г. путь въ Восточную Индію. Здѣсь началась борьба, которая можетъ показаться сказочною, потому что горсть Европейцевъ поражала многочисленныя полчища Азіатцевъ и утвердилась наконецъ въ Индіи. Похожденія португальскихъ завоевателей *Франциска д'Альмеида* и *Альбукерка* поражаютъ необычайностью подвиговъ: но здѣсь, также какъ и вездѣ, европейское качество побѣждаетъ азіатское количество. Какъ обыкновенно бываетъ, сильное движеніе, которому предается извѣстный народъ, великіе подвиги, которые онъ совершаетъ, возбуждаютъ къ дѣятельности художественные таланты: подвиги передаются потомству въ художественныхъ произведеніяхъ. И Португальцы не молча совершили свои подвиги въ странахъ отдаленныхъ: эти подвиги были прославлены *Камоэнсомъ* въ его поэмѣ—*Лузіада*.

Еще до открытія пути въ Восточную Индію, въ 1492 г. была открыта Америка. Здѣсь мы должны остановиться на отношеніи Европы къ Америкѣ и рѣшить вопросъ, почему Европа открыла и завоевала Америку, а не обратно?

Европа составляет часть такъ называемаго Старого Свѣта. Что же такое Старый Свѣтъ? какому Новому Свѣту противопоставляется онъ? Въ чемъ различіе между ними? Въ томъ ли только, что Америка стала извѣстна позднѣе? но почему Европа открыла Америку и овладѣла ею, а не Америка овладѣла Европою? Не дасть ли отвѣтъ на этотъ вопросъ взгляды на физическія условія Старого и Нового Свѣта? Законъ развитія вездѣ одинъ и тотъ же: какъ низшимъ животнымъ мы называемъ то, которое лишено многихъ органовъ, которое представляетъ простое, сплошное тѣло, а высшимъ называемъ то, которое одарено самыми разнообразными органами, такъ и тѣ материкѣ, которые представляютъ больше разнообразія въ очертаніяхъ и формахъ, болѣе противоположностей и особенностей, болѣе содѣйствуютъ историческому развитію, чѣмъ материкѣ, представляющіе простую, сплошную массу. Старый свѣтъ именно отличается разнообразіемъ формъ, противоположностями, рѣзкими переходами, — напимѣръ, что можетъ быть рѣзче перехода изъ Монголіи въ Китай, изъ Тибета въ Индію, изъ Германіи въ Италію? — благодаря горнымъ хребтамъ, разрѣзывающимъ Азію и Европу на двѣ части — сѣверную и южную. Въ Америкѣ нѣтъ этихъ рѣзкихъ переходовъ, потому что Анды разрѣзываютъ Америку на двѣ далеко неравныя части — восточную и западную, которыя находятся подъ однѣми широтами, имѣютъ почти одинаковый климатъ, отличающійся только степенью влажности его. Этой простотѣ, единству внутренняго строенія Америки соответствуетъ однообразіе человѣческой породы; Индѣйцы Америки, и сѣверные и южные, имѣютъ одинъ цвѣтъ кожи и бросающееся въ глаза сходство въ чертахъ лица. Далѣе, въ Старомъ Свѣтѣ три материка, расположенные одинъ подлѣ другого, образуютъ одну сплошную массу, особенно Европа съ Азіею, которыя можно принимать за одинъ материкъ. Эта масса представляетъ самую большую часть суши и во внутреннихъ частяхъ своихъ наименѣе доступна вліянію океана, почему Старый Свѣтъ есть по преимуществу материковая часть земного шара. Въ Америкѣ же два материка, Сѣверная и Южная Америка, не сплочены другъ съ другомъ въ одну широкую массу, но тянутся какъ длинный островъ, всюду открыты вліянію океана, и потому представляютъ преимущественно океаническую часть земного шара. Отсюда климатъ Нового Свѣта, сравнительно съ климатомъ Старого, отличается обиліемъ дождя, отсюда множество рѣкъ и озеръ. Въ Америкѣ самыя огромныя рѣки земного шара, самыя огромныя озера. Это обиліе влаги подлѣ лучами тропическаго солнца развиваешь въ Америкѣ самую роскошную и повсемѣстную расти-

тельность, ибо въ Америкѣ нѣтъ обширныхъ пустынь Старога Свѣта. Но развитіе органической жизни здѣсь односторонне: богатство міра животнаго не соотвѣтствуетъ роскоши міра растительнаго, ибо для полнаго развитія животной жизни нуженъ сухой жаръ материковаго климата. Америка обильна низшими животными: насѣкомыя ея великолѣпны, пресмыкающіяся многочисленны и громадны, но высшія животныя здѣсь далеко не такъ развиты какъ тѣ же породы въ Старомъ Свѣтѣ. Америка въ эпоху прибытія туда Испанцевъ не имѣла лошадей, что было одною изъ причинъ неуспѣха Американцевъ въ борьбѣ съ европейскими завоевателями. Наконецъ человѣческая порода въ Америкѣ отличается своею слабостью, вялостью, вслѣдствіе чего завоеватели и должны были покупать Негровъ для работъ. Такимъ образомъ объясняется намъ судьба Старога и Новаго Свѣта, ихъ отношенія другъ къ другу. Въ Новомъ Свѣтѣ преобладаетъ жизнь растительная, въ Старомъ—надъ растительнымъ міромъ беретъ перевѣсъ міръ животный; вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣческая порода разнообразнѣе и крѣпче: вмѣсто одной породы, какую видимъ въ Америкѣ, въ Старомъ Свѣтѣ находимъ четыре, если не больше, различныя породы.

Въ Америкѣ Европейцы нашли большія имперіи съ развитою, повидимому, цивилизаціею. Но мы здѣсь должны употреблять слово «цивилизация» осторожно; надобно различать цивилизацію Европейскую, Китайскую, Американскую. Говорятъ объ Американской цивилизации, толкуютъ, что Мексика и Перу имѣли обширные города, прочныя постройки; но и бобръ—мастеръ строить плотины, и пчела—соты, и муравей занимается удивительнымъ зодчествомъ въ своей кучѣ? При этой вѣтшной цивилизаціи Американской мы не видимъ ничего духовнаго, собственно человѣческаго. Для опредѣленія древнеамериканской цивилизаціи довольно замѣтить, что въ великолѣпномъ Мексико тысячи людей погибали на алтаряхъ божества.

Европа открытіемъ Америки обязана Генуезцу *Христофору Колумбу*. Затруднительность прежнихъ торговыхъ путей въ Восточную Азію вслѣдствіе утвержденія мусульманскаго варварскаго владычества на развалинахъ Византійской имперіи заставляла сильные и развитые наукою умы въ Европѣ думать о новыхъ путяхъ въ богатую Индію. Колумбъ, не подозрѣвая существованія Американскаго материка, пришелъ къ мысли, что если все плыть на западъ по Атлантическому океану, то можно достигнуть береговъ Азіи. Колумбъ предложилъ своимъ соотечественникамъ, Генуезцамъ, снарядить для этого экспедицію, но предложеніе его было отвергнуто; въ Португаліи и Англіи случилось съ нимъ то же самое; но пренія не сложили

жельзной воли геніальнаго челоуѣка, и Колумбъ наконецъ былъ выслушанъ при дворѣ Кастильской королевы Изабеллы. Здѣсь обстоятельства были благопріятны: Гренада, послѣднее владѣніе мусульманъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, пало предъ соединеннымъ оружіемъ Испанцевъ; воодушевленіе Испанцевъ при этомъ дѣлѣ было велико, напряженныя силы требовали выхода, государственнымъ людямъ Испаніи нравились широкіе планы, и предложеніе Генуезца было принято. Въ августѣ 1492 года три Испанскіе корабли, подъ начальствомъ Колумба, поплыли въ невѣдомую даль, по Западному океану. Чѣмъ далѣе экспедиція удалялась отъ береговъ Европы, тѣмъ болѣе страхъ овладѣвалъ плавателями, ропотъ усиливался; смерть уже грозила Колумбу отъ рукъ бунтующихъ матросовъ, когда увидали наконецъ землю: то былъ одинъ изъ Антильскихъ острововъ— *Гуангани*, переименованный въ *Санъ-Сальвадоръ*. Роскошная природа поразила Европейцевъ и вселила надежду на открытіе новыхъ земель, гдѣ они могли пайти драгоцѣнные металлы; сопротивленія нельзя было опасаться, потому что жители новооткрытыхъ земель были совершенныя дѣти предъ Испанцами. Колумбъ, увѣренный, что открылъ путь въ Азію, назвалъ найденные острова *Индіей*; отсюда и названіе коренныхъ жителей Америки *Индійцами*. Еще три путешествія совершилъ Колумбъ въ Америку и даже открылъ самый ея материкъ, который, однако, названъ не его именемъ, а именемъ перваго описавшаго эту новую часть свѣта Флорентійца *Америго Веспуччи*. Судьба Колумба была печальна; когда была получена вѣсть въ Европѣ объ открытіи новыхъ богатыхъ земель, то туда бросилась толпа, состоявшая изъ всякаго сброда, бросилась съ цѣлю быстрого обогащенія не посредствомъ промышленнаго труда (ибо Испанскій народъ не былъ народомъ промышленнымъ), но посредствомъ оружія. Вдали отъ отечества, отъ власти эти люди разнуздались и позволяли себѣ варварскіе поступки съ туземцами. Колумбъ, сдѣлавшій великимъ адмираломъ и вице-королемъ открытыхъ имъ земель, хотѣлъ строгостью сдержать грабителей и, разумѣется, навлекъ на себя сильное неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что на него смотрѣли какъ на пришельца, иностранца, не имѣющаго права повелѣвать Испанцами. Колумбъ былъ оклеветанъ и въ оковахъ привезенъ въ Испанію; здѣсь оковы были сняты, но Колумбъ не получилъ уже прежняго своего значенія.

Печальный конецъ Колумба не имѣлъ вліянія на ходъ начатаго имъ дѣла: Испанцы открыли южную часть Сѣверной Америки, гдѣ была сильная Мексиканская имперія. Здѣсь племя побѣдителей *Ац-*

тиковъ властвовало надъ покоренными племенами: рознь и враждебность между частями народонаселенія благопріятствовала Испанцамъ, и къ завоеванію Мексики въ 1519 году приступилъ *Фердинандъ Кортесъ*. Человѣкъ образованный, искусный полководецъ и администраторъ, Кортесъ выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ искателей приключеній. Съ 700 человѣкъ онъ покорилъ Мексико, овладѣлъ императоромъ *Монтесумою* и началъ распоряжаться въ имперіи. Ацтеки, однако, возстали и своею многочисленностью грозили задавить Испанцевъ; Кортесъ долженъ былъ выйти изъ Мексико, и только поднявши покоренное племя противъ господствующаго, въ теченіе двухъ лѣтъ завладѣлъ снова всею имперіею. Здѣсь Кортесъ уничтожилъ человѣческія жертвоприношенія; по только что приступилъ къ устройству завоеваннаго края, какъ былъ отозванъ въ Испанію, потому что его заподозрили тамъ въ стремленіи къ самостоятельности. Съ меньшими успѣхами было покорено золотое царство *Инковъ-Перу*; сюда явились Испанцы подъ начальствомъ *Пизарро* и *Альмагро* (1529 г.), людей, далеко уступавшихъ въ способностяхъ Кортесу, притомъ же людей грубыхъ и жадныхъ. Послѣ легкаго завоеванія Перу, здѣсь произошла ссора между завоевателями: Пизарро убилъ Альмагро, но потомъ самъ былъ убитъ сыномъ послѣдняго; наконецъ, Испанскому правительству удалось возстановить порядокъ. Одновременно съ распространеніемъ Испанскихъ владѣній въ Америкѣ, Португальцы открыли Бразилію и утвердились въ ней. Такимъ образомъ, два народа Пиренейскаго полуострова подѣлили между собою Новый Свѣтъ. Здѣсь покоренные туземцы начали быстро исчезать, потому что завоеватели начали ихъ употреблять въ работы на плантаціяхъ и въ рудникахъ. Слабые Американцы не выдерживали работъ и гибли; они привыкли вести праздную жизнь, условливаемую богатствомъ природы, и трудъ имъ былъ неизвѣстенъ. Завоеватели жаждали богатствъ и не обращали на это вниманія; тщетно доминиканскіе миссіонеры возставали противъ подобнаго варварства; наконецъ одинъ изъ нихъ *Ласъ-Казасъ* (ум. въ 1566 году), чтобы спасти туземцевъ отъ истребленія, предложилъ вывозить Негровъ изъ Африки, и такимъ образомъ начался этотъ знаменитый торгъ черными невольниками, который только въ недавнее время уничтоженъ по международному закону и жестоко преслѣдуется.

Слѣдствіемъ открытія Америки и морского пути въ Восточную Индію было то, что Атлантическій океанъ сдѣлался Средиземнымъ моремъ, большою историческою дорогою; дѣятельность европейскихъ

пародовъ увеличилась, найди себѣ обширное поприще; горизонтъ европейскаго челоуѣка расширился, и вопросъ о колоніяхъ сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ Европейской политики. Европейскія государства послѣ того, какъ они сложились въ началѣ Средней Исторіи, вообще не расширялись одно на счетъ другого и войны не имѣли завоевательнаго характера; народы обыкновенно сохраняли каждый свою территорію; но со второй половины XV вѣка завоеванія производятся за океаномъ; туда Европа стала сбывать свои лишнія силы, и тамъ возникъ новый міръ, — Новая Европа, пачавшая оказывать вліяніе и на метрополію.

Завоеванія Европейцевъ въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ, совершавшіяся съ такими ничтожными средствами, не могли бы идти такъ успѣшно безъ одного изобрѣтенія, даващаго преимущество Европейцамъ: мы говоримъ о изобрѣтеніи *пороха*, или, лучше сказать, о его приложеніи. Говорятъ, что въ Европѣ указалъ на порохъ Нѣмецкій монахъ *Бертольдъ-Шварцъ* въ половинѣ XIV вѣка. Приложеніе пороха произвело переворотъ въ военномъ дѣлѣ: закованное въ латы рыцарское ополченіе должно было уступить первенство пѣхотѣ; старинныя зубчатыя стѣны и башни рыцарскихъ замковъ и средневѣковыхъ городовъ оказались несостоятельными противъ пушекъ, и понадобились укрѣпленія иного рода.

II.

Эпоха возрожденія.

Книгопечатаніе.—Итальянскіе города.—Поклопеніе древности.—Макиавелли.—Саванарола.—Папство и народы.

Другое изобрѣтеніе, приготовившее Новую Исторію,—это *книгопечатаніе*. До изобрѣтенія книгопечатанія, вслѣдствіе трудности добывать книги, наука и мысль должны были ограничиваться тѣсными кружками. Частному человѣку невозможно было заводить библіотеку; это было доступно только обществамъ, именно монастырямъ, которые по своему богатству могли доставать рукописи, а члены ихъ, по своему приготовленію и досугу, могли заниматься ими. Какъ были дороги книги, доказательствомъ служить то, что въ библіотекахъ рукописи приковывались цѣпями къ стѣнамъ, для того, чтобы ихъ невозможно было похитить. Книгопечатаніе произвело громадный переворотъ; оно, такъ сказать, демократизировало науку, давши ей возможность распространяться свободно по цѣлой массѣ; новыя силы были приобрѣтены для науки. Говоря объ открытіи новыхъ земель и путей, мы видѣли, какъ вслѣдствіе этого событія расширился горизонтъ европейскаго человѣка, но чтобы пользоваться открытіями, жить этою новою, усиленною жизнью, нужно знать все, что дѣлается въ расширенной сферѣ. Древніе мудрецы, чтобы научиться, приобрѣсть мудрость, считали необходимымъ путешествіе. Путешествіе считается и теперь важнымъ средствомъ для наученія; но нельзя же цѣлый вѣкъ путешествовать. Благодаря книгопечатанію, мы, оставаясь на одномъ мѣстѣ и читая обо всемъ, что дѣлалось и дѣлается на свѣтѣ, живемъ общеою жизнью съ цѣлымъ чело-вѣчествомъ; положеніе новаго человѣка, можно сказать, божественное, въ сравненіи съ положеніемъ человѣка древняго: новый чело-вѣкъ, сравнительно съ древнимъ, вездѣсущъ и всевѣдущъ, во сколько эти слова могутъ быть употребляемы, говоря объ ограниченномъ

существовъ. До книгопечатанія и люди, стоявшіе на верху общества, не знали хорошо обстоятельствъ дѣла, случившагося вдали отъ нихъ; а люди изъ массы народной узнавали о чемъ-нибудь, только развѣ встрѣтившись съ путешественникомъ, и то узнавали о дѣлѣ давно прошедшемъ.

Книгопечатаніе, изобрѣтенное нѣмцемъ изъ Майнца, *Іоанномъ Гуттенбергомъ* въ 1440 году, явилось въ то самое время, когда умы пробудились и просвѣщеніе стало сильно распространяться: то была знаменитая *эпоха возрожденія наукъ*. Въ этомъ возрожденіи главную роль играетъ Италія. Италія въ средніе вѣка не могла достигнуть политическаго единства; она представляла страну самостоятельныхъ городовъ; свободное сельское населеніе исчезло и земледѣліе упало въ эпоху паденія Римской имперіи, когда богачи, скупивъ мелкіе земельные участки у бѣдныхъ, превратили свои огромныя владѣнія въ пастбища, гдѣ пастухъ былъ рабъ, привезенный изъ чужой страны. Въ такомъ положеніи застали Италію варвары, смѣнявшіе другъ друга: въ это печальное время варварскихъ нашествій въ однихъ городахъ можно было найти нѣкоторую безопасность. Варвары могли бы дать политическое единство Италіи, если бы въ ней образовался политическій центръ, къ которому тянули всѣ остальные ея части. Но варварамъ мѣшало постоянно папство. Папы, усилившись въ городѣ Римѣ и около него, стремились къ тому, чтобы обезсилить варваровъ, противопоставляя однихъ другимъ: такъ, они успѣли посредствомъ Франковъ разрушить королевство Ломбардское. Непосредственное наслѣдіе древней цивилизаціи, полуостровное положеніе Италіи на Средиземномъ морѣ, близость торговыхъ путей въ богатыя страны востока, стеченіе путешественниковъ къ Риму, столицѣ западнаго христіанскаго міра, крестовые походы повели къ процвѣтанію отдѣльныхъ, самостоятельныхъ городовыхъ общинъ или республикъ. Во сколько торговое и мореплавательное движеніе способствовуютъ быстрѣйшему развитію народовъ, во столько Итальянцы опередили другіе европейскіе народы. Въ то время когда въ остальной Европѣ сила и богатство основывались на недвижимой собственности, на землевладѣніи, въ городахъ Италіи появилась новая сила, начавшая играть важную роль въ исторіи человечества: то были деньги, богатство движимое. Купцы, банкиры становятся здѣсь денежными государами, къ которымъ обращаются другіе государи, владѣльцы земель. Къ концу среднихъ вѣковъ Италія представляла удивительное зрѣлище: страна раздроблена, владѣльцы, города ведутъ ожесточенную борьбу другъ съ другомъ; но тя-

жестъ этой борьбы падаетъ преимущественно на сельское народонаселеніе, а города процвѣтаютъ все болѣе и болѣе. Ожесточенная борьба происходитъ и въ самыхъ городахъ, гдѣ одна политическая партія враждуетъ съ другой; когда одна торжествуетъ, то изгоняетъ партію противную; побѣжденные уходятъ изъ родного города, уносятъ съ собою деньги и способствуютъ богатству и процвѣтанію того города, гдѣ селятся. Все ведетъ къ господству денегъ, движимаго богатства надъ недвижимымъ. При такомъ господствѣ движимаго богатства въ Италіи банкиры становятся владѣтелями цѣлыхъ областей; до сихъ поръ главную силу составляло оружіе; только вожди завоевателей основывали государства, становились родоначальниками династій; но въ Италіи богатые купцы, банкиры Медичи становятся государями Флоренціи, входятъ въ родственныя связи съ древнѣйшими династіями, сажаютъ изъ среды себя палъ на Римскій престолъ.

Накопленіе богатствъ, роскошь, отсюда проистекшая, вмѣстѣ съ роскошью природы и остатками чудесъ древней цивилизаціи, расширение умственного горизонта вслѣдствіе торговаго движенія, торговая дѣятельность, стеченіе иностранцевъ къ Риму, значеніе этого Рима для всей Западной Европы и проистекающая отсюда обширная дѣятельность Римскаго правительства—все это вмѣстѣ сдѣлало Итальянцевъ наиболѣе развитымъ, передовымъ народомъ въ Европѣ. Почва была приготовлена, и посѣвъ не замедлилъ. Послѣ паденія Византіи ученые Греки переселились въ ближайшую Италію, гдѣ нашли пріютъ, покровительство и помощь у владѣльцевъ и богачей, которые были настолько развиты умственно, что могли понимать силу и прелесть знанія. Послѣдовало сильное умственное движеніе, направленное къ изученію древнихъ авторовъ. Начали составляться Греческія и Латинскія грамматики и лексиконы, стали переводить древнихъ авторовъ. Вскрылись произведенія мудрецовъ Греціи съ различіемъ направленій, школъ, и это различіе повело къ партіямъ между учеными Итальянцами: одни стали за Платона, другіе за Аристотеля. Близкое знакомство съ изящными произведеніями древняго слова сдѣлало смѣшною средневѣковую, варварскую монашескую лагынъ, и ученые Итальянцы, а за ними и ученые другихъ народовъ начали стараться говорить и писать изящною латынью Цицерона. Тутъ — то изобрѣтеніе Гуттенберга пришлось какъ нельзя кстати, и явились изящныя изданія древнихъ Венеціанскаго типографшика Альда Мануціи.

Но, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ Итальянцы не могли устоять предъ вскрывшимся древнимъ міромъ, предъ богат-

ствомъ и силою его мыслей, предъ изыщствомъ его формъ, поддались ему, увлеклись и впади въ крайность. Начали считать хорошимъ, достойнымъ подражанія только новооткрытое древнее: свое средневѣковое начали считать дурнымъ, отъ котораго слѣдуетъ отдѣлаться. Но древній міръ имѣлъ свою религію, столь противоположную религіи новаго міра. Если въ древнемъ мірѣ было все такъ прекрасно, то прекрасна была и его религія: зачѣмъ же она была замѣнена новою? Нашлись такіе слабые люди, которые увлеклись до того, что отвергли Христа и начали поклоняться божествамъ древности; у другихъ дѣло не дошло до такой смѣшной крайности, но христіанскія вѣрованія были сильно поколеблены подчиненіемъ древнему нехристіанскому міру, подчиненіемъ древней философіи. Этому ослабленію христіанскихъ вѣрованій въ Италіи способствовали еще другія обстоятельства, а именно страшный упадокъ нравственности, преимущественно произведенный недостойнымъ поведеніемъ Римскаго духовенства, равнодушнаго къ религіи при исключительномъ преслѣдованіи мірскихъ цѣлей. Чѣмъ ближе къ Риму, тѣмъ сильнѣе было вредное впечатлѣніе, производимое безнравственностью Римскаго духовенства; тѣмъ сильнѣе было это впечатлѣніе, чѣмъ образованнѣе, развитѣе были Итальянцы сравнительно съ другими народами католическими.

Папство своими мірскими стремленіями превратило религію въ средство добыванія матеріальныхъ силъ. Церковный Государь собиралъ подати со всей Западной Европы и жилъ на чужіе грѣхи, на грѣхи чужихъ народовъ. Богатства высшаго духовенства вели къ роскоши и чувственности; привычка смотрѣть на религію какъ на средство вела къ ослабленію религіозныхъ убѣжденій, и тутъ-то является мода на изученіе древности, древнихъ писателей. Высшее духовенство предается страсти къ этому изученію, предается умственному наслажденію, умственной роскоши, что окончательно подрываетъ христіанскія религіозныя убѣжденія. Итальянскій прелатъ, начитавшійся древнихъ языческихъ писателей, считаетъ своею привилегіею не вѣрить въ христіанскіе догматы, которые предоставляетъ слѣпой необразованной массѣ; а самъ между тѣмъ живетъ на счетъ вѣры этой массы; но что можетъ быть безнравственнѣе того явленія, когда проповѣдникъ самъ не вѣритъ тому, что проповѣдуетъ, и дѣлаетъ такимъ образомъ изъ всего своего существа обманъ, ложь.

Ослабленію нравственности въ Италіи способствовало еще и то обстоятельство, что въ ней происходила постоянная борьба партій, постоянная усобица и смута. При богатствѣ, обиліи денегъ борьба

эта ведется посредствомъ наемниковъ (кондотьеры), которые проливаютъ кровь свою за всякаго, кто дастъ деньги; эта продажа жизни за чужіе интересы не могла содѣйствовать укрѣпленію нравственности въ продавцахъ; не могла содѣйствовать къ тому же и въ покупателяхъ, уничтожая стремленіе жертвовать жизнью за высшіе интересы. За деньги можно все купить, и прежде всего можно купить въ Римѣ царство небесное! Междоусобная борьба есть самая злая борьба, въ которой противники не щадятъ другъ друга; такъ и въ Италіи побѣдители не щадили побѣжденныхъ: отсюда привычка къ насилию, къ крови, привычка ни во что ставить жизнь человѣка. Богатые умственнымъ развитіемъ, но слабые раздѣленіемъ, Итальянцы постоянно подвергались нашествію чуждыхъ народовъ, спорившихъ за обладаніе ихъ прекрасною и богатою страной; въ сознаніи своей слабости, преклоняясь предъ этими завоевателями, Итальянцы ненавидѣли ихъ и презирали какъ варваровъ, считали противъ нихъ всѣ средства позволенными, прибѣгали обыкновенно къ хитрости, коварству, орудіямъ слабого въ борьбѣ противъ сильныхъ; но употребленіе такихъ орудій дѣйствуетъ разрушительно на нравственность.

При такихъ-то условіяхъ Итальянской жизни произошло возрожденіе наукъ посредствомъ знакомства съ древнимъ міромъ. Лучшіе люди эпохи возрожденія были крайне недовольны этими условіями, и недовольство настоящимъ, вытекшимъ изъ условій средневѣковой жизни, заставляло еще болѣе обращаться къ древнему міру и вздыхать по немъ, въ немъ искать условій счастья для государствъ и народовъ.

Изложенное состояніе Италіи въ эпоху возрожденія всего лучше отражается въ сочиненіяхъ знаменитаго Флорентинца Макиавелли (ум. 1527 г.). Сочиненія эти: 1) *Разсужденія о Титѣ Ливіи*; 2) *Исторія Флоренціи*; 3) *Государь*. Въ первомъ сочиненіи высказано самымъ блестящимъ образомъ убѣжденіе тогдашнихъ Итальянскихъ ученыхъ, рабствовавшихъ древнему міру: устройство Римской республики является наилучшимъ. Макиавелли упрекаетъ папство въ томъ, что оно развратомъ подкопало христіанство, отняло у него политическое значеніе, и христіанство поэтому не имѣетъ такого благодѣтельнаго вліянія на гражданскую дѣятельность, какъ язычество. Такимъ образомъ и въ религіозномъ отношеніи, хотя съ оговоркой, Макиавелли отдаетъ преимущество древнему міру. Въ «*Государь*» Макиавелли начертываетъ правила, какимъ долженъ слѣдовать чело-вѣкъ, желающій достигнуть верховной власти. Здѣсь высказались господствовавшіе тогда въ Италіи взгляды, что всѣ средства позво-

лены для достиженія извѣстной цѣли, что политика не имѣетъ ничего общаго съ нравственностью.

Но въ то время, когда Италіянскіе ученые во имя началъ древняго міра протестовали противъ печальнаго состоянія своего отечества, позабывая, что эти начала не спасли древняго міра, позабывая, что міръ былъ возрожденъ не Аристотелемъ и Платономъ, не Цицерономъ и Гораціемъ,—въ то время была сдѣлана попытка возстановить нравственныя силы итальянскаго народа во имя религіи новаго міра. Вдохновенный проповѣдникъ Саванарола, какъ древній пророкъ, обратился къ Флорентійскому народу съ проповѣдью покаянія и исправленія. Проповѣдь произвела могущественное дѣйствіе на народъ, и Саванарола явился во главѣ общины, готовый начать новую, возрожденную жизнь. Но все, что было сильно, что имѣло въ рукахъ власть и богатство, возстало противъ Саванаролы: возстало духовенство, пороки котораго онъ обличалъ, возсталъ папа Александръ VI (изъ фамиліи Борджіа), чудовище разврата. Папа объявилъ Саванаролу еретикомъ, вслѣдствіе чего отъ него отступили и Саванарола погибъ какъ еретикъ.

Попытка произвести нравственное возрожденіе Италіянскаго народа религіозными средствами не удалась; Римское духовенство осталось глухо къ призыву очищенія, которое одно могло поддержать его значеніе и власть; Римское духовенство убило пророка, и продолжало вести языческую жизнь, окруженное прелестями искусства и языческаго знанія, не подозревая, что это самое знаніе подниметъ противъ него страшную бурю съ сѣвера.

Возрожденіе науки не могло ограничиться Италіею. Вся Европа жила общею жизнію; что дѣлалось у одного народа, то не могло оставаться надолго чуждымъ другому; притомъ же Италія, гдѣ началось возрожденіе, была мѣстомъ свиданія для всѣхъ западно-европейскихъ народовъ, и новая жизнь легко разнеслась повсюду. Съ самаго начала Италія находилась въ тѣсной связи съ Германіею; король Германіи былъ вмѣстѣ и императоръ Римскій, и, начиная съ Оттоновъ, Нѣмцы подвергались умственному вліянію Италійцевъ. Нѣмцы сталкивались въ Италіи съ Французами, которые также не спускали глазъ съ красавицы-страны; и являлись по призыву папъ, когда послѣднимъ становилось нужно французскимъ вліяніемъ уравнивать нѣмецкое. Испанцы также явились на-перебой и овладѣли южною частью Италіи. И другіе народы были хорошо знакомы съ Италіею, благодаря тому, что здѣсь была столица католицизма; одни изъ религіознаго усердія, другіе по необходимости должны были по-

сбѣщать се. Новая научная жизнь, развивавшаяся въ Италіи, скоро проникла въ Германію. И здѣсь лучшіе умы съ жадностію бросились на изученіе древности. Университеты начали размножаться, появились ученые общества, члены которыхъ находились въ постоянномъ общеніи съ Италіею. При этомъ возбужденіи умовъ сейчасъ же было обращено вниманіе на отношенія религіозныя, церковныя. Это произошло, во-первыхъ, потому, что въ Германіи вовсе не было того равнодушія въ дѣлахъ вѣры, какое мы видимъ въ Италіи; во-вторыхъ, въ Германіи давно уже были недовольны поведеніемъ Римскаго духовенства; это неудовольствіе было тѣмъ сильнѣе, что здѣсь оскорблялось національное чувство. Нѣмцы видѣли вопіющія злоупотребленія власти и власти чуждой, пребывающей въ чужой странѣ, среди чужого народа; вопросъ о церковныхъ преобразованіяхъ былъ давно поднятъ въ Германіи, слѣдствіемъ чего были соборы Констанцскій, Базельскій; почва была приготовлена; вопросъ объ отношеніяхъ папской власти къ національной церкви стоялъ на очереди, и понятно, что умы, возбужденные наукою, прежде всего обратились къ нему. Въ началѣ исторіи западно-европейскихъ христіанскихъ народовъ католицизмъ имѣлъ то значеніе, что охранялъ единство западной Европы виѣшнимъ, видимымъ единствомъ церкви. Папа, въ этомъ отношеніи былъ хорошій опекунъ народовъ западной Европы во время ихъ младенчества. Но народы стали вырастать, опекунъ становился все болѣе и болѣе ненужнымъ, основанія общей жизни, общей дѣятельности европейскихъ народовъ были упрочены; народы стали стремиться къ развитію своихъ національностей, а тутъ помѣха: старый опекунъ папа латинскою обѣднею, латинскою библіею, которую запрещаетъ переводить на языки народныя, задерживаетъ національное развитіе; сюда присоединяются злоупотребленія, какія позволяла себѣ Римская церковь въ своихъ отношеніяхъ къ народамъ, уже возмужалымъ, тогда какъ нравственный авторитетъ крайне ослабѣлъ и Римское иго стало невыносимо. Лучшіе люди и изъ духовенства сознавали, что нельзя оставаться при такихъ отношеніяхъ церкви къ государствамъ и народамъ, и требовали соборовъ, власть которыхъ должествовала быть выше власти папской. Папа не хотѣлъ уступить ничего изъ прежняго своего значенія и отвергъ мирную реформу; такимъ образомъ правильное и спокойное движеніе было остановлено и тѣмъ самымъ приготовлено было движеніе неправильное, порывистое, судорожное, приготовлена была церковная революція, извѣстная подъ именемъ реформаціи. Любопытно видѣть, какъ на ходъ реформаціи имѣли вліянія народныя отношенія къ

Риму. Намъ извѣстно, что первое, сильное народное возстаніе противъ папства, противъ латинской церкви произошло у Чеховъ во имя Славянской народности (Гусситское движеніе). Потомъ реформація явилась на Германской почвѣ, и западно-европейскій міръ раздѣлился на двѣ группы народовъ: Германскіе народы оторвались отъ Римской церкви, свергая при этомъ чуженародное иго, — иго чуждаго государя, папы; Романскіе народы остались за Римомъ: въ Испанцѣ, Французѣ, Итальянцѣ латинская церковь, латинское богослуженіе не возбуждали отвращенія, ибо государства ихъ основались на Римской почвѣ, языкъ латинскій былъ имъ языкъ родной.

III.

Реформація.

Гуманисты и обскуранты.—Йоганъ Рейхлинъ.—Эразмъ.—Ульрихъ фонъ-Гутътегъ.—Мартинъ Лютеръ.—Споръ объ индульгенціяхъ.—Отлученіе Лютера отъ церкви.—Вормсскій сеймъ.—Карлштадтъ и Мюнцеръ.—Францъ фонъ-Спингенъ.—Крестыянскія возстанія. — Цвингли. - Распространеніе реформы.—Аугсбургскій сеймъ 1530 г и Нюрнбергскій религіозный миръ.—Анабаптисты.—Смалькальдская война.—Аугсбургскій Циторимъ.—Аугсбургскій сеймъ 1555г.—Кальвинъ.

Духовенство въ Средніе Вѣка пріобрѣло важное значеніе не вслѣдствіе одного господства религіознаго чувства, но и вслѣдствіе того, что оно преимущественно владѣло образованностію, заправляло литературнымъ движеніемъ, представляло силу пера въ противоположность силѣ меча. Теперь, при усиленномъ умственномъ движеніи удержало ли католическое духовенство за собою первое мѣсто, овладѣло ли новою силою, наукою, осталось ли значеніе ученаго неразрывно соединеннымъ съ значеніемъ духовнаго лица? Нѣтъ, духовенство пренебрегло новою силою, передало ее мірскимъ людямъ и дорого поплатилось за это. Значеніе ученаго отдѣлилось отъ значенія духовнаго лица, вслѣдствіе чего явились для народа два рода учителей, два рода авторитетовъ, и вступили въ борьбу другъ съ другомъ; при этомъ католическое духовенство проиграло свое дѣло, отдавши въ руки противникамъ могущество знанія, оставляя безъ вниманія потребности времени, стараясь, во что бы то ни стало, удержать старину, удержать право на всѣ свои старыя вопіюція злоупотребленія. Борьба между католическимъ духовенствомъ и свѣтскими учеными, проложившая путь реформаціи, извѣстна подъ именемъ борьбы между *обскурантами* и *гуманистами*. Между германскими учеными эпохи возрожденія знаменитъ былъ *Йоганъ Рейхлинъ* (род. 1455, умеръ 1522 г.), знатокъ латинскаго, греческаго и еврейскаго языковъ, составитель Латинскаго лексикона, имѣвшаго въ 27

лѣтъ 23 изданія, Греческой грамматики, учебника Гражданскаго права, Всемирной Исторіи, занимавшій въ Штутгартѣ важное мѣсто Судьи Швабскаго Союза. Въ 1509 году крещенный жидъ Пфедферкронъ обратился къ императору Максимилиану съ просьбою о насильственномъ обращеніи Евреевъ въ христіанство. Кельнскіе Доминиканцы поддерживали его и требовали у императора распоряженія, чтобы преданы были сожженію еврейскія книги, заключающія хулы на христіанство. Какія это книги? Рѣшеніе вопроса было передано Рейхлину, какъ знатоку еврейскаго языка; тотъ не нашелъ ни одной книги, достойной сожженія, и окончилъ свое донесеніе замѣчаніемъ, что надобно во всѣхъ университетахъ 10-ть лѣтъ учить еврейскому языку, и тогда только получится возможность опровергать Евреевъ и обращать ихъ въ христіанство. За это Доминиканцы выпустили противъ Рейхлина ругательное сочиненіе. Рейхлинъ отвѣчалъ, завязался сильный споръ, который перенесенъ былъ на ученый судъ Парижскаго университета; университетъ осудилъ отвѣтъ Рейхлина Доминиканцамъ, и книга его была сожжена въ Парижѣ и нѣкоторыхъ городахъ Германіи. Рейхлинъ, поддерживаемый императоромъ, курфюрстомъ Саксонскимъ, герцогомъ Баварскимъ, маркграфомъ Баденскимъ, однимъ кардиналомъ, 5-ю епископами, 13 аббатами и 53 имперскими городами, апеллировалъ къ папѣ, а между тѣмъ монахи объявили греческій языкъ матерью всѣхъ ересей, изученіе же еврейскаго языка признакомъ наклонности къ обращенію въ жидовство. Папа выдалъ приказъ остановить споръ. Споръ прекратился; но разжженные имъ страсти не могли успокоиться, движенія, имъ произведеннаго, не могло остановить никакое папское приказаніе; два враждебные лагеря ясно обозначились; люди живые и даровитые, ставшіе въ ряды гуманистовъ, начали преслѣдовать своихъ противниковъ страшнымъ оружіемъ—насмѣшкою. Явилось сочиненіе подъ названіемъ *«Письма темныхъ людей (обскурантовъ)»*, въ которомъ были осмѣяны глупость, наглость, невѣжество и безнравственность монаховъ; авторы писемъ отлично поддѣлались подъ образъ мыслей и подъ средневѣковую варварскую латынь монаховъ. Ударъ былъ тѣмъ сильнѣе, что осмѣянные монахи не поняли сначала въ чемъ дѣло, и сочли письма написанными въ свою пользу. Насмѣшка достигала своей цѣли, приучая общество къ отрицательному направленію, приучая легко относиться къ самому важному дѣлу, ибо съ подрывомъ авторитета монаховъ нечувствительно подрывался авторитетъ церкви; всякому, сколько-нибудь образованному человѣку стало стыдно подчиняться людямъ осмѣяннымъ, опозореннымъ. Для

предупрежденія бѣды, католической церкви надобно было немедленно приступить къ преобразованіямъ, потребовать отъ своихъ слугъ очищенія умственного и нравственного, но она этого не сдѣлала.

Люди, особенно ратовавшіе въ рядахъ гуманистовъ, были: 1) *Эразмъ Роттердамскій* (1467—1536). Претерпѣнный въ молодости непріятности отъ людей, желавшихъ, чтобы Эразмъ сдѣлался монахомъ, содѣйствовали тому, что онъ сталъ однимъ изъ непримиримыхъ враговъ монашества. Эразмъ приобрѣлъ громадную репутацію своими знаніями и талантами; онъ разбѣзжалъ по всей Европѣ, но преимущественно жилъ въ Базелѣ, и жилъ своего рода царемъ; со всѣхъ сторонъ пріѣзжали къ нему посѣтители, присылались подарки, приглашенія, государи вели съ нимъ переписку. Это положеніе Эразма всего лучше показываетъ, какую силу приобрѣло тогда знаніе. Какіе же труды были Эразма Роттердамскаго? Онъ написалъ сочиненіе по духу времени; сочиненіе носило названіе: «*Похвала глупости*» и осмѣивало глупости людей всѣхъ состояній, особенно же духовныхъ и монаховъ; важно было для новаго религіознаго движенія Эразмово изданіе Новаго Свѣта въ греческомъ подлинникѣ съ Латинскимъ переводомъ; кромѣ того, онъ издалъ много древнихъ писателей; большую славу между современниками доставило ему сочиненіе, носившее названіе *Adagia* (пословицы), собраніе разнородныхъ разсужденій по поводу изреченій древнихъ писателей.

2) *Ульрихъ фонъ-Гуттенъ* (1488—1523), застрѣльщикъ революціи, человѣкъ, для котораго борьба была наслажденіемъ, не средствомъ для достиженія цѣли, но сама цѣлю. Чуть гдѣ движеніе, волненіе—Гуттенъ тутъ, и волненіе усиливается; появится сатира, Гуттенъ напишетъ другую, еще язвительнѣе. Гуттенъ происходилъ изъ обѣднѣвшей рыцарской фамиліи; онъ не сталъ, подобно многимъ своимъ собратіямъ, бесплодно сѣтовать на новые порядки, враждебные рыцарству, усиленіе власти князей и городовъ; Гуттенъ сознавалъ, что время рыцарства прошло безвозвратно, сознавалъ, что человѣку съ его талантомъ надобно учиться и добывать себѣ значеніе не мечомъ, а перомъ. Онъ разсорился съ отцомъ, который назначалъ его къ духовному званію. Безъ средствъ къ жизни онъ долженъ былъ блуждать по свѣту; очутился въ Италіи, гдѣ приобрѣлъ себѣ репутацію легкими сочиненіями на латинскомъ языкѣ; возвратившись въ Германію, написалъ рядъ рѣчей, направленныхъ противъ герцога Ульриха Виртембергскаго, отличавшагося своимъ деспотизмомъ, и принялъ дѣятельное участіе въ сочиненіи «*Писемъ темныхъ людей*».

Свѣтскіе люди, бѣжавшіе отъ монастыря, уготовали путь реформации и реформаторъ явился—изъ монастыря.

Мартинъ Лютеръ родился въ Саксоніи, въ Эйслебенѣ, въ 1483 году; отецъ его былъ рудокопъ, человѣкъ бѣдный, и нужда, всякого рода лишенія встрѣтили Лютера при появленіи на свѣтъ; къ этому присоединялся еще суровый нравъ отца и матери, которые жестоко наказывали его за всякую малость; въ школѣ тѣ же розги. Съ Лютеромъ случилось не то, что съ Эразмомъ и Гуттеномъ: отецъ назначалъ его въ юристы, а онъ самъ, по внутреннему, какъ казалось, влеченію, для спасенія души, пошелъ въ монахи (Августинскаго ордена). Въ монастырѣ Лютеръ не могъ помириться съ тою жизнью, какую обыкновенно вели тогда монахи, потому что у него было много духовныхъ интересовъ; но онъ не могъ вести и той жизни, какую вели древніе, настоящіе монахи: онъ не былъ достаточно духовенъ для этого, плоть и кровь требовали своихъ правъ. Сначала произошла тяжелая борьба вслѣдствіе ясно сознаваемыхъ обязанностей и недостаточности средствъ для ихъ выполненія; борьба кончилась убѣжденіемъ, что человѣкъ спасается не добрыми своими дѣлами, но вѣрою въ милосердіе Божіе и заслуги Христовы. Въ 1508 году Лютеръ былъ назначенъ профессоромъ богословія въ Виттенбергскій университетъ, недавно основанный Саксонскимъ курфюрстомъ, Фридрихомъ Мудрымъ. Съ началомъ Лютерова курса число студентовъ въ Виттенбергѣ стало сильно возрастать: въ первые годы оно увеличилось отъ 200 до 800, а потомъ простиралось до нѣсколькихъ тысячъ, потому что богословіе было тогда главнымъ предметомъ.

Здѣсь-то въ Виттенбергѣ, чрезъ десять лѣтъ профессорской дѣятельности, доставившей Лютеру большую извѣстность, началъ онъ борьбу свою съ Римомъ. Борьба началась по поводу продажи индульгенцій, или письменныхъ папскихъ отпущеній грѣховъ, къ которой прибѣгнулъ папа Левъ X, знаменитый покровитель искусствъ, нуждавшійся въ деньгахъ для постройки церкви св. Петра въ Римѣ. Продажа индульгенцій была со стороны Римскаго двора поступкомъ въ высшей степени неблагоразумнымъ: въ то время, когда вслѣдствіе указанныхъ движеній все вопіяло противъ папскихъ злоупотребленій, когда привыкли смѣяться надъ поведеніемъ духовенства, когда народы стали сильно тяготиться игомъ, наложеннымъ на нихъ Римскою церковью, тяготиться податями, собираемыми съ нихъ папою, этимъ, уже чуждымъ, итальянскимъ государемъ въ ихъ глазахъ, — въ это время, когда малая искра могла произвести пожаръ, вдругъ новый поборъ со стороны Рима, поборъ самый неприличнѣйшій въ глазахъ

образованныхъ людей и производившійся самымъ неприличнымъ образомъ. Монахи дѣйствовали по правилу казначея при папѣ Иннокентіи VIII, говорившаго: «Богъ не хочетъ смерти грѣшника, но да платить деньги и живъ будетъ!» Монахи продавали индульгенціи какъ товаръ, по таксъ: каждый грѣхъ оцѣненъ былъ извѣстною суммою денегъ; монахи цинически зазывали толпу въ свои лавочки, кричали: «заплатите деньги, и вы безгрѣшны!» или «деньги скачутъ въ мѣшокъ, а душа въ рай». Въ 1517 году въ окрестностяхъ Виттенберга открылъ лавочку съ индульгенціями доминиканскій монахъ Тетцель. Лютеру больше, чѣмъ кому-либо, были противны индульгенціи, потому что онѣ противорѣчили основному его положенію. Римскіе богословы объясняли индульгенціи такъ: святые своими заслугами скопили сокровище, котораго достаточно не только для ихъ спасенія, но и для спасенія многихъ другихъ, и этотъ излишекъ оставили въ послѣдіе церкви; папа, какъ глава ея, имѣетъ право распоряжаться имъ, удѣлять его грѣшникамъ, у которыхъ недостаетъ собственныхъ заслугъ для спасенія. Но Лютеръ, какъ мы видѣли, утверждалъ, что человѣкъ не можетъ спастись своими добрыми дѣлами, не только что излишкомъ ихъ очищать грѣхи другихъ. Лютеръ въ своихъ проповѣдяхъ сталъ вооружаться противъ продажи индульгенцій. Тетцель, узнавши объ этомъ, началъ браниться, называть Лютера архіеретикомъ. Лютеръ вызвалъ его, по тогдашнему обыкновенію, на ученый поединокъ: осенью 1517 года на дверяхъ замковой церкви въ Виттенбергѣ явилось 95 положеній (тезисовъ) противъ индульгенцій, при чемъ Лютеръ объявлялъ готовность свою защищать эти положенія противъ cadaго. Искра была брошена въ порохъ: вслѣдствіе приготовленности общества къ борьбѣ противъ Рима, вслѣдствіе напряженнаго состоянія умовъ, требовавшихъ выхода изъ тяжкаго, нерѣшительнаго положенія между старымъ и новымъ, споръ между двумя монахами сталъ дѣломъ общегерманскимъ, общеевропейскимъ. Одни стали за Римъ, другіе за Лютера, и легко было предвидѣть, что побѣда останется за послѣдними, ибо на ихъ сторонѣ были талапты, образованность и горячее убѣжденіе. Лютеръ, который въ это время, по собственному признанію, готовъ былъ предать смерти всякаго, кто бы явился ослушникомъ папы, Лютеръ невольно вступилъ на путь реформы, возражая своимъ противникамъ, что въ ихъ защитѣ индульгенцій нѣтъ ничего изъ св. писанія, ничего изъ соборныхъ рѣшеній; такимъ образомъ уже была высказана мысль, что позднѣйшія постановленія Римской церкви, папѣ не имѣютъ значенія.

Въ Римѣ поняли, что нельзя смотрѣть равнодушно на споры нѣмецкихъ монаховъ, и Лютеръ получилъ приказаніе явиться къ суду въ Римъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Но уже прошло то время, когда папскія приказанія исполнялись немедленно и безпрекословно. императоръ пишетъ папѣ, что если соблазнительная продажа индульгенцій не будетъ прекращена, то многіе князья и города встанутъ за Лютера; Саксонскій курфюрстъ пишетъ, что дѣло Лютера надобно изслѣдовать въ Германіи чрезъ нѣмецкихъ епископовъ: противъ единства Римской церкви становится національная, германская церковь! И папа уступаетъ—сознаніе своей слабости и силы новыхъ началъ! Кардиналу Кастану, отправлявшемуся въ Германію на Аугсбургскій сеймъ, было поручено вести Лютерово дѣло какъ можно тише, поговорить ласково съ монахомъ и убѣдить его оставить борьбу. Свиданіе произошло въ Аугсбургѣ (1518 г.). Кардиналъ сначала уговаривалъ Лютера, чтобъ отрекся отъ своихъ мнѣній, потомъ грозилъ, наконецъ, сталъ кричать на монаха, повелительно требуя отреченія. Лютеръ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые не любятъ, чтобъ на нихъ дѣлали окрики: «Видя, что кардиналъ горячится и кричить, и я сталъ кричать» рассказывалъ самъ Лютеръ. «Я едва могъ смотрѣть этому человѣку въ глаза: такой свѣтился изъ нѣхъ дьявольскій огонь», говорилъ Кастанъ. Дѣло не могло кончиться мирно, когда простой монахъ позволилъ себѣ кричать противъ кардинала. Друзья Лютера поспѣшили выпроводить его тайкомъ изъ Аугсбурга.

Попробовали другое средство: лѣтомъ 1519 года, въ Лейпцигѣ, при огромномъ стеченіи народа, три недѣли спорилъ Лютеръ и двое пріятелей его, Карлштадтъ и Меланхтонъ, противъ Ингольштадтскаго профессора Эка. Послѣдній спросилъ Лютера: «Какъ онъ думаетъ: Констанцскій соборъ справедливо или несправедливо осудилъ Гусса и его ученіе?» Лютеръ немного подумалъ и сказалъ: «Я думаю, что соборъ осудилъ положенія Гусса, которыя были совершенно христіанскія и евангелическія.» Въ собраніи обнаружилось сильное волненіе, и Экъ сказалъ: «Въ такомъ случаѣ, почтенный отецъ, да будете мнѣ какъ язычникъ и мытарь». Въ 1520 году Экъ выхлопоталъ въ Римѣ буллу, отлучавшую Лютера отъ церкви и предававшую сочиненія его сожженію, если онъ въ два мѣсяца не отречется отъ своихъ заблужденій. Видя себѣ сильную поддержку, Лютеръ не испугался и рѣшился покончить съ папою; онъ написалъ два сочиненія, призывавшія нѣмцевъ къ сверженію папскаго ига: 1) *Къ христіанскому дворянству нѣмецкаго народа*, 2) *О вавилонскомъ плѣненіи и христіанской свободѣ*. Страстный, увлекающійся, раздражен-

ный борьбою на жизнь и на смерть, Лютеръ шелъ все дальше и дальше: подлѣ законнаго требованія уничтоженія свѣтской власти папы, требованія самостоятельности національныхъ церквей, требованія брака для духовенства, пріобщенія подѣ обоими видами (тѣломъ и кровію Христовыми), Лютеръ высказываетъ сомнѣнія относительно таинства пресуществленія, вооружается противъ седмичнаго числа таинствъ; вооружаясь противъ наростовъ, образовавшихся въ западной латинской церкви, онъ сталъ касаться вѣрованій церкви вселенской,—и по какому праву? Вселенская церковь утверждаетъ свои вѣрованія на вселенскихъ соборахъ, путемъ единственно законнымъ; а реформаторъ общему соглашенію противопоставилъ личное мнѣніе, личный произволъ, что вело, вмѣсто очищенія церкви, къ революціи, къ анархіи; вмѣсто необходимыхъ преобразованій въ западной церкви, вмѣсто возстановленія соединенія съ церковью вселенскою, явилось Лютеранство, за которымъ послѣдуетъ Кальвинизмъ, Соцініанизмъ и другіе разные толки.

Люди, рвавшіеся на свободу изъ папскихъ оковъ, съ восторгомъ привѣтствовали выходки Лютера противъ Рима, Гуттенъ подливалъ масло въ огонь своими сатирами. Въ концѣ 1520 года Лютеръ, сопровождаемый студентами, вышелъ за ворота Виттенберга и сжегъ отлучавшую его отъ церкви папскую буллу вмѣстѣ съ книгою каноническаго права. Примиреніе стало невозможнымъ; Лютеръ уже объявилъ папу антихристомъ. Папа антихристъ; но что же императоръ, защитникъ церкви? До сихъ поръ мы не слышали его голоса.

Когда началось движеніе, возбужденное Лютеромъ, на императорскомъ престолѣ сидѣлъ старикъ Максимиліанъ; сначала онъ радовался движенію, потому что былъ во враждѣ съ папою; а потомъ, когда сблизился съ папою для достиженія своихъ династическихъ цѣлей, то папскія требованія встрѣтили сильный отпоръ на сеймѣ, даже со стороны духовныхъ князей. Въ январѣ 1519 года неожиданно умеръ Максимиліанъ, поднялся важный вопросъ, кто будетъ его преемникомъ, и междуцарствіе благопріятствовало религіозному движенію, тѣмъ болѣе, что курфюрстъ Саксонскій Фридрихъ Мудрый, управлявшій теперь дѣлами имперіи на сѣверѣ и востокѣ Германіи, открыто покровительствовалъ Лютеру. Въ іюнѣ 1519 года междуцарствіе прекратилось избраніемъ на императорскій престолъ Испанскаго короля Карла, внука Максимиліанова. Гуттенъ и Лютеръ съ одной стороны, приверженцы Рима съ другой—съ одинаковымъ восторгомъ привѣтствовали молодого девятнадцатилѣтняго императора, надѣясь черезъ

него исполнить свои желанія; но Карлъ не удовлетворилъ ни той, ни другой стороны, ибо хотѣлъ стоять посрединѣ, не увлекаясь противоположными стремленіями. Въ 1521 году Лютеръ былъ позванъ въ Вормсъ на сеймъ, гдѣ присутствовали новоизбранный императоръ, папскій нунцій, многіе князья, прелаты, депутаты отъ городовъ. Здѣсь на требованіе, чтобы отрекся отъ своихъ мнѣній, Лютеръ отвѣчалъ: «На томъ я стою, иначе не могу думать и говорить, Господи, помоги мнѣ! аминь». Молодой императоръ Карлъ V былъ сынъ своего вѣка, потому признавалъ несостоятельность Римской церкви и слѣдовательно необходимость преобразованій; Карлъ вовсе не относился къ дѣлу какъ фанатикъ, желавшій, во что бы то ни стало, уничтожить попытку къ реформѣ; но онъ хотѣлъ, чтобы реформа была совершена мирнымъ, законнымъ, а не революціоннымъ путемъ, хотѣлъ, чтобы дѣло было рѣшено на соборѣ, гдѣ бы папа сдѣлалъ всѣ необходимыя уступки. Но Карлъ никакъ не могъ сочувствовать выходкамъ Лютера противъ Римской церкви, въ которыхъ слышалась ересь, въ которыхъ слышалось отверженіе авторитета церкви. Лютеръ былъ отпущенъ изъ Вормса, но издано было постановленіе, объявлявшее его и послѣдователей его еретиками, осуждавшее Лютера на заключеніе, книги его на сожженіе.

Старый покровитель Лютера, Фридрихъ, курфюрстъ Саксонскій, и тутъ спасъ его отъ бѣды: онъ велѣлъ схватить его на дорогѣ изъ Вормса и скрыть въ замкѣ Вартбургъ. Здѣсь надосугѣ Лютеръ занялся переводомъ Библии на нѣмецкій языкъ, здѣсь же смущенъ былъ слухомъ, что явились реформаторы, которые повели реформу далеко, очень далеко покатымъ путемъ отрицанія, уничтоженія вслкихъ сдержекъ, религіозныхъ, нравственныхъ и общественныхъ, такъ тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ. Мы видѣли, что Лютеръ уже пошелъ по скользкому пути отрицанія авторитетовъ. Его основныя положенія были: 1) священное писаніе, изучаемое и объясняемое свободно, есть единственный источникъ вѣры; 2) должны быть сохранены только два таинства, крещеніе и причащеніе, соединенное съ покаяніемъ, но не устнымъ предъ священникомъ, хотя послѣднее и не запрещается. Опасный шагъ былъ сдѣланъ. Пользуясь провозглашенною свободою въ объясненіи св. Писанія, всякій могъ объяснять его, какъ ему угодно; авторитетъ церкви отвергнутъ; граница между свободою и своеволіемъ не указана. Если, по слабости человѣческой природы, авторитетъ стремится перейти въ деспотизмъ, то съ другой стороны, свобода, отрѣшившись отъ авторитета, стремится перейти въ своеволіе, въ анархію, стремится къ освобож-

денію человѣка отъ всевозможныхъ авторитетовъ, отъ всевозможныхъ связей.

Лютеръ въ Вартбургѣ переводилъ Библію на нѣмецкій языкъ, а въ Виттенбергѣ уже шла борьба между умѣренными и крайними проповѣдниками реформы. Августинскіе монахи провозгласили, что монашескіе обѣты противны Евангелію. Во главѣ крайнихъ проповѣдниковъ реформы былъ товарищ Лютера Карлштадтъ, человѣкъ съ слабою головою, отличавшійся мрачнымъ мистицизмомъ и дикимъ краснорѣчіемъ. Онъ сталъ проповѣдывать, что надобно измѣнить форму церкви и богослуженіе, ибо все, устроенное папою, безбожно и гнусно, что имѣетъ притти новый Илія, который разрушитъ жертвенники Вааловы. Отъ проповѣдей онъ перешелъ къ дѣлу: сопровождаемый толпою увлеченныхъ имъ студентовъ и гражданъ, онъ сталъ выбрасывать изъ церквей изображенія святыхъ, разрушать алтари. Другой товарищ Лютера, Меланхтонъ, знаменитый распространеніемъ школьнаго образованія и потому названный *„общимъ учителемъ Германіи“*, не имѣлъ довольно нравственной силы, чтобы самому удержаться на покатомъ пути и другихъ удерживать. Еще дальше Карлштадта пошелъ Тома Мюнцеръ съ товарищами, которые начали вооружаться противъ крещенія младенцевъ, требовать перекрещиванія взрослыхъ (отъ чего и названы Перекрещенцами, или Анабаптистами), коснулись и передѣлки гражданского общества, стали проповѣдывать общеніе имущества, уничтоженіе брака. Въ 1522 году явился снова въ Виттенбергѣ Лютеръ и началъ проповѣдывать: «Слово сотворило небо и землю и всѣ вещи: то же Слово должно дѣйствовать и здѣсь, а не мы бѣдные грѣшники. Я хочу проповѣдывать, хочу говорить, хочу писать; но силою навязывать не хочу никому ничего, ибо вѣра должна быть принимаема безъ всякаго принужденія. Вступать въ бракъ, не поклоняться иконамъ, постригаться въ монахи, разстригаться, ѣсть мясо въ постные дни—все это отдается на волю, и никто не можетъ этого запретить. Можешь все это соблюдать безъ отягощенія своей совѣсти—соблюдай, не можешь—не соблюдай. Есть много людей, которые поклоняются солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ, что же? должны ли мы хлопотать о томъ, чтобы низвергнуть съ неба солнце, луну и звѣзды?» Восемь дней проповѣдовалъ Лютеръ въ этомъ духѣ противъ безпорядковъ, надѣланныхъ его рьяными послѣдователями, и произвелъ то, что горячія головы, Карлштадтъ и Мюнцеръ съ товарищами, должны были оставить Виттенбергъ, распространяя ругательныя сочиненія противъ Лютера, явившагося въ глазахъ ихъ консерваторомъ.

Но Лютеръ, самъ разстригшійся монахъ и жинившійся на разстриженной монахинѣ, не могъ сдержать начатаго имъ движенія. Общество также не могло сдерживать крайностей: безъ вѣры въ силу стараго порядка и не зная, на чемъ должно остановиться новое движеніе, оно находилось въ нерѣшительности, колебаніи и отсюда въ разслабленіи. Никто не рѣшался привести въ исполненіе приговора, состоявшагося въ Вормсѣ противъ Лютера; курфюрстъ Майнцкій, старшій архіерей нѣмецкой церкви, не позволялъ монахамъ проповѣдывать противъ Лютера, изъ боязни, что эта проповѣдь дастъ новую пищу ереси. Книги Лютера и его приверженцевъ, которыя, по вормсскому приговору, должно было истреблять, распространялись въ громадномъ количествѣ; вся литература этого времени принадлежитъ Лютерову ученію. Наконецъ вормскій декретъ былъ уничтоженъ на Нюренбергскомъ сеймѣ. Но скоро эта нерѣшительность общества начала проходить, когда съ реформаціоннымъ движеніемъ соединилось революціонное.

Въ Германіи въ это время особенно недовольны были два класса населенія: рыцари и крестьяне. Рыцари были недовольны тѣмъ, что время ихъ прошло: подлѣ ихъ разрушающихся замковъ поднимались богатые города, жители которыхъ, гордые своимъ движимымъ богатствомъ, презирали обѣднѣвшихъ землевладѣльцевъ; съ другой стороны усилившіеся князья грозили подчинить своей непосредственной власти этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ, которые признавали надъ собою только одну императорскую власть, или собственно ничью, хотѣли удержать такое же независимое положеніе, какое имѣли сильные князья. Представителемъ рыцарства въ Германіи былъ въ это время Францъ фонъ-Сикингенъ; съ нимъ соединился Гуттенъ съ видимою цѣлью поддерживать Лютерову реформу въ Германіи; но у нихъ была еще другая, болѣе обширная программа: возстановленіе старой свободы въ имперіи, съ императоромъ во главѣ и рыцарствомъ подлѣ него, уничтоженіе купеческихъ монополій, чужого (Римскаго) права, уменьшеніе числа монаховъ, запрещеніе вывоза нѣмецкихъ денегъ за границу въ видѣ выручки за индульгенціи и другихъ церковныхъ поборовъ. Сикингенъ началъ дѣло въ 1522 году нападеніемъ на архіепископа курфюрста Трирскаго; но другіе князья поняли опасность, которая грозила имъ отъ рыцарства, и курфюрстъ Пфальцкій вмѣстѣ съ ландграфомъ Гессенскимъ двинулись на выручку Трира, осажденнаго Сикингеномъ. Послѣдній долженъ былъ отступить и спастись въ свой замокъ, который скоро былъ осажденъ непріателемъ. Помощь не приходила ни откуда; укрѣпленія средневѣковаго замка

стали разсыпаться отъ первыхъ выстрѣловъ артиллеріи; самъ Сикингенъ былъ тяжело раненъ и принужденъ сдаться; онъ умеръ, имѣвши несчастье видѣть разрушеніе своего гнѣзда. Выѣстъ съ Францемъ Сикингеномъ пало пѣмецкое рыцарство; князья торжествовали.

Это было въ 1524 году; въ томъ же году встали крестьяне, у которыхъ давнее недовольство своимъ положеніемъ получило теперь новую пищу и освященіе въ религіозномъ движеніи. За крестьянами стояли люди образованные, которые хотѣли воспользоваться ихъ движеніемъ для достиженія своихъ цѣлей: одни хотѣли пересоздать Германскую имперію на новыхъ началахъ, уничтожить мпоговластіе, установить единство императорской власти, ввести равенство предъ закономъ, повсюду одинаковую монету, мѣру и вѣсъ, единую подать, лучшее судебное устройство. Другіе, мечтая о пересозданіи общества, воспламеняли воображеніе простыхъ людей несбыточными вещами. Въ народѣ кружило множество листовъ съ выходками противъ существующаго порядка, съ провозглашеніемъ новаго блаженнаго состоянія, при которомъ не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни вельможъ, ни черни; множество разстригшихся монаховъ, не имѣя занятій, бродили въ народѣ съ подобными же проповѣдями. Въ 1524 году вспыхнуло крестьянское возстаніе въ Шварцвальдѣ. 12.000 крестьянъ подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ явились у Валдегута, гдѣ присоединились къ нимъ горожане. *«Евангелическое братство»*, такъ называли себя возставшіе, разослало повсюду вѣстниковъ и грамоты, съ провозглашеніемъ, что они, крестьяне, не хотятъ болѣе повиноваться господамъ своимъ, хотятъ служить только одному императору, ему одному платить подати, замки и монастыри будутъ разрушены. Мюнцеръ и Валдегутскій священникъ Губмайеръ проповѣдывали оспованіе новаго Іерусалима; оба выдавали себя за боговдохновенныхъ мужей и поджигали крестьянъ къ истребительной войнѣ противъ богатыхъ и сильныхъ. Крестьяне поднялись въ цѣлой Швабіи и, большею частью, подъ предводительствомъ священниковъ, дѣлали всякаго рода неистовства; у нихъ была уже артиллерія. Бунтъ распространялся. Наконецъ князья собрались съ силами и въ разныхъ мѣстахъ нанесли пораженія нестройнымъ толпамъ крестьянъ. Побѣдители потушили бунтъ въ крови побѣжденныхъ, согласно желанія Лютера, который увѣщавалъ не давать пощады возставшимъ крестьянамъ; Мюнцеръ, въ санѣ пророка, вывелъ возбужденныя имъ толпы къ Франкенгаузену, гдѣ былъ разбитъ на голову князьями; онъ попался въ плѣнъ и былъ казненъ послѣ страшныхъ мученій.

Мюнцеръ погибъ; но въ Швейцаріи, именно въ Цюрихѣ, явился

реформаторъ Цвингли, который хотя не дошелъ до крайностей Мюнцера, но шелъ дальше Лютера, отвергая таинство Евхаристіи и уничтожая въ церквахъ изображенія святыхъ, кресты, свѣчи, алтари и органы. Завязался сильный споръ между Лютеромъ и Цвингли за отверженіе послѣднимъ таинства Евхаристіи, ибо Лютеръ хотя отвергалъ пресуществленіе, но признавалъ таинственное присутствіе Христа при священнодѣйствіи; тогда какъ Цвингли слова Христа «Сіе есть тѣло мое» переводилъ: «сіе знаменуетъ тѣло мое». Лютеръ объявилъ, что ученіе Цвингли происходитъ отъ дьявола. Цвингли въ послѣдствіи погибъ въ междоусобной войнѣ между Швейцарскими кантонами; онъ палъ въ сраженіи при Каппелѣ въ 1529 году.

Между тѣмъ реформа распространялась, преимущественно въ сѣверной Германіи; Іоаннъ Фридрихъ курфюрстъ Саксонскій, Албрехтъ маркграфъ Бранденбургскій и Филиппъ ландграфъ Гессенскій и другіе менѣе значительные князья приняли реформу; церковныя имущества конфисковались въ ихъ владѣніяхъ; связь съ Римомъ была порвана; чрезъ уничтоженіе таинства священства духовенство лишилось прежняго своего значенія и подчинилось свѣтской власти; для надзора за нимъ и поставленія явились деканы, суперинтенденты (кое-гдѣ удержавшіе названіе епископовъ) и консисторіи. Другіе Германскіе князья, преимущественно въ южной Германіи, остались вѣрны католицизму. На сеймѣ въ Шпейерѣ (1529 г.) большинство оказалось за ними, и они постановили, что реформа не должна имѣть нигдѣ дальнѣйшаго распространенія. Тогда часть Саксоніи (Куръ-Саксонія, т.-е. находившаяся подъ властью курфюрста), Гессенъ, Люнебургъ, Ангальтъ, маркграфъ Бранденбургскій и 14 имперскихъ городовъ подали *протестъ* противъ постановленія Шпейерскаго сейма; отъ этого *протеста* послѣдователи реформы получили названіе *протестантовъ*. Протестанты хотѣли составить союзъ для защиты своего дѣла противъ католиковъ; но имъ мѣшала рознь между послѣдователями Лютера и Цвингли. Филиппъ, ландграфъ гессенскій, хотѣлъ помирить реформаторовъ, и пригласилъ обоихъ, Лютера и Цвингли, въ Марбургъ на публичную бесѣду, которая кончилась однако ничѣмъ; реформаторы не согласились относительно Евхаристіи. [Вслѣдствіе этого разошлись, ничего не постановивши о союзѣ, два собранія протестантовъ; на третье въ Нюренбергъ не явились депутаты многихъ городовъ, потому что города эти не хотѣли подчиниться мнѣнію Лютера объ Евхаристіи, на принятіи котораго настаивалъ курфюрстъ Саксонскій. Въ 1530 году императоръ созвалъ сеймъ въ Аугсбургѣ для рѣшенія религіознаго вопроса. Про-

тестанты представили свое исповѣданіе вѣры, написанное Меланхтономъ и утвержденное Лютеромъ; католики написали возраженія; назначены были конференціи для соглашеній между обѣими сторонами, но не повели ни къ чему; протестанты оставили сеймъ, не дожидаясь рѣшенія, которое не могло быть для нихъ благоприятно; сеймъ постановилъ, что все должно быть возвращено въ прежнее состояніе, подѣ страхомъ жестокаго наказанія ослушникамъ. Постановленіе это должно было имѣть слѣдствіемъ междоусобную войну; протестантскіе князья заключили въ Смалькаденѣ (1631 г.) оборонительный союзъ на случай нападенія со стороны католиковъ; но этого нападенія не послѣдовало, потому что у католическихъ князей было мало охоты къ междоусобной войнѣ, и, кромѣ того, страшные враги — Турки — грозили имперіи. Императоръ счелъ за нужное заключить перемиріе съ протестантами; оно было заключено въ 1532 году на 12 лѣтъ въ Нюренбергѣ, почему и носитъ названіе *Нюренбергскаго религіознаго мира*; по этому миру ни одна изъ сторонъ, подѣ предлогомъ вѣры, не должна была нападать на другую до собора или до новаго сеймоваго рѣшенія.

Во время этого перемирія протестантизмъ не переставалъ обнаруживать больныя мѣста: кромѣ ссоры между лютеранами и цвингліанами, продолжало высказываться и крайнее направленіе реформы. Анабаптистскій писатель Себастіанъ Франке высказывалъ, что нѣтъ грѣха предъ Богомъ, ибо что считается грѣхомъ предъ людьми, то не грѣхъ передъ Богомъ; что Богъ присутствуетъ въ растеніяхъ, животныхъ и во всемъ существующемъ, что Христу нельзя приписывать какой-нибудь особенной божественности, кромѣ той, которая присуща всѣмъ великимъ людямъ. Послѣ смерти Мюнцера анабаптисты, жестоко преслѣдуемые въ Германіи, пашли убѣжище и послѣдователей въ Нидерландахъ. Прогнанные наконецъ и отсюда, они перешли въ Вестфалію и утвердились въ Мюнстерѣ подѣ предводительствомъ своихъ апостоловъ, булочника Яна Матисона и портного Яна Бокольда изъ Лейдена, которые хвалились, что находятся подѣ непосредственнымъ наитіемъ Св. Духа. Бокольдъ воцарился въ Новомъ Сіонѣ (какъ былъ названъ Мюнстеръ); имѣніе было роздано поровну между всѣми жителями, всѣ книги, какія только нашлись въ городѣ, были сожжены; Бокольдъ, царь Новаго Израиля, взялъ себѣ 14 женъ по примѣру Соломона. Лютеръ, Меланхтонъ и другіе протестантскіе богословы тщетно старались сочиненіями своими обратить своихъ собратій, которые быстро скатились съ верхушки горы къ подошвѣ, тогда какъ богословы спускались съ той же са-

мой горы, только тормозя. Князья употребили свѣтское оружіе противъ анабаптистовъ; въ 1535 году Мюнстеръ былъ взятъ съ страшнымъ кровопролитіемъ съ обѣихъ сторонъ; Бокольда постигла участь Мюнцера; во всѣхъ областяхъ Германіи анабаптистамъ опредѣлена была смертная казнь; одинъ Филиппъ, ландграфъ Гессенскій, не позволялъ казнить людей за то только, что они анабаптисты; но Лютеръ былъ очень недоволенъ такою снисходительностью.

Протестанты воспользовались продолжительнымъ отсутствіемъ императора, его борьбою съ Франціею, чтобы усилить свой Смалькаденскій союзъ, во главѣ котораго стояли Іоаннъ Фридрихъ, курфюрстъ Саксонскій (преемникъ Фридриха Мудраго) и, Филиппъ, ландграфъ Гессенскій. Императоръ постарался противопоставить протестантскому союзу католическій, который составилъ въ 1538 году въ Нюрнбергѣ изъ архіепископовъ Майнцаго и Зальцбургскаго, герцога Баварскаго, герцога Георга Саксонскаго и Гейнриха Брауншвейгскаго: союзъ принялъ названіе священнаго. Въ 1541 году была опять въ Вормсѣ бесѣда между католическими и протестантскими богословами для соглашенія въ спорныхъ пунктахъ, и кончилась ничѣмъ; а между тѣмъ борьба между католическими и протестантскими князьями Германіи разгоралась, при чемъ протестанты не обращали никакого вниманія на императорскія рѣшенія; религіозная борьба имѣла слѣдствіемъ то, что когда Турки изъ Венгріи грозили Вѣнѣ, то имперія могла выставить ничтожное войско, нуждавшееся въ деньгахъ и жизненныхъ припасахъ; для войны съ Французами сеймъ также далъ императору ничтожную помощь людьми и деньгами. Лютеръ усиливалъ ожесточеніе, напечатавши книгу: «Противъ римскаго папства, установленнаго дьяволомъ». Лютеръ умеръ въ началѣ 1546 года, но его смерть не ослабила борьбы между католиками и протестантами. Не задолго до смерти Лютера (въ декабрѣ 1545 года) папа Павелъ III созвалъ соборъ. Императоръ считалъ соборъ единственнымъ средствомъ для умирненія церкви и возстановленія ея единства, при чемъ имѣлъ въ виду необходимыя преобразованія въ церкви, необходимыя уступки протестантскимъ требованіямъ. Императоръ хотѣлъ, чтобъ соборъ былъ въ Германіи, но папа требовалъ, чтобъ онъ былъ въ Италіи; наконецъ выбрали мѣсто на границѣ между Германіею и Италіею — Тридентъ въ Тиролѣ. Но протестанты разстроили планы императора, отказавшись присутствовать на соборѣ. Весною 1546 года императоръ созвалъ сеймъ въ Регенсбургѣ: главы протестантскаго союза, курфюрстъ Саксонскій и ландграфъ Гессенскій, не яви-

лись на сеймъ. Тогда императоръ, свободный отъ вѣнскихъ войнъ, рѣшился оружіемъ покончить дѣло: онъ выставилъ три арміи, папа помогать ему и войскомъ и деньгами противъ еретиковъ, католическіе князья Германіи были на его сторонѣ; на его сторонѣ былъ самый даровитый изъ протестантскихъ князей Морицъ, герцогъ Саксонскій, человѣкъ равнодушный къ религіозному вопросу и руководившійся одними политическими расчетами. Онъ былъ во враждѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, курфюрстомъ Іоанномъ Фридрихомъ, и присоединился къ императору, несмотря на то, что былъ женатъ на дочери другого главы протестантскаго союза Филиппа Гессенскаго; императоръ привлекъ Морица обѣщаніемъ расширить его владѣнія въ Саксоніи на счетъ Іоанна Фридриха. Лѣтомъ 1546 года открылась такъ называемая *Смалькалденская война* (война императора противъ Смалькалденскаго союза). Карлъ V твердилъ, что дѣло идетъ не объ искорененіи протестантскаго ученія, но что онъ вооружился противъ сепаратизма, противъ политическаго союза, который представляетъ государство въ государствѣ и бунтуетъ противъ императорской власти. Протестанты не были приготовлены къ войнѣ, у нихъ не было денегъ, а главное, между ними господствовало несогласіе. Въ апрѣлѣ 1547 года курфюрстъ Іоаннъ Фридрихъ былъ разбитъ на голову и взятъ въ плѣнъ при Мюльбергѣ; онъ былъ осужденъ императоромъ на вѣчное заточеніе, земли его и курфюршеское достоинство переданы были Морицу. Филиппъ Гессенскій, отчаявшись въ возможности сопротивленія, началъ хлопотать о мирѣ черезъ зятя своего Морица, который, вмѣстѣ съ Бранденбургскимъ курфюрстомъ, поручился, что его не липать свободы, если онъ явится лично предъ императоромъ; на этомъ условіи Филиппъ согласился умолять Карла на колѣняхъ о помилованіи, выдать ему всю свою артиллерію, отворить всѣ крѣпости и заплатить большую сумму денегъ. Несмотря однако на поручительство курфюрстовъ, и Филиппъ былъ задержанъ императоромъ.

Сокрушивши Смалькалденскій союзъ, Карлъ считалъ себя въ правѣ самовластно распоряжаться въ Германіи какъ свѣтскими, такъ и духовными дѣлами. Въ маѣ 1548 года появился знаменитый *Аугсбургскій Интеримъ*, которымъ императоръ опредѣлялъ всѣ церковныя отношенія и который долженъ былъ служить закономъ для католиковъ и протестантовъ впредь до соборнаго рѣшенія. Изъ этого постановленія и католики увидали, что торжество императора вовсе не было торжествомъ папы, который напрасно потратилъ свои деньги на Смалькалденскую войну: Интеримъ позволялъ протестантскимъ

духовнымъ удержать своихъ женъ, позволялъ пріобщаться подъ обоими видами, не принуждалъ протестантовъ сейчасъ же отдать назадъ захваченныя ими церковныя имѣнія. И католики и протестанты отвергли Интеримъ; императоръ началъ силою принуждать къ его принятію. Между тѣмъ въ Саксоніи Морицъ уговорилъ Меланхтона составить свой Интеримъ, въ которомъ протестантскій богословъ допустилъ прежнія католическія церемоніи, допустилъ власть папы и епископовъ. Интеримъ Меланхтона произвелъ страшное раздраженіе между протестантами, которые смотрѣли на него какъ на отступничество. Волненіе усиливалось вслѣдствіе того, что императорскія войска вели себя въ Германіи какъ въ странѣ завоеванной; неудовольствія высказывались въ летучихъ листкахъ и памфлетахъ, гдѣ толковалось, что Германія не должна подлежать игу Испанцевъ и поповъ. Этими неудовольствіями въ Германіи воспользовалась Франція, и разослала повсюду своихъ агентовъ для возбужденія возстанія противъ императора, опаснаго своимъ могуществомъ для цѣлой Европы. Осенью 1551 года дѣйствительно состоялся тайный союзъ протестантскихъ князей противъ императора, и душою союза былъ Морицъ Саксонскій, который видѣлъ, что ему нельзя долго держаться противъ всеобщей ненависти, направленной противъ него, какъ противъ опоры императорской власти. Франція обязалась платить субсидіи, за что союзники уступили ей города: Мецъ, Туль, Вердюнъ и Камбре; обѣщали при будущемъ избраніи императора выбрать или французскаго короля, или кандидата ему угоднаго. Императоръ, находившійся въ Инсбрукѣ, былъ застигнутъ врасплохъ; какъ изъ земли выросли три протестантскихъ войска и направились въ Тироль, тогда какъ съ другой стороны французское войско вступало въ предѣлы Германіи. Карлъ долженъ былъ бѣжать изъ Инсбрука, слышавъ о приближеніи Морица къ этому городу, и поручилъ брату своему Фердинанду вступить въ переговоры о мирѣ съ протестантами. Въ августъ 1552 года заключенъ былъ договоръ въ Пассау: Интеримъ отмѣненъ, протестанты получили неограниченную религіозную свободу и не имѣли обязанности соображаться съ постановленіями Тридентскаго собора. Эти условія были подтверждены на Аугсбургскомъ сеймѣ 1555 года, гдѣ постановлено также, что господствующимъ исповѣданіемъ въ извѣстной странѣ считается то, къ которому принадлежитъ владѣтель этой страны (чья страна, того и религія, *cujus regio, ejus religio*), что содѣйствовало успленію власти князей; протестанты были сравнены въ политическихъ правахъ съ католиками, но только одни лютеране, или послѣдователи Аугсбургскаго сейма

1530 года; послѣдователи Цвингли и другого Швейцарскаго реформатора Кальвина были исключены изъ этихъ правъ.

Какъ нѣмецкое реформаціонное движеніе примыкаетъ къ Лютеру, швейцарское къ Цвингли, такъ реформаціонное движеніе въ романскихъ или западноевропейскихъ странахъ примыкаетъ къ Кальвину. Кальвинъ былъ родомъ французъ изъ Пикардіи, сынъ достаточнаго отца, который далъ ему хорошее образованіе и готовилъ въ юристы; но господствующее религіозно-реформаціонное движеніе вѣка увлекло даровитаго молодого человѣка и Кальвинъ изъ юриста сталъ богословомъ. Кальвинъ явился во Франціи проповѣдникомъ новаго ученія; но здѣсь правительство съ самаго начала отнеслось враждебно къ этому ученію, и Кальвинъ долженъ былъ оставить родную страну, жилъ то въ Страсбургѣ, то въ Базелѣ, работалъ надъ своею знаменитою книгою—«Уложеніе христіанской религіи», явившеюся на латинскомъ языкѣ въ 1536 году. Въ этой книгѣ Кальвинъ проводилъ мысль о необходимости возстановленія первоначальной церкви, имѣвшей форму общины, доказывая, что римская церковь находится въ полномъ противорѣчій съ древнею настоящею церковью Христоваго; но вооружаясь противъ правительственныхъ формъ римской церкви, Кальвинъ давалъ своей демократической общинѣ церковный характеръ; церковь господствовала неограниченно надъ всѣми отношеніями нравственной и частной жизни, блюла за семейнымъ и общественнымъ нравственнымъ порядкомъ, заведывала воспитаніемъ дѣтей. Книга произвела сильное впечатлѣніе, потому что отличалась ясностію, опредѣленностію мысли и мастерскимъ изложеніемъ; переведенная на французскій языкъ, она имѣла важное вліяніе на образованіе французской прозы.

Но Кальвину не суждено было ограничиться одною литературною дѣятельностію. Въ Бургундіи былъ старый и богатый имперскій городъ, лежавшій на границѣ разныхъ владѣній, на перепутьѣ между различными національностями: то была Женева. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ городахъ, въ Женевѣ господствовала распушенность нравовъ, неудержимая страсть къ наслажденіямъ, а въ политическомъ отношеніи борьба партій. Въ этотъ-то «Содомъ», какъ выражались современники о Женевѣ, явился Кальвинъ съ проповѣдью о церковной реформѣ и вмѣстѣ съ проповѣдью о реформѣ нравственной. Сначала онъ имѣлъ успѣхъ; но когда въ 1538 году онъ не допустилъ къ причастію цѣлый приходъ, не хотѣвшій переимѣнить прежній образъ жизни, то принужденъ былъ оставить городъ съ опасностію жизни. Но Женева не могла долго оставаться въ томъ между-

умочномъ состояніи, въ какомъ покинулъ ее Кальвинъ: отъ старой церкви она отстала, новая не была установлена, и борьба партій все болѣе и болѣе усиливалась. Черезъ три года Кальвина призвали опять и дали ему полномочіе устроить городъ, какъ въ древности Спарта и Аѣины давали подобное полномочіе своимъ ликургамъ и солонамъ. Кальвинъ, ставши диктаторомъ, подъ скромнымъ именемъ «проповѣдника слова Божія», устроилъ Женеву по-своему. Всѣ увеселенія, къ которымъ Женевцы были такъ страстны, азартныя игры, пляски, пѣсни были строго запрещены; соблюденіе воскреснаго дня и посѣщеніе церкви строго предписаны. Въ девять часовъ вечера каждый уже долженъ былъ сидѣть дома. За плотскій грѣхъ топили въ рѣкѣ, за пѣніе непристойныхъ пѣсень выгоняли изъ города; на театрѣ могли представляться пьесы только библейскаго содержанія; за чтеніе романовъ сажали въ тюрьму. Все должно было преклоняться предъ страшнымъ диктаторомъ, гражданскимъ и церковнымъ вмѣстѣ: проповѣдникъ Серве вздумалъ было порозниться въ своемъ ученіи съ Кальвиномъ и былъ за это сожженъ. Изъ желѣзной школы Кальвина вышло много учениковъ, которые разнесли его ученіе по западной Европѣ: и всѣ они болѣе или менѣе были похожи на своего учителя.

IV.

Слѣдствія реформаціи; католическая реакція.

Раздробленіе Германіи.—Триденскій соборъ.—Орденъ Іисуса. — Инквизиція въ Италіи.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ реформаціи для Германіи было то, что религіозная рознь нанесла новый тяжкій ударъ политическому единству страны, и безъ того уже очень слабому. Причинъ этой слабости мы должны искать далеко, при самомъ началѣ появленія Германцевъ на историческую сцену. Прежде всего причиною раздробленія Германіи является существованіе многихъ сильныхъ племенъ, стремящихся къ особности, самостоятельности. Въ другихъ государствахъ, образовавшихся на развалинахъ Римской имперіи, племенные различія были уже болѣе или менѣе сглажены римскимъ владычествомъ; народъ, не нося въ самомъ себѣ этихъ зачатковъ раздробленности, содѣйствовалъ установленію государственнаго единства. Но германское государство образовалось не на римской почвѣ; при его образованіи мы видимъ нѣсколько могущественныхъ племенъ—Швабовъ, Баваровъ, Туринговъ, Франковъ, Саксовъ,—племень, которыя издавна живутъ особою жизнью, соперничаютъ другъ съ другомъ. Насильственно соединенныя оружіемъ Карла Великаго, племена эти, по смерти завоевателя, опять рѣзко выставляютъ свою особность, въ которой центральная власть находитъ сильное препятствіе къ установленію государственнаго единства. Другимъ важнымъ препятствіемъ къ усиленію центральной власти служила избирательность королей (императоровъ) Германскихъ, тогда какъ въ другихъ государствахъ установилась наследственность. Вначалѣ образованія новыхъ европейскихъ государствъ всюду господствовала избирательная форма, ибо государства были основаны дружинами, а въ дружинѣ вождь всегда избирается: чтобы дружина въ своихъ походахъ и предпріятіяхъ имѣла уснѣхъ, вождь долженъ отличаться предъ

всѣми своими личными достоинствами, долженъ выбираться храбрѣйшій изъ храбрыхъ; Тацитъ, описывая бытъ древнихъ Германцевъ, говорить, что у нихъ есть цари—по происхожденію, по благородству, и вожди—по храбрости. По занятіи страны дружина усаживается въ ней; вождь становится самымъ богатымъ землевладѣльцемъ и получаетъ черезъ это новое значеніе, прокладывающее путь къ наслѣдственности, ибо по смерти вождя хотя преемникъ ему избирается воинами, прежними товарищами умершаго, но избирается обыкновенно сынъ или ближайшій родственникъ послѣдняго, какъ богатѣйшій и сильнѣйшій человѣкъ, обладающій большими средствами, при чемъ, разумѣется, имѣютъ значеніе и заслуги отца, дающія благородство дѣтямъ. Такимъ образомъ чрезъ нѣсколько избраній сыновей послѣ отцовъ или вообще членовъ одного рода, наслѣдственность устанавливается, избирательность является только пустою формою и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ. Но если случится, что владѣльческій родъ прекращается часто, то избраніе, повторяясь, получаетъ силу чрезъ такое повтореніе и становится господствующею формою, хотя и тутъ обыкновенно выбирается сынъ послѣ отца. Это именно случилось въ Германіи, гдѣ династіи скоро прекращались: скоро прекращается Саксонская династія и смѣняется Франконскою; скоро прекращается и эта; опять Саксонская на короткое время, потомъ Гогенштауфены и т. д. Ни одна династія, слѣдовательно, не имѣетъ времени усилиться и чрезъ это усиленіе сообщить единство странѣ. Въ то же время важнымъ препятствіемъ къ объединенію Германіи служила борьба императоровъ съ папами,—борьба, возникшая изъ того, что съ достоинствомъ короля Германскаго соединялось достоинство императора Римскаго; послѣднее достоинство давало Германскому королю право на Италію, притягивало его въ эту страну, гдѣ онъ необходимо сталкивался съ папою, который противъ сильнаго и враждебнаго ему императора старался возбудить возстаніе внутри самой Германіи и такимъ образомъ ослаблялъ власть императорскую. Императоры изъ разныхъ династій, стремясь къ усиленію своей власти, и не находя къ тому средствъ внутри страны, ищутъ ихъ внѣ Германіи: такъ, Гогенштауфены хотѣли утвердиться въ Италіи, императоры изъ Люксембургской и Габсбургской династій стараются усилиться на востокъ и западъ, внѣ Германіи. Габсбургамъ, повидимому, удалось достигнуть цѣли. Новый европейско-христіанскій міръ не допускаетъ образованія громаднхъ государствъ посредствомъ завоеваній, какъ допускалъ то міръ древній, языческій, въ которомъ государства, народы жили отдѣльною жизнью, и потому завоевателю

легко было покорять ихъ по одиночкѣ. По разрушеніи колоссальной имперіи Рима, образовавшейся путемъ завоеванія, въ Европѣ явилось одновременно нѣсколько государствъ, одинаково сильныхъ и, главное, живущихъ общею жизнью, связанныхъ единствомъ церкви, римскихъ преданій (императорская власть), участіемъ въ общихъ предпріятіяхъ (крестовые походы), общими учрежденіями (рыцарство); эта общая жизнь новыхъ европейскихъ народовъ, общіе интересы произвели то, что одинъ народъ не можетъ усилиться чрезъ мѣру насчетъ другихъ: увидавъ грозящую опасность, народы соединяются, и союзомъ своимъ сдерживаютъ завоевателя. Такъ мало-по-малу образовалась *система политическаго равновѣсія*, имѣющая такое великое значеніе въ Новой Исторіи. Но если въ Исторіи новыхъ европейскихъ народовъ мы не видимъ, чтобы какое-нибудь государство овладѣло другими насильственно, посредствомъ завоеванія, то есть примѣры соединенія большихъ областей и цѣлыхъ государствъ подъ одну власть, посредствомъ брачныхъ союзовъ и наслѣдствъ,— это путь, повидимому, мирный, но столь же насильственный для народовъ, какъ и завоеваніе, ибо здѣсь отдѣльные народы насильно связываются другъ съ другомъ, отдаются въ приданое, переходятъ по наслѣдству. Такъ, Англійскіе короли приобрѣли себѣ (впрочемъ, не надолго) большія владѣнія во Франціи; но еще поразительнѣе былъ примѣръ Габсбурговъ, которые успѣли посредствомъ брачныхъ союзовъ составить обширнѣйшее владѣніе въ Европѣ: императоръ Максимилианъ вслѣдствіе брака на Маріи Бургундской, дочери Карла Смѣлаго, приобрѣлъ Нидерланды; сынъ его Филиппъ женился на Іоаннѣ Испанской, дочери и наслѣдницѣ Фердинанда Католика и Изабеллы Кастильской; внукъ Максимилиана и сынъ Филипа—Карль V наслѣдовалъ поэтому Австрійскія владѣнія въ Германіи, Нидерланды, Испанію (вмѣстѣ съ нею Неаполь, Сицилію и новооткрытую Америку). Императоръ съ такимъ небывалымъ могуществомъ, казалось, былъ бы въ состояніи подчинить себѣ Нѣмецкихъ князей и тѣмъ способствовать объединенію Германіи; но тутъ является реформація, которая разбиваетъ и безъ того уже раздробленную Германію на двѣ части, протестантскую (сѣверную) и католическую (южную), и тѣмъ выставляетъ новое, неодолимое препятствіе къ ея сліянію: тщетно Карль V искалъ примиренія, думалъ, что соборъ можетъ уничтожить религіозную рознь; тщетно послѣ торжества своего надъ главами Смалькаденскаго союза велѣлъ сочинить Интеримъ, которымъ думалъ угодить и католикамъ и протестантамъ, и не угодилъ никому; враждебная Габсбургамъ Франція воспользовалась религіоз-

ною рознью Германіи, подняла протестантовъ противъ Карла, и могущественнѣйшій изъ императоровъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ изъ Тироля. Разъединеніе Германіи было закрѣплено.

Поведеніе Карла V по окончаніи Смалькаденской войны, составленіе Интерима всего лучше показываютъ, что онъ понималъ необходимость преобразованія Римской церкви, необходимость сдѣлки между католицизмомъ и протестантизмомъ, хотѣлъ уничтоженія злоупотребленій Римской церкви, папства, но не хотѣлъ еретическаго отступленія отъ церкви, къ какому повели Нѣмецкіе и Швейцарскіе реформаторы. Сдѣлки, въ родѣ Интерима, хотѣлъ Карлъ и отъ Тридентскаго собора. Но Соборъ этотъ пошелъ другою дорогою, и кончился въ 1563 году не только безъ сдѣлокъ въ родѣ Интерима, но даже съ отверженіемъ соборной формы церковнаго управленія, о которой хлопотали еще до реформации, съ утвержденіемъ папства, какъ неограниченной церковной монархіи. Тридентскому собору не нужно было прибѣгать къ сдѣлкамъ въ родѣ Интерима: католическая реакція усиливалась.

Мы видѣли, что протестантизмъ, возставая противъ злоупотребленій авторитета, деспотизма папъ, указывая на черныя стороны католицизма, отсюда происходившія, не сумѣлъ удержаться, и впалъ въ противоположную крайность, предоставивъ каждому право свободно изучать и объяснять Св. Писаніе, что повело сейчасъ же къ совершенному высвобожденію изъ-подъ авторитета церкви, къ своеволію и анархіи. Ересь была узаконена. Явились разные толки, реформаторы вступили другъ съ другомъ въ соблазнительную борьбу и шли все дальше и дальше покатою дорогою отрицанія; въ короткое время пройденъ былъ путь отъ тезисовъ Лютера противъ продажи индульгенцій до ученія Мюнцера, Франке, Бокольда. Люди, желавшіе имѣть въ дѣлѣ вѣры твердую почву подъ собою, ужаснулись этой страшной смуты, и начинали поворачивать на старую дорогу къ авторитету; но, какъ обыкновенно бываетъ, сильное движеніе въ одну сторону вызвало столь же сильное въ другую, католическая реакція не умѣла остановиться, какъ не умѣло остановиться протестантское движеніе; движеніе по пути къ религіозной свободѣ закончилось анабаптизмомъ, Мюнстерскимъ царствомъ Новаго Сіона; обратное движеніе по пути къ авторитету закончилось орденомъ Іезуитовъ.

Въ 1521 году, когда на Вормскомъ сеймѣ Нѣмецкій монахъ рѣшительно объявилъ, что не отречется отъ своихъ мнѣній относительно Римской церкви, молодой Испанецъ Игнатій Лойола, лѣчившійся отъ ранъ, полученныхъ въ войнѣ съ Французами, проводилъ свое

время въ чтеніи житій святыхъ и, пораженный подвигами героевъ христіанства, рѣшился идти по ихъ стопамъ. Что было недоступно для Нѣмецкаго монаха, то было возможно для Испанскаго дворянина. Лойола предался богомольнымъ странствованіямъ, трудамъ и лишениямъ. Возвратясь изъ Іерусалима, отправился въ Парижъ, чтобы въ тамошнемъ университетѣ изучить богословіе. Могучее убѣжденіе, выражавшееся на дѣлѣ, и одушевленіе приобрѣли ему приверженцевъ, готовыхъ всюду за нимъ слѣдовать. Съ этими-то приверженцами Лойола основалъ орденъ Іисуса, утвержденный папою въ 1540 году, и былъ первымъ генераломъ ордена. Преемники Лойолы повели дѣло такъ далеко, какъ не могъ желать благочестивый основатель ордена; за Лойолою по пути къ авторитету пошли свои Мюнцеры и Бокольды. Учрежденный съ цѣлью защищать Римскую церковь и бороться съ протестантизмомъ, Іезуитскій орденъ естественно долженъ былъ отправиться отъ началъ противоположныхъ протестантизму по перегнулъ дугу въ противную сторону и, стремясь къ авторитету, призналъ необходимымъ уничтожить личную свободу, которая была употреблена во зло въ протестантизмѣ. На крайности протестантизма взглянули какъ на слѣдствіе неспособности человѣка быть свободнымъ, самостоятельнымъ, и пришли къ мысли, что для избѣжанія вредныхъ увлеченій надобно всегда держать человѣка подъ строгимъ надзоромъ, не выпускать изъ школы, надобно сдѣлать его навсегда несовершеннолѣтнимъ, огучить отъ свободы, пусть ходитъ постоянно на помочахъ воспитателей, пусть будетъ «какъ трунъ, какъ палка въ рукахъ старика». Вступавшій въ орденъ подвергался продолжительному испытанію; отцы наблюдали, окажется ли онъ способенъ отказаться отъ своей воли и стать орудіемъ въ рукахъ ордена; въ то же время наблюдалось, къ чему вступавшій способенъ по природѣ своей, на какомъ поприщѣ орденъ можетъ извлечь изъ его дѣятельности наиболѣе выгодъ, выйдетъ ли изъ него кабинетный ученый, или педагогъ, или проповѣдникъ, или миссіонеръ, или дипломатъ. Іезуитъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ пресжныхъ связей, отказаться отъ родныхъ, отъ отечества; въ новомъ обществѣ, въ орденѣ, онъ не долженъ былъ приобретать себѣ связей, друзей; ибо человѣкъ слабъ, одинокій, — силенъ становится въ союзѣ съ другими, а ордену нуженъ былъ одинокій, слабый человѣкъ, потому что только такой человѣкъ могъ быть полезнымъ орудіемъ ордена; допустить дружественныя связи между членами ордена значило дать имъ силу, самостоятельность, вредныя для цѣлей ордена; и потому старались разнить членовъ ордена посредствомъ системы взаим-

наго наблюденія другъ за другомъ и доносовъ. Такими средствами орденъ приучалъ своихъ членовъ къ безусловному повиновенію; когда начальство ордена приказывало что - нибудь іезуиту, тотъ не имѣлъ при этомъ своей мысли, своей воли: исполнялъ, не разсуждая, хорошо или дурно; исполнялъ буквально, несмотря ни на какія препятствія; святая цѣль оправдываетъ средства, нечего думать о ихъ выборѣ. Но, требуя уничтоженія мысли и воли при достиженіи цѣлей ордена, іезуиты не требовали отъ человѣка того умерщвленія страстей, какого требовали другіе монашескіе ордена: іезуиты могъ удовлетворять своимъ страстямъ, лишь бы только это не вредило ордену.

Католицизмъ получилъ въ іезуитахъ превосходное войско для наступательнаго движенія, людей, отлично приготовленныхъ для правственной ловли другихъ людей; всѣ способности іезуита были изощрены именно для захвата добычи. Проповѣдь, училище, исповѣдь, миссіонерство — вотъ четыре способа ловли душъ человѣческихъ: іезуиты постарались овладѣть этими способами и употребляли ихъ мастерски. Мы видѣли, что католическое духовенство повредило своему дѣлу тѣмъ, что не овладѣло наукою, дало здѣсь ходъ впередъ свѣтскимъ людямъ. Іезуиты хотѣли исправить ошибку и ревностно занялись науками, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ это новое могущество; чтобы овладѣть молодымъ поколѣніемъ, іезуиты завели школы, отличавшіяся строгою дисциплиною и основательнымъ преподаваніемъ, что, разумѣется, заставляло отцовъ отдавать туда дѣтей своихъ. Іезуиты дѣйствительно умѣли вложить въ головы учениковъ и закрѣпить тамъ извѣстное количество знаній, особенно полезныхъ въ практической жизни; но іезуитская школа не могла дѣйствовать благотворно на умственное и особенно нравственное развитіе молодыхъ людей, потому что основные взгляды и приемы ордена примѣнялись и къ школѣ, которая потому не могла выпускать живыхъ общественныхъ людей. Однимъ молодымъ поколѣніемъ не ограничивали отцы іезуиты заботъ своихъ; они усиленно старались пробираться въ дома сильныхъ земли и быть здѣсь руководителями, духовниками взрослыхъ. Іезуитъ-духовникъ былъ очень удобенъ: на что другой смотрѣлъ бы очень серьезно, не прощалъ бы и не разрѣшалъ, на то іезуитъ смотрѣлъ слегка, прощалъ и разрѣшалъ, лишь бы грѣшникъ исполнялъ одно главное условіе спасенія—содѣйствовалъ всѣми средствами благу Римской церкви. Наконецъ іезуиты выставили рядъ миссіонеровъ, проповѣдниковъ христіанства въ азычскихъ странахъ Азіи, Африки и Америки. Много душъ наловили

здѣсь іезуиты, много подданныхъ приобрѣли для папы; въ Парагваѣ между дѣтски неразвитыми туземцами основали они цѣлое государство, управляя дикарями совершенно какъ малолѣтними учениками въ школахъ. Нельзя отрицать горячей апостольской ревности нѣкоторыхъ изъ іезуитовъ-миссіонеровъ, запечатлѣвшихъ мученическою смертію свое служеніе; но должно замѣтить, что и въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ проповѣдь христіанства, іезуиты не забывали своего правила, что цѣль оправдываетъ средства: чтобы сдѣлать христіанство доступнѣе для грубыхъ понятій, они умалчивали въ своей проповѣди о страданіяхъ и смерти Спасителя. Не пренебрегая ничѣмъ для усиленія своихъ матеріальныхъ средствъ, іезуиты вели обширную торговлю.

Одновременно съ утвержденіемъ испанскаго іезуитскаго ордена устроена была въ Италіи испанская инквизиція. По инструкціи своей инквизиція должна была начинать преслѣдованіе при малѣйшемъ подозрѣніи, что извѣстное лицо заражено еретическими мнѣніями; не должна была обращать вниманіе на государя и прелатовъ, какъ бы высоко они ни были поставлены; съ наибольшою строгостію должна была преслѣдовать тѣхъ, которые находились подъ защитою сильныхъ людей. Новое учрежденіе дѣйствовало такъ ревностно, что въ нѣсколько лѣтъ въ Италіи не осталось ни одного еретика.

Въ то время, когда католицизмъ выставилъ въ іезуитахъ такое могущественное войско, дававшее ему возможность принять наступательное побѣдоносное движеніе на враговъ, главный врагъ его, протестантизмъ, слабѣлъ отъ раздѣленія: каждая область Германіи выставила свой катихизисъ, и Пфальцъ въ теченіе 25 лѣтъ четыре раза перемѣнялъ исповѣданіе вѣры. Такое разномысліе, отсутствіе твердой почвы въ дѣлѣ религіи, уничтожило во многихъ желаніе реформы и заставило содѣйствовать утвержденію авторитета Римской церкви, тѣмъ болѣе, что послѣдняя не представляла уже болѣе тѣхъ соблазнительныхъ явленій, которыя прежде такъ усиливали желаніе реформы: о продажѣ индульгенцій не было болѣе слышно, папы уже не позволяли себѣ того, что позволялъ себѣ Александръ VI; двое папъ, Адріанъ VI и Павелъ III, собственнымъ поведеніемъ особенно содѣйствовали поднятію нравственности въ Римскомъ духовенствѣ; заботы объ этомъ же высказались и въ постановленіяхъ Тридентскаго собора.

V

Исторія владѣній Габсбургскаго дома Австріи и Испаніи до тридцатилѣтней войны.

Опустошеніе Венгріи Турками. — Распространеніе протестантизма. — Унія и лига. — Кардиналь Хименесъ. — Возстаніе испанскихъ городовъ. — Опустошеніе Туниса. — Филиппъ II-й. — Осада Мальты и битва при Лепанто. — Возстаніе Мавровъ. — Соединеніе Португаліи съ Испаніей. — Отложеніе Нидерландовъ. — Изгнаніе Маврисковъ. — Развитіе литературы. — Упадокъ Испаніи. — Отдѣленіе Португаліи. — Гуго Гроцій. — Государственное устройство Голландской республики. — Гомаръ и Арминій. — Характеръ и судьба Голландіи.

Мы видѣли уже, что Габсбургскій домъ усилился посредствомъ браковъ, видѣли, какъ императоръ Максимилианъ, самъ пріобрѣтшій посредствомъ брака Нидерланды, женилъ сына своего Филиппа на наслѣдницѣ Испаніи, вслѣдствіе чего сынъ этого Филиппа (умершаго при жизни отцовской), Карлъ V сдѣлался могущественнымъ государемъ въ Европѣ. Но Максимилианъ не ограничился западомъ; и на востокъ ему удалось также устроить выгодныя свадьбы. На востокъ Габсбургскій домъ сталкивался съ домомъ Ягеллонскимъ; посредствомъ брака Литовскаго великаго князя Ягайла, или Ягелла, на наслѣдницѣ польскаго престола Ядвигѣ Литва и западная Русь соединились съ Польшею. Владиславъ, сынъ Польскаго короля Казимира II-го и внукъ Ягайла, былъ избранъ въ короли Богемскіе и Венгерскіе. Императору Максимилиану удалось заключить съ этимъ Владиславомъ договоръ, по которому сынъ Владислава Людовикъ женился на внукѣ Максимилиана, а второй внукъ императора, Фердинандъ (братъ Карла V), женился на дочери Владислава и долженъ былъ наслѣдовать Венгрію и Богемію въ случаѣ, если Людовикъ умретъ бездѣтнымъ. Несмотря на то, что Ягеллоны занимали четыре трона, Литовскій, Польскій, Богемскій и Венгерскій, могущество ихъ было мнимое, потому что какъ въ Польшѣ, такъ въ Богеміи и Венгріи власть королевская была крайне ограничена вельможами. Въ Венгріи ко внутреннему безнарядью присоединилась еще опасность отъ страш-

ныхъ сосѣдей Турокъ, которые особенно усилились при знаменитомъ своемъ султанѣ—завоевателѣ Салиманѣ II-мъ. Въ 1522 году Салиманъ съ огромнымъ войскомъ явился на островѣ Родосѣ, принадлежавшемъ рыцарямъ св. Іоанна Іерусалимскаго, и осадилъ городъ Родосъ. Рыцари, подъ начальствомъ своего гротмейстера Вилле де Лилъ-Адамъ оказали чудеса храбрости во время осады, длившейся пять мѣсяцевъ, и сдались только тогда, когда у нихъ вышелъ весь порохъ. Въ 1526 году Салиманъ со стотысячнымъ войскомъ обратился противъ Венгріи. Молодой король ея Людовикъ, наслѣдовавшій отцу своему Владиславу (ум. 1516 года), ссорился съ своимъ дворянствомъ, которое не хотѣло дать ему средствъ къ борьбѣ съ страшнымъ врагомъ, и Турки поэтому нигдѣ не встрѣчали сопротивленія; королевская казна была такъ скудна, что курьерамъ долженъ былъ платить папскій легатъ. Наконецъ, кое-какъ собралось Венгерское войско (25.000), съ которымъ король рѣшился дать битву въ четыре раза большому числу непріятелей. Битва произошла при Могачѣ (въ августѣ 1526 г.); Венгерское войско было совершенно уничтожено, король Людовикъ погибъ въ болотѣ во время бѣгства. Турки воспользовались своею побѣдою по-азіатски, складывая пирамиды изъ человѣческихъ головъ; города и села лежали въ развалинахъ; 200.000 народа погибло отъ меча или уведено было въ плѣнъ. Опустошивши такимъ образомъ Венгрію, Салиманъ возвратился въ Константинополь. Наслѣдство погибшаго Людовика, по извѣстному намъ договору, должно было принадлежать Фердинанду, брату императора Карла V Чехи *избрали* его своимъ королемъ, слѣдовательно не признали его наслѣдственныхъ правъ; но Венгерскій сеймъ раздѣлился: одни выбрали Фердинанда въ короли, а другіе богатѣйшаго вельможу Заполья. Фердинандъ сначала осилилъ противника и заставилъ его бѣжать въ Польшу; но Заполья не отказывался отъ борьбы и обратился къ Туркамъ съ просьбою о помощи. Въ 1529 году Салиманъ снова вторгнулся въ Венгрію. Взявши Офенъ и покрывши Дунай своимъ флотомъ, султанъ осадилъ самую Вѣну, но взять не могъ, и ушелъ въ Турцію; Заполья однако удержался въ Венгріи въ качествѣ присяжника султанна, и борьба продолжалась между нимъ и Фердинандомъ. Въ 1540 году умеръ Заполья, оставивъ малолѣтняго сына Іоанна Сигизмунда. Салиманъ далъ ему жалованную грамоту на Венгрію и въ 1541 году объявилъ войну Фердинанду; война была несчастлива для послѣдняго; Турки вытѣснили также изъ Венгріи и своего присяжника маленькаго Заполья, и соборная церковь въ Офенѣ была превращена въ мечеть.

Въ такомъ печальномъ положеніи находились новыя владѣнія Габсбургскаго дома на востокѣ, когда глава этого дома, императоръ Карлъ V, сошелъ съ исторической сцены. Въ 1555 году въ торжественномъ собраніи Нидерландскихъ государственныхъ чиновъ въ Брюсселѣ онъ передалъ сыну своему Филиппу Нидерланды, потомъ передалъ ему Испанію, Неаполь и Америку; Австрійскія владѣнія предоставилъ брату своему Фердинанду; въ слѣдующемъ году Карлъ сложилъ съ себя и корону императорскую и заключился въ Испанскомъ монастырѣ св. Юста (близъ Плаценціи), гдѣ прожилъ еще два года въ глубокомъ уединеніи. Императоромъ былъ избранъ Фердинандъ; но это избраніе не дало королю Венгро-Богемскому средствъ вести болѣе удачную борьбу съ Турками, и въ 1562 году онъ принужденъ былъ заключить съ ними миръ на унижительныхъ для себя условіяхъ: обязался платить ежегодную дань султану и окончательно уступить Трансильванію Іоанну Сигизмунду Заполья, который, впрочемъ, не отказался отъ своихъ правъ на Венгрію. Въ 1564 году умеръ Фердинандъ I-й; сынъ его, императоръ Максимилианъ II-й, продолжалъ борьбу съ Заполья Трансильванскимъ, котораго поддерживали Турки. Въ 1566 году въ Венгерскомъ походѣ умеръ султанъ Салиманъ II, и сынъ его Селимъ II заключилъ въ 1568 году съ Максимилианомъ миръ, по которому отказался отъ Венгріи, Далмаціи, Крѡаціи и Славоніи; Трансильванія осталась у Заполья подъ верховною властью султана.

Относительно религіознаго вопроса въ Германіи и Австрійскихъ владѣніяхъ императоры Фердинандъ I-й и Максимилианъ II-й продолжаютъ поведеніе Карла V-го; имъ обоимъ, особенно Максимилиану, хотѣлось ограничить папскую власть, ввести приобщеніе св. Тайнъ подъ обоими видами, уничтожить безбрачіе духовенства,—однимъ словомъ, провести то, что уже было означено въ Интеримѣ Карла V-го, какъ основаніе реформы и вмѣстѣ какъ основаніе соглашенія между католиками и протестантами. Альбрехтъ V-й, герцогъ Баварскій, и три духовные курфюрста согласны были также на эти реформы; самъ папа соглашался допустить приобщеніе подъ обоими видами. Но ни Фердинандъ, ни Максимилианъ не имѣли достаточно личныхъ средствъ, энергіи и твердости воли для приведенія къ концу желаннаго дѣла, не взирая ни на какія препятствія; а препятствія были сильныя: съ одной стороны католическая реакція, іезуиты, которые дѣйствовали неослабно, дѣйствовали необыкновенно умно и ловко, чтобъ не сдѣлать никакихъ уступокъ и тѣмъ поддержать во всей силѣ авторитетъ Римской церкви, какъ изначала непо-

грѣшительной во всемъ, ею постановленномъ; съ другой стороны протестантизмъ также съ своею неспособностью къ уступкамъ и соглашеніямъ, съ своимъ раздробленіемъ, съ своею усобицею. Такимъ образомъ отъ свободнаго отношенія къ католицизму императоровъ Фердинанда I-го и Максимилиана II-го получено было только одно, что съ этихъ поръ императоры перестали считать своею обязанностью ѣздить въ Римъ и короноваться отъ папы.

Максимилианъ II то находился подъ вліяніемъ протестантскаго проповѣдника Пфаузера, то уступалъ настойчивости іезуитовъ и удалялъ отъ себя Пфаузера, хотя и продолжалъ съ нимъ переписываться. Іезуиты находили себѣ подпору въ женѣ Максимилиана, которая имѣла надъ мужемъ большое вліяніе *); кончилось тѣмъ, что императоръ отослалъ сына своего Рудольфа въ Испанію, гдѣ тотъ получилъ іезуитское воспитаніе. А между тѣмъ протестантизмъ распространился въ Австріи, Венгріи и Богеміи; Максимилианъ не мѣшалъ этому распространенію, и въ то же время не сдѣлалъ ничего для примиренія враждебныхъ исповѣданій, для утвержденія терпимости по крайней мѣрѣ, и позволилъ сыну своего воспитать по-іезуитски, т.-е. подготовилъ всѣ условія для ожесточенной борьбы въ будущемъ. Ограниченный отъ природы Рудольфъ наследовалъ отцу своему въ 1576 г. и былъ постоянно окруженъ іезуитами, вслѣдствіе дѣятельности которыхъ повсюду начала разыгрываться религіозная борьба. Въ Ахенѣ шла сильная усобица между католическимъ и протестантскимъ населеніемъ города; въ Штиріи двоюродный братъ императора, Фердинандъ, воспитанникъ іезуитовъ, преслѣдовалъ протестантовъ; то же самое дѣлалъ другой воспитанникъ іезуитовъ, Максимилианъ, герцогъ Баварскій; въ имперскомъ городѣ Донаувёртѣ произошла ссора между протестантскими жителями города и аббатомъ монастыря; Максимилианъ, по порученію императора Рудольфа, разграбилъ городъ, частью разрушилъ его, выгналъ протестантское населеніе и присоединилъ имперскій городъ къ своимъ владѣніямъ. Это наступательное движеніе со стороны католическихъ князей засадило протестантовъ заключить союзъ, извѣстный подъ именемъ *уни*, вслѣдствіе чего католики также заключили союзъ, получившій названіе *лиги*. Выгода была на сторонѣ католиковъ; кромѣ того, что у нихъ было больше единства, кромѣ того, что у нихъ были іезуиты, въ

*) Габсбурги, Австрійскіе и Испанскіе, обыкновенно заключали браки въ своей фамиліи: такъ, жена Максимилиана была двоюродная его сестра, дочь Карла V, а Филиппъ II Испанскій былъ женатъ на дочери Максимилиана.

челѣ ихъ находились двое самыхъ даровитыхъ князей, Фердинандъ Штирійскій и Максимилианъ Баварскій, равныхъ которымъ у протестантовъ не было. Максимилианъ усилилъ герцогскую власть въ Баваріи на счетъ власти сейма, ввелъ во всемъ управленіи строгій порядокъ, увеличилъ доходы, нашелъ возможность составить войско изъ собственныхъ подданныхъ, не нуждаясь въ наемникахъ, и такимъ образомъ приготавилъ себѣ всѣ средства къ усиленной борьбѣ противъ протестантизма, въ ослабленіи котораго видѣлъ путь къ собственному усиленію.

Въ то время, когда южная, католическая Германія такимъ образомъ усиливалась, сѣверная, протестантская раздиралась борьбою между послѣдователями Лютера. Ученіе Кальвина распространилось по Франціи, Нидерландамъ и Германіи, и въ послѣдней, особенно въ Саксоніи и Пфальцѣ, встала сильная борьба между Кальвинистами и Лютеранами, которая сопровождалась пытками и казнями, потому что побѣдившая сторона не щадила побѣжденной. Понятно, какъ эта борьба уменьшала силы протестантской уніи; Германскіе протестанты, вслѣдствіе своей розни и слабости, не могли одни бороться съ католиками, должны были искать посторонней помощи, чѣмъ пользовалась Франція для вмѣшательства въ дѣла Германіи. Императорская власть не существовала вслѣдствіе неспособности Рудольфа, въ собственныхъ владѣніяхъ котораго шла сильная религіозная борьба, при чемъ Турки поддерживали Венгерскихъ протестантовъ. Въ 1606 г. родные и двоюродные братья императора съѣхались въ Вѣну и объявили Рудольфа лишеннымъ разсудка. Рудольфъ долженъ былъ отдать брату своему Матѳею Австрію, Венгрію и Моравію, и ограничиться одною Богеміею; протестанты, пользуясь этою смутою, заставили Матѳея объявить полную терпимость своего исповѣданія, принудили и Рудольфа издать такъ называемую *Грамоту величества*, въ которой императоръ не только даровалъ имъ свободу вѣроисповѣданія, но и право строить новыя церкви, также право избирать себѣ защитниковъ своей вѣры. Но усобица между Габсбургами не прекращалась: въ 1611 году Рудольфъ долженъ былъ отказаться и отъ Богеміи въ пользу Матѳея, который въ слѣдующемъ году былъ избранъ въ императоры.

Но если въ восточныхъ владѣніяхъ Габсбурговъ, Австріи, Богеміи и Венгрии, протестантизмъ не только удержался, но и усилился, благодаря терпимости Фердинанда I-го, Максимилиана II, неспособности Рудольфа и борьбѣ его съ братомъ, то совершенно иначе шли дѣла въ Испаніи.

Мы видѣли, какимъ образомъ Испанія перешла къ Габсбургскому дому. По смерти Фердинанда Католика (1516 г.) внукъ его и наслѣдникъ Карлъ I (какъ императоръ извѣстный подъ именемъ Карла V-го) оставался почти два года въ Нидерландахъ, гдѣ получилъ воспитаніе. Въ Испаніи продолжалъ управлять кардиналъ Хименесъ, управлялъ попрежнему, не какъ монахъ, но какъ государственный человѣкъ. Удовлетворяя потребности Испанскаго народа, Хименесъ велъ борьбу съ невѣрными, перенесъ испанское оружіе на берега Африки; внутри строгою экономіею усилилъ финансы; это дало ему возможность содержать многочисленную пѣхоту, которую онъ противопоставилъ дворянской конницѣ и такимъ образомъ сдерживалъ сильныхъ вельможъ; въ то же время поддерживалъ города, поощрялъ ихъ составлять свои полки, опять съ цѣлью противодействовать могущественнымъ землевладѣльцамъ. Послѣдніе громко вопіяли противъ кардинала-деспота; Хименесъ былъ удаленъ отъ дѣлъ, какъ скоро пріѣхалъ молодой Карлъ въ Испанію; но этотъ пріѣздъ былъ не на радость Испанцамъ, потому что король явился окруженный Бельгійскимъ дворомъ, котораго французскіе обычаи были въ противоположности съ обычаями Испанскими и который хотѣлъ кормиться на счетъ Испаніи, занявши въ ней важнѣйшія должности. Испанское дворянство было недовольно тѣмъ, что пришельцы оттѣсняли его отъ должностей; города были недовольны тѣмъ, что много денегъ переводилось изъ Испаніи въ Нидерланды. Въ 1520 году, когда Карлъ оставилъ Испанію, вспыхнуло возстаніе городовъ, которые потребовали прежде всего уничтоженія дворянскихъ привилегій, потребовали лучшаго устройства въ собраніи государственныхъ чиновъ (Кортесовъ), свободнаго и независимаго въ нихъ обсужденія дѣлъ, новаго общиннаго устройства. Крайности, въ которыя впали городскіе преобразователи, сверженіе старыхъ начальныхъ людей и замѣщеніе ихъ новыми, горячими головами, неспособными къ обдуманному, умѣренному дѣйствіямъ, и открыто высказавшаяся вражда къ дворянству, погубили дѣло городовъ. Нестройное мѣщанское войско не могло держаться противъ королевскаго и рыцарскаго войска, а буйство черни въ городахъ заставило всѣхъ лучшихъ людей стать на сторону правительства. Возстаніе было потушено тѣмъ скорѣе, что исчезло недовольствіе, возбужденное наѣздомъ Бельгійцевъ: Карлъ пересталъ раздавать мѣста иностранцамъ. Неудавшееся возстаніе городовъ имѣло то слѣдствіе для Испаніи, что уронило значеніе городовъ, утвердило разнь между сословіями къ выгодѣ королевской власти; Карлъ рѣдко созывалъ государственные чины, и когда созывалъ, то дену-

таты трехъ сословій (дворянства, духовенства и городовъ) собирались по разнымъ мѣстамъ, и король, обращаясь къ нимъ порознь съ своими требованіями, тѣмъ легче получалъ желаемое. Между испанскими аристократами было мало людей богатыхъ, могшихъ существовать независимо отъ правительства, большая часть нуждалась въ службѣ королевской.

Борьба Испанцевъ съ магометанами продолжалась и при Карлѣ V. Азіатское варварство, захвативъ въ лицѣ Турокъ, Грецію, стремилось совершенно отнять у Европейской цивилизаціи Средиземное море. Сынъ морского разбойника, ренегата съ острова Митилены, и самъ морской разбойникъ подобно отцу, Хайрединъ Барбаросса утвердился въ Алжирѣ, какъ вассалъ Турецкаго султана, и оттуда опустошалъ берега Италіи и Испаніи, забиралъ тысячи плѣнныхъ и, обративъ ихъ въ мусульманство, населялъ ими сѣверные берега Африки. Барбаросса съ турецкимъ флотомъ завоевалъ Тунисъ, выгнавъ отсюда владѣтеля Мулей-Гассана, который искалъ себѣ убѣжища въ Испаніи. Карлъ V нашелъ обстоятельства выгодными для похода противъ Барбароссы, и въ 1535 году съ 500 кораблей отправился къ Тунису. Послѣ упорнаго сопротивленія городъ былъ взятъ и страшно опустошенъ по тогдашнему обычаю; множество жителей погибло отъ меча, 10,000 выведено въ неволю, 30,000 христіанскихъ невольниковъ освобождено; опустѣлый Тунисъ отданъ прежнему владѣтелю, Мулей-Гассану. Походъ на Алжиръ въ 1541 году не удался Карлу V по причинѣ страшныхъ бурь, истребившихъ почти весь флотъ императора.

Походами противъ Магометанъ Сѣверной Африки собственно ограничилось все то, что сдѣлалъ Карлъ V для Испаніи и въ Испанскомъ духѣ. Знаменитый императоръ, котораго дѣятельность обхватывала всю Европу, котораго присутствіе нужно было и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Нидерландахъ, оставался иностранцемъ для Испаніи; только при концѣ жизни Испанскія наклонности какъ будто пробудились во внуцѣ Фердинанда и Изабеллы, онъ удалился въ Испанію и умеръ въ монастырѣ. Сынъ его и наслѣдникъ въ Испаніи, Филиппъ II, не былъ похожъ на отца. Карлъ V не былъ Испанцемъ, онъ принадлежалъ къ двумъ или тремъ національностямъ, и уже по одному этому взглядъ его былъ широкъ, дѣятельность свободна; эта широта и свобода развились при его широкой многосторонней дѣятельности; при томъ, какъ уже было выше сказано, Карлъ воспитался въ эпоху сильнаго движенія, сильнаго неудовольствія противъ Римской церкви, и этимъ объясняются отношенія его къ протестантизму,

возможность Питерима, возможность сдѣлокъ. Но Филиппъ II принадлежалъ другому времени, тому времени, когда крайности и рознь въ протестантизмѣ оттолкнули отъ него религіозныхъ людей, заставили ихъ искать болѣе твердой почвы, черезъ что была вызвана католическая реакція: представителемъ этой-то реакціи и былъ Филиппъ II. Притомъ по природѣ и по воспитанію своему Филиппъ былъ соотечественникъ Лойолы, былъ цѣльный Испанецъ. Зная предшествовавшую исторію Испаніи, зная что религіозный интересъ для ся народа былъ господствующимъ, мы поймемъ, почему Испанія должна была играть главную роль при католической реакціи, почему въ ней были главные представители ея—Лойола и Филиппъ II. И то и другое историческое лицо, въ разныхъ положеніяхъ, задало себѣ одну задачу: возстановить господство единой Римской церкви, уничтожить ересь. Филиппъ не разбѣзжалъ по Европѣ, подобно отцу своему, не предпринималъ и походовъ въ Африку: онъ велъ неподвижную жизнь въ Испаніи; горизонтъ его суживался все болѣе и болѣе, вокругъ однообразіе и мертвая тишина, и тѣмъ сильнѣе овладѣваетъ королемъ одна мысль, не допускающая ни малѣйшаго уклоненія, никакой сдѣлки; Филиппъ не чувствуетъ разнообразія, онъ не пойметъ, не признаетъ никогда правъ его. Филиппъ неподвиженъ въ своемъ кабинетѣ, но тѣмъ сильнѣе работаетъ голова человѣка съ сильною энергическою природою; Филиппъ хочетъ все знать, всѣмъ управлять, собственно-ручная переписка его громадна. Борясь неуклонно, неутомимо за единство церкви съ ересью, Филиппъ продолжаетъ народную религіозную борьбу, которою знаменуется исторія Испаніи, и за это Филиппъ популяренъ въ Испаніи, Испанцы видятъ въ немъ своего.

Филиппъ II уничтожилъ начатки протестантизма, показавшіеся было въ Испаніи; запылали костры, и «*Лютеранская язва*» исчезла изъ католической страны. Король самъ со всѣмъ дворомъ присутствовать при сожженіи еретиковъ, и когда одинъ изъ нихъ просилъ у него помилованія, отвѣчалъ: «Нѣтъ, я бы самъ сталъ носить дрова, чтобы сжечь родного сына, если бы онъ оказался виновнымъ въ ереси». Но Филиппъ не забылъ также и обязанности Испанскаго короля бороться съ мусульманами. Въмѣсто Барбароссы явились два атамана морскихъ разбойниковъ, которые подъ знаменами турецкаго султана опустошали берега Средиземнаго моря, то были: Піале и Торгутъ, или Драгутъ. Торгутъ утвердился въ Триполи, отнявъ этотъ городъ у рыцарей Іоанна Іерусалимскаго, поселившихся на Мальтѣ, послѣ потери Родоса. Славянскій ренегатъ (Кроатъ) Піале сдѣлался Капитанъ-пашою, т.е. начальникомъ Турецкаго флота, и вмѣстѣ съ Торгутомъ сталъ ужасомъ

южных береговъ Европы: утверждаютъ, что онъ вывезъ изъ Италіи полмилліона плѣнниковъ. Въ 1560 г. Піапе нанесъ страшное пораженіе Испанскому флоту между Туписомъ и Триполи. Непоколебимый въ несчастіяхъ, Филиппъ не оказалъ ни малѣйшаго неувольствія пачальнику разбитаго флота, герцогу Мединачели и снарядилъ новый флотъ, съ помощью котораго Испанцы овладѣли важнымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ въ Сѣверной Африкѣ, Пиньонъ — де-Велецъ. Въ 1565 году Піапе явился съ флотомъ у Мальты и осадилъ крѣпость. Рыцари, подѣ начальствомъ гротмейстера Лавалетта, четыре мѣсяца геройски защищались и были спасены прибытіемъ Испанскаго флота; Турки отплыли, потерявши 20.000 человекъ при осадѣ. Мальта была спасена; но въ 1571 году Турки отняли у Венеціанъ Кипръ; тогда былъ заключенъ *священный* союзъ между Испанією, Венецією и папою; Испанскій флотъ явился въ Сициліи подѣ начальствомъ Донъ-Жуана Австрійскаго (побочнаго сына императора Карла V); въ октябрѣ 1571 года Донъ-Жуанъ напалъ на Турецкій флотъ при Лепанто въ Архипелагѣ и нанесъ ему совершенное пораженіе; 15.000 христіанъ было освобождено изъ неволи, болѣе 3.000 Турокъ попало въ неволю къ христіанамъ. «Бысть человекъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ (Жуанъ)!» воскликнулъ папа, услыхавъ о Лепантской побѣдѣ. Впрочемъ, эта побѣда принесла больше славы, чѣмъ пользы, потому что Венеціане поспѣшили заключить миръ съ Турками, уступивъ имъ Кипръ.

Отличаясь особенною ревностію въ истребленіи «лютеранской язвы» и въ борьбѣ съ мусульманами въ Сѣверной Африкѣ и на Средиземномъ морѣ, Испанцы, понятно, не могли уживаться въ ладу съ Маврами, остававшимися среди нихъ по уничтоженіи мусульманскаго государства на югѣ Испаніи. Кромѣ вражды религіозной, Испанцы считали Мавровъ своими заклятыми врагами, врагами домашними и тѣмъ болѣе опасными, особенно опасными въ то время, когда Турецкое могущество висѣло грозною тучею надъ Европою. Испанія не могла переварить этого отдѣльнаго и враждебнаго народа среди своего народа, «народа въ народѣ». Для избѣжанія преслѣдованій нѣкоторые Мавры приняли христіанство; но Испанцы очень хорошо знали, что это принятіе только наружное, что обличалось сохраненіемъ мусульманскихъ обычаевъ Марранами, или Маврисками (какъ называли этихъ Мавро-христіанъ). Какъ смотрѣли Испанцы на свои отношенія къ Маврамъ, видно изъ письма одного профессора Алкалскаго университета къ королю Филиппу: «чѣмъ больше будетъ убито Мавровъ, тѣмъ выгоднѣе, потому что тѣмъ менѣе будетъ у насъ враговъ». Чтобы

уничтожить двоевѣріе Маврисковъ, въ 1567 г. издано было постановленіе, въ которомъ, подъ смертною казнью, запрещалось Маврискамъ говорить на своемъ языкѣ и сохранять старые мавританскіе обычаи и платье; двери домовъ ихъ должны быть постоянно отперты, ихъ женщины не должны носить покрываль, они не должны называться мавританскими именами, а только испанскими, не должны покупать рабовъ въ Африкѣ и вообще не должны имѣть рабовъ; велѣно было переписать дѣтей для отсылки ихъ въ школы. Чтобы воспріятствовать исполненію этого указа, Мавры составили заговоръ, при чемъ первымъ дѣломъ ихъ было послать съ требованіемъ помощи къ султану Турецкому, къ владѣтелямъ Алжира и Марокко. Весною 1568 г. возстаніе вспыхнуло, и предводителемъ былъ избранъ молодой Донъ Фернандо Мулей, ведшій свое происхожденіе отъ Омміадскихъ калифвъ; Мулей былъ провозглашенъ королемъ Гренады и Андалузіи. Возстаніе длилось два года; потушить его успѣлъ Донъ - Жуанъ въ 1570 году; много Мавровъ погибло отъ меча, другихъ разбросали по разнымъ областямъ.

Въ западной части Пиренейскаго полуострова господствовало то же народное и правительственное направленіе, какъ и въ Испаніи. Въ самомъ началѣ учрежденія своего ордена іезуиты нашли самого усерднаго покровителя въ Португальскомъ королѣ Іоаннѣ III; съ его поддержкою знаменитый миссіонеръ іезуитъ Францискъ Ксаверій распространялъ христіанство въ Остѣ-Индіи и Японіи. Внуку и послѣднику Іоанна III, Себастьянъ, воспитанный іезуитами, только и мечталъ о крестовыхъ походахъ въ далекія невѣрныя страны. Онъ вмѣшался въ родовую усобицу между владѣтелями Марокко, въ 1578 г. предпринялъ туда походъ и погибъ со всѣмъ войскомъ въ сраженіи при Алькантрѣ, не оставивъ потомства. Филиппъ II Испанскій, какъ сынъ старшей сестры Іоанна III, предъявилъ права свои на упраздненный Португальскій престолъ, и сильное войско Испанское, подъ начальствомъ герцога Альбы, вступилъ въ Португалію. Альба разбилъ другого искателя престола Антонія (племянника Іоанна III отъ брата), и Португалія была присоединена къ Пенаніи.

Филиппъ пріобрѣлъ Португалію съ ея обширными богатыми колоніями; но зато потерялъ сѣверную часть Нидерландовъ.

Нидерланды, благодаря положенію своему, имѣли, въ описываемое время такое же значеніе, какое имѣла прежде Италія, явились самою богатою, торговою и промышленною страной въ Европѣ. Города давно уже процвѣтали, и слѣдствіемъ поднятія денежной силы было столкновеніе ея съ силою земельною, столкновеніе денежныхъ аристокра-

товъ, богатыхъ мѣщанъ съ землевладѣльцами, рыцарствомъ. Борьба Фландрскихъ городовъ (въ числѣ которыхъ былъ Гентъ) съ графомъ Фландрскимъ принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ событій Средней Исторіи. Причина столкновенія заключалась въ томъ, что горожане, развившіеся вслѣдствіе обширной торговой и промышленной дѣятельности, почувствовавшіе свое значеніе и силу, не хотѣли разставаться съ трудовой копейкою по первому требованію владѣльца, хотѣли ограничить его требованія. Столкновенія и борьба продолжались и тогда, когда Нидерланды перешли по наслѣдству къ герцогамъ Бургундскимъ, и когда отъ нихъ, по наслѣдству же, перешли къ Габсбургамъ. При Карлѣ V, въ 1537 году, жители Гента, и именно первостатейные, самые богатые, отказались платить деньги на французскую войну. Черезъ нѣсколько времени вспыхнулъ въ Гентѣ мятежъ съ обычнымъ въ подобныхъ богатыхъ и самоуправныхъ городахъ характеромъ (какъ у насъ въ Новгородѣ и Псковѣ): низшая часть народонаселенія, бѣднѣйшіе, молодые люди встали на лучшихъ, богатѣйшихъ жителей, вырвали изъ ихъ рукъ правительство, начали ихъ преслѣдовать, казнить. Тщетно Карлъ старался успокоить Гентъ мирными средствами; онъ долженъ былъ въ 1540 году явиться предъ его стѣнами съ войскомъ; Гентъ не смѣлъ противиться и откупился отъ императора деньгами и потерю части своихъ привилегій, какъ Новгородцы откупались отъ великихъ князей. Послѣ этого въ Нидерландахъ было спокойно до вступленія на престолъ Филиппа II.

Какъ при Карлѣ, такъ и при сынѣ его, Нидерланды управлялись намѣстниками или, лучше сказать, намѣстницами, потому что управляли все женщины изъ членовъ царствующаго дома; при намѣстникѣ находился государственный совѣтъ, состоявшій изъ значительнѣйшихъ землевладѣльцевъ, изъ прелатовъ и ученыхъ юристовъ. Государственные чины цѣлой страны собирались рѣдко, потому что каждая провинція составляла почти отдѣльное цѣлое, съ своими чинами; каждый городъ имѣлъ свой магистратъ. Кромѣ дѣленія на провинціи, почти самостоятельныя, Нидерланды рѣзко дѣлились на двѣ части, сѣверную и южную; въ народонаселеніи сѣверной части преобладалъ элементъ Германскій, въ южной Кельтическій; въ южной землевладѣльческая аристократія была гораздо сильнѣе, чѣмъ въ сѣверной, болѣе демократической; въ сѣверной быстро распространился и сталъ господствовать протестантизмъ; въ южной съ самаго начала большинство было за старую вѣру. Это дѣленіе страны имѣло большое вліяніе на ходъ событій, о которыхъ пойдетъ рѣчь.

Для Карла V Нидерланды были любимой, родною страной; мы

видѣли, какъ онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Испанію, окруженный Нидерландцами, которымъ отдавалъ явное преимущество предъ Испанцами, чѣмъ и возбуждено было неудовольствіе послѣднихъ. При Филиппѣ II видимъ обратное отношеніе: Филиппъ, истый Испанецъ, совершенно холоденъ къ Нидерландамъ; онъ является здѣсь окруженный Испанцами, которымъ отдаетъ явное предпочтеніе, чѣмъ оскорбляетъ Нидерландскихъ вельможъ, привыкшихъ къ другому обращенію съ собою при Карлѣ V; особенно не сошелся Филиппъ съ Вильгельмомъ, графомъ Нассау, принцемъ Оранскимъ. Вильгельмъ не отличался блестящими, рѣзко бросающимися въ глаза способностями ни на войнѣ, ни въ мирѣ, но былъ уменъ, спокоенъ, холоденъ, дальновиденъ, настойчивъ, равнодушенъ къ вопросамъ религіознымъ, готовъ перемѣнить одно исповѣданіе на другое по расчетамъ политическимъ; сосредоточенный въ самомъ себѣ, молчаливый *), твердый, не увлекающійся при удачѣ, не падающій духомъ послѣ бѣды, всегда готовый къ дѣятельности, Вильгельмъ былъ въ высшей степени способенъ внушать довѣріе въ смутное и опасное время; являясь человѣкомъ крѣпкимъ, на котораго можно было опереться, Вильгельмъ естественно являлся вождемъ, а закрытая, молчаливая натура Вильгельма заставляла ищущихъ опоры предполагать въ вождѣ свосмъ большія внутреннія средства и вполне на него полагаться. Вильгельмъ, близкій къ Карлу V, особенно имъ ласкаемый, съ перваго же раза не сошелся съ Филиппомъ II: оба сосредоточенные въ себѣ, молчаливые, что-то крѣпко задумавшіе, подозрительно взглянули другъ на друга и оттолкнулись.

Филиппъ II думалъ одну крѣпкую думу — какъ бы уничтожить ересь во всѣхъ своихъ владѣніяхъ сперва, въ цѣлой Европѣ потомъ. Въ Испаніи было ему это легко, трудно въ Нидерландахъ; но для Филиппа не существовало трудностей, препятствій при достиженіи разъ предположенной цѣли. Филиппъ назначилъ намѣстницею въ Нидерландахъ побочную сестру свою, Маргариту, герцогиню Пармскую; но Маргарита была правительницею только по имени, а всѣми дѣлами заправлялъ кардиналъ Гранвелла, человѣкъ умный, даровитый, съ большими познаніями, работникъ неутомимый. Будучи незнатнаго происхожденія, сынъ адвоката, обязанный своимъ положеніемъ Карлу V и сыну его, онъ былъ безпредѣльно преданъ своему государю, говорилъ: «Я не Бургундецъ, не Фламандецъ, я принадлежу Филиппу II-му». Присутствіе Гранвеллы и его дѣятельность сильно

*) Молчаливый было его прозвище.

оскорбляли Нидерландское вельможество, которое хотѣло управлять страной; особенно недовольны были самые видные вельможи, принц Оранскій, графъ Эгмонтъ и графъ Горнъ, которые и стали въ челѣ оппозиціи королевскому самоуправству, какимъ являлось въ ихъ глазахъ поведеніе Филиппа. Началась борьба; король уступалъ вельможамъ тамъ, гдѣ могъ уступить; въ одномъ уступить онъ не могъ— въ преслѣдованіи ереси. Для ея искорененія Филиппъ призналъ за нужное увеличить число епископовъ въ Нидерландахъ, и вмѣсто прежнихъ четырехъ онъ учредилъ 14, при чемъ папа уступилъ королю право назначенія епископовъ. Эта мѣра произвела сильное неудовольствіе, ибо усиливала королевскую власть умноженіемъ числа важныхъ лицъ, которыхъ назначеніе зависѣло отъ короля; для содержанія новыхъ епископовъ упразднены были нѣкоторые богатые аббатства, другія потеряли часть своихъ доходовъ, и вельможи лишились средствъ выгодно помѣщать младшихъ сыновей своихъ; притомъ во время собранія государственныхъ чиновъ аббаты, по малочисленности епископовъ, имѣли важное вліяніе, а теперь это вліяніе переходило къ епископамъ, назначеннымъ королемъ. Другою причиною сильной и всеобщей жалобы былъ постой испанскихъ войскъ въ Нидерландахъ.

Ненависть Нидерландскихъ вельможъ къ Гранвеллѣ увеличивалась все болѣе и болѣе; отвѣтственность за всякую непріятную мѣру складывалась на него. Въ 1562 году принцъ Оранскій, графы Эгмонтъ и Горнъ объявили намѣстницѣ, что они не будутъ присутствовать въ государственномъ совѣтѣ, пока Гранвелла останется его членомъ, и сдержали слово: удалились не только изъ государственнаго совѣта, но и изъ Брюсселя. Гранвелла долженъ былъ уѣхать въ Испанію. Но Филиппъ и по отозваніи Гранвеллы не думалъ отказаться отъ своихъ мѣръ относительно истребленія ереси въ Нидерландахъ: онъ требовалъ, чтобы всѣ постановленія Тридентскаго собора были приняты въ странѣ, и ввелъ инквизицію. Тогда въ 1566 году нѣсколько дворянъ собрались подъ предводительствомъ Филиппа Марникса фонъ С. Алдегонде, солдата и богослова, оратора и литератора, и покаялись вооруженною силою защищать родную страну отъ инквизиціи и новыхъ законовъ. Это былъ первый шагъ къ отложенію Нидерландовъ отъ Испаніи; актъ, составленный Марниксомъ съ товарищами, называется *Компромиссомъ*. Въ томъ же году толпа дворянъ изъ сѣверныхъ провинцій явилась въ Брюссель, пришла во дворецъ и съ шумомъ предъявляла предъ Маргаритою свои требованія, на которыя она не имѣла ни права, ни возможно-

сти согласиться. Когда потомъ эти господа собрались на пирушку, то къ нимъ прѣхали и трое главныхъ вельможъ—Вильгельмъ Оранскій, Эгмонтъ и Горнъ. Тысячами подписывался компромиссъ. Услыхавъ, что одинъ изъ приверженцевъ правительства называлъ *голутьбою* (gueux) дворянъ, вторгнувшихся во дворецъ, недовольные объявили, что принимаютъ это слово для обозначенія своей патріотической партіи. Велѣдствіе этого движенія поднялись протестанты, ожесточенные инквизиціею, и показали себя достойными соперниками фанатиковъ католицизма: протестанты напали на церкви, начавши съ великолѣпнаго Антверпенскаго собора, и уничтожили въ нихъ изображенія святыхъ и всѣ вещи, относившіяся къ католическому богослуженію; много произведеній искусства погибло отъ рукъ човыхъ Вандаловъ, особенно въ Антверпенѣ, первомъ торговомъ городѣ тогдашней Европы. Эти буйства протестантовъ нанесли сильный ударъ дѣлу протестантизма и дѣлу недовольныхъ (голутьбы) въ южныхъ Нидерландахъ, гдѣ большинство народонаселенія было за католицизмъ. Маргарита получила возможность набрать войско и преслѣдовать иконоборцевъ, поступокъ которыхъ давалъ и королю Филиппу право принять сильныя мѣры противъ ереси и людей, своею оппозиціею мѣшавшихъ правительству въ ея искорененіи. Филиппъ отправилъ въ Нидерланды войско подъ начальствомъ герцога Альбы, чловѣка самаго способнаго дѣйствовать устрашеніемъ (терроромъ), не дрожавшаго ни передъ какимъ средствомъ для достиженія святой цѣли — истребленія ереси. Альба явился въ Нидерланды и началъ распоряжаться всѣмъ, Маргарита увидѣла необходимость удалиться.

Альба сталъ распоряжаться въ Нидерландахъ, какъ въ странѣ завоеванной; онъ учредилъ верховный судъ, подъ названіемъ *Суда по дѣламъ бунта*, а Нидерландцы прозвали его *Кровавымъ судомъ*. Начались казни людей, замѣшанныхъ въ волненіяхъ; Эгмонтъ и Горнъ погибли на эшафотѣ; Вильгельмъ Оранскій съ братьями успѣлъ удалиться вовремя въ Германію; протестанты бросились бѣжать толпами за границу, въ Англію, Францію, Германію; говорятъ, что болѣе ста тысячъ протестантовъ покинули отечество; въ сѣверныхъ провинціяхъ изъ этихъ бѣглецовъ образовалось своего рода казачество подъ именемъ водяной или морской голутьбы; голутьба эта составила многочисленный мелкій флотъ, который скоро сталъ страшенъ Испанцамъ и ихъ колоніямъ и послужилъ основою морской силы будущей Голландской республики. Вильгельмъ Оранскій и братъ его Людовикъ собрали въ Германіи войско; по это войско не могло соперничать съ первымъ тогда войскомъ въ мѣрѣ, войскомъ Испан-

скимъ, особенно когда имъ начальствовалъ такой искусный полководецъ, какъ герцогъ Альба, который разбилъ на голову Людовика Оранскаго, потерявшаго 7000 человекъ въ битвѣ. Альба могъ не бояться нападеній извнѣ; но онъ имѣлъ неосторожность вооружить противъ себя горожанъ и южныхъ Нидерландовъ; эти люди равнодушно смотрѣли на преслѣдованіе протестантовъ, потому что были католиками, равнодушно смотрѣли на гибель дворянскихъ вождей, потому что не питали сочувствія къ дворянству и его интересамъ; но они взволновались, когда дошелъ чередъ до ихъ интересовъ, когда опасность начала грозить ихъ собственности. Имѣя нужду въ деньгахъ и не получая ихъ изъ Испаніи, Альба произвольно наложилъ подати по испанскому образцу: 1) одинъ процентъ со всякаго движимаго и недвижимаго имущества; 2) пятый процентъ отъ каждой продажи земельной собственности, и 3) десятый процентъ отъ каждого проданнаго товара. Раздраженные купцы и промышленники закрыли свои лавки и заведенія, и страшный Альба нашелся въ самомъ затруднительномъ положеніи; онъ испугался всеобщаго негодованія и отмѣнилъ новую пошлину съ необходимыхъ предметовъ потребленія: хлѣба, мяса, вина, пива. А между тѣмъ въ сѣверныхъ, протестантскихъ Нидерландахъ дѣла шли дурно для Испаніи: морская голутьба усиливалась все болѣе и болѣе и въ 1572 году разбила посланный противъ нея Испанскій флотъ. Вообще въ продолженіе всей борьбы Испанцы брали верхъ на сухомъ пути и терпѣли неудачи на морѣ; Вильгельмъ Оранскій не могъ ничего сдѣлать на югѣ съ своимъ Нѣмецкимъ сброднымъ войскомъ, а князья протестантской Германіи не двигались къ нему на помощь. Альба не очень уважалъ Нѣмецкихъ князей, о которыхъ писалъ: «Нѣмецкіе князья—это знатные господа, у которыхъ на щитахъ и гербахъ огромные звѣри, львы, грифоны, орлы и другіе, съ большими зубами и клювами, но эти звѣри не кусаются и не клюютъ».

Несмотря однако на превосходство Испанскаго сухопутнаго войска, борьба затягивалась въ Нидерландахъ вслѣдствіе успѣховъ морской голутьбы и сопротивленія сѣверныхъ провинцій, гдѣ дѣйствовалъ Вильгельмъ Оранскій, провозглашенный въ 1572 году въ Дортрехтѣ, королевскимъ штатгалтеромъ четырехъ провинцій—Голландіи, Зеландіи, Фрисландіи и Утрехта; борьба эта становилась тяжкою для Испаніи по скудости ея финансовыхъ средствъ; хотѣли прекратить ее, и въ концѣ 1573 года Альба былъ отозванъ; онъ самъ писалъ королю: «Народная ненависть ко мнѣ уничтожаетъ все мои мѣры; другой найдетъ болѣе сочувствія и будетъ въ состояніи сдѣлать луч-

шее». Мѣсто Альбы занялъ Реквезенсъ, человѣкъ мягкій, способный дѣйствовать примирительными средствами. Реквезенсъ немедленно сталъ хлопотать о примиреніи, но встрѣтилъ сопротивленіе въ Вильгельмѣ Оранскомъ, который не могъ ждать для себя ничего хорошаго отъ Филиппа II, и потому старался довести дѣло до окончательнаго разрыва съ Испаніею; при этомъ интересы Вильгельма были тѣсно соединены съ интересами протестантскаго народонаселенія сѣверныхъ провинцій, которому также нечего было ждать добра отъ Филиппа, и для тѣснѣйшей связи съ сѣверными провинціями Вильгельмъ перемѣнилъ католическое исповѣданіе на протестантское. И при Реквезенсѣ борьба шла съ прежнимъ характеромъ: блистательная побѣда Испанскаго сухопутнаго войска надъ братомъ Вильгельма Оранскаго Людовикомъ и пораженіе Испанскаго флота морскою голутьбою; Испанцы потерпѣли также неудачу при осадѣ Лейдена, геройская защита котораго жителями принадлежить къ числу самыхъ видныхъ событій борьбы; въ награду за геройство Лейденцы получили отъ Голландскихъ чиновъ (штатовъ) право на основаніе у себя университета.

Въ 1576 году умеръ Реквезенсъ, и король Филиппъ до прибытія новаго намѣстника поручилъ управленіе Нидерландами Генеральнымъ чинамъ (Штатамъ); но чины имѣли за собою правительство только въ южныхъ провинціяхъ; на сѣверѣ же Вильгельмъ Оранскій, какъ штатгалтеръ, пользовался почти неограниченною властью, хотя по имени признавалъ еще короля Филиппа государемъ. Въ южныхъ провинціяхъ оставалось Испанское войско, которое своевольничало и грабило, не получая жалованья: три дня сряду солдаты грабили и разоряли богатый Антверпенъ. Вильгельмъ Оранскій воспользовался этимъ случаемъ, чтобы соединить сѣверныя и южныя провинціи въ одномъ общемъ движеніи противъ Испаніи. Въ ноябрѣ 1576 года это соединеніе утверждено было договоромъ въ Гентѣ, почему и носитъ названіе *Гентскаго умиренія*. Соединенные чины, все еще признавая Филиппа своимъ государемъ, постановили, что Испанскія войска должны быть изгнаны изъ Нидерландовъ, и приняты были мѣры для обезпеченія протестантизма въ сѣверныхъ провинціяхъ, на что Филиппъ, разумѣется, никакъ не могъ согласиться. Филиппъ II назначилъ намѣстникомъ Нидерландовъ Донъ-Жуана, Лепантскаго побѣдителя; но чины, по внушенію Вильгельма Оранскаго, соглашались признать новаго намѣстника только съ условіемъ, чтобы онъ, съ своей стороны, призналъ Гентское умиреніе и удалилъ изъ Нидерландовъ Испанскія и вообще всѣ чужеземныя войска. Донъ-Жу-

анъ уступилъ этому требованію, и самъ король подтвердилъ уступку и объявилъ всепрощеніе безъ всякаго исключенія; но Вильгельмъ Оранскій упорно отказывался отъ примиренія съ Испанією. И южные, католическіе чины, не довѣряя Донъ-Жуану, не отдавали ему крѣпостей, и вообще у намѣстника королевскаго оставалась только тѣнь власти. Донъ-Жуанъ не хотѣлъ выносить такого положенія и началъ силою забирать крѣпости. Война возобновилась. Чины начали искать себѣ союзниковъ: одно время призвали къ себѣ эрцгерцога Матѳея, брата императора Рудольфа II, потомъ обратились къ Франціи, приняли къ себѣ брата Французскаго короля, герцога Анжуйскаго, который назвался покровителемъ Нидерландовъ. Но ни Матѳей, ни Анжу, по своей ничтожности, не могли оказать помощи Нидерландамъ, и кромѣ того Анжу пытался предательскимъ образомъ утвердиться въ странѣ. Въ 1578 году умеръ Донъ-Жуанъ, оставивъ своимъ преемникомъ принца Александра Фарнезе Пармскаго, сына прежней намѣстницы Маргариты, человѣка одареннаго блестящими военными способностями. Новый намѣстникъ воспользовался сословнымъ раздѣленіемъ въ южныхъ провинціяхъ, чтобы порвать связь ихъ съ сѣверными и оттянуть къ Испаніи. Въ Гентѣ и другихъ городахъ обнаружилось крайнее демократическое движеніе, враждебное дворянству и католицизму. Вожди демократическаго движенія въ городахъ находились въ связи съ Вильгельмомъ Оранскимъ, которому и безъ того не хотѣла подчиняться сильная на югѣ аристократія; кромѣ того, въ сѣверныхъ провинціяхъ католики подверглись гоненію отъ протестантовъ. Все это заставило южное католическое дворянство примкнуть къ Александру Пармскому, у него искать поддержки. Въ 1579 году южныя провинціи образовали отдѣльный отъ сѣверныхъ союзъ и признали верховную власть короля Испанскаго; въ томъ же мѣсяцѣ и сѣверныя провинціи въ Утрехтѣ образовали особый союзъ.

Главный виновникъ сѣвернаго союза, Вильгельмъ Оранскій, былъ застрѣленъ французомъ Бальтазаромъ Жерардомъ въ 1584 году. Сѣверные чины провозгласили девятнадцатилѣтняго сына его Морица штатгалтеромъ Голландіи, Зеландіи и Утрехта и великимъ адмираломъ. Между тѣмъ Александръ Пармскій утверждалъ Испанское владычество въ южныхъ Нидерландахъ: Гентъ принужденъ былъ ему сдаться въ 1584 году; въ слѣдующемъ году сдался и Антверпенъ послѣ двугодичной осады, знаменитой въ военной исторіи по употребленнымъ тутъ механическимъ и военнымъ средствамъ; повсюду протестанты должны были или отречься отъ своего исповѣданія, или оставлять отечество. Эта мѣра усилила сѣверныя провинціи, ку-

да въ три года перешло болѣе 100,000 жителей изъ южныхъ областей; изгнанники перенесли на сѣверъ свое имѣніе, промыслы, искусство; большая часть жителей Антверпена перешла въ Амстердамъ, который вслѣдствіе этого и наслѣдовалъ торговое значеніе Антверпена. По взятіи послѣдняго сѣверныя провинціи вели войну съ помощью Англіи, и потомъ, когда въ девяностыхъ годахъ Александръ Пармскій началъ болѣть и долженъ былъ удалиться изъ Нидерландовъ съ войскомъ вслѣдствіе войны у Испаніи съ Франціею, сѣверныя провинціи получили первокласснаго полководца въ возмужаломъ принцѣ Морицѣ Оранскомъ, который одержалъ побѣду надъ Александромъ Пармскимъ у Нимвегена. Въ концѣ 1592 года умеръ Александръ Пармскій и преемникомъ его былъ назначенъ Эрцгерцогъ Албрехтъ Австрійскій, женатый на дочери Филиппа II-го. Морицъ Оранскій успѣлъ очистить отъ Испанскихъ войскъ всѣ семь сѣверныхъ провинцій и даже занять нѣкоторыя мѣста въ южныхъ; но скоро онъ встрѣтилъ себѣ страшнаго соперника въ Испанскомъ генералѣ Амбросіи Спинолѣ, отъ котораго не могъ отстоять Остенде, взятаго Испанцами въ 1604 году послѣ трехлѣтней осады, также знаменитой въ исторіи военнаго искусства. Эта борьба уже велась по смерти Филиппа II, умершаго въ 1598 году. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Филиппъ III, которому тяжело было продолжать томительную войну съ сѣверными провинціями, войну, — которой не предвидѣлось конца; знаменитый Спинола хотѣлъ обратить свое оружіе противъ протестантовъ въ Германіи, поддержать здѣсь Габсбургскій домъ и католицизмъ, а двухъ войнъ Испанія не была въ состояніи вести по разстройству финансовъ. Съ другой стороны и сѣверныя провинціи желали также покоя: онѣ лишились помощи Англіи вслѣдствіе смерти королевы Елисаветы; притомъ главы республиканской партіи въ Голландіи подозрѣвали Морица Оранскаго въ стремленіи захватить верховную власть и хотѣли прекращеніемъ войны отнять значеніе у опаснаго героя; наконецъ сухопутная война противъ такого войска, какъ Испанское, противъ такого полководца, какъ Спинола, была не по силамъ маленькой республикѣ, которой все вниманіе было обращено на торговлю. Начались мирные переговоры, затянулись надолго; только въ 1609 году наконецъ заключено было двѣнадцатилѣтнее перемиріе; обѣ стороны согласились остаться при томъ, чѣмъ владѣли: Филиппъ III согласился при этомъ договариваться съ сѣверными провинціями какъ съ свободными, и потому съ этого времени можно положить начало республики семи соединенныхъ провинцій или, какъ обыкновенно говорили, Голландской республики.

Такимъ образомъ Испанія потеряла сѣверныя Нидерланды. Кромѣ борьбы съ ними, Испанія при Филиппѣ II вела борьбу съ Франціею и Англіею, вездѣ являясь защитницею католицизма противъ протестантизма. Такое направленіе Испанской политики поддерживалось и при преемникахъ Филиппа II, сыпѣ Филиппѣ III и внукѣ Филиппѣ IV, хотя эти короли далеко уступали Филиппу II-му въ энергіи и способностяхъ, вслѣдствіе чего главную роль начинаютъ играть министры: при Филиппѣ III герцогъ Лерма и сынъ его, герцогъ Узеда, а при Филиппѣ IV—графъ Оливарецъ. При Филиппѣ III Испанское правительство покончило съ Маврисками, потому что, какъ мы видѣли, Испанія не могла переварить у себя народа въ народѣ при столь рѣзкомъ различіи и зачатой ненависти между обоими. Такое важное дѣло, какъ рѣшеніе участи Маврисковъ, не обошлось безъ борьбы между самими Испанцами, между самими духовными лицами, кардиналами: противъ людей, утверждавшихъ о необходимости изгнанія враждебныхъ Маврисковъ, отъ которыхъ, кромѣ опасности и вреда, не можетъ быть ничего хорошаго для страны, возражали, что это изгнаніе истощитъ въ конецъ страну, потому что Мавриски составляютъ самое трудолюбивое и промышленное ея народонаселеніе, Испанскіе землевладѣльцы лишатся доходовъ, лишившись арендаторовъ. Несмотря на эти возраженія, люди, настаивавшіе на необходимости изгнанія Маврисковъ, восторжествовали; имъ помогло то обстоятельство, что Французскіе и Англійскіе еmissары поднимали Маврисковъ противъ Испанскаго правительства, и 400 человекъ Маврисковъ оказались виновными въ заговорѣ. Тогда рѣшили изгнать Маврисковъ въ Африку, и въ пять съ чѣмъ нибудь мѣсяцевъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе (1609—1610 г.): Испанія лишилась до 600.000 человекъ своего народонаселенія.

Испанія, преимущественно при Филиппѣ II-мъ, являлась первенствующею католическою державою; глаза всѣхъ католиковъ были постоянно обращены на нее, какъ на главную защитницу церкви; протестанты боялись Испаніи больше всего, и нельзя было не бояться перваго по своей храбрости и искусству войска въ Европѣ, которымъ постоянно предводительствовали знаменитѣйшіе полководцы. Славолюбіе рыцарскаго народа было вполне удовлетворено; роль этого народа обозначилась и въ томъ, что испанскія моды господствовали при дворахъ Европейскихъ. Знаменитой роли соотвѣтствовало сильное литературное движеніе, самостоятельное, передовое, которымъ воспользовались народы, такъ сильно враждовавшіе съ Испаніею,—Англичане и Французы. Относительно національнаго развитія писъ-

менности Испанія въ XIII и XIV вѣкахъ достигла того, чего Франція достигла только въ XVI, а Германія только въ XVIII вѣкѣ: уже въ XIII вѣкѣ въ Испаніи всѣ юридическіе акты составлялись на языкѣ народномъ, а не латинскомъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ Испанцы отбросили формы античной драмы, и Лопе-де-Вега создалъ національную драму; Кальдеронъ еще болѣе обогатилъ національный Испанскій театръ; Сервантесъ прославилъ себя и литературу своего народа знаменитымъ Донъ-Кихотомъ. Сильно развивалась Испанская жизнь, но развивалась односторонне. Народъ воиновъ, рыцарей могъ бы въ древности покорить многіе народы, основать всемірную монархію; но въ новой Европѣ онъ долженъ былъ вести войны съ сильными народами, съ союзами государствъ, долженъ былъ истощать свои средства въ продолжительной, далекой, славной, но бесполезной для могущества страны борьбѣ, — въ борьбѣ преимущественно за начало (принципъ), за католицизмъ противъ ереси. И когда религіозное движеніе въ Европѣ затихло, Испанія по необходимости отыграла свою роль, сошла съ исторической сцены, ибо ей нечего было больше дѣлать въ Европѣ, не за что бороться, а между тѣмъ въ другихъ условіяхъ, которыя бы поддержали развитіе ея жизни, оказался сильный недочетъ: развитіе было одностороннее, Испанцы были народъ воиновъ и монаховъ, промышленность, торговля были занятіями не національными, были въ упадкѣ, матеріальныя средства истощились въ долгой борьбѣ, истощились финансы, истощилось народонаселеніе: много его погибло въ войнахъ на разныхъ концахъ Европы, много ушло въ Новый Свѣтъ, Мавриски изгнаны. Уменьшалось и бѣднѣло Испанское народонаселеніе вообще; но не уменьшалось въ числѣ и не бѣднѣло духовенство. Въ Испаніи было 58 архіепископствъ, 684 епископства, 11,400 монастырей, 46,000 монаховъ, 13,800 монахинь, всего духовенства 400,000. Вслѣдствіе этихъ условій Испанцы потеряли возможность къ продолженію дѣятельной исторической жизни. Старое, чѣмъ такъ долго жилось, оказалось несостоятельнымъ, ненужнымъ, а потому страннымъ и смѣшнымъ, какъ все старомодное; знаменитѣйшее произведеніе Испанской литературы, Донъ-Кихотъ, представляло насмѣшку надъ рыцарствомъ, насмѣшку надъ основнымъ явленіемъ Испанской національной жизни: стало-быть, это явленіе изжилося. Старое изжилося, а новаго не было наготовѣ, и народъ, истощенный нравственно и матеріально, погрузился въ продолжительный сонъ.

Въ царствованіе Филиппа IV, когда Испанскія войска, по обыкновенію, были разбѣяны въ разныхъ углахъ Европы, въ Нидерлап-

дахъ боролись съ Французами и Голландцами, въ Италіи съ Французами, когда въ Каталоніи кипѣлъ сильный бунтъ, происшедшій случайно, какъ бываетъ у народовъ заснувшихъ, которые вдругъ пробуждаются отъ какого-нибудь толчка и приходятъ въ сильное, мало сознательное движеніе,—въ это самое время, вслѣдствіе французскаго вліянія и золота, знатные Португальцы, въ томъ числѣ и архіепископъ Лиссабонскій, составили заговоръ отдѣлить Португалію отъ Испаніи. Іоаннъ, герцогъ Браганцкій, происходившій по женской линіи отъ прежнихъ Португальскихъ королей, воспользовался тѣмъ, что Испанское правительство уполномочило его защищать Португалію отъ Французскаго нашествія, приучилъ страну смотрѣть на себя какъ на верховнаго повелителя, приобрѣлъ на испанскія деньги себѣ, приверженцевъ. Въ декабрѣ 1640 года вспыхнуло возстаніе; Испанцы, застигнутые въ расплохъ, были перехватаны, и королемъ провозглашенъ герцогъ Браганцкій, подъ именемъ Іоанна IV; всѣ Европейскія государства признали новую династію; Испанское правительство не имѣло силы ее свергнуть. Но Португалія мало выиграла отъ этого переворота, ибо въ ней господствовали тѣ же условія народной жизни, какія мы видѣли въ Испаніи; имѣя, по слабости своей, нужду въ поддержкѣ какой-нибудь сильной чужой державы, она нашла эту поддержку въ Англіи, но должна была за это поплатиться, вступить въ полную зависимость отъ Англичанъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніи.

Иная была судьба отдѣлившейся отъ Испаніи Голландіи. Сильная торговая и промышленная дѣятельность быстро подняли благосостояніе народа, завоевавшего свою страну у моря. Голландцы утвердились на Молукскихъ островахъ и захватили въ свои руки торговлю пряностями, отняли у Португальцевъ Цейлонъ и Малакку, на островѣ Явѣ основали городъ Батавію, который сдѣлался средоточіемъ ихъ Остъ-Индской торговли; въ Африкѣ заняли мысъ Доброй Надежды; въ сѣверныхъ моряхъ овладѣли китовою и сельдяною ловлею. Въ ихъ университетахъ процвѣтала наука, обращенная тогда преимущественно на изученіе классической древности; процвѣтало искусство. Молодая республика скоро дала Европѣ знаменитаго ученаго по международному и государственному праву: то былъ Гуго-де-Гроотъ, обыкновенно извѣстный въ латинской формѣ его имени. *Гуго Гроціусъ* (род. 1583 г.), авторъ книги «*О правѣ войны и мира*» Среди ожесточенныхъ войнъ, ознаменовавшихъ начало Новой Исторіи, когда побѣдители не умѣли давать пощады побѣжденнымъ, Гроцій возвысилъ голосъ о *правѣ*, о человѣчествѣ, указалъ на другое

право, кромѣ права сильнаго. Гроцій провозгласилъ единственною законною причиною войны поддержаніе права, нарушеннаго обидою; онъ считаетъ справедливою наступательную войну цивилизованныхъ народовъ противъ варварскихъ, какъ наказаніе за нарушение права естественнаго; считаетъ справедливою войну по религіознымъ побужденіямъ, наприм. войну съ народами, которые приносятъ человѣческія жертвы своимъ ложнымъ богамъ; но при этомъ онъ не считаетъ законною войну съ невѣрными для распространенія среди нихъ Христіанства, тѣмъ менѣе войну съ еретиками. Гроцій повторяетъ слова Цицерона: «Два способа кончить споръ: мирнымъ разборомъ дѣла и соглашеніемъ, или силою; первое свойственно существамъ разумнымъ, второе дикимъ звѣрямъ: и такъ прибѣгать къ силѣ можно только тогда, когда разумъ оказывается безсиленъ». Гроцій желаетъ, чтобы христіанскія государства собирались для совѣщаній объ общихъ интересахъ и принуждали къ миру; миръ есть законъ международныхъ отношеній, цѣль войны — скорѣйшее заключеніе мира; независимые государи, неумѣющіе связывать себя даннымъ словомъ, подобны дикимъ звѣрямъ. По представленію Гроція, человѣкъ влечется къ общественной жизни вслѣдствіе нравственной необходимости, не для выгодъ, а единственно для удовлетворенія потребностямъ человѣческой природы. Въ книгѣ Гроція уже является мысль, что государство обязано своимъ существованіемъ договору между гражданами, — мысль, развитая впослѣдствіи другими; верховная власть принадлежитъ вообще государству какъ цѣлому, и въ особенностяхъ лицу, облеченному высшимъ авторитетомъ; во время междуцарствія общественная власть возвращается къ народу, изъ котораго проистекла; но народъ не находится въ постоянномъ и дѣйствительномъ обладаніи верховною властью и не имѣетъ права требовать къ отвѣту и наказывать государей, употребляющихъ во зло свою власть.

Гуго Гроцій былъ товарищемъ и единомышленникомъ знаменитаго Великаго Пенсіонарія Голландіи, Ольденбарневельдта, которому молодая республика была много обязана своимъ государственнымъ устройствомъ. Законодательная и верховная власть съ правомъ наложенія податей принадлежала собранію депутатовъ семи соединенныхъ провинцій или такъ называемымъ генеральнымъ штатамъ; исполнительная власть была въ рукахъ Верховнаго Совѣта, въ члѣ котораго находился штатгалтеръ; войскомъ и флотомъ завѣдывалъ исключительно штатгалтеръ; внутреннее управленіе каждой отдѣльной провинціи завпсѣло отъ провинціальныхъ чиповъ, состоявшихъ изъ

дворянскихъ и городскихъ депутатовъ. Съ самаго начала республики мы уже видимъ борьбу между стремившимся къ самовластію штатгалтеромъ и такъ называемыми патріотами, людьми, желавшими поддержанія республиканскихъ формъ. Сюда присоединилась еще борьба религіозная между послѣдователями двоихъ богослововъ — *Гомара*, строгаго послѣдователя ученія Кальвина относительно предопредѣленія и рѣзкой отдѣльности церкви отъ государства, и *Арминія*, допускавшаго и участіе свободной воли человека въ дѣлѣ спасенія и учившаго, что церковь должна быть подчинена государству. Ольденбарневельдтъ, Гуго Гроцій и вообще образованнѣйшіе люди были Арминіане, штатгалтеръ, принцъ Оранскій и низшее народонаселеніе — Гомаристы. Въ 1618 году борьба кончилась тѣмъ, что семидесятидвухлѣтній Ольденбарневельдтъ былъ казненъ смертію, а Гуго Гроцій осужденъ на вѣчное заключеніе; съ помощью жены ему удалось спастись изъ тюрьмы и бѣжать за границу; изгнанникомъ онъ жилъ сначала во Франціи, потомъ въ Швеции.

Быстро поднялась молодая Голландская республика; но и въ ея развитіи обнаружилась односторонность; господство торговаго духа съ барышничествомъ, мелочностью скоро высказалось въ отправленияхъ народной жизни; торговая республика могла отбиться отъ далекой, растянувшей свои владѣнія и постепенно слабѣвшей Испаніи; но едва могла съ чужою помощью защитить свою маленькую территорію отъ завоевателя ближайшаго, Французскаго короля Людовика XIV, и не могла защитить ее отъ завоевательной Французской республики. Судьба торговаго Голландскаго народа имѣетъ поразительное сходство съ судьбою торговаго народа въ древнемъ мірѣ, Финикіянъ: та же обширная, обхватывавшая весь извѣстный міръ торговая и промышленная дѣятельность, богатые колоніи, и въ то же время ничтожная государственная область, невозможность отстаивать свою независимость отъ завоевателей. Судьба Финикіи и Голландіи показываетъ, что богатство и блескъ, происходящіе отъ процвѣтанія промышленности и торговли, не составляютъ еще всего для народа, если у него при этомъ нѣтъ средствъ сохранить драгоцѣннѣйшее благо народное, независимость.

VI.

Англія при Тюдорахъ.

Развитіе парламентскихъ формъ.—Генрихъ VIII.—Отношеніе англійской церкви къ папѣ.—Распространеніе протестантизма.—Тиндаль.—Дѣло о разводѣ короля.—Отпаденіе англійской церкви отъ римской.—Томасъ Морусъ.—Томъ Кромвель.—Регинальдъ Поль.—Шесть артикуловъ.—Бракъ Генриха VIII.—Палата общинъ.—Шотландія.—Протекторъ герцога Сомерсетъ.—Герцогъ Нортумберландъ.—Марія Тюдоръ и Жана Грей.—Елисавета.—39 артикуловъ.—Протестантизмъ въ Шотландіи.—Ноксъ.—Марія Стюартъ.—Борьба Елисаветы съ Филиппомъ II.—Ессексъ.—Популярность Елисаветы.—Ея столкновенія съ парламентомъ.

Переходимъ къ странѣ, также знаменитой своимъ богатствомъ, своею промышленною и торговою дѣятельностью, но имѣвшей другія, болѣе прочныя основанія своего могущества и значенія въ Европѣ, чѣмъ Голландія. Соединенныя теперь королевства Великобританія и Ирландія расположены на двухъ большихъ островахъ. Это островное положеніе имѣетъ важное значеніе: во-первыхъ оно благоприятствуетъ развитію мореплаванія и торговой дѣятельности; во-вторыхъ, доставляетъ безопасность отъ вторженія непріятеля и тѣмъ избавляетъ отъ обязанности содержать большое постоянное войско.

Но если островное положеніе защищаетъ Англію отъ внѣшнихъ нападеній, то это надобно принимать съ ограниченіемъ: одного этого условія недостаточно для защиты, нужна при этомъ внутренняя сила, внушающая страхъ врагу, который бы отважился пристать къ острову; когда народонаселеніе Англіи было слабо, тогда мы видимъ цѣлый рядъ враждебныхъ нападеній на нее и завоеваній; островное положеніе не избавило Британіи отъ Римскаго и Англо-Саксонскаго завоеванія, не избавило отъ жестокихъ нападеній Норманновъ изъ Скандинавіи, отъ завоеванія Норманнами изъ Франціи: это завоеваніе было послѣднимъ—знакъ, что съ этихъ поръ начинается внутреннее усиленіе Англіи, которому не мѣшала внутренняя борьба, бывшая

слѣдствіемъ завоеванія и опредѣлившая тѣ формы политической жизни, которыми знаменита Англія. Вождь Норманнскаго завоеванія Вильгельмъ Завоеватель и потомки его были истые Норманны, *«жадные къ захвату»*, какъ ихъ характеризовали современники. На престолѣ Англійскомъ они постоянно дѣйствовали въ томъ же духѣ, усиливая свою власть и свои матеріальныя средства на счетъ подчиненнаго народонаселенія. Но верхній слой этого народонаселенія составляли также Норманны, товарищи завоевателя, подѣлившіе съ нимъ добычу, ставшіе землевладѣльцами въ Англіи. Если король, какъ истый Норманнъ, стремился къ захвату, то бароны, такъ же, какъ истые Норманны, выставляли сопротивленіе стремленіямъ короля; эти стремленія обнаружались рано, когда еще бароны, послѣ завоеванія, не успѣли отвыкнуть отъ общаго дѣла, разъединиться, и потому имъ легко было выставить сопротивленіе королевскимъ насиліямъ. Тяжелое правленіе Генриха I произвело то, что преемникъ его Стефанъ долженъ былъ дать хартію въ обезпеченіе отъ насилій. Плантагенеты наслѣдовали отъ прежней династіи ея характеръ, стремленіе къ захвату и этимъ самымъ постоянно держали бароновъ насторожѣ, наготовѣ къ общему дѣлу сопротивленія. Короли для своихъ цѣлей нуждались прежде всего въ войскѣ *своемъ*, отъ нихъ вполне зависящемъ: это войско наемное (Брабансоны, изъ Брабанта); для найма войска нужны деньги, и короли не церемонятся съ подданными при сборѣ этихъ денегъ: отсюда двѣ главныя жалобы—противъ иностраннаго войска и тяжкихъ денежныхъ поборовъ. Насильственное правленіе Іоанна Безземельнаго возбуждаетъ возстаніе бароновъ; но бароны встаютъ не одни, они протягиваютъ руки горожанамъ, жители Лондона поднимаются вмѣстѣ съ баронами для дружнаго отпора королевскимъ насиліямъ. Этотъ союзъ бароновъ съ горожанами доставилъ англійской аристократіи то высокое положеніе, которымъ она до сихъ поръ пользуется въ странѣ. Король долженъ былъ уступить и дать знаменитую Великую Хартію (Magna Charta). Подати опредѣлены; для податей чрезвычайныхъ нужно согласіе парламента; произвольный захватъ людей и имуществъ со стороны короля уничтоженъ; иностранцы и чужеземное наемное войско удалены. Это первое дѣйствіе могло бы и не быть богато результатами, если бы преемники Безземельнаго приняли другую политику; но они продолжали возбуждать къ борьбѣ силы къ ней приготовленныя, себя сознавшія, и тѣмъ способствовали развитію парламентскихъ формъ. Такъ борьба продолжается при сынѣ Безземельнаго, Генрихѣ III, который былъ взятъ въ плѣнъ Симономъ Монфоромъ, предводителемъ недовольныхъ бароновъ; парламентъ со-

зывается уже не по волѣ королевской, но постоянно; Монфоръ призывается въ парламентъ не только вельможъ духовныхъ и свѣтскихъ (верхняя палата лордовъ), но также депутатовъ изъ низшаго дворянства и городовъ (нижняя палата общинъ). Сынъ Генриха III, Эдуардъ I, блестящій, войнолюбивый, чтобы имѣть средства для войны съ Франціей, прибѣгаетъ къ налогамъ и опять поднимаетъ противъ себя вельможъ и лондонскихъ горожанъ, которые заставляютъ его подтвердить Великую Хартію, обязаться впередъ не собирать денегъ безъ согласія парламента. Поведеніе сына Эдуарда I, Эдуарда II, дѣтски слабого человѣка, подчиненнаго любимцамъ, опять вызываетъ движеніе со стороны вельможъ; назначенная изъ нихъ коммиссія опять постановляетъ ежегодное созваніе парламента, постановляетъ, что король не можетъ безъ согласія бароновъ назначать на высшія должности, не можетъ отчуждать коронныхъ имѣній. Усобица между Эдуардомъ II и его женою также содѣйствуетъ усиленію значенія парламента, ибо королева опирается на него. Королю слабому, какъ Эдуардъ II, наследовалъ опять король—рыцарь Эдуардъ III, котораго все вниманіе было обращено на внѣшнюю войну; имѣя постоянно нужду въ деньгахъ для войны, Эдуардъ въ пятидесятилѣтнее правленіе свое созываетъ парламентъ не менѣе 50 разъ; а въ послѣдніе годы Эдуарда III, впадшаго въ дѣтство, парламентъ еще болѣе усиливается. Послѣ Эдуарда III усобица въ королевскомъ родѣ: недовольные Ричардомъ II Англичане свергаютъ короля посредствомъ двоюроднаго брата его, Генриха Ланкастерскаго (Генрихъ IV). Страшная усобица, извѣстная подъ именемъ *«войны Бѣлой и Алой Розы»*, истребила много вельможъ, истомила народъ, и потому естественно, что короли изъ новой династіи Тюдоровъ не могли встрѣтить въ парламентѣ такого сильнаго сопротивленія, какое встрѣчали короли изъ прежней династіи, и потому Тюдоры кажутся почти самовластными государями; но при этомъ надобно замѣтить, что Тюдоры ведутъ себя иначе, осторожнѣе, избѣгаютъ столкновеній по самому существенному вопросу, вопросу денежному, избѣгаютъ разорительныхъ войнъ, которыя если и ведутся, то имѣютъ болѣе національный характеръ, чѣмъ прежнія; наконецъ скоро на первомъ планѣ становятся внутреннія религіозныя движенія, которыя поглощаютъ все вниманіе народа, вопросы политическіе уступаютъ имъ господство.

Преемникомъ перваго Тюдора, Генриха VII, былъ сынъ его Генрихъ VIII (1509—1547). Молодой король былъ уменъ, отлично образованъ, твердъ, настойчивъ, избалованъ. Англія находилась въ самомъ выгодномъ положеніи; на континентѣ происходила сильная борьба

между Францією и Испанією, и борющіяся стороны должны были заискивать пріязнь Англійскаго короля. Выгодное положеніе Англіи всего виднѣе было въ положеніи государственнаго канцлера при Генрихѣ VIII, кардинала Вольсея, который получалъ деньги отъ короля Французскаго, императора и папы. Въ Германіи обнаружилось религіозное движеніе, Лютеръ всталъ противъ папы: какъ же отнесется Англія къ этому событію? Англія, по самому развитію своей политической жизни, не могла терпѣливо подчиняться папской власти, удовлетворять требованіямъ церковнаго государя; если Англіійскій народъ такъ заботливо охранялъ свое имущество, не позволялъ своимъ королямъ налагать подати безъ согласія парламента, то понятно, что онъ не могъ позволить папѣ кормиться и кормить своихъ итальянцевъ на счетъ Англіи. Еще въ XIV вѣкѣ парламентъ постановилъ, что папа не можетъ распоряжаться церковными мѣстами въ Англіи, потому что раздаетъ ихъ обыкновенно иностранцамъ, «тогда какъ церковь основана въ Англіи королями и вельможами для себя и для своего народа». Папа не обратилъ вниманія на постановленіе и отдалъ одно доходное мѣсто итальянскому кардиналу, тогда какъ король представилъ уже своего кандидата; Англіійскіе епископы рѣшили въ пользу королевскаго кандидата; папа отлучилъ ихъ за это отъ церкви. Тогда палата общинъ объявила, что, при видѣ такого нарушенія правъ королевскихъ, всѣ общины стануть за короля и готовы положить за него свои головы; лорды объявили, что они будутъ поддерживать корону; епископы — что они не будутъ входить въ разбирательство, имѣлъ ли папа право отлучать ихъ отъ церкви, или нѣтъ, только ясно, что это отлученіе противно правамъ англійской короны, и они, епископы, будутъ стоять за корону, какъ вѣрные подданные. Папа уступилъ. Понятно также, что въ Англіи менѣе чѣмъ гдѣ-либо могли равнодушно смотрѣть на недостойное поведеніе, какое позволяло себѣ духовенство, монахи; обличители явились изъ среды самого духовенства, именно ученѣйшіе изъ его членовъ; въ 1486 году соборъ епископовъ нашель, что духовенство вообще ведетъ себя дурно; разослано было увѣщаніе исправиться, но при этомъ внушено было и обличителямъ, чтобы они осторожниѣ обличали своихъ собратій предъ свѣтскими людьми, «которые всегда враждебны духовенству». Лондонскій епископъ признавался Вольсею, что присяжные непремѣнно обвиняютъ духовнаго чловека, хотя бы онъ былъ невиненъ какъ Авель. Такая враждебность свѣтскихъ людей преимущественно поддерживалась безнаказанностью духовенства: духовное лицо, уличенное въ важномъ преступ-

леніи, отдѣлывалось легкою епитемією и ничтожною денежною пеней. Парламентъ, созванный въ 1529 году началъ свою дѣятельность тѣмъ, что палата общинъ представила королю обвинительный актъ противъ духовенства, жаловалась, что духовные, вмѣсто исполненія своихъ обязанностей, преданы мірскимъ заботамъ, ходятъ по судамъ, занимаются разными промыслами, одно лицо имѣетъ иногда восемь или девять мѣстъ; парламентъ издалъ законъ противъ замѣщенія многихъ мѣстъ однимъ лицомъ.

Между тѣмъ протестантизмъ началъ распространяться въ Англіи. Студенты всѣхъ націй стекались въ это время въ Виттенбергъ слушать Лютера и Меланхтона, туда же явился и Англичанинъ Тиндаль, бывшій домашнимъ учителемъ въ отечествѣ; онъ познакомился съ Лютеромъ и подъ его непосредственнымъ надзоромъ перевелъ Евангеліе и Апостольскія посланія. Послѣ этого Тиндаль поселился въ Антверпенѣ; здѣсь присоединились къ нему другіе ученые Англичане и завели типографію для распространенія въ Англіи переведеннаго Новаго завѣта и протестантскихъ сочиненій. Число людей, принявшихъ новое ученіе, увеличилось въ Англіи, и правительство начало преслѣдовать еретиковъ. Генрихъ VIII питалъ отвращеніе къ ереси; въ 1521 г. онъ написалъ книгу противъ Лютера въ защиту семи таинствъ, и получилъ за это отъ папы титулъ *защитника вѣры*; Лютеръ отвѣчалъ на эту книгу, по своему обыкновенію, запальчиво и грубо, не пощадилъ для Генриха самыхъ оскорбительныхъ выраженій; сильно досталось и Вольсею. Понятно, что послѣ такого отвѣта Генрихъ не могъ съ особенною благосклонностью смотрѣть на послѣдователей Лютера въ Англіи. Но, съ другой стороны, и Генрихъ и Вольсей хорошо знали, какъ недостойное поведеніе монаховъ благопріятствуетъ распространенію ереси; король только опасался принять рѣшительныя мѣры, чтобы не поколебать всего зданія церковнаго. Однажды, прочитавъ книгу, гдѣ описывалось поведеніе монаховъ, король призадумался и потомъ сказалъ: «Если человѣкъ захочетъ разрушить старую каменную стѣну и начнетъ снизу, то верхняя часть можетъ упасть ему на голову». У Вольсея была мысль очистить Англійскую церковь, преобразовать монастыри, сдѣлать изъ нихъ крѣпкія стѣны церкви, наполнивъ ихъ людьми благочестивыми и учеными. Но этотъ планъ министра не исполнился, потому что король измѣнилъ своей осторожной политикѣ, защитникъ вѣры отложился отъ папы.

Генриха изъ политическихъ расчетовъ женили въ очень молодыхъ лѣтахъ на вдовѣ старшаго его брата Артура, Екаторинѣ, принцессѣ

Аррагонской, дочери Фердинанда Католика; жена была шестью годами старше мужа. 18 лѣтъ Генрихъ прожилъ въ мирѣ съ Екатериною; но тутъ влюбился въ фрейлину королевы, Анну Болейнъ. Эта страсть, возбудивъ отвращеніе къ старой женѣ, заставила Генриха думать о разводѣ: онъ припомнилъ, какъ неохотно папа далъ разрѣшеніе на бракъ его со вдовою брата, какъ неблагопріятно смотрѣли на этотъ бракъ въ Англіи, считая его непозволительнымъ, и дѣйствительно, казалось, что Богъ не благословилъ брака: изъ пятерыхъ дѣтей въ живыхъ осталась одна дочь Марія, мальчики или родились мертвыми или умирали вскорѣ послѣ рожденія. Къ несчастью Екатерины желаніе Генриха развестись съ нею встрѣчало сильное сочувствіе въ народѣ Англійскомъ, который, отдохнувъ отъ усобицы, съ ужасомъ помышлялъ о возможности ея возобновленія, если король умретъ, не оставивъ наслѣдника мужского пола. Генрихъ обратился къ папѣ съ просьбою уничтожить бракъ съ Екатериною, какъ незаконный, и разрѣшить бракъ на Аннѣ Болейнъ. Папа былъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе: ему хотѣлось исполнить желаніе защитника вѣры, и въ то же время онъ боялся оскорбить императора Карла V, племянника королевы Екатерины. Папа сталъ уклоняться отъ рѣшенія щекотливаго дѣла, затягивать его; Генрихъ терялъ терпѣніе и сорвалъ свое сердце на Вольсей, который находился во враждебныхъ отношеніяхъ къ Аннѣ Болейнъ: Вольсей былъ удаленъ отъ дѣлъ въ 1529 году. Потомъ Генрихъ принялъ совѣтъ—спросить мнѣнія о разводѣ у всѣхъ университетовъ и ученѣйшихъ богослововъ Европы, въ надеждѣ, что папа долженъ будетъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Чтобы получить мнѣніе Итальянскихъ ученыхъ въ пользу развода, Англійское правительство сочло нужнымъ употребить для этого деньги, а Испанское сочло нужнымъ застрашивать людей, которые за англійскія деньги хлопотали въ пользу Генриха: такимъ образомъ въ Италіи деньги съ одной стороны и угрозы съ другой не дали ученымъ возможности высказаться; въ Германіи также боялись оскорбить императора; Лютеръ былъ противъ развода, но соглашался на то, чтобъ Генрихъ, не разводясь съ Екатериною, женился на Аннѣ Болейнъ и имѣлъ двѣ жены по примѣру патріарховъ. Французскій король, желая поссорить Генриха VIII съ Карломъ V, потребовалъ отъ Парижскаго университета, чтобъ тотъ высказался въ пользу развода; большинство ученыхъ и хотѣло высказаться въ этомъ смыслѣ, но одинъ докторъ объявилъ, что университетъ не можетъ приступить къ обсужденію дѣла безъ позволенія папы, и былъ поддержанъ Испанскою и Итальянскою партіями въ

университетѣ. Узнавши объ этомъ, Французскій король велѣлъ сказать смѣлому доктору, что если онъ возобновитъ сопротивленіе, то будетъ жестоко наказанъ, и послѣ этого внушенія сопротивленія не оказалось. Это явленіе, несмотря на свои темныя стороны, ясно показываетъ намъ, какую общюю жизнью жила тогдашняя Европа: дѣло о разводѣ Англійскаго короля отзывалось всюду, занимало образованныхъ людей всѣхъ странъ; если въ Виттенбергѣ, къ колыбели протестантизма, стекалась изъ всѣхъ странъ Европы молодежь, жаждущая новизны и привлекательной борьбы съ властью, такъ долго господствовавшей въ нравственномъ мірѣ, съ властью папы, то въ Парижскій университетъ, строго державшійся старины, также стекались студенты изъ разныхъ странъ, и въ столицѣ отъявленнаго врага Испаніи между учеными существовала Испанская партія.

Между тѣмъ въ Англіи происходило сильное движеніе: въ духовенствѣ нашлись противники развода, которые рѣзко высказывались противъ него въ проповѣдяхъ; за Екатерину вооружилась знаменитая Кентская монахиня, Елизавета Бартонъ, слывшая святою, пророчицею и чудотворицею. Елизавета провозгласила, что если король разведется съ своею женою, то не процарствуетъ и мѣсяца, но умереть дурною смертію. Король обратился къ парламенту, протестуя, что затѣялъ дѣло о разводѣ не для собственнаго удовольствія, но для очищенія своей совѣсти и обезпеченія государства насчетъ престолонаслѣдія. Лорды и депутаты общинъ отправили къ папѣ посланіе съ просьбою исполнить желаніе короля Генриха: «Если вы этого не сдѣлаете, писали они, если вы, нашъ отецъ, рѣшились покинуть насъ какъ сиротъ, и обходиться съ нами, какъ съ людьми потерянными, то мы должны будемъ позаботиться сами о себѣ и поискать другихъ средствъ, ибо мы видимъ тучу бѣдствій, нависнувшихъ надъ нами, предвидимъ возобновеніе старыхъ споровъ о престолонаслѣдіи, которые прекратились послѣ страшнаго кровопролитія». Отвѣта не было; Генрихъ удалилъ Екатерину изъ дворца и женился на Аннѣ Болейнъ; противники развода усилили свои ожесточенныя выходки противъ незаконнаго брака, а съ другой стороны парламентъ постановилъ, чтобъ по дѣламъ о завѣщаніяхъ, бракахъ и ни по какимъ другимъ не было переноса (апелляціи) въ Римъ, послѣднюю инстанціей для нихъ назначенъ судъ архіепископа Кентербюрійскаго; по этому постановленію и дѣло короля рѣшилось въ Англіи. Кранмеръ, ревностный приверженецъ реформы, былъ тогда архіепископомъ Кентербюрійскимъ; на его вопросъ духовный соборъ (конвокація) отвѣчалъ, что папа, разрѣшивши бракъ Генриха съ Екатериною, превы-

силъ свою власть, и потому бракъ этотъ не можетъ считаться законнымъ, дѣйствительнымъ. Крапмеръ присудилъ разводъ (1533 г.), и Анна Болейнъ была коронована. Папа (Климентъ VII) уничтожилъ приговоръ Крапмера противъ Екатерины, и грозилъ Генриху отлученіемъ, если онъ не разведется съ Анною Болейнъ и не соединится опять съ Екатериною; Генрихъ потребовалъ предъ Европою, чтобы его дѣло было перепесено на соборъ, а парламентъ 1534 года объявилъ, что всякая высылка денегъ въ Римъ запрещается и всѣ права Римскаго епископа внутри Англіи уничтожены, переносятся къ коронѣ; но это не значитъ, прибавлено въ его постановленіи, что король, его дворянство и подданные намѣрены отступить отъ церкви Христовой въ чемъ-нибудь касающемся догматовъ католической вѣры или постановленій св. Писанія, необходимыхъ для спасенія. Противники развода заплатились жизнью за свое поведеніе, въ томъ числѣ и Кентская монахиня, обличенная неисполненіемъ ея пророчества и признавшаяся, что люди умные и ученые, для своихъ выгодъ, превозносили ее и внушили убѣжденіе, что въ ней дѣйствуетъ Духъ Св. Такъ какъ явная борьба между королемъ и папою разгорѣлась и грозила Англіи большими опасностями, въ Ирландіи вспыхнуло возмущеніе, при чемъ ждали высадки императорскихъ войскъ и нападенія со стороны Шотландскаго короля, подущаемаго папою, то правительство сочло необходимымъ взять со всѣхъ подданныхъ новую присягу въ вѣрности и послушаніи только королю, а не какой-нибудь еще другой власти или государю. Конвокація провозгласила, что папа имѣетъ такую же власть въ Англіи, какъ и всякій другой епископъ.

Англійская церковь отдѣлилась отъ Римской; но, отдѣлившись отъ Римской церкви, отрекшись отъ папы, она не присоединилась къ церкви вселенской, которая не признавала для себя видимаго главы; давнее отдѣленіе западной церкви отъ вселенской, которая для западной Европы являлась только въ видѣ церкви греческой, раскольниковъ (шизматической), и бѣдственное политическое положеніе востока заставили забыть на западѣ о вселенской церкви; подъ вселенскою разумѣли Римскую; Римская церковь имѣла видимаго главу въ папѣ, и потому не могла себѣ представить церкви безъ видимаго главы; Англійская церковь, въ національномъ стремленіи освободиться отъ папы, какъ иностраннаго государя, оскорблявшаго въ Англіи національное чувство, нарушавшаго права національнаго правительства, хотѣла при этомъ остаться православною, не хотѣла итти протестантскимъ, еретическимъ путемъ, удерживала іерархію,—но гдѣ

же будетъ верховный авторитетъ, который дастъ крѣпость церковному ученію, охранить церковь отъ ереси? о верховномъ авторитетѣ вселенской православной церкви, о вселенскомъ соборѣ забыли на западѣ, а если и помнили, то считали его невозможнымъ, привыкли считать верховный авторитетъ за папоу, и отрекшись отъ папы вслѣдствіе національнаго стремленія, перенесли его значеніе на короля, какъ представителя англійской національности въ борьбѣ съ притязаніями чужой власти папской. По королевской прокламаціи іюня 1534 года каждый епископъ Англійскій долженъ былъ присягнуть въ послушаніи королю, какъ верховному главѣ церкви. Это новое значеніе короля, несчастное наслѣдство отъ западной церкви, требовавшей непремѣнно видимаго главы, не замедлило принести свои плоды: люди боявшіеся революціоннаго, протестантскаго движенія въ церкви, укрѣпились въ своемъ желаніи остаться вѣрными папѣ, потому что не могли никакъ согласиться на облеченіе свѣтской власти верховнымъ авторитетомъ власти церковной; король, сдѣлавшись главою Англійской церкви, папою, долженъ былъ преслѣдовать, какъ бунтовщиковъ, людей, присягавшихъ ему только какъ главѣ государства, и никакъ не хотѣвшихъ присягать ему какъ главѣ церкви; отсюда гоненіе на католиковъ, которое побуждало ихъ къ возмущеніямъ, отчаяннымъ мѣрамъ. Съ другой стороны, Генрихъ VIII хотѣлъ охранить Англійскую церковь отъ ереси и преслѣдовалъ протестантовъ; но протестантизмъ выигрывалъ тѣмъ самымъ, что король отложился отъ Римской церкви, преслѣдовалъ папистовъ, приказывалъ проповѣдникамъ дѣлать выходки противъ Римской церкви, ея злоупотребленій, противъ человѣческихъ вымысловъ и учрежденій въ дѣлахъ божественныхъ: но то же самое дѣлали и протестанты, постоянно проповѣдовавшіе противъ злоупотребленій Римской церкви, стремившіеся уничтожить все то, что, по ихъ словамъ, было человѣческимъ вымысломъ и учрежденіемъ. Но какому же праву они считали то или другое человѣческимъ вымысломъ и учрежденіемъ? совершенно произвольно; а въ новой Англійской, или такъ называемой Англиканской церкви кто рѣшить спорные вопросы, кто установить ученіе? У нея есть папа, глава церкви, король. Но, во-первыхъ, люди съ протестантскимъ направленіемъ желали освободиться отъ авторитета духовнаго главы церкви вовсе не для того, чтобы подчиняться авторитету свѣтскаго папы; во-вторыхъ, на какомъ основаніи король рѣшить спорные вопросы, установить ученіе? на основаніи собственнаго произвола! Въ пылу борьбы съ папою, съ своими папистами, преимущественно монахами, Генрихъ VIII не удержался,

подпалъ вліянію лицъ, преданныхъ протестантизму, и ступилъ на скользкую дорогу отрицанія такъ пазываемыхъ протестантами чело-вѣческихъ учрежденій. Это возбудило неудовольствіе людей, боявших-ся ереси, и многіе предпочли лучше остаться при папѣ, чѣмъ итти за свѣтекимъ главою церкви къ протестантизму; другіе, желавшіе итти быстро по дорогѣ, проложенной германскими реформаторами, были недовольны робкими шагами Генриха и не хотѣли признавать за нимъ папской власти, права устанавливать ученіе церкви. Такимъ образомъ Генрихъ, устанавливая свою національную церковь, нашелся между двумя огнями,—между католиками и протестантами, тѣ и другіе, сопротивляясь волѣ короля, какъ главы церкви, являлись бунтовщиками и подвергались преслѣдованію; началась сильная борьба. Но въ борьбѣ между двумя крайностями Англиканская церковь, оторванная отъ церкви вселенской, предоставленная самой себѣ, произволу своего главы, носилась волнами случайностей то туда, то сюда, то стремилась по протестантской дорогѣ, то вдругъ останавлива-лась, происходила реакція, то опять начиналось протестантское дви-женіе. Такъ прошло все время, въ которое царствовала въ Англіи династія Тюдоровъ. Явленія, представляемые этимъ временемъ, любо-пытны и поучительны: здѣсь мы видимъ не личное дѣло одного че-ловѣка, мы видимъ какъ сильный, практическій, здравомыслящій народъ ведетъ борьбу для избѣжанія двухъ крайностей, ищетъ твер-дой почвы и, разумѣется, найти ее у себя не можетъ. Отсюда по-пятно непрерывающееся стремленіе Англичанъ къ соединенію съ все-ленскою православною церковью.

Въ какомъ затруднительномъ положеніи находился глава Англи-канской церкви, видно изъ его распоряженій относительно содержа-нія проповѣди: проповѣдникъ долженъ былъ говорить противъ папы, оправдывать короля, долженъ былъ удержаться отъ богословской полемики, долженъ былъ проповѣдывать св. писаніе и слова Хри-стовы, не смѣшивая ихъ съ челоувѣческими учрежденіями, не за-ставляя вѣрить, что сила закона Божія и закона челоувѣческаго одинаковы; *проповѣдникъ долженъ умалчивать цѣлый годъ о чи-стилищѣ, почитаніи святыхъ и мощей, бракѣ духовенства, оправ-даніи чрезъ вѣру, хожденіи на богомолье, о чудесахъ*. Глава церкви давалъ себѣ годъ времени для рѣшенія, какое ученіе принять отно-сительно названныхъ предметовъ; духовенство должно было въ это время молчать, дожидаться; но могли ли молчать свѣтскіе люди, ме-жду которыми эти предметы служили постояннымъ содержаніемъ споровъ, дѣлившихъ народъ на два враждебные лагеря?

Рочестерскій епископъ Фишеръ не хотѣлъ признать короля главою церкви: папа сдѣлалъ его кардиналомъ, король казнилъ его какъ измѣнника. Другою, наиболѣе видною жертвою былъ Томасъ Морусъ. Морусъ былъ одинъ изъ передовыхъ людей эпохи возрожденія, другъ Эразма Роттердамскаго; недовольство существующимъ порядкомъ, стремленіе къ лучшему будущему высказалъ онъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи *Утопія*, гдѣ представилъ идеальное общество. Но когда Лютеръ быстро повелъ реформу, Морусъ, подобно Эразму, встревожился крайностью направленія и сдѣлался ревностнымъ охранителемъ старины, ревностнымъ защитникомъ Римской церкви. Ставши канцлеромъ послѣ Вольсея, Морусъ преслѣдовалъ протестантовъ сильнѣе, чѣмъ кардиналъ Вольсей; Вольсей смотрѣлъ на ересь какъ на заблужденіе, Морусъ—какъ на преступленіе; но Морусъ не долго пробылъ канцлеромъ: видя, что дѣло о разводѣ королевскомъ прямо клонится къ порванію связи съ Римомъ, Морусъ сложилъ съ себя канцлерство и удалился въ уединеніе, но потомъ, не согласившись признать короля главою церкви, былъ казненъ. Казнь Фишера и Моруса произвела сильное впечатлѣніе въ Европѣ: до сихъ поръ думали, что дѣло еще уладится между Англіею и Римомъ, но теперь увидали, что дѣло идетъ серьезное, что реформаціонное стремленіе сильно въ Англіи, что Генрихъ не откажется отъ своего главенства. Папа отвѣчалъ на вызовъ Генриха, сдѣланный казнью Фишера и Моруса: онъ предалъ Англійскаго короля проклятію; когда онъ умретъ, тѣло его лишается погребенія, а душа низвергается прямо въ адъ навѣки, подданные не должны признавать его королемъ подъ страхомъ отлученія, лорды и общины должны изгнать его изъ земли своей и христіанскіе государи Европы должны показать свою вѣрность св. престолу, помогая Англійскому народу привести въ исполненіе приговоръ папскій.

Послѣ этого понятно, какъ Генрихъ долженъ былъ смотрѣть на тѣхъ Англичанъ, которые хотѣли остаться вѣрными св. престолу. При открытой войнѣ съ папою, онъ сильнѣе всего вооружился противъ монаховъ, какъ противъ войска папскаго; монастыри были уничтожены. Генриху въ ожесточенной борьбѣ съ католицизмомъ трудно было не повернуть на протестантскую дорогу, тѣмъ болѣе, что самый довѣренный человѣкъ при немъ сильно желалъ, чтобы король шелъ по этой дорогѣ: то былъ Тома Кромвель. Кромвель, прозванный *бичомъ монаховъ*, человѣкъ бѣдный и незнатнаго происхожденія, былъ выведенъ въ люди Вольсеемъ и заслужилъ почетную извѣстность, оставшись вѣренъ своему благодѣтелю послѣ его паденія,

искусно защитивъ его въ парламентѣ противъ обвиненій. Эти отношенія къ падшему министру не повредили однако Кромвелю во мнѣніи короля, который искалъ человѣка способнаго и вмѣстѣ сочувствующаго отторженію Англіи отъ Римской церкви, какимъ былъ именно Кромвель, ставшій скоро самымъ приближеннымъ человѣкомъ къ королю; онъ-то, вмѣстѣ съ Кранмеромъ, затыгивалъ Генриха на протестантскую дорогу.

Обстоятельства были благопріятны, потому что католики все болѣе и болѣе раздражали короля. Сильно раздражило Генриха поведеніе Регинальда Поля, происходившаго отъ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій и пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ короля. Онъ получилъ отличное образованіе въ Парижѣ и Падуѣ, приготавлиаясь къ духовному званію; не сочувствуя реформѣ, производимой Генрихомъ, онъ остался за границею и сдѣлался ревностнымъ слугою папы, ревностнымъ участникомъ во враждебныхъ Генриху замыслахъ. Въ борьбѣ съ королемъ Поль рѣзко высказалъ католическіе взгляды на свѣтскую власть, примѣшивая сюда и начатки того ученія, которое развилось особенно потомъ, вслѣдствіе политическихъ движеній въ той же Англіи. Въ своемъ знаменитомъ посланіи къ Генриху Поль спрашиваетъ: что такое король? и отвѣчаетъ: «Король существуетъ для народа, для защиты его матеріальныхъ и временныхъ интересовъ. Но такъ какъ существуютъ интересы выше временныхъ, то и есть власть выше власти королевской. Слава короля заключается въ благосостояніи его народа, и если онъ сознаетъ обязанности своего званія, то долженъ повергать свою корону къ стопамъ священства; священникамъ сказано: «вы боги и сыны Вышняго». Кто послѣ этого можетъ сомнѣваться, что священники выше королей. Въ обществѣ человѣческомъ три степени: народъ, духовенство и король, который есть дитя, созданіе и слуга обоихъ первыхъ». Изъ этихъ положеній Поль выводилъ, что Генрихъ есть измѣнникъ, бунтовщикъ. Потомъ Поль обращается къ Англіи: «Вспомни, родина моя, о своихъ древнихъ правахъ и вольностяхъ! вспомни то время, когда несправедливые короли твои призывались къ отчету властью твоихъ законовъ. Тебѣ толкуютъ, что все принадлежитъ королю: я тебѣ говорю, что все принадлежитъ республикѣ. Ты, моя родина, все, а король только твой слуга». Въ этомъ же посланіи Поль прямо объявляетъ, что будетъ просить Французскаго короля, чтобы тотъ низвергнулъ Генриха съ престола; будетъ просить императора Карла V, чтобы тотъ оставилъ воевать съ Турками и обратилъ свое оружіе противъ Англійскаго короля, который гораздо опаснѣе Турокъ. Им-

ператоръ воюеть съ Турками для освобожденія христіанскихъ невольниковъ изъ Турецкихъ оковъ, но гораздо славнѣе освободить отъ вѣчной гибели многія тысячи душъ, отторгнутыхъ отъ церкви. Поль оканчиваетъ свое посланіе угрозами: «можешь ли сомнѣваться, говорить онъ Генриху, что король Французскій не послушается папы, не соединится съ императоромъ и не вооружится противъ тебя? и когда они сокрушаютъ тебя, то христіанство возрадуется этому болѣе, чѣмъ изгнанію Турокъ изъ Константинополя. Какъ ты будешь бороться противъ цѣлой Европы? что станется съ твоими подданными, когда гавани всего континента будутъ для нихъ закрыты?» За такую ревность папа сдѣлалъ Поля кардиналомъ.

Католики грозились поднять всю Европу противъ Генриха; Англійское духовенство, увѣряя въ своей преданности королю, въ отреченіи отъ папы, горько жаловалось однако, что ересь, пользуясь нерѣшительнымъ положеніемъ, сильно распространяется. Новому главѣ церкви нельзя было долѣе отмачиваться насчетъ спорныхъ пунктовъ, и въ 1536 году онъ постановилъ: 1) Все заключающееся въ Библии и символѣ вѣры непреложно истинно. 2) Необходимыхъ таинствъ три: крещеніе, покаяніе и причащеніе. 3) Причащающійся вкушаетъ истинное тѣло и кровь Христовы подъ видомъ хлѣба и вина. 4) Всѣ церковныя церемоніи и обряды сохраняются для напоминанія о духовныхъ вещахъ, ими представляемыхъ. 5) Удерживается призываніе святыхъ и молитвы за усопшихъ, но отвергается чистилище. При этомъ было постановлено, что въ каждой церкви должна быть Библія на Латинскомъ и Англійскомъ языкѣ для общаго пользованія. — Ни одна партія не была довольна этими артикулами: протестанты жаловались, что сохраняются прежнія суевѣрія; желавшіе сохранить въ чистотѣ прежнее церковное ученіе были недовольны темнотою пункта о таинствахъ; жаловались, что тутъ проглядываетъ ересь. Аристократія была особенно недовольна новизнами, видя въ главномъ поборникѣ ихъ, Кромвелѣ, выскочку, человѣка низкаго происхожденія и между тѣмъ поднявшагося такъ высоко. Въ 1536 и 1537 годахъ происходили сильныя возстанія, съ трудомъ прекращенныя правительствомъ: возставшіе требовали между прочимъ возстановленія монашества, удаленія *подлой крови* (Кромвеля) изъ тайнаго совѣта королевскаго, сверженія и наказанія епископовъ-еретиковъ, Кранмера и другихъ. Мятежь былъ подавленъ, заводчикъ его погибъ на эшафотѣ; но если приверженцы старины переставали тревожить короля, то начинали тревожить его приверженцы новаго. Крестьянскіе богословы въ корчмахъ, за кружкою пива, толковали о томъ, какъ

можетъ человѣкъ спастись, и отъ словеснаго спора переходили къ кулакамъ; Библии, лежавшія открытыми въ каждой церкви, давали обильную пищу фанатикамъ-самоучкамъ; споры, крики поднимались во время самой церковной службы, къ соблазну приверженцевъ старины. Эти движенія заставили короля опять податься назадъ: онъ вызвалъ главу охранителей старины, Винчестерскаго епископа Гардинера, и поручилъ ему составить новыя опредѣленія; Гардинеръ написалъ такъ называемые *шесть артикуловъ*: 1) въ таинствѣ Евхаристіи хлѣбъ и вино дѣйствительно пресуществляются въ тѣло и кровь Христовы; 2) пріобщеніе подъ двумя видами не необходимо для спасенія; 3) священникамъ не позволяется жениться послѣ посвященія; 4) обѣты дѣвства должны быть сохраняемы; 5) заказныя обѣдні удерживаются; 6) удерживается исповѣдь предъ священникомъ. Парламентъ принялъ артикулы. Но понятно, что Кромвель не могъ быть доволенъ охранительнымъ направленіемъ, выразившимся въ шести артикулахъ. Онъ хотѣлъ посредствомъ брака затянуть Генриха въ тѣсную связь съ Германскимъ протестантизмомъ и дать послѣднему больше простора въ Англіи. Обильный послѣдствіями для страны разводъ Генриха съ первою женою не доставилъ королю семейнаго счастья: Анна Болейнъ была обвинена въ нарушеніи супружеской вѣрности и казнена, оставивъ дочь, знаменитую впослѣдствіи Елисавету. Генрихъ вступилъ въ третій бракъ съ Жанною Сеймуръ; но Жанна умерла въ 1537 году, оставивши сына Эдуарда. Кромвель сталъ хлопотать, чтобы Генрихъ женился на Аннѣ, дочери герцога Клевскаго, родственницѣ курфюрста Саксонскаго. Генриху расхвалили наружность принцессы, онъ согласился на бракъ; Анну привезли въ Англію, но Генрихъ при первомъ взглядѣ на невѣсту пришелъ въ отчаяніе: такъ она была непривлекательна. Для соблюденія приличій Генрихъ рѣшился обвиняться съ нею; но бракъ только увеличилъ отвращеніе, котораго король не могъ преодолѣть, и развелся. Кромвель заплатилъ за неудачу дѣла, имъ устроеннаго; враги, которыхъ было очень много у «покровителя ереси», воспользовались неудовольствіемъ короля: Кромвель былъ казненъ, обвиненный въ разныхъ противозаконныхъ и своевольныхъ поступкахъ, особенно въ томъ, что разсѣвалъ по королевству еретическія книги; открыто утверждалъ, что всякій христіанинъ можетъ совершать таинства; подъ его покровительствомъ еретики открыто проповѣдывали; и многіе изъ нихъ освобождались отъ наказанія; а люди, доносившіе на нихъ подвергались гоненію; незаконными средствами собралъ онъ большое богатство, и, разбогатѣвши, ни во что ставилъ людей знатныхъ. Раз-

ведясь съ Анною Клевскою, король женился въ пятый разъ на Екатеринѣ Говардъ; но съ новою королевою повторилась та же исторія, что и съ Анною Болейнъ; она была уличена въ нарушеніи супружеской вѣрности; Генрихъ былъ въ отчаяніи; когда тайный королевскій совѣтъ собрался по этому дѣлу, то король долго не могъ промолвить слова отъ слезъ: въ другой разъ онъ испытывалъ такой страшный позоръ. Екатерина Говардъ была казнена; Генрихъ женился въ шестой разъ на Екатеринѣ Паренъ, которая и пережила его: Генрихъ умеръ въ январѣ 1547 г., оставя престолъ малолѣтнему сыну своему Эдуарду VI.

Исторія церковной реформы въ Англіи представляетъ для насъ замѣчательное явленіе по той окраскѣ, какую дала ей Англійская національность. Сѣверо-западная Европа безъ борьбы быстро сдѣлалась протестантскою; юго-западная осталась вѣрна католицизму; въ средней, послѣ долгой борьбы, католицизмъ получилъ перевѣсъ; въ Англіи Генрихъ VIII, какъ истый Англичанинъ, опираясь на большинство, хочеть сдѣлки между старымъ и новымъ; отвергаетъ противное національному чувству Римское папство, но вмѣстѣ съ тѣмъ хочеть удержать старину, боится протестантскихъ ересей, хочеть остановиться на серединѣ, колеблется между Кромвелемъ и Гардинеромъ; при отверженіи крайностей король преслѣдуетъ обѣ крайности—преслѣдуетъ и католиковъ и протестантовъ, подчиняясь духу времени,—времени религіозной борьбы, религіозныхъ преслѣдованій. Относительно другихъ сторонъ дѣятельности Генриха VIII надобно замѣтить, что Англія при немъ большею частью наслаждалась миромъ, въ то время какъ на континентѣ происходили безпрестанныя и жестокія войны; миръ способствовалъ усиленію народнаго благосостоянія, развитію промышленности и торговли. Въ царствованіе Генриха VIII усилилось значеніе палаты общинъ: до него эта палата ограничивалась опредѣленіемъ денежныхъ пособій на правительственныя нужды и проводила безъ обсужденія мѣры Тайнаго Совѣта: Генрихъ, задумавъ церковную реформу и не находя для себя поддержки въ этомъ дѣлѣ въ Палатѣ Лордовъ, обратился къ палатѣ общинъ; опираясь на нее, провелъ реформу и такимъ образомъ поднялъ значеніе этой палаты въ ущербъ значенію Палаты Лордовъ; прежніе короли въ затруднительныхъ обстоятельствахъ созывали «великіе совѣты», составленные изъ лордовъ, прелатовъ и другихъ лицъ, назначенныхъ королемъ; Генрихъ въ подобныхъ обстоятельствахъ всегда обращался къ народному представительству.

Изъ отношеній Англіи къ другимъ державамъ въ царствованіе Ген-

риха VIII самыми важными были отношенія къ сосѣдней Шотландіи. Эта страна въ описываемое время далеко отставала отъ Англіи относительно своего развитія, чему причинъ должно искать въ ея положеніи и предшествовавшей исторіи. Шотландія, страна гористая и малоплодоносная, при затруднительномъ сообщеніи между частями, рано подверглась опустошительнымъ нашествіямъ Скандинавскихъ пиратовъ, остановившимъ ея развитіе; когда нашествія съ моря прекратились, начинаются нашествія съ юга, изъ Англіи, которая была гораздо сильнѣе Шотландіи. Короли Эдуардъ I-й, II-й и III-й хотѣли покорить Шотландію; это имъ не удалось; тѣмъ не менѣе южная часть Шотландіи, наиболѣе плодоносная, подверглась страшному опустошенію; не имѣя возможности оружіемъ отбиваться отъ Англичанъ, Шотландцы иногда сами опустошали южную окраину и удалялись въ горы; земледѣльческія работы прекращались на долгое время. Если въ промежутокъ между нашествіями жители спускались съ горъ въ прежнія свои жилища, то должны были выдерживать осаду отъ волковъ и потомъ бороться съ болѣе опаснымъ врагомъ, голодомъ, доводившимъ до людоѣдства. Въ XV вѣкѣ опустошенія изъ Англіи стали рѣдки; жители южной Шотландіи могли вздохнуть свободно; но прежнее печальное положеніе страны уже произвело свое дѣйствіе: народонаселеніе отличалось бѣдностью и грубостью нравовъ; вслѣдствіе ничтожнаго движенія промышленнаго и торговаго города были ничтожны; самые необходимые предметы привозились изъ Фландріи; вплоть до XVII вѣка стекло и мыло не выдѣлывались въ Шотланіи, и даже высшее сословіе не знало оконъ въ своихъ жилищахъ. Все значеніе было въ рукахъ вельможъ и духовенства. Короли въ борьбѣ своей съ почти независимыми вельможами не могли опираться на города и должны были опираться исключительно на духовенство, которое тѣсно соединило свои интересы съ интересами короны, чтобы противодѣйствовать насиліямъ могущественныхъ вельможъ, не боявшихся преслѣдованія между горами, озерами и болотами своими. При грубости нравовъ борьба королей съ вельможами носила самый ожесточенный характеръ; противники не щадили другъ друга въ случаѣ торжества и не разбирали средствъ для доставленія себѣ этого торжества. Ожесточенною борьбою съ вельможами особенно знаменита послѣдняя Шотландская династія Стюартовъ. Король Іаковъ I-й нѣсколько лѣтъ съ успѣхомъ истреблялъ непокорныхъ вельможъ; но въ 1436 г. вельможи взяли верхъ и предали смерти короля. Въ 1452 г. Іаковъ II предательски убилъ могущественнаго вельможу, графа Дугласа. Въ 1482 г. вельможи вооружились противъ короля Іакова III,

схватили его и заключили въ Единбургскомъ замкѣ; по освобожденіи короля борьба возобновились, вельможи поразили королевское войско, взяли Іакова III въ плѣнъ и предали смерти. При Іаковѣ IV и Іаковѣ V борьба продолжалась съ тѣмъ же характеромъ: на одной сторонѣ вельможи, на другой король и духовенство. Іаковъ V, освободившись изъ рукъ вельможъ, которые владѣли всѣмъ во время его малолѣтства, отдалъ всѣ важнѣйшія должности духовнымъ лицамъ, которыя сильно дѣйствовали противъ вельможъ. По внушенію архіепископа Глазговскаго, король отнялъ у бароновъ право суда, для котораго учредилъ коллегію юстиціи. Ожесточеніе вельможъ противъ духовенства достигло высшей степени, и они завели тайныя сношенія съ Генрихомъ VIII Англійскимъ, благопріятствуя въ то же время распространенію въ Шотландіи протестантизма, тогда какъ преданность католической церкви, бывшей единственною и сильною подпорою Шотландскихъ королей, вошла въ плоть и кровь Стюартовъ. Іаковъ V присутствовалъ при сожженіи еретиковъ и принялъ отъ папы титулъ Защитника вѣры, потерянный Генрихомъ VIII. Іаковъ V былъ родной племянникъ Англійскаго короля по матери *), но былъ истымъ Шотландцемъ по характеру; храбрый, славолюбивый, съ рыцарскими стремленіями, онъ руководился преимущественно чувствомъ, рѣдко разсудкомъ. Генрихъ VIII предлагалъ ему личное свиданіе съ цѣлью убѣдить его ввести и въ Шотландіи тѣ же церковныя перемѣны, какія были введены въ Англіи, предлагалъ сдѣлать его герцогомъ Йоркскимъ и дать парламентскимъ актомъ право на наслѣдство Англійскаго престола. Іаковъ уклонился отъ свиданія съ дядею, котораго Шотландское духовенство не иначе пазывало, какъ архи-еретикомъ. Удаляясь отъ еретической Англіи, Іаковъ естественно сближался съ католическою Франціею и два раза женился на Французскихъ принцессахъ **); съ другой стороны, гонимые вельможи и протестанты бѣжали въ Англію. Разрывъ между дядею и племянникомъ былъ неизбеженъ; Іаковъ объявилъ походъ, но многіе изъ вельможъ отказались отъ участія въ войнѣ, успѣхъ которой былъ бы для нихъ гибеленъ; Шотландское войско было разбито. Іаковъ V умеръ съ отчаянія, оставивъ на престолѣ только-что родившуюся дочь Марію, а правителемъ въ ея малолѣтство назначилъ кардинала Бетюнь, архіепископа - примаса Шотландіи. Но вельможи, пользуясь

*) Маргаритѣ, дочери Генриха VII.

**) Въ первый разъ на Магдалинѣ Валуа, во второй на Маріи Гизъ, вдовѣ герцога Лонгвиля.

смертью короля и неудачною войною съ Англіею, взяли верхъ; тѣ изъ нихъ, которые прежде укрывались въ Англіи, возвратились; Бетюнь потерялъ регентство, а потомъ былъ умерщвленъ въ 1546 году, не задолго до смерти Генриха VIII Англійскаго.

Въ Шотландіи была малолѣтняя королева, въ Англіи малолѣтній король: вслѣдствіе этого здѣсь и тамъ боролись вельможи за власть, боролись религіозныя партіи. Генрихъ VIII, умирая, поручилъ правленіе, на время малолѣтства сына своего Эдуарда VI, совѣту изъ 16 вельможъ; но скоро Эдуардъ Сеймуръ, герцогъ Сомерсетъ, родной дядя короля по матери, захватилъ правленіе и провозгласилъ себя протекторомъ королевства. Въ религіозномъ вопросѣ Сомерсетъ началъ явно благопріятствовать протестантизму, вслѣдствіе чего сейчасъ же явились на сцену иконоборцы, которые начали уничтожать въ церквахъ священныя изображенія, проповѣдники стали возбуждать своихъ слушателей къ крайне протестантскому движенію, и наконецъ само правительство приказало обнажить церкви отъ священныхъ изображеній; шесть артикуловъ были уничтожены; глава охранительной партіи Гардинеръ былъ заключенъ. Это поведеніе протектора возбудило сильное неудовольствіе въ большинствѣ народонаселенія; вельможи при этомъ были раздражены гордостью Сомерсета: въ 1549 году онъ былъ свергнутъ и потомъ казненъ. Въ челѣ управленія сталъ Дудлей, графъ Варвикъ, принявшій послѣ титулъ герцога Нортумберланда. И новое правительство шло по стопамъ прежняго въ религіозномъ вопросѣ: въ новой литургіи, составленной Кранмеромъ, священникъ уже называется служителемъ (министромъ) и предлагаетъ народу не тѣло и кровь Христовы, какъ прежде, а только хлѣбъ и вино въ воспоминаніе Христовыхъ страданій и смерти; изъ церкви св. Павла ночью былъ вынесенъ алтарь и замѣненъ простымъ столомъ въ знакъ уничтоженія таинства. Неудовольствіе большинства за это протестантское движеніе было перенесено теперь на Нортумберланда; а между тѣмъ, слабый съ рожденія, Эдуардъ VI не общалъ достигнуть совершеннолѣтія. Ближайшею наслѣдницею была сестра его Марія, старшая дочь Генриха VIII отъ Екатерины Арагонской. Марія, получившая отъ матери испанскій характеръ, была ревностная католичка; религіозныя убѣжденія, принятая какъ священное наслѣдство отъ матери, скрѣплялись несчастьемъ матери и собственною невзголою въ царствованіе отца и брата; за что страдалось, то становится дорогимъ; всѣ привязанности, всѣ надежды Маріи обращались къ Испаніи; въ императорѣ Карлѣ V она привыкла видѣть своего единственнаго покровителя; вся ненависть

была обращена къ церковной реформѣ, которая имѣла такую тѣсную связь съ несчастіемъ матери и ея собственнымъ. Понятно, что Нортумберланду и протестантской партіи нужно было отстранить такую послѣдницу; предлогъ къ отстраненію найти было легко: бракъ Генриха VIII на Екатеринѣ Аррагонской, отъ котораго родилась Марія, былъ объявленъ при Генрихѣ незаконнымъ. Надобно было найти другую наслѣдницу, въ пользу которой долженъ былъ распорядиться умирающій Эдуардъ. По завѣщанію Генриха VIII послѣ Эдуарда и двоихъ сестеръ его, Маріи и Елисаветы, должна была послѣдовать племянница его отъ сестры, Франциска, герцогиня Суффолькъ. Нортумберландъ уговорилъ герцогиню отказаться отъ своихъ правъ на корону въ пользу дочери своей Жаны Грей, которую выдали замужъ за сына Нортумберланда, Гильфорда Дудлея. Эдуардъ, ревностный протестантъ, объявилъ своею наслѣдницею Жану Грей, также ревностную протестантку, ведшую переписку по-латыни съ Швейцарскими реформаторами. Но это распоряженіе короля, не скрѣпленное парламентскимъ актомъ, не находило нисколько сочувствія въ большинствѣ народонаселенія. Эдуардъ умеръ въ іюлѣ 1553 г., Жана Грей была провозглашена королевою, и Нортумберланду хотѣлось, чтобы новая королева поскорѣе раздѣлила свою власть съ мужемъ, чтобы короновалась вмѣстѣ съ Дудлеемъ; но когда Жанѣ Грей стали внушать это, то она сказала мужу, что въ завѣщаніи Эдуарда не говорится ни слова о Дудлѣ, для коронованія котораго нужно согласіе парламента, что она можетъ возвести своего мужа въ герцоги, если онъ того желаетъ: это въ ея власти, но въ королѣ она его возвести не можетъ. Дудлей побѣждалъ за матерью, та явилась и начала кричать, сынъ также вопилъ, что не хочетъ быть герцогомъ, а хочетъ быть королемъ; Жана была непреклонна и герцогиня Нортумберландъ ушла и увела сына, чтобы онъ не оставался съ неблагодарною и непослушною женою.

Рано еще стали дѣлить добычу. Большинство не хотѣло ни протестантскаго движенія, ни продолженія власти Нортумберланда. Около припцессы Маріи собралось много приверженцевъ и она провозгласила себя королевою; за нее было большинство, не сочувствовавшее протестантскимъ крайностямъ; кромѣ рьяныхъ протестантскихъ проповѣдниковъ не было никого за Жану Грей, которую сдѣлали королевою для утвержденія власти нелюбимаго Нортумберланда. Марія не встрѣтила нигдѣ сопротивленія; жители Лондона приняли ее съ восторгомъ, Нортумберландъ былъ арестованъ и приговоренъ къ смерти; на эшафотѣ онъ объявилъ народу, что своею погибелю

обязанъ ложнымъ проповѣдникамъ, которые отвратили его отъ католической вѣры, что отцы церкви и святые держались одного ученія, а теперь, когда люди раздѣлились на разные толки относительно религіи, пошли бунты, войны, голода и всякія бѣдствія: поэтому Нортумберландъ умолялъ зрителей его казни возвратиться къ единой истинной церкви. Эти предсмертныя слова произвели сильное впечатлѣніе на народъ, нанесли ударъ крайней протестантской партіи и облегчили католическую реакцію: сначала католическіе священники проповѣдывали, окруженные вооруженною стражею, которая защищала ихъ отъ толпы протестантскихъ фанатиковъ, но потомъ стража оказалась ненужною, въ церкви св. Павла спокойно была отслужена латинская обѣдня съ заутренею и вечернею, алтарь былъ восстановленъ, пресуществленіе было защищаемо съ кафедры и не слышалось ни малѣйшаго ропота; а тутъ еще королева обрадовала народъ объявленіемъ, что вторая половина денегъ, назначенныхъ парламентомъ на государственныя пужды, не будетъ собираема: съ такою доброю королевою неучтиво было спорить о Латинской обѣднѣ. Папа плакалъ отъ радости, слыша о томъ, что дѣлается въ Англіи, и отправилъ туда агента своего Коммендоне разузнать подробности и переговорить съ самою королевою. Марія объявила Коммендоне, что готова сдѣлать все въ интересахъ церкви, но прежде еще должна завоевать свое королевство; прежде чѣмъ обнажить духовный мечъ, она должна крѣпко держать въ своихъ рукахъ мечъ свѣтскій, и самое лучшее средство утвердить себя на престолѣ—это, по ея мнѣнію, бракъ. Марія боялась людей, которые не хотѣли протестантскихъ крайностей, но не хотѣли также возвращаться и подъ папское иго; Марія боялась повести дѣло круто къ восстановленію папизма, потому что тогда эти люди обратились бы къ сестрѣ ея Елисаветѣ, которая отличалась приверженностью своею къ отцовской реформѣ. Вотъ почему въ письмѣ къ папѣ, среди увѣреній въ преданности апостольскому престолу, Марія писала, что она находится во власти народа, большинство котораго смертельно ненавидитъ папство, что лорды владѣютъ обширными землями, отнятыми у церкви и боятся, что при восстановленіи католицизма церковь потребуетъ этихъ земель назадъ. Папа хотѣлъ прислать въ Англію Регинальда Поля въ званіи легата; Марія писала, что осторожность требуетъ повременить этимъ, что взоры всѣхъ обращены на ея сестру-еретичку, которая легко можетъ овладѣть престоломъ.

Марія вѣрнѣйшимъ средствомъ упрочить себя на престолѣ считала бракъ; императоръ Карлъ V, въ своемъ наслѣдственномъ стремленіи

къ усиленію Габсбургскаго дома посредствомъ браковъ, предложилъ Англійской королевѣ въ женихи сына своего, знаменитаго Филиппа (II). Марія была въ восторгѣ отъ этого предложенія: быть женою родного по крови и по духу испанскаго принца было пламеннымъ ея желаніемъ, только мужъ-Испанецъ могъ избавить ее отъ сиротства и одиночества въ Англіи. По Англіи не правился ни бракъ королевъ съ испанскимъ, чужимъ, принцемъ, ни стремленія королевъ къ возстановленію папизма. До сихъ поръ Марія дѣйствовала умѣренно и осторожно; улыбнувшееся ей счастье смягчило душу, не знавшую до сихъ поръ радостей; но теперь препятствія, встрѣченныя Марією при исполненіи самыхъ пламенныхъ ея желаній, стали опять раздражать ее, возбуждать инстинктъ самосохраненія, дѣлать способною къ сильнымъ и кровавымъ мѣрамъ. Императорскій посланникъ Ренаръ, которому не правилась умѣренность Маріи, обрадовался, замѣтивъ ея раздражительность: «Теперь, писалъ онъ Карлу V, она раздѣляется съ Дудлеями, и съ Жаню Грей, и съ Елисаветою». Раздраженіе усиливалось, потому что въ каждой, подносимой ей бумагѣ, королева величалась главою церкви, что въ ея глазахъ было страшнымъ нечестіемъ; когда она вооружалась противъ этого ненавистнаго титула, то ей отвѣчали, что нельзя иначе, пока парламентъ не отмѣнитъ его. Но парламентъ былъ далекъ отъ мысли признать опять папу главою церкви, онъ соглашался только возвратитъ Англійскую церковь въ то положеніе, въ какомъ оставилъ ее Генрихъ VIII. Парламентъ былъ также противъ испанскаго брака: палата общинъ приготовила просьбу къ королевѣ, чтобы она выбрала себѣ мужа между Англичанами, въ просьбѣ были вычислены всѣ невыгоды брака съ иностранцемъ: «Англійскій парламентъ, отвѣчала Марія, прежде такъ не говаривалъ съ своими государями; кажется, государи имѣютъ равное съ частными людьми право слѣдовать своей склонности въ дѣлѣ брака; если я выйду замужъ за человѣка нелюбимаго, то чрезъ три мѣсяца буду въ могилѣ, и тогда откуда возьмется наслѣдникъ, такъ желаемый вами?» Число недовольныхъ увеличилось, возстаніе вспыхнуло, но было потушено на лондонскихъ улицахъ; раздраженная Марія хотѣла воспользоваться своимъ торжествомъ, чтобы освободиться отъ всѣхъ подозрительныхъ людей, стоявшихъ между нею и Филиппомъ: Жана Грей и мужъ ее были казнены, въ Лондонѣ и окрестностяхъ было повѣшено болѣе сотни политическихъ преступниковъ; хотѣлось погубить Елисавету, ее уже заключили въ крѣпость (Тоуеръ), откуда выходили обыкновенно на мѣсто казни; но доказательствъ виновности не было противъ ненавистной еретички и притворицы,

какъ величала ее Марія; боялись также лорда Говарда, начальника всего флота, и Елисавета была освобождена. Последнія событія сильно подѣйствовали на Марію; ея раздраженіе достигло высшей степени; дерзкіе памфлеты сыпались къ ея ногамъ, вносились невидимою рукою въ ея спальню; она не могла ни съ кѣмъ говорить спокойно; особенно мучило ее то, отчего Филиппъ такъ долго не пріѣзжаетъ? Она съ нетерпѣніемъ ждала жениха и вмѣстѣ боялась его прібытія, боялась, что дурная, старая, она не можетъ понравиться Филиппу, который былъ десятью годами моложе ея.

Опасенія Маріи оправдались: Филиппъ пріѣхалъ, обвинялся съ нею; но спѣшилъ удалиться отъ непривлекательной жены и отъ непріязненнаго народа, который при каждомъ удобномъ случаѣ давалъ чувствовать его Испанцамъ свою ненависть. Филиппъ считалъ свое дѣло въ Англіи оконченнымъ, когда проведено было въ парламентѣ примиреніе Англіи съ папою, при чемъ главными дѣятелями были Гардинеръ и Регинальдъ Поль, возвратившійся въ Англію въ качествѣ папскаго легата. Но рѣшеніе парламента было противно большинству и ненависть къ Маріи увеличивалась день ото дня. Ненависть усиливалась кровавыми преслѣдованіями, которымъ подвергались некаатолики, несчастною войною съ Франціею, начатою вслѣдствіе нежеланнаго Испанскаго союза: Калѣ, единственная крѣпость, оставшаяся у Англичанъ на континентѣ, была взята Французами; наконецъ, къ довершенію народнаго раздраженія, присоединился еще голодъ. Истерзанная вѣтренными страданіями, Марія умерла въ 1558 г. Елисавета вступила на престолъ.

Елисавета получила отъ природы ясный умъ и твердость характера: эти качества были развиты отличнымъ образованіемъ и тяжелымъ опытомъ, когда жизнь висѣла на волоскѣ, когда требовалось большое самообладаніе, чтобы не проронить ни одного лишняго слова, не сдѣлать неосторожнаго движенія, могущаго сейчасъ же свергнуть въ бездну. Если старшая сестра ея Марія получила отъ матери испанскій характеръ и была пламенною католичкою, то Елисавета была истюю Англичанкою; судьба дочери Анны Болейнъ была тѣсно связана съ реформою, и, несмотря на всѣ старанія Маріи обратить сестру, Елисавета оставалась *еретичкою*, ибо знала, что только оставаясь вѣрною реформѣ, она пользовалась любовью большинства Англійскаго народа и была страшна врагамъ своимъ. Если сильное протестантское движеніе въ царствованіе Эдуарда вызвало католическую реакцію въ царствованіе Маріи, то поведеніе последней естественно вызывало протестантскую реакцію. Елисавета сочла

необходимымъ уступить ей и возстановила всѣ церковныя распоряженія, сдѣланныя при Эдуардѣ; но при этомъ она спѣшила остановить дальнѣйшее произвольное движеніе: она запретила всѣ перемѣны во внѣшнемъ богослуженіи, незаконныя парламентскимъ опредѣленіемъ; снова было подтверждено, что государь Англіи есть вмѣстѣ и глава Англиканской церкви; предписывалась для всей страны одинаковая форма богослуженія; въ 1562 году изданы были знаменитые 39 артикуловъ, опредѣлившіе навсегда ученіе Англійской церкви. Елисаветъ сильно не нравилась религіозная борьба; она говорила Французскому посланнику: «Борьба между католиками и протестантами представляетъ опасность для всѣхъ государей: протестанты заявляютъ, что они имѣютъ право не повиноваться государямъ, слушаясь Бога и своей совѣсти; а папа, съ своей стороны, объявляетъ викантными престолы тѣхъ государей, которыхъ онъ считаетъ шизматиками или еретиками». Избѣгая этой опасности, Елисавета сначала хотѣла жить въ мирѣ и съ папою, велѣла объявить ему, что не намѣрена за вѣру беспокоить никого изъ своихъ подданныхъ. Но папа не довольствовался одною терпимостью въ отношеніи къ католикамъ: онъ хотѣлъ, чтобы въ Англіи была возстановлена вполнѣ его власть, какъ это было сдѣлано при Маріи, и, не надѣясь такого поступка отъ Елисаветы, объявилъ ее незаконною дочерью Генриха VIII, вслѣдствіе чего престолъ англійскій долженъ былъ принадлежать шотландской королевѣ Маріи Стюартъ, какъ внукѣ Генриха VIII. Такъ думали и всѣ англійскіе католики, хотѣвшіе, во что бы то ни стало, возстановить то положеніе, какимъ они пользовались въ предшествовавшее царствованіе. Такимъ образомъ какъ для Маріи Тюдоръ самою опасною соперницею была сестра Елисавета, опиравшаяся на приверженцевъ реформы, такъ теперь для Елизаветы самою опасною соперницею явилась Марія Стюартъ, опиравшаяся на католическую партію.

Мы оставили Шотландію во время малолѣтства Маріи Стюартъ, во время борьбы вельможъ, поддерживавшихъ протестантизмъ, съ католическою церковью. Борьба усилилась, когда въ 1554 году вдовствующей королевѣ, Маріи Гизъ, удалось овладѣть регентствомъ. Марія, какъ всѣ другіе члены фамиліи Гизъ, была ревностная католичка и стремилась связать Шотландію тѣсными узами съ Франціею: съ этою цѣлію въ 1558 году она выдала свою дочь Марію за дофина. Гизы, подкрѣпленные этимъ бракомъ во Франціи, уговаривали ее принять рѣшительныя мѣры, чтобы сломить партію вельможъ и реформы въ Шотландіи. Тогда вельможи, видя бѣду, соста-

вили союзъ съ цѣлью распространенія церковной реформы. Могуще-
ственного союзника нашли они въ протестантскомъ проповѣдникѣ
Ноксѣ, человѣкѣ съ страшною энергіею, въ высшей степени способ-
номъ увлекать массы, человѣкѣ, который не останавливался ничѣмъ
на своей дорогѣ, который смѣялся надъ человѣческими страданіями.
Въ маѣ 1559 года Ноксъ говорилъ проповѣдь въ Пертѣ: увлеченная
ораторомъ толпа опустошила церкви и разрушила монастыри. Пра-
вительница взялась за оружіе для наказанія бунтовщиковъ, но вель-
можи поспѣшили къ нимъ на помощь, заставили Марію очистить
Эдинбургъ, объявили ее лишенною регентства, призвали на помощь
англійскія войска и взяли правленіе въ свои руки. Низложивши
извѣчнаго своего врага, католическую церковь, лорды оттолкнули отъ
себя и новое протестантское духовенство, давши ему только шестую
долю доходовъ, принадлежавшихъ католической церкви. Протестант-
скіе проповѣдники и безъ того привыкли обращаться между про-
стымъ народомъ, возбуждать его страсти; Новый Завѣтъ не былъ
въ большомъ употребленіи у шотландскихъ проповѣдниковъ, потому
что въ Новомъ Завѣтѣ говорится о царствѣ не отъ міра сего; хри-
стіанство, религія внутренняя и всечеловѣческая, а потому и вѣч-
ная, не имѣетъ дѣла съ преходящими политическими формами и
отношеніями, оказываетъ благотѣльное вліяніе на улучшеніе этихъ
формъ и отношеній, но посредствомъ внутренняго совершенствованія
человѣка. Другое дѣло Ветхій Завѣтъ: здѣсь откровенная религія,
приготовлявшая къ христіанству, была принадлежностью одного на-
рода, который долженъ былъ бороться за нее съ другими народами
и выдерживать сильную внутреннюю борьбу противъ людей, отпа-
давшихъ отъ Единаго. Здѣсь для людей, влекущихся природою къ
борьбѣ, для Нокса съ товарищами открывалось обширное поле для
сближеній, объясненій и оправданій, и вотъ лица и событія Ветхаго
Завѣта постоянно на языкѣ шотландскихъ проповѣдниковъ. Теперь,
оттолкнутые лордами, они еще глубже уходятъ въ народныя массы,
предаются демократическимъ стремленіямъ. Слѣдствіемъ этихъ стрем-
леній было то, что они отвергли епископство, провозгласили, что всѣ
проповѣдники вѣры равны между собою и не нуждаются въ началь-
ствѣ. Такъ произошелъ шотландскій пресвитеріанизмъ въ противо-
положность англійской епископальности.

Въ Шотландіи господствовали лорды протестанты, а между тѣмъ
королевою Шотландскою признавалась Французская королева Марія,
ревностная католичка. Въ концѣ 1560 года умеръ мужъ Маріи Стю-
артъ, Францискъ II-й; въ 1563 году Марія пріѣхала въ Шотландію. По

характеру своему она была неспособна къ правленію даже и въ спокойное время, не только что при такихъ буряхъ; Елисавета Англійская, покровительница господствующей протестантской партіи, имѣла гораздо больше значенія въ Шотландіи, чѣмъ Марія, приверженная къ враждебному и падшему католицизму. Марія вышла замужъ за Генриха Дарнлея, вельможу, находившагося въ родствѣ съ королевскою фамиліею; отъ этого брака у Маріи родился сынъ Іаковъ; но супружеское согласіе было непродолжительно. Дарнлей былъ грубъ и преданъ пьянству, какъ всѣ шотландскіе вельможи того времени, а Марія привыкла къ другимъ обычаямъ при французскомъ дворѣ, гдѣ господствовали Итальянская легкая нравственность и Итальянская утонченность эпохи Возрожденія. Марія любила проводить время съ секретаремъ своимъ для иностранной переписки, итальянскимъ пѣвцомъ Давидомъ Риччіо. Дарнлей былъ оскорбленъ могущественнымъ вліяніемъ Риччіо на королеву; вельможи Шотландскіе были также недовольны вліяніемъ иностранца, католика, Итальянца, внушавшаго Маріи мысли объ усиленіи королевской власти. Дарнлей соединился съ недовольными, и въ королевскомъ дворѣ произошла одна изъ тѣхъ кровавыхъ сценъ насилія, которыми богата Шотландская исторія: Марія сидѣла въ кабинетѣ съ приближенными людьми, въ числѣ которыхъ находился и Риччіо; вдругъ входитъ Дарнлей съ своими сообщниками, и Риччіо, несмотря на просьбы королевы, умерщвляется въ ея глазахъ, самой Маріи убійцы грозятъ кинжаломъ, представляютъ пистолетъ къ ея груди. Дарнлей немного выигралъ отъ убійства Риччіо, потому что Марія не сблизилась съ нимъ, не уступала ему большого вліянія на дѣла, подарила полную своею довѣренностью адмирала Ботуэля, и опять произошла Шотландская сцена: въ началѣ 1567 года больной Дарнлей былъ взорванъ на воздухъ въ загородномъ домѣ близъ Эдинбурга, и чрезъ нѣсколько времени Марія вышла замужъ за Ботуэля. Слѣдствіемъ было сильное возстаніе: недовольные овладѣли королевою, заперли ее въ крѣпости и заставили отречься отъ престола въ пользу малолѣтняго сына Іакова (VI); Маріи удалось бѣжать изъ заключенія, но, преслѣдуемая врагами и не находя нигдѣ убѣжища въ Шотландіи, Марія перешла англійскую границу и отдалась подъ покровительство Елисаветы; та дала ей убѣжище въ своемъ государствѣ, но объявила, что заступится за нее только тогда, когда Марія оправдается относительно смерти мужа своего Дарнлея.

Марія Стюартъ была единственною надеждою католической партіи въ Англіи, которая не могла оставаться спокойною, видя, что Марія

лишилась шотландскаго престола и находится въ рукахъ Елисаветы: въ сѣверной Англіи вспыхнуло возстаніе съ цѣлю возвратити Маріи шотландскій престолъ; но возстаніе было усмирено войсками Елисаветы, и католиковъ не пощадили: болѣе 800 человекъ было казнено. Папа издалъ буллу, въ которой объявлялъ Елисавету лишенною англійскаго престола и разрѣшалъ подданныхъ ея отъ присяги. Слѣдствіемъ было то, что въ Англіи изданы были еще болѣе жестокіе законы противъ католиковъ, ненависть къ нимъ усилилась въ большинствѣ, усилилась и ненависть большинства къ Маріи Стюартъ. При тогдашней общности религіозныхъ интересовъ Елисавета, волею-неволею, становилась покровительницею протестантизма въ цѣлой Европѣ, и потому должна была выдержать борьбу съ могущественнымъ покровителемъ католицизма, Филиппомъ II Испанскимъ. Разница между соперниками была та, что Филиппъ не смотрѣлъ ни на что, когда дѣло шло о религіозномъ интересѣ; Елисавета, наоборотъ, дѣйствовала осторожно, смотрѣла впередъ, будетъ ли отъ ея вмѣшательства польза для Англіи, и больше всего боялась дѣлать большія издержки, ибо не хотѣла зависѣть отъ парламента; знаменитый дипломатъ ея Вальсингамъ былъ въ отчаяніи, получивши отъ нея инструкцію—не соглашаться ни на что, гдѣ понадобятся деньги. Елисавета помогала Нидерландамъ въ борьбѣ съ Испаніей, но помогала скупо и неохотно: она боялась для Англіи соперничества новой, цвѣтущей торговли и промышленностью республики, боялась усиленія Франціи въ Нидерландахъ, ибо Франція была для нея опаснѣе Испаніи. Филиппъ II сначала оставлялъ Елисавету въ покоѣ изъ политическихъ расчетовъ, когда наслѣдница ея, Марія Стюартъ была французскою королевою: онъ боялся тѣснаго союза Англіи и Шотландіи съ Франціею въ случаѣ, если бы Марія вступила и на англійскій престолъ. Но когда по смерти Франциска II нечего было больше бояться такого союза, Филиппъ начинаетъ дѣйствовать противъ еретички Елисаветы въ пользу католички Маріи Стюартъ. Тогда, въ пылу религіозной борьбы, какъ между католиками, такъ и между протестантами было распространено убѣжденіе, что для религіозной цѣли, для успѣха дѣла Божія, позволительно прибѣгать ко всякимъ средствамъ, къ заговорамъ и убійствамъ, и Филиппъ принимаетъ участіе въ заговорахъ католиковъ на жизнь Елисаветы; папа Пій V умолялъ Филиппа содѣйствовать убіенію Елисаветы, писалъ ему: «Мы изъ глубины сердца молимъ Искупителя объ успѣхѣ дѣла, задуманнаго въ Его честь и славу». Рядъ заговоровъ противъ Елисаветы въ пользу Маріи Стюартъ содѣйствовалъ только отягченію участи послѣдней;

наконецъ въ 1585 году открытъ былъ заговоръ Бабингтона, молодого Шотландца: положено было убить Елисавету, испанскія войска должны были въ это время высадиться въ Англіи и католики освободить Марію Стюартъ. Заговорщики были казнены самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, и Марія Стюартъ была обвинена въ томъ, что знала о заговорѣ. Судная комисія, назначенная по этому дѣлу, приговорила ее къ смерти; обѣ палаты парламента согласились съ рѣшеніемъ комисіи и умоляли Елисавету привести въ исполненіе приговоръ: парламентъ хотѣлъ отдѣлаться отъ Маріи Стюартъ, изъ боязни, что если она вступитъ на престолъ послѣ Елисаветы, то начнется такая же католическая реакція, какая была при Маріи Тюдоръ. Елисавета колебалась: дала приказаніе казнить Марію, потомъ велѣла подождать; но министры ея не хотѣли ждать и распорядились: Марія Стюартъ была казнена въ февралѣ 1587 года.

Казнь Маріи Стюартъ произвела сильное ожесточеніе въ католическомъ мірѣ, а между тѣмъ и въ другихъ отношеніяхъ со стороны Англіи было сдѣлано все, чтобы раздражить могущественнаго покровителя католицизма, Филиппа II. Францъ Дракъ, англійскій морской разбойникъ, въ 1572 году явился въ Мексиканскомъ заливѣ, захватилъ тамъ всѣ малые корабли, высадился на берегъ, взялъ транспортъ съ дорогими металлами и возвратился домой съ огромною добычею. Усѣхъ Драка возбудилъ много охотниковъ обогащаться на чужой счетъ и море покрылось англійскими и голландскими морскими разбойниками, сторожившими испанскіе и португальскіе корабли. Въ 1577 году Дракъ вторично страшнымъ образомъ опустошилъ берега Испанской Америки; третій походъ предпринялъ Дракъ въ 1585 году, уже въ качествѣ королевскаго англійскаго адмирала: на этотъ разъ была опустошена Вестъ-Индіа. Наконецъ Елисавета явно помогала Нидерландамъ, отправивъ туда отрядъ войска для борьбы съ Испанцами. Филиппъ II началъ готовиться къ мести: въ Испаніи и Нидерландахъ строились громадныя корабли, число ихъ простиралось до 135; 19,000 войска должно было сѣсть на нихъ для высадки въ Англію; начальство надъ войскомъ принималъ знаменитый Александръ Пармскій. Англичане приготовились къ отпору «непобѣдимой армады», какъ называли флотъ Филиппа II. Армада вышла въ маѣ 1588 года изъ устьевъ Таго, подъ начальствомъ герцога Медины-Сидоніи; но уже черезъ три дня флотъ сильно потерпѣлъ отъ бури у береговъ Галиціи; три недѣли нужно было употребить для исправленія; въ концѣ іюля, когда флотъ достигъ Ламанша и часть войска сѣла на корабли, начались опять бури, и военный совѣтъ пашелъ невозможнымъ вы-

саживаться на берега Англіи; рѣшили возвратиться въ Испанію, но для избѣжанія опасныхъ береговъ, чтобы держаться въ открытомъ морѣ, положено было взять сѣвернѣе и обогнуть Шотландію и Ирландію; на этомъ пути опять новыя бѣды и потери, такъ что когда армада возвратилась, то въ ней не досчитывалось 30 кораблей и 10.000 войска. Узнавши объ этомъ, Филиппъ спокойно сказалъ: «Я посылаю флотъ противъ людей, а не противъ бурь; благодарю Бога, что вредъ еще не такъ великъ; одна вѣтвь обрѣзана, но дерево живеть и цвѣтеть и въ состояніи пустить новыя отрасли».

Въ 1596 году Филиппъ приготовился къ новому морскому походу противъ Англіи; на этотъ разъ Елисавета предупредила его: Англійскій флотъ явился предъ Кадиксомъ, корабли, находившіеся въ гавани, частью были истреблены, частью обращены въ бѣгство, городъ былъ взятъ, выграбленъ, сожженъ. Испанцы мстили тѣмъ, что помогали Ирландцамъ, бунтовавшимъ противъ Елисаветы.

Конецъ жизни знаменитой королевы былъ омраченъ казнію любимца ея Ессекса: разсоровившись съ Елисаветою самымъ неприличнымъ образомъ, Ессексъ задумалъ явнымъ возстаніемъ низвергнуть приближенныхъ къ королевѣ людей, которымъ приписывалъ свою невзгоду; возстаніе не удалось, и Ессексъ погибъ какъ бунтовщикъ. Елисавета умерла въ мартѣ 1603 года, оставивъ престолъ шотландскому королю Іакову VI, сыну Маріи Стюартъ, который въ англійской исторіи извѣстенъ подъ именемъ Іакова I.

Царствованіе Елисаветы обыкновенно представляется блестящею эпохою англійской исторіи; имя этой королевы чрезвычайно популярно между Англичанами. Успѣхъ въ борьбѣ съ страшнымъ внѣшнимъ врагомъ, разумѣется, содѣйствовалъ славѣ царствованія, но особенно содѣйствовало ей сильное внутреннее развитіе. Континентъ терзается кровопролитными войнами, Англія, большею частью, наслаждается миромъ, въ Англіи находятъ убѣжище промышленные и торговые люди, бѣгущіе отъ религіозныхъ преслѣдованій въ отечествѣ; Англичане сознаютъ свои средства, пускаются на отдаленныя предпріятія, развиваютъ свои силы въ походахъ Драка и ему подобныхъ людей; англійскій флотъ сильно увеличивается. Рядомъ съ этимъ движеніемъ идетъ другое: является Беконъ, основатель новой философіи, въ области искусства является великій Шекспиръ. Царствованіе Елисаветы и потому еще оставило по себѣ хорошую память, что предшествовало бурной и печальной эпохѣ Стюартовъ: въ это тяжелое время съ тоскою обращались къ царствованію Елисаветы и, какъ обыкновенно бываетъ, преувеличивали его достоинства.

Относительно парламентской жизни въ царствованіе Елисаветы было нѣсколько столкновеній между парламентомъ и королевою. Мы видѣли, что еще Генрихъ VIII призвалъ парламентъ къ рѣшенію религиозныхъ вопросовъ. Въ царствованіе Елисаветы реакція политикѣ предшествовавшаго царствованія, ожесточенная борьба противъ католицизма, напрягавшаго всѣ свои силы для полученія побѣды, наконецъ примѣръ близкой Шотландіи содѣйствовали сильному движенію протестантизма въ Англіи, развитію его въ самыхъ демократическихъ формахъ. Движеніе проникло и въ парламентъ; въ 1571 году депутатъ Стрикландъ представилъ семь предложеній (bills), требовавшихъ отмены многихъ оставшихся еще церковныхъ церемоній, за это онъ получилъ приказаніе отъ королевы, какъ отъ главы церкви, не являться въ парламентъ до рѣшенія тайнаго совѣта. Въ парламентѣ по этому случаю встало сильное волненіе, и министры сочли нужнымъ дать знать Стрикланду, чтобы онъ на другой день явился въ парламентъ; впрочемъ, глава церкви сочла при этомъ своею обязанностью внушить парламенту, что она сильно порицаетъ легкомысліе, съ какимъ члены парламента позволили себѣ вмѣшаться въ дѣла, не подлежащія ихъ вѣдѣнію. Второе столкновение было по поводу монополій; королева считала своимъ правомъ раздавать нѣкоторымъ приближеннымъ людямъ привилегіи на исключительную торговлю извѣстнымъ товаромъ. Такъ какъ это прямо вредило интересамъ сильно развившагося торговаго сословія, то въ 1601 году парламентъ потребовалъ уничтоженія монополій; это требованіе поддерживалось горожанами Лондона, которые волновались на улицахъ. Елисавета уступила.

VII.

Франція

при послѣднихъ Валуа и первыхъ Бурбонахъ до принятія
ею участія въ Тридцатилѣтней войнѣ.

Развитіе королевской власти. — Людовикъ XII. — Итальянскія войны. — Францискъ I. — Его походъ въ Италію и конкордаты съ папой. — Борьба съ Карломъ V. — Покровительство наукамъ. — Генрихъ II. — Распространеніе протестантизма. — Гизы. — Борьба католиковъ съ гугенотами. — *Парижская кровавая свадьба*. — Лига. — Война *трехъ Генриховъ*. — Генрихъ IV. — Нантскій едиктъ. — *Сатира Мениппэ*, Монтанъ и Боденъ. — Сюлли. — Малолѣтство Людовика XIII. — Ришелье. — Взятіе Ларошели и Нимскій едиктъ. — Борьба съ Испаніей.

Мы видѣли, какія условія произвели раздробленность Германіи; видѣли, какія условія произвели парламентскую форму правленія въ Англіи; во Франціи изначала было много условій, благопріятствовавшихъ образованію объединеннаго, крѣпко сплоченнаго государства подъ монархическимъ неограниченнымъ правленіемъ. Римское завоеваніе, римская цивилизація уравнивали гальскія племена, уничтожили рознь и вражду между ними; дѣленіе Франціи въ періодъ феодальный не опиралось на племенные различія и собраніе земли было легко; англійскіе короли владѣютъ значительною частью Франціи, но они не долго могутъ удержать за собою эти владѣнія, которыя по природнымъ и національнымъ условіямъ тянутъ къ французскому правительству. Мы видѣли, что въ Англіи бароны послѣ завоеванія не успѣли еще отвыкнуть отъ общаго дѣла и потому выставили такое дружное сопротивленіе королевскимъ насиліямъ; въ Англіи между баронами, относительно, не было очень крупныхъ землевладѣльцевъ, изъ которыхъ каждый могъ бы считать себя довольно сильнымъ, чтобы отдѣльно бороться съ королемъ, и потому они чувствовали необходимость собрать свои силы, даже соединиться съ горожанами, при видѣ большихъ средствъ, которыя были у королей. Во Франціи Капетинги, вначалѣ очень некрупные землевладѣльцы, начинаютъ

безъ шума воевать поодиночкѣ съ сосѣдними вассалами и осиливать ихъ, распространять мало - по - малу свои владѣнія; другіе, особенно могущественные вассалы не обращаютъ на это вниманія, не думаютъ о дружномъ соединеніи и отпорѣ Капетингамъ, тѣмъ менѣе думаютъ о соединеніи съ горожанами; напротивъ, дворянство находится въ постоянно враждебныхъ отношеніяхъ къ мѣщанамъ, возбуждастъ и со стороны послѣднихъ такія же къ себѣ чувства, чѣмъ пользуются короли для усиленія своей власти. Наконецъ различіе въ характерѣ англійскихъ и французскихъ королей имѣетъ важное значеніе: англійскіе короли падки на захватъ чужого, при этомъ стремительны, страстны, не умѣютъ себя сдерживать, не умѣютъ во-время уступить и во-время опять начать движеніе; французскіе короли, наоборотъ, ведутъ себя очень ловко, прибираютъ къ рукамъ области незамѣтно, раздѣляютъ интересы горожанъ и вельможъ, создаютъ себѣ новую силу и поддержку въ ученыхъ и юристахъ, покровительствуя имъ, искусно пользуются обстоятельствами для расширенія своихъ владѣній: такъ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Іоанна Безземельнаго въ Англіи, забираютъ его континентальныя провинціи; такъ, пользуясь альбигойскими войнами, подчиняютъ себѣ развившуюся преждевременно южную Францію. Въ Англіи короли, отличаясь хищничествомъ, заставляютъ бароновъ и горожанъ стоять на-сторожѣ, слѣдить за каждымъ своимъ движеніемъ; во Франціи въ то время, когда королевская власть при своемъ усиленіи возбуждала опасенія, является Людовикъ IX, король нравственными достоинствами своими въ высшей степени способный примирить всѣхъ съ королевскою властью, поднять ея значеніе; онъ не нуждается въ деньгахъ по простотѣ жизни и бережливости; онъ приучаетъ народъ къ мысли, что король есть справедливѣйшій судья и защитникъ слабыхъ отъ насилія сильныхъ; справедливость и безпристрастіе его были такъ знамениты, что сильные вассалы въ своихъ ссорахъ обращались къ нему за посредничествомъ. Относительно римской церкви положеніе французскихъ королей изначала выгодное: у нихъ нѣтъ непосредственныхъ столкновеній съ папами, какъ у королей германскихъ — императоровъ римскихъ; наоборотъ, папы обращаются къ французскимъ королямъ съ просьбою о помощи противъ враговъ своихъ: такъ, благодаря борьбѣ папъ съ Гогенштауфенами, французскій принцъ получаетъ Неаполь; благодаря усиліямъ Рима, южная Франція, посредствомъ альбигойскихъ войнъ, подчиняется сѣверной. Но французскіе короли дурно отблагодарили Римъ за его услуги, они нанесли ему первый ударъ: король Филиппъ VI, столкнувшись съ

папою Бонифацием VIII изъ-за денежных интересовъ, первый поднимаетъ вопросъ: состоитъ ли церковь изъ одного духовенства, и въ борьбѣ съ папою опирается на чувство національное. Въ Англіи парламентъ является какъ учрежденіе, противопоставленное королю, его сдерживающее: во Франціи первые Государственные Чины 1302 года являются для поддержки короля противъ папы. Филиппъ IV торжествуетъ надъ папою, какъ не торжествовалъ ни одинъ изъ католическихъ государей, и папство не оправляется уже отъ удара, нанесеннаго ему королемъ, который остается вѣрнымъ сыномъ Римской церкви. Относительно распространенія своихъ владѣній Филиппъ IV дѣйствуетъ то силою, то прикупомъ, точно такъ же собираетъ французскую землю, какъ московскіе князья собираютъ русскую. При Филиппѣ вся юстиція страны перешла уже къ коронѣ; парламенты превращаются въ высшіе суды. Такое усиленіе королевской власти приводитъ въ движеніе вельможъ, готовыхъ подняться для удержанія старины; но наслѣдникъ Филиппа IV, Людовикъ X, сейчасъ же дѣлаетъ уступку; многимъ вельможамъ возвращаетъ ихъ судебную власть, расширяетъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ феодальное право и такимъ образомъ заблаговременно останавливаетъ возстаніе.

Наступило время искушенія при королѣ Іоаннѣ Добромъ, слабомъ, неспособномъ, и въ отсутствіе короля, попавшагося въ плѣнъ къ Англичанамъ, во Франціи происходятъ явленія, подобныя англійскимъ. Чины стремятся къ ограниченію королевской власти; но сейчасъ же является Карлъ V Мудрый и останавливаетъ движеніе, пользуясь его несвязностью, рознью между сословными интересами, противопоставляя области Парижу; кромѣ того, Карлъ V поддерживаетъ національное чувство, возбужденное войною съ Англичанами, не перестающими питать завоевательные замыслы относительно Франціи. По смерти Карла V опять безпокойство, движеніе въ городахъ по причинѣ тяжкихъ налоговъ, но опять движенія безсвязныя; дворянство противъ городовъ и подавляетъ бунты мѣщанъ. Богатые города Фландріи продолжаютъ волноваться; Гентъ въ челѣ ихъ возстаетъ противъ своего графа Людовика; но правитель Франціи, Филиппъ Смѣлый Бургундскій, дядя молодого короля Карла VI, былъ зять графа Фландрскаго, и рыцарство сѣверной Франціи охотно пошло съ самимъ королемъ Карломъ противъ мятежныхъ мѣщанъ, которыхъ оно уже сломило недавно въ Парижѣ и Руанѣ; Фландрское рыцарство присоединилось къ Французскому, и мѣщане поражены. Французское рыцарство воспользовалось своимъ торжествомъ

во Фландріи, чтобы обратить оружіе противъ Парижа, жителей котораго подозрѣвали въ сношеніяхъ съ Фламандцами; богатѣйшіе изъ горожанъ были захвачены, казнены, у другихъ вымучено все имѣніе.

Печальное время сумасшествія Карла VI представляетъ продолженіе борьбы между сословіями, характеризующей исторію Франціи; являются двѣ партіи—партія герцога Бургундскаго, дяди, и герцога Орлеанскаго, брата короля; горожане пользуются этимъ и поднимаются, опираясь на герцога Бургундскаго; дворянская партія, послѣ убійства герцога Орлеанскаго, продолжаетъ борьбу подъ предводительствомъ графа Арманьяка. Генрихъ V, король англійскій, пользуется смутою и начинаетъ войну съ Франціею; Англичане вмѣстѣ съ герцогомъ Бургундскимъ противъ дофина (послѣ Карла VII), Парижъ за Англичанъ, и такимъ образомъ мѣщане измѣняютъ національному дѣлу; это дѣло торжествуетъ, благодаря Орлеанской Дѣвѣ; король Карлъ VII побѣждаетъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, и страшная смута не наноситъ ни малѣйшаго ущерба королевской власти, напротивъ, для ея усиленія является еще постоянное войско. Мѣщане проигрываютъ во время смуты и борьбы съ Англичанами, поддерживая ненаціональное дѣло; вельможество проигрываетъ окончательно при Людовикѣ XI, когда вассалы имѣли возможность опереться на могущественную Бургундію, но когда король-мѣщанинъ извѣстнымъ своимъ образомъ дѣйствій умѣлъ разрывать всѣ враждебные ему союзы, поднимая противъ Бургундскаго герцога и Фландрскихъ мѣщанъ, и Швейцарскихъ крестьянъ. Такимъ образомъ исторія Франціи въ средніе вѣка представляетъ противоположность съ Англійскою исторіею: въ Англіи неблагоразумное поведеніе цѣлаго ряда королей и дружное дѣйствіе сословное для охраненія своихъ интересовъ; во Франціи чрезвычайно искусное дѣйствіе цѣлаго ряда королей и сословная рознь; отсюда въ Англіи укореняется парламентская форма; во Франціи утверждается монархическое неограниченное правленіе.

Франція послѣ Людовика XI, спокойная внутри, объединенная, сильная характеромъ своего народонаселенія, энергическаго, славолубиваго, естественно увлекается на поприще завоеваній, становится опасною для Европы, прежде всего для двухъ сосѣднихъ странъ, слабыхъ своимъ раздробленіемъ, Германіи и Италіи, особенно для послѣдней, манившей завоевателя богатствами всякаго рода. Трое королей, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ послѣ Людовика XI, Карлъ VIII Людовикъ XII и Францискъ I, знамениты своими походами

въ Италію. Эти итальянскія войны важны въ исторіи Франціи тѣмъ, что онѣ занимають беспокойное и войнолюбивое дворянство, сосредоточиваютъ его около королей, тратятъ его силы и такимъ образомъ опять содѣйствуютъ укрѣпленію королевской власти. Сынъ практическаго, прозаичнаго Людовика XI, Карлъ VIII, жилъ поэтическими мечтами о славныхъ, отдаленныхъ предпріятіяхъ, о походахъ Александра Македонскаго и Карла Великаго. Онъ объявилъ свои притязанія на Неаполь, потому что здѣсь когда-то владѣли князья изъ королевскаго французскаго дома (Анжу). Разные мелкіе владѣльцы Италіи, партіи, на которыя обыкновенно дѣлились итальянскія владѣнія, призывали Французскаго короля; притомъ Карлъ VIII зналъ, что въ Неаполѣ много недовольныхъ вельможъ, которые не стануть усердно стоять за короля своего Альфонса II. Въ августѣ 1494 года Карлъ VIII вступилъ въ Италію съ тридцатитысячнымъ войскомъ и нигдѣ не встрѣчалъ препятствій; онъ взялъ Флорентійскую республику на вѣчныя времена подъ покровительство Франціи, за что Флорентинцы должны были отсчитать ему большую сумму денегъ; въ Римѣ папа Александръ VI обѣщалъ признать его Неаполитанскимъ королемъ; Альфонсъ II не сталъ дожидаться грознаго завоевателя и отрекся отъ престола въ пользу сына своего Фердинанда II; но и новый король, увидавъ, что всѣ его оставили, убѣжалъ изъ Неаполя, и вельможи спѣшили принести присягу королю Французскому (1495 годъ). Но съ какою скоростью Неаполь былъ завоеванъ Французами, съ такою же скоростью и былъ потерянъ ими. Въ то время, когда Карлъ занимался съ своими Французами въ Неаполѣ праздниками и веселостями, грабежемъ и надменностью оскорбляя вельможъ и простой народъ, владѣлецъ Милана, Людовикъ Моро, Венеціане, Папа, Испанія, императоръ Максимилианъ составили союзъ, чтобы вытѣснить Французовъ изъ Италіи. Карлъ VIII долженъ былъ спѣшить назадъ, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ Франціи, и въ іюлѣ встрѣтилъ превосходное числомъ войско союзниковъ при Форнуово; Французы съ отчаянною храбростью прорвались сквозь непріятельскіе ряды, но оставили обозъ и огромную добычу въ рукахъ итальянцевъ. Это явленіе для насъ въ высшей степени замѣчательно по своему чисто европейскому характеру: союзъ слабыхъ заставляетъ сильнаго отказываться отъ своего завоевательнаго намѣренія.

Карлу VIII, умершему бездѣтнымъ въ 1498 году, наследовалъ Людовикъ XII, герцогъ Орлеанскій, потомокъ брата Карла VI. До сихъ поръ народъ во Франціи сильно терпѣлъ отъ постоянного войска,

которое явилось со временъ Карла VII и кормилось на счетъ безоружныхъ жителей: Людовикъ XII освободилъ народъ отъ этой тяжести, назначивъ для содержанія войска опредѣленные доходы, опредѣливъ начальниками въ войска людей извѣстныхъ и благонамѣренныхъ вмѣсто искателей приключеній и рыцарей-разбойниковъ, какъ было прежде, наконецъ запретивъ войскамъ располагаться въ деревняхъ и маленькихъ городахъ, а позволивъ стоять имъ только въ большихъ городахъ, гдѣ жители могли удерживать ихъ отъ буйства. Кромѣ того, при Людовикѣ XII явились полезныя преобразованія относительно судовъ, относительно монеты, и всѣ эти заботы верховной власти объ улучшеніи быта подданныхъ доставили Людовику славное прозваніе *Отца народа*.

Но и Людовикъ скоро показалъ, что не намѣренъ ограничиваться одними внутренними распоряженіями: онъ принялъ титулъ короля Неаполитанскаго, Сицилійскаго и Іерусалимскаго, герцога Медіоланскаго. Прежде всего онъ хотѣлъ овладѣть Миланомъ на томъ основаніи, что бабка его была изъ прежде царствовавшего тамъ дома Висконти. Желая обезпечить себѣ успѣхъ при завладѣніи Миланомъ, Людовикъ XII привлекъ на свою сторону папу Александра VI, котораго сыну, знаменитому своею безиравственностью Цезарю Борджіа, обѣщалъ устроить владѣніе въ Италіи; заключилъ союзъ и съ Венеціанцами, недовольными Миланскимъ герцогомъ Людовикомъ Моро. Но у Французскаго короля было мало войско, онъ счелъ нужнымъ нанять Швейцарцевъ, а денегъ не было; въ такой пуждѣ онъ потребовалъ денегъ съ сборщиковъ податей и сталъ продавать ихъ мѣста, давая такимъ образомъ покупателямъ право взыскивать свои деньги съ бѣдныхъ плательщиковъ податей. Деньги были собраны, Швейцарцы наняты, и въ 1499 году Людовикъ XII выступилъ противъ Милана. Успѣхъ былъ блестящій, потому что всѣ въ Миланѣ ненавидѣли Людовика Моро, какъ тирана, похитителя власти, убійцу своего племянника, которому принадлежалъ престолъ; Моро принужденъ былъ бѣжать изъ Милана, потомъ возвратился съ наемными Швейцарцами, былъ преданъ ими и отосланъ во Францію. Овладѣвши Миланомъ, Людовикъ XII сталъ думать о Неаполѣ. Успѣхъ былъ невѣренъ, потому что подлѣ могущественной Франціи образовалось не менѣе могущественное государство Испанское, и Фердинандъ Католикъ, уже владѣвшій Сициліею, никакъ не хотѣлъ позволить Французамъ усилиться въ Италіи. Такимъ образомъ Итальянскія войны получаютъ для насъ особенное значеніе: мы видимъ, какъ Франція, стремящаяся усилиться на счетъ разъединенной и слабой Италіи, сдерживается Испаніею. Чтобы не имѣть помѣхи

со стороны Фердинанда Католика, Людовикъ XII рѣшается подѣлить съ нимъ добычу: оба короля заключаютъ договоръ, по которому Апулія и Калабрія должны достаться Фердинанду. Въ 1501 году Французское войско подъ начальствомъ д'Обиньи (Шотландца Стюарта) двинулось къ Неаполю; здѣсь царствовать дядя умершаго короля Фердинанда II, Фридрихъ: онъ былъ захваченъ Французами и кончилъ жизнь плѣнникомъ во Франціи. Между тѣмъ знаменитый полководецъ Фердинанда Католика, Гонзалъвъ Кордуанскій, уже занялъ южныя области Неаполитанскія, и скоро между нимъ и Французами произошла ссора: дѣлежъ былъ труденъ! Лѣтомъ 1502 года открылась явная война между Испанцами и Французами,—война, въ которой отживающее рыцарство выразилось въ послѣдній разъ во всей силѣ; особенно прославился здѣсь французскій рыцарь Баяръ, «рыцарь безъ страха и упрека». Дѣло кончилось тѣмъ, что въ 1503 году, потерпѣвши два пораженія отъ Испанцевъ, Французы принуждены были очистить Неаполитанское королевство, которое досталось Испанцамъ; Людовикъ XII отправилъ новое войско для завоеванія Неаполя, но и оно было поражено Гонзалъвомъ Кордуанскимъ при Гарильяно. Въ 1504 году Испанія и Франція заключили перемиріе: Неаполь остался за Испанією, Миланъ—за Францією.

Такимъ образомъ двѣ самыя могущественныя континентальныя державы утвердились на двухъ концахъ Италіи. Изъ Итальянскихъ державъ самою сильною была Венеція, съ которою не могъ сладить императоръ Максимилианъ одинъ, и потому началъ стараться сломить ее союзомъ; союзники нашлись легко, потому что многимъ хотѣлось унижить гордую олигархію Венеціанскую и подѣлить владѣнія республики; въ союзъ вступили, кромѣ императора Максимилиана, Французскій король Людовикъ XII, Фердинандъ Католикъ и папа, теперь воинственный Юлій II-й: союзники въ Камбрѣ прямо уговорились подѣлить между собою Венеціанскія владѣнія. Французы начали военныя дѣйствія и поразили Венеціанское войско при Аньяделло (1509 г.); король Людовикъ началъ забирать Венеціанскіе города. Тогда Венеція поспѣшила разорвать союзъ, отдавши папѣ и Фердинанду Католику все, чего они желали. Папа, довольный униженіемъ Венеціи, началъ дѣйствовать противъ Французовъ, потому что ему вовсе не хотѣлось усиленія ихъ въ Италіи; Людовикъ XII, съ своей стороны, вооружился противъ папы, потребовавъ церковныхъ преобразованій; по его стараніямъ собрался соборъ въ Пизѣ, отцы котораго провозгласили необходимость преобразованій церкви, во главѣ ея и въ членахъ, провозгласили, что папа долженъ подчиниться рѣшенію собора. Но это

церковное дѣло не могло имѣть послѣдствій, потому что политическія отношенія были противъ него. Фердинандъ Католикъ считалъ необходимымъ не выдавать палу могущественному королю Французскому, и осенью 1511 года составилъ такъ называемый *Священный союзъ* для защиты Римской церкви. Членами союза были: папа, Венеціане, Испанія; Фердинандъ привлекъ къ союзу и зятя своего англійскаго короля Генриха VIII; Фердинандъ писалъ, что если позволить Французамъ овладѣть Римомъ, то свобода Европы погибнетъ. 1512 года начались военныя дѣйствія: союзникамъ трудно было дѣйствовать противъ Французскаго войска, предводителемъ котораго былъ племянникъ королевскій, Гастонъ де Фуа, прозванный *Итальянскою молніей*. Гастонъ дѣйствительно съ неимоверною быстротою пробѣгалъ съ своимъ войскомъ обширныя пространства, неожиданно являлся то здѣсь, то тамъ, гдѣ требовала опасность. Итальянцы были противъ Французовъ, которые особенно выводили ихъ изъ терпѣнія своею безнравственностью относительно женщинъ; но Французы потушили возстаніе въ крови возставшихъ, при чемъ вели себя хуже Татаръ. Весною 1512 года войска союзниковъ встрѣтились съ Французами у Равенны: послѣ кровопролитнаго сраженія, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ погибло до 20,000 человекъ, Французы остались побѣдителями, но потеряли своего знаменитаго предводителя, Гастона де Фуа. Со смертію Гастона счастье покинуло Французовъ, которые съ трудомъ могли держаться въ Италіи, а между тѣмъ Испанцы и Англичане напали на самую Францію; Французы должны были оставить и Миланъ, гдѣ утвердился потомокъ царствовавшей здѣсь прежде фамиліи Сфорца; отцы Пизанскаго собора должны были удалиться сначала въ Миланъ, а потомъ въ Лионъ, и соборъ признавался одною Франціею. Въ 1513 году Людовикъ XII выслать новое войско для завоеванія Милана; но союзники наняли Швейцарцевъ, которые поразили Французовъ при Паварѣ и заставили ихъ бѣжать въ отечество; а въ самомъ началѣ 1515 года умеръ Людовикъ XII бездѣтнымъ, оставивъ престолъ двоюродному племяннику своему Франциску.

Новый король Францискъ I-й отличался качествами, которыя доставили ему большую популярность между Французами: это былъ истый Французъ — впечатлительный, храбрый, славолюбивый, блестящій рыцарь и волокита. Больше изъ тщеславія, изъ любви къ блеску, изъ моды, чѣмъ по внутреннему влеченію, Францискъ сталъ покровительствовать искусству и возродившейся въ Италіи наукѣ, перенесъ ихъ на французскую почву и прославленъ былъ за это художниками и учеными. Характеръ короля-рыцаря и небывалый блескъ, которымъ

онъ окружилъ свой дворъ, сдѣлали послѣдній средоточіемъ французскаго дворянства и тѣмъ самымъ, разумѣется, усиливали королевскую власть, королевское значеніе, а между тѣмъ безпрестанныя войны продолжали давать занятіе дворянству и потреблять его силы. Для поддержанія придворнаго блеска нужны были деньги, и Францискъ начинаетъ продавать судейскія мѣста и всякаго рода должности; доходъ отъ этой продажи простирался до 400,000 франковъ ежегодно.

Францискъ принялъ титулъ герцога Миланскаго и личное начальство надъ войскомъ, которое еще Людовикъ XII передъ смертію приготовилъ для новаго вторженія въ Италію. Союзники, къ которымъ принадлежали теперь императоръ Максимилианъ, герцогъ Миланскій, Фердинандъ Католикъ и правившій Флоренцію Лаврентій Медичи (Венеція была за Французовъ) наняли Швейцарцевъ для прегражденія Франциску пути въ Италію; но Французскій король проникъ въ Италію трудными горными проходами и въ сентябрѣ 1515 года поразили Швейцарцевъ при Мариньяно, недалеко отъ Милана,—первое пораженіе, претерпѣнное Швейцарцами, которые до сихъ поръ считались непобѣдимыми; герцогъ Миланскій Сфорца долженъ былъ не только сдать свою столицу Французамъ, но и отказаться отъ всѣхъ правъ своихъ на герцогство въ пользу короля Французскаго. Папа, теперь Левъ X, изъ фамиліи Медичи, знаменитый покровитель наукъ и искусствъ, боясь усиленія Испанцевъ въ Италіи, завелъ переговоры о союзѣ съ Франціею еще при жизни Людовика XII, а послѣ сраженія при Мариньяно заключилъ формальный союзъ съ Францискомъ I, выговоривъ разныя выгоды для своихъ родственниковъ Медичи; кромѣ того, при свиданьи въ Болоньи король и папа заключили *конкордатъ* относительно церковныхъ дѣлъ во Франціи: еще король Людовикъ IX закономъ, извѣстнымъ подъ именемъ «*прагматической санкціи*», отстранилъ вліяніе папы на избраніе Французскихъ епископовъ и аббатовъ; при королѣ Карлѣ VII, благодаря Базельскому собору, утверждена была вторая прагматическая санкція, ограничивавшая власть папы въ дѣлахъ Французскаго духовенства, что и послужило основаніемъ свободы такъ называемой *Галликанской церкви*; теперь Францискъ I своимъ конкордатомъ 1516 года отказался въ пользу папы отъ нѣкоторыхъ статей прагматической санкціи, но зато выговорилъ себѣ право инвеституры въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ: во Франціи въ это время было 10 архіепископій, 83 епископы, 527 аббатовъ, и король получилъ право назначать на всѣ эти мѣста, тогда какъ прежде архіепископы, епископы и аббаты избирались духовенствомъ; этимъ сред-

ствомъ французское духовенство приведено было въ зависимость отъ короля.

Франція, видимо, брала верхъ; но скоро для Франциска I-го явился страшный соперникъ. Въ началѣ 1516 года умеръ Фердинандъ Католикъ, Испанія перешла къ внуку его Карлу, который по наслѣдству отъ бабки былъ уже владѣтелемъ Нидерландовъ; въ 1519 году умеръ другой дѣдъ Карла, императоръ Максимилианъ, и явился вопросъ — кому быть императоромъ? Трое сильнѣйшихъ королей Европы добились первой короны въ христіанствѣ — Францискъ Французскій, Карлъ Испанскій и Генрихъ VIII Англійскій, ибо въ это время императорское достоинство не утратило еще своего значенія, какое придавалось ему въ Средніе Вѣка; Римскія преданія объ единой всемірной имперіи, объ единомъ императорѣ, главѣ всѣхъ другихъ владѣтелей, были освящены католическою церковью, которая требовала одного папу и одного императора; богословы утверждали, что пророкъ Даніилъ указалъ на всемірную Римскую монархію какъ на послѣднюю, съ разрушеніемъ которой послѣдуетъ кончина міра, что Спаситель освятилъ ее, родившись въ то время, когда весь міръ подчинился Риму. Съ возрожденіемъ наукъ явились возраженія и противъ всемірной монархіи; Еразмъ Роттердамскій утверждалъ, что «такой монархіи не существовало и никогда не можетъ существовать; Римляне величали себя владыками міра, а половина земли была имъ неизвѣстна; они считали антиподовъ баснею, а теперь мореплаватели посѣщаютъ землю антиподовъ; Римская имперія была разрушена варварами, папы воскресили имя, а не дѣло; даи гдѣ взять государя способнаго управлять цѣлымъ свѣтомъ?» Несмотря на то, императорскій титулъ имѣлъ большую привлекательность, а главное сильныхъ государей привлекала возможность имѣть непосредственное вліяніе на дѣла Германіи и Италіи. Понятно, что настоящими соперниками въ исканіи императорскаго титула могли быть только континентальные государи; много употреблено было интригъ, много потрачено денегъ со стороны Франциска и Карла, наконецъ послѣдній осилилъ и былъ провозглашенъ императоромъ подъ именемъ Карла V.

Соперничество между Испанією и Францією еще болѣе усилилось. Много говорятъ о стремленіи Карла V и вообще Габсбургскаго дома къ всемірной монархіи. Можетъ быть мечта о такой монархіи и была у Габсбурговъ; что же касается дѣйствительности, то у нихъ не было вовсе средствъ для утвержденія своего господства въ Европѣ. Главнымъ препятствіемъ къ тому было существованіе на континентѣ такого могущественнаго государства, какъ Франція, къ которой обра-

щались, которую слѣдовательно усиливали своимъ союзомъ всѣ менѣе значительныя державы, боявшіяся могущества Габсбургскаго дома; Венеціанскіе послы, отличавшіеся тонкою наблюдательностью и вѣрностью своихъ выводовъ, писали: «У короля Испанскаго много владѣній, но всѣ они разбросаны на дальнее разстояніе другъ отъ друга; у короля Французскаго одно государство, но сплошное и послушное ему; одиннадцать провинцій Франціи представляютъ крѣпкіе члены единого тѣла, сообщающіе другъ другу силу и жизнь». Венеціанскіе послы считаютъ Францію могущественнѣе всѣхъ христіанскихъ государствъ, способнѣе всѣхъ къ завоеваніямъ; утверждаютъ, что Франція пошла бы быстрыми шагами къ всемірной монархіи безъ соперничества со стороны Карла V. Въ половинѣ XVI вѣка Французы уже толкуютъ о Рейнѣ, какъ естественной границѣ Галліи. Относительно воинственности Французовъ одинъ Венеціанскій посолъ пишетъ: «Во Франціи не уважаютъ знатныхъ людей, которые не любятъ войны и не ищутъ ея». Въ мемуарахъ Монлюка читаемъ: «Благородное и великодушное сердце можетъ прилѣпиться только къ войнѣ. Не слѣдуетъ возобновлять крестовыхъ походовъ, потому что мы не такъ религіозны, какъ наши добрые предки, лучше упражняться въ Америкѣ или воевать сосѣдей, требовать Милана и Неаполя». Такимъ образомъ Итальянскія войны являются для насъ слѣдствіемъ національнаго стремленія, а не прихоти королей. Венеціанскіе послы говорятъ, что Французы, въ своемъ завоевательномъ стремленіи, сдержаны были Карломъ V; Французы говорятъ, что Карлъ V въ своемъ ненасытномъ честолюбіи, въ своемъ стремленіи ко всемірной монархіи, былъ сдержанъ Францискомъ I: мы должны сказать, что оба сдержали другъ друга и тѣмъ поддерживали свободу западной Европы, ея политическое равновѣсіе. Вотъ смыслъ борьбы между Карломъ V и Францискомъ I.

Борьба началась въ Италіи въ 1521 году. Императорскія войска отняли у Французовъ Миланъ. Къ этой неудачѣ для Франциска I присоединилась еще новая бѣда: измѣна коннетабля, герцога Карла Бурбона. Карлъ, раздраженный тѣмъ, что процессъ, который онъ велъ о владѣніяхъ тестя своего, былъ рѣшенъ не въ его пользу, перешелъ на сторону враговъ Франціи, Карла V и союзника его Генриха VIII Англійскаго. Бурбонъ въ 1524 году явился предводителемъ императорскаго войска въ Ломбардіи, и Французы должны были очистить эту страну: тутъ они потеряли своего знаменитаго рыцаря Баяра, котораго память исторія обязана почтить не за то, что онъ былъ безъ страха, но за то, что онъ былъ безъ упрека. Война велась въ

то время самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, побѣдители не щадили побѣжденныхъ, и всѣ средства считались позволительными, чтобы вредить врагу; герцогъ Феррарскій предложилъ Баяру отравить враждебнаго Франціи папу: Баяръ по чистотѣ своей сначала не понималъ, въ чемъ дѣло, а потомъ, понявши, съ ужасомъ отвергнулъ предложеніе. Французы отличались своимъ развратомъ въ Италіи: въ домѣ, гдѣ жилъ Баяръ, женщины пользовались совершенною безопасностью и уваженіемъ; въ то время, когда добыча была главною цѣлью война, Баяръ отличался совершеннымъ безкорыстіемъ.

Выгнавши Французовъ изъ Италіи, императорскія войска подъ начальствомъ Бурбона и Пескары вошли во Французскія владѣнія и осадили Марсель; но принуждены были снять осаду, а между тѣмъ король Францискъ собралъ войско, вступилъ снова въ Италію, занялъ Миланъ и пошелъ осаждать Павію; здѣсь, въ февралѣ 1525 года, напали на него императорскія войска: Францискъ потерпѣлъ страшное пораженіе и былъ взятъ въ плѣнъ. Но это несчастіе Французскаго короля не покончило борьбы въ пользу Карла V. Франція не потеряла своего значенія отъ того, что король ея былъ въ плѣну; Италія, терпя невыносимыя тяжести отъ императорскаго войска, обращалась къ ней съ просьбою о союзѣ, и правительница Франціи, Луиза Савойская, мать короля Франциска, вошла въ переговоры съ Венеціанами и папою Климентомъ VII (Медичи), собрала войско, Англія была на ея сторонѣ. Между тѣмъ Францискъ I протомился цѣлый 1525 годъ въ плѣну въ Мадритѣ и къ концу года опасно занемогъ. Карлъ V, боясь, что смерть Франциска лишить его плодовъ побѣды при Павіи, поспѣшилъ войти въ переговоры съ своимъ плѣнникомъ: Францискъ, для полученія свободы, согласился на всѣ предложенныя ему условія съ твердымъ намѣреніемъ не исполнить ихъ, что заявилъ окружающимъ его Французамъ; возвратясь во Францію, онъ созвалъ выборныхъ (Нотаблей), и тѣ объявили, что Мадритскій договоръ не можетъ быть исполненъ, потому что король обязался въ немъ уступить императору Бургундію и Франшъ-Конте, тогда какъ король не имѣетъ никакого права отчуждать провинціи государства, и Францискъ началъ опять войну съ Карломъ, въ союзѣ съ Итальянскими государствами. Папа дорого заплатилъ за союзъ съ Франціею: императорское войско было составлено изъ сброда разныхъ націй, изъ людей, которымъ прежде всего нужны были деньги; денегъ не было у главнаго предводителя, Карла Бурбона, и войско, не получая жалованья, разъ пять бунтовало въ три первые мѣсяца 1527 года; чтобы избавиться отъ этихъ бунтовъ, дать добычу своимъ храбре-

цамъ, Бурбонъ рѣшился вести ихъ на Римъ. 6-го мая городъ былъ взятъ приступомъ, при самомъ началѣ котораго Карлъ Бурбонъ былъ убитъ; смерть вождя ожесточила войско и уничтожила всякую дисциплину; разъяренные солдаты начали грабить Римъ, не щадя церквей и монастырей, пытками вымучивали у жителей деньги, многихъ побили. Папа, убѣжавшій въ замокъ св. Ангела, обязался заплатить 400.000 червонныхъ и уступить императору нѣсколько городовъ. Карлъ V, находившійся въ это время въ Испаніи, притворился очень огорченнымъ, надѣлъ трауръ, а между тѣмъ настаивалъ, чтобы папа исполнилъ свои обязательства насчетъ уступки городовъ.

Борьба Франциска I съ Карломъ V, прекращавшаяся на время и опять возобновлявшаяся, велась съ переменнымъ счастьемъ и представляеть мало занимательнаго въ подробностяхъ. Францискъ I не могъ утвердиться ни въ Миланѣ, ни въ Неаполѣ; Карлъ V удержалъ за собою оба эти владѣнія; но зато, когда императоръ покушался входить въ предѣлы Франціи, то походы его оканчивались неудачно, и Французы удержались въ Савойи и Пиемонтѣ, также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Миланскаго герцогства. Любопытны средства, которыя Французскій король употреблялъ въ борьбѣ съ могущественнымъ соперникомъ. Разумѣется, главнымъ средствомъ было отыскиваніе повсюду враговъ Карлу V, заключеніе союзовъ противъ него: чрезъ это кругъ европейской политической дѣятельности распространялся, общая жизнь и разнообразіе отношеній усиливались. Какъ ревниво европейскія государства слѣдили тогда за усиленіемъ сильныхъ между ними, какъ трудно слѣдовательно было явиться завоевателю, всего лучше видно изъ письма Карла V къ брату своему Фердинанду. Признаваясь, что силы Габсбургскаго дома недостаточны для сопротивленія Туркамъ, Карлъ пишетъ: «Что же касается помощи отъ другихъ государей христіанскихъ, то на нее нечего надѣяться, ибо они предпочитаютъ собственный интересъ интересу христіанства и боятся вступитъ въ борьбу съ Турками, чтобы не дать усилиться Австрійскому дому». Но этого мало, что европейскіе государи боялись помочь Габсбургамъ противъ Турокъ; Французскій король вступаетъ въ союзъ съ Турками противъ Карла V; первая мысль объ этомъ союзѣ принадлежитъ матери Франциска I, Луизѣ Савойской, которая, видя своего сына въ плѣну у Испанцевъ, рѣшилась въ такой бѣдѣ обратиться къ султану. Потомъ самъ Францискъ I прибѣгнулъ къ тому же средству, видя «Французское королевство какъ бы въ осадѣ со всѣхъ сторонъ, со стороны Испаніи, Фландріи, Италіи и Англіи». Точно такъ же, будучи ревностнымъ католикомъ, преслѣдуя

протестантовъ въ своихъ владѣніяхъ, Французскій король входитъ въ сношенія съ Германскими протестантами для поддержанія ихъ противъ императора.

Уже было сказано, что Францискъ I, кромѣ борьбы своей съ Карломъ V, знаменитъ покровительствомъ, какое оказывалъ возрожденной наукѣ и искусству во Франціи. Еще Людовикъ XII привлекъ во Францію славнаго своею ученостію Грека Іоанна Ласкариса, дѣятельность котораго, впрочемъ, обнаружилась преимущественно при Францискѣ I. Главнымъ совѣтникомъ Франциска въ дѣлѣ распространенія знаній былъ ученый епископъ Дюшатель, который присовѣтовалъ подлѣ стараго схоластическаго университета учредить новыя каѳедры для удовлетворенія новымъ научнымъ потребностямъ: такъ учреждены были каѳедры греческаго, еврейскаго языковъ и латинскаго краснорѣчія (для изгнанія монашеской латыни); подлѣ были учреждены еще три королевскія профессуры: для математики, для римской философіи и для медицины; изъ ученыхъ медиковъ особенно прославился прѣхавшій въ Парижъ изъ Брюсселя Андрей Везаліусъ, основатель новой анатоміи. Составлялись богатые собранія рукописей и древностей, для пріобрѣтенія которыхъ посылались ученые въ Италію, Грецію и на Востокъ. Подлѣ усиленнаго занятія древностями и результатовъ этихъ занятій Французская литература представила знаменитое произведеніе на языкѣ народномъ и совершенно въ духѣ народномъ: это романъ *Раблэ*—«Похожденія Гаргантюа и сына его Пантагрюеля», злая, остроумная и безцеремонная насмѣшка надъ самыми крупными явленіями тогдашней французской жизни. Романъ былъ принятъ съ восторгомъ обществомъ, потому что совершенно приходился по народному характеру; книга имѣла 60 изданій, и до сихъ поръ не потеряла значенія во Французской литературѣ.

Послѣдніе годы царствованія Франциска I знамениты интригами, которыя велись двумя любовницами королевскими, старою, Діанною Пуатье (герцогинею Валентинуа), и новою, герцогинею Эстампъ. Это явленіе замѣчательно для насъ только въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ интересы сосредоточиваются около двора, около придворныхъ отношеній, другія отношенія не имѣютъ самостоятельнаго значенія. Франциску I, умершему въ началѣ 1547 года, наслѣдовалъ сынъ его, Генрихъ II, который очень удачно воспользовался борьбою Нѣмецкихъ протестантовъ съ Карломъ V, раздувъ эту борьбу и началъ войну съ императоромъ, провозглашая себя въ манифестахъ «Защитникомъ Германіи». Этотъ защитникъ не былъ безкорыстный: онъ занялъ своими войсками города Камбрэ, Мецъ, Туль, Вер-

дѣнь и удержалъ ихъ за Францію; Карлъ V понапрасну осаждалъ Мецъ, отлично защищаемый герцогомъ Францискомъ Гизомъ. Иначе шла борьба у Генриха II съ сыномъ Карла V, Филиппомъ II. Поводомъ къ войнѣ было стремленіе папы Павла IV вытѣснить Испанцевъ изъ Италіи, для чего, по обычаю, папа обратился за помощью къ Французскому королю, обѣщая помочь ему овладѣть Неаполемъ; лучший полководецъ Французскій, герцогъ Гизъ, отправился съ войскомъ въ Италію на помощь къ папѣ, а между тѣмъ военныя дѣйствія открылись на Нидерландской границѣ; Испанскія войска вмѣстѣ съ Англійскими *) вступили во Францію и въ августѣ 1557 года встрѣтились у С. Кентена съ Французскимъ войскомъ, которое потерпѣло совершенное пораженіе. Это несчастіе заставило Генриха II отозвать Гиза изъ Италіи, вслѣдствіе чего папа принужденъ былъ мириться съ Испанцами на условіи не вступать ни въ какой союзъ имъ враждебный. Генрихъ II былъ такъ напуганъ, что нѣкоторымъ образомъ сложилъ съ себя власть, назначивъ Гиза *Намѣстникомъ государства* (*Lieutenant général du royaume*). Гизъ ознаменовалъ свое намѣстничество блестящимъ и популярнымъ дѣломъ, взявши Кале, послѣдній городъ, которымъ владѣли Англичане во Франціи. Несмотря на этотъ успѣхъ, война кончилась въ 1559 году миромъ въ Като-Камбрези, по которому Франція сдѣлала Испаніи значительныя уступки по нидерландской границѣ, очистила совершенно Миланское герцогство и возвратила Савою ея герцогу, съ тѣмъ, чтобы тотъ женился на сестрѣ короля Генриха II. Французскіе патриоты были въ отчаяніи отъ этого постыднѣйшаго въ ихъ глазахъ мира, которымъ Франція явно признала перевѣсъ Испаніи надъ собою. Въ томъ же самомъ году Генрихъ II умеръ отъ раны, полученной на турнирѣ, оставивъ престолъ сыну Франциску II.

Въ Генрихѣ II и его сыновьяхъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, Франція имѣла рядъ слабыхъ, ничтожныхъ королей, которыми и покончилась династія Валуа. Этимъ людямъ было не до завоеваній, и внутри государства слабость ихъ повела къ страшнымъ религіознымъ усобицамъ, въ которыхъ короли играли страдательную роль. Когда началось религіозное движеніе въ Европѣ, то въ сѣверной Германіи и Скандинавскихъ государствахъ правительства, дѣйствуя согласно съ народными стремленіями, объявили себя на сторонѣ протестантизма; въ Англіи Генрихъ VIII, также покорный національнымъ

*) Англичане помогали Испанцамъ по отношеніямъ королевы Маріи къ Филиппу II.

стремленіямъ, устроилъ сдѣлку между старымъ и новымъ, изъ чего вышла такъ называемая Англиканская церковь; въ Испаніи Филиппъ II, полный представитель своего народа, рѣшительными средствами задавилъ ересь въ самомъ началѣ. Во Франціи огромное большинство народонаселенія также хотѣло остаться при католицизмѣ; вслѣдствіе религіозной нетерпимости, господствовавшей тогда какъ между католиками, такъ и между протестантами, и вслѣдствіе страстности французскаго характера католическое большинство не могло отпеститься равнодушно къ протестантскому меньшинству, и Францискъ I, какъ представитель большинства, преслѣдуетъ протестантовъ; но при слабости сынъ его, Генрихъ II, несмотря на жестокіе указы противъ протестантовъ, новое ученіе распространяется во Франціи, его принимаютъ вельможи, принцы крови. Католическое большинство негодуетъ: но ничтожные сыновья Генриха II не въ состояніи стать ни въ чей этотъ большинства, ни противъ него, ни остановить усобицу энергическимъ вмѣшательствомъ власти; ихъ мать, Флорентійская принцесса Екатерина Медичи, пропитанная итальянскимъ развратомъ, итальянскими политическими правилами (Макиавеллизмомъ), итальянскимъ равнодушіемъ въ дѣлѣ вѣры, готовая, смотря по обстоятельствамъ, идти къ католической обѣднѣ или къ протестантской проповѣди, хитрить, лавировать между партіями, склоняется то на ту, то на другую сторону и тѣмъ отнимаетъ у верховной власти силу и достоинство. Верховная власть исчезала; народъ былъ предоставленъ самому себѣ, католики и протестанты должны были сами раздѣляться другъ съ другомъ, и началась долголѣтняя кровавая усобица. Католическое большинство, видя, что короли измѣняютъ его дѣлу, естественно должно было искать себѣ другихъ вождей, и нашло: то были знаменитые Гизы.

Гизы происходили изъ младшей линіи герцоговъ Лотарингскихъ. Герцогъ Клавдій Гизъ поднялъ свою фамилію тѣмъ, что умѣлъ устроить бракъ своей дочери, вдовы Герцога Лонгвиля, съ Іаковомъ V, королемъ Шотландскимъ. Сыноу Клавдія былъ уже извѣстный намъ герцогъ Францискъ Гизъ, пріобрѣтшій важное значеніе и сильную популярность среди воинственнаго народа своими воинскими подвигами, защитою Меца и взятіемъ Кале; мы видѣли, какъ онъ выдался на первый планъ при Генрихѣ II, будучи назначенъ намѣстникомъ королевства; въ 1558 году вліяніе Гизовъ было еще болѣе упрочено женитьбою Дофина на ихъ племянницѣ, Маріи Стюартъ, королевѣ Шотландской. Такъ какъ Францискъ Гизъ былъ ревностный католикъ, то католическая партія, т.-е. огромное большинство Француз-

скаго народа, обратилась къ знаменитому полководцу, какъ своему вождю; при этомъ Гизъ привизалъ къ себѣ дворянство необыкновенною щедростью: такъ, по взятіи Кале онъ не взялъ себѣ ничего изъ добычи, все отдалъ войску.

Тотчасъ по смерти Генриха II, Гизы, герцогъ Францискъ и братъ его кардиналъ Карлъ, овладѣли шестнадцатилѣтнимъ слабымъ королемъ Францискомъ II, отстранивъ отъ правленія мать его Екатерину Медичи и ближайшаго родственника, принца Антона Бурбона, взявшаго въ приданое королевство Наварское и Беарнъ. Король Антонъ былъ человѣкъ ничтожный; гораздо больше значенія имѣла жена его Іоанна и братъ, принцъ Конде. Оба принца, Бурбонъ и Конде, и знатная фамилія Шатильонъ, особенно адмиралъ Колиньи, стояли во главѣ протестантовъ, слѣдовательно были главными соперниками Гизовъ, и, разумѣется, здѣсь съ враждою религіозною тѣсно связана была вражда политическая. Гизы твердою и искусною рукою повели правительственное дѣло; протестантамъ, разумѣется, не было пощады, и они рѣшились вооруженною рукою захватить короля и Гизовъ, созвать Государственные Чины и провозгласить регентомъ Антона Бурбона, короля Наварскаго. Замыселъ (такъ называемый *амбуазскій* заговоръ, по имени замка, гдѣ хотѣли захватить короля) не удался, протестанты были поражены королевскими войсками, и Гизы еще болѣе усилились; король Антонъ и принцъ Конде были захвачены и преданы суду, который приговорилъ Конде къ смерти; но приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе по причинѣ смерти короля Франциска II, послѣдовавшей въ концѣ 1560 года. Ему послѣдовалъ малолѣтній братъ его Карлъ IX, именемъ котораго стала управлять мать его Екатерина Медичи; Францискъ Гизъ потерялъ званіе Намѣстника королевства, которое было отдано королю Антону, принцъ Конде былъ освобожденъ и совершенно оправданъ; но Гизы удержали значеніе главъ могущественной партіи, и Екатерина считала необходимымъ сохранять равновѣсіе между ними и Бурбонами; чтобы удержатъ власть въ своихъ рукахъ, она мирволила протестантамъ и въ то же время хлопотала, чтобы не поссориться съ католиками, по этимъ только все болѣе и болѣе разжигала религіозную ненависть и побуждала обѣ партіи къ самоуправству. Въ манифестахъ и распоряженіяхъ являлись противорѣчія: въ одно время провозглашалась религіозная терпимость и запрещалось подъ строгимъ наказаніемъ присутствовать при протестантскомъ богослуженіи. Въ Парижѣ и другихъ мѣстахъ начались стычки между католиками и протестантами: тамъ протестанты насмѣются надъ католическою процессіею,

здѣсь католики нападуть на домъ, гдѣ совершалось протестантское богослуженіе; монахи, особенно іезуиты, съ каедръ подушали народъ къ истребленію протестантовъ; когда одинъ изъ такихъ проповѣдниковъ былъ схваченъ правительствомъ въ Парижѣ, то народъ взволновался и не прежде успокоился, какъ парламентъ выпустилъ монаха. Въ декабрѣ 1561 года Парижскіе протестанты, раздраженные тѣмъ, что колокола сосѣдней католической церкви заглушаютъ проповѣдниковъ въ ихъ церкви, бросились вооруженные въ католическую церковь и опустошили все внутри ея; католики за это сожгли всѣ скамьи въ протестантской церкви. Въ началѣ 1562 года правительство выдало *Едиктъ терпимости*, по которому протестантамъ дозволялось свободно отправлять свое богослуженіе внѣ городской черты. Это возбудило сильное негодованіе католиковъ; въ Бургундіи начальство прямо воспротивилось едикту; католики и протестанты вооружились и началась усобица, сопровождавшаяся неимовѣрными жестокостями съ обѣихъ сторонъ: новорожденныхъ дѣтей вырывали изъ материнскихъ объятій и разбивали объ стѣну, вырѣзывали сердца и терзали ихъ зубами; узы родства исчезали: молодой человѣкъ Роло, сынъ королевскаго прокурора, былъ повѣшенъ по требованію отца. Эти ужасы объясняютъ намъ поведеніе Филиппа II-го Испанскаго, который кострами инквизиціи выжигалъ ересь въ своемъ государствѣ. Филиппъ былъ представителемъ большинства въ испанскомъ народѣ и дѣйствовалъ совершенно въ его духѣ; во Франціи слабое правительство неспособно къ рѣшительнымъ мѣрамъ, и самъ народъ принимается за дѣло; католики и протестанты расправляются другъ съ другомъ, и какъ расправляются? Въ печальное время религиозныхъ усобицъ правительства и народы дѣйствуютъ одинаково, т.-е. считаютъ своею обязанностью не щадить людей, въ которыхъ видятъ враговъ Божіихъ. Мало того, что французскіе католики и протестанты свирѣпствовали другъ противъ друга, они забывали интересы и честь національную, обращаясь за помощью къ врагамъ отечества: католики обращались къ Филиппу II Испанскому, протестанты къ Англійской королевѣ Елисаветѣ, отдавали Англичанамъ города, чтобы только они выставили войско въ Нормандіи, и давали деньги для найма нѣмецкихъ и швейцарскихъ дружинъ.

Война велась несчастливо для протестантовъ или *Гугенотовъ*, какъ ихъ называли во Франціи; Гизъ взялъ у нихъ Руанъ, при осадѣ котораго былъ смертельно раненъ король Антонъ, перешедшій еще прежде на сторону католиковъ; у него остался малолѣтній сынъ, знаменитый въ послѣдствіи король Генрихъ IV, котораго мать вос-

питала въ протестантствѣ. Наконецъ, въ декабрѣ 1562 года, недалеко отъ Дрё, католическая и протестантская арміи встрѣтились, и Гизъ одержалъ рѣшительную побѣду, Конде былъ взятъ въ плѣнъ. Побѣдитель получилъ званіе намѣстника королевства, но недолго имъ пользовался: въ февралѣ 1563 года при осадѣ Орлеана онъ былъ измѣннически убитъ однимъ протестантомъ. Смерть Гиза прежде всего была выгодна Екаторинѣ Медичи, которая освобождалась отъ могущественнаго вожда католической Франціи; Конде былъ освобожденъ, и въ мартѣ 1563 года правительство издало едиктъ, извѣстный подъ именемъ Амбуазскаго, въ которомъ даровало всѣмъ подданнымъ свободу совѣсти до рѣшенія религіознаго дѣла на свободномъ соборѣ. Но правительство не умѣло и не могло установить свободу совѣсти при томъ страшномъ раздраженіи, которое господствовало въ народѣ между католиками и протестантами; войны продолжались, принцъ Конде погибъ послѣ проиграннаго протестантами сраженія при Жарнакѣ въ 1569 году; протестанты провозгласили своимъ главою пятнадцати лѣтняго Генриха Бурбона, сына Антона Наварскаго; на самомъ же дѣлѣ вождемъ партіи былъ адмиралъ Колиньи. Въ слѣдующемъ году опять правительство заключило миръ съ протестантами въ С. Жермэнѣ, опять дало имъ свободу совѣсти, полную амністію, право отправлять свое богослуженіе вездѣ, гдѣ оно прежде отправлялось, а въ тѣхъ областяхъ, гдѣ его прежде не было, оно было дозволено въ предмѣстьяхъ двухъ городовъ; запрещено оно было въ Парижѣ съ окрестностями, да тамъ, гдѣ случайно будетъ находиться дворъ; наконецъ протестантамъ уступлены были на два года четыре крѣпости. При всѣхъ этихъ событіяхъ Карлъ IX, достигшій теперь двадцати лѣтъ, не игралъ важной роли: рожденный безъ способностей, онъ не получилъ никакого образованія; остался дикаремъ, съ узкимъ горизонтомъ, съ дѣтскими наклонностями, безъ воли, безъ сознанія. Послѣ сенжерменскаго мира онъ подчинился было вліянію Колиньи и вошелъ въ его воинственные планы противъ Испаніи; но Екаторина Медичи успѣла напугать сына рассказами о страшномъ заговорѣ протестантовъ и заставила его согласиться на кровавую мѣру. Послѣ неудачнаго покушенія на жизнь Колиньи составленъ былъ планъ вдругъ истребить протестантовъ, поднявъ католическое большинство, что было легко сдѣлать по страшному ожесточенію этого большинства противъ еретиковъ. Чтобы оплошить ихъ и завлечь начальниковъ ихъ въ Парижъ, сосватали молодого Генриха Бурбона на сестрѣ королевской Маргаритѣ Валуа. 18 августа 1572 года была свадьба; 24 августа, день св. Варѣоло-

мѣся, назначенъ днемъ истребленія протестантовъ. Первою жертвою палъ старикъ Колинъи, за нимъ погибло болѣе двухсотъ значительнѣйшихъ протестантовъ, двѣ ночи и два дня длились убійства, праздновалась «*Кровавая Парижская свадьба.*» Такая же рѣзня произошла и въ другихъ городахъ, особенно отличились Ліонъ, Руанъ, Бордо, Тулуза, Орлеанъ; но въ нѣкоторыхъ областяхъ правители отказались быть палачами; Ортецъ, комендантъ Байонскій, написалъ королю, что опъ прочелъ его повелѣніе солдатамъ и горожанамъ, но между ними нашлись только добрые граждане и добрые солдаты и ни одного палача. Число истребленныхъ протестантовъ во всей Франціи полагають, по меньшей мѣрѣ, до 30,0000.

Рѣзня оказалась бесполезною. Генрихъ Наварскій и молодой принцъ Конде угрозами принуждены были принять католицизмъ, но какъ скоро имъ удалось вырваться изъ Парижа, то они опять обратились къ протестантизму; протестанты далеко не всѣ были истреблены и на оставшихся не было нагнано страха; они ожесточились еще болѣе и съ отчаяніемъ защищались въ Рошели отъ королевскихъ войскъ. Король Карлъ IX умеръ въ маѣ 1574 года, и ему наследовалъ братъ его Генрихъ III, недавно избранный въ польскіе короли, и тайкомъ убѣжавшій изъ своего государства, чтобы занять престолъ французскій. Генрихъ III былъ даровитѣе своихъ братьевъ, но отличался страшною безнравственностью, для которой не могъ найти оправданія въ слабости физической и умственной. Новый король своимъ постыднымъ поведеніемъ скоро уронилъ себя во мнѣніи народа, и тѣмъ сильнѣе поднялся Генрихъ Гизъ, сынъ убитаго Франциска, своею мужественною, твердою натурою представлявшій совершенную противоположность женоподобному Генриху III-му. Король поручилъ Гизу вести войну съ протестантами, и Гизъ велъ ее побѣдоносно; несмотря на то, король въ 1576 году заключилъ миръ съ протестантами и далъ имъ право отправлять свое богослуженіе безъ всякаго ограниченія. Это раздражило католиковъ. Они начали дѣйствовать: Франція покрылась братствами, имѣвшими цѣлью поддержаніе католицизма, и на основаніи этихъ братствъ составилъ общій католическій союзъ или такъ называемая *Святая Лига*. Король Генрихъ призналъ Лигу и объявилъ себя ея главою; это было для него единственнымъ средствомъ удержать за собою верховное значеніе и не передать его герцогу Гизу. Когда собравшіеся Государственные Чины послали объявить протестантскимъ вождямъ, чтобы они или приняли католицизмъ, или готовились къ войнѣ, принцъ Конде отвѣчалъ: «мы хотимъ мира, и если сдержать данное намъ

слово, то все будетъ покойно; въ противномъ случаѣ мы не признаемъ вашихъ государственныхъ чиновъ и протестуемъ противъ всѣхъ рѣшеній, которыя они постановятъ противъ насъ». Иначе отвѣчалъ Генрихъ Наварскій: онъ не былъ такъ преданъ протестантизму, чтобы для него отказаться отъ Французской короны, а между тѣмъ видѣлъ ясно, что католическое большинство никогда не признаетъ королемъ протестанта: «Скажите Чинамъ,—отвѣчалъ Генрихъ,— что самая пламенная моя молитва къ Богу, чтобы Онъ привелъ меня къ познанію истины; молюсь, что если я теперь на правомъ пути, то чтобы Господь удержалъ меня на немъ, если же нѣтъ, то чтобы открылъ мнѣ глаза, и я готовъ не только отречься отъ заблужденія, но и пожертвовать всѣмъ для уничтоженія ереси не только во Франціи, но и въ цѣломъ свѣтѣ». Въ то время, когда Генрихъ Наварскій уже готовился уступить большинству, слабый король Генрихъ III колебался между двумя сторонами: въ 1577 году онъ заключилъ миръ съ протестантами въ Пуатье; но потомъ, угрожаемый Лигистами, заключилъ съ ними договоръ въ Немурѣ (1585 г.), по которому уничтожалъ всѣ дарованныя протестантамъ льготы, обязывался изгнать изъ государства протестантскихъ проповѣдниковъ и раздавать должности только католикамъ. Вслѣдствіе этого началась опять религіозная война, названная войною *трехъ Генриховъ* (короля Генриха III, Генриха Наварскаго и Генриха Гиза). Первому Генриху, королю, было, впрочемъ, не до войны; онъ въ это время пристрастился къ щенкамъ: накладеть ихъ въ корзину, повѣсить ее себѣ на шею и расхаживаетъ съ такою драгоценною ношею; онъ тратилъ также большія деньги на покупку и содержаніе обезьянъ и попугавъ; скупалъ миниатюры изъ старыхъ молитвенниковъ и самъ наклеивалъ ихъ на стѣны своей домовою церкви; много денегъ стоили ему и твари человѣческой породы (миньоны). Король былъ сильною помѣхою Лигистамъ въ борьбѣ ихъ съ протестантами, потому что на него нельзя было ни въ чемъ положиться; они рѣшились взять его совершенно въ свои руки и заставить дѣйствовать исключительно въ ихъ интересахъ; но Генриху III удалось ускользнуть отъ нихъ изъ Парижа, гдѣ началъ всѣмъ распоряжаться герцогъ Гизъ, опираясь на Лигистовъ. Король принужденъ былъ дать Гизу званіе генералиссимуса съ неограниченною властью; король потерялъ значеніе, ему не вѣрили. Гизъ былъ королемъ на дѣлѣ, Генрихъ III оставался королемъ только по имени; ревностные католики видѣли въ своемъ вождѣ Гизѣ необходимаго наслѣдника престола; явилась книга, подъ заглавіемъ *Stemmata*, гдѣ доказывалось, что Гизы происхо-

дять отъ Каролинговъ и потому имѣють право на престолъ. Раздраженный поведеніемъ Гиза, не обращавшаго на него никакого вниманія, король рѣшился освободиться отъ него убійствомъ: въ декабрѣ 1588 года Гизъ былъ предательски умерщвленъ въ глазахъ Генриха III. Но преступленіе не помогло: вся католическая Франція взволновалась; въ Парижѣ со всѣхъ церковныхъ каедръ слышались самыя жестокия рѣчи противъ короля и противъ династіи Валуа; богословскій факультетъ Парижскій (Сорбонна) издалъ декретъ, которымъ всѣ Французы освобождались отъ присяги Генриху III. Король, у котораго оставалось только пять городовъ, принужденъ былъ соединиться съ Генрихомъ Наварскимъ, т.-е. отдаться подъ его покровительство. Въ 1589 году оба Генриха осадили Парижъ; но тутъ фанатикъ монахъ Клеманъ убилъ Генриха III; династія Валуа прекратилась; протестанты немедленно провозгласили королемъ Генриха Наварскаго подъ именемъ Генриха IV, Генрихъ III, умирая, объявилъ ему, что онъ никогда не будетъ Французскимъ королемъ, если останется протестантомъ: Генрихъ IV самъ зналъ это очень хорошо.

Въ начальникѣ новой династіи, Генрихѣ IV Бурбонѣ, Франція получила короля, способнаго возратить верховной власти значеніе, потерянное послѣднимъ Валуа. Ни одинъ король не оставилъ по себѣ такое популярное имя въ странѣ, какъ Генрихъ IV; подобно Франциску I, онъ былъ истый Французъ, со всѣми достоинствами и недостатками народнаго характера: необыкновенно храбрый, участвовавшій болѣе чѣмъ въ 200 битвахъ, щедрый, обходительный, съ порывами великодушія, вмѣстѣ беззаботный, страстный къ женщинамъ, способный пожертвовать плодами побѣды для любовнаго свиданія; но важно было то, что Генрихъ прошелъ хорошую школу, ведя съ дѣтства тяжелую, опасную борьбу, имѣя возможность постоянно слѣдить за разгаромъ самыхъ сильныхъ страстей, изучать, оцѣнивать людей, приучаясь сторониться съ своими интересами, давать мѣсто интересамъ чужимъ, приобретаая благодушіе и способность соглашенія, приобретаая сознаніе своихъ недостатковъ и умѣніе подчиниться авторитету людей достойныхъ; Генрихъ IV взялъ съ бою свое королевство, благодаря добрымъ товарищамъ, и, ставши королемъ, онъ умѣлъ остаться добрымъ товарищемъ для добрыхъ.

Генрихъ долженъ былъ съ бою добывать свое королевство, потому что большинство не хотѣло имѣть королемъ протестанта. Счастіемъ для Генриха было то, что это большинство не имѣло достойнаго

вождя, некъмъ было замѣнить Генриха Гиза, ибо братъ его, герцогъ Майень, ставшій вождемъ Лиги, былъ человѣкъ неспособный, тогда какъ Генрихъ IV былъ виднѣе всѣхъ по своимъ личнымъ средствамъ. Въ мартѣ 1590 года онъ встрѣтился съ войскомъ Майеня при Иври, недалеко отъ Дре, и нанесъ ему страшное пораженіе. Но Лигисты призвали на помощь Филиппа II Испанскаго; знаменитый полководецъ послѣдняго Александръ Пармскій выступилъ изъ Нидерландовъ во Францію и искуснымъ движеніемъ заставилъ Генриха снять осаду Парижа. Для окончанія борьбы Генрихъ счелъ необходимымъ уступить большинству и принять католицизмъ—дѣло тяжкое для его самолюбія, ибо онъ являлся человѣкомъ, который для короны жертвуетъ своими религіозными убѣжденіями. Генрихъ объявилъ, что готовъ принять наставленіе въ католическомъ исповѣданіи, и для того созвалъ въ Реймсъ знатнѣйшее духовенство. Ревностные католики, парижскіе Лигисты, не поддавались на эту сдѣлку, видѣли въ обращеніи Генриха только политическую мѣру, отъ которой не ждали никакого добра, будучи увѣрены, что Генрихъ останется въ душѣ протестантомъ и не будетъ дѣйствовать противъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ; но большинство, истомленное усобицею и жаждущее успокоенія, съ восторгомъ привѣтствовало обращеніе Генриха. Къ счастью для послѣдняго между Лигистами возникъ раздоръ: Майень перессорился съ племянникомъ, молодымъ герцогомъ Гизомъ (сыномъ убитаго Генриха); къ этому присоединилась ненависть между Французами и Испанцами, потому что Филиппъ II сталъ прочить Французскій престолъ для своей дочери; наконецъ Александръ Пармскій умеръ и Генрихъ такимъ образомъ освободился отъ единственнаго непріятельскаго полководца, съ которымъ ему трудно было сладить. Въ июль 1593 года Генрихъ торжественно принялъ католицизмъ, а въ мартѣ 1594 сдался ему Парижъ, при чемъ король оказалъ необыкновенное великодушіе, не тронулъ самыхъ заклятыхъ враговъ своихъ. Умысль молодаго фанатика Шателя убить короля не удался: такъ какъ Шатель вынесъ свои убѣжденія о законности цареубійства изъ іезуитской коллегіи и отъ духовника-іезуита, то почтенные отцы были изгнаны изъ Франціи.

Съ принятіемъ католицизма Генрихомъ IV и съ утвержденіемъ этого короля на престолѣ прекращается во Франціи смута, порожденная религіозными войнами. Эти войны произошли, какъ мы видѣли, вслѣдствіе слабости послѣднихъ Валуа, которые не умѣли ни стать въ челѣ большинства и остановить усиленіе противной большинству ереси, обуздать фанатизмъ большинства и ввести вѣро-

терпимость: послѣднее, впрочемъ, было тогда крайне трудно. Отъ слабости королей произошло то, что они должны были вести войны съ своими подданными, заключать съ ними миры. Эта религіозная борьба на много лѣтъ поглотила все вниманіе Французскаго народа, заняла безпокойныя силы, не дала Французамъ возможности производить наступательныя движенія на сосѣдственныя страны, и потому во все это время первенство принадлежало Испаніи, Филиппъ II считался самымъ могущественнымъ государемъ, единственнымъ и верховнымъ покровителемъ католицизма. Франція въ религіозной борьбѣ потеряла много силъ, еще въ 1580 году не досчитывалось 700,000 народа, много видныхъ, сильныхъ людей изгнано какъ между католиками, такъ и между протестантами, послѣдовало всеобщее истощеніе, бѣдность, одичалость, ибо давно уже не было помину о порядкѣ, безопасности, правосудіи, управленіи, и побуждаемое сильною жаждою покоя большинство успѣшило признать Генриха IV королемъ, какъ только онъ принялъ католицизмъ; истомленное борьбою большинство не разбирало, искренно ли было обращеніе Генриха, или только для формы; мало того, оно позволило Генриху дать большія льготы прежнимъ своимъ единовѣрцамъ, протестантамъ. Въ апрѣлѣ 1598 года въ Нантѣ былъ обнародованъ едиктъ, по которому протестантамъ позволено было въ извѣстныхъ мѣстахъ свободное отправленіе богослуженія; они сохраняли всѣ гражданскія права, получали доступъ ко всѣмъ мѣстамъ и должностямъ, ихъ бѣдные принимались въ госпитали наравнѣ съ католиками; въ каждомъ парламентѣ должна была быть особая палата, состоявшая изъ равнаго числа католическихъ и протестантскихъ членовъ, гдѣ рѣшались споры, возникавшіе между двумя партіями протестантскому духовенству обѣщано жалованье; депутаты отъ протестантскихъ церковныхъ общинъ получили право составлять соборы въ извѣстныя времена и въ извѣстныхъ мѣстахъ съ королевскаго позволенія и подъ надзоромъ правительственныхъ комиссаровъ. Но этого мало: протестанты продолжали составлять политическую партію, государство въ государствѣ, имъ отданы были во владѣніе извѣстные города, куда они назначали комендантовъ, и король обѣщалъ платить деньги ихъ гарнизонамъ; наконецъ республикански организованныя протестантскія общины получили право налагать на своихъ членовъ подати для своихъ цѣлей.

Только вслѣдствіе сильной усталости отъ продолжительной усобицы католики могли позволить Генриху IV издать Нантскій едиктъ. Эта усталость и желаніе поскорѣе прекратить смуту выразились въ зна-

менитомъ произведеніи эпохи, въ „*Сатиры Мениппа*“, злой насмѣшкѣ надъ ревностными католиками, не хотѣвшими признать королемъ Генриха IV. Нигдѣ злая насмѣшка не производитъ такого сильнаго вліянія, какъ во Франціи, и сатира Мениппа *) имѣла огромный успѣхъ, была для Генриха IV полезнѣе выиграннаго сраженія. Главнымъ участникомъ въ составленіи сатиры былъ знаменитый въ то время ученый, историческій изслѣдователь и юристъ *Петръ Питу*. Къ описанной же эпохѣ относится знаменитое во Французской литературѣ произведеніе— „*Опыты Монтэня*“, рядъ безъ системы набросанныхъ наблюденій и замѣтокъ въ скептическомъ и насмѣшливомъ духѣ: это былъ первый проблескъ того отрицательнаго на-правленія, которымъ отличалась Французская литература XVIII вѣка. Наконецъ къ описанному времени относится важное въ исторіи исторической науки сочиненіе Французскаго юриста *Жана Бодена*. Боденъ въ жизни государствъ и народовъ старается отыскать извѣстные законы, обращаетъ вниманіе на вліяніе физическихъ условій и народнаго характера; усматриваетъ различіе въ исторической дѣятельности народовъ, живущихъ въ сѣверной, средней и южной по-лосѣ: сѣверные отличаются воинственностью, средніе законовѣдніемъ, южные религіозностью.

Генрихъ IV снѣшилъ прекратить тяжкую въ его положеніи войну съ Испаніею; миръ былъ заключенъ въ Вервѣпѣ въ 1598 году: Испанцы отдали все завоеванное ими, удержали только Камбрэ. Миръ былъ нуженъ Генриху для поправленія финансовъ; самъ король не былъ способенъ къ экономіи, но онъ умѣлъ выбрать человѣка, въ высшей степени способнаго поправить финансы умнымъ управленіемъ и бережливостью: то былъ протестантъ маркизь Росни, больше извѣстный подъ именемъ герцога Сюлли, человѣкъ суровый, неприступный, упрямый, но неподкупный и способный, умѣвшій захватить диктатуру и употребить ее для общаго блага съ презрѣніемъ личныхъ интересовъ. Зная достоинства Сюлли и свои собственныя слабости, король слушался своего министра, ничего не предпринималъ безъ его вѣдома и совѣта: вельможи, которымъ хотѣлось покормиться на счетъ щедрости королевской, ненавидѣли скупого Сюлли, не дававшего даромъ ни копейки. Сильное вліяніе на мягкосердечнаго Генриха имѣла любовница его Габріель д'Эстрэ; но непреклонный Сюлли не уступалъ и этому вліянію и не давалъ королю

*) Такъ названная отъ имени циническаго философа Мениппа, извѣстнаго своими злыми насмѣшками.

жениться на ней. Габріель въ сердцахъ говорила Сюлли, что она не намѣрена слушать его совѣтовъ, что она не похожа на короля, которому она можетъ доказать, что черное бѣло. Сюлли отвѣчалъ: «Если вы сердитесь, то цѣлую ваши ручки, но изъ страха предъ вашимъ гнѣвомъ, не измѣню своимъ обязанностямъ». Габріель умерла; новая любовница Генріетта д'Антрегъ выпросила у короля письменное обѣщаніе жениться на ней; но когда Генрихъ показалъ это обѣщаніе Сюлли, тотъ разорвалъ его. Король женился на Маріи Медичи, племянницѣ великаго герцога Тосканскаго. Когда Сюлли объявилъ ему, что брачный договоръ уже подписанъ, Генрихъ сначала задумался, потомъ сказалъ: «Ну, такъ и быть! Если вы говорите, что для блага государства и народа надобно мнѣ жениться, стало быть надо жениться».

Какъ скоро Франція отдохнула отъ религіозныхъ смутъ и Сюлли накопилъ денегъ, такъ сейчасъ же Генрихъ IV, вѣрный характеру своего народа, начинаетъ думать объ усиленіи Франціи на счетъ сосѣдей. Несмотря на Вербэнскій миръ, прекратившій открытую войну между Франціею и Испаніею, борьба тайная продолжалась между этими двумя издавна соперничающими странами: Генрихъ поддерживалъ Голландію, Испанцы поддерживали во Франціи недовольныхъ вельможъ, которыхъ, впрочемъ, Генрихъ умѣлъ успокоить разными средствами, не исключая и смертной казни. Генриху хотѣлось нанести рѣшительный ударъ могуществу Испаніи и вообще Габсбургскаго дома и дать первенство Франціи. Обстоятельства тому благопріятствовали: въ Германіи готовилась борьба между протестантскою униєю и католическою лигою, и члены униіи объявляли готовность признать Французскаго короля своимъ главою и покровителемъ. Генрихъ хотѣлъ въ одно время вторгнуться въ Испанскіе Нидерланды, гдѣ надѣялся на помощь изъ Голландіи, въ Германію, гдѣ опирался на унию, и въ Италію, куда приглашали его Венеція и Савоя. Въ 1610 году все уже было готово къ войнѣ, какъ 14 мая фанатикъ Равальякъ убилъ короля, и наступательное движеніе Франціи опять было приостановлено внутренними смутами.

На мѣстѣ знаменитаго короля очутился девятилѣтній ребенокъ, сынъ Генриха IV, Людовикъ XIII; правленіе перешло къ королевѣ-вдовѣ, Маріи Медичи, женщинѣ ничтожной, находившейся подъ вліяніемъ пріѣхавшей съ нею изъ Флоренціи Елеоноры Галигай; Елеонора вышла замужъ за Итальянца же Копчини, который получилъ титулъ маркиза д'Анкръ и пользовался большимъ значеніемъ. По рѣшенію парламента, который въ этомъ вопросѣ незаконно при-

своиль себѣ право Государственныхъ Чиновъ, Марія овладѣла регенствомъ и, чтобы удержать въ своихъ рукахъ правленіе, должна была задаривать принцевъ и вельможъ. Сюлли съ достойными товарищами долженъ былъ удалиться отъ дѣлъ, и деньги, скопленные имъ для войны, пошли на раздачу жаднымъ и расточительнымъ принцамъ и вельможамъ, которые пользовались слабостію верховной власти для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, чтобы нажить на счетъ казны и народа, вовсе не думая ни о благѣ общемъ, ни даже объ интересахъ сословныхъ. Кромѣ денегъ принцы и вельможи требовали отъ правительницы намѣстничествъ, городовъ во владѣніе, и всѣ требованія ихъ были исполнены ко вреду государства. Но чѣмъ болѣе получали они, тѣмъ жаднѣе, недовольнѣе становились, а предлогъ къ заявленію неудовольствія былъ благовидный: нельзя было терпѣливо сносить, что правленіе находится въ рукахъ пришельца Итальянца, ничѣмъ не знаменитаго; жаловались на разстройство финансоваго управленія, на расточеніе государственныхъ имуществъ, на пренебреженіе дворянства, церкви и народа. Наконецъ, въ 1615 году неудовольствіе перешло въ явное возстаніе, главою котораго былъ принцъ Конде. Конде, объявившій себя защитникомъ народа, кончилъ войну съ правительствомъ, когда послѣднее удовлетворило его городами и деньгами, товарищи его также были удовлетворены: миръ стоилъ правительству болѣе шести милліоновъ ливровъ. Между тѣмъ король выросалъ: онъ плохо учился, но за то былъ отличный егеръ и сокольникъ; съ малолѣтства находился при немъ человекъ изъ мелкаго дворянства, Люинъ, умѣвшій пріобрѣсть расположеніе Людовика особенно тѣмъ, что отлично выучивалъ ловчихъ птицъ. Но Люинъ не хотѣлъ ограничиться однѣми птицами; онъ сталъ внушать Людовику, что онъ король только по имени, а что вся власть у маршала д'Анкръ. Рѣшено было отдѣлаться отъ Итальянца убійствомъ; король призвалъ барона Витри, начальника своей гвардіи, и сказалъ ему, что если хочетъ быть маршало^{мъ}, то пусть исполнить то, что поручить ему Люинъ. Витри исполнилъ порученіе и въ апрѣлѣ 1617 года Кончини былъ убитъ. Люинъ взялъ себѣ все имѣніе и всю власть убитаго; Парижане ликовали, терзая трупъ ненавистнаго Итальянца; они не знали, что нажили себѣ новаго господина похуже стараго. Жену маршала, Елеонору, казнили, обвинивши въ томъ, что она околдовала королеву Марію. Но королева не думала признавать себя околдованною и не хотѣла простить убійцамъ Кончини. Вслѣдствіе этого возникли новыя смуты: одни вельможи стали на сторону короля, другіе королевы. Въ это время

особеннымъ вліяніемъ на королеву началъ пользоваться человекъ которому суждено было силою воли и правительственнаго таланта успокоить Францію внутри и дать ей первенствующее положеніе въ Европѣ: то былъ *Ришелье*. Арманъ Іоаннъ дю Плесси Ришелье, маркизъ де Шильонъ промѣнялъ военную службу на богословскія занятія съ цѣлью сдѣлаться епископомъ, получилъ докторскую степень и на двадцать второмъ году жизни посвященъ былъ въ епископы Люсонскіе. Въ 1614 году явился опъ въ Парижъ въ собраніи Государственныхъ Чиновъ какъ депутатъ отъ духовенства провинціи Пуату и сейчасъ же обратилъ на себя вниманіе: маршалъ д'Анкрь употребилъ его для примиренія съ принцемъ Конде; потомъ Люинъ вызвалъ ловкаго епископа для примиренія короля съ матерью, и дѣйствительно, по его старанію, примиреніе послѣдовало и въ 1620 году королева Марія пріѣхала въ Парижъ. Въ слѣдующемъ году умеръ Люинъ; Ришелье, получившій по старанію королевы кардинальское достоинство, по ея же старанію былъ введенъ въ кабинетъ и немедленно захватилъ въ свои руки власть, которою слабый король не могъ самъ пользоваться. Основаніемъ внутренней политики кардинала были слѣдующія правила: «Для правительства прежде всего необходимо *безусловное повиновеніе всѣхъ*. Для этого правительство само должно имѣть твердую волю въ исполненіи того, что оно считаетъ справедливымъ, никогда не должно колебаться при исполненіи своихъ намѣреній, и строго наказывать тѣхъ, которые являются ослушниками. Правленіе государствомъ требуетъ мужской силы и непоколебимой твердости. Неуклонная послѣдовательность, тайна и быстрота суть лучшія средства для обезпеченія успѣха. Необходимо, чтобы государственная цѣль всегда во всякомъ случаѣ стояла впереди всѣхъ другихъ соображеній. Общественные интересы должны быть единственною цѣлью государей и ихъ совѣтниковъ. Наказанія и награды должны соразмѣряться единственно съ ними; наказанія важнѣе наградъ, потому что не такъ легко забываются. Относительно государственныхъ преступленій надобно отложить всякое состраданіе, пренебречь жалобами участниковъ и ропотомъ невѣжественной толпы, которая не знаетъ, что ей полезно и необходимо. Обязанность христіанина—забывать личныя оскорбленія, обязанность правительства—никогда не забывать оскорбленій, наносимыхъ государству. Государи обязаны въ духовныхъ дѣлахъ подчиняться папамъ, но не должны позволять имъ вмѣшиваться въ дѣла свѣтскія. Дворянство должно защищать отъ чиновниковъ, которые поднялись въ ущербъ ему; но должно положить предѣлъ насиліямъ дворянства относительно

но простого народа. Надобно охранять имѣнія дворянства и облегчать ему пріобрѣтеніе новыхъ, чтобы оно могло служить государству на войнѣ. Это его главная обязанность; ибо дворянство, которое не готово идти на войну по первому призыву государства, есть роскошь и бремя для государства и не заслуживаетъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя отличаютъ его отъ горожанъ. Судьи должны судить и только; нельзя позволять имъ вмѣшиваться ни въ церковный судъ, ни въ законодательство государственное. Народъ долженъ быть содержимъ въ покорности; подати служить къ тому, чтобы ему не было слишкомъ хорошо, чтобы онъ не перешелъ границы своихъ обязанностей. Но подати не должны быть слишкомъ тяжелы; государи обязаны не брать у своихъ подданныхъ болѣе нужнаго, и въ чрезвычайныхъ случаяхъ прежде обращаться къ излишку богатыхъ. Въ дѣлѣ науки и народнаго воспитанія надобно дѣйствовать съ большою осторожностью. Науки служатъ однимъ изъ величайшихъ украшеній для государства, и обойтись безъ нихъ нельзя; но понятно, что ихъ не должно преподавать каждому безъ различія, иначе государство будетъ походить на безобразное тѣло, которое во всѣхъ частяхъ своихъ будетъ имѣть глаза. Усиленное занятіе науками повредитъ торговлѣ, обогащающей государства, и земледѣлію, питающему народы, произведетъ опустошеніе въ рядахъ солдатъ, которымъ приличнѣе грубое невѣжество, чѣмъ тонкость знаній. Преподанные всѣмъ безъ различія науки профанируются и породятъ людей, которые будутъ способнѣе возбуждать сомнѣнія, чѣмъ рѣшать ихъ, будутъ способнѣе противиться истинамъ, чѣмъ защищать ихъ».

Согласно съ этими правдами, Ришелье постарался освободить страну отъ смутъ, произведенныхъ людьми, которые для личныхъ выгодъ вооружали противъ короля мать его Марію Медичи и ничтожнаго брата его, Гастона, герцога Орлеанскаго. Всѣ тѣ, которые хотѣли пользоваться слабостью короля для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей, вооружились противъ Ришелье, какъ противъ человека, своими талантами и энергіею вдругъ перемѣнившего слабое правленіе въ сильное; противъ Ришелье вооружились принцы, вельможи, гвардейскіе офицеры, принцессы, придворныя дамы, протестанты; его низверженія желали герцогъ Савойскій, король Испанскій, Англія, потому что они не хотѣли усиленія Франціи, а Франція становилась сильна и страшна сосѣдямъ, когда знаменитый кардиналъ, смиряя внутри принцевъ, вельможъ и протестантовъ, возстановлялъ извнѣ значеніе Франціи, утраченное въ правленіе

Кончини и Люиня. Но враги кардинала, несмотря на свою знатность и многочисленность, не могли съ нимъ успѣшно бороться по своей ничтожности, особенно по ничтожности главы своего, Гастона Орлеанскаго, который обыкновенно, при открытіи заговора, такъ пугался, что выдавалъ своихъ сообщниковъ кардиналу; а Ришелье въ такихъ случаяхъ, дѣйствуя устрашеніемъ, не щадилъ никого, казнилъ, заточалъ. Людовикъ XIII былъ его покорнымъ орудіемъ: происходило ли это отъ слабости короля, не могшаго высвободиться изъ подъ магнетическаго вліянія сильнаго человѣка, или отъ сознанія необходимости Ришелье для короля и королевства—рѣшить трудно, вѣроятно дѣйствовало и то и другое. Въ сентябрѣ 1630 года король опасно заболѣлъ въ Ліонѣ; его мать Марія Медичи и жена его Анна Австрійская ухаживали за больнымъ и въ то же время наговаривали ему на Ришелье, требовали его низверженія: Марія Медичи разсорила съ кардиналомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался неограниченнымъ правителемъ Франціи и не думалъ жертвовать интересами королевства прежней своей покровительницѣ. За королевами стояли канцлеръ Марильякъ, его братъ, маршалъ Марильякъ, герцогъ Гизъ и Бельгардтъ, принцесса Конти, герцогиня Эльбефъ и другія лица. Несчастный король находился между двухъ огней: съ одной стороны мать и жена, которыя во время болѣзни оказали ему такую привязанность и нѣжность, съ другой—страшный и необходимый кардиналъ, который умѣетъ такъ ясно представить злонамѣренность враговъ своихъ, опасность, которая грозитъ отъ нихъ королю и королевству. Кардиналъ перетянулъ; Марія Медичи и ея совѣтники, считавшіе уже свое дѣло выиграннымъ, жестоко обманулись: канцлеръ Марильякъ, явившійся къ королю въ надеждѣ, что тотъ предложитъ ему занять мѣсто Ришелье, вмѣсто того получаетъ приказаніе сложить съ себя канцлерскую должность; братъ его маршалъ схваченъ и казненъ; Марія Медичи должна была удалиться за границу и умерла въ Кельнѣ въ большой бѣдности; Гастонъ Орлеанскій также удалился въ Брюссель, но чрезъ нѣсколько времени возвратился во Францію. Три раза составляли заговоры на жизнь кардинала, и всѣ три раза безуспѣшно. Послѣдній заговоръ для низверженія Ришелье былъ составленъ любимцемъ короля, маркизомъ Сентъ-Маромъ, который былъ сначала шпиономъ кардинала, доносилъ ему обо всемъ, что дѣлается во дворцѣ. Сентъ-Маръ соединился съ герцогомъ Бульономъ, и въ 1642 году заговорщики заключили договоръ съ врагами Франціи, Испанцами, дѣйствовать заодно противъ Ришелье въ пользу герцога Орлеанскаго. Ришелье до-

сталъ этотъ договоръ; жестокая пытка вынудила у Сень-Мара признаніе во всемъ, и онъ былъ казнень.

Второю важною заслугою Ришелье было то, что онъ отнялъ у протестантовъ вредную для государственнаго единства самостоятельность. Находившійся въ ихъ власти приморскій городъ Ларошель имѣлъ видъ независимой республики; въ челѣ протестантовъ стояли двое вельможъ—герцогъ Роганъ и братъ его Субизъ, которые сносились съ Англіею, получали отсюда помощь и поднимали оружіе противъ своего правительства. Въ 1627 году Англичане пристали къ Французскимъ берегамъ для поданія помощи протестантамъ: тогда Ришелье взялъ съ собою короля и осадилъ Ларошель съ сухого пути и съ моря; кардиналъ, у котораго была своя гвардія, распоряжался осадю какъ генералиссимусъ и адмиралъ; съ моря, для стѣсненія города, была построена громадная плотина; Англичане не могли помѣшать этой постройкѣ, и скоро между осажденными началъ свирѣпствовать страшный голодъ; въ октябрѣ 1628 года Ларошель сдалась; осаждающіе нашли городъ, наполненный трупами, ибо живые были такъ слабы отъ голода, что не могли хоронить мертвецовъ. Въ 1629 году протестанты снова вооружились, Ришелье выступилъ противъ нихъ и принудилъ къ покорности; въ Нимѣ былъ изданъ едиктъ, по которому имъ дана была амністія и свободное отправленіе религіи; но протестанты не договаривались здѣсь съ правительствомъ попрежнему, какъ двѣ равныя власти, они должны были принять едиктъ, какъ *милость* королевскую, и Нимскій едиктъ называется потому милостивымъ едиктомъ. Протестанты перестали существовать во Франціи какъ государство въ государствѣ.

Борясь внутри Франціи съ вельможами и протестантами, Ришелье не упускалъ случая поднять значеніе Франціи извнѣ; съ этою цѣлью онъ вмѣшивался въ дѣла Италіи и Германіи, обезсиливая и здѣсь и тамъ владычество Габсбургскаго дома. По смерти Генриха IV, во время правленія Маріи Медичи, между Франціею и Испаніею произошло сближеніе, вслѣдствіе котораго Людовикъ XIII женился на Испанской принцессѣ Аннѣ Австрійской. Но когда Ришелье взялъ въ руки правленіе, то возобновилъ *національную* Французскую политику, т.-е. возобновилъ борьбу съ Испаніею въ Италіи. Поводомъ къ борьбѣ послужило прекращеніе владѣвшей въ Мантуѣ и Монферратѣ фамиліи Гонзага. Герцогъ Савойскій объявилъ свои права на Монферратъ; за Мантую завели споръ два герцога — Гва-

стальскій и Неверскій: за перваго заступилась Испанія, а за второго Франція; въ войнѣ приняли участіе также императоръ Фердинандъ II и герцогъ Савойскій Карлъ Эмануилъ, а потомъ сынъ его Викторъ Амедей. Война кончилась по желанію Ришелье: герцогъ Неверскій получилъ Мантую и Монферратъ, Франція приобрѣла важную крѣпость Пиньероль. Но гораздо важнѣе для Франціи и для Европы было участіе, которое принялъ Ришелье въ Тридцатилѣтней войнѣ.

VIII.

Скандинавскія государства

отъ разрушенія Кальмарскаго союза до принятія ими участія въ тридцатилѣтней войнѣ.

Непрочность Кальмарскаго союза.— Борьба Христіана II съ аристократіей.— Возстаніе Густава Вазы.— Торжество дворянъ въ Даніи при Христіанѣ III и введеніе протестантизма.— Фридрихъ II и Петръ Оксъ.— Торжество Густава Вазы надъ духовенствомъ.— Ненствова Эрика XIV.— Уироченіе протестантизма въ Швеціи и неудачная попытка соединенія ея съ Польшей.

Въ 1397 году состоялся Кальмарскій союзъ, по которому три сѣверныя королевства,—Данія, Швеція, и Норвегія соединились подъ одною властью королевы Маргариты, съ тѣмъ, чтобы это соединеніе продолжалось при ея преемникахъ. Но Кальмарскій союзъ не упрочилъ спокойствія на сѣверѣ: могущественныя какъ въ Даніи, такъ и въ Швеціи аристократія и духовенство еще болѣе усилились и продолжали борьбу съ королями, которыхъ власть и доходы были очень ограничены. Наслѣдникъ Маргариты, двоюродный внукъ ея отъ сестры, Ерикъ Померанскій уже былъ изгнанъ изъ Даніи и Швеціи и долженъ былъ промышлять разбойничествомъ на островѣ Готландѣ. Въ преемники Ерику Датчане и Шведы выбрали племянника его отъ сестры Кристофа Баварскаго, а по смерти Кристофа Швеція избрала себѣ особаго, короля Карла Кнутсона (1449 года), а Данія особаго, Христіана, графа Ольденбургскаго; Данія провозглашена была избирательнымъ королевствомъ, и Христіанъ долженъ былъ подписать тринадцать статей, передавшихъ всю власть дворянству и избираемому изъ среды его государственному совѣту. Скоро Шведы прогнали своего короля Карла Кнутсона и выбрали Датскаго Христіана, потомъ опять призвали Карла, а по смерти его выбрали правителемъ государства одного изъ своихъ вельможъ, Стена Стура Старшаго (1471 г.), который хотя и поразилъ Христіана подъ Стокгольмомъ и принудилъ удалиться въ Данію, однако Христіанъ удер-

жалъ за собою Норвегію, южную Швецію и не отказался отъ правъ своихъ на остальную Швецію. По смерти Христіана I (1481 г.) Датчане выбрали сына его Іоанна; Шведы также признали его верховную власть, тогда какъ Стенъ Стуръ продолжалъ правительствовать. Несчастливая война короля Іоанна съ Дитмарсѣйцами, которые храбро отстаивали свою независимость и республиканское демократическое устройство, подала Шведамъ возможность отложиться отъ Даніи. Здѣсь по смерти короля Іоанна избрали сына его Христіана II, уже извѣстнаго своею храбростію, энергіею, жестокостію и демократическими привычками; молодость онъ провелъ на улицѣ и въ трактирахъ среди простонародья. Отправленный отцомъ въ бунтовавшую Норвегію, онъ кровавыми средствами задавилъ возстаніе и принялъ такія мѣры противъ дворянства, что оно исчезло въ этой странѣ. Въ Бергенѣ, по своимъ старымъ привычкамъ, свелъ онъ знакомство съ трактирщицею Голландкою Зигбриттою, влюбился въ дочь ея Дювеку (Голубку) и остался вѣренъ этой страсти; и мать и дочь имѣли на него сильное вліяніе и способствовали еще большому укорененію демократическихъ привычекъ. Надобно было ждать сильной борьбы между такимъ королемъ и Датскою аристократіею, имѣвшею право «надъ рукою и шею своихъ крестьянъ», какъ говорилось въ статьяхъ, которыя Христіанъ долженъ былъ подписать при восшествіи своемъ на престолъ.

Усобица, возникшая въ Швеціи между правителемъ государства Стеномъ Стуромъ Младшимъ и архіепископомъ Упсальскимъ Густавомъ Тролле, дала возможность королю Христіану предъявить свои права на престолъ Шведскій. Въ 1518 году явился Христіанъ съ флотомъ и войскомъ въ Швецію; потерпѣвъ неудачу въ битвѣ съ правителемъ, потребовалъ съ нимъ личнаго свиданія и для безопасности своей взялъ въ заложники къ себѣ на корабли молодого графа Густава Вазу съ четырьмя другими знатными Шведами; вступивъ въ переговоры съ Стеномъ Стуромъ, король вдругъ прервалъ ихъ, поспѣшно возвратился на свои корабли и увезъ заложниковъ въ Данію. Между тѣмъ папа, по жалобамъ архіепископа Тролле, отлучилъ отъ церкви правителя Стена Стура и всѣхъ его приверженцевъ. Христіанъ II воспользовался этимъ и принялъ на себя исполненіе папскаго приговора, сталъ собирать со всѣхъ деньги на войну противъ отлученнаго Стура, какъ на крестовый походъ. Въ 1520 году большое Датское войско высадилось на берега Швеции. Стенъ Стуръ проигралъ сраженіе и умеръ отъ полученной во время его раны; Шведы принуждены были признать Христіана королемъ съ условіемъ амни-

сти; Христіанъ пріѣхалъ въ Стокгольмъ, короновался, былъ со всѣми очень любезенъ; но на третій день послѣ торжества архіепископъ Тролле потребовалъ у короля правосудія противъ своихъ враговъ. Подъ предлогомъ этого правосудія два епископа, двѣнадцать свѣтскихъ вельможъ и множество Стокгольмскихъ горожанъ были казнены; число казненныхъ простиралось до 600 человекъ.

Сопровиженіе было сломлено въ высшихъ классахъ; но народное возстаніе вспыхнуло въ отдаленномъ углу, когда нашелся вождь. Молодой Густавъ Ваза успѣлъ убѣжать изъ Даніи въ Любекъ, оттуда пробрался въ Швецію и нашелъ пріютъ между суровыми жителями Далекарліи. Здѣсь онъ раздумъ возстаніе противъ Датчанъ и умѣлъ изъ плохо вооруженной толпы крестьянъ устроить войско, съ которымъ могъ отважиться дѣйствовать противъ войска Христіана II; но надобно замѣтить также, что обстоятельства благоприятствовали Густаву Вазѣ: Христіанъ II возбудилъ противъ себя сильное недовольство и въ Даніи, притомъ же у него не было постоянного войска, и чтобы платить наемнымъ дружинамъ, онъ долженъ былъ прибѣгать къ насильственнымъ податямъ. Въ іюнѣ 1521 года Густавъ Ваза осадилъ Стокгольмъ, и осада затянулась на цѣлые два года; важнымъ препятствіемъ для Густава Вазы было то, что всѣ крѣпости находились въ рукахъ Датчанъ, и что въ пользу послѣднихъ сильно дѣйствовалъ архіепископъ Тролле; но съ другой стороны помогалъ Вазѣ самъ Христіанъ II, возбуждая противъ себя враговъ со всѣхъ сторонъ: онъ поссорился съ дядею своимъ, Фридрихомъ герцогомъ Голштинскимъ, вооружилъ противъ себя духовенство, запретивъ ему приобретать земли; вооружилъ противъ себя дворянъ, запретивъ имъ продавать прикрѣпленныхъ къ ихъ землямъ крестьянъ какъ рабовъ; онъ раздражилъ землевладѣльцевъ тѣмъ еще, что, желая поднять купечество, запретилъ продавать сельскія произведенія непосредственно иностраннымъ купцамъ, а велѣлъ свозить ихъ въ Копенгагенъ и продавать Датскимъ купцамъ; это постановленіе, высокія пошлинны съ иностранныхъ товаровъ и покровительство, оказываемое купцамъ Нидерландскимъ, раздражили Ганзейскіе города; Любекъ, Данцигъ, Висмаръ и Ростокъ объявили себя за Густава Вазу, грабили Датскіе берега, захватывали корабли, и заключили союзъ съ герцогомъ Фридрихомъ Голштинскимъ, который спосился съ недовольными Датскими вельможами. Въ мартѣ 1523 года Датскіе землевладѣльцы заключили съ герцогомъ Фридрихомъ договоръ и провозгласили его королемъ Датскимъ подъ именемъ Фридриха I; главнымъ условіемъ договора было расширеніе права суда для дво-

рянъ въ ихъ владѣніяхъ; въ іюлѣ того же года Шведскій сеймъ провозгласилъ своимъ королемъ Густава Вазу.

Но Фридрихъ I долженъ былъ завоевать Данію, потому что Христіанъ II не хотѣлъ уступить ему безъ борьбы, тѣмъ болѣе, что горожане и сельское народонаселеніе были за него. Вытѣсненный наконецъ изъ Даніи, Христіанъ обратился въ Норвегію: въ 1532 году дѣла его здѣсь пришли въ такое положеніе, что онъ принужденъ былъ вступить въ переговоры и обязался, подъ условіемъ личной безопасности, явиться къ дядѣ Фридриху I въ Копенгагенъ для заключенія окончательнаго договора. Когда Христіанъ пріѣхалъ въ Копенгагенъ, Фридрихъ созвалъ сеймъ изъ дворянъ, т.-е. изъ самыхъ злыхъ враговъ Христіана; дворяне объявили, что, не взирая на обѣщаніе безопасности, надобно захватить бывшаго короля; послы Густава Вазы и Ганзейскихъ городовъ просили о томъ же, и Христіана посадили въ полутемную комнату, гдѣ одинъ карлъ составлялъ всю его прислугу и развлеченіе; только черезъ 12 лѣтъ участъ его была облегчена, но его продолжали держать въ заключеніи, гдѣ онъ и умеръ черезъ 10 лѣтъ.

Въ 1533 году умеръ король Фридрихъ I, преемникомъ ему былъ избранъ сынъ его Христіанъ (III); но это избраніе послѣдовало не скоро, и во время междуцарствія вся власть сосредоточивалась въ рукахъ знатнѣйшаго дворянства, которое и послѣ не намѣрено было отказываться отъ нея въ пользу короля; кромѣ того, Христіанъ III долженъ былъ вести сильную борьбу съ врагами внѣшними и внутренними. Управлявшій Любекомъ демагогъ Вулленверверъ въ союзѣ съ двумя бургомистрами городовъ, Копенгагена и Мальме составилъ планъ возвести снова на престолъ Датскій заточника Христіана II; Датскіе крестьяне объявили себя опять за послѣдняго, за него же стали дѣйствовать и епископы, недовольные распространеніемъ протестантизма. Христіанъ III вышелъ однако побѣдителемъ изъ борьбы; торжество его было торжествомъ дворянства; городское сословіе ослабло, лишенное подпоры Ганзейскихъ городовъ послѣ неудачи Любчанъ, крестьяне подверглись сильному угнетенію. Непосредственнымъ слѣдствіемъ побѣды Христіана III было также господство протестантизма: въ 1536 году въ одинъ день всѣ епископы въ Даніи были схвачены и церковныя имѣнія конфискованы.

Христіанъ III постарался, чтобы еще при жизни его сынъ его Фридрихъ былъ избранъ въ короли. Въ 1559 году Фридрихъ II наслѣдовалъ отцу. Онъ помогъ дядѣ своему герцогу Голштинскому въ истребительной войнѣ, которую тотъ велъ съ Дитмарсійцами: несмотря

на геройское сопротивленіе жителей, маленькая область была совершенно покорена въ два мѣсяца; но изъ 48 старшинъ Дитмарсейскихъ остались въ живыхъ только пятеро и изъ всего народонаселенія только 4000. Фридрихъ II нашелъ въ *Петръ Окс* отличнаго министра финансовъ, который далъ королю средство покровительствовать наукѣ и искусству, что сообщило особенный блескъ царствованію этого государя, особеннымъ покровительствомъ Фридриха пользовался знаменитый астрономъ Тихо-де-Браге. На мѣсто Фридриха II, умершаго въ 1588 году, былъ избранъ сынъ его Христіанъ IV.

Въ Швеціи Густавъ Ваза по вступленіи своемъ на престолъ былъ королемъ только по имени. Вслѣдствіе продолжительныхъ беспорядковъ, отсутствія прочнаго правительства не было нигдѣ ни суда, ни расправы и укоренилась привычка къ самоуправству. Двѣ трети земли находились въ рукахъ духовенства, большею частью остальной земли владѣло дворянство; король получалъ 24,000 марокъ дохода, долгъ Любчанамъ простирался до милліона марокъ; югъ Швеціи находился въ рукахъ Датчанъ, торговля и береговое судоходство въ рукахъ Любчанъ. Чтобы поднять королевскую власть, усилить ея средства, Густаву Вазѣ прежде всего нужно было ослабить могущество духовенства и обогатить на его счетъ казну, и для этого обстоятельства были благопріятны: на сѣверѣ Европы шло реформаціонное движеніе, и Швеція не была ему чуждою. Густавъ Ваза подъ рукою сталъ покровительствовать реформѣ. Духовенство, по поводу тяжелаго налога на свои доходы, подняло возстаніе, во главѣ котораго стали двое епископовъ. Король подавилъ возстаніе и отдалъ виновныхъ епископовъ подъ свѣтскій судъ, который приговорилъ ихъ къ смертной казни, и приговоръ былъ исполненъ въ 1529 году. Въ томъ же году Густавъ собралъ сеймъ въ Вестерафъ, гдѣ подлѣ духовенства и дворянства въ первый разъ явились депутаты городского сельскаго сословія. Здѣсь король объявилъ, что онъ не въ состояніи управлять Швеціею при такомъ порядкѣ вещей и слагаетъ съ себя корону. На сеймѣ произошла страшная смута, представители сословій перессорились; наконецъ дѣло кончилось тѣмъ, что для удержанія Густава на престолѣ сеймъ рѣшилъ, что король воленъ распорядиться монастырскими и церковными имѣніями какъ ему угодно, и что проповѣдникамъ Лютерова ученія дается полная свобода. Сломивши такимъ образомъ значеніе враждебнаго себѣ католическаго духовенства, Густавъ Ваза обратилъ особенное вниманіе на усиленіе матеріальныхъ средствъ своего бѣднаго государства, хлопоталъ о поднятіи торговли и промысловъ, особенно горныхъ. Густавъ оказалъ большую услугу Швеціи и тѣмъ, что

умною строгостью, учрежденіемъ хорошей полиціи возстановилъ порядокъ, парушенный долгою смутю и борьбою съ Данією. Недовольныхъ новымъ порядкомъ было много; но Густавъ твердо, желѣзною рукою держалъ правленіе и копилъ деньги, самъ занимался горнымъ промысломъ, земледѣліемъ, торговлею, самъ занимался хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ; онъ получилъ много денегъ также и отъ того, что обобралъ церкви и монастыри, взявъ у нихъ все серебро, всю движимость.

Но хотя было и много недовольныхъ правленіемъ Густава Вазы, однако его царствованіе стало считаться счастливымъ временемъ, когда по смерти его, случившейся въ сентябрѣ 1560 года, вступилъ на престолъ сынъ его Ерикъ XIV. Скоро началась ссора между Ерикомъ и троими его братьями, Іоанномъ, герцогомъ Финляндскимъ, Магнусомъ Остерготландскимъ и Карломъ Зюдерманландскимъ. Владѣнія Ливонскаго Ордена, за раздѣлъ которыхъ перессорились четыре сосѣднія державы: Россія, Польша, Швеція и Данія, повели также къ ссорѣ между Ерикомъ и братомъ его, Іоанномъ Финляндскимъ. Ерикъ утвердившись въ Эстоніи, имѣлъ также виды и на Ливонію, передавшуюся Полякамъ, слѣдовательно враждебно сталъ вѣдаться съ послѣдними; а братъ его Іоаннъ, не обращая вниманія на эти отношенія старшаго брата, женился на Польской королевнѣ Екатеринѣ Ягеллонъ, въ надеждѣ посредствомъ этого брака получить Польскую корону послѣ бездѣтнаго Сигизмунда Августа, брата Екатерины. Когда Ерикъ потребовалъ отъ Іоанна, чтобы тотъ, на случай войны Швеціи съ Польшею, былъ готовъ помогать ему деньгами и флотомъ, то Іоаннъ, считая себя самостоятельнымъ владѣтелемъ Финляндіи, не обратилъ на это требованіе никакого вниманія. Ерикъ прислалъ звать брата въ Стокгольмъ къ суду; Іоаннъ задержалъ посланныхъ, призвалъ Финляндцевъ къ оружію, послалъ просить помощи въ Польшу и Пруссію. Тогда Ерикъ созвалъ Государственные Чины, которые приговорили Іоанна, какъ мятежника, къ смерти: осажденный Шведскими войсками въ Або и не получая ни откуда помощи, онъ принужденъ былъ сдаться и четыре года, вмѣстѣ съ женой, просидѣть въ Грингсгольмской темницѣ. Съ этихъ поръ Ерикъ, подобно современнику своему, Русскому царю Іоанну IV, началъ истреблять людей, казавшихся ему подозрительными. Въ 1562 году была только одна смертная казнь, въ 1563 уже 50, а въ октябрѣ 1567 года было казнено 230 чловѣкъ; однажды Ерикъ велѣлъ переказнить цѣлый гарнизонъ за то, что тотъ сдалъ вѣренную ему крѣпость Датчанамъ. При этомъ Ерикъ точно такъ же какъ нашъ Іоаннъ Грозный, страшно раздражался, раздраженія доходили до бѣшенства, онъ бѣжалъ въ темницу и умерщ-

влялъ собственными руками заключенныхъ; потомъ вдругъ брало его раскаяніе. Въ одну изъ такихъ минутъ раскаянія, въ октябрѣ 1567 года, онъ освободилъ брата своего Іоанна изъ темницы, бросился ему въ ноги и называлъ королемъ. Іоаннъ воспользовался своимъ освобожденіемъ: онъ соединился съ братомъ Карломъ, собралъ около себя недовольныхъ и пошелъ противъ Ерика: тотъ самъ отдался въ руки врагамъ своимъ. Въ началѣ 1569 года собрались Государственные Чины, провозгласили королемъ Іоанна, а Ерика осудили на вѣчное заключеніе. Но этимъ дѣло по кончилось: несчастнаго заточника восемь лѣтъ мучили, желая укоротить его жизнь; но видя, что лишенія всякаго рода разрушаютъ здоровье Ерика слишкомъ медленно, отравили его.

Жена короля Іоанна, Екатерина Ягеллонъ, была ревностная католичка и воспитала въ такой же ревности и сына своего Сигизмунда, который въ 1587 году былъ избранъ въ Польскіе короли. И отецъ его, король Іоаннъ сталъ, видимо, склоняться на сторону католицизма: при дворѣ его, въ качествѣ императорскаго посла, явился извѣстный въ Русской Исторіи іезуитъ Антоній Поссевинъ и началъ хлопотать о поднятіи католицизма въ Швеціи. Но здѣсь протестантизмъ пустилъ уже глубокіе корни; король Іоаннъ испугался, увидавши стремленіе своего брата Карла стать въ члѣ недовольныхъ протестантовъ, т.-е. въ члѣ всего народа Шведскаго, притомъ Поссевинъ обманулъ короля: въ мирномъ договорѣ, заключенномъ при его посредничествѣ между Швеціею и Польшею, подтверждены были права Польши и на ту часть Ливоніи, которая была занята Шведами; вслѣдствіе этого іезуиты были выпровождены изъ Швеціи; изгнаніе начало грозить и тѣмъ Шведамъ, которые обратились въ католицизмъ. Іоаннъ умеръ въ ноябрѣ 1592 г. Ему наследовалъ сынъ его, Сигизмундъ III, король Польскій; но, во-первыхъ, Сигизмундъ, какъ Польскій король, не могъ постоянно жить въ Швеціи; во-вторыхъ, Сигизмундъ былъ ревностный католикъ, паходившійся подъ влияніемъ іезуитовъ, а Шведы ревниво охраняли свой протестантизмъ. Эти обстоятельство дали возможность дядѣ королевскому Карлу Зюдерманландскому стать правителемъ Швеции и начать открытую борьбу съ племянникомъ. Сигизмундъ проигралъ сраженіе при Линкёпингѣ и былъ вытѣсненъ изъ Швеціи. Карлъ, поддерживаемый огромнымъ большинствомъ, низложилъ противную себѣ партію и въ 1604 году провозглашенъ былъ королемъ. Такимъ образомъ въ Исторіи Скандинавіи описаннаго времени мы присутствовали при двухъ борьбахъ, происходившихъ вслѣдствіе попытокъ соединить *династически* сначала Швецію съ Даніею, а потомъ Швецію съ Польшею: обѣ попытки не удались.

IX.

Тридцатилѣтняя война.

Возстаніе Чеховъ.—Опустошеніе Богеміи.—Вмѣшательство державъ въ борьбу католической лиги съ протестантами.—Валленштейнъ. — Риншелье и Густавъ Адольфъ.—Оксенштирна.—Смерть Валленштейна.—Дѣйствія Французовъ.—Мнѣніе Риншелье объ „естественныхъ границахъ“ Франціи.—Востфальскій миръ.—Слѣдствія войны.

Императоръ Матеей (1612—1619) былъ такой же неспособный правитель, какъ и братъ его Рудольфъ, особенно при томъ натянутомъ положеніи дѣлъ въ Германіи, когда грозила неминуемая и жестокая борьба между протестантами и католиками. Борьба была ускорена тѣмъ, что бездѣтный Матеей назначилъ своимъ преемникомъ въ Австріи, Венгріи и Богеміи двоюроднаго брата Фердинанда Штирійскаго. Стойкій характеръ и католическая ревность Фердинанда были хорошо извѣстны; католики, іезуиты радовались, что пришло ихъ время, протестанты и гусситы (утраквисты) въ Богеміи не могли ждать для себя ничего хорошаго. Богемскіе протестанты построили себѣ двѣ церкви на монастырскихъ земляхъ. Возникъ вопросъ, имѣютъ они на это право или нѣтъ? Правительство рѣшило, что нѣтъ, и одну церковь заперли, другую разорили. *Защитники*, дарованные протестантамъ «Грамотою Величества», собрались и отправили въ Венгрію къ императору Матеею жалобу; императоръ отвѣчалъ отказомъ и запретилъ Защитникамъ собираться для дальнѣйшихъ совѣщаній. Это страшно раздражило протестантовъ; они приписывали такое рѣшеніе дѣла императорскимъ совѣтникамъ, управлявшимъ Богеміею въ отсутствіе Матеея, особенно были злы на двоихъ изъ нихъ, Мартиница и Славату, отличавшихся католическою ревностью. Въ пылу раздраженія гусситскіе депутаты государственныхъ Богемскихъ чиновъ вооружились и подъ предводительствомъ Графа Турпа отправились въ Пражскій замокъ, гдѣ засѣдало правленіе. Вошедши въ залу, они начали крупно говорить съ совѣтниками, и скоро отъ словъ перешли къ дѣлу: схва-

тили Мартиница, Славату и Секретаря Фабриція и выбросили ихъ за окно «по доброму старочешскому обычаю», какъ выразился одинъ изъ присутствовавшихъ (1618 годъ). Этимъ поступкомъ Чехи разрывали съ правительствомъ. Чины захватили правленіе въ свои руки, выгнали іезуитовъ изъ страны и выставили войско подъ предводительствомъ Турна. Война началась въ 1619 году, и началась счастливо для инсургентовъ; къ Турну присоединился Эрнстъ фонъ Мансфельдъ, удалой начальникъ сбродныхъ дружинъ; чины Силезскіе, Лужицкіе и Моравскіе подняли одно знамя съ Чехами и погнали отъ себя іезуитовъ; императорское войско было принуждено очистить Богемію; Матеей умеръ и преемникъ его Фердинандъ II былъ осажденъ въ самой Вѣнѣ войсками Турна, съ которыми соединились Австрійскіе протестанты. Въ этой страшной опасности стойкость новаго императора спасла престолъ Габсбурговъ: Фердинандъ крѣпко держался, и додержался до тѣхъ поръ, пока дурная погода, недостатокъ въ деньгахъ и съѣстныхъ припасахъ заставили Турна снять осаду Вѣны.

Во Франкфуртѣ Фердинанда II провозгласили императоромъ, и въ то же время чины Богеміи, Моравіи и Силезіи отложились отъ Габсбургскаго дома и выбрали себѣ въ короли главу протестантской униі, курфюрста Фридриха V Пфальцкаго. Фридрихъ принялъ корону и поспѣшилъ въ Прагу на коронацію. Характеръ главныхъ соперниковъ имѣлъ важное вліяніе на исходъ борьбы: противъ умнаго и твердаго Фердинанда II стоялъ пустой, невыдержливый Фридрихъ V. Кромѣ императора, у католиковъ былъ еще Максимилианъ Баварскій, сильный личными и матеріальными средствами; на сторонѣ протестантовъ Максимилиану соотвѣтствовалъ курфюрстъ Іоаннъ Георгъ Саксонскій, но соотвѣтствіе между ними ограничивалось одними матеріальными средствами, ибо Іоаннъ Георгъ носилъ не очень почетное названіе—*Писною Короля*; шла молва, будто онъ говорилъ, что звѣри, населявшіе его лѣса, дороже ему подданныхъ; наконецъ Іоаннъ Георгъ, какъ лютеранинъ, не хотѣлъ имѣть ничего общаго съ кальвинистомъ Фридрихомъ V, и склонился на сторону Австріи, когда Фердинандъ обѣщалъ ему землю Лужицей (Лузацію). Наконецъ у протестантовъ подлѣ неспособныхъ князей не было и способныхъ полководцевъ, тогда какъ Максимилианъ Баварскій принялъ въ свою службу знаменитаго генерала, Нидерландца Тилли. Борьба была неравная.

Фридрихъ V пріѣхалъ въ Прагу, но съ самаго начала повелъ дурно свои дѣла: онъ не поладилъ съ чешскими вельможами, не допуская ихъ до участія въ дѣлахъ правленія, слушаясь только своихъ

пѣмцевъ; оттолкнулъ отъ себя и народъ страстью къ роскоши и забавамъ, также кальвинскимъ икопоборствомъ: изъ пражской соборной церкви были вынесены все изображенія святыхъ, картины и мощи. Между тѣмъ Фердинандъ II заключилъ союзъ съ Максимилианомъ Баварскимъ, съ Испанією, привлекая на свою сторону курфюрста Саксонскаго, привелъ въ повиновеніе Австрійскіе чины. Войска императора и католической лиги, подъ начальствомъ Тилли, явились подъ Прагою. Въ ноябрѣ 1620 года между ними и войсками Фридриха произошло сраженіе у Бѣлой горы: Тилли одержалъ побѣду. Несмотря на это несчастье, Чехи еще имѣли средства къ продолженію борьбы, но король ихъ Фридрихъ потерялъ совершенно духъ и убѣжалъ изъ Богеміи. Лишенные вождя, единства и направленія движенія, Чехи не могли продолжать борьбы, и въ нѣсколько мѣсяцевъ Богемія, Моравія и Силезія были снова покорены подъ державу Габсбургскаго дома. Горька была судьба побѣжденныхъ: 30,000 семействъ должны были покинуть отечество; вмѣсто нихъ явилось чуждое Славянству и Чешской исторіи народонаселеніе. Въ Богеміи считалось 30,000 населенныхъ мѣстъ; послѣ войны осталось только 11,000; до войны было болѣе 4 миллионовъ жителей; въ 1648 году осталось не болѣе 800,000. Треть земель была конфискована; іезуиты бросились на добычу: чтобы порвать самую тѣсную связь Богеміи съ ея прошлымъ, чтобы нанести самый тяжелый ударъ чешской народности, они начали истреблять книги на Чешскомъ языкѣ, какъ еретическія; одинъ іезуитъ хвастался, что сжегъ болѣе 60,000 томовъ. Понятно, какаѣ судьба должна была ожидать протестантизмъ въ Богеміи: въ Прагѣ оставались два лютеранскихъ пастора, которыхъ не смѣли выгнать, боясь возбудить негодованіе Саксонскаго курфюрста; но папскій легатъ Караффа настоялъ, чтобы императоръ далъ приказаніе выгнать ихъ: «дѣло идетъ, говорилъ Караффа, не о двоихъ пасторахъ, но о свободѣ религіи; пока ихъ будутъ терпѣть въ Прагѣ, ни одинъ Чехъ не войдетъ въ лоно церкви». Нѣкоторые католики, самъ король Испанскій хотѣли умирить ревность легата, но онъ не обращалъ вниманія на ихъ представленія. «Нетерпимость Австрійскаго дома, говорили протестанты, принудила Чеховъ возмутиться». «Ересь, говорилъ Караффа, воспламенила бунтъ». Императоръ Фердинандъ II выражался сплѣнѣе: «Самъ Богъ, говорилъ онъ, побудилъ Чеховъ къ возмущенію, чтобы дать мнѣ право и средства уничтожить ересь». Императоръ собственными руками изодралъ «Грамоту Величества». Средства къ уничтоженію ереси были слѣдующія: протестантамъ запрещено было заниматься какимъ бы то ни было

мастерствомъ, запрещено было жениться, дѣлать завѣщанія, погребать своихъ мертвецовъ, хотя при этомъ они должны были платить католическому священнику издержки погребенія; ихъ не пускали въ больницы; солдаты, съ саблями въ рукахъ, загоняли ихъ въ костелы, въ селахъ крестьянъ загоняли туда собаками и бичами; за солдатами шли іезуиты и капуцины, и когда протестантъ, чтобы спастись отъ собаки и кнута, объявлялъ, что обращается къ Римской церкви, то прежде всего долженъ былъ провозгласить, что это обращеніе совершенно добровольно. Императорскія войска позволяли себѣ ужасныя жестокости въ Богеміи: одинъ офицеръ велѣлъ убить 15 женщинъ и 24 ребенка; отрядъ, состоявшій изъ Венгровъ, сжегъ семь деревень, при чемъ все живое было истреблено; солдаты обрубали руки у младенцевъ и прикалывали ихъ къ своимъ шляпамъ въ видѣ трофеевъ.

Послѣ сраженія при Бѣлой горѣ три протестантскихъ князя продолжали борьбу съ лигою: герцогъ Христіанъ Брауншвейгскій, извѣстный уже намъ Ернстъ Мансфельдъ и Маркграфъ Георгъ Фридрихъ Баденъ-Дурлахскій. Но эти защитники протестантизма дѣйствовали точно такъ же, какъ и поборники католицизма: несчастной Германіи пришлось испытывать теперь то, что незадолго предъ тѣмъ испытывала Россія въ Смутное время и пѣкогда испытывала Франція въ свое Смутное время при Карлѣ VI и VII; войска герцога Брауншвейгскаго и Мансфельда состояли ихъ сбродныхъ дружинъ, совершенно похожихъ на наши казачьи дружины Смутаго времени или на французскихъ арминаковъ: люди разныхъ сословій, хотѣвшіе пожить весело на чужой счетъ, стекались отовсюду подъ знамена этихъ вождей; не получая отъ послѣднихъ жалованья, жили грабежомъ и, какъ звѣри, свирѣпствовали противъ мирнаго населенія. Нѣмецкіе источники, при описаніи ужасовъ, какіе позволяли себѣ Мансфельдовы солдаты, почти повторяютъ извѣстія нашихъ лѣтописцевъ о свирѣпостяхъ казачьихъ.

Протестантскіе партизаны не могли устоять противъ Тилии, который торжествовалъ повсюду, и протестантская Германія обнаруживала совершенную неспособность къ самозащитѣ. Фердинандъ II объявилъ Фридриха V лишеннымъ курфиринскаго достоинства, которое передалъ Максимилиану Баварскому. Но усиленіе императора, усиленіе Австрійскаго дома должно было возбудить опасеніе въ державахъ и заставить ихъ поддерживать Германскихъ протестантовъ противъ Фердинанда II; при этомъ протестантскія державы, Данія, Швеція вмѣшались въ войну, кромѣ политическихъ, и изъ религіоз-

ных побуждений; католическая же Франція, управляемая кардиналомъ Римской церкви, стала поддерживать протестантовъ изъ чисто политическихъ цѣлей, чтобы не допустить Габсбургскій домъ до опаснаго для нея усиленія.

Первый вмѣшался въ войну Христіанъ IV, король Датскій. Императоръ Фердинандъ, бывшій до сихъ поръ въ зависимости отъ Лиги, торжествовавшій посредствомъ Тилли, полководца Максимилиана Баварскаго, теперь противъ Датскаго короля выставилъ свое войско, своего полководца: то былъ знаменитый Валленштейнъ (Валдштейнъ). Валленштейнъ былъ родомъ Чехъ незнатнаго дворянскаго происхожденія; родившись въ протестантствѣ, онъ малолѣтнимъ сиротою поступилъ въ домъ къ дядѣ католику, который обратилъ его въ католицизмъ, отдалъ на воспитаніе іезуитамъ и потомъ записалъ въ службу Габсбургамъ. Здѣсь онъ отличился въ войнѣ Фердинанда противъ Венеціи, потомъ въ богемской войнѣ; составивъ себѣ состояніе въ молодости выгоднымъ бракомъ, онъ еще болѣе разбогатѣлъ скупкою конфискованныхъ имѣній въ Богеміи послѣ Бѣлогорскаго сраженія. Онъ предложилъ императору, что наберетъ 50,000 войска и будетъ содержать его, не требуя ничего отъ казны, если ему дадутъ неограниченную власть надъ этимъ войскомъ и вознаграждать изъ завоеванныхъ земель. Императоръ согласился, и Валленштейнъ исполнилъ обѣщаніе: около него дѣйствительно собралось 50,000 людей, готовыхъ идти всюду, гдѣ была добыча. Эта огромная Валленштейнова дружина довела Германію до послѣдней степени бѣдствій: овладѣвъ какою-нибудь мѣстностью, солдаты Валленштейна начинали тѣмъ, что обезоруживали жителей, потомъ предавались систематическому грабежу, не щадя ни церквей, ни могилъ; пограбивши все, что было на виду, солдаты начинали пытать жителей, чтобы вымучить указаніе на скрытыя сокровища, ухитрялись придумывать пытки одну другой ужаснѣе; наконецъ ими овладѣвалъ демонъ разрушенія: безъ всякой пользы для себя, изъ одной жажды къ истребленію, они жгли дома, жгли посуду, земледѣльческія орудія; раздѣвали мужчинъ и женщинъ донага и пускали на нихъ голодныхъ собакъ, которыхъ водили съ собою для этой охоты.

Датская война продолжалась отъ 1624 до 1629 года. Христіанъ IV не могъ устоять противъ силъ Валленштейна и Тилли. Гольштейнъ, Шлезвигъ, Ютландія были запустошены; Валленштейнъ уже объявилъ Датчанамъ, что съ ними будетъ поступлено какъ съ рабами, если они не изберутъ Фердинанда II себѣ въ короли. Валленштейнъ завоевалъ Силезію, выгналъ герцоговъ Мекленбургскихъ изъ ихъ вла-

дѣній, которыя получилъ въ ленъ отъ императора, герцогъ Померанскій также принужденъ былъ покинуть свои владѣнія. Христіанъ IV Датскій, чтобы сохранить свои владѣнія, принужденъ былъ заключить миръ (въ Любекѣ), обязавшись не вмѣшиваться болѣе въ Германскія дѣла. Въ мартѣ 1629 года императоръ издалъ такъ называемый *Реституціонный едиктъ*, по которому католической церкви возвращались всѣ ея владѣнія, захваченныя протестантами послѣ Пассавскаго договора; кромѣ Лютеранъ аугсбургскаго исповѣданія, кальвинисты и всѣ другія протестантскія секты были исключены изъ религіознаго мира. Реституціонный едиктъ былъ изданъ въ угоду католической лиги; но скоро эта лига, т.-е. ея вождь, Максимилианъ Баварскій, требовалъ у Фердинанда другого: когда императоръ изъявилъ желаніе, чтобы лига, для облегченія Франконіи и Швабіи, вывела оттуда свои войска, то Максимилианъ, именемъ лиги, потребовалъ, чтобы самъ императоръ уволилъ Валленштейна и распустилъ его войско, которое своими грабительствами и жестокостями стремится въонецъ опустошить имперію. Имперскіе князья ненавидѣли Валленштейна, выскочку, который изъ простаго дворянина и предводителя огромной разбойничьей шайки сдѣлался княземъ, оскорблялъ ихъ своимъ гордымъ обращеніемъ и не скрывалъ своего намѣренія поставить имперскихъ князей въ такое же отношеніе къ императору, въ какомъ французская знать находилась къ своему королю; Максимилианъ Баварскій называлъ Валленштейна «диктаторомъ Германіи». Католическое духовенство ненавидѣло Валленштейна за то, что онъ нисколько не заботился объ интересахъ католицизма, о распространеніи его въ областяхъ, занятыхъ его войскомъ; Валленштейнъ позволялъ себѣ говорить: «Уже прошло сто лѣтъ, какъ Римъ былъ въ послѣдній разъ разграбленъ; теперь онъ долженъ быть гораздо богаче, чѣмъ во времена Карла V-го!» Фердинандъ II-й долженъ былъ уступить всеобщей ненависти противъ Валленштейна и отнялъ у него начальство надъ войскомъ. Валленштейнъ удалился въ свои Богемскія имѣнія, дожидаясь болѣе благоприятнаго времени: онъ дождался недолго.

Франція, управляемая кардиналомъ Ришельё, не могла равнодушно видѣть усиленіе Габсбургскаго дома. Кардиналъ Ришельё сначала старался противопоставить Фердинанду II сильнѣйшаго католическаго князя имперіи, главу Лиги. Онъ представилъ Максимилиану Баварскому, что интересы всѣхъ нѣмецкихъ князей требуютъ сопротивленія возрастающей силѣ императора, что лучшее средство для поддержанія германской свободы состоитъ въ отнятіи императорской

короны у Австрійскаго дома; кардиналь убѣждалъ Максимилиана занять мѣсто Фердинанда II, стать императоромъ, ручаясь въ помощи Франціи и ея союзниковъ. Когда глава католической Лиги не поддался обольщеніямъ кардинала, послѣдній обратился къ протестантскому государю, который одинъ хотѣлъ и могъ вступить въ борьбу съ Габсбургами. То былъ Шведскій король Густавъ-Адольфъ, сынъ и преемникъ Карла IX.

Энергическій, даровитый и отлично образованный, Густавъ-Адольфъ съ самаго начала своего царствованія велъ успѣшныя войны съ сосѣдями, и эти войны, развивая его военныя способности, усилили его стремленіе къ роли болѣе значительной, чѣмъ та скромная роль, которую играли въ Европѣ его предшественники. Выгоднымъ для Швеціи Столбовскимъ миромъ кончилъ онъ войну съ Россіею и считалъ себя въ правѣ объявить Шведскому Сенату, что опасныя Москвитяне надолго оттолкнуты отъ Балтійскаго моря. На престолѣ Польскомъ сидѣлъ его двоюродный братъ и смертельный врагъ Сигизмундъ III, у котораго онъ отнялъ Ливонію. Но Сигизмундъ, какъ ревностный католикъ, былъ союзникъ Фердинанда II, слѣдовательно могущество послѣдняго усиливало и Польскаго короля и грозило Швеціи большою опасностью; родственники Густава-Адольфа, герцоги Мекленбургскіе, были лишены своихъ владѣній, и Австрія, благодаря Валленштейну, утверждалась на берегахъ Балтійскаго моря. Густавъ-Адольфъ понималъ основные законы Европейской политической жизни и писалъ къ своему канцлеру Оксенштирнѣ: «Всѣ войны Европейскія составляютъ одну громадную войну. Выгоднѣе перенести войну въ Германію, чѣмъ потомъ быть принуждену защищаться въ Швеціи». Наконецъ религіозныя убѣжденія налагали на Шведскаго короля обязанность предотвратить уничтоженіе протестантизма въ Германіи. Вотъ почему Густавъ-Адольфъ охотно принялъ предложеніе Ришелье дѣйствовать противъ Австрійскаго дома въ союзѣ съ Франціею, которая между тѣмъ постаралась уладить миръ между Швеціею и Польшею и такимъ образомъ развязала руки у Густава-Адольфа.

Въ іюнѣ 1630 года Густавъ-Адольфъ высадился на берега Помераніи и скоро очистилъ эту страну отъ императорскихъ войскъ. Религіозность и дисциплина Шведскаго войска представляли разительную противоположность съ разбойничьимъ характеромъ войскъ Лиги и императора: поэтому народъ въ протестантской Германіи принялъ очень радушно Шведовъ; изъ князей протестантской Германіи сторону Шведовъ приняли герцоги—Люнебургскій, Веймарскій, Лауен-

бургскій и ландграфъ Гессенъ-Кассельскій; по курфирсты Бранденбургскій и Саксонскій очень неохотно смотрѣли на вступленіе Шведовъ въ Германію и оставались до послѣдней крайности въ бездѣйствіи, несмотря на увѣщанія Ришельё. Кардиналь совѣтовалъ всѣмъ Германскимъ князьямъ, католикамъ и протестантамъ воспользоваться шведскою войною, соединиться и вынудить у императора миръ, который бы обезпечивалъ ихъ права; если они теперь раздѣлятся, одни станутъ за Шведовъ, другіе за императора, то это поведетъ къ окончательной гибели ихъ отечества; имѣя одинъ интересъ, они должны дѣйствовать сообща противъ общаго непріятеля.

Противъ Шведовъ выступилъ Тилли, теперь начальствовавшій войсками Лиги и императора вмѣстѣ. Осенью 1631 гсда встрѣтился онъ съ Густавомъ-Адольфомъ у Лейпцига, потерпѣлъ пораженіе, потерялъ 7000 своего лучшаго войска и отступилъ, давая побѣдителю открытую дорогу на югъ. Весною 1632 года произошла вторая встрѣча Густава-Адольфа съ Тилли, который укрѣпился при впаденіи Леха въ Дунай. Тилли не могъ защитить переправы черезъ Лехъ и получилъ рану, отъ которой скоро умеръ. Густавъ-Адольфъ занялъ Мюнхенъ, между тѣмъ какъ Саксонскія войска вступили въ Богемію и овладѣли Прагою. Въ такой крайности императоръ Фердинандъ II обратился къ Валленштейну. Тотъ заставилъ долго себя упрашивать, наконецъ согласился снова создать войско и спасти Австрію, съ условіемъ неограниченнаго распоряженія и богатыхъ земельныхъ вознагражденій. Какъ скоро разнеслась вѣсть, что герцогъ Фридрихскій (титулъ Валленштейна) снова началъ свою дѣятельность, то со всѣхъ сторонъ устремились къ нему искатели добычи. Вытѣснивъ Саксонцевъ изъ Богеміи, Валленштейнъ двинулся къ границамъ Баваріи, укрѣпился недалеко отъ Нюрнберга, отбилъ нападеніе Шведовъ на свой лагерь и бросился въ Саксонію, попрежнему, какъ саранча, опустошая все на своемъ пути. Густавъ-Адольфъ поспѣшилъ за нимъ для спасенія Саксоніи. 6 ноября 1632 года произошла битва при Лютценѣ: Шведы побѣдили, но потеряли своего короля.

Поведеніе Густава-Адольфа въ Германіи послѣ Лейпцигской побѣды возбудило подозрѣніе, что онъ хочетъ утвердиться въ этой странѣ и получить императорское достоинство: такъ, онъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приказывалъ жителямъ присягать ему на вѣрность, не возвратилъ Пфальца прежнему его курфирсту Фридриху, уговаривалъ нѣмецкихъ князей вступать въ шведскую службу; говорилъ, что опъ не наемникъ, однѣми деньгами удовольствоваться не можетъ, что протестантская Германія должна отдѣлиться отъ католической

подъ особымъ главою, что устройство Германской имперіи устарѣло, что имперія—это ветхое зданіе, годное для крысъ и мышей, а не для человѣка. Усиленіе Шведовъ въ Германіи особенно встревожило кардинала Ришельё, который въ интересахъ Франціи не хотѣлъ, чтобы въ Германіи былъ сильный императоръ католическій или протестантскій. Франція хотѣла воспользоваться настоящею смутой въ Германіи для увеличенія своихъ владѣній и дала знать Густаву-Адольфу, что хочетъ возвратить себѣ наслѣдіе королей Франкскихъ; на это Шведскій король отвѣчалъ, что онъ пришелъ въ Германію не какъ врагъ или измѣнникъ, но какъ покровитель, и потому не можетъ согласиться, чтобы хотя одна деревня была у нея отнята; онъ не хотѣлъ также позволить, чтобы французская армія вступила на германскую почву. Вотъ почему Ришельё сильно обрадовался смерти Густава-Адольфа и записалъ въ своихъ мемуарахъ, что эта смерть избавила христіанство отъ многихъ золъ. Но подъ христіанствомъ должно разумѣть здѣсь Францію, которая дѣйствительно много выиграла отъ смерти Шведскаго короля, получивши возможность непосредственнѣе вмѣшаться въ дѣла Германіи и получить отъ нея побольше одной деревни.

По смерти Густава-Адольфа правленіе Швеціи, за малолѣтствомъ единственной дочери его и наслѣдницы Христины, перешло къ Государственному Совѣту, который рѣшился продолжать войну въ Германіи и поручилъ ея веденіе знаменитому государственнымъ умомъ канцлеру Акселю Оксенштирнѣ. Сильнѣйшіе протестантскіе государи Германіи, курфиреты Саксонскій и Бранденбургскій, уклонились отъ шведскаго союза; Оксенштирнѣ удалось заключить союзъ въ Гейльброннѣ (въ апрѣлѣ 1633 года) только съ протестантскими чинами Франконіи, Швабіи, Верхняго и Нижняго Рейна. Нѣмцы внушили Оксенштирнѣ не очень выгодное о себѣ мнѣніе: «Вмѣсто того, чтобы заниматься своими дѣлами, они только пьянствуютъ» говорилъ онъ одному Французскому дипломату. Ришельё въ своихъ запискахъ говоритъ о нѣмцахъ, что они за деньги готовы измѣнить самымъ священнымъ своимъ обязательствамъ. Оксенштирна былъ назначенъ директоромъ Гейльброннскаго союза; начальство надъ войскомъ было поручено принцу Бернгарду Саксенъ-Веймарскому и Шведскому генералу Горну; Франція помогала деньгами.

Между тѣмъ Валленштейнъ, послѣ Лютценской битвы, сталъ оказывать гораздо меньше энергіи и предпримчивости, чѣмъ прежде. Долго оставался онъ въ бездѣйствіи въ Богеміи, потомъ пошелъ въ Силезію и Лузацію и послѣ незначительныхъ битвъ заключилъ пе-

ремиріе съ врагами и вошелъ въ переговоры съ курфирстами Саксонскимъ, Бранденбургскимъ и Оксенштирноу; переговоры эти велись безъ вѣдома Вѣнскаго двора и возбуждали здѣсь сильное подозрѣніе. Онъ освободилъ изъ плѣна графа Турна, непримиримаго врага Габсбургскаго дома, и вмѣсто того, чтобы выгонять шведовъ изъ Баваріи, опять засѣлъ въ Богеміи, которая страшно терпѣла отъ его войска. По всему было видно, что онъ искалъ гибели непримиримаго врага своего, Максимилиана Баварскаго, и, зная происки враговъ своихъ, хотѣлъ этимъ обезпечить себя отъ вторичнаго паденія. Многочисленные противники его и завистники распустили слухи, что онъ хочетъ съ помощью Шведовъ стать независимымъ королемъ Богемскимъ. Императоръ повѣрилъ этимъ внушеніямъ и рѣшился освободиться отъ Валленштейна. Трое значительнѣйшихъ генераловъ въ войскѣ герцога Фридландскаго составили заговоръ противъ своего главнокомандующаго, и Валленштейнъ былъ убитъ въ началѣ 1634 года, въ Егерѣ. Такъ погибъ знаменитѣйшій атаманъ сбродной шайки, какихъ, къ счастью Европы, уже не являлось въ ней послѣ Тридцатилѣтней войны. Война, особенно въ началѣ, носила религіозный характеръ; но солдаты Тилли и Валленштейна свирѣпствовали вовсе не изъ религіознаго фанатизма; они истребляли одинаково и католиковъ, и протестантовъ, и своихъ, и чужихъ. Валленштейнъ былъ полнымъ представителемъ своихъ солдатъ, былъ равнодушенъ къ вѣрѣ; но зато вѣрилъ въ звѣзды, усердно занимался астрологіею.

Послѣ смерти Валленштейна главное начальство надъ императорскимъ войскомъ принялъ сынъ императора Фердинандъ. Осенью 1634 года императорскія войска соединились съ Баварскими и разбили на голову Шведовъ у Нёрдлингена, Горнъ попался въ плѣнъ. Курфирстъ Саксонскій заключилъ съ императоромъ отдѣльный миръ въ Прагѣ, его примѣру послѣдовалъ Бранденбургъ и другіе Нѣмецкіе князья; въ шведскомъ союзѣ остались только Гессенъ-Кассель, Баденъ и Виртембергъ. Ослабленіемъ Шведовъ послѣ Нёрдлингенской битвы воспользовалась Франція, чтобы явно вмѣшаться въ дѣла Германіи, возстановить равновѣсіе между борющимися сторонами и получить за это богатое вознагражденіе. Бернгардъ Саксенъ-Веймарскій послѣ Нёрдлингенскаго пораженія обратился къ Франціи съ просьбою о помощи: Ришельё заключилъ съ нимъ договоръ, по которому войско Бернгарда должно было содержаться на счетъ Франціи; Оксенштирна отправился въ Парижъ и получилъ обѣщаніе, что сильный Французскій корпусъ будетъ дѣйствовать заодно со Шведами противъ императора;

наконецъ Ришельё заключилъ союзъ съ Голландією противъ Испанцевъ, союзниковъ императора. Въ 1636 году военное счастье опять перешло на сторону Шведовъ, которыми начальствовалъ генералъ Банеръ. Бернгардъ Саксенъ-Веймарскій также счастливо воевалъ на Верхнемъ Рейнѣ. Онъ умеръ въ 1639 году и его смертью воспользовались Французы: они овладѣли Эльзасомъ, который прежде обѣщали Бернгарду, и войско его взяли себѣ, какъ наемное. Французское войско явилось въ южной Германіи, чтобы дѣйствовать здѣсь противъ Австрійцевъ и Баварцевъ. Съ другой стороны, Французы дѣйствовали въ Испанскихъ Нидерландахъ: молодой принцъ Конде началъ свое блистательное поприще побѣдою надъ Испанцами при Рокруа.

Между тѣмъ въ февралѣ 1637 года умеръ императоръ Фердинандъ II, и при сынѣ его Фердинандѣ III, въ 1643 году, начались мирные переговоры въ Вестфалии: въ Оснабрюкѣ между императоромъ и католиками съ одной стороны и между Шведами и протестантами съ другой; въ Мюнстерѣ между Германією и Францією. Последняя тогда была могущественнѣе всѣхъ государствъ Европы, и ея притязанія возбуждали справедливыя опасенія. Французское правительство не скрывало своихъ замысловъ: по мысли Ришельё написаны были два сочиненія (Дюпюи и Кассаномъ), гдѣ доказывались права королей Французскихъ на различныя королевства, герцогства, графства, города и страны: выходило, что Кастилія, Арагонія, Каталонія, Наварра, Португалія, Неаполь, Миланъ, Генуя, Нидерланды, Англія должны принадлежать Франціи; достоинство императорское принадлежитъ Французскимъ королямъ, какъ наслѣдникамъ Карла Великаго. Сочинители дошли до смѣшнаго; но самъ Ришельё, не требуя Португаліи и Англіи, толковалъ Людовику XIII объ «*естественныхъ границахъ*» Франціи: «Не надобно, говорилъ онъ, подражать Испанцамъ, которые всегда стараются распространять свои владѣнія; Франція должна думать только о томъ, какъ бы укрѣпляться въ самой себѣ, надобно утвердиться въ Мецѣ и дойти до Стразбурга, по при этомъ надобно дѣйствовать медленно и осторожно; можно думать также о Наваррѣ и Франшъ-Конте». Предъ смертью кардиналъ говорилъ: «Цѣлью моего министерства было возвратить Галліи ея древнія границы, назначенныя ей *природою*, сравнять новую Галлію во всемъ съ древнею». Неудивительно поэтому, что во время Вестфальскихъ переговоровъ Испанскіе дипломаты начали заискивать у Голландскихъ, рѣшились даже сказать послѣднимъ, что Голландцы вели противъ Испаніи войну справедливую, ибо защищали свою свободу;

но крайне неблагоприятно было бы съ ихъ стороны помочь Франціи усилиться въ ихъ соѣдствѣ». Испанскіе дипломаты общались двоимъ. Голландскимъ уполномоченнымъ 200,000 талеровъ; король Французскій писалъ своимъ уполномоченнымъ, нельзя ли склонить Голландцевъ на свою сторону какимъ-нибудь подаркомъ.

Въ октябрѣ 1648 года переговоры кончились. Франція получила Австрійскую часть Эльзаса, Зундгау, Брейзахъ съ сохраненіемъ для имперскихъ городовъ и владѣльцевъ ихъ прежнихъ отношеній къ имперіи. Швеція получила большую часть Помераніи, островъ Рюгенъ, городъ Висмаръ, епископство Бременъ и Верденъ также съ сохраненіемъ ихъ прежнихъ отношеній къ Германіи. Бранденбургъ получилъ часть Помераніи и нѣсколько епископствъ; Саксонія — земли Лужицей (Лаузицъ); Баварія — Верхній Пфальцъ и удержала курфиршеское достоинство для своего герцога; Нижній Пфальцъ съ вновь учрежденнымъ *осмымъ* курфиршескимъ достоинствомъ отданъ сыну несчастнаго Фридриха. Швейцарія и Нидерланды были признаны самостоятельными государствами. Относительно Германіи было постановлено, что власть законодательная въ имперіи, право взимать подати, объявлять войну и заключать миръ принадлежатъ сейму, состоящему изъ императора и членовъ имперіи; князья получили верховную власть въ своихъ владѣніяхъ съ правомъ заключать союзы между собою и съ другими государствами, только не противъ императора и имперіи. Имперскій судъ, рѣшавшій споры чиновъ другъ съ другомъ и съ подданными ихъ, долженъ былъ состоять изъ судей обоихъ исповѣданій; на сеймахъ имперскіе города получили равное право голоса съ князьями. Католикамъ, лютеранамъ и кальвинистамъ предоставлена полная свобода религіозная, богослужебная и равенство политическихъ правъ.

Слѣдствія Тридцатилѣтней войны были важны для Германіи и для цѣлой Европы. Въ Германіи власть императорская поникла окончательно, и единство страны осталось только по имени. Имперія представила пеструю смѣсь разнородныхъ владѣній, имѣвшихъ между собою самую слабую связь. Каждый князь управлялъ самостоятельно въ своемъ владѣніи; но такъ какъ имперія все еще существовала по имени, такъ какъ существовала по имени общая власть, которая обязана была заботиться о благѣ имперіи, и между тѣмъ не было никакой силы, которая бы могла заставить содѣйствовать этой общей власти, то князья считали себя въ правѣ отложить всякое попеченіе о

дѣлахъ общаго отечества и отучились принимать къ сердцу его интересы: ихъ взгляды, ихъ чувства обмельчали; отдѣльно дѣйствовать они не могли по безсилію, ничтожности средствъ своихъ, и отвыкли окончательно отъ всякаго общаго дѣйствія, не будучи къ нему очень привычны и прежде, какъ мы видѣли; вслѣдствіе этого они должны были преклоняться предъ всякою силою. Такъ какъ они потеряли сознаніе высшихъ правительственныхъ интересовъ, то единственная цѣль ихъ стремленій состояла въ томъ, чтобы кормиться на счетъ своихъ владѣній и кормиться какъ можно сытнѣе; для этого послѣ Тридцатилѣтней войны они имѣли полную возможность: во время войны они привыкли собирать подати безъ спросу съ чинами; эту привычку они не оставили и послѣ войны, тѣмъ болѣе, что страшно опустошенная страна, требовавшая продолжительнаго отдыха, не могла выставить силъ, съ которыми бы надобно было считаться; во время войны князья устроили себѣ войско: оно осталось у нихъ и послѣ войны, усиливая ихъ власть. Такъ исчезало ограниченіе княжеской власти чинами, существовавшее прежде, и утверждалась неограниченная власть князей съ бюрократіею, что не могло приносить пользы въ маленькихъ владѣніяхъ, особенно по означенному выше характеру, принятому князьями. Вообще же въ Германіи развитіе матеріальное и духовное было остановлено на извѣстное время страшнымъ опустошеніемъ, произведеннымъ шайками Тилли, Валленштейна и Шведскими войсками, которыя, по смерти Густава-Адольфа, стали также отличаться грабежами и жестокостями, какихъ наши казаки не придумывали въ смутное время: вливаніе несчастнымъ въ горло самыхъ отвратительныхъ нечистотъ слыло подъ именемъ шведскаго напитка. Германія, особенно на югѣ и западѣ, представляла пустыню. Въ Аугсбургѣ изъ 80,000 жителей осталось 18,000, во Франкенталѣ изъ 18,000 только 324; въ Пфальцѣ осталась только пятидесятая часть всего народонаселенія. Въ Гессенѣ сожжено было 17 городовъ, 47 замковъ и 400 деревень.

Относительно цѣлой Европы Тридцатилѣтняя война, ослабивъ Габсбургскій домъ, раздробивъ и обезсиливъ окончательно Германію, тѣмъ самымъ подняла Францію, сдѣлала ее первенствующею державою въ Европѣ. Слѣдствіемъ Тридцатилѣтней войны было также и то, что сѣверная Европа, въ лицѣ Швеціи, приняла дѣятельное участіе въ судьбѣ остальныхъ государствъ и явилась важнымъ членомъ Европейской системы. Наконецъ Тридцатилѣтняя война была послѣднею религіозною войною; Вестфальскій миръ, провозгласивъ равен-

ство трехъ исповѣданій, положилъ конецъ религіозной борьбѣ, порожденной реформаціею. Господство свѣтскихъ интересовъ надъ духовными очень замѣтно во время Вестфальскаго мира: духовныя владѣнія во множествѣ отнимаются у церкви, *секуляризуются*, переходятъ къ свѣтскимъ протестантскимъ владѣтелямъ; говорили, что въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ дипломаты играли епископствами и аббатствами, какъ дѣти играютъ орѣхами и бабками. Папа протестовалъ противъ мира, но на его протестъ никто не обратилъ вниманія.

Х.

Сѣверныя государства до конца XVII вѣка.

Ослабленіе Даніи.—Ограниченіе королевской власти.—Государственный переворотъ.—Христина.—Карль X и война съ Польшей.—*Великій курфирстъ*.—Война съ Даніей.—Карль XI.—*Редукція* и усиленіе королевской власти.—Шлезвигъ.

Въ то время какъ Швеція поднялась такъ высоко, благодаря Густаву - Адольфу и генераламъ, образовавшимся въ его школѣ, Данія поникла въ такой же мѣрѣ. Христіанъ IV имѣлъ неосторожность поссориться съ Швеціею; Шведскій генераль Торстензонъ, уже знаменитый успѣхами своими надъ Австрійскими войсками, обратился противъ Даніи, занялъ Голштейнъ и Шлезвигъ и принудилъ Христіана IV къ миру. По этому миру, заключенному въ Бремзебро въ 1645 году, Данія лишилась острововъ Эзеля, Готланда, нѣсколькихъ другихъ земель и принуждена была отказаться отъ права взимать Зундскую пошлину съ Шведскихъ подданныхъ. Эти неудачи приписывались тому, что аристократія, забравъ всю власть въ свои руки, мало обращала вниманія на государственные интересы. Королевская власть ограничивалась все болѣе и болѣе: сперва король имѣлъ право при замѣщеніи должности государственнаго совѣтника выбирать изъ двухъ кандидатовъ, представленныхъ дворянствомъ; но теперь не король, а Государственный Совѣтъ избиралъ изъ нѣсколькихъ кандидатовъ, представленныхъ дворянствомъ той провинціи, откуда родомъ былъ послѣдній государственный совѣтникъ. Король не могъ самъ собою назначать на высшія правительственныя должности, а выбиралъ изъ трехъ кандидатовъ, представленныхъ Государственнымъ Совѣтомъ; король не могъ выѣхать изъ государства безъ позволенія Государственнаго Совѣта; наконецъ ему было запрещено измѣнять или останавливать рѣшенія Государственнаго Совѣта. На такихъ-то условіяхъ по смерти Христіана IV былъ избранъ ему въ преемники сынъ его Фридрихъ III. При этомъ го-

сударѣ произошелъ переворотъ, отнявшій прежнее значеніе у аристократіи и отдавшій неограниченную власть въ руки королевскія. Возможность этого переворота для Даніи заключалась въ постепенномъ развитіи въ ней довольно сильнаго и богатаго торговаго сословія, что зависѣло отъ приморскаго положенія страны. Вслѣдствіе новой изнурительной войны со Шведами финансы датскіе находились въ самомъ печальномъ положеніи, и для ихъ поправленія нужно было приступить къ кореннымъ преобразованіямъ. Дворянство пользовалось исключительнымъ правомъ брать на аренду государственныя земли, и какъ оно пользовалось этимъ правомъ, видно изъ того, что при Христіанѣ IV арендная сумма простиралась до 35,000 талеровъ, а при Фридрихѣ III только до 10,000. Крѣпостные крестьяне дворянъ платили только своимъ господамъ и были освобождены отъ всякихъ податей и пошлинъ. Во время Шведской войны, при защитѣ Копенгагена, осажденнаго непріятелемъ, дворянство не показало большого усердія, тогда какъ горожане Копенгагенскіе, съ своимъ бургомистромъ Нансеномъ, были главными помощниками короля въ трудную и опасную годину. Они выдвинулись такимъ образомъ на первый планъ, образовали собственное войско, что и дало имъ возможность произвести переворотъ въ пользу короля, заслужившаго своимъ поведеніемъ и характеромъ сильную народную любовь.

Въ сентябрѣ 1660 года собрались государственныя чины для совѣщанія о мѣрахъ поправить финансовое положеніе страны. Низшія сословія подали королю проектъ улучшенія финансовъ, въ которомъ требовали, чтобы коронныя земли и другія доходныя статьи отдавались впередъ въ аренду не однимъ дворянамъ, но всякому, кто больше дастъ, и потомъ, чтобы съ крестьянъ, живущихъ на коронныхъ земляхъ, брать оброкъ, а не принуждать ихъ къ барщинѣ. Дворянство было сильно раздражено этими требованіями; оно возражало, что исключительное право пользоваться коронными землями утверждено за нимъ условіями королевскаго избранія; депутаты городского сословія не уступали и были очень оскорблены грубыми выходками камергера Крага противъ бургомистра Нансена. Такъ какъ дворянство основывало свои права на условіяхъ королевскаго избранія, то низшія сословія естественно пришли къ мысли перемѣнить избирательный образъ правленія въ наслѣдственный, при чемъ прежняя аристократическая конституція страны рушилась сама собою и чинамъ нужно было подумать о новомъ устройствѣ. Послѣ горячихъ споровъ пришли къ тому заключенію, что король долженъ быть освобожденъ отъ присяги, данной имъ при избраніи, и условія этого

избранія должны быть уничтожены. Въ октябрѣ условія были торжественно истреблены, и Датчане присягнули Фридриху III, какъ наслѣдственному королю; государственный совѣтъ былъ уничтоженъ, и король получилъ неограниченную власть, при чемъ учреждено постоянное войско. Новое устройство было утверждено преимущественно дѣятельностью Шумахера (графа Грейфенфельда), бывшаго министромъ при Фридрихѣ III и сынѣ его Христіанѣ V (вступившемъ на престолъ въ 1670 году). Для окончательнаго ослабленія дворянства Шумахеръ ввелъ раздѣленіе его на высшее и низшее, ввелъ графскій и баронскій титулы, которые раздавались королемъ, учрежденъ былъ также орденъ Данеброга; для полученія титуловъ и ордена дворянство должно было обратиться ко двору, искать королевской милости. Шумахеръ кончилъ дурно: сверженный своими противниками, онъ долженъ былъ выдержать продолжительное заключеніе въ Норвегіи.

Въ Швеціи, какъ мы видѣли, Густаву-Адольфу наслѣдовала дочь его Христина, странное существо, полуженщина и полумужчина, съ большими претензіями и безъ всякихъ существенныхъ достоинствъ; нигдѣ она не была на своемъ мѣстѣ и всего меньше на престолѣ. Мы видѣли, какъ, благодаря Густаву-Адольфу, полководцамъ, образовавшимся въ его школѣ, и канцлеру Оксенштирнѣ, Швеція получила важное значеніе въ системѣ европейскихъ государствъ. Но это значеніе ей было тяжело поддерживать по бѣдности страны, по малочисленности народонаселенія; противъ желанія Германіи утвердившись на ея почвѣ, увеличивши свои владѣнія завоеваніями на счетъ сосѣдей—Датчанъ, Поляковъ и Русскихъ, и пріобрѣтши и въ нихъ чрезъ это враговъ, искавшихъ перваго случая возвратить потерянное, Швеція могла сохранить свое положеніе только войною, а для войны нужны были деньги, слѣдовательно нужна была строгая экономія. Но Христина отличалась расточительностью. Обладая сама большою ученостью, Христина была окружена учеными и художниками, но это окруженіе служило только умственному наслажденію, духовной роскоши ученой королевы, а не содѣйствовало развитію науки и искусства среди Шведовъ. Христина раздаривала государственный имуществъ своимъ придворнымъ, ея любимцы жили въ изобиліи, а сама она нуждалась въ деньгахъ, часто не имѣла чѣмъ заплатить жалованье прислугѣ. Наконецъ Христинѣ наскучило царствовать, и въ 1654 году она отказалась отъ престола, припала католицизмъ и умерла въ Римѣ (1689) въ большой нуждѣ, потому что и въ частной жизни была такъ же расточительна, какъ на престолѣ.

Христина назначила себѣ преемникомъ двоюроднаго брата (племянника Густава-Адольфа отъ сестры) Карла-Густава, принца Пфальцъ-Цвейбрюкенъ-Клеебургскаго, который и вступилъ на престолъ подъ именемъ Карла X. Новый король, обладавшій военными способностями, развитыми въ Тридцатилѣтней войнѣ подъ Шведскими знаменами, провелъ свое царствованіе въ непрерывной войнѣ по страсти и по расчету, ибо выгоднѣе было ему жить войною на чужой счетъ, чѣмъ объявить себя банкротомъ: до того дошло разстройство финансовъ въ Швеціи! Польскій король Янъ Казимиръ доставилъ Карлу X предлогъ къ началу войны, потому что, въ качествѣ единственнаго потомка дома Вазы по мужской линіи, протестовалъ противъ незаконнаго занятія Шведскаго престола потомковъ Вазы по женской линіи. Лѣтомъ 1656 года Карлъ провелъ свое двадцатитысячное войско изъ Шведской Помераніи въ Польшу чрезъ Бранденбургскія владѣнія, не обращая вниманія, что такое нарушеніе народнаго права возбудило всеобщее негодованіе въ Европѣ. При шведскомъ войскѣ находился поссорившійся съ своимъ королемъ Польскій вице-канцлеръ Радзівевскій, у котораго была въ Польшѣ сильная партія; двое друзей его очистили предъ непріателемъ дорогу, которую должны были защищать, и Шведы безпрепятственно заняли Познань и Калишъ; осенью они овладѣли обѣими столицами, Варшавою и Краковомъ; Янъ Казимиръ долженъ былъ оставить Польшу и укрылся въ Силезію подъ зашиту императора Фердинанда III; Карлъ могъ считать себя владыкою всей Польши: вельможи, войско перешли на его сторону, объ Янѣ Казимирѣ забыли, Курфирстомъ Бранденбургскимъ въ это время былъ Фридрихъ-Вильгельмъ, обыкновенно называемый *Великимъ Курфирстомъ*, потому что онъ положилъ начало усиленію своего государства. Какъ владѣтель Пруссіи (Восточной) онъ находился въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ и эти отношенія были для него очень тяжелы: такъ, онъ долженъ былъ ѣхать въ Варшаву и тамъ принести присягу въ вѣрности королю, при чемъ обязался запретить въ Пруссіи публичное отправленіе богослуженія собственнымъ единовѣрцамъ, кальвинистамъ, обязался раздавать должности только католикамъ и лютеранамъ; кромѣ того, курфирстъ долженъ былъ уплачивать Польшѣ значительныя суммы денегъ. Чтобы имѣть возможность усилиться и со временемъ освободиться отъ тяжелыхъ вассальныхъ отношеній къ Польшѣ, Великій Курфирстъ обратилъ все вниманіе на улучшеніе финансовъ страны, которые дали ему возможность завести постоянное войско. Во время разрыва у Швеціи съ Польшею войско Фридриха-Вильгельма простиралось до

26,000 человекъ, что давало Курфрису важное значеніе въ глазахъ обѣихъ воюющихъ державъ. Въ началѣ 1656 года Фридрихъ-Вильгельмъ заключилъ договоръ съ Шведскимъ королемъ и сталъ къ нему въ вассальныя отношенія по Пруссіи, на томъ основаніи, что Польша не можетъ исполнить въ отношеніи къ нему своихъ обязанностей,—защищать его какъ вассала. Но между тѣмъ Поляки, выведенные изъ терпѣнія грабительствомъ Шведовъ и презрѣніемъ ихъ къ католической религіи, вспомнили объ Янѣ Казимирѣ и начали подниматься противъ Шведовъ за своего короля и религію. Карлъ X, гдѣ встрѣчался съ врагами, тамъ побѣждалъ; но ему трудно было съ своимъ небольшимъ войскомъ держаться въ странѣ, гдѣ скоро все народонаселеніе было противъ него. Шведское войско было измучено быстрыми походами и страдало отъ недостатка въ сѣбствныхъ припасахъ, много его погибло отъ голода и холода и было побито крестьянами. Въ такихъ обстоятельствахъ Карлъ X счелъ за нужное тѣснѣе сблизиться съ Курфирстомъ Бранденбургскимъ и въ іюлѣ 1656 года заключилъ съ нимъ договоръ въ Маріенбургѣ, по которому за помощь войскомъ обѣщалъ уступить ему изъ Польскихъ владѣній большую часть воеводствъ Познаньскаго и Калишскаго и другія земли: такимъ образомъ Швеція и Бранденбургъ впервые договорились о раздѣлѣ Польши. Но на этотъ разъ до раздѣла не дошло.

Янъ Казимиръ успѣлъ собрать большое войско, осадилъ Варшаву и принудилъ къ сдачѣ Шведскій гарнизонъ; Данцигъ, подкрѣпленный Голландцами, не сдавался Шведамъ, Императоръ готовъ былъ объявить войну послѣднимъ. Карлъ X и Курфирстъ Бранденбургскій, соединивъ свои силы, двинулись къ Варшавѣ, близъ которой ждалъ ихъ Янъ Казимиръ съ 40,000 войска; у союзниковъ было вдвое меньше, и потому Шведскій король счелъ благоразумнымъ предложить Польскому королю мирныя переговоры; но Янъ Казимиръ, надѣясь на многочисленность своего войска, отвергъ предложеніе; слѣдствіемъ этого было сраженіе, возобновлявшееся три дня сряду (отъ 27 до 30 іюля 1656 года); наконецъ Янъ Казимиръ долженъ былъ отступить къ Люблину, отдавши Варшаву на разграбленіе Шведамъ и Бранденбургцамъ. Но эта побѣда не могла поправить положенія Шведскаго короля въ Польшѣ, ибо гдѣ его не было, тамъ Шведскіе отряды терпѣли пораженіе; на Курфирста Бранденбургскаго нельзя было полагаться: онъ помогалъ недѣлательно и велъ подозрительныя переговоры съ Поляками, Датчанами и Императоромъ; кромѣ того, Русскій царь Алексѣй Михайловичъ, который, имѣя виды на Польшу, не хотѣлъ уступать ее Швеціи, объявилъ войну

послѣдней. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Карлъ X хотѣлъ прежде всего привязать къ себѣ Курфирста Бранденбургскаго и по договору съ нимъ въ Лабіау (конецъ 1656 года) освободилъ его отъ всякой ленной зависимости, вслѣдствіе чего Фридрихъ-Вильгельмъ сталъ самостоятельнымъ герцогомъ Прусскимъ. Но и этотъ договоръ не могъ поправить положенія Шведскаго короля въ Польшѣ, такъ что Карлъ X былъ радъ, когда Датчане объявили ему войну и такимъ образомъ дали ему благовидный предлогъ отозвать свое войско изъ Польши, гдѣ оно исчезало въ неравной и безконечной борьбѣ. Датчане, объявляя войну Швеціи, надѣялись воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Карла X и отобрать у него то, что было уступлено Швеціи по миру въ Брёмзебро; но обманулись въ своей надеждѣ. Въ то время, какъ Датскій король ждалъ Шведовъ съ моря, Шведскія войска лѣтомъ 1657 г. вторгнулись изъ Гольштиніи въ Ютландію и безъ труда завоевали ее; въ февралѣ 1658 г. самъ Карлъ X перевелъ свое войско на островъ Зеландію. Но какъ скоро Шведы, вслѣдствіе Датской войны, очистили Польшу, Курфирстъ Бранденбургскій, видя слабость прежняго союзника, перешелъ на сторону Польши и Даніи; благодаря посредничеству Императора, и Польша, по договору въ Велау, признала независимость Фридриха-Вильгельма, какъ герцога Прусскаго. Карлъ X, угрожаемый со всѣхъ сторонъ врагами, заключилъ для виду миръ съ Даніею въ Рёскильдѣ (конецъ февраля 1658 г.); но не вывелъ своихъ войскъ изъ Датскихъ владѣній и въ томъ же году объявилъ снова войну. Копенгагенъ былъ осажденъ, но отлично защищался: король Фридрихъ III, сынъ его Христіанъ и горожане не знали покоя ни днемъ, ни ночью; а между тѣмъ Голландскій флотъ подоспѣлъ къ нимъ на помощь. Голландцы могли бы истребить Шведскій флотъ, но удержались, потому что имъ было выгодно держать морскія силы прибалтійскихъ государствъ въ равновѣсіи; если они теперь вооружились противъ Швеціи, то именно для того только, чтобы не дать ей господства на сѣверныхъ моряхъ. Въ февралѣ 1659 г. Карлъ X рѣшился штурмовать Копенгагенъ; но штурмъ былъ отбитъ, благодаря помощи, которую оказали осажденнымъ Голландцы, чьихъ корабли обмерзли въ Копенгагенской гавани, и матросы сошли съ нихъ, чтобы биться со Шведами. Сильное участіе Голландцевъ въ войнѣ и выгоды, которыя они могли получить отъ этого, возбудили зависть въ Англичанахъ и Французахъ. Англія, Франція и Голландія соединились въ 1659 году, чтобъ заставить Шведовъ и Датчанъ помириться. Съ другой стороны, на помощь Даніи явились императорскія

и польскія войска; знаменитый Голландскій адмиралъ Рюйтеръ перевезъ ихъ вмѣстѣ съ датскими войсками на островъ Фіонію, гдѣ, въ ноябрѣ 1659 года, союзники, пользуясь своею многочисленностью, истребили шведскій корпусъ, состоявшій изъ отборныхъ солдатъ Карла X-го. Неудачи заставили Карла X согласиться на миръ, предложенный Франціею, Англіею и Голландіею. Миръ заключенъ былъ въ Оливѣ, недалеко отъ Данцига, въ маѣ 1660 года между Швеціею, Польшею и Бранденбургомъ: все завоеванное другъ у друга было возвращено, Польша отказалась отъ своихъ притязаній на Лифляндію и король Польскій отъ своихъ правъ на Шведскій престолъ; немного спустя заключенъ былъ миръ въ Копенгагенѣ между Швеціею и Даніею, по которому Швеція приобрѣла датскія провинціи Шооненъ, Голландъ и Блекингенъ, но возвратила Даніи полученные по Рёскильдскому миру норвежскую провинцію Дронтгеймъ и островъ Борнгольмъ. Карлъ X не дождался заключенія этихъ мировъ: онъ умеръ въ февралѣ 1660 года.

Ему наследовалъ сынъ его Карлъ XI, за малолѣтствомъ котораго управляла Швеціею мать его и четверо высшихъ сановниковъ королевства. Королева-мать, по характеру своему, не могла имѣть никакого значенія, и правленіе находилось въ рукахъ четырехъ олигарховъ, которые вмѣстѣ съ своими родственниками и креатурами пользовались государственнымъ имуществомъ и доходами и надѣлали множество долговъ. Обстоятельства слѣдовательно были тѣ же самыя, какія мы видѣли въ Даніи, и повели къ подобнымъ же результатамъ, при чемъ, разумѣется, примѣръ Даніи не остался безъ вліянія на Швецію. Въ 1680 году духовенство, крестьяне, а потомъ и горожане потребовали *редукціи*, т.-е. отобранія у дворянства государственныхъ имуществъ, которыми оно завладѣло въ прежнія времена: эти сословія имѣли поддержку въ королѣ, который отличался умомъ, энергіею, твердымъ и даже жесткимъ характеромъ; войско было ему предано. Въ декабрѣ 1680 года сеймъ объявилъ, что король въ своихъ правительственныхъ мѣрахъ не отдаетъ никому отчета; власть его была ограничена только тѣмъ, что безъ согласія сейма онъ не могъ объявлять войну, заключать миръ и налагать подати. Такимъ образомъ Швеція стала управляться однимъ королемъ, а не королемъ и государственнымъ совѣтомъ, какъ прежде. Сеймъ 1682 года объявилъ, что король можетъ и не созывать чины, и если созоветъ для совѣта, то въ этомъ окажется его милость.

Карлъ XI назначилъ Комиссію для редукціи. Комиссія начала съ 1632 года: всѣ отчужденныя съ этого года государственныя имуще-

ства были возвращены коронѣ, и такъ какъ дѣло было исполнено безъ малѣйшаго снисхожденія, то слѣдствіемъ было обѣднѣніе богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ фамилій; досталось не одному дворянству: по предложенію крестьянскаго сословія на сеймѣ духовенство должно было платить подать; сословія дѣйствовали другъ противъ друга и тѣмъ усиливали власть короля. Карлъ XI не довольствовался редукаціею: онъ уменьшилъ внутреннюю цѣнность монеты; тѣмъ, которые дали казнѣ займы деньги за 8 процентовъ, платилъ только 5 процентовъ; уменьшилъ жалованье служащимъ; но при этомъ надобно замѣтить, что король употреблялъ такія средства единственно для поправленія государственныхъ финансовъ, соблюдалъ крайнюю бережливость въ отношеніи къ себѣ и своему семейству. Зная, что Швеція, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, можетъ только войною или готовностью къ ней поддержать свое значеніе, Карлъ XI употребилъ собранныя деньги преимущественно на устройство войска: это войско было національное, а не наемное, какъ у другихъ государствъ; кромѣ сухопутнаго войска, Карлъ XI возсоздалъ флотъ и устроилъ для него Карлскронскую гавань.

Между тѣмъ въ Даніи король Христіанъ V воспользовался сосредоточеніемъ власти въ своихъ рукахъ для расширенія своихъ владѣній. Обезпечивъ себя противъ Швеціи и Германіи союзомъ съ могущественною Франціею, онъ началъ тѣснить Голштейнъ-Готторпскій домъ, брать себѣ доходы съ его владѣній, препятствовать укрѣпленію города Тѣннингена. Герцогъ Голштинскій долженъ былъ бѣжать въ Гамбургъ, и Христіанъ V овладѣлъ Шлезвигомъ. Христіану хотѣлось также овладѣть Гамбургомъ, но курфирстъ Бранденбургскій и король Шведскій помѣшали ему въ этомъ. Бранденбургъ, Швеція, Брауншвейгъ, Англія и Голландія вступились за герцога Голштинскаго и заставили Христіана V возвратить ему Шлезвигъ.

XI.

Польша до конца XVII вѣка.

Очеркъ исторіи Польши. — Польская конституція.

Въ началѣ Польской исторіи, именно до принятія христіанства, мы встрѣчаемъ рядъ мифовъ, которые не можемъ оставить безъ вниманія. Въ этихъ мифахъ отражается, съ одной стороны, борьба внѣшняя, съ другой—внутренняя. Внѣшняя борьба—это борьба Поляковъ съ Нѣмцами, которые тѣснятъ западныхъ Славянъ, стараются подчинить ихъ себѣ, уничтожить ихъ народность, опѣмечить ихъ. Поляки выставляютъ сопротивленіе опаснымъ сосѣдямъ, мифическая Польская княжна Ванда отказывается въ рукѣ Нѣмцу. Но вмѣстѣ съ внѣшнею борьбою мифы указываютъ борьбу внутреннюю: въ нихъ выставляются два князя—Попель I и Попель II, какъ лица враждебныя народу, враждебныя началамъ его быта; народъ земледѣльческій живетъ подѣ формами родового быта; какъ у всѣхъ Славянъ, такъ и у Поляковъ члены рода не дѣлятся, но составляютъ одно; единство рода поддерживается тѣмъ, что власть переходитъ къ старшему въ цѣломъ родѣ, дядя имѣетъ преимущество предѣ племянникомъ. Попель I идетъ противъ господствующаго въ народѣ взгляда, хочетъ ввести чужой, нѣмецкій обычай; онъ подчиняетъ сыну своему Попелу II его дядей, своихъ младшихъ братьевъ. Попель II идетъ по слѣдамъ отцовскимъ: онъ не имѣетъ народной добродѣтели, не отличается гостепріимствомъ, прогоняетъ отъ себя двоихъ странниковъ, которые находятъ гостепріимство у сельчанина Пяста и пророчатъ его сыну Земовигу престолъ. Попель хочетъ отдѣлаться отъ своихъ дядей злодѣйствомъ: созываетъ ихъ къ себѣ и отравляетъ; это онъ дѣлаетъ по совѣту жены своей Нѣмки. Но злодѣйство наказывается страшнымъ образомъ: изъ труповъ дядей рождается огромное количество мышей, которые пожираютъ Попела со всѣмъ семействомъ, и народъ выбираетъ въ короли Пяста. Этотъ мифъ ясно указываетъ на противодѣйствіе народной массы сельскаго населенія новизнамъ, ко-

торыя вводились по чужеземному, нѣмецкому образцу, князьями, вож-
дями завоевательныхъ дружинъ, ибо отецъ Попель I выставляется
завоевателемъ. Миѣ этотъ имѣеть въ нашихъ глазахъ значеніе и
потому, что явленія, имъ указанныя, повторяются впослѣдствіи, во
времена историческія.

Достовѣрная Польская исторія начинается съ принятія христіанства
княземъ Мечиславомъ. Мечиславъ женился на христіанкѣ, Чешской
княжнѣ Домбровкѣ, которая и уговорила мужа креститься. Примѣръ
князя дѣйствовалъ, христіанство распространялось повсюду въ Поль-
шѣ, но поверхностно, не пустило глубокихъ корней, особенно въ
низшихъ слояхъ народонаселенія. Подлѣ этого явленія видимъ дру-
гое: Мечиславъ вассалъ Нѣмецкаго императора, и Нѣмцы не иначе
называютъ его, какъ графомъ только. Съ восшествіемъ на престолъ
сына Мечислава, Болеслава I Храбраго, Польша начинаетъ сильно
подниматься: Болеславъ, выгнавъ братьевъ, стремится подчинить себѣ
Богемію и Русь; ни то, ни другое не удается, но Болеславъ выхо-
дитъ изъ борьбы съ богатыми завоеваніями; пріобрѣтаетъ отъ Че-
ховъ Моравію и Силезію, покоряетъ также Померанію. Нѣмцы не мо-
гутъ смотрѣть равнодушно, что сынъ ихъ вассала стремится стать
могущественнымъ и опаснымъ для нихъ государемъ, основать подлѣ
нихъ Славянскую имперію, и потому усиленно дѣйствуютъ противъ
Болеслава, мѣшаютъ его замысламъ въ Богеміи; императоръ Ген-
рихъ II и непосредственно ведетъ войну съ королемъ Польскимъ, но
неудачно. Царствованіе Болеслава, его блестящая и обширная воен-
ная дѣятельность, завоеванія имѣли могущественное вліяніе на внут-
ренній бытъ Польши: изъ многочисленныхъ сводвижниковъ, изъ об-
ширной дружины воинственнаго короля образовалось сильное высшее
сословіе, которое владѣетъ землею, занимаетъ правительственныя дол-
жности, сидитъ въ городахъ, построенныхъ королемъ, управляетъ об-
ластями. Государство земледѣльческое, промышленность и торговля
развиты чрезвычайно слабо; нѣтъ богатаго промышленнаго сословія,
которое бы уравнивало значеніе сословія военного или земле-
владѣльческаго. При Болеславѣ власть королевская была сильна и
сдерживала вельможъ, благодаря личнымъ достоинствамъ короля; но
если пойдутъ короли, не похожіе на Храбраго, то что сдержитъ ихъ?

Такъ и случилось. Преемникомъ Болеслава Храбраго былъ Мечи-
славъ II, вовсе непохожій на отца. Съ пониженіемъ королевскаго
значенія поднимется значеніе вельможъ, а тутъ еще новыя благо-
пріятныя для нихъ обстоятельства. Мечиславъ скоро умираетъ, оста-
вивъ малолѣтняго сына Казимира подъ опекою матери, Нѣмки Риксы.

Рикса окружаетъ себя Нѣмцами и презираетъ Поляковъ; польскіе вельможи сильны и не хотятъ сносить это презрѣніе, не хотятъ и дѣлиться съ Нѣмцами въ управленіи родною страной. Рикса была выгнана съ сыномъ въ Германію. Вельможи овладѣли верховною властью, но, перессорившись, не могли удержать ее въ своихъ рукахъ; произошла анархія и страшная смута: простонародье поднялось противъ шляхты, язычество прикрытое, но не исчезнувшее, поднялось противъ христіанства, или, лучше сказать, противъ духовенства, тяжелаго для народа своими поборами: поселянинъ стремился избавиться отъ двоихъ притѣснителей, хотѣвшихъ жить на счетъ его труда, отъ папа и ксендза; внѣшніе враги воспользовались смутою въ Польшѣ и поднялись противъ нея, начали ее обрывать. Тогда единственнымъ средствомъ спасенія было признано возстановленіе королевской власти. Казимиръ былъ призванъ изъ-за границы на престолъ отцовскій и дѣдовскій. При Казимирѣ Реставраторѣ (возстановителѣ) смута утихла. Чехи были сдержаны въ своихъ враждебныхъ замыслахъ, христіанство укрѣплено. Преемникъ Казимира Болеславъ II Смѣлый былъ похожъ на Болеслава Храброго и воинскими подвигами успѣлъ поднять значеніе Польши между сосѣдями, но не могъ поднять внутри значенія королевской власти: обстоятельства были не тѣ, какія при Болеславѣ I, аристократія была сильна, и Болеславъ II имѣлъ еще неосторожность столкнуться съ другимъ могущественнымъ сословіемъ, духовенствомъ, которое прикнуло къ вельможамъ и еще болѣе усилило послѣднихъ. Краковскій епископъ Станиславъ публично порицалъ поведеніе короля: Смѣлый не удержался въ гнѣвѣ и убилъ епископа. Слѣдствіемъ было изгнаніе Болеслава, мѣсто котораго заступилъ братъ его Владиславъ-Германъ.

Изгнаніе Смѣлаго было самымъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для усиленія власти вельможъ, потому что Владиславъ-Германъ былъ государь неспособный; по смерти его идутъ усобицы между сыновьями его, законнымъ Болеславомъ III Кривоустовымъ и незаконнымъ Збигнѣвомъ; наконецъ Збигнѣвъ былъ убитъ; но Болеславъ Кривоустый раздѣлилъ Польшу между четырьмя сыновьями въ 1139 году, вслѣдствіе чего въ Польшѣ между князьями начинаются такіе же родовыя отношенія и усобицы, какія были на Руси, со смерти Ярослава I (1054 г.). Но разница въ томъ, что на Руси эти отношенія и усобицы начались очень рано, когда еще вельможи не успѣли усилиться въ качествѣ областныхъ начальниковъ, и князья, сильно размножившись, заняли всѣ значительные города и волости и тѣмъ

самымъ положили препятствіе усиленію вельможества, его самостоятельности; тогда какъ въ Польшѣ, со временъ Болеслава Храбраго, мы видимъ благопріятныя обстоятельства для усиленія значенія вельможъ, при чемъ продолжается единовластіе, и вельможи управляютъ областями. А теперь, уже въ 1139 году, когда власть вельможъ чрезвычайно усилилась, прекращается единовластіе, начинаются усобицы между князьями, и этими усобицами сильные вельможи пользуются для большаго еще усиленія своей власти. Значеніе вельможъ обнаружилось немедленно. Старшій сынъ Кривоуста Владиславъ II, подъ вліяніемъ жены своей Нѣмки Агнессы, хочетъ возстановить единовластіе, прогнать братьевъ, усилить свою власть; но вельможи и прелаты не желаютъ этого усиленія, принимаютъ сторону младшихъ братьевъ и выгоняютъ самого Владислава II; потомъ изгоняютъ энергическаго и потому опаснаго для нихъ Мечислава III. Такимъ образомъ, послѣ Болеслава Храбраго мы видимъ въ Польшѣ изгнаніе четырехъ государей. Сенатъ ограничиваетъ совершенно власть государя, который не можетъ ни издать новаго закона, ни начать войны, ни дать грамоту на что-нибудь, ни окончательно рѣшить судебного дѣла. А между тѣмъ внѣшніе враги пользуются печальнымъ положеніемъ Польши, усобицами ея князей, спорами ихъ съ вельможами и прелатами. Польша имѣла опасныхъ сосѣдей въ Пруссакъ, дикомъ Литовскомъ племени; доведенныя до отчаянія опустошительными набѣгами Пруссковъ, Польскіе Мазовецкіе князья призываютъ на помощь Нѣмцевъ, именно рыцарей Нѣмецкаго или Тевтонскаго ордена, уступивши имъ мѣсто для поселенія. Нѣмецкіе рыцари дѣйствительно прекращаютъ Прусскіе набѣги, мало того, покоряютъ Пруссію, часть жителей истребляютъ, часть заставляютъ бѣжать въ лѣса, обитаемые единоплеменною Литвою, остальныхъ насильно крестятъ и нѣмчатъ. Но, утвердившись въ Пруссіи, Нѣмецкій орденъ, въ свою очередь, становится опаснымъ врагомъ Польши. Опасность отъ Нѣмцевъ для Польши не ограничилась однимъ Нѣмецкимъ орденомъ. Польскіе князья въ своихъ усобицахъ и спорахъ съ вельможами и прелатами, имѣя надобность въ деньгахъ, занимаютъ ихъ у Нѣмцевъ, отдаютъ имъ въ закладъ земли, которыя потомъ остаются у займодавцевъ, потому что должники не въ состояніи ихъ выкупить: такъ много Польскихъ земель перешло въ маркграфамъ Бранденбургскимъ. Аббаты Польскихъ монастырей, родомъ Нѣмцы, населяютъ монастырскія земли своими Нѣмцами; при неразвитости между Поляками промышленности и торговли, Нѣмецкіе промышленники и купцы наполняютъ Польскіе города и вводятъ туда свое нѣмецкое управленіе (Магдебургское пра-

во); Польскіе князья окружаютъ себя Нѣмцами, не иначе говорятъ какъ по Нѣмецки, вельможи подражаютъ имъ, чтобы отличиться отъ толпы; употребленіе Нѣмецкаго языка повсемѣстно въ Силезіи и въ большихъ городахъ, Краковѣ, Познани.

Послѣ долгихъ внутреннихъ смутъ и борьбы со внѣшними врагами одному изъ князей Польскихъ, Владиславу Локетку (Короткому) удалось соединить большую часть Польскихъ областей въ одно королевство. Чтобы уравновѣсить власть Сената, Локетекъ въ 1331 году созвалъ первый сеймъ въ Хенцинахъ, но онъ могъ вельможеству противопоставить только массу вооруженнаго сословія, шляхту, которая дала сейму характеръ вѣча, казацкаго круга, начала стремиться къ военной казацкой демократіи, не дала королю никакой поддержки. Городское сословіе, вобравшее въ себя много иноземныхъ элементовъ, оказалось слабымъ, неспособнымъ уравнивать власть вельможества и шляхты, и давать опору власти королевской; поселяне рабствовали своимъ землевладѣльцамъ, и такимъ образомъ дальнѣйшая судьба Польши находилась въ рукахъ шляхты.

Владиславъ Локетекъ оставилъ престолъ сыну своему Казимиру, прозванному Великимъ; но изданіе уложенія или статута (Вислицкаго) и основаніе Краковскаго университета не могутъ оправдать этого названія. Казимиръ старался облегчить участь сельскаго народонаселенія, за что заслужилъ отъ шляхты прозваніе *мужицкаго короля*, но онъ не могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи ничего важнаго, и вообще въ дѣятельности Казимира нельзя найти столько свѣтлыхъ сторонъ, чтобы онѣ могли перевѣсить невыгодное впечатлѣніе, какое онъ производитъ своею безнравственностью и неразборчивостью въ средствахъ при удовлетвореніи своимъ страстямъ. При Казимирѣ Польша уступаетъ предъ своими сосѣдями на сѣверѣ и западѣ, отказывается отъ Данцигской Помераніи въ пользу Нѣмцевъ, отъ Силезіи въ пользу Чеховъ; но за то Казимиръ пользуется смутою въ Галицкомъ королевствѣ и овладѣваетъ этою Русскою землею (1340 г.). Бездѣтный Казимиръ передаетъ престолъ племяннику своему отъ сестры, Людовику, королю Венгерскому; могущественная шляхта соглашается на эту передачу, потому что Людовикъ обѣщаетъ не налагать податей безъ согласія народа. Такъ какъ Людовикъ во все свое царствованіе мало обращалъ вниманія на Польшу, то это, разумѣется, повело еще къ большому усиленію шляхты. Послѣдняя дѣлала что хотѣла и по смерти Людовика, который отдалъ Польскій престолъ одной изъ дочерей своихъ, Ядвига; Ядвига долго не пріѣзжала въ свое королевство, и безъ нея происходила смута, сильная борьба могуществен-

ныхъ родовъ Наленча и Гржималы. Наконецъ молодая королева пріѣхала; надобно было ее выдать замужъ, и Поляки хотѣли устроить этотъ бракъ какъ можно выгодноѣ для себя. Ихъ вниманіе давно уже было обращено на востокъ, на сильную страну, союзъ съ которою одинъ могъ дать имъ средство успѣшно бороться съ Нѣмцами. Они предложили руку своей королевы и свое королевство великому князю Литовскому Ягайлу, но не съ тѣмъ, чтобы отдать Польшу въ приданое за Ядвигу, но чтобы взять Литву въ приданое за Ягайломъ. Обольщенный честию быть Польскимъ королемъ, полуварваръ и человѣкъ очень недалекій, Ягайло согласился на всѣ требованія Польскихъ вельможъ и духовенства, самъ принялъ католицизмъ, обѣщалъ обратить въ христіанство по римскому обряду языческую Литву, обѣщалъ распространять католицизмъ и среди своихъ христіанскихъ подданныхъ восточнаго исповѣданія, Русскихъ и Литовцевъ, обѣщалъ присоединить всѣ свои владѣнія къ Польшѣ. Роковой бракъ былъ заключенъ; но немедленно же оказались явленія, какія обыкновенно происходятъ при насильственномъ соединеніи двухъ различныхъ народностей, или когда одна народность отдается въ приданое. Языческая часть Литвы, волею-неволею, была покрещена и присоединена къ западной церкви; но христіане восточнаго исповѣданія, Русскіе и Литовцы, не хотѣли принимать латинства, великое княжество Литовское не хотѣло подчиняться коронѣ Польской. Вслѣдствіе этого при видимомъ соединеніи шла сильная борьба. Подробности этой борьбы не принадлежатъ сюда; касательно собственно Польской исторіи въ царствованіе Ягайла замѣчательна война съ Нѣмецкимъ орденомъ. Возведеніе на Польскій престолъ великаго князя Литовскаго и обращеніе Литвы въ католицизмъ наносило страшный ударъ ордену: цѣлью существованія ордена была борьба съ невѣрными, съ Литвою, для этой цѣли подъ знамена ордена стекались воины изъ всей западной Европы, и содѣйствовали его торжеству и силѣ; но теперь, когда Литва была обращена въ христіанство, исчезла цѣль существованія ордена; тщетно орденъ прибѣгалъ ко лжи, старался увѣрить, что обращеніе Литвы мнимое, никто ему не вѣрилъ, никто не приходилъ къ нему на помощь. Бесиліе ордена передъ Польшою и Литвою оказалось въ первой же открывшейся войнѣ: въ 1410 г. Нѣмцы потерпѣли страшное пораженіе отъ Польскихъ и Литовско-Русскихъ войскъ при Грюнвальдѣ, послѣ чего орденъ уже не могъ притти въ прежнее могущество.— Литовская фамилія Ягеллоновъ не ограничивается однимъ Польскимъ престоломъ: сынъ Ягайла, Владиславъ III, былъ избранъ и въ короли Венгерскіе: онъ былъ убитъ въ

сраженіи съ Турками при Варнѣ, и королемъ Польскимъ сталъ братъ его Казимиръ, великій князь Литовскій. При немъ жители западной Пруссіи возстали противъ рыцарей и поддались Польскому королю; слѣдствіемъ была двѣнадцатилѣтняя война, кончившаяся Торнскимъ трактатомъ, по которому западная Пруссія отошла къ Польшѣ. Сынъ Казимира, Владиславъ, получилъ при жизни отца престолы Чешскій и Венгерскій. Но, несмотря на блескъ Ягеллонской фамиліи, королевская власть въ Польшѣ все болѣе и болѣе никла передъ властью вельможъ и шляхты. Казимиръ былъ подозрителенъ для Поляковъ своею привязанностью къ Литвѣ, и потому они постановили, чтобы ни одного Литвина не было въ королевствѣ, чтобы при королѣ находились постоянно четыре совѣтника, и повелѣнія королевскія тогда только исполнялись, когда были подписаны этими совѣтниками. Сынъ и преемникъ Казимира въ Польшѣ, Янъ Альбрехтъ, по внушеніямъ своего учителя, итальянца Каллимаха (Буонакорси), задумалъ было усилить королевскую власть; но онъ пошелъ противъ всей Польской исторіи и, вмѣсто достиженія своей цѣли, только раздражилъ шляхту, которая еще съ большею силою устремилась къ утвержденію своей власти на счетъ короля и другихъ сословій: она отняла у крестьянъ право пользованія общимъ судомъ, подчинила ихъ суду землевладѣльца, отняла у нихъ и у городскихъ жителей (мѣщанъ) право владѣть землею, право достигать архіерейства, развѣ только человекъ не шляхетскаго происхожденія получить докторскую степень.

Царствованіе слабаго Александра, брата Яна Альбрехта, ничѣмъ не замѣчательно въ исторіи Польши. Въ царствованіе третьяго брата, Сигизмунда I или Стараго, Нѣмецкій орденъ окончилъ свое существованіе; великій магистръ его Альбрехтъ Бранденбургскій принялъ протестантизмъ и сталъ свѣтскимъ наслѣдственнымъ владѣльцемъ восточной Пруссіи съ вассальными отношеніями къ Польшѣ. При Сигизмундѣ I съ Польшею соединилась также Мазовія, въ которой вымерли князья изъ рода Пястовъ. Мы видѣли, что при Янѣ Альбрехтѣ Итальянецъ Буонакорси внушалъ королю о необходимости усилить королевскую власть; при Сигизмундѣ I королева Бона, родомъ также Итальянка, Екатерина Медичи Польши, старается поссорить вельможъ съ шляхтою. Богатѣйшіе землевладѣльцы хотятъ подняться надъ массою шляхты посредствомъ титуловъ и майората, но шляхта противится этому, хочетъ равенства. По случаю Молдавской войны, собравшаяся у Львова шляхта поднимаетъ мятежъ, извѣстный подъ именемъ *Пѣтушиной войны*, кончившейся тѣмъ, что дождь разогналъ крикуновъ, пѣтуховъ. Шляхта, впрочемъ, составила протестъ, *рокошъ*,

и сдержала аристократическіе замыслы богатыхъ пановъ, но и тутъ за все должно было поплатиться городское и сельское народонаселеніе; шляхта объявила, что имѣть надъ крестьянами своими право жизни и смерти; старосты притѣсняли города; депутаты городскіе были прогнаны съ сейма. Сыномъ и преемникомъ Сигизмунда I, Сигизмундомъ Августомъ, прекратилась династія Ягеллоновъ, и Поляки спѣшили завершить свою конституцію, провозгласивъ избирательный образъ правленія. Довершенная такимъ образомъ Польская конституція состояла въ слѣдующемъ: избранный король не только не могъ назначить себѣ преемника, но и предложить; не могъ безъ позволенія сената ни жениться, ни развестись; безъ согласія сейма не могъ объявлять войны, отправлять пословъ, налагать подати. Король обязанъ былъ созывать *сеймъ* каждые два года. Для выбора депутатовъ или *пословъ сеймовыхъ* собирались въ провинціяхъ *сеймики*; собранная на этихъ сеймикахъ шляхта выбирала депутатовъ и давала имъ инструкціи, о чемъ они должны представлять на сеймѣ. Сеймъ продолжался шесть недѣль. Дѣла рѣшались единогласіемъ, а не большинствомъ голосовъ: каждый депутатъ, объявивши свое несогласіе (*не позволямъ, liberum veto*), могъ останавливать рѣшеніе сейма. Эта форма рѣшенія дѣлъ есть общая всѣмъ первоначальнымъ народнымъ собраніямъ, вѣчамъ, козацкимъ кругамъ. По смерти короля, архіепископъ Гнѣзенскій, примасъ королевства, провозглашалъ междуцарствіе (*interregnum*) и созывалъ сеймъ *Конвокаціонный*, который долженъ былъ назначить время для сейма избирательнаго (Елекціоннаго). Новый король долженъ былъ присягать въ сохраненіи всего установленнаго (присягалъ въ соблюденіи *pacta conventa*).

Послѣ неудачнаго выбора Французскаго принца Генриха Валуа, сдѣланъ былъ выборъ удачный: Седмиградскій князь Стефанъ Баторій былъ способенъ дать Польшѣ первенство на сѣверовостокѣ Европы: но вельможи, боявшіеся больше всего усиленія власти королевской посредствомъ войны, войска, воспрепятствовали намѣреніямъ Баторія. Послѣ него былъ избранъ Шведскій принцъ, Сигизмундъ III (Ваза), вслѣдствіе притязаній котораго на Шведскій престолъ положено было начало несчастной для Польши борьбы съ Швеціею. Сигизмундъ нарушилъ одну изъ статей конституціи, безъ позволенія сената женился въ другой разъ на Австрійской принцессѣ, сестрѣ прежней своей жены; слѣдствіемъ было сильное волненіе и рокошъ, но король вышелъ счастливо изъ смуты. По смерти Сигизмунда III избранъ былъ сынъ его Владиславъ IV, который хотѣлъ употребить безпокойныя козацкія силы въ войнѣ съ Турками, но сенаторы не

позволяли ему начать войны, и Украина загорѣлась отъ возстанія Хмельницкаго. Владиславъ умеръ въ это страшное время, и преемникомъ ему былъ избранъ братъ его, Янъ Казимиръ. При этомъ король обнаружилось ясно печальное состояніе Польши, въ какое повергло ее развитіе ея конституціи. Шведскій король, какъ мы видѣли, почти безпрепятственно овладѣлъ строною. Украина отдѣлилась. Хотя Яну Казимиру и удалось снова овладѣть престоломъ, но внутренніе безпорядки были страшныя. Въ 1652 году, въ первый разъ былъ *сорванъ* сеймъ, т.-е. рѣшеніе не состоялось, потому что одинъ изъ депутатовъ закричалъ: «не позволяю». Послѣ это явленіе повторилось безпрестанно. Янъ Казимиръ былъ послѣдній изъ знаменитаго дома Вазы; жена его Француженка (урожденная Неверъ), женщина очень энергическая, хлопотала, чтобы преемникомъ ея мужа былъ Французскій принцъ Конде; гетманъ Любомирскій противодействовалъ королевѣ, указывая на нарушеніе конституціи, запрещавшей при жизни короля назначеніе ему преемника; тогда постарались взвести на Любомирскаго обвиненіе, что онъ хочетъ уничтожить достоинство королевское; Любомирскій былъ осужденъ заочно и гетманомъ былъ назначенъ Янъ Собѣскій. Но Любомирскій, поддерживаемый великопольскою (познанскою) шляхтою, поднялъ возстаніе и король принужденъ былъ мириться съ нимъ. Янъ Казимиръ отказался отъ престола. Въ преемники ему былъ выбранъ шляхтою, на зло вельможамъ, бѣдный и неспособный князь Михаилъ Вишневецкій, котораго отецъ, князь Іеремія, потерялъ свои огромныя владѣнія въ Украинѣ вслѣдствіе ея отдѣленія отъ Польши. Кратковременное царствованіе Михаила прошло во внутреннихъ смутахъ и въ несчастной войнѣ съ Турками. Преемникомъ Михаила былъ избранъ гетманъ Янъ Собѣскій.

XII.

Австрія и Турція до конца XVII вѣка.

Васварское перемиріе.—Венгерское возстаніе.—Осада Вѣны Туркамп.—Карловицкій миръ.

Въ Австріи императоры Фердинандъ III и сынъ его Леопольдъ I оставались вѣрны направленію Фердинанда II; утвержденіе католицизма посредствомъ іезуитовъ было главною ихъ цѣлью, и дѣйствительно католицизмъ могъ служить крѣпкою связью для разнородныхъ частей монархіи Габсбурговъ. Фердинандъ III основалъ 36 іезуитскихъ коллегій; при Леопольдѣ I іезуиты получили еще большее значеніе. Извѣстѣ послѣ тридцатилѣтней войны все вниманіе Австрійскаго правительства было обращено на отношенія Турецкія. Мы видѣли, что Турки владѣли большею частью Венгріи, и князь Трансильванскій былъ ихъ вассаломъ. Въ 1658 году Трансильванскій князь Рагоци возсталъ противъ Турокъ; это имѣло слѣдствіемъ сильныя волненія и войны Трансильваніи и Венгріи; явилось нѣсколько искателей Трансильванскаго престола; одни держались Турціи, другіе просили помощи у Австріи: война между этими двумя державами была неизбѣжна. Въ Турціи царствовалъ въ это время слабый Магометъ IV, но неограниченную власть при немъ имѣли два великіе визири—Магометъ Кеприли и его сынъ Ахметъ Кеприли, умѣвшіе своими талантами поднять въ послѣдній разъ значеніе Турціи. Въ 1664 г. огромное турецкое войско перешло черезъ Дунай; 1 августа оно было встрѣчено императорскимъ войскомъ, находившимся подъ начальствомъ Монтекукули, при монастырѣ С. Готардѣ (или при Моггендорфѣ), и потерпѣло сильное пораженіе. Несмотря на это, императоръ Леопольдъ заключилъ съ Турками двадцатилѣтнее перемиріе въ Васварѣ на невыгодныхъ для себя условіяхъ: Трансильванія осталась вассальною землею Турціи; Турецкая граница начиналась не въ дальнемъ разстояніи отъ Вѣны. Дѣло объясняется тѣмъ, что императорское войско нуждалось въ порохѣ и провіантѣ, а въ казнѣ не было

денегъ; кромѣ того Венгерскіе протестанты предпочитали турецкое иго іезуитскимъ преслѣдованіямъ; наконецъ храбрый банъ Кроатскій, Николай Црини находился въ смертельной враждѣ съ Монтекукули.

Тотчасъ по заключеніи Васварскаго перемирія начались волненія въ Венгріи. Венгерцы требовали очищенія своей страны отъ нѣмецкихъ войскъ и перенесенія Венгерской короны изъ Вѣны въ Венгрію. Ихъ требованія остались безъ отвѣта, и нѣмецкіе гарнизоны явились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ прежде не было. Тогда члены Венгерской аристократіи — Петръ Црини, братъ умершаго Николая, зять Петра Црини Францъ Рагоци, Теттенбахъ, Франджипани, Нададзи и Стефанъ Текели—составили заговоръ противъ Австріи и вошли въ сношенія съ Турціею. Болѣе четырехъ лѣтъ заговорщики умѣли скрывать свои замыслы, наконецъ Вѣнскій дворъ узналъ о нихъ; Теттенбахъ первый былъ схваченъ, и въ его домѣ найдено 6000 ружей. Тогда Австрійское правительство начало обращаться съ Венгріею какъ съ завоеванною страной; члены высшаго сословія подверглись жестокимъ наказаніямъ, конфискаціи имущества, низшія сословія подверглись тяжелымъ податямъ и квартированію нѣмецкихъ войскъ; было введено военное управленіе, и протестанты подверглись сильному гоненію. Трансильванія наполнилась венгерскими эмигрантами, между которыми виднѣе другихъ были Францъ Рагоци и Эмерихъ Текели. Въ 1672 году они собрали нѣсколько войска и вздумали было начать войну съ Австріею, но были разбиты, и ихъ неудачное предпріятіе еще болѣе отягчило участь Венгріи: 69 протестантскихъ пасторовъ были сосланы на галеры въ Триестъ и Неаполь. Преслѣдуемые бѣжали въ Трансильванію, собрались въ Гросварадейской области и дѣлали опустошительные набѣги на Австрійскія владѣнія. Поддерживаемые Франціею, они въ 1678 г. овладѣли почти всѣми горными городами; единственнымъ предводителемъ инсургентовъ былъ теперь Эмерихъ Текели, потому что Францъ Рагоци умеръ. Въ Австрійскихъ владѣніяхъ произошло то же самое, что незадолго предъ тѣмъ произошло въ Польской Украинѣ: какъ здѣсь казацкій гетманъ Дорошенко, отложившись отъ Польши, поддался Турціи и слѣдствіемъ было впаденіе Турокъ въ Польскія владѣнія, взятіе Каменца: такъ теперь Текели поддается также султану, и огромное Турецкое войско идетъ осаждать Вѣну (1683 г.). Интересы Польши и Австріи были одинаковы: обоимъ имъ грозила страшная опасность отъ Турокъ, и потому императоръ Леопольдъ заключилъ съ королемъ Яномъ Собѣскимъ оборонительный и наступательный союзъ.

Текели съ своими Венграми шелъ впередъ и указывалъ великому

визирю Кара-Мустафѣ дорогу къ Вѣнѣ. Въ іюлѣ столица цезарей была со всѣхъ сторонъ заперта турками и татарами; императоръ могъ съ трудомъ выѣхать изъ нея въ Пассау, гдѣ могъ показываться въ народѣ не иначе какъ переодѣтый, потому что протестантизмъ, хотя и придавленный іезуитами, еще тлѣлъ какъ огонь подъ пепломъ; когда Леопольда узнавали, то народъ преслѣдовалъ его насмѣшками: кричали, что суетвѣіе императора и его потворство іезуитамъ принудили Венгерцевъ и протестантовъ къ возстанію; іезуиты, бывшіе въ свитѣ Леопольда, подвергались явному нападенію. Счастіемъ для Вѣны служило то, что Турки шли къ ней чрезвычайно медленно, и это дало возможность укрѣпить городъ. Жители защищались упорно и дали время Германскимъ войскамъ соединиться съ Польскими; послѣдними начальствовалъ самъ король ихъ Янъ Собѣскій, которому, какъ королю, уступлено было начальство и надъ всѣми соединенными войсками, выведенными на поле битвы 12 сентября 1683 г. Поляки занимали правое крыло; на лѣвомъ находилось болѣе тридцати нѣмецкихъ принцевъ, въ томъ числѣ и будущій знаменитый полководецъ, девятнадцатилѣтній Евгенийъ Савойскій; лѣвымъ крыломъ командовалъ герцогъ Карлъ Лотарингскій; центръ занимали курфирсты Баварскій и Саксонскій съ своими войсками. Послѣ упорнаго сраженія христіанское ополченіе побѣдило; Турки обратились въ бѣгство, оставивши побѣдителямъ весь обозъ и покрывши поле сраженія десятию тысячами своихъ труповъ; побѣдители преслѣдовали бѣглецовъ и нанесли имъ новое пораженіе у Дуная при Парканахъ. Въ слѣдующіе года императорскія войска продолжали счастливо войну съ турками, тѣмъ болѣе, что Венеція и Россія объявили войну послѣднимъ: Венеціане утвердились въ южныхъ частяхъ Балканскаго полуострова; Русскіе своими походами къ Крыму лишили Турокъ помощи Татаръ, и впослѣдствіи молодой царь Петръ Алексѣевичъ завоевать Азовъ. Между тѣмъ осенью 1686 г. императорскія и Бранденбургскія войска овладѣли Офеномъ, который долго былъ оплотомъ магометанскаго владычества въ Венгріи; въ слѣдующемъ году императорскія войска одержали надъ Турками блистательную побѣду при Могачѣ. Вслѣдствіе этихъ успѣховъ императоръ Леопольдъ заставилъ Венгерцевъ отказаться отъ двухъ пунктовъ своей прежней конституціи, по которымъ Венгрія была избирательнымъ королевствомъ и Венгерцы имѣли право братья за оружіе при первомъ нарушеніи своихъ привилегій. Въ 1688 году Австрійцы овладѣли крѣпостью Мункачемъ, и Трансильванскій князь Анаффи отложился отъ Турціи и призналъ себя вассаломъ императора; въ томъ же году принцъ Людвигъ Ба-

денскій и Евгенийъ Савойскій овладѣли Бѣлградомъ; въ 1689 г. Людви́гъ Баденскій одержалъ двѣ блистательныя побѣды надъ Турками при Паташѣ и Ниссѣ.

Между тѣмъ въ Турціи произошелъ переворотъ: Магометъ IV былъ свергнутъ въ 1687 г., и на его мѣсто возведенъ на престолъ братъ его Солиманъ III. Новый султанъ, подобно предшественнику, не былъ способенъ самъ поддерживать Турцію; но онъ нашелъ способнаго къ тому великаго визири Мустафу Кеприли, брата знаменитаго Ахмеда. Мустафа возстановилъ дисциплину въ войскахъ, поправилъ финансы, помогъ Текели завоевать Трансильванію, большую часть Венгріи, и въ 1690 году отнялъ у Австріи Бѣлградъ; но въ слѣдующемъ году Людви́гъ Баденскій нанесъ Туркамъ пораженіе при Саланкеменѣ, гдѣ самъ Мустафа Кеприли былъ убитъ. Новый султанъ Мустафа II самъ принялъ начальство надъ войскомъ и энергически велъ войну до тѣхъ поръ, пока начальство надъ императорскими войсками не принялъ принцъ Евгенийъ Савойскій: въ 1697 году Евгенийъ нанесъ Туркамъ страшное пораженіе при Зентѣ, вслѣдствіе котораго Турки принуждены были заключить съ Австріею миръ въ Карловицѣ (1690 г.): Трансильванія и вся страна между Дунаемъ и Тейсою отошла къ Австріи; Морея и нѣсколько острововъ уступлены были Венеціи; Россія удержала свои завоеванія въ устьяхъ Дона. Послѣ этого удара, нанесеннаго Турціи союзомъ четырехъ сосѣднихъ государствъ, Порты никогда уже не поднималась до прежняго своего значенія и начала быстро клониться къ упадку.

XIII.

Англія при Стюартахъ.

Стюарты. — Іаковъ I. — Карлъ I. — Его борьба съ парламентомъ. — Война съ Шотландіей. — Долгій парламентъ. — Революція. — Война Карла съ парламентомъ. — Оливеръ Кромвель и Независимые. — Войско и парламентъ. — Казнь короля. — Покореніе Ирландіи и Шотландіи. — Актъ мореплаванія и война съ Голландіей. — Разогнаніе парламента. — Протекторатъ. — Ричардъ Кромвель. — Возстановленіе долгаго парламента. — Монкъ. — Карлъ II. — Test-act. — Habeas corpus-act. — Тори и виги. — Мильтопъ. — Гоббесъ. — Герцогъ Іоркскій. — Іаковъ II. — Возмущеніе герцога Монмута. — Мѣры Іакова для возстановленія католицизма. — Вильгельмъ Оранскій.

Въ то время, когда церковная реформа и борьба, за нею послѣдовавшая, возновляли Англію и возбудили народныя силы; когда со временъ Генриха VIII парламентъ получилъ новое значеніе, будучи призванъ къ рѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ; когда сильное развитіе, промышленное и торговое, увеличивъ богатство страны, увеличило съ тѣмъ вмѣстѣ и значеніе городского населенія; когда среди этого населенія усилился протестантизмъ съ демократическими стремленіями, враждебный Высокой или епископальной церкви, удержавшей аристократическія формы; когда король, какъ глава церкви, былъ тѣсно связанъ съ Высокою церковію, и демократическое протестантское движеніе необходимо направлялось противъ него; когда такимъ образомъ республиканское церковное стремленіе соединялось съ республиканскимъ гражданскимъ стремленіемъ, — въ это опасное время, требовавшее большой осторожности и ловкости отъ правителя, на престолѣ Англійскомъ является чуждая Шотландская династія, незнакомая съ духомъ народа, съ вѣковыми преданіями страны. Стюарты, несмотря на то, что съ перваго взгляда одинъ не былъ похожъ на другого, въ общемъ сохраняли Шотландскій характеръ, при чемъ нельзя отвергнуть и вліянія французской крови; они остались и на Англійскомъ престолѣ вѣрны фамильнымъ преданіямъ: въ Шотландіи ихъ предки вели борьбу на жизнь и на смерть съ вельможами, опи-

раясь на духовенство; въ Шотландіи Стюарты враги реформаціоннаго движенія: и въ Англіи они сейчасъ же вступаютъ въ борьбу съ парламентомъ за права своей власти; и въ Англіи они враги реформаціоннаго движенія, а подъ конецъ возвращаются открыто къ религіи предковъ, къ католицизму, преданностью которому окончательно губятъ свое дѣло.

Новый король Іаковъ I отличался самымъ непривлекательнымъ характеромъ: онъ былъ хорошо образованъ, даже ученъ; но при мелочности характера ученость превращалась въ педантизмъ; ни наружностью, ни умственными и нравственными качествами онъ не могъ вселить къ себѣ уваженія и довѣренности. Іаковъ I возбудилъ неудовольствіе своихъ новыхъ подданныхъ уже тѣмъ, что былъ окруженъ Шотландцами. Скоро начались у него столкновенія съ парламентомъ: отличаясь обширною богословскою начитанностью, Іаковъ составилъ себѣ теорію неограниченной власти государя, чему противорѣчили парламентскіе обычаи Англіи. Не умѣя быть бережливымъ, Іаковъ для удовлетворенія своимъ финансовымъ нуждамъ, прибѣгалъ къ произвольнымъ поборамъ, противъ которыхъ парламентъ протестовалъ. Іаковъ не умѣлъ и не хотѣлъ улаживаться съ парламентомъ, распускалъ его при сопротивленіи, захватывалъ его членовъ, и такимъ образомъ ожесточалъ народъ, уваженія котораго не могъ пріобрѣсти, по неимѣнію личныхъ средствъ; привязанность короля къ недостойному любимцу Виллеру, герцогу Бекингемскому, также возбуждала сильное неудовольствіе. Каждый новый парламентъ высказывалъ сильнѣйшій духъ сопротивленія, чѣмъ предшествовавшій. Англичанамъ не нравилась и вѣтшная политика короля, сближеніе Іакова съ католическою Испанією и нерадѣніе въ поддержкѣ зятя своего, несчастнаго Фридриха V, курфюрста Пфальцкаго и ефемернаго короля Богемскаго. Въ послѣдніе годы царствованія Іакова въ обѣихъ палатахъ парламента уже явились люди, которые мечтали о республикѣ. Въ 1621 году Іаковъ велѣлъ объявить парламенту, что всѣ права и вольности, о которыхъ онъ такъ много толкуетъ, суть милости, дарованныя Англіи прежними королями; при этомъ случаѣ Іаковъ насмѣялся надъ двѣнадцатію депутатами, явившимися къ нему во дворецъ, посадилъ ихъ на одинакихъ креслахъ съ собою и называлъ двѣнадцатію королями. Парламентъ въ отвѣтъ на королевское объявленіе внесъ въ протоколъ, что всѣ права и вольности парламента составляютъ прирожденное право и наслѣдственную собственность каждаго Англичанина; что парламентъ имѣетъ право принимать участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, и что никто,

кромѣ его самого, не властенъ надъ его членами. Это до такой степени раздражило короля, что онъ вырвалъ заявленіе парламента изъ протокола. Въ 1622 году два лорда и четыре члена палаты общинъ были заключены въ тюрьму за свои рѣчи въ парламентѣ. Іаковъ умеръ въ 1625 году, оставивъ сыну своему, Карлу I, печальное наследство.

Новый король не былъ похожъ на своего отца: онъ отличался величавою, царственною наружностью, твердостью, но эти качества не могли ослабить ожесточенія, возбужденнаго борьбою Іакова I-го съ парламентомъ: знали, что Карлъ I наследовалъ вполнѣ отъ отца взгляды на отношенія свои къ подданнымъ, знали, что ему нельзя довѣриться; видѣли, что ненавистный любимецъ Іакова, герцогъ Бекингеъ остается во всей силѣ и при Карлѣ. Съ другой стороны, борьба Іакова съ парламентомъ вызвала силы, которыя въ ней получили упражненіе и не могли успокоиться; явились люди, которые посѣдѣли въ парламентской борьбѣ съ королемъ, страдали, получили важное значеніе; имъ было тяжело потерять это значеніе съ прекращеніемъ борьбы; за отсутствіемъ войны оборонительной они готовы были начать и наступательное движеніе противъ короля, не обращая вниманія на то, что этимъ наступательнымъ движеніемъ начинаютъ революцію, вступаютъ на тотъ покатый путь, на которомъ такъ трудно остановиться; религиозное движеніе получило новую силу отъ движенія политическаго, примкнуло къ нему, дало ему особую окраску, и, въ свою очередь, усилило его, повело все дальше и дальше, давая освященіе, сообщая борцамъ политическимъ значеніе борцовъ за дѣло Божіе. Неудачи ненавистнаго Бекингема въ войнѣ съ Испаніею давали возможность къ наступательному движенію противъ короля, увлекаая и тѣхъ, которые вовсе не хотѣли итти по революціонному пути. Палата общинъ объявила, что Бекингеъ есть главный виновникъ всѣхъ золъ Англіи и что его наказаніе освободитъ страну отъ бѣдствій. Нижняя палата рѣшила начать противъ него въ Верхней палатѣ процессъ въ государственной измѣнѣ. Король запретилъ начинать дѣло; несмотря на то, въ маѣ 1626 года состоялась конференція между обѣими палатами, гдѣ двое депутатовъ Диггсъ и Элліотъ отличались особенною рѣзкостью своихъ выраженій противъ Бекингема, не пощадили и короля. Бекингеъ воспользовался этимъ и обвинилъ, въ свою очередь, Диггса и Элліота въ государственной измѣнѣ, и, несмотря на заявленіе Верхняго парламента, что они не сказали ничего оскорбительнаго для короля, король велѣлъ схватить Диггса и Элліота. Тогда Нижній парламентъ

объявилъ, что онъ не примется ни за какое дѣло, если члены его не будутъ освобождены; король уступилъ, велѣлъ освободить Диггса и Элліота, но раздражилъ Верхнюю палату, велѣвши заключить двоихъ ея членовъ, графовъ Бристоля и Арундела, за вражду ихъ къ Бекингеми, и въ то же время послѣдній получилъ новыя отличія, что повело еще къ сильнѣйшему раздраженію.

Король распустилъ парламентъ и обнаружилъ явное намѣреніе управлять безъ него. Безъ парламентскаго согласія онъ велѣлъ собирать пошлины съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ; потребовалъ отъ управителей и арендаторовъ королевскихъ имѣній большихъ доходовъ, высшей платы, обложилъ земледѣльцевъ и купцовъ новыми податями: одинъ Лондонъ долженъ былъ заплатить 120,000 фунтовъ. 78 богатыхъ людей отказались платить незаконныя въ ихъ глазахъ подати и были посажены въ заключеніе; а между тѣмъ религіозная борьба уже примѣшалась къ политической. Одинъ священникъ объявилъ въ проповѣди, что безусловное повиновеніе каждому королевскому указу есть первая обязанность христіанина. Лондонскій епископъ Лаудъ, другъ короля, ненавидимый въ народѣ, какъ скрытный католикъ, одобрилъ проповѣдь, но примасъ, Кентербюрійскій архіепископъ Абботъ, высказался противъ, за что былъ удаленъ отъ двора и отъ управленія дѣлами своей епархіи. Когда всѣ эти мѣры возбудили сильнѣйшее раздраженіе, король въ 1628 году созываетъ снова парламентъ: денегъ, собранныхъ королемъ означенными выше средствами, было достаточно въ мирное время; но когда явилась необходимость помочь Французскимъ протестантамъ, то денегъ не достало, и должно было обратиться къ парламенту. Чтобы пріобрѣсти его расположеніе, Карлъ освободилъ 78 человѣкъ, посаженныхъ въ тюрьму за отказъ платить подати, возвратилъ архіепископу Абботу его прежнее значеніе и позволилъ графу Бристолю засѣдать въ Верхней камерѣ. Но эти примирительныя средства не помогли, раздраженіе было уже слишкомъ велико, и оно усилилось, когда король въ рѣчи своей при открытіи парламента употребилъ угрозу, что если парламентъ не дастъ ему требуемаго вспоможенія, то онъ прибѣгнетъ къ другимъ средствамъ. Ораторы Нижняго парламента начали доказывать, что въ Англіи никогда не было ничего подобнаго тому, что позволилъ себѣ король. Составлено было изложеніе всѣхъ правъ Англійскаго народа (*petition of rights*) и представлено королю для утвержденія: король отвергнулъ его въ этой формѣ и подписалъ въ формѣ прошенія объ уничтоженіи всѣхъ мѣръ, составляющихъ предметъ распри между королемъ и парламентомъ.

Кончилось съ одной стороны, началось съ другой. Приученный со временъ Гендриха VIII къ участию въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ, парламентъ хотѣлъ удержатъ это новопріобрѣтенное право, а король не хотѣлъ ему уступить; парламентъ 1629 года вооружился противъ терпимости правительства относительно Арминіанъ, переселившихся изъ Голландіи, и въ то же время вооружился противъ покровительства, оказываемаго правительствомъ католикамъ. Король запретилъ оратору (предсѣдателю палаты общинъ) допускать пренія по поводу религіозныхъ вопросовъ; но члены парламента не обращали вниманія на это запрещеніе, и когда ораторъ всталъ, чтобы закрыть засѣданіе, его удержали насильно и постановили слѣдующее: 1) Папство и Арминіанство не должны быть терпимы. 2) Взиманіе пошлинъ съ привоза и вывоза незаконно, если не утверждено прямо парламентомъ. 3) Купецъ, платящій не утвержденныя парламентомъ пошлины, есть измѣнникъ правамъ и вольностямъ Англіи.—Король распустилъ парламентъ; депутаты, удержавшіе оратора, были посажены въ заключеніе. Миръ, заключенный съ Франціею, а потомъ съ Испаніею, освобождалъ Карла отъ необходимости созывать новый парламентъ; кромѣ того, нашли въ архивѣ, что въ старыя времена нѣкоторые приморскіе города выставляли войско и корабли, или платили вмѣсто того деньги: теперь эту подать распространяли на всю страну подъ названіемъ «Корабельныхъ денегъ». Королю удалось склонить на свою сторону Томаса Вентворта, самаго талантливаго и ученаго члена оппозиціи, человѣка одареннаго кромѣ того необыкновенною силою воли. Карлъ назначилъ его оберъ-штатгальтеромъ въ Ирландіи. Тотчасъ по прибытіи въ Дублинъ, Вентвортъ началъ поступать съ Ирландіею какъ съ покоренною страной, имѣя въ виду ввести сначала здѣсь абсолютную монархію и образовать войско, которое потомъ король будетъ употреблять въ Англіи.

Здѣсь нѣсколько лѣтъ прошло спокойно безъ парламента; но въ 1637 году Карлу пришла въ голову несчастная мысль ввести въ Шотландію вновь составленную Англиканскую литургію, очень близкую къ католической. Ненависть, какую питали Шотландцы ко всему, что напоминало имъ католицизмъ, вспыхнула. Когда въ Эдинбургѣ старшій пасторъ явился въ новомъ облаченіи предъ алтаремъ главной церкви для совершенія новой литургіи, произошло между присутствовавшими страшное смятеніе. Женщины вскочили и закричали: «папа! папа!» всѣ шумѣли и никто не хотѣлъ обращать вниманія на богослуженіе. Такъ какъ король не хотѣлъ отмѣнить литургію, то всѣ имѣвшіе вліяніе въ странѣ люди съѣхались въ Эдинбургъ и

составили церковно-политическое управленіе (ковенантъ). Собравшійся въ Глазговѣ сеймъ объявилъ епископаты и новую литургію изобрѣтеніями Беліала и постановилъ, что каждый Шотландецъ, подѣ страхомъ отлученія, долженъ подписать акты ковенанта; Глазговскій сеймъ этимъ не ограничился, но собралъ войско. Это заставило вооружиться и короля, хотя Вентвортъ, получившій нѣсколько время спустя титулъ графа Страффорда, совѣтовалъ повременить войною, пока Англичане попривыкнуть платить подать безъ парламскаго согласія, и у короля будетъ достаточно денегъ для содержанія войска, образованнаго въ Ирландіи. Въ началѣ 1640 года Карль принужденъ былъ созвать парламентъ, который не общалъ ничего добраго, потому что въ него выбраны были именно люди, издавна отличавшіеся борьбою за старыя права Англіи противъ короля. Одинъ изъ нихъ Пимъ въ первое же засѣданіе новаго парламента въ двухчасовой рѣчи исчислилъ всѣ злоупотребленія правительства. Король предложилъ, что отмѣнить «корабельныя деньги», если парламентъ дастъ ему нужную сумму денегъ; парламентъ не принялъ этого предложенія, былъ распущенъ, и король началъ всякими средствами собирать деньги съ богатыхъ людей.

Война съ Шотландцами началась несчастливо для короля: войско его было разбито. Король, видя, что главное сопротивленіе исходитъ изъ палаты общинъ, созвалъ одну палату лордовъ въ Іоркѣ. Король при этомъ смотрѣлъ на дѣло по-шотландски; но лорды смотрѣли на него по-англійски и потребовали созванія полнаго парламента. Король принужденъ былъ исполнить это требованіе и осенью 1640 года созвалъ знаменитый парламентъ, извѣстный подѣ именемъ *Долгаго*. Большая часть его членовъ состояла изъ такъ называемыхъ *Пуританъ*, отвергавшихъ епископаты, людей съ сильнымъ религіознымъ одушевленіемъ, готовыхъ свои церковныя демократическія стремленія перенести и на политическую почву, тѣмъ болѣе, что раздраженіе, произведенное долгою борьбою съ королемъ, возбуждало желаніе перемѣнить политическія формы. Особенно сильное раздраженіе было возбуждено противъ Страффорда, на котораго смотрѣли какъ на перебѣжчика и на чловѣка самаго опаснаго по своимъ талантамъ. Палата общинъ обвинила Страффорда въ государственной измѣнѣ. Страффордъ, зная ненависть къ себѣ въ обѣихъ палатахъ парламента, просилъ короля, чтобъ онъ оставилъ его при войскѣ; но король уговорилъ его пріѣхать въ Лондонъ, обнадеживъ, что никогда не выдастъ его врагамъ. Опасенія Страффорда оправдались: парламентъ считалъ его гибель необходимымъ для себя обезпеченіемъ и дѣйствовалъ на-

стойчиво, съ такимъ сознаніемъ своей силы, что нѣкоторые близкіе къ королю люди сочли за лучшее удалиться изъ Англіи. Король уступилъ, составилъ себѣ министерство изъ людей, стоявшихъ за парламентъ и ненавидѣвшихъ Страффорда, какъ человѣка, замыслявшаго нисповергнуть старую конституцію страны. Такъ какъ эти замыслы не были явны, то обвинить его въ нихъ было нельзя; выставили 28 обвиненій, изъ которыхъ ни одно, взятое порознь, не влекло за собою смертной казни; но объявили, что хотя преступленія Страффорда порознь и не заслуживаютъ смерти, но заслуживаютъ ее взятыя вмѣстѣ. Въ маѣ 1641 года Страффордъ былъ казненъ. Король не спасъ его, онъ дѣлалъ постоянныя уступки требованіямъ парламента; онъ согласился, чтобы парламентъ собирался каждые три года; если самъ король будетъ медлить его созваніемъ, то канцлеръ и 12 лордовъ имѣютъ право созвать его, и король можетъ распустить парламентъ не иначе, какъ по прошествіи 50 дней послѣ его созванія; наконецъ король согласился на то, что настоящій парламентъ не иначе можетъ быть отсроченъ или распущенъ, какъ только по собственному согласію. Такимъ образомъ началась революція: люди ожесточились долгою борьбою и окрѣпли въ ней; чтобы не подвергаться болѣе преслѣдованіямъ, рѣшились воспользоваться благоприятнымъ временемъ и начать наступательное движеніе; при этомъ наступательномъ движеніи, при этомъ стремленіи къ полученію все большихъ и большихъ обезпеченій они незамѣтно перешли границу стараго съ новымъ. До сихъ поръ, защищаясь, они обращались къ старинѣ, боролись за свои старыя права и вольности; но теперь, отнявши у короля право распускать парламентъ, они ввели небывалую новизну, и этимъ самымъ вступили на поклатую революціонную дорогу, на которой такъ трудно было остановиться. У короны отнималось право за правомъ; парламентъ, сдѣлавшійся постояннымъ, началъ вмѣшиваться въ дѣла управленія. Оскорбивши такимъ образомъ короля, давши ему право дѣйствовать враждебно противъ оскорбителей, парламентъ, разумѣется, теперь уже не могъ довѣрять королю, долженъ былъ подозрительно смотрѣть на каждое его движеніе и принимать мѣры для своего собственнаго охраненія; а эти мѣры должны были состоять все въ большемъ и большемъ стѣсненіи короля, въ отнятій у него средствъ вредить парламенту. Такимъ образомъ волею-неволею пошли къ уничтоженію королевской власти, и люди, вовсе не хотѣвшіе доходить до окончательнаго результата борьбы, должны были пустить на первое мѣсто людей, стремившихся къ уничтоженію королевской власти, потому что это стремленіе было естественнымъ результатомъ всего хода борьбы.

Карль I, видя, что вся бѣда произошла отъ Шотландской войны, хотѣлъ окончить ее, удовлетворивъ всѣмъ требованіямъ Шотландцевъ относительно религіи. Для этого онъ самъ отправился въ Шотландію въ началѣ августа 1641 года и пробылъ тамъ до конца ноября. Парламентъ поспѣшилъ принять мѣры защиты и, подѣ предложомъ отсутствія короля, избралъ изъ среды себя комитетъ для управленія государствомъ; графъ Эссексъ назначенъ былъ королевскимъ на-мѣстникомъ; наконецъ парламентъ учредилъ для себя особую гвардію. Въ Шотландіи Карль нашелъ то же самое, что и въ Англіи: и здѣсь парламентъ не хотѣлъ выпустить власти изъ своихъ рукъ и пріѣздъ короля только усилилъ раздраженіе. Въ это время вспыхнулъ мятежъ въ Ирландіи, нѣсколько тысячъ Англичанъ-протестантовъ было истреблено туземцами-католиками. Король, въ надеждѣ, что Ирландскій бунтъ дастъ ему возможность поправить свои дѣла, возвратился въ Лондонъ, но парламентъ встрѣтилъ его новыми требованіями, и, опасаясь дать королю средства собрать войско противъ Ирландіи, которое могло обратиться и противъ Англіи, собралъ отъ себя войско и назначилъ начальникомъ его графа Лейчестера безъ вѣдома королевскаго. Между тѣмъ борьба парламента съ королемъ расшевелила страсти и вызвала къ дѣятельности людей, ищущихъ случая, чтобы безнаказанно побушевать и принять видное участіе въ общественной дѣятельности, къ которой въ обыкновенное время они не могли быть призваны. Пуританскіе проповѣдники громили въ своихъ проповѣдяхъ католиковъ, короля, королеву, епископовъ, которымъ грозили въ парламентѣ, которые подвергались оскорбленіямъ на улицахъ. Парламентская зала и королевскій дворецъ были постоянно окружены шумною толпою, среди которыхъ раздавались крики противъ епископовъ и лордовъ, и на кого въ толпѣ указывали, какъ на чловѣка неблагонамѣреннаго, того жизнь не была болѣе въ безопасности: епископы, лорды и даже многіе члены палаты общинъ перестали бывать въ засѣданіяхъ парламента, потому что на дорогѣ къ нему подвергались опасности лишиться жизни. Архіепископъ Йоркскій, согласившись съ одиннадцатью другими епископами, подалъ объявленіе, что они протестуютъ противъ всѣхъ парламентскихъ рѣшеній, которыя состоятся въ то время, когда они, епископы, будутъ силою удерживаемы отъ участія въ парламентскихъ засѣданіяхъ. За это объявленіе палата общинъ велѣла схватить епископовъ, посадить ихъ въ крѣпость, а впослѣдствіи издать законъ, по которому епископы вообще исключались изъ парламента.

Заключеніе епископовъ раздражило въ высшей степени короля и

заставило его, съ своей стороны, рѣшиться на сильную мѣру, тѣмъ болѣе, что ему дали знать, будто предводители крайней партіи въ парламентѣ, настоявшіе на захваченіи епископовъ, намѣрены обвинить въ государственной измѣнѣ королеву. Въ самомъ началѣ 1642 года король послалъ въ парламентъ съ обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ и съ требованіемъ арестованія лорда Комболтона и пяти другихъ членовъ палаты общинъ: Галлиса, Гаслерига, Пима, Гемпдена и Строне. Парламентъ не исполнилъ требованія; тогда король явился самъ въ парламентъ въ сопровожденіи отряда солдатъ, съ тѣмъ, чтобы захватить враждебныхъ ему членовъ; но они, получивши извѣстіе изъ дворца о предстоявшей опасности, не пришли въ парламентъ. «Птицы улетѣли», сказалъ король, и вышелъ, провожаемый криками: «привилегія! привилегія!» Король издалъ прокламацію, въ которой обязывалъ каждого схватить парламентскихъ членовъ, обвиненныхъ въ государственной измѣнѣ: парламентъ готовился отражать силу силою, при чемъ былъ поддержанъ Лондонскимъ общиннымъ Совѣтомъ и огромною массою народонаселенія. Парламентъ опредѣлилъ, что король безъ согласія парламента не можетъ назначать министровъ и другихъ должностныхъ лицъ, что король не имѣетъ верховнаго начальства надъ войскомъ, не имѣетъ права назначать штатгалтеровъ въ графства (а штатгалтеры были вмѣстѣ и начальниками земскаго ополченія), штатгалтеровъ назначаетъ парламентъ, отъ котораго они получаютъ приказанія, и король можетъ ихъ удалить не ранѣе двухъ лѣтъ. Отказъ Карла утвердить эти рѣшенія былъ знакомъ къ открытой войнѣ между королемъ и парламентомъ. Карлъ удалился на сѣверъ, набралъ войско изъ приверженнаго къ нему дворянства (кавалеры) и вызвалъ къ себѣ изъ Лондона тѣхъ членовъ парламента, которые стояли за права королевской власти: къ нему явилось 32 лорда и болѣе 60 членовъ палаты общинъ, которые и составили особый парламентъ, противоположный Лондонскому. Король находилъ приверженцевъ только на сѣверѣ королевства, югъ былъ противъ него за парламентъ. Первая значительная битва между королевскими и парламентскими войсками произошла въ концѣ октября 1642 года при Еджи҃ллѣ: обѣ стороны приписывали себѣ побѣду. Въ слѣдующемъ году начальство надъ парламентскимъ войскомъ вмѣсто графа Эссекса принялъ лордъ Файрфаксъ, у котораго адъютантомъ былъ знаменитый впослѣдствіи Оливеръ Кромвель. Одаренный талантами полководца и правителя, Кромвель по убѣжденію или по расчету, или по тому и по другому вмѣстѣ, принадлежалъ къ крайней религіозно-политической партіи Независимыхъ, которые тре-

бовали совершеннаго равенства въ церковномъ отношеніи, не допускали ничего похожаго на священство, а въ политическомъ отношеніи стремились къ республиканскимъ формамъ. Кромвель особенно выдвинулся впередъ въ войскѣ и парламентѣ, когда противная королю сторона лишилась двоихъ главныхъ вождей своихъ, Гемпдена и Пима. По своимъ талантамъ Кромвель одинъ стоилъ цѣлаго войска. Кромѣ того парламентъ, располагая большими деньгами, могъ легко находить охотниковъ служить въ его войскѣ, не говоря уже о томъ, что зерно этого войска составляли люди непобѣдимые въ своемъ религіозномъ одушевленіи, считавшіе дѣло, за которое бились, дѣломъ Божиимъ; въ войскѣ королевскомъ не было людей даровитыхъ, не было отчаянныхъ борцовъ, подобныхъ Независимымъ, и у короля не было денегъ, посредствомъ которыхъ можно было бы легко вознаграждать потерю ратныхъ людей въ битвахъ. Лѣтомъ 1645 г. король потерпѣлъ страшное пораженіе отъ парламентскаго войска при деревнѣ Назеби (недалеко отъ Нортгамптона); король видѣлъ невозможность держаться долѣе въ Оксфордѣ, гдѣ было до сихъ поръ его главное мѣстопробываніе, гдѣ находился и его парламентъ, и рѣшился изъ двухъ золъ выбрать меньшее—предаться Шотландскому войску, въ которомъ не думалъ найти такого недоброжелательства, какъ въ Лондонѣ. Въ маѣ 1646 года Карлъ пріѣхалъ къ Шотландскому войску и былъ принятъ какъ король, но скоро замѣтилъ, что за нимъ строго наблюдали, не пускали къ нему никого изъ его Англійскихъ приверженцевъ; наконецъ Шотландцы согласились продать своего короля Англійскому парламенту за 400,000 фунтовъ. Парламентскіе комиссары взяли Карла и привезли въ Англію, гдѣ онъ содержался подъ почетною стражею.

Но вмѣстѣ съ королемъ и враждебный ему парламентъ лишился своей власти и свободы. Война выдвинула на первый планъ войско, вожди котораго привыкли къ первенствующей роли и не хотѣли преклоняться предъ парламентомъ. Войско взволновалось, когда парламентъ объявилъ, что вслѣдствіе прекращенія войны страна должна управляться старыми законами и войско должно быть распущено. Люди бросили свои промыслы и пошли на войну, гдѣ многіе получили офицерскія мѣста, получали хорошее жалованье, имѣли значеніе, а теперь должны превратиться въ ничто, снова заниматься работами, отъ которыхъ уже отвыкли. Кромвель то и дѣло, что разъѣзжалъ, то отъ войска къ парламенту, то отъ парламента къ войску: парламентъ раздражалъ противъ солдатъ, а солдаты поднималъ противъ парламента посредствомъ преданныхъ ему агитаторовъ. У офи-

церовъ и солдатъ, кромѣ военнаго ремесла, было еще другое занятіе: они всходили на церковныя кафедры и проповѣдывали; это занятіе полюбили и мирнымъ гражданамъ, и они пошли на кафедры; вслѣдъ за мужчинами пошли туда и женщины. Войско, приготовляясь къ борьбѣ съ парламентомъ, образовало у себя свой парламентъ или такъ называемый Военный совѣтъ, состоявшій изъ двухъ палатъ: въ верхней сидѣли выборные изъ офицеровъ, а въ нижней — изъ унтеръ-офицеровъ; послѣдніе и были главными агитаторами, самымъ удобнымъ орудіемъ въ рукахъ Кромвеля. Парламентъ рѣшился было схватить Кромвеля, но тотъ былъ извѣщенъ объ опасности и ускользнулъ изъ Лондона. Депутація отъ войска явилась въ парламентъ и объявила исключеніе одиннадцати враждебныхъ войску членовъ; такъ какъ это требованіе не было исполнено, то войско двинулось къ Лондону. Средства парламента къ борьбѣ оказались недостаточными; городская милиція была за войско; въ самомъ парламентѣ оказались независимые, которые естественно были на сторонѣ войска, гдѣ господствовали ихъ единомышленники, а не на сторонѣ парламента, гдѣ господствовали теперь пресвитеріане. Эти независимые члены парламента ушли къ войску, которое безпрепятственно вступило въ Лондонъ: одиннадцать враждебныхъ ему членовъ парламента принуждены были бѣжать, а бѣжавшіе прежде къ войску члены были съ торжествомъ введены въ парламентъ.

Между тѣмъ революціонное движеніе шло все далѣе къ послѣдней крайности: мы видѣли, что въ началѣ движенія противъ епископальной формы Англійской церкви поднялись пресвитеріане, отвергавшіе епископовъ, потомъ отъ пресвитеріанъ отдѣлились Независимые (Индепенденты), которые отвергали и пресвитеровъ въ церкви, а въ гражданскомъ отношеніи стремились къ республиканскимъ формамъ; но на этомъ движеніе не остановилось: теперь отъ независимыхъ отдѣляются *Уравнители* (Левеллеры), которые не хотятъ слышать ни о королѣ, ни о парламентѣ, ни о генералахъ, требуютъ всеобщаго равенства. Съ королемъ у парламента и войска все шли переговоры, которые, разумѣется, не могли ни къ чему повести: парламентъ и войско, съ цѣлью обезпечить себя, требовали отъ короля слишкомъ многого и сознавали, что король можетъ согласиться на такія требованія только притворно; и дѣйствительно, король всюду искалъ средствъ освободить себя изъ неволи и возвратить себѣ независимое положеніе. Въ 1647 году Карлу удалось уйти изъ Лондона; но онъ былъ задержанъ на островѣ Вайтъ; здѣсь, въ концѣ года, онъ заключилъ договоръ съ Шотландцами, направленный противъ Англіи.

Это произвело сильное раздраженіе въ Англіи: парламентъ постановилъ, что онъ не приметъ болѣе никакого предложенія о примиреніи съ королемъ, и тотъ, кто посмѣетъ теперь обратиться къ королю, будетъ наказанъ какъ измѣнникъ. Вслѣдствіе этого рѣшенія Карла заперли въ одну комнату и удалили всѣхъ прежнихъ его слугъ. Между тѣмъ движеніе Шотландцевъ въ пользу короля подняло роялистовъ въ Англіи. Въ августѣ 1648 года у Престопа Кромвель поразилъ на голову Шотландцевъ, и въ то же время Файрфаксъ разбилъ Англійскихъ роялистовъ на югѣ; Кромвель вошелъ въ Единбургъ и былъ съ торжествомъ принятъ народною массою, которая сочувствовала Независимымъ. Въ отсутствіе Кромвеля съ войскомъ въ парламентъ взяла верхъ противная войску партія, которая настояла на томъ, чтобы снова завести переговоры съ королемъ; но возвращеніе побѣдоноснаго Кромвеля изъ Шотландіи разстроило дѣло. Войско вступило въ Лондонъ и выгнало изъ парламента всѣхъ противныхъ ему членовъ; оставшіеся дѣлали все, что было угодно войску, и 23 декабря палата общинъ постановила, что король долженъ быть отданъ подъ судъ.

1 января 1649 года палата общинъ объявила, что король виновенъ въ государственной измѣнѣ, потому что началъ войну съ парламентомъ и установленнымъ правительствомъ Англіи. Лорды отвергли это обвиненіе, но палата общинъ отвѣчала имъ новымъ объявленіемъ, что народъ есть единственный источникъ всякой законной власти, и такъ какъ только члены палаты общинъ избираются народомъ, то все исходящее изъ этой палаты имѣетъ силу и безъ согласія короля и палаты лордовъ. Для суда надъ королемъ составлена была комиссія изъ 150 членовъ; но такъ какъ многіе отказались участвовать въ комиссіи, то она составилаь только изъ 68 членовъ. Въ девять дней судъ покончилъ свое дѣло и приговорилъ короля къ смерти, при чемъ присутствовало только 46 членовъ суда. Приговоръ былъ исполненъ 30 января; 6 февраля упразднена была палата лордовъ, а на другой день королевское достоинство. Все это было дѣломъ войска и слѣдственно самый способный изъ вождей его естественно выдвигался на первый планъ. Составленъ былъ планъ временнаго правительства, въ которомъ должны были участвовать парламентъ и совѣтъ изъ офицеровъ. Этотъ планъ не понравился самой крайней партіи, порожденной революціоннымъ движеніемъ, *Уравнителямъ*, которые и подняли возстаніе; но Кромвель подавилъ его, и тѣмъ много выигралъ въ глазахъ людей другихъ партій, болѣе умѣренныхъ. Значеніе Кромвеля должно было все болѣе и болѣе воз-

растать, потому что новая республика нуждалась въ войскѣ и искусномъ полководцѣ: она должна была вести войны съ Шотландіею и Ирландіею, которыя провозгласили королемъ сына казненнаго Карла I-го, Карла II-го. Кромвель въ концѣ лѣта явился въ Ирландіи и весною слѣдующаго года окончилъ покореніе страны, сопровождавшееся страшнымъ кровопролитіемъ. Въ это время Англичане, боявшіеся впаденія Шотландцевъ и роялистскаго возстанія внутри страны, вызвали изъ Ирландіи Кромвеля, на котораго возлагалась главная надежда. Въ іюлѣ 1650 года Кромвель вошелъ съ войскомъ въ Шотландію и въ началѣ сентября поразилъ непріятельское войско при Дунбарѣ; но, несмотря на эту побѣду, Кромвель почти годъ долженъ былъ оставаться въ Шотландіи безъ рѣшительныхъ результатовъ. Король Карлъ II, бывшій при Шотландскомъ войскѣ, рѣшился покончить борьбу смѣлымъ движеніемъ во внутренность Англіи, гдѣ надѣялся на помощь роялистовъ. Кромвель, оставя часть своего войска съ генераломъ Монкомъ въ Шотландіи, бросился за Карломъ и настигъ его въ началѣ сентября 1651 года при Ворчестерѣ: здѣсь король потерпѣлъ пораженіе и, переодѣтый крестьяниномъ, претерпѣвая большія лишенія и опасности, долженъ былъ 40 дней укрываться между роялистами, пока, наконецъ, нашелъ случай сѣсть на корабль и отплыть къ берегамъ Франціи.

Кромвель послѣ Ворчестерской побѣды былъ принятъ съ восторгомъ въ Лондонѣ, и этотъ приѣмъ заставилъ задуматься ревностныхъ приверженцевъ республики. Между тѣмъ Монкъ покорилъ беззащитную Шотландію и жестокими мѣрами удерживалъ ее въ повиновеніи; еще жесточе поступалъ зять Кромвеля, Претонъ, и его премники въ Ирландіи съ кельтскимъ католическимъ народонаселеніемъ: цѣлыя графства были опустошены; народонаселеніе ихъ переведено въ другія земли или продано въ рабство на Вестъ-Индскіе острова: отсюда-то такая сильная ненависть Ирландцевъ-католиковъ къ Англичанамъ-протестантамъ. Кромвель былъ всемогущъ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи; его сильной и искусной рукѣ повиновались волею-неволею, но провозгласить королемъ его не хотѣли. Въ ноябрѣ 1651 года созвалъ онъ офицеровъ и членовъ парламента и предложилъ имъ вопросъ: должна ли Англія остаться республикою или возвратиться къ монархіи; военные высказались за республику, юристы и самъ Кромвель за монархію; но когда начали разсуждать, кто же можетъ быть королемъ, и Кромвель указалъ на троихъ братьевъ Стюартовъ, сыновей Карла I-го, то никто не высказался въ ихъ пользу, но никто также не назвалъ и Кромвеля. Кромвель и безъ титула управлялъ

Англією по-королевски, и его значеніе усилилось еще счастливою войною внѣшнею. Съ тѣхъ поръ, какъ Атлантическій океанъ сталъ большою дорогою между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, также большою дорогою между Европою и Азією, Англія, по своему положенію на этой большой дорогѣ, не могла не получить новаго важнаго значенія. Предпримчивый духъ народа быстро развился, и Англія стала соперницею первой морской державы — Голландіи. Война между двумя республиками началась изъ-за того, что парламентъ, желая усилить Англійскую торговлю, издалъ такъ называемый *Актъ мореплаванія*, по которому иностраннымъ купцамъ позволено было ввозить въ Англію только произведенія своей страны, а никакъ не чужія. Такъ какъ это постановленіе сильно стѣснило торговлю Голландцевъ, то они и объявили войну Англіи. Война, мѣрила силъ народныхъ, показала, что Англія сильнѣе Голландіи.

Между тѣмъ, внутри Англіи возникла снова борьба между властью военною и гражданскою, между войскомъ и парламентомъ. Военная сила въ Англіи образовалась вслѣдствіе революціоннаго движенія, вслѣдствіе борьбы съ королемъ; теперь, когда борьба кончилась, присутствіе войска народному большинству казалось ненужнымъ и тяжкимъ, было противно всѣмъ преданіямъ и привычкамъ народа. Парламентъ, чувствуя на себѣ всю тягость военного деспотизма, разумѣется не имѣлъ никакого побужденія очень заботиться о войскѣ, орудіи этого деспотизма. Не получая жалованья, офицеры составили изъ себя комитетъ для сношеній съ парламентомъ. Комитетъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ давалъ знать парламенту, что если не будутъ заботиться о войскѣ, то оно само о себѣ позаботится. Парламентъ отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ; тогда офицеры объявили, что Долгіи парламентъ уже слишкомъ долго, что для народа невыносимо такое продолжительное отлученіе отъ участія въ дѣлахъ страны. Парламентъ объявилъ на это, что тотъ будетъ виновенъ въ государственной измѣнѣ, кто осмѣлится предложить перемѣну существующаго правительства. Споръ былъ поконченъ въ апрѣлѣ 1653 года: Кромвель явился въ парламентъ, оставивъ въ передней комнатѣ приведенныхъ имъ 300 мушкетеровъ. Онъ сталъ говорить рѣчь, наполненную укоризнами парламенту, и когда ему замѣтили все неприличіе его поступка, то онъ далъ знакъ мушкетерамъ войти и закричалъ: «Теперь, члены парламента, убирайтесь, очищайте мѣста честнымъ людямъ! Вы больше не парламентъ, Господь покончилъ съ вами». Члены парламента были разогнаны солдатами. Кромвель уничтожилъ также и государственный совѣтъ, имѣвшій характеръ министерскаго

совѣта и находившійся подъ предсѣдательствомъ Брадшау; послѣдній при этомъ сказалъ Кромвелю: «Вы ошибаетесь, если думаете, что парламентъ распущенъ; никакая сила на землѣ не можетъ распустить парламентъ; замѣтите это себѣ». Но люди, которыхъ воображеніе было слишкомъ разгорячено революціоннымъ движеніемъ, думали, что Кромвель пророкъ, посланный небомъ для утвержденія пятой монархіи, царства Христова на землѣ; друзья Кромвеля утверждали, что онъ имѣетъ частыя сообщенія съ Св. Духомъ.

Надобно было устроить новое правительство. Кромвель сталъ совѣтоваться съ офицерами, сколько членовъ должно быть въ будущемъ государственномъ совѣтѣ? Одни говорили, что, по образцу Еврейскаго санhedрина, должно быть 70 человекъ, другіе—что 13 по образцу 12 апостоловъ со Христомъ. Послѣднее мнѣніе превозмогло, и учрежденъ былъ государственный совѣтъ изъ четырехъ юристовъ и восьми офицеровъ подъ предсѣдательствомъ Кромвеля. Но Брадшау былъ правъ; огромное большинство Англійскаго народа не могло понять правительства безъ парламента, и Кромвель долженъ былъ удовлетворить общей потребности. Чтобы не встрѣтить противодѣйствія въ новомъ парламентѣ, онъ велѣлъ составить списки людей, отличавшихся благочестіемъ, т.-е. фанатиковъ, самыхъ сильныхъ приверженцевъ новаго порядка, и изъ нихъ-то составилъ новый, такъ называемый Малый парламентъ. Новый парламентъ раздѣлился на партіи, по сектамъ, на которыя дѣлились фанатики, его составлявшіе; перекрещенцы стали противъ Индепендентовъ — приверженцевъ Кромвеля. Солдаты разогнали и Малый парламентъ. «Что вы тутъ дѣлаете?»—спрашивали полковники, приведшіе солдатъ, у членовъ парламента.—Мы ищемъ Господа», отвѣчали тѣ.—«Лучше сдѣлайте,—сказали на это полковники,—если пойдете за этимъ въ другое мѣсто, потому что уже много лѣтъ, какъ Господь здѣсь не бывалъ». Послѣ разогнанія парламента генераль Ламбертъ предложилъ новую конституцію: Кромвель долженъ быть провозглашенъ протекторомъ государства; протекторъ долженъ разъ въ три года созывать парламентъ и не распускать ранѣе пяти мѣсяцевъ; всѣ принятые парламентомъ проекты законовъ, если протекторъ не утвердитъ ихъ въ теченіе 50 дней, и безъ него получаютъ силу законовъ; при протекторѣ долженъ быть тайный совѣтъ, который по его смерти избираетъ новаго протектора; протекторъ имѣетъ право объявлять войну и заключать миръ; законы, имъ изданные, имѣютъ силу до тѣхъ поръ, пока парламентъ не распорядится иначе.

Протекторъ воспользовался своимъ правомъ, и въ 1654 году за-

ключилъ миръ съ Голландією: Голландцы признали за законъ Англіійскій Навигаціонный актъ, обязались заплатить Англіи за военныя издержки, обязались въ проливѣ Ламаншъ спускать флагъ предъ Англіійскими кораблями, обязались выслать всѣхъ членовъ фамиліи Стюартъ изъ своихъ владѣній. Послѣ этого Кромвель началъ войну съ Испанією, которая вовсе не ожидала нападенія. Адмиралы Блекъ и Пеннъ были отправлены съ флотомъ и войскомъ для нечаяннаго овладѣнія Гибралтаромъ, Кадиксомъ и большими Антильскими островами. Нападеніе на Гибралтаръ, Кадиксъ и Кубу не имѣло успѣха; Англичане успѣли только овладѣть островомъ Ямайкою. Внутри дѣла шли для Кромвеля не счастливо. Въ сентябрѣ 1654 года созванъ былъ парламентъ, и скоро обнаружилось, что въ немъ большинство состояло изъ независимыхъ членовъ, а не изъ приверженцевъ протектора. Послѣ четвертаго же засѣданія Кромвель рѣшился на насильственное средство, именно—сталъ принуждать членовъ подписывать обязательство быть вѣрными лорду-протектору и не мыслить о перемѣнѣ установленнаго правительства. Ревностные республиканцы отказались подписать обязательство, и самый горячій изъ нихъ Гариссонъ былъ схваченъ и заключенъ въ крѣпость. Но и послѣ этого Кромвель не нашелъ въ парламентѣ покорное себѣ орудіе: предложеніе Ламберта сдѣлать протекторство наслѣдственнымъ въ фамиліи Кромвеля было отвергнуто двумястами голосовъ противъ шестидесяти, и въ началѣ 1655 года парламентъ былъ распущенъ за восемь дней до истеченія законнаго пятимѣсячнаго срока. Чтобы сдвинуть сопротивление въ областяхъ, Кромвель раздѣлилъ Англію на одиннадцать военныхъ округовъ, каждый подъ начальствомъ генераль-майора, которому были подчинены инспекторы надъ графствами; генераль-майорамъ принадлежало окончательное рѣшеніе дѣлъ; суды не были изъяты изъ-подъ ихъ вліянія; они были уполномочены наказывать противниковъ существующаго порядка отобраніемъ имѣнія и вообще исполнять всѣ порученія протектора. Несмотря на эти мѣры, старый Англіійскій духъ, *упорство въ законности*, непоколебимая преданность къ старымъ правамъ и обычаямъ не могли быть сломлены военнымъ деспотизмомъ. Какъ при Карлѣ I-мъ, такъ и теперь явились люди, которые отказались платить подати, взимаемыя произвольно, безъ согласія парламента. Правительство подвергло штрафу двоихъ такихъ смѣльчаковъ; они пожаловались въ судъ и тотъ повелѣ дѣло въ ихъ пользу; Кромвель велѣлъ заключить адвокатовъ въ крѣпость, а къ судьямъ обратился съ бранью: «Вы, такіе и такіе то, не должны вмѣшиваться въ мои дѣла. Я знаю очень хоро-

шо, что все чтò ни дѣлаю, дѣлаю для безопасности республики. Кто васъ сдѣлалъ судьями? У васъ нѣтъ другого права судить людей, кромѣ того права, которое я вамъ далъ. Заботьтесь больше о томъ, что мнѣ выгодно, и не давайте много болтать этимъ адвокатамъ».

Въ сентябрѣ 1656 года созванъ былъ новый парламентъ. Выборы производились подѣ строгимъ надзоромъ правительства, всѣ подозрительные люди, ревностные республиканцы, приверженцы Стюартовъ, католики были подѣ разными предложениями лишены права быть избранными, и послѣ выборовъ около сотни депутатовъ было вычеркнуто по неблагонадежности. Кромвель надѣялся, что этотъ парламентъ провозгласитъ его наконецъ королемъ; для этого онъ далъ ходъ жалобамъ и выходкамъ противъ генераль-майоровъ, которые въ началѣ 1557 года должны были отказаться отъ своихъ должностей. Предложеніе депутата Пака о возстановленіи двухъ палатъ парламента и короля, которымъ долженъ былъ быть Кромвель, прошло, хотя съ большимъ трудомъ, въ парламентѣ; но офицеры, которые большею частью были республиканцы, подали парламенту прошеніе, въ которомъ вооружились противъ возстановленія королевскаго достоинства; близкіе родственники Кромвеля были противъ принятія имъ короны, представляли ему, что если онъ это сдѣлаетъ, то погубитъ себя и своихъ. Кромвель, видя такое сильное сопротивленіе, объявилъ парламенту, что онъ никогда и не думалъ о коронѣ. Кромвель не получилъ королевскаго титула; но протекторское значеніе было усилено: протектору присягали какъ королю; онъ получилъ право назначить себѣ преемника; назначена была ежегодная сумма для содержанія его двора; наконецъ онъ получилъ право назначать членовъ *другой палаты*, какъ называли возстановленную верхнюю палату парламента; но въ то же время было постановлено, что протекторъ не можетъ исключать членовъ парламента и ставить стражу у парламентскаго зданія, не можетъ между засѣданіями парламента издавать законовъ.

Въ январѣ 1658 года созванъ былъ новый парламентъ: въ него вошло сто членовъ, прежде исключенныхъ Кромвелемъ. Немедленно поднялся вопросъ о незаконности новой палаты лордовъ, о незаконности и прежней палаты депутатовъ, потому что она была неполна вслѣдствіе исключенія ста членовъ, поэтому и всѣ дѣйствія ея, усиленіе власти протектора, были незаконны; большинство членовъ палаты обнаружило себя противъ правительства. Едва прошелъ мѣсяцъ, какъ Кромвель насильственнымъ образомъ закрылъ палату. «Да судить Богъ между мною и вами!» сказалъ Кромвель ея членамъ при закрытіи. Въ сентябрѣ того же года Кромвель умеръ, назначивши

преемниковъ себѣ сына своего Ричарда; другой сынъ его, Генрихъ, управлялъ Ирландію.

Оливеръ Кромвель достигъ власти личными средствами и отношеніями своими къ войску, которое хотя по своимъ религіозно-политическимъ, республиканскимъ убѣжденіямъ и воспротивилось возстановленію королевскаго достоинства въ особѣ Кромвеля, но поддерживало своего знаменитаго вождя, искусствомъ котораго само поддерживалось при всеобщемъ къ себѣ нерасположеніи народа. Новый протекторъ, Ричардъ Кромвель, былъ добрый и честный человѣкъ, но безъ силы характера, безъ правительственныхъ привычекъ и способностей; никто не имѣлъ ничего противъ него, но никто не имѣлъ побужденій поддерживать его, ибо никому нельзя было за него держаться по причинѣ его слабости; никто не признавалъ его своимъ по безцвѣтности его природы; наконецъ къ отсутствію личныхъ средствъ у Ричарда присоединилось и отсутствіе матеріальныхъ средствъ, у него не было денегъ. Нужда въ деньгахъ заставила новаго протектора созвать парламентъ, который и открылся въ январѣ 1659 года. Какъ при Оливерѣ Кромвелѣ, такъ и теперь началась борьба между двумя силами, войскомъ и парламентомъ, которые никакъ не могли ужиться вмѣстѣ: большинство народа и его представители считали войско бесполезною тяжестью для страны. Офицеры и солдаты, не получая отъ парламента удовлетворенія своимъ требованіямъ, начали попрежнему собираться и толковать о распусcenіи парламента. Одинъ изъ главныхъ вожаковъ ихъ, Десбара объявилъ протектору отъ имени своихъ товарищей, что парламентъ долженъ быть распуценъ или имъ, Ричардомъ, какъ гражданскою властью, или мечомъ. «Выбирайте, — говорилъ Десбара: — если вы рѣшитесь на первое, то войско позаботится о средствахъ дать вамъ приличное содержаніе; если вы предпочтете послѣднее, то будете предоставлены своей судьбѣ и никто не пожалѣетъ о вашемъ паденіи». Испугавшись этой угрозы, Ричардъ только ускорилъ свое паденіе, ибо послѣ распусcenія парламента вся власть перешла къ войску, къ Военному Совѣту, а такъ какъ Ричардъ не имѣлъ никакого значенія при войскѣ, то и лишился всякой власти. Но и Военный Совѣтъ не могъ долго управлять страной, ибо не было человѣка, который бы, подобно старому Кромвелю, сталъ въ челѣ его; надобно было созвать парламентъ, но какъ это сдѣлать? За Ричардомъ Кромвелемъ уже никто не признавалъ никакой власти, а Военный Совѣтъ не имѣлъ никакого права созывать парламентъ; обратились къ Ленталю, оратору или президенту Долгаго парламента, чтобы онъ

снова созвалъ членовъ этого незаконно-распущеннаго парламента, и Долгій парламентъ снова явился въ числѣ 160 членовъ. Парламентъ формально отставилъ протектора Ричарда Кромвеля, положивъ ему пенсію въ 10,000 фунтовъ стерлинговъ; братъ Ричарда, Генрихъ, также долженъ былъ отказаться отъ управленія Ирландіею.

Борьба между парламентомъ и войскомъ не замедлила открыться. Явились занять свои мѣста въ парламентѣ тѣ пресвитеріанскіе члены его, которые были исключены войскомъ въ 1648 году; но войско и теперь не пустило ихъ въ парламентъ; въ коридорахъ парламентскаго зданія произошелъ шумъ и драка. Оттолкнутые депутаты возвратились въ свои округа и поджигали жителей противъ существующаго порядка, подняли головы и роялисты, почувявъ усобицу между врагами, почувявъ, что нѣтъ больше сильной руки, которая бы сдержала эту усобицу. И оставшіеся въ парламентѣ депутаты не замедлили поссориться съ войскомъ; они отвергли требованія послѣдняго, объявивъ, что считаютъ ненужнымъ, тяжкимъ и опаснымъ умноженіе числа генераловъ. Генераль Ламбертъ явился въ Лондонъ съ войскомъ, оцѣнилъ зданіе парламента и не пустилъ туда ни одного депутата. Войско опять захватило всю власть, провозгласило генерала Флитвуда главнокомандующимъ всѣми войсками съ неограниченною властью, Ламберта генераль-майоромъ Великобританскаго войска; исполнительную власть поручило Комитету Безопасности. Повидимому, возобновились времена Кромвеля; но Флитвудъ нисколько не былъ похожъ на Кромвеля: у него не было ни ясной мысли, ни твердой воли. Способнѣе всѣхъ военныхъ начальниковъ былъ Монкъ, стоявшій съ войскомъ въ Шотландіи и управлявшій этою страпою. Монкъ охотно подчинялся Кромвелю, признавая его превосходство, но не хотѣлъ подчиняться какому-нибудь Флитвуду, котораго считалъ ниже себя. Такимъ образомъ усобица между генералами была необходима. Но чѣмъ же она должна была окончиться? Побѣдить ли Монкъ своихъ соперниковъ и станетъ въ положеніе Кромвеля? Но судьба стараго Оливера не могла прельстить Монка: столько талантовъ первоклассныхъ, столько трудовъ и усилій—и цѣль не была достигнута; постоянно долженъ былъ онъ опираться на фанатическую часть войска, и въ ней же находилъ сильное препятствіе къ осуществленію своихъ замысловъ. Монкъ ясно видѣлъ, что Англія не долго уживется съ войскомъ, что она неодолимо стремится къ возстановленію старины, и потому рѣшился приобрѣсти важное значеніе, служа этому стремленію, удовлетворяя общему желанію. Монкъ двинулся изъ Шотландіи съ войскомъ къ Лондону для освобожденія

столицы отъ военнаго деспотизма. Титулъ, принятый Монкомъ, титулъ «защитника старыхъ законовъ и свободъ земскихъ», возбуждалъ радостныя надежды народа и доставилъ Монку всюду восторженный приѣмъ. Сопротивленія не было; въ Лондонѣ царствовала смута: горожане ссорились съ солдатами, солдаты—съ своими офицерами, власть не имѣла силы и значенія.

Въ февралѣ 1660 года Монкъ вступилъ въ Лондонъ и объявилъ, что созываетъ свободный парламентъ. При открытіи этого парламента Монкъ держалъ рѣчь, гдѣ говорилъ, что для Англійскаго государства всего приличнѣе республиканское, а для Англійской церкви—пресвитеріанское устройство; но въ то же время далъ знать королю Карлу II-му, чтобы онъ изъ Испаніи переѣхалъ въ Голландію. Назначенный главнокомандующимъ всѣми войсками въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, Монкъ распорядился такимъ образомъ, что роялисты здѣсь получили наибольшее вліяніе; полки, отличавшіеся республиканскимъ духомъ, онъ разбросалъ на дальнее другъ отъ друга разстояніе, взялъ подъ свое начальство Лондонскую милицію, которая особенно отличалась враждою къ республикѣ; въ Верхнюю палату допущены были всѣ старые лорды. Когда все было готово, король Карлъ прислалъ письма, адресованныя къ обѣимъ палатамъ парламента, къ войску, флоту и городовому совѣту; въ письмахъ обѣщалось забвеніе прошедшихъ непріятностей и полное возстановленіе старыхъ правъ и вольностей. Обѣ палаты издали объявленіе, что по старымъ фундаментальнымъ законамъ Англіи правленіе принадлежитъ королю и парламенту; потомъ прислали Карлу приглашеніе пріѣхать въ Англію и принять корону, принадлежащую ему по праву рожденія.

Въ маѣ 1660 года Карлъ II высадился на берега Англіи и былъ принятъ съ восторгомъ. Восторгъ усиливался еще тѣмъ, что характеръ новаго короля на первыхъ порахъ какъ нельзя больше приходился по той реакціи, которая теперь происходила въ Англіи. Военный деспотизмъ и господство мрачной фанатической секты сильно прискучили большинству, которое хотѣло вздохнуть на свободѣ, хотѣло изъ Англіи сдѣлать снова *веселую* Англію, какъ ее прежде называли; а Карлъ II былъ именно человѣкъ веселый, обходительный, производящій на первый разъ самое пріятное впечатлѣніе, душа общества, неутомимый въ остроумномъ разговорѣ, искусный разказчикъ анекдотовъ. Но послѣ внимательнаго наблюденія оказывалось, что подъ блестящею оболочкою скрывалась пустота, отсутствіе всякихъ убѣжденій и совершенная неспособность ко всякому серъ-

езному дѣлу. Въ жилахъ Карла II текла Шотландская кровь съ примѣсью Французской (по матери); какъ всѣ Стюарты, онъ былъ чуждъ Англіи, не понимая ея; воспоминанія молодости не могли внушить ему привязанности къ этой странѣ, а лучшіе годы жизни были проведены имъ въ изгнаніи, въ чужихъ странахъ, въ праздномъ ожиданіи благоприятныхъ событій. Возвратясь въ Англію, Карлъ II спѣшилъ пользоваться средствами своего положенія для того только, чтобы жить весело, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, объ общественномъ мнѣніи, о требованіяхъ нравственности, при чемъ неимѣніе дѣтей еще болѣе усиливало въ немъ эгоистическія стремленія, нерадѣніе о будущемъ. Ученикъ матеріалиста Гоббеса, Карлъ II былъ равнодушенъ къ религіи вообще, но отдавалъ преимущество католицизму: какъ пошли впрокъ уроки наставника, видно было изъ отзывать Карла II, что онъ не вѣритъ ни въ цѣломудріе женщинъ, ни въ добродѣтель мужчинъ, и не ожидаетъ ни отъ одного человека истинной вѣрности или приверженности. Съ такимъ взглядомъ на людей могъ ли Карлъ считать себя чѣмъ-нибудь обязаннымъ въ отношеніи къ людямъ? Могъ ли имѣть побужденія заслуживать ихъ уваженіе?

Въ двухъ первыхъ парламентахъ, созванныхъ Карломъ II-мъ, онъ не встрѣчалъ сопротивленія, благодаря особенно искусству канцлера Гейда, графа Кларендона, автора важнаго сочиненія объ Англійской революціи (Исторія бунта, какъ онъ его озаглавилъ). Но съ теченіемъ времени основной характеръ короля и его стремленія все болѣе и болѣе уяснялись и стали возбуждать сильное неудовольствіе. Нуждаясь постоянно въ деньгахъ, расточаемыхъ на постыдныя удовольствія, Карлъ II не постыдился брать пенсію отъ Французскаго короля Людовика XIV; изъ Франціи же получались деньги на подкупъ Англійскихъ избирателей и членовъ парламента. Тѣсная связь короля съ Франціею, гдѣ Людовикъ XIV обнаруживалъ стремленія, совершенно противоположныя порядку вещей, господствовавшему въ Англіи, должна была возбуждать здѣсь опасенія. Дѣло дошло до того, что Карлъ II продалъ Людовику XIV-му два города—Дюнكيرхенъ и Мардикъ, принадлежавшіе со временъ Кромвеля Англіи. Вслѣдствіе столкновенія между двумя торговыми державами, стремившимися къ господству на морѣ, началась въ 1665 году война у Англіи съ Голландіею; сначала война шла счастливо для Англіи, но въ 1667 г. Голландскіе адмиралы Рюйтеръ и Корнелій де Виттъ вошли съ флотомъ въ Темзу, истребили магазины и верфи, сожгли три линейныхъ корабля перваго класса.

Эти потери и позоръ усиливали нерасположеніе къ королю, который деньги, назначенныя парламентомъ на войну, употребилъ на свои удовольствія, и страна осталась беззащитною. Страшный пожаръ опустошилъ значительную часть Лондона, моровая язва истребляла тысячами его жителей — всё эти бѣдствія вмѣстѣ ожесточали народъ. Преданный однимъ удовольствіямъ, король, разумѣется, любилъ окружать себя людьми, одинаково съ нимъ смотрѣвшими на цѣль жизни; между близкими къ Карлу людьми былъ только одинъ честный и серьезный человекъ, канцлеръ графъ Кларендонъ, раздѣлявшій съ нимъ изгнаніе и вѣрно служившій отцу его. Честный и дѣловой старикъ былъ нестерпимъ королю и его любимцамъ, тѣмъ болѣе, что былъ гордъ и властолюбивъ, опираясь на родственныя связи съ королевскимъ домомъ: дочь его была замужемъ за наследникомъ престола, герцогомъ Йоркскимъ. Въ 1667 году враги Кларендона обвинили его предъ парламентомъ въ государственной измѣнѣ. Нижняя палата была противъ Кларендона, верхняя вступилась за него; чтобы положить конецъ борьбѣ палатъ, король далъ повелѣніе канцлеру отправиться на континентъ, и старикъ, которому Карлъ былъ такъ много обязанъ, умеръ въ изгнаніи.

По удаленіи Кларендона образовалось министерство изъ людей, мнѣе всего заботившихся объ интересахъ Англіи; эти люди были Клиффордъ, Ашлей, Бѣкингамъ, Арлингтонъ и Лаудердалъ; по начальнымъ буквамъ ихъ фамилій министерство ихъ получило названіе Кабаль-министерства. Вмѣсто сближенія съ Голландіею, необходимаго для противодѣйствія Франціи, стремившейся къ господству въ Европѣ, Бѣкингамъ употребилъ всё усилія, чтобы раздражить Карла II противъ Голландіи. Въ 1669 году наследникъ престола, братъ короля, герцогъ Йоркскій явно перешелъ въ католицизмъ. Карлъ II все болѣе и болѣе сближался съ Французскимъ правительствомъ, отъ котораго бралъ деньги, обѣщаясь перейти въ католицизмъ и уничтожить парламентскую форму правленія въ Англіи. Карлу хотѣлось и того, и другого; но это было безсильное желаніе, ибо ни Карлъ, ни министры его не имѣли ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ средствъ, чтобы сдѣлать что-нибудь для осуществленія своихъ мечтъ. Они не могли воспрепятствовать парламенту принимать оборонительныя мѣры въ виду грозящей опасности, не могли воспрепятствовать парламенту издать въ 1670 году билль противъ *неконформистовъ* (не принадлежащихъ къ Англиканской церкви): законъ налагалъ денежный штрафъ на людей, присутствующихъ при богослуженіи не англиканскомъ, и на духовенство, отправляющее такое богослуженіе. Король

вздумалъ было объявить, что имѣть право освобождать диссидентовъ и преимущественно католиковъ отъ штрафа, или уменьшать его; но послѣ сильной бури, поднятой по этому случаю въ парламентѣ, долженъ былъ отказаться отъ своихъ притязаній. Парламентъ продолжать принимать мѣры противъ католиковъ: изданъ былъ законъ, извѣстный подъ именемъ Test-act, по которому для занятія военной или гражданской должности необходимо было присягнуть въ послушаніи королю, какъ главѣ церкви, и приобщиться св. Таинъ по ученію и обычаю Англиканской церкви. Вслѣдствіе этого закона герцогъ Йоркскій долженъ былъ сложить всѣ свои должности (онъ былъ между прочимъ генераль-адмираломъ), и католикъ Клиффордъ выйти изъ министерства, которое окончательно распалось въ 1674 году; самый даровитый изъ его членовъ, графъ Шефтсбюри (Ашлей), перешелъ къ оппозиціи.

Въ 1678 году, когда общественное мнѣніе все болѣе и болѣе настраивалось противъ католическихъ стремленій короля, разнесся слухъ о страшномъ папистскомъ заговорѣ. Титъ Оатъ, выгнанный изъ іезуитской коллегіи, донесъ о заговорѣ, въ которомъ будто бы участвовать и герцогъ Йоркскій. Теперь доносъ считаютъ ложнымъ, но современники вѣрили ему, и парламентъ поднялъ гоненіе на католиковъ: 2,000 человекъ, между ними лорды, были заключены въ темницы, еще большее число было выгнано изъ Лондона, многіе католическіе священники казнены смертію; Тестъ-актъ получилъ строжайшее приложеніе, и всѣ католики потеряли право быть членами парламента. Король распустилъ парламентъ; но эта мѣра оказалась для него бесполезною: новый парламентъ (1679 г.) явился съ тѣмъ же антикатолическимъ направленіемъ, и король принужденъ былъ выслать брата, герцога Йоркскаго, за границу и составить министерство соотвѣтственно господствующему направленію въ парламентѣ; самыми видными членами новаго министерства были Темплъ и Шефтсбюри, прославившіе себя изданіемъ знаменитаго *Habeas-Corpus-act*: по этому акту никто не могъ быть схваченъ безъ письменнаго объявленія причины ареста; арестованный долженъ въ извѣстный срокъ (три дня) быть поставленъ предъ судомъ и не можетъ быть нигдѣ заключенъ, кромѣ своего графства.

Министерство и парламентъ продолжали гнать католиковъ и настаивали на отрѣшеніи герцога Йоркскаго отъ престолонаслѣдія. Этотъ вопросъ о престолонаслѣдіи заставилъ многихъ задуматься: опасно было имѣть королемъ католика, ждать возобновленія временъ Маріи Тюдоръ, видѣть торжество ненавистнаго папизма; но еще опасѣе

казалось для многихъ порвать законный порядокъ престолонаслѣдія, ступить на страшный революціонный путь, дать поводъ къ злой усобицѣ; какъ ни были недовольны поведеніемъ Карла II, какъ ни боялись герцога Йоркского, но больше всего боялись возвращенія смуты. Этотъ страхъ предъ революціею при порваніи законнаго порядка престолонаслѣдія заставилъ многихъ не одобрять поведенія парламента и министерства; образовались два направленія, двѣ партіи: одна, изъ страха предъ революціею, хотѣла укрѣпить монархическую власть, провозглашая начало безусловнаго повиновенія ей, какъ происходящей отъ Бога; другая смотрѣла на государственное устройство какъ на взаимный договоръ между королемъ и народомъ, и если король нарушитъ договоръ, то народъ имѣлъ право сопротивленія. Первая партія получила названіе Тори, вторая—Виги. Противоположные взгляды, раздѣляющіе эти двѣ партіи, обозначились въ Англіи при Стюартахъ, въ революціонное время. Англійская конституція образовалась въ средніе вѣка путемъ факта; первый король изъ Шотландской династіи, Іаковъ I-й Стюартъ, выставилъ теорію королевской власти; по этой теоріи права Англійскаго народа были дарами верховной власти. Отвѣтомъ на теорію Іакова I-го была революція, во время которой народу было внушено, что онъ имѣетъ право не только возстать противъ короля, но судить и казнить его. Казнь Карла I-го произвела сильное и скорбное впечатлѣніе на континентъ; знаменитый филологъ Салмазий, профессоръ лейденскаго университета, написалъ сочиненіе: «Защита Короля Карла I-го», гдѣ обвинялъ англійскій народъ въ несправедливомъ и преступномъ убійствѣ короля. Ему отвѣчалъ англійскій поэтъ Мильтонъ, авторъ *Потеряннаго рая*. Ученіе Мильтона о происхожденіи власти состояло въ слѣдующемъ: «Люди, по природѣ свободныя существа, сотворены по образу и подобию Божію, и Богъ далъ имъ власть надъ всякою тварью. Когда размножились и стали притѣснять другъ друга, то почувствовалась нужда въ общественной жизни, въ городахъ. Увидали необходимость установить власть и дать ей силу охранять миръ и право и наказывать ихъ нарушителей. Установили власть, чтобъ имѣть людей, уполномоченныхъ судить и рядить по правдѣ, а не для того, чтобъ имѣть надъ собою господъ и хозяевъ. Для избѣжанія произвола изданы были законы, ограничившіе людей, которымъ ввѣрена была власть. Народъ, отъ котораго первоначально исходитъ всякая власть, имѣющая цѣлью служить его благосостоянію, народъ имѣетъ право избирать королей и низвергать ихъ». Еще задолго до Мильтона іезуитъ Белларминъ высказалъ положеніе: «власть первона-

чально находится въ рукахъ народа, который передастъ ее одному лицу или многимъ, и если найдется справедливая причина, можетъ народъ монархію превратить въ аристократію или демократію». Ученіе Беллармина не могло обратить на себя такого вниманія, какъ ученіе Мильтона, явившееся въ защиту событій Англійской революціи. Но если революція и республика нашли защитника въ республиканцѣ Мильтонѣ, то королевская власть нашла себѣ защитника въ англичанинѣ же роялистѣ Гоббсѣ, который издалъ два важныя политическія сочиненія: 1) о Гражданинѣ; 2) Левіаѳанъ. Гоббсѣ разсматриваетъ государство какъ искусственное произведеніе. По его мнѣнію, натуральное состояніе человѣка до государства была *война*, вслѣдствіе эгоистическихъ стремленій каждаго. То, что каждый считаетъ для себя полезнымъ, то и дѣлается для него мѣриломъ права, и такъ какъ въ это время каждый есть судья въ собственномъ дѣлѣ, то люди безпрестанно ссорятся другъ съ другомъ и прибѣгаютъ къ оружію для рѣшенія споровъ; и такъ *война всѣхъ противъ всѣхъ* есть естественное состояніе человечества. Чтобы выйти изъ такого невыносимаго положенія, люди стараются обезопасить и усилить себя взаимнымъ союзомъ. Страхъ предъ бѣдствіями натурального состоянія есть настоящая причина происхожденія государства, и цѣль государства, въ противоположность натуральному состоянію войны всѣхъ противъ всѣхъ, есть *миръ*. Но для поддержанія мира необходимо, чтобъ единичныя воли слились въ единую общую волю; а это возможно только тогда, когда каждый подчиняетъ свою волю волѣ одного человѣка или одного собранія: такъ происходитъ искусственное лицо, которое мы называемъ государствомъ. Верховная власть, по Гоббсу, необходимо должна быть неограниченная. Верховный властитель одинъ сохраняетъ первоначальное право надъ всѣмъ—право, отъ котораго отказались другіе. Если верховная власть будетъ ограничена, то государственное единство рушится и, въ столкновеніи необузданныхъ силъ, возобновится прежнее состояніе войны всѣхъ противъ всѣхъ. Кто хочетъ ограничивать верховную власть, тотъ долженъ самъ имѣть высшую власть. Верховный властитель не можетъ быть уподобленъ главѣ въ государственномъ тѣлѣ, но душѣ въ тѣлѣ. Такъ въ политической литературѣ Англій, вслѣдствіе революціи, образовались двѣ противоположныя теоріи, которыя легли въ основаніе воззрѣній двухъ знаменитыхъ политическихъ партій.

Виги (Шефтсбюри съ товарищами), настаивая на удаленіи отъ престола герцога Йорскаго, выставляли кандидатомъ на престолъ гер-

цога Монмута, побочнаго сына короля Карла II-го; но это революціонное стремленіе виговъ вызвало противодѣйствіе со стороны людей, боявшихся болѣе всего революціи; опираясь на это противодѣйствіе, Карль II-й получилъ возможность бороться съ вигами, съ парламентомъ, находившимся подъ ихъ вліяніемъ. Въ половинѣ 1679 года онъ распустилъ парламентъ. Шефтсбюри и Темплъ вышли изъ мипистерства; король образовалъ другое министерство (Галифаксъ, Задерландъ, Гейдъ, Годольфинъ), которое содѣйствовало къ постепенному повороту общественнаго мнѣнія. Герцогъ Йоркскій возвратился изъ-за границы, хотя и отправленъ былъ въ Шотландію. Монмутъ, наоборотъ, долженъ былъ удалиться на твердую землю. Парламентъ, созванный въ октябрѣ 1679 года, былъ опять отсроченъ на цѣлый годъ; герцогъ Монмутъ, по вызову Шефтсбюри, явился опять въ Англіи, и вся страна пришла въ сильное движеніе; къ королю посылались просьбы и адреса съ жалобами на отсрочку парламента; казалось, приближается новая революція. Но тутъ-то и обнаружился страхъ предъ революціею: король сталъ получать просьбы другого рода, его стали просить, чтобъ онъ держался при своемъ правѣ отсрочивать парламентъ; высказывались противъ Шефтсбюри и Монмута, благодарили за возвращеніе герцога Йоркскаго. Но эта консервативная партія не имѣла большинства въ парламентѣ, собравшемся въ октябрѣ 1680 года: здѣсь большинство было опять за билль объ удаленіи герцога Йоркскаго отъ наслѣдства престола; билль прошелъ въ палатѣ общинъ, но былъ остановленъ въ палатѣ лордовъ. Послѣ этого палата общинъ дѣйствовала такъ, что все болѣе и болѣе страшила возобновленіемъ революціи и этимъ усиливала консервативную партію: палата общинъ требовала удаленія нѣкоторыхъ членовъ королевскаго тайнаго совѣта, и когда разнесся слухъ объ отрочкѣ парламента, то объявила, что люди, совѣтующіе королю эту отсрочку, суть измѣнники королю, религіи и отечеству, работающіе въ интересахъ Франціи и получающіе за это отъ нея жалованье. Парламентъ былъ распущенъ въ началѣ 1681 г., и новый долженъ былъ собраться не въ Лондонѣ, а въ Оксфордѣ. Между тѣмъ король, желая обезпечить себя насчетъ денегъ, чтобъ не зависѣть отъ парламента, заключилъ тайный договоръ съ французскимъ королемъ Людовикомъ XIV; послѣдній обѣщалъ прислать Карлу II-му два милліона ливровъ въ 1681 году и по полумилліону на два слѣдующіе года; Карль II-й за это обязался не заступаться за Испанію. Въ Оксфордѣ король предложилъ парламенту слѣдующую сдѣлку: по его смерти герцогъ Йоркскій будетъ королемъ только по имени и не бу-

дети жить въ Англіи; его импемъ будетъ управлять старшая дочь его Марія, жена штатгальтера Голландскаго, Вильгельма III Оранскаго, а послѣ нея сестра ея Анна; но парламентъ не согласился, продолжая настаивать на безусловное исключеніе герцога Йоркскаго изъ престолонаслѣдія, и былъ распущенъ. А между тѣмъ консервативная партія усиливалась все болѣе и болѣе и поддерживала короля, который считалъ возможнымъ возвратить брата въ Англію (май 1682 года). Это возвращеніе заставило противную партію составить заговоръ, главою котораго былъ Шефтсбюри, а главными участниками Ессексъ, Грей, Россель, графъ Лейчестеръ и братъ его Сидней, люди, напитанные понятіями древности, мечтавшіе о римской свободѣ. Цѣлью заговора было возбужденіе всеобщаго возстанія въ Англіи и Шотландіи; но заговоръ былъ открытъ, Шефтсбюри спасся бѣгствомъ въ Голландію, гдѣ скоро умеръ, Россель и Синдей были схвачены и казнены (1683 г.). Основныя положенія обѣихъ партій, виговъ и тори, высказались въ этомъ дѣлѣ: лордъ Россель на судѣ защищалъ ученіе, что подданные не обязаны повиновеніемъ государю, который нарушилъ свои обязанности въ отношеніи къ нимъ; но въ день казни Росселя оксфордскіе богословы издали эдиктъ о страдательномъ повиновеніи подданныхъ государю; они высказали въ этомъ эдиктѣ, что противно христіанскому богословію утверждать, что свѣтская власть основывается не на божественномъ правѣ государя, а на какомъ-то договорѣ между народомъ и правителемъ, на какомъ-то договорѣ, по которому государь теряетъ свое право, если управляетъ не такъ, какъ слѣдуетъ. На этотъ разъ въ Англіи большинство было за оксфордское положеніе. Тори торжествовали. Герцогъ Йоркскій получилъ свою прежнюю должность великаго адмирала и мѣсто въ тайномъ совѣтѣ. Подъ предлогомъ вѣротерпимости король явно покровительствовалъ католикамъ; парламентъ не созывался. Среди полного спокойствія умеръ Карлъ II-й въ февралѣ 1685 года; среди полного спокойствія вступилъ на престолъ герцогъ Йоркскій подъ именемъ Іакова II-го; католикъ сталъ главою англиканской церкви!

Спокойствіе было условлено тѣмъ, что многіе либералы, видя торжество противной стороны въ послѣднее время Карла II-го, удалились изъ Англіи и наполняли города нидерландскіе. По смерти Карла II-го они рѣшились высадиться въ Англіи и произвести здѣсь возстаніе противъ короля-паниста; вождемъ ихъ былъ герцогъ Монмутъ. Недовольные шотландцы также поднимались подъ начальствомъ герцога Аргилли. Но эмигранты, какъ обыкновенно бываетъ съ ними,

имѣли дурное понятіе о положеніи дѣлъ въ Англіи и въ пламенномъ желаніи возвратиться поскорѣе въ отечество, преувеличивали свои средства, число своихъ соумышленниковъ на островѣ. Въ Англіи предпочитали короля-написта революціи, тѣмъ болѣе что Іаковъ еще не успѣлъ показать себя, и, когда въ маѣ 1685 года созванъ былъ парламентъ, то онъ наполнился роялистами, которые дали королю денегъ больше, чѣмъ тотъ требовалъ, и когда пришло извѣстіе, что Монмутъ высадился на берега Англіи, то парламентъ далъ королю 400,000 фунтовъ на веденіе войны противъ мятежниковъ, объявилъ Монмута государственнымъ измѣнникомъ и назначилъ цѣну за его голову. 2-го іюня высадился Монмутъ въ Англію; 6 іюля былъ на голову разбитъ и взятъ въ плѣнъ королевскими войсками, бывшими подъ начальствомъ Чорчила (впослѣдствіи знаменитаго герцога Марльборо); та же участь еще въ іюнѣ постигла и Аргіля въ Шотландіи. Тщетно Монмутъ унижался предъ дядею, на колѣнахъ со слезами умолялъ о прощеніи: его казнили. Іаковъ поступилъ какъ истый шотландскій король, не знавшій пощады врагамъ въ кровавой усобицѣ; онъ поручилъ преслѣдованіе враговъ своихъ верховному судѣ Джефрею, который приговорилъ къ смерти болѣе 300 человекъ и болѣе 650 человекъ къ ссылкѣ въ Вестъ-Индію, гдѣ ихъ продавали въ рабство; другіе были приговорены къ тѣлесному наказанію. Истребляя и ссылая приверженцевъ Монмута, король этимъ самымъ уменьшалъ число ярыхъ противниковъ католицизма, которому началъ прокладывать дорогу къ господству, Первымъ, очень искуснымъ шагомъ къ тому было стремленіе провозгласить терпимость всѣхъ вѣроисповѣданій, ибо какъ скоро всѣ исповѣданія получаютъ одинокую свободу, то долженъ будетъ получить такую же свободу и католицизмъ, которому при свободѣ легко будетъ пріобрѣсти средства и къ господству. При такомъ стремленіи Іакова пайти себѣ поддержку въ протестантскихъ исповѣданіяхъ, даже самыхъ крайнихъ, чтобъ сломить исключительное господство англиканской церкви, королевского милостію пользовался и Вильямъ Пеннъ, глава секты квакеровъ, который поселилъ ими въ Сѣверной Америкѣ провинцію, получившую, по его имени, названіе Пенсильваніи. Но самымъ важнымъ средствомъ для короля достигнуть своей цѣли было имѣть преданное ему постоянное войско. У Карла II было 6,000 войска, Іаковъ увеличилъ его до 20,000; но для содержанія войска нужны были деньги, а за деньгами надобно было обратиться къ парламенту. Король созвалъ парламентъ въ 1685 году и объявилъ ему, что пуждается въ деньгахъ для войска, и что въ это войско назначилъ онъ офицеровъ —

католиковъ. Іаковъ рассчитывалъ на преданность парламента и обманулся; стоило только указать на постоянное войско и на офицеровъ-католиковъ, и въ парламентѣ образовалась оппозиціонная партія. Протестанты начали покидать королевскую службу. Іаковъ не обращалъ вниманія на эти опасные признаки и дѣйствовалъ все открытѣе въ пользу католицизма: съ особеннымъ уваженіемъ обращался съ папскимъ нунціемъ и велѣлъ своему посланнику, назначенному къ римскому двору, съ торжествомъ вѣхъ въ Римъ. Парламентъ далъ только половину требуемой суммы на содержаніе постоянного войска и протестовалъ противъ назначенія католиковъ-офицеровъ. Іаковъ, по примѣру предшественниковъ, отсрочилъ парламентъ и началъ распоряжаться какъ глава церкви, сталъ сдавать приходы и епископства англиканской церкви католикамъ. Лондонскій епископъ отрѣшенъ былъ отъ должности; католики назначены членами тайнаго королевскаго совѣта; іезуиты, францисканцы и монахи другихъ орденовъ, которымъ закономъ воспрещенъ былъ доступъ въ королевство, явились повсюду и начали строить церкви и монастыри, даже въ самомъ Лондонѣ; въ Ирландіи отставляли протестантскихъ офицеровъ и формировали католическое войско, которое хотѣли употребить въ Англіи. Все это Іаковъ дѣлалъ, опираясь на правъ монарха разрѣшать и такія вещи, которыя запрещены закономъ (диспензаціонное право). Видя, что нѣтъ никакихъ средствъ вытребовать у парламента уничтоженія Тестъ-Акта, король въ 1687 году издалъ *объявленіе о снисхожденіи*, по которому уничтожались постановленія, направленные противъ людей, не соблюдавшихъ англійскіе церковные законы (Нонконформисты); потомъ позволено было католикамъ и претестантамъ — неангликанскимъ — отправлять общественное богослуженіе. Министерство Іакова состояло уже изъ католиковъ; главнымъ руководителемъ короля былъ іезуитъ патеръ Петре. Англичане, не хотѣвшіе терпѣть такого порядка вещей, бѣжали изъ отечества въ Нидерланды къ Вильгельму Оранскому, который уже давно имѣлъ тайныя сношенія съ недовольными въ Англіи; главнымъ посредникомъ между этими недовольными и Вильгельмомъ былъ епископъ Барнетъ. У Іакова были только двѣ дочери: Марія, замужемъ за Вильгельмомъ Оранскимъ, и Анна — за принцемъ Георгомъ Датскимъ; обѣ принцессы упрочивали протестантское наслѣдство для Англіи. Но въ іюнѣ 1688 года у Іакова родился сынъ, котораго отецъ, разумѣется, долженъ былъ воспитать въ католицизмѣ. Это заставило приверженцевъ протестантизма дѣйствовать скорѣе и рѣшительнѣе, причемъ пошли слухи, что новорожденный принцъ подстав-

пой. Въ ноябрѣ 1688 года Вильгельмъ высадился на берега Англіи. Іаковъ выѣхалъ изъ Лондона, чтобы принять начальство надъ своимъ войскомъ, которое превосходило числомъ непріятельское; но со всѣхъ сторонъ началъ онъ получать извѣстія, что офицеры и генералы его переходятъ къ Вильгельму. Когда испуганный король возвратился въ Лондонъ, то и вторая дочь его Анна съ мужемъ, принцемъ Георгомъ Датскимъ, отправилась къ Вильгельму. Іаковъ видѣлъ, что онъ покинутъ всѣми, тогда какъ Вильгельмъ медленно близился къ Лондону. Въ такихъ обстоятельствахъ король видѣлъ единственное средство спасенія въ бѣгствѣ и въ декабрѣ выѣхалъ изъ Лондона, потомъ возвратился опять, но снова убѣдившись, что все потеряно, отправился во Францію, гдѣ и провелъ остальное время жизни.

Въ январѣ 1689 г. собрался парламентъ (называвшійся *конвентомъ*, потому что парламентъ могъ созывать только король). Престолъ объявленъ былъ празднымъ на томъ основаніи, что Іаковъ оставилъ его добровольно. Но кто же долженъ быть королемъ? Одни утверждали, что королевой имѣетъ право быть только Марія, дочь Іакова, жена Вильгельма; другіе хотѣли передать правленіе вмѣстѣ Маріи и Вильгельму. Послѣдній не очень правился Англичанамъ; онъ былъ похожъ на своего знаменитаго предка, Вильгельма Молчаливаго: при свѣтломъ умѣ и твердой волѣ онъ былъ холоденъ, необщителенъ, не внушалъ сочувствія; притомъ онъ былъ иностранецъ, явно тянуль болѣе къ Голландіи, чѣмъ къ Англіи; боялись, что онъ, какъ штатгалтеръ голландскій будетъ предпочитать голландскіе интересы англійскимъ, будетъ по своимъ континентальнымъ отношеніямъ и видамъ вовлекать Англію въ чуждыя для нея и безцѣльныя предпріятія. Вильгельмъ покончилъ споры, объявивъ, что если его не провозгласятъ королемъ, то онъ сейчасъ же возвратится въ Голландію и предоставитъ Англію себѣ самой. Эта угроза подѣйствовала. Вильгельмъ былъ провозглашенъ королемъ; но при этомъ было постановлено, что «король не имѣетъ власти останавливать дѣйствіе законовъ, или освобождать кого-нибудь отъ обязанности исполнять ихъ. Всякое право исходитъ изъ народа. Король не можетъ безъ парламента вѣзти какія-нибудь деньги, не можетъ въ мирное время держать войско. Суды присяжныхъ не должны состоять изъ людей, не имѣющихъ качествъ, требуемыхъ закономъ. Парламентскіе выборы и рѣчи, произносимыя въ парламентѣ, не должны подвергаться никакому стѣсненію». Шотландія послѣдовала примѣру Англіи; но Ирландію Вильгельмъ долженъ былъ силою заставить отказаться отъ Стюартовъ.

XIV.

Франція

отъ смерти кардинала Ришелье до смерти кардинала Мазарини.

Положеніе Франціи въ концѣ жизни Ришелье.—Мазарини.—Фронда.— Принцъ Конде.—Заговоръ Вофора.—Разстройство финансовъ.—Переговоры правительства съ парламентомъ.—Павель Гонди.—Война правительства съ парламентомъ.—Разрывъ Конде съ дворомъ и примиреніе. — Арестъ Конде. — Вторая фронда.—Дѣятельность Мазарини.—Рейнскій союзъ.—Миръ съ Испаніей.—
Людвигъ XIV—правитель.

Ришельё придавилъ безпокойныхъ вельможъ, разнуздавшихся въ малолѣтство Людовика XIII; отнялъ силу и у протестантовъ, которые также служили орудіемъ для честолюбія вельможъ. Сильный духомъ министръ дѣйствовалъ за слабаго короля въ интересахъ королевской власти, поддержалъ и укрѣпилъ ее. Ришельё держалъ въ рукахъ и Парижскій парламентъ, стоявшій во главѣ могущественнаго чиновничества, и которому, по старому обычаю, предлагались всѣ законы и распоряженія для занесенія ихъ въ реестръ. Парламентъ присвоилъ себѣ право отказываться вносить въ реестръ законы, которые по чему-нибудь, казались ему неудобными. Только тогда, когда король самъ являлся въ засѣданіе парламента и приказывалъ внести законъ въ реестръ, — парламентъ не смѣлъ ослушиваться. Ришельё учрежденіемъ чрезвычайныхъ судовъ, сузилъ кругъ парламентской дѣятельности; учрежденіемъ *Интendantовъ* (областныхъ управителей), зависѣвшихъ отъ министровъ, сосредоточилъ власть въ рукахъ королевскихъ, ослабивъ областную самостоятельность. Ришельё обратилъ вниманіе и на литературное движеніе, котораго не хотѣлъ оставить безъ руководства: онъ основалъ изъ 40 членовъ Французскую Академію, которой обязанность состояла въ наблюденіи за чистотою вкуса и языка. Наконецъ при немъ основана была еженедѣльная га-

зета (Gazette de France). Вмѣстѣ съ тѣмъ Ришельё придавъ блескъ своему правленію внѣшнею дѣятельностью: своею искусною политикою онъ нанесъ страшный ударъ Габсбургскому дому во время тридцатилѣтней войны, довершилъ раздробленіе, слѣдовательно слабость Германіи, далъ возможность Франціи подчинить эту страну своему вліянію, поднялъ Французское вліяніе и въ Италіи. Такимъ образомъ, благодаря Ришельё, Франція достигла завѣтной цѣли своихъ стремленій, стала первенствующею державою въ Европѣ; со всѣхъ сторонъ она была окружена слабыми сосѣдями: Испанія все болѣе и болѣе предавалась тяжелому сну; раздробленная Италія и Германія не имѣли силъ противиться Французскому вліянію; Голландія имѣла слишкомъ ничтожныя сухопутныя средства; Австрія была слаба своимъ пестрымъ составомъ и не могла скоро оправиться послѣ тридцатилѣтней войны; Англія вступала въ долгій періодъ внутреннихъ смутъ. Во внѣшней дѣятельности своей Ришельё имѣлъ сначала главнаго сотрудника въ ловкомъ монахѣ, патерѣ Іосифѣ, а потомъ въ Итальянцѣ Мазарини.

Въ концѣ 1642 года умеръ знаменитый кардиналъ, предметъ удивленія, страха и ненависти для короля и народа. Въ маѣ 1643 года умеръ и король Людовикъ XIII, человѣкъ безъ большихъ пороковъ и безъ добродѣтелей, совершенно заслоненный для современниковъ и потомства колоссальною фигурою Ришельё. Сынъ покойнаго короля, Людовикъ XIV, былъ малолѣтенъ, и Франціи опять приходилось испытать регентство съ неизбѣжными смутами. Правительницею была провозглашена мать малолѣтняго короля Анна Австрійская, сестра Испанскаго короля Филиппа IV. На сорокъ второмъ году Анна была еще хороша собою; къ пріятной наружности присоединялось чрезвычайно приличное и привлекательное обращеніе; сочувствіе къ королевѣ усиливалось еще печальною судьбою ея при жизни нелюбимаго ею и нелюбившаго ее мужа. Анна была женщина религіозная, страстная, стойкая въ своихъ привязанностяхъ, не разбиравшая иногда средствъ для достиженія цѣли, по отсутствію хорошей нравственной школы при католическихъ дворахъ, властолюбивая и вмѣстѣ съ тѣмъ лѣнливая, слѣдовательно пужавшаяся въ человѣкѣ, на котораго могла бы сложить бремя власти. Ловкій Мазарини овладѣлъ привязанностью Анны, и эта привязанность не остывала съ лѣтами, но усиливалась. Такимъ образомъ для Мазарини очищено было мѣсто Ришельё. Новый правитель Франціи обладалъ большими дипломатическими способностями, во внѣшней политикѣ взглядъ его отличался большою ясностью, онъ не былъ мастеромъ по внутренней и не умѣлъ загла-

дить недостатка своего иностраннаго происхожденія глубокимъ изученіемъ Франціи; онъ былъ ловокъ, хитеръ, увертливъ, способенъ, если выгонять въ одни ворота, проложить себѣ дорогу въ другія, но не имѣлъ нисколько всесокрушающей силы своего предшественника, а если въ концѣ остался побѣдителемъ, то не сломилъ препятствій, а обѣжалъ ихъ, пользуясь слабостью враговъ, которые не имѣли ни способностей, ни единодушія, не имѣли ясно сознанной цѣли для борьбы.

Когда отнялась сильная рука Ришельё, то сжатое при немъ снова пришло въ движеніе. Вельможи опять выступили съ своими претензіями; но въ чемъ состояли эти претензіи? Въ томъ, чтобы играть видную, блестящую роль, красоваться, пользоваться настоящимъ днемъ, не думая о завтрашнемъ, руководясь личною враждою, личными привязанностями, не имѣя никакихъ общихъ цѣлей и плановъ для основнаго измѣненія своего положенія, для опредѣленія своихъ отношеній къ королевской власти; поднялся парламентъ, поднялось парижское народонаселеніе; въ этомъ движеніи слышались отрывочно какія-то новыя слова, новыя желанія и требованія, но все это высказывалось безсознательно, безсвязно; представленія изъ міра древняго, классическаго смѣшивались съ представленіями, взятыми изъ событій, происходившихъ въ сосѣдней Англіи; своего, выросшаго на своей почвѣ и потому крѣпкаго ничего не было, и изъ всего этого вышла одна суматоха, вышла дѣтская игра, такъ называемая *фронда*, которымъ словомъ и характеризуется смутное время въ малолѣтство Людовика XIV.

Мазарини не чувствовалъ въ себѣ способности держать всѣхъ въ рукахъ, подобно Ришельё, и потому, кромѣ королевы, искалъ опоры въ членахъ королевскаго дома, или въ принцахъ крови, какъ называли ихъ во Франціи. Первымъ принцемъ крови былъ родной дядя короля, Гастонъ Орлеанскій, человѣкъ ничтожный, заслужившій презрѣніе поступками своими при Ришельё, но, по своему положенію, могшій быть опаснымъ для правительства орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Гастона купили обѣщаніемъ провинціи въ управленіе. Еще легче было купить втораго принца, Конде, у котораго корыстолюбіе было господствующею страстью. Но у Конде былъ сынъ Людовикъ Бурбонъ, герцогъ Ангьенскій, молодой человѣкъ, съ которымъ правительство должно было больше всего считаться по его блестящимъ военнымъ дарованіямъ. Положеніе правительства было опасно: у него не было Ришельё, тогда какъ недовольное вельможество и парламентъ могли собраться около герцога Ангьен-

скаго, героя, какого Ришельё не имѣлъ никогда противъ себя; можно было опасаться, что сынъ Конде начнетъ играть роль Гизовъ: но разница состояла въ томъ, что способности герцога Ангьенскаго были односторонни; на войнѣ это былъ первоклассный полководецъ, во всемъ другомъ — посредственность. Такъ какъ у Французовъ въ это время продолжалась война съ Испанцами, то умирающій Людовикъ XIII поручилъ начальство надъ Фландрскою арміею герцогу Ангьенскому, который, какъ мы видѣли, началъ свое военное поприще блистательною побѣдою при Рокруа (май 1643 г.); побѣдителю было только 22 года.

За принцами крови стояла толпа вельможъ, которые подняли головы послѣ Ришельё, и съ которыми также надобно было считаться правительству. Мазарини, не имѣя силы сокрушать, естественно былъ склоненъ подкупать, и возвратилось время правленія Маріи Медичи: всѣ стали просить и никому не было отказа; когда въ казнѣ не осталось денегъ, начали раздавать привилегіи, монополіи; одной дамѣ дали право собирать пошлины съ обѣденъ, служившихся въ Парижѣ. Сначала всѣ были довольны; только и слышалось при дворѣ: «Королева такъ добра!» Но когда просить и получать стало уже труднѣе, и когда въ то же время замѣтили, что даютъ не по одной добротѣ, а по боязни и слабости, то начали презрительно обращаться съ человѣкомъ боязливымъ и слабымъ, съ Мазарини; начали показывать итальянцу, что онъ лишній во дворцѣ, долженъ уступить мѣсто и вліяніе другимъ познатнѣе его, и когда увидѣли, что королева упрямится, хочетъ непременно удержать при себѣ Мазарини, то и она перестала быть «такою доброю». Самый видный между вельможами былъ герцогъ Бофоръ, побочный внукъ Генриха IV, красивый, но дерзкій и пустой человѣкъ. Скоро онъ нашелъ случай достойно выступить на поприще. Двѣ дамы, соперницы по красотѣ, перессорились между собою; королева взяла сторону обиженной и удалила обидчицу въ деревню. Бофоръ, который волочился за обидчицею, пришелъ въ ярость и составилъ заговоръ убить кардинала Мазарини; шпіоны извѣстили перваго министра объ опасности; Бофоръ былъ заключенъ въ крѣпость, родные и друзья его должны были оставить Францію.

Казалось дѣло кончилось благополучно. Правительство дѣйствовало рѣшительно, показало свою силу. Но опасность болѣе страшная начала грозить ему съ другой стороны: то было финансовое разстройство. Благодаря войнамъ и внутренней широкой дѣятельности Ришельё, финансы и при немъ находились далеко не въ удовлетворительномъ

положеніи. Доходы отдавались на откупъ за нѣсколько лѣтъ впередъ, и Анна Австрійская, при вступленіи своемъ въ управленіе, въ 1643 году, нашла, что доходы издержаны за три года впередъ. Расточительность правительницы увеличила расходы: въ 1642 году они простирались до 99 милліоновъ, въ 1643 году зашли за 124 милліона, а между тѣмъ войску платили хуже, чѣмъ при Ришельё. Изъ 124 милліоновъ, 68 шли мимо контроля, потому что помѣщались въ *секретные* расходы. Виновникомъ зла считали Мазарини; онъ былъ покровителемъ генераль-контролера Емери, пользовавшагося очень незавидною репутаціею. Крестьяне обремененные налогами, начали волноваться. Заводчиковъ мятежа хватили и вѣшали; но это не избавляло правительство отъ финансовыхъ затрудненій. Оно увеличило пошлины на вино и продало 200 новыхъ должностей; заняло 12 милліоновъ за 25 процентовъ, наконецъ выкопало старинное предписаніе, запрещавшее строить дома въ Парижскихъ предмѣстьяхъ: владѣльцы уже построенныхъ домовъ должны были или сносить ихъ, или отплачиваться деньгами. Домовладѣльцы обратились къ парламенту, и парламентъ заступился за нихъ. Правительство завело переговоры съ парламентомъ и уступило: взяло одинъ милліонъ вмѣсто ожидаемыхъ семи или осьми. Но уступивши парламенту и Парижанамъ, правительство усилило подати съ сельскаго населенія. Тягость народная, съ одной стороны, стала причиною неудовольствія людей честныхъ, а съ другой—люди и цѣлыя корпораціи, желавшіе выдаться впередъ, въ тягости народной нашли лучшій предлогъ для сопротивленія правительству. Въ 1647 году подати достигли небывалой цифры. Въ началѣ 1648 года въ Парижѣ по ночамъ слышались выстрѣлы: горожане, раздраженные новымъ налогомъ, пробовали ружья; чиновники, которымъ не выплачивалось жалованье, обратились къ парламенту, который заступился за нихъ и постановилъ чтобы всѣ судебныя финансовыя палаты соединились для защиты общаго дѣла. Государственный совѣтъ кассировалъ это постановленіе, и членамъ парламента велѣно было явиться во дворецъ. Они пошли туда пѣшкомъ; по дорогѣ громадная толпа окружила ихъ, и тысячи голосовъ умоляли ихъ соединить свое дѣло съ дѣломъ бѣднаго, такъ страшно угнетеннаго народа. Угрозы, которыми королева встрѣтила членовъ парламента, не произвели на нихъ никакого дѣйствія; члены соединенныхъ палатъ продолжали совѣщаться вмѣстѣ и говорить зажигательныя рѣчи, въ которыхъ слышалось что-то «древне-римское», по свидѣтельству современниковъ. Дворъ испугался и, посредствомъ герцога Орлеанскаго, вошелъ въ

сношенія съ парламентомъ; но это усилило только его смѣлость; раздались крики: «Дѣло идетъ не о нашемъ интересѣ, но объ интересѣ общемъ; надобно хлопотать объ облегченіи народа, надобно уничтожить безпорядки въ государствѣ!» Всѣ злоупотребленія были перебраны; ни дѣла, ни лица не были пощажены, толковали о средствахъ начать наступательное движеніе противъ министерскихъ злоупотребленій и возстановить значеніе высшей магистратуры. Королева была склонна къ энергическимъ мѣрамъ противъ этихъ «канальевъ», какъ она называла членовъ парламента и другихъ палатъ, не могла выносить мысли, чтобы эти люди ограничивали королевскую власть; но Мазарини боялся силъ соединенной магистратуры. Само правительство, посредствомъ продажи мѣстъ и наслѣдственности ихъ, создало это опасное для себя войско, сдѣлавши судебныя должности и управленіе финансами собственностью извѣстнаго числа фамилій; теперь въ цѣлой Франціи число этихъ фамилій простиралось до 50,000, которыя имѣли самое важное значеніе въ городахъ, заправляли остальнымъ ихъ народонаселеніемъ. Ришельё чувствовалъ опасность и хотѣлъ умѣрить одну силу другою, поднявши въ городахъ классъ торговыхъ и промышленныхъ людей противъ наслѣдственнаго чиновничества, но среди войнъ ему не достало досуга привести въ исполненіе свои планы, и теперь его преемникъ долженъ былъ имѣть дѣло съ опаснымъ сословіемъ, которое поддерживалось множествомъ недовольныхъ, ждавшихъ зачина движенія, чтобы броситься въ него съ «французскимъ бѣшенствомъ» *furia francese*.

Дворъ уступилъ, по настоянію Мазарини, согласился уменьшить налоги, отозвать королевскихъ интендантовъ изъ провинцій, управленіе финансами было взято у Емери; но, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, уступки съ одной стороны вели къ усиленію требованій съ другой, тѣмъ болѣе, что сторона побѣдившая естественно должна была желать обезпеченія для достигнутыхъ ея результатовъ, должна была желать, чтобы то, противъ чего она возстала, не повторялось болѣе, а этого обезпеченія не было. Пылкая королева, съ большою горечью въ сердцѣ согласившаяся на уступки, теперь, видя, что уступки не помогаютъ, упрекала Мазарини въ трусости и требовала рѣшительныхъ мѣръ противъ бунтовщиковъ. Положено было арестовать нѣсколько совѣтниковъ парламента и въ томъ числѣ старика Брусселя, пользовавшагося особенною популярностью въ Парижѣ. Въ городѣ вспыхнуло сильное волненіе, когда узнали, что «защитникъ народа» схваченъ правительствомъ. Въ это время выступаетъ на сцену человекъ, который давно уже ждалъ

случая пачать тревожную дѣятельность главы партіи въ смутахъ пародныхъ,—дѣятельность, вполне соответствующую его характеру: то былъ Павелъ Гонди, викарій Парижскаго архіепископа, извѣстный въ исторіи подъ именемъ кардинала Реца, оставившій знаменитыя во Французской литературѣ записки о своемъ времени и о своей дѣятельности. Когда народное возстаніе за Брусселя становилось все сильнѣе и сильнѣе, Гонди является къ королевѣ и начертываетъ страшную картину возмущенія. Анна, заподозривъ викарія въ умысленномъ преувеличеніи, разсердилась: «Вамъ бы хотѣлось, чтобы я возвратила свободу Брусселю,—закричала она съ угрожающимъ жестомъ. Да я скорѣе задушю его собственными руками, и всѣхъ тѣхъ, кто!!..» Мазарини поспѣшилъ остановить ее и успокоить; министръ упросилъ Гонди пойти къ народу и обѣщать освобожденіе Брусселя, если только положить оружіе. Съ большимъ трудомъ викарію удалось исполнить это порученіе. Когда онъ возвратился во дворецъ и объявилъ, что Парижъ покоенъ въ надеждѣ на исполненіе обѣщанія, то королева отвѣчала ему съ насмѣшкою: «Ступайте отдохните послѣ такой работы!» У нея было другое на умѣ, а не освобожденіе Брусселя. На другой день, на разсвѣтѣ, войска правительства расположились около Пале-Рояля, гдѣ жилъ тогда король съ матерью. Но это не испугало, а только раздражило народъ: въ минуту улицы наполнились вооруженными толпами, въ минуту по нимъ протянулись цѣпи и поднялись баррикады. Королева уступила. Бруссель возвратился и съ неслыханнымъ торжествомъ вступилъ въ парламентъ, самъ удивляясь, за что ему такая честь. Баррикады и вооруженныя толпы исчезли.

Бруссель былъ знаменитъ въ народѣ какъ ненавистникъ налоговъ, а налоги не уменьшались; новое волненіе, теперь уже противъ парламента, зачѣмъ медлитъ облегченіемъ народа. Парламентъ уступилъ мятежу, королева должна была уступить представленіямъ парламента; со слезами на глазахъ она подписала декретъ, который называла «умерщвленіемъ королевской власти». Налоги были значительно сбавлены, на четыре года король отказался отъ права налагать новыя подати, учреждать новыя должности; опредѣлено, что впредь каждый можетъ быть наказанъ только по законнымъ формамъ и ни одинъ чиновникъ не можетъ быть потревоженъ въ отправленіи своихъ обязанностей королевскимъ предписаніемъ (*lettre de cachet*) или иначе.

Одержали побѣду, вытребовали уступки. Но надолго ли? Не воспользуется ли дворъ первымъ случаемъ, чтобы «возвратить умерщвленную королевскую власть»? Оскорбили дворъ, ждали мщенія и тревожились. При дворѣ всѣмъ заправляетъ итальянецъ Мазарини,

человѣкъ, на котораго ни въ чемъ нельзя положиться, человѣкъ, который «не уважаетъ никакой добродѣтели и не ненавидитъ никакого порока». Значеніе Мазарини упало совершенно, потому что онъ оказался слабъ, уступилъ, на него сыпались пасмѣшки, на немъ безнаказанно вымещали все, что имѣли противъ власти. Самъ по себѣ Мазарини подняться не могъ; онъ долженъ былъ искать силы, на которую можно было бы опереться; эту силу представлялъ молодой герой, герцогъ Ангьенскій, принявшій теперь по смерти отца титулъ принца Конде. Конде давали богатыхъ владѣній, и онъ обѣщалъ поддержать дворъ. Въ началѣ 1649 года королева со всѣмъ дворомъ внезапно выѣхала изъ Парижа въ С.-Жерменъ, и скоро въ Парижѣ узнали, что около него собирается войско, которое прерветъ всѣ сообщенія столицы, если Парижане не подчинятся вполнѣ королевской власти. Страшное ожесточеніе овладѣло Парижемъ при этомъ извѣстїи, и парламентъ объявилъ кардинала Мазарини вѣдомымъ заводчикомъ смуты, врагомъ короля и государства, и предписалъ ему немедленно оставить дворъ и Францію. Городъ сталъ приготовляться къ защитѣ, начали собирать деньги и жалованье ратнымъ людямъ. Ратные люди явились какъ скоро было жалованье; явились и генералы изъ недовольныхъ вельможъ: герцогъ Эльбефъ, принцъ Конти (младшій братъ Конде) съ зятемъ своимъ (мужемъ сестры) герцогомъ Лонгвилемъ, котораго жена принимала дѣятельное участіе въ движеніи, герцогъ Бульонъ, маршалъ Ла-Моттъ-Гуданкуръ, герцогъ Бофоръ предложили свои шпаги на службу «парламенту и публикѣ»; послѣ нерешетъ на сторону фронды и братъ герцога Бульонскаго, знаменитый маршалъ Тюреннь. Конти былъ провозглашенъ генералиссимусомъ съ зависимою отъ парламента. Парламентъ распоряжался дѣятельно, укрѣплялъ предмѣстья, запретилъ подъ смертною казнью удаляться изъ столицы. Города Прованса и Нормандіи стали за Парижанъ. вмѣстѣ съ тѣмъ началась война памфлетами и стихами, но въ этихъ произведеніяхъ замѣтна большая разница съ подобными же произведеніями эпохи религіозной борьбы (Лиги): тогда религіозное одушевленіе съ одной стороны, опасность отъ гибельной усобицы и вмѣшательства иностранцевъ съ другой, вообще сильно разгорѣвшіяся страсти выказались и въ литературныхъ произведеніяхъ серьезныхъ и страстныхъ; но памфлеты и пѣсенки фронды своею легкостью соответствуютъ характеру движенія, не имѣвшаго серьезнаго политическаго исхода; въ этихъ произведеніяхъ (Мазаринадахъ) чаще говорится объ итальянскомъ произношеніи Мазарини, чѣмъ о народныхъ бѣдствіяхъ.

Но война велась не одними перьями; между парламентскими и ко-

ролевскими войсками происходили частыя стычки въ окрестностяхъ Парижа; многочисленность парламентскаго войска перевѣшивалась тѣмъ, что на сторонѣ королевской былъ великій Конде, съ которымъ генералы фронды не рѣшались вступать въ серьезное дѣло. Но они рѣшились вступить въ сношенія съ заклятыми врагами Франціи, Испанцами, и заключить съ ними тайный договоръ, по которому Испанскія войска должны были вступить въ предѣлы Франціи. Парламентъ съ отвращеніемъ смотрѣлъ на это дѣло и желалъ какъ можно скорѣе примириться съ дворомъ, тѣмъ болѣе, что извѣстіе о казни англійскаго короля Карла I-го произвело самое неблагопріятное впечатлѣніе на континентѣ, и представители средняго сословія во Франціи боялись вести дѣло, которое уподобляло ихъ Англійскимъ царевичамъ. Въ мартѣ 1649 года въ Рюелѣ послѣдовало примиреніе между парламентомъ и дворомъ, который призналъ дѣйствительными всѣ мѣры, принятыя въ 1648 году. Фрондеры въ парламентѣ, фрондеры генералы и фрондеры изъ другихъ слоевъ общества были очень недовольны тѣмъ, что депутаты парламента посиѣдили примиреніемъ; но первый президентъ парламента, Матвѣй Молэ (Большая Борода, какъ его обыкновенно звали въ народѣ), неустрашимо выдержалъ бурю, не смущаясь никакими криками и угрозами; между криками слышалось слово: «республика».

Республика оставалась на словахъ, но и Рюельское примиреніе не могло быть продолжительно. У королевской власти были отняты прежнія ея средства относительно наполненія казны и не были замѣнены новыми; дѣятели фронды остались нетронутыми и не были удовлетворены, поэтому не думали успокоиваться, а между тѣмъ Испанцы, пользуясь смутою, приняли успѣшное наступательное движеніе. Войско, выставленное противъ нихъ Мазарини на послѣднія деньги, не могло сдѣлать ничего важнаго, потому что Конде отказался имъ предводительствовать; послѣ Рюельскаго мира онъ подпалъ вліянію своей сестры, герцогини Лонгвиль, которая незамѣтно пріучала его отзывать о Мазарини съ такимъ же презрѣніемъ, какъ и фрондеры. Кардиналу наскучила зависимость отъ такого тяжелаго человѣка, какъ Конде, и онъ сблизился съ враждебными послѣднему герцогами Вандомами, выдавши племянницу за одного изъ нихъ (герцога Меркера). Конде, упрекая Мазарини въ неблагодарности, удалился отъ двора.

Франція находилась въ самомъ печальномъ положеніи въ 1649 г. Прежнее самодержавное правительство было подорвано, а новый порядокъ вещей установленъ не былъ; анархія смѣнила прежнее фискальное тиранство; за 20 верстъ отъ Парижа не платилось

болѣ никакихъ податей и пошлинъ, сборщики не смѣли показываться въ деревняхъ; правительство, доведенное до послѣдней крайности, не могло ни выплачивать жалованье войску, ни содержать дворъ, такъ что пажей разослали по роднымъ, не имѣя чѣмъ кормить ихъ; провинціи волновались, требуя прежнихъ правъ, прежней независимости. Въ Парижѣ публично только и говорили, что о республикѣ и свободѣ, ссылаясь на примѣръ Англіи, говорили, что монархія слишкомъ устарѣла и пора съ нею покончить. Pamфлеты вышли изъ всякихъ предѣловъ приличія.

Между тѣмъ Конде торговался съ Мазарини: онъ требовалъ для зятя своего, герцога Лонгвиля, губернаторства въ Понъ-де-Ларшъ, мѣста чрезвычайно важнаго въ стратегическомъ отношеніи. Мазарини считалъ крайнимъ неблагоуразуміемъ отдать такое мѣсто въ руки фронтендъ и лично отказалъ Конде. Тотъ вышелъ изъ себя, сдѣлавъ такой жестъ рукою, какъ будто хотѣлъ задѣть кардинала по носу и удалился, закричавши ему: «Прощай Марсъ!» Фронтенды пришли въ восторгъ при вѣсти объ этомъ разрывѣ и спѣшили предложить свои услуги Конде; Мазарини былъ почти всеміи оставленъ, потому что никто не считалъ возможнымъ, чтобы кардиналъ восторжествовалъ въ борьбѣ съ Конде. Мазарини испугался и помирился съ принцемъ на тяжелыхъ условіяхъ, обязался не предпринимать ничего важнаго, не раздавать никакихъ значительныхъ мѣстъ и не удалять никого отъ двора, не женить своего племянника и не выдавать замужъ племянницъ, безъ согласія Конде. Здѣсь высказался вполне характеръ Конде, онъ не былъ способенъ находиться во главѣ партіи, еще меньше во главѣ управленія; это былъ совершенный образецъ стариннаго дворянина, который былъ способенъ только воевать, и всякое другое занятіе считалъ ниже себя, для всякаго другого занятія годились такіе мелкіе люди, какъ Мазарини съ товарищами; пусть ихъ работаютъ, но чтобы не могли поднимать носъ и дѣлать что-нибудь безъ его согласія. Взглядъ Конде на Мазарини, этого человѣка, не умѣющаго владѣть оружіемъ и осмѣливающагося противорѣчить ему, принцу и герою, вполне выразился въ презрительномъ восклицаніи: «Прощай, *Марсъ!*» Желая не управлять, а господствовать, желая, чтобы все безусловно подчинялось его прихотямъ, Конде явился для всѣхъ невыносимымъ деспотомъ, какъ для враговъ, такъ и для друзей. Одинъ изъ самыхъ пустыхъ людей при дворѣ, маркизъ Жарзе, вздумалъ волочиться за королевою, и Конде рѣшился содѣйствовать успѣхамъ маркиза; и когда королева прогнала Жарзе, то Конде поднялъ шумъ и заставилъ королеву простить Жарзе и допу-

ститъ его снова во дворецъ. Королева и Мазарини до времени затаили свои чувства къ тирану; но фрондеры не хотѣли дожидаться и подняли волненіе на улицахъ. Мазарини увѣрялъ, что движеніе направлено противъ Конде; тотъ, для повѣрки, отправилъ свою карету и людей: раздались выстрѣлы и одинъ изъ лакеевъ принца былъ раненъ. Раздраженный Конде подалъ жалобу въ парламентъ. Тогда вожди фронды, преслѣдуемые за покушеніе на жизнь принца, рѣшились сблизиться съ дворомъ противъ общаго врага. Гонди, переодѣтый, ночью явился во дворецъ для переговоровъ съ королевою и Мазарини, и дѣло было улажено: викарій поручился, что Парижъ не тронется, если правительство арестуетъ Конде, Конти и Лонгвиль. И дѣйствительно, когда въ Парижѣ разнеслась вѣсть, что эти три чловѣка схвачены во дворцѣ и отведены въ крѣпость (Венсеннь), то улицы были иллюминированы: городъ праздновалъ заточеніе своего героя какъ великую побѣду; въ парламентѣ не было рѣчи о томъ, что захваченные принцы должны быть судимы по законамъ. Гонди и Бофоръ объявили, что они совершенно примирились съ дворомъ, и въ народѣ говорили: «зпачить не нужно болѣе ненавидѣть кардинала, если онъ пересталъ быть Мазариномъ» (1650 г.).

Но поднялась новая фронда. За Конде вооружился герцогъ Бульонъ, маршалъ Тюреннь и другіе друзья принца; энергическая красавица, герцогиня Лонгвиль, сестра Конде, была душою движенія. Не одна, впрочемъ, герцогиня Лонгвиль внесла свое имя въ лѣтопись фронды: многія другія знатныя дамы стали знамениты своими похожденіями, сильнымъ участіемъ въ интригахъ и волненіяхъ эпохи; характеръ движенія согласовался какъ нельзя больше съ женскимъ характеромъ, взятымъ не съ почтенной его стороны; и мужчины фронды дѣйствовали большею частью, какъ вѣтренныя женщины. Измѣна казалась дѣломъ позволительнымъ; знаменитый Тюреннь вмѣстѣ съ герцогинею Лонгвиль заключили договоръ съ Испанцами: обязались взаимно не входить въ сношеніе съ французскимъ правительствомъ безъ освобожденія принцевъ и безъ заключенія выгоднаго для Испаніи мира. Тюреннь соединилъ свое войско съ войсками испанскими, забиралъ города и намѣревался ударить на Венсеннь, чтобы освободить Конде. Гонди потребовалъ у Мазарини, чтобы тотъ выхлопоталъ ему кардинальство; Мазарини отказалъ, тогда Гонди соединился съ партіею Конде, увлекая за собою и безхарактернаго герцога Орлеанскаго. Побѣда войскъ правительства надъ Тюренномъ не спасла Мазарини отъ бѣды, когда противъ него соединились теперь старая и новая фронда. Въ парламентѣ опять заговорили про-

тивъ правительства, раздались голоса, что «монархія ниже законовъ». Парламентъ огромнымъ большинствомъ рѣшилъ просить короля и правительницу объ освобожденіи знаменитыхъ заключенныхъ; первый президентъ парламента Молэ говорилъ предъ королевою необыкновенно смѣло, назвалъ политику Мазарини несчастною и сильно порицалъ арестъ Конде. Двѣнадцатилѣтній король обнаружилъ въ себѣ при этомъ случаѣ будущаго Людовика XIV: онъ сказалъ матери, что если бы онъ не боялся навлечь на себя ея неудовольствіе, то заставилъ бы замолчать перваго президента и выгналъ бы его. (Начало 1651 года). Правительство объявило, что соглашается на освобожденіе принцевъ, если Тюреннь перестанетъ вести войну. Но уже было поздно: герцогъ Орлеанскій вошелъ въ соглашеніе съ партіею Конде, и положено было—изгнать Мазарини; почти весь дворъ покинулъ дворецъ, чтобы предложить свои услуги герцогу; огромное число дворянъ послѣдовало примѣру двора; наконецъ и духовенство объявило себя въ пользу Конде. Мазарини считъ нужнымъ для себя выѣхать изъ Парижа въ С.-Жерменъ; но парламентъ, благодаря короля и правительницу за удаленіе кардинала отъ двора, просилъ, чтобы Мазарини былъ удаленъ за предѣлы Франціи, и чтобы впередъ ни одинъ иностранецъ не имѣлъ доступа въ королевскій совѣтъ. Анна Австрійская принуждена была согласиться на эту мѣру; принцы были освобождены. Мазарини выѣхалъ за границу, но поселился недалеко отъ Франціи, въ городѣ Брюлѣ, близъ Кельна, дожидаясь своего времени, зная, что во французскихъ волненіяхъ нѣтъ ничего серьезнаго, что все дѣло въ личныхъ отношеніяхъ, которыя ежедневно запутываются. Онъ былъ робокъ, трепеталъ при видѣ приближающейся бѣды, но былъ твердъ и стоекъ въ самой бѣдѣ.

Не успѣлъ Мазарини выѣхать за границу, какъ уже люди, его изгнавшіе, начали ссориться. вмѣстѣ съ исключеніемъ всѣхъ иностранцевъ изъ королевскаго совѣта парламентъ потребовалъ исключенія кардиналовъ; духовенство подало королю жалобу на обиду, сдѣланную церкви; герцогъ Орлеанскій сталъ на сторонѣ духовенства, имѣя въ виду кардинальство Гонди. Въ то же самое время парламентъ поссорился съ дворянствомъ, которое, жалуясь на постепенное ограниченіе древнихъ правъ и вольностей дворянскихъ, жалуясь, что люди меча должны подчиняться людямъ пера, людямъ низшаго происхожденія, требовало созванія генеральныхъ чиновъ, чтобы прекратить злоупотребленія министровъ и захватъ власти, какой позволяли себѣ парламенты. Герцогъ Орлеанскій и Конде не знали, что дѣлать между двухъ огней, между дворянствомъ и парламентомъ; положеніе

послѣдняго стало тѣмъ опаснѣе, что дворянство соединилось противъ него съ духовенствомъ. Между тѣмъ, Конде перессорилъ новую фронтъ съ старой, и въ старой фронтѣ перессорилъ двухъ ея вождей — Гонди и Бофора. Тогда Гонди перешелъ на сторону королевы, которая обвинила Конде въ сношеніяхъ съ Испанією. Дѣло было передано на судъ парламента, въ залахъ котораго едва не произошло битвы между партією Конде и партією Гонди. Конде выѣхалъ изъ Парижа и явно перешелъ на сторону Испаніи. Тогда Мазарини увидѣлъ, что его время пришло, и явился во Францію въ концѣ 1651 года съ войскомъ, собраннымъ имъ въ Германіи и Бельгіи; герцогъ Бульонъ и маршалъ Тюреннь были теперь на его сторонѣ; тщетно парламентъ выдалъ противъ кардинала яростную прокламацію: она не повела ни къ чему, тѣмъ болѣе, что тринадцатилѣтній король былъ провозглашенъ совершеннолѣтнимъ, и это стѣсняло парламентъ въ его дѣйствіяхъ. Людовикъ XIV выѣхалъ навстрѣчу къ Мазарини и вмѣстѣ съ нимъ поселился въ С.-Жерменѣ, а Конде возвратился въ Парижъ, гдѣ оставался также и герцогъ Орлеанскій. Но эти принцы не долго могли разчитывать на парижанъ: вожди партій высказали ясно своекорыстность своихъ стремленій, объ общемъ благѣ, объ облегченіи народа не было болѣе рѣчи, нерѣшительное положеніе всего болѣе тяготило жителей Парижа, которые все сильнѣе и сильнѣе высказывали свое неудовольствіе на неспособность парламента, который не умѣлъ ни возвратитъ короля, ни прогнать Мазарини: въ маѣ 1652 года въ народѣ раздавались крики: «Миръ или война! Мы не хотимъ болѣе такъ мучиться!» кричали въ одно время и противъ Мазарини, и противъ парламента, и противъ принцевъ. Самому Конде пришлось услышать такіе крики, которые заставляли его измѣняться въ лицѣ. Хуже досталось членамъ парламента въ іюнѣ: народъ напалъ на нихъ съ кулаками, палками и ружьями, и много было ранено или избито. Послѣ этой грубой народной расправы политическая роль парламента кончилась, онъ уже не собирался болѣе. Дворъ хотѣлъ воспользоваться этою смутю для нанесенія рѣшительнаго удара, и въ іюлѣ подъ Парижемъ произошло кровопролитное сраженіе между войсками королевскими, которыми предводительствовалъ Тюреннь, и между войсками фронтды, которыми начальствовалъ Конде. Послѣдній бился съ обычнымъ своимъ искусствомъ и мужествомъ, былъ всюду, гдѣ грозила большая опасность. «Я видѣлъ не одного Конде, но больше двѣнадцати», говорилъ Тюреннь, умѣвнѣй отдавать должное сопернику. Несмотря, однако, на все искусство и мужество, побѣда осталась не за Конде, и только

возможность укрыться въ стѣнахъ Парижа спасла остатки его войска отъ окончательнаго истребленія. За этою кровавою битвою послѣдовала рѣзня во внутренности Парижа: болѣе тридцати лучшихъ горожанъ были убиты въ ратушѣ изступленною чернью, напущенною сторонниками принцевъ; ужасъ, произведенный этимъ событіемъ, отдалъ Парижъ совершенно во власть принцевъ, и герцогъ Орлеанскій былъ провозглашенъ намѣстникомъ королевства. Но рѣзня въ Парижской ратушѣ произвела сильное пегодованіе въ провинціальныхъ городахъ; дурное поведеніе вельможъ, ссорившихся и дравшихся другъ съ другомъ изъ-за самыхъ вздорныхъ предлоговъ, лишало ихъ всякаго уваженія; скоро и Парижская чернь должна была опомниться вслѣдствіе прекращенія торговли и дороговизны всего; большинство народонаселенія съ радостью готово было прекратить фронду, эту опасную игру, обходившуюся такъ дорого; рады были подчиниться безусловно королю, но тяжело было подчиниться Мазарини, котораго такъ долго и безнаказанно оскорбляли; это одно удерживало многихъ на сторонѣ принцевъ. Дворъ поспѣшилъ отнять и этотъ послѣдній предлогъ къ продолженію фронды: въ августѣ 1652 года Мазарини снова выѣхалъ за границу, король объявилъ всепрощеніе, и Конде долженъ былъ оставить Парижъ: онъ поступилъ въ испанскую службу и назначенъ былъ генералиссимусомъ всѣхъ войскъ испанскихъ. Новый генералиссимусъ началъ было забирать французскіе города по сѣверной границѣ; но противъ него выступилъ Тюреннь, а на помощь Тюренню явился кардиналъ Мазарини, въ челѣ 4,000 человекъ, набранныхъ имъ за границею во французскую службу. Тюреннь началъ отбирать города, захваченные Конде, а между тѣмъ въ Парижѣ власть королевская утверждалась все больше и больше, не встрѣчая препятствій среди народонаселенія, истомленнаго фрондою. Гонди, теперь кардиналъ Рецъ, видя на чьей сторонѣ сила, вошелъ въ сношеніе съ дворомъ, но попрежнему сталъ продавать свои услуги, торговаться насчетъ вознагражденія всѣмъ своимъ друзьямъ, участвовавшимъ въ фрондѣ, дворъ не соглашался, и Рецъ, по старой привычкѣ, сталъ пересылаться съ Конде, явнымъ измѣнникомъ. Тогда, въ декабрѣ 1652 года, Рецъ былъ схваченъ и запертъ въ Венсеннскомъ замкѣ. Напрасно преданное ему духовенство пыталось поднять народъ: народъ не двигался; напрасно университетъ, епископы, папскій нунцій вступились предъ королемъ за Реца: Рецъ оставался въ крѣпости; послѣ онъ имѣлъ случай убѣжать въ Римъ. Такъ кончилось поприще одного изъ главнѣйшихъ героев фронды, человека, пронесшагося блестящимъ метеоромъ, занявшаго силь-

по вниманіе толпы, но разсыпавшимся безслѣдно, потому что не имѣлъ государственныхъ идей, не имѣлъ ясно опредѣленной цѣли, потому что движеніе было для него цѣлью, а не средствомъ къ установленію какого-нибудь прочнаго порядка вещей.

Равнодушіе народа къ судьбѣ Реца показало двору, что теперь можно на все рѣшиться: въ началѣ 1653 года Мазарини съ торжествомъ вѣхалъ въ Парижъ; вечеромъ въ честь его сожженъ былъ фейерверкъ, и черезъ нѣсколько времени городъ Парижъ далъ ему обѣдъ въ той самой ратушѣ, гдѣ такъ недавно происходила рѣзня. Фронда прошла безслѣдно, оставивъ Францію въ болѣе печальномъ состояніи, чѣмъ то, отъ котораго она, повидимому, хотѣла ее избавить. Бесплодность движенія, обманутыя надежды естественно примирляли многихъ съ человѣкомъ, который былъ главною жертвою этого движенія; въ сердцѣ молодого короля, наполненномъ ненавистью къ фрондѣ, естественно укоренялась привязанность къ Мазарини, который былъ предметомъ ненависти фрондѣровъ, ибо естественно любятъ то, что ненавидятъ люди намъ противные, поэтому внушенія матери, что кардиналъ былъ единственною опорою трона противъ честолюбія принцевъ и притязаній парламента, находили такой легкій доступъ къ молодому Людовику, и Мазарини явился при немъ съ неограниченнымъ вліяніемъ.

Мазарини воспользовался этимъ вліяніемъ для того, чтобы извнѣ поднять Францію въ политическомъ и военномъ отношеніи на ту высоту, на какой она стояла при заключеніи Вестфальскаго мира и съ которой свела ее фронда; внутри для того, чтобы нажить себѣ громадное состояніе, при чемъ первый министръ не обращалъ никакого вниманія на улучшеніе финансоваго положенія Франціи. Мало понимая въ финансахъ, Мазарини поручилъ управленіе ими Фуке, человѣку ловкому, смѣлому, который умѣлъ добывать деньги, не обращая вниманія на средства; внутренняя и внѣшняя торговля сильно страдали отъ умноженія и увеличенія пошлинъ; искали всякихъ средствъ усилить доходы, и между прочимъ изобрѣтена была гербовая бумага. Между тѣмъ война противъ Испанцевъ велась съ большею энергіею; Тюреннъ пріобрѣталъ все больше и больше славы, и если бы на сторонѣ Испанцевъ не былъ Конде, то Французы явились бы у воротъ Брюсселя; на югѣ, со стороны Пиренеевъ они также имѣли успѣхъ. Мазарини хотѣлъ добиться выгоднаго мира; но непремѣннымъ условіемъ этого мира онъ хотѣлъ поставить бракъ Людовика XIV на единственной дочери испанскаго короля Филиппа IV, чтобы посредствомъ этого брака соединить двѣ монархіи, фран-

цузскую и испанскую. Разумѣется, императоръ Фердинандъ III не могъ равнодушно смотрѣть на это стремленіе; ему хотѣлось посредствомъ брака сына своего Леопольда на инфантѣ снова соединить испанскія и австрійскія владѣнія, какъ было при Карлѣ V. Когда императоръ обнаружилъ враждебныя намѣренія относительно Франціи, то Мазарини началъ дѣйствовать противъ него въ Германіи, заключая союзы съ тамошними владѣльцами. Фердинандъ III умеръ весною 1657 года, оставивъ австрійскія владѣнія молодому сыну своему Леопольду. Французскимъ дипломатамъ не удалось помѣшать избранію Леопольда въ императоры, но имъ удалось дѣло болѣе важное: Франція и Германскіе князья, католическіе и протестантскіе, составили союзъ подъ именемъ Рейнскаго, обязавшись взаимно помощью въ случаѣ нарушенія условій Вестфальскаго мира; составлена была союзная армія, предводителемъ которой назначенъ былъ князь Салымъ, бывшій во французской службѣ. Такимъ образомъ Франція стала самымъ вліятельнымъ членомъ союза, долженствовавшаго упрочить порядокъ вещей, созданный Вестфальскимъ миромъ, т.-е. раздробленность Германіи, и противопоставила свое дѣйствительное вліяніе на германскія дѣла номинальному значенію императора изъ Габсбурговъ.

Испанія, видя постоянныя неудачи, согласилась на миръ съ Франціею съ условіемъ выдачи инфанты за Людовика XIV; ей было легко теперь согласиться на это, потому что у короля Филиппа IV родился сынъ, и такимъ образомъ инфанта теряла право на наслѣдство испанскаго престола; но Мазарини считалъ бракъ все же выгоднымъ для французскихъ претензій. Въ ноябрѣ 1659 года былъ подписанъ такъ называемый пиринейскій договоръ между Франціею и Испаніею: Франція получила двѣ провинціи—Артуа и Руссильонъ и части трехъ другихъ провинцій (Фландріи, Гэно и Люксембурга). Конде получилъ позволеніе возвратиться во Францію, былъ принятъ королемъ сначала холодно, но потомъ съ нимъ начали обращаться, какъ будто бы ничего не бывало. Парламентъ, недавно настановавшій на изгнаніе Мазарини, оцѣнившій его голову, теперь испросилъ у короля позволеніе отправить къ кардиналу депутацію благодарить его за великую услугу, оказанную Франціи пиринейскимъ миромъ. Мазарини принялъ депутацію, лежа на постели; здоровье его уже было разстроено. Въ мартѣ 1661 года Мазарини умеръ. Король созвалъ министровъ и статсъ-секретарей и объявилъ имъ: «До сихъ поръ правилъ моиими дѣлами покойный кардиналъ; съ этого времени я самъ буду моимъ первымъ министромъ. Вы будете помогать мнѣ своими совѣтами, когда я ихъ потребую; прошу ничего не подписывать безъ моего приказанія».

XV

Умственное движеніе въ Европѣ въ первую половину XVII вѣка.

Антихристіанское движеніе.—Віо.—Валини.—Галилей.—Бэковъ.—Декартъ.—Гоббесъ.—Вонсанъ де-Поль.—Новые ордена.—Янсенизмъ и Портъ-рояль.—Паскаль.—Г-жа Рамбульс.

Обыкновенно думаютъ, что антихристіанское, антирелигіозное движеніе въ западной Европѣ принадлежитъ XVIII вѣку; но это не такъ. Сомнѣніе и невѣріе обнаруживаются сильно и въ XVII вѣкѣ; но дѣло въ томъ, что въ XVII вѣкѣ это движеніе встрѣтило болѣе охранительныхъ силъ, и именно силъ нравственныхъ, которыя и сдержали его. Мы видѣли, какъ въ Италіи, въ такъ называемую эпоху возрожденія, знакомство съ произведеніями древней мысли ослабило, а въ нѣкоторыхъ, легко увлекшихся, людяхъ совершенно искоренило христіанскія вѣрованія. Протестантское движеніе отрезвило итальянскихъ католиковъ; антихристіанское движеніе продолжало высказываться большею частью осторожно; проповѣдникъ пантеизма, Джіордано Бруно былъ сожженъ въ 1600 году. Изъ Италіи это движеніе перешло во Францію и совершалось подъ тѣмъ же вліяніемъ древнихъ идей. Жестокая религіозная борьба между католиками и протестантами, кончившаяся всеобщимъ истощеніемъ, поведшимъ къ сдѣлкѣ, неудовлетворявшей ни ту, ни другую сторону, оттолкнула людей усталыхъ, стремившихся къ покою и наслажденіямъ жизни, отъ того и другого христіанскаго исповѣданія, повела къ равнодушію, сомнѣнію и невѣрію. Явились люди «съ религіею Лукреція и Плинія». Но кромѣ этихъ людей, читавшихъ и писавшихъ серьезныя книги, антихристіанское направленіе понравилось веселой придворной и богатой парижской молодежи, которой пріятно было освободиться отъ строгихъ правилъ христіанской нравственности и поклоняться доброй богинѣ, природѣ, освящающей матеріальныя наслаж-

денія. Духовенство подняло тревогу; въ 1623 году указывали, что въ Парижѣ было 50,000 атенстовъ: цифра могла быть преувеличена, слово атенсты, во многихъ случаяхъ, могло быть принято не въ настоящемъ смыслѣ, но все же указаніе любопытно. Стихи, бывшіе въ модѣ между этими господами, были собраны подъ именемъ *Сатирическаго Парнасса*; самымъ даровитымъ изъ поэтовъ этого направленія былъ Вио. Онъ былъ осужденъ на изгнаніе, и эта строгая мѣра заставила людей, подобныхъ ему, быть осторожнѣе. Еще строже было поступлено съ поселившимся во Франціи итальянцемъ Ванини, который въ 1606 году издалъ книгу: «Объ удивительныхъ тайнахъ натуры, царицы и богини смертныхъ», гдѣ обожилъ физическую любовь и всѣ слѣпыя силы природы. Ученіе Ванини также начало распространяться между молодежью, повело къ нравственнымъ безпорядкамъ и обратило на себя вниманіе правительства; Тулузскій парламентъ, за атензмъ и хулу, приговорилъ Ванини къ отрѣзанію языка и сожженію.

Въ то же время вредила христіанству ревность не по разуму католическаго духовенства, которое вздумало во имя Св. Писанія останавливать успѣхи научныхъ изслѣдованій о видимой природѣ. Теорія Коперника о движеніи земли около солнца нашла подтвержденіе въ трудахъ знаменитыхъ ученыхъ, въ «Новой Астрономіи» нѣмца Кеплера, въ «Звѣздномъ Вѣстникѣ» итальянца Галилея; иезуиты и доминиканцы соединились подъ предводительствомъ знаменитаго своею ученостію иезуита Беллармина и въ 1636 году ученіе о движеніи земли было запрещено въ Римѣ. Галилей не подчинился этому запрещенію; его схватили и въ 1633 году, предъ семью кардиналами, заставили отказаться отъ *ереси* движенія земли. Несмотря па то, что бумаги Галилея были сожжены послѣ его смерти, онъ оставилъ потомству два великихъ изобрѣтенія—телескопъ и микроскопъ. Изученіе природы шло быстрыми шагами; англичанинъ Жильбертъ нашелъ земной магнетизмъ, англичанинъ Гервей объяснилъ систему кровообращенія, французъ Де-Жо указалъ на приложеніе пара къ механикѣ и далъ первый рисунокъ паровой машины (1615 г.). Бэконъ, лордъ-канцлеръ Англіи, человекъ съ обширнымъ умомъ и очень слабою нравственностью, представилъ общее распредѣленіе человѣческихъ знаній, что для нихъ сдѣлано и что предстоить сдѣлать; представилъ новый умственный инструментъ (*novum organum*), новую методу, долженствующую направлять человѣка при отысканіи научныхъ истинъ. По Бэкону, у человѣка три главныя способности: память, воображеніе, разумъ; отсюда и дѣленіе науки на исторію, поэзію и фи-

лософію. Говоря объ історіи, онъ ставить історію литературы выше історіи политической, не понимъ, что если умственное движеніе народа имѣетъ вліяніе на всѣ другія стороны его жизни, то, въ свою очередь, находится въ тѣсной зависимости отъ развитія другихъ сторонъ его жизни, что для успѣховъ умственного движенія народу необходимо имѣть самостоятельность, средства для ея сохраненія, выгодныя условія для матеріальнаго благосостоянія и т. д. И относительно поэзіи и философіи у Бэкона много ошибочныхъ понятій; несмотря на то, его повичъ органѣи имѣетъ важное значеніе въ історіи новой философіи. Знаменито его выраженіе: «Немного философіи отдѣляетъ отъ Бога, много философіи приводитъ къ Нему». Знаменито и другое выраженіе, хотя неправильное по своей односторонности: «Золотой вѣкъ впереди, а не позади насъ; мы настоящіе Древніе, ибо то, что называютъ древностію міра, есть его дѣтство». Односторонне это выраженіе въ томъ отношеніи, что успѣхъ знаній и увеличеніе удобствъ жизни, которыя Бэконъ имѣлъ право предсказывать, не составляютъ условій золотого вѣка, какъ онъ представляется. Современникомъ Бэкона на континентѣ былъ другой знаменитый мыслитель ХVII вѣка — французъ Декартъ. Первое начало философіи, по Декарту, состоитъ въ слѣдующемъ: «Думаю, слѣдовательно существую; я могу удалить себя отъ понятій тѣла и мѣста, но не могу отдалить себя отъ понятій существованія и мысленія, ибо если я не мыслю, ничто мнѣ не докажетъ, что я существую. Итакъ, я существо, котораго сущность или натура состоитъ въ мышленіи и которое для того, чтобы быть, не нуждается ни въ мѣстѣ и ни въ чемъ матеріальномъ. Итакъ, я, то-есть душа, посредствомъ которой я есмь то, что я есмь, совершенно отлична отъ тѣла и даже ее легче познать, чѣмъ тѣло. Что мнѣ ручается за вѣрность этой первой истины: думаю, слѣдовательно существую?—представленіе ясное и раздѣльное, которое я о ней имѣю. Такое представленіе, *очевидность* составляетъ слѣдовательно критеріумъ основныхъ истинъ; эти истинны не доказываются, ихъ понимаютъ, ихъ видятъ, но не опредѣляютъ». До идеи Бога Декартъ доходитъ слѣдующимъ образомъ: «Я имѣю идею совершенства, но я не совершенъ, ибо я сомнѣваюсь, а знать совершеніе, чѣмъ сомнѣваться; я желаю, но обладать совершеніемъ, чѣмъ желать. Откуда во мнѣ эта идея? изъ *ничто*? Невозможно, ибо ничто есть ложь, заблужденіе, недостатокъ, то, чего нѣтъ. Идея совершенства вмѣстѣ съ идеею того, что существуетъ по преимуществу, абсолютно положительнаго, не можетъ происходить отъ отрицательнаго. Проистекаетъ ли идея изъ меня? Опять

невозможно: совершенное не может проистечь отъ несовершеннаго, меньшее не можетъ заключать въ себѣ большее. Итакъ, эта идея вложена въ меня высшею натурою; если бы я имѣлъ самъ отъ себя то немногое, чѣмъ я причастенъ существу совершенному, то я могъ бы самъ по себѣ получить и остальное, чего мнѣ недостаетъ, чтобы быть совершеннымъ. Какая натура существа совершеннаго? Я существо сложное, потому что мыслящая натура раздѣлена отъ тѣлесной; но всякая сложность условливаетъ зависимость, т.-е. несовершенство; слѣдовательно, существо совершенное не можетъ быть сложнымъ. Всѣ натуры несовершенныя зависятъ отъ существа совершеннаго, и безъ него не могутъ существовать ни минуты».

Но рядомъ съ этимъ поднятіемъ духовной половины человѣка проповѣдывались ученія другого рода: провансалець Петръ Гассанди выставилъ на первый планъ чувства, утверждая, что они никогда не обманываютъ, что обманывается разумъ въ своихъ сужденіяхъ насчетъ свидѣтельства чувствъ. Уже извѣстный намъ англичанинъ Гоббесъ утверждалъ, что всѣ наши идеи простекаютъ отъ ощущеній; субстанціи безтѣлесной не существуетъ; нельзя отдѣлить мысли отъ матеріи мыслящей. Міръ состоитъ изъ движенія и образовъ, причина существованія которыхъ заключается въ матеріи необходимой и необходимо движимой. Къ самымъ печальнымъ результатамъ пришелъ Гоббесъ, говоря о нравственной природѣ человѣка: по его мнѣнію, въ человѣкѣ естественномъ нѣтъ чувства долга, нѣтъ любви къ ближнимъ, нѣтъ общественности; всякій человѣкъ есть естественный соперникъ и врагъ всякаго другого человѣка; человѣкъ есть волкъ для человѣка. Отсюда природное состояніе людей есть война; для безопасности люди отказываются отъ этого природнаго состоянія посредствомъ общественнаго договора. Но заставить повиноваться этому договору можно только силою, и потому самое совершенное правительство есть чистый деспотизмъ. Воля сильнѣйшаго составляетъ право.

Во Франціи люди христіанскаго дѣла и христіанской мысли противопоставили свое дѣло и слово этимъ темнымъ ученіямъ. Въ 1576 году у одного Гасконскаго крестьянина родился сынъ, Вэнсапъ-де-Поль; 24 лѣтъ онъ сдѣлался священникомъ, и съ тѣхъ поръ, въ продолженіи 60 лѣтъ, вся его дѣятельность была посвящена страждущему человѣчеству: онъ старался объ устроеніи вспоможенія бѣднымъ больнымъ по домамъ, объ утѣшеніи и обращеніи преступниковъ, сосланныхъ на галеры, объ улучшеніи умственнаго и нравственнаго состоянія духовенства, о физическомъ и нравственномъ спасеніи

покинутыхъ дѣтей; все это бѣдный священникъ дѣлалъ безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, безъ большихъ и личныхъ средствъ, не обладая талантами, но имѣя въ изобиліи одну силу—милосердіе христіанское. Онъ началъ съ учрежденія женскаго общества для ухода за больными; потомъ изъ священниковъ устроилъ общество такъ называемыхъ лазаристовъ, которые должны были распространять религіозное и нравственное просвѣщеніе между сельскимъ народонаселеніемъ и наставлять тюремныхъ сидѣльцевъ; явились госпитали для ссыльныхъ, богадѣльни для стариковъ; общество Дочерей креста воспитывало дѣвочекъ въ маленькихъ городахъ и селахъ; женское общество Милосердія собирало подкидышей. Когда однажды члены этого общества, не видя ни откуда помощи, отчаялись и хотѣли бросить свое дѣло, Вэнсанъ-де-Поль обратился къ нимъ съ такими словами: «Состраданіе и милосердіе заставили васъ принять этихъ младенцевъ за собственныхъ дѣтей; вы были ихъ матерями по благодати, тогда какъ матери по патурѣ ихъ покинули; а теперь и вы хотите ихъ покинуть. Перестаньте быть ихъ матерями и обратитесь въ судьи надъ ними; ихъ жизнь и смерть въ вашихъ рукахъ; я соберу голоса». Всѣ единогласно объявили, что остаются при святомъ дѣлѣ. Вэнсанъ-де-Поль убѣдилъ епископовъ заняться приготовленіемъ достойныхъ священниковъ; по его внушенію усталились между священниками конференціи объ ихъ обязанностяхъ. Подобная дѣятельность бываетъ самымъ сильнымъ противодіемъ ученіямъ, которыя видятъ одно тѣло и въ человѣкѣ видятъ волка для другого человѣка.

Улучшенію французскаго духовенства въ описываемое время много способствовалъ орденъ Ораторіи (молеельни), учрежденный Берюлемъ въ 1611 году. Цѣль ордена была подпять образованіе въ духовенствѣ, готовить достойныхъ проповѣдниковъ, и эта цѣль была достигнута; въ то же время преобразованные Бенедиктинцы, или конгрегация св. Мора посвятила свою дѣятельность историческимъ и археологическимъ изысканіямъ, которыми заслужила почтенное имя въ наукѣ, (ихъ громаднѣйшій трудъ—собраніе источниковъ французской исторіи подъ названіемъ: Историки Галліи и Франціи).

Но особенно сила западнаго христіанства высказалась въ XVII вѣкѣ въ Янсепизмѣ. Основателями ученія, извѣстнаго подъ этимъ именемъ, были Корнелій Янсений, епископъ Ипрскій, и Жанъ Дюверже де Гораннь, аббатъ монастыря С.-Сиранъ. Видя антихристіанскія стремленія въ наукѣ и обществѣ и признавая несостоятельность католицизма съ его іезуитами, они сочли лучшимъ средствомъ для поддержания религіознаго христіанскаго духа обратиться къ ученію блаж.

Августина о предопредѣленіи съ отрицаніемъ свободной воли человека: кто имѣетъ благодать, тотъ опредѣленъ къ добру; кто не имѣетъ благодати, тотъ опредѣленъ ко злу. (Ученіе Янсенія изложено въ книгѣ его: Августинъ.) Строгая нравственность отличала послѣдователей Янсенія и С.-Сирана, и ослѣпленную знаменитость въ этомъ отношеніи пріобрѣлъ находившійся подъ духовнымъ руководствомъ С.-Сирана женскій монастырь Поръ-рояль, недалеко отъ Парижа; начальница монастыря, сильная духомъ Анжелика Арно, увлекла къ подвижнической жизни всѣхъ своихъ родственниковъ, мать, братьевъ, сестеръ, племянниковъ. Подлѣ женскаго монастыря образовался мужской съ такимъ же строгимъ направленіемъ. По смерти Янсенія и С.-Сирана ихъ дѣло продолжалъ Антоній Арно, неутомимый борецъ съ иезуитами. Янсенисты стали отбивать у иезуитовъ воспитаніе дѣтей заведеніемъ малыхъ школъ и изданіемъ учебниковъ. Иезуиты употребляли всѣ усилія для подавленія соперниковъ, поднимали противъ нихъ власти, епископовъ и римскій дворъ; но у Янсенистовъ скоро явился сильный союзникъ, то былъ Паскаль. Искрѣпленный чудеснымъ образомъ въ дѣтствѣ отъ тяжелой болѣзни, Паскаль развился чрезвычайно быстро: двѣнадцати лѣтъ онъ уже написалъ небольшой трактатъ о звукахъ, шестнадцати—о коническихъ сѣченіяхъ. Но чѣмъ болѣе Паскаль углублялся въ знаніе, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ что знаніе, вѣчно несовершенное, не можетъ удовлетворить его духовной потребности; знаніе не представляло ему вѣрнаго, неизмѣннаго, къ чему онъ стремился, и это стремленіе могло найти себѣ удовлетвореніе только въ религіозномъ чувствѣ, и Паскаль заключился въ Поръ-рояль. Помощь Паскаля была въ это время очень пужна Янсенистамъ, потому что иезуиты одержали надъ ними побѣду: въ 1653 году напалъ осудилъ положенія, извлеченныя изъ книги Янсенія; Арно, защищавшій книгу, былъ позванъ на судъ предъ Университетъ и былъ осужденъ послѣ бурныхъ засѣданій, повѣдшихъ къ тому, что болѣе 70 докторовъ покинули богословскій факультетъ, не соглашаясь подписать осужденіе Арно. Уже было дано приказаніе закрыть малыя школы, руководимыя Поррояльскими отшельниками и отнять у монахинь воспитываемыхъ ими дѣвочекъ, какъ явилась знаменитая книга Паскаля—*«Провинціальныя письма»*. Въ этой книгѣ Паскаль перемѣнилъ оборонительную войну на наступательную, напалъ на враговъ Янсенизма—иезуитовъ, и безпощадно разгромилъ ихъ, разоблачивши всю безнравственность ихъ ученія. Завѣса спала съ глазъ у общества; лучшіе люди въ высшемъ и среднемъ сословіи стали съ этихъ поръ враждебны къ иезу-

итамъ; съ этихъ-то поръ іезуитизмъ сталъ синонимомъ хитрости и нераборчивости средствъ.

Поразивши іезуитовъ, Паскаль обратился противъ другихъ противниковъ, противъ матеріализма и рачіонализма, атеизма и деизма. Чудесное исцѣленіе его племянницы, совершенное посредствомъ вѣры, дало ему новое одушевленіе въ этой борьбѣ. Знаменитый ученый идетъ къ вѣрѣ путемъ невѣрія въ средства разума и знанія, въ слѣдствіе неудовлетворенія этимъ прогрессомъ, при которомъ количество знаній, добытыхъ человѣчествомъ въ извѣстное время, всегда составляетъ ничтожную долю въ сравненіи съ бездною знаній, имѣющихъ безконечно добываться впредь,—долю, не обезпечивающую нисколько отъ заблужденій, тогда какъ уважающій свое значеніе человѣкъ требуетъ для себя увѣренности относительно важнѣйшихъ вопросовъ жизни, важнѣйшихъ отношеній своихъ. Человѣкъ хочетъ знать, откуда онъ пришелъ и куда идетъ: наука не даетъ ему на это отвѣта, другія религіи не удовлетворяютъ его; одна Библія можетъ разсѣять мракъ, царствующій относительно этихъ вопросовъ, объясняя величіе и ничтожество человѣка, сотвореннаго совершеннымъ, падшаго и могущаго возстановиться только искупленіемъ сверхъестественнымъ. Чтобы понять впечатлѣніе, производимое талантомъ Паскаля, приведемъ нѣсколько строкъ изъ его описанія состоянія человѣка внѣ христіанской религіи. «Внутренняя борьба разума со страстями произвела то, что желающіе мира раздѣлились на двѣ секты: одни захотѣли отказаться отъ страстей и сдѣлаться богами; другіе захотѣли отказаться отъ разума и сдѣлаться животными. Но ни тѣ, ни другіе не могли достигнуть своей цѣли: пельзя отдѣлаться отъ разума, который всегда тутъ съ своимъ осужденіемъ низости и неправды страстей, всегда нарушаетъ спокойствіе тѣхъ, которые имъ предаются; и страсти всегда живутъ въ тѣхъ, которые хотятъ отъ нихъ отказаться. Вотъ чего можетъ достигнуть человѣкъ собственными средствами относительно истины и блага. Въ насъ неистребима идея истины и въ то же время непобѣдимо наше безсиліе. Мы желаемъ истины и находимъ въ себѣ только сомнѣніе. Мы ищемъ счастья и находимъ бѣдствія. Мы неспособны не желать истины и счастья и мы неспособны добыть что-нибудь вѣрное и добыть счастье. Человѣкъ сознаетъ свое несчастье; онъ несчастенъ, потому что это онъ знаетъ, но въ то же время онъ великъ, потому что сознаетъ свое несчастье. Что же это за химера человѣкъ? что за хаосъ, что за противорѣчіе? Судія всѣхъ вещей, ничтожный земляной червь, хранилище истины, вмѣстилище сомнѣ-

нѣй, слава и поношеніе вселенной: станетъ онъ хвалится, я его упижамъ; станетъ онъ унижаться, я его превозношу и противорѣчу ему постоянно, до тѣхъ поръ, пока онъ пойметъ, что онъ чудовище непонятное».

Между тѣмъ римскій дворъ и французское правительство считали необходимымъ употребить строгія мѣры противъ Янсенизма. Порроальскіе отшельники были разогнаны; монахи подверглись притѣсненіямъ. Паскаль приближался къ могилѣ. Передъ смертію его мучило одно, что онъ окруженъ удобствами, которыхъ многіе умирающіе бѣдники не имѣютъ, и онъ уступилъ свой домъ бѣдному больному, а себя велѣлъ перенести къ сестрѣ. Въ августѣ 1662 года умеръ одинъ изъ самыхъ сильныхъ борцовъ за христіанство на западѣ, умеръ въ борьбѣ съ западнымъ христіанствомъ, прозрѣвая лучшія церковныя отношенія, которыя раздѣленный западъ могъ найти только на востокѣ. «Церковь,—говорилъ Паскаль,—есть единство и множество (народъ): паписты исключаютъ множесгво, протестанты единство; непогрѣшимость не въ одномъ, не во множествѣ».

Эта борьба христіанскихъ мыслителей съ антихристіанскими и антирелигіозными стремленіями изобличаетъ сильное умственное движеніе во Франціи,—движеніе, важное для насъ потому, что здѣсь подготовилось то содержаніе и тѣ формы, благодаря которымъ французская литература будетъ имѣть такое сильное вліяніе на умственную жизнь цѣлой Европы. Эпоха возрожденія и религіозныя войны сообщили сильное движеніе умственной жизни во Франціи постановкою столькихъ новыхъ и важныхъ вопросовъ, и слѣдствіемъ этого было литературное развитіе, знаменующее XVII вѣкъ во Франціи. Въ прежнее время писатели незначнаго происхожденія находились при короляхъ и знати въ качествѣ домашнихъ служителей; въ описываемое время ихъ положеніе измѣняется: даровитый писатель получаетъ самостоятельное значеніе; его начинаютъ допускать въ общество на равной ногѣ съ знатью. Этими писателями особенно были обязаны кардиналу Ришелье и мадамъ Рамбулье, которая въ своей гостиниѣ соединяла отборное общество Парижа. Писатели и писательницы гостиниѣ Рамбулье хлопотали объ очищеніи французскаго языка отъ словъ и выраженій грубыхъ, но не могли удержаться отъ крайности: не только вмѣстѣ съ словами грубыми изгнали и слова сильныя, выразительныя, но и впали въ изысканность, натянутость и вычурность. Въ тридцатыхъ годахъ вѣка началъ свое поприще знаменитый Корнель; въ шестидесятыхъ годахъ стали слышны другія знаменитыя имена—Боссюэта, Мольера и Расина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВРЕМЯ ЛЮДОВИКА XIV

I.

Эпоха Кольбера.

Слѣдствіе фронды.—Людовикъ XIV.—Николай Фука.—Жанъ Батистъ Кольберъ.—Разслѣдованіе финансовыхъ и помѣщичьихъ злоупотребленій.—Мѣры для поднятія промышленности и торговли.—Увеличеніе флота.—Заботы о наукахъ и искусствахъ.—Изданіе историческихъ памятниковъ.—Французскій языкъ.—Сатира во Франціи.—Мольеръ.—Протестъ Николя противъ театра.—Ларошфуко.—Боссюэтъ.

При имени Людовика XIV мы представляемъ себѣ государя, который перешелъ границу, отдѣляющую европейскаго самодержца отъ азіатскаго деспота; который, согласно ученію Гоббеса, хотѣлъ быть не главою государства, а душою его, предъ которымъ, слѣдовательно, подданные являлись существами безличными, бездушными, а государство, животворимое государемъ, проникнутое имъ, какъ тѣло духомъ, разумѣется, составляло съ нимъ одно существо. «Государство—это я!» говорилъ Людовикъ XIV. Какимъ же образомъ одинъ изъ королей французскихъ могъ достигнуть такого представленія о своемъ значеніи и, главное, не ограничился однимъ представленіемъ, но прилагать мысль къ дѣлу, и прилагать безпрепятственно?

Всегда какое-нибудь народное движеніе, потрясеніе, переворотъ, истомля государственный организмъ, потративая много народныхъ силъ, заставляютъ общество требовать успокоенія, требовать сильной власти, которая бы избавила отъ смуты и дала отдохнуть, собраться съ силами, матеріальными и нравственными. Во время малолѣтства Людовика XIV мы видимъ во Франціи сильную и продолжительную смуту, которая истомила общество и заставила его желать крѣпкаго правительства. Это требованіе было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ бесплоднѣе оказалось движеніе, направленное противъ власти; люди,

хотѣвшіе ограничить королевскую власть для того, чтобы, по ихъ словамъ, вывести народъ изъ невыносимо тяжкаго положенія, — эти люди, поволновавшись, покричавши и подравшись, не сумѣли сдѣлать ничего для облегченія народа. Движеніе, припавшее было сначала очень серьезный характеръ, копчилось комически. Такой исходъ движенія, такое разочарованіе относительно попытокъ къ новому, къ перемѣнамъ, надолго отбивало охоту къ нимъ и тѣмъ болѣе поднимало значеніе стараго порядка, къ которому обращались теперь, какъ къ единственному средству спасенія. Такимъ образомъ, двадцатидвухлѣтній король принималъ власть изъ охладѣвшихъ рукъ Мазарини при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ для власти, и по характеру своему былъ вполнѣ способенъ воспользоваться этими обстоятельствами. Людовикъ XIV вовсе не принадлежалъ къ тѣмъ гениальнымъ историческимъ дѣятелямъ, которые творятъ для своего народа новыя средства исторической жизни, которые оставляютъ потомству богатое наслѣдство въ идеяхъ, людяхъ и силахъ матеріальныхъ, — наслѣдство, которымъ народъ живетъ вѣка послѣ нихъ. Напротивъ, Людовикъ получилъ богатѣйшее наслѣдство: оно состояло въ странѣ, благословенной природою, въ энергическомъ, сильномъ духовными средствами народѣ, въ чрезвычайно удобно расположенной и округленной государственной области, окруженной слабыми сосѣдями: полумертвою Испаніей, раздробленными и потому безсильными Италіей и Германіей, ничтожною по своимъ военнымъ средствамъ Голландіей; Англія была занята тяжелою выработкою своихъ правительственныхъ формъ и не могла оказывать вліянія на континентъ; наоборотъ, король ея позволялъ себѣ подчиняться вліянію могущественнаго государя Франціи. Кромѣ того, богатое наслѣдство Людовика XIV состояло въ даровитыхъ людяхъ: знаменитости военныя, административныя, литературныя, которыми блеситъ царствованіе Людовика XIV, были унаслѣдованы, а не отысканы имъ. Но, воспользовавшись богатыми средствами, доставшимися по наслѣдству, Людовикъ истощилъ ихъ, а новыхъ не создалъ, и оставилъ послѣ себя Франціи банкротство — банкротство не финансовое только, — деньги дѣло наживное, — но, что всего хуже, банкротство въ людяхъ. У Людовика не было главнаго дарованія государей — отыскивать и готовить людей. Рожденный властолюбивымъ, онъ воспитался во время фронды, когда королевская власть терпѣла такія сильныя оскорбленія. Но люди, оскорблявшіе королевскую власть, не сумѣли сами ничего сдѣлать; и съ раздраженіемъ, ненавистію къ народнымъ движеніямъ, къ демагогамъ, въ молодомъ королѣ соединилось глубо-

кое презрѣніе къ нимъ:—вотъ чувство, которое воспитала въ Людовикѣ фронда. Онъ былъ властолюбивъ, самолюбивъ и энергиченъ, приписывалъ народныя движенія тому, что вмѣсто короля управлять первый министръ, который не могъ внушать такого уваженія, противъ котораго легко было вооружиться и словомъ и дѣломъ, и потому хотѣлъ управлять самъ; но чѣмъ долѣе управлялъ, тѣмъ болѣе привыкалъ смотрѣть на себя не какъ на главу, но какъ на душу государственнаго тѣла, начало животворящее, какъ на солнце, съ которымъ любилъ себя сравнивать,—тѣмъ болѣе непріятны становились для него люди, которые были также солнца, блистали своимъ, незаимствованнымъ свѣтомъ; особенно непріятны были Людовику люди образованные, потому что онъ сознавалъ въ себѣ большой недостатокъ образованности, а чувство превосходства другихъ надъ собою было для него невыносимо. Но въ нерасположеніи къ людямъ сильнымъ, самостоятельнымъ по характеру, положенію въ обществѣ, дарованіямъ и образованности и причина того, что Людовикъ не могъ замѣнять сходявшія съ поприща знаменитости другими и завыщалъ Франціи банкротство въ людяхъ.

А между тѣмъ блескъ царствованія былъ таковъ, что ослѣплялъ современниковъ и потомковъ, и Людовикъ умѣлъ явиться для своего народа великимъ королемъ: какъ же онъ успѣлъ это сдѣлать? Мы видѣли, что изъ королей французскихъ двое отличались особенно національнымъ характеромъ — Францискъ I и Генрихъ IV; но Людовикъ XIV превосходилъ ихъ въ этомъ отношеніи. Въ описываемое время главные изъ западно-европейскихъ народовъ, по характеру своей дѣятельности, по отношенію другъ къ другу, могли быть олицетворены такимъ образомъ: одинъ—человѣкъ очень умный, дѣятельный и дѣловой; онъ постоянно занятъ, и занятъ исключительно своими ближайшими интересами, отлично обдѣлалъ свои дѣла, разбогатѣлъ страшно; но онъ при этомъ не общителенъ, держитъ себя въ сторонѣ, неуклюжъ, не представительнъ, не возбуждаетъ къ себѣ сочувствія въ другихъ, принимаетъ участіе въ общихъ дѣлахъ только тогда, когда тутъ замѣшаны его собственныя выгоды, да и въ такомъ случаѣ не любитъ дѣйствовать непосредственно, но заставляетъ работать за себя другихъ, давая имъ деньги, какъ разбогатѣвшій мѣщанинъ нанимаетъ вмѣсто себя рекрута: таковъ англичанинъ, таковъ англійскій народъ. Другой человѣкъ—очень почтенный, но односторонне разившійся, ученый, сильно работающій головою, но еще не могшій, по обстоятельствамъ, укрѣпить свое тѣло и потому неспособный къ сильной физической дѣятельности, безъ средствъ отби-

вать нападенія могущественныхъ соеѣдей, безъ средствъ поддержать свое значеніе, заставить уважать свою неприкосновенность при борьбѣ сильныхъ — это нѣмецкій народъ. Третій человекъ, подобно второму, не могъ, по обстоятельствамъ, укрѣпить свое тѣло; но южная, живая, страстная натура, кромѣ занятій наукою и особенно искусствомъ, требовала практической дѣятельности. Не имѣя способовъ удовлетворить этимъ потребностямъ у себя дома, онъ часто уходитъ къ чужимъ людямъ, предлагаетъ имъ свои услуги и не рѣдко ими его блещитъ на чужбинѣ славными подвигами, обширною, славною дѣятельностію—таковъ итальянскій народъ. Четвертый человекъ смотритъ истомленнымъ; но, какъ видно, онъ крѣпкаго тѣлосложенія, способенъ къ сильной дѣятельности; и дѣйствительно, онъ велъ долгую, ожесточенную борьбу за извѣстные интересы, и никто въ это время не считался храбрѣе и искуснѣе его. Борьба, въ которую онъ страстно ушелъ весь, истощила его физическія силы, а между тѣмъ интересы, за которые онъ боролся, ослабѣли, смѣнились другими для остальныхъ людей; но онъ не занесся другими интересами, не привыкъ ни къ какимъ другимъ занятіямъ; истомленный и праздный, онъ погрузился въ долгій покой, по временамъ судорожно обнаруживая свое существованіе, безпокойно прислушиваясь къ призывамъ новаго и въ то же время оттягиваясь закоренѣлыми привычками къ старому — это народъ испанскій. Но больше всѣхъ этихъ четырехъ членовъ нашего общества обращаетъ на себя вниманіе пятый, ибо никто изъ нихъ не одаренъ такими средствами и не употребляетъ такихъ усилій для возбужденія къ себѣ всеобщаго вниманія, какъ онъ. Энергическій, страстный, быстро воспламеняющійся, способный къ скорымъ переходамъ отъ одной крайности къ другой, онъ употребилъ всю свою энергію на то, чтобъ играть видную роль въ обществѣ, приковывать къ себѣ взоры всѣхъ. Никто больше и лучше его не говоритъ; онъ выработалъ себѣ такой легкій, такой удобный языкъ, что всѣ принялись усваивать его себѣ, какъ языкъ болѣе другихъ общественный. У него такая представительная наружность, онъ такъ прекрасно одѣтъ, у него такія прекрасныя манеры, что всѣ невольно смотрятъ на него, перенимаютъ у него и платье, и прическу, и обращеніе. Онъ весь ушелъ во вѣнность; дома ему не живется; долго, внимательно заниматься своими домашними дѣлами онъ не въ состояніи; начнетъ ихъ улаживать—надѣлаетъ множество промаховъ, побурлитъ, побушуетъ, какъ выпущенный на свободу ребенокъ, устанетъ, потеряетъ изъ виду цѣль, къ которой началъ стремиться и, какъ ребенокъ, дастъ себя вести

кому нибудь. Но за то никто такъ чутко не прислушивается, такъ зорко не приглядывается ко всему, что дѣлается въ обществѣ у другихъ. Чуть гдѣ шумъ, движеніе — онъ уже тутъ; поднимается гдѣ какое-нибудь знамя — онъ первый несетъ это знамя; выскажется какая-нибудь идея — онъ первый усвоить ее, обобщить и понесетъ всюду, приглашая всѣхъ усвоить ее; впереди другихъ въ общемъ дѣлѣ, въ общемъ движеніи, вожакъ, застрѣльщикъ и въ крестовомъ походѣ, и въ революціи, опора католицизма и невѣрія, увлекающійся и увлекающій, легкомысленный, непостоянный, часто отвратительный въ своихъ увлеченіяхъ, способный возбуждать къ себѣ сильную любовь и сильную ненависть, — страшный народъ французскій! Среди угловатаго и занятого постоянно своимъ дѣломъ англичанина, ученаго, трудолюбиваго, но вовсе не привлекательнаго нѣмца, живого, но неряшливаго, разбросавшагося итальянца, молчаливаго, полусоннаго испанца, — французъ движется неутомимо, говоритъ безъ умолку, говоритъ громко и хорошо, хотя и сильно хвастаетъ, толкаетъ, будить, никому не даетъ покоя; другіе начнутъ борьбу нехотя, по нуждѣ, — французъ бросается въ борьбу изъ любви къ борьбѣ, изъ любви къ славѣ; всѣ сосѣди его боятся, всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ, что онъ дѣлаетъ. Иногда кажется, что онъ угомонился, истомленный внѣшнею борьбой, занялся своими домашними дѣлами; но эти домашнія занятія непродолжительны, и неутомимый народъ опять является на первомъ планѣ и опять волнуетъ всю Европу.

Всюду играть самую видную роль, овладѣвать всеобщимъ вниманіемъ, приковывать къ себѣ взоры всѣхъ, производить самое сильное впечатлѣніе — главная цѣль француза: отсюда — стремленіе къ внѣшности, къ изяществу въ манерахъ, одеждѣ, языкѣ, мастерство показывать себя и свой товаръ лицомъ, отсюда театральное мастерство — мастерство играть роль, соответствующую положенію. И вотъ Людовикъ XIV, истый французъ, умѣетъ съ неподражаемымъ искусствомъ разыгрывать роль короля. Прельщенные этою мастерскою игрой, другіе государи тщетно стараются подражать великому королю; но никто не въ состояніи такъ наслаждаться мастерскою игрой, мастерскою постановкою пьесы, въ такомъ восторгѣ рукоплескать великому актеру, какъ сами французы, знатоки и мастера дѣла. Людовикъ XIV, полный представитель своего народа, явился въ глазахъ послѣдняго великимъ королемъ; блеску и славы было много, Франціи дано было первое мѣсто, и славолюбивѣйшій, страстный къ блеску народъ не могъ оставаться неблагодарнымъ къ Людовику, точно такъ же,

какъ столѣтіе спустя остался прикованъ къ имени человѣка, покрывшаго славою Францію, хотя исходъ дѣятельности того и другого вовсе не соотвѣтствовалъ началу.

Принявши правленіе съ твердымъ рѣшеніемъ никогда не выпускать его изъ рукъ, заставлялъ все относиться къ себѣ, Людовикъ XIV долженъ былъ прежде всего встрѣтиться съ явленіемъ, отъ котораго, какъ онъ хорошо долженъ былъ помнить, пошла фронда, — съ страшнымъ финансовымъ разстройствомъ, съ крайне печальнымъ состояніемъ податного сословія. Земледѣльцы страдали отъ тяжести податей, простиравшихся въ 1660 г. до 90 милліоновъ; но не всѣ эти деньги поступали въ казну вслѣдствіе большихъ недоимокъ: у крестьянина, не могшаго заплатить подати, брали все и, наконецъ, кидали его самого въ тюрьму, гдѣ сотни несчастныхъ погибали отъ дурного содержанія; купцы и промышленники жаловались на высокія пошлины, которыми были обложены вывозимые и ввозимые товары. Главноуправляющимъ финансами, былъ Николай Фуке, человѣкъ блестящій и способный обмануть неопытнаго своими познаніями и способностями, но въ сущности человѣкъ вовсе не серьезный, вниманіе котораго обращено было не на то, чтобы улучшить финансы улучшеніемъ положенія податныхъ людей, но чтобы пользоваться доходами для удержанія своего выгоднаго мѣста. Мазарини поддерживалъ его, какъ человѣка, который умѣлъ доставать деньги по первому требованію министра, а какъ Фуке доставалъ деньги, до этого Мазарини не было никакого дѣла. Но кромѣ перваго министра, Фуке старался на казенныя деньги купить себѣ расположеніе и поддержку всѣхъ вліятельныхъ людей: считали, что онъ ежегодно раздаривалъ до четырехъ милліоновъ. Фуке думалъ обольстить и короля блестящими проектами, но Мазарини завѣщалъ Людовику другаго человѣка понадежнѣе Фуке: это былъ Жанъ-Батистъ Кольберъ.

Кольберъ былъ сынъ реймскаго купца (род. въ 1619 г.) и получилъ первоначальное образованіе, какое тогда считалось достаточнымъ для купеческихъ дѣтей; по латыни выучился онъ 50-ти лѣтъ, когда уже былъ министромъ; не имѣя времени заниматься дома латынью, онъ бралъ учителя съ собою въ карету и учился дорогою. Онъ скоро бросилъ торговлю и сдѣлался юристомъ, потомъ занялся финансами и былъ представленъ Мазарини министромъ Летеллье. Мазарини взявъ его къ себѣ въ управляющіе, поручилъ ему всѣ свои частныя дѣла, но не рѣдко употреблялъ его и въ дѣлахъ государственныхъ. Опираясь на довѣріе кардинала. Кольберъ рѣшился начать борьбу съ страшнымъ Фуке, который, чтобы сокрушить про-

тивника и его покровителя, рѣшился привести въ движеніе всѣ свои громадныя средства, прибѣгнуть, если бы понадобилось, и къ новой фронтѣ, но въ это самое время Мазарини умираетъ. Фукэ вздохнулъ свободно; но говорятъ, что Мазарини, умирая, сказалъ королю: «Государь! я всѣмъ вамъ обязанъ; но я рассчитываюсь съ вашимъ величествомъ, оставляя вамъ Кольбера». Людовикъ, нисколько не лишая, повидимому, Фукэ своего довѣрія, приблизилъ къ себѣ и Кольбера, который каждый вечеръ доказывалъ ему невѣрность докладовъ, подаваемыхъ Фукэ по утрамъ. Король рѣшился отдѣлаться отъ Фукэ, но долженъ былъ долго хитрить, притворяться, приготавливаться: такъ былъ страшенъ главноуправляющій финансами! Наконецъ, во время путешествія Людовика въ Бретань, Фукэ, сопровождавшій короля, былъ арестованъ въ Нанти и отвезенъ въ замокъ Анжеръ. Людовикъ объявилъ, что принимаетъ на себя управленіе финансами, при помощи совѣта, составленнаго изъ людей честныхъ и способныхъ; предѣтелемъ совѣта по имени былъ назначенъ маршалъ Вилльруа, дѣлалъ же все Кольберъ подъ скромнымъ званіемъ управляющаго (*intendant*); только въ 1669 г. онъ получилъ званіе статсъ-секретаря съ департаментомъ, въ которомъ соединялись разнообразныя вѣдомства: морское, торговли и колоній, управленіе Парижемъ, церковныя дѣла и т. д. Знаменитые дѣятели обладаютъ обыкновенно историческимъ смысломъ, умѣютъ соединять настоящее съ прошедшимъ, соединять свою дѣятельность съ дѣятельностію славныхъ предшественниковъ: такъ и Кольберъ изучалъ дѣятельность Ришелье и питалъ глубокое уваженіе къ знаменитому кардиналу. Въ совѣтѣ, при разсужденіи о важныхъ дѣлахъ, онъ всегда обращался къ памяти Ришелье, и Людовикъ подсмѣивался надъ этою привычкою Кольбера: «Ну вотъ сейчасъ Кольберъ начнетъ: «Государь! этотъ великій Кардиналъ Ришелье и проч.»».

Вскорѣ послѣ арестованія Фукэ, король учредилъ слѣдственную комиссію для открытія всѣхъ злоупотребленій, вкравшихся въ финансовое управленіе съ 1635 года. Въ указѣ объ учрежденіи комиссіи говорилось, что финансовыя безпорядки, какъ удостовѣрился король, были причиною всѣхъ бѣдствій народа, тогда какъ небольшое число лицъ, незаконными путями, нажило быстро громадныя состоянія, почему король рѣшился строго наказать хищниковъ, истощившихъ финансы и разорившихъ провинціи. Шестая часть штрафовъ назначена допосылкамъ. Люди, участвовавшіе въ прежнемъ финансовомъ управленіи, предложили 20 милліоновъ, чтобъ только не начинали слѣдствія; вопреки мнѣнію новаго финансоваго совѣта, Людовикъ не

согласился на эту сдѣлку и приобрѣлъ большую популярность въ нисшихъ слояхъ народонаселенія. Въ церквахъ читались увѣщанія: требовалось отъ всѣхъ вѣрныхъ, чтобъ они, подѣ страхомъ отлученія, доносили о финансовыхъ злоупотребленіяхъ. Между тѣмъ начали процессъ Фукэ: въ бумагахъ его захвачена была не только политическая и любовная переписка, выставившая въ невыгодномъ свѣтѣ столько знатныхъ мужчинъ и женщинъ, но и планъ открытаго возмущенія, относившійся къ 1657 году, когда онъ ждалъ арестованія отъ Мазарини. Людовикъ, который, благодаря впечатлѣніямъ фронды, приходилъ въ болѣзненное состояніе при словѣ «возмущеніе», былъ страшно раздраженъ и принялъ слишкомъ большое для короля участіе въ слѣдственномъ дѣлѣ; притомъ молодыя силы впервые расправились въ борьбѣ; Людовику пріятно было показать свою власть, свое неумолимое правосудіе и вмѣстѣ показать народу, что чего не умѣли сдѣлать возстаніемъ противъ власти, то сдѣлаетъ, власть и освободить народъ отъ людей, сѣдѣвшихъ его достойнѣе. Фукэ нашелъ многочисленныхъ защитниковъ: за него было судебное сословіе, ревнивое къ своей независимости и понявшее направленіе молодого короля; за него были придворные, привыкшіе къ щедрости Фукэ и боявшіеся скупости Кольбера; за него были люди, имѣящіе выгоду отъ покровительства Фукэ, потому что его щедрость не всегда имѣла корыстныя побужденія; за него были литераторы, художники, женщины, начиная съ королевы-матери; за него были Тюренъ и Конде; наконецъ многимъ изъ тѣхъ, которые сначала восхищались строгими мѣрами короля, стало жаль Фукэ, добраго, симпатичнаго Фукэ, въ характерѣ котораго не было чертъ, особенно оскорбляющихъ, скупости, надменности,—достоинства и недостатки котораго были такъ національны. Но это возстаніе за Фукэ могло только заставить Людовика сильнѣе противъ него дѣйствовать.

Фукэ перевели въ Бастилію, предъ которою уже повѣсили одного изъ его сообщниковъ, и это не была единственная жертва страшной коммиссіи. Фукэ ловко защищался передъ судомъ, складывая всю вину на Мазарини. Наконецъ дѣло рѣшилось; судъ приговорилъ Фуке къ вѣчному изгнанію съ конфискаціею имущества, но король, вмѣсто смягченія наказанія, замѣнилъ изгнаніе вѣчнымъ и тяжкимъ заточеніемъ въ крѣпости. Коммиссія продолжала свое дѣло, и цѣна взысканій достигла громадной цифры—135 милліоновъ.

Правительство не ограничилось вскрытіемъ и наказаніемъ финансовыхъ злоупотребленій. Въ отдаленныхъ отъ правительственнаго центра провинціяхъ землевладѣльцы, жившіе въ своихъ имѣніяхъ,

позволяли себѣ всякаго рода насилія падѣ *подданными* своими (su-jets), застрашенные или подкупленные судьи были на ихъ сторонѣ *). Въ нѣкоторыхъ странахъ еще существовало крѣпостное право. Въ 1665 году назначена была въ Клермонѣ коммиссія съ правомъ рѣшать въ послѣдней инстанціи всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, наказывать злоупотребленія и проступки, уничтожать дурные обычаи **). Страхъ напалъ на землевладѣльцевъ: одни бѣжали изъ Франціи, другіе скрывались въ горахъ, нѣкоторые начали задабривать крестьянъ, унижаться предъ ними, и крестьяне подняли головы и не полагали границъ своимъ притязаніямъ и надеждамъ; въ одной мѣстности крестьяне купили себѣ перчатки и думали, что не должны болѣе работать, и что король имѣетъ въ виду только ихъ однихъ. Такъ какъ землевладѣльцы, особенно отличавшіеся своимъ насиліемъ, скрылись изъ Франціи, то 273 человѣка были осуждены заочно на смерть, на изгнаніе или на галеры, замки ихъ были разрушены, имѣнія конфискованы. Одинъ изъ нихъ, баронъ Сенегъ, былъ осужденъ за то, что вооруженною рукою собиралъ деньги съ отдѣльныхъ лицъ и съ общинъ, препятствовалъ сбору королевскихъ доходовъ, требовалъ съ крестьянъ неположенныхъ работъ, сломалъ церковь, чтобы воспользоваться матеріаломъ для своего дома, убилъ нѣсколько людей; маркизъ Канильякъ держалъ у себя 12 разбойниковъ, которыхъ называлъ своими двѣнадцатью апостолами, и собиралъ съ крестьянъ десять податей вмѣсто одной. Въ томъ же году, по плану Кольбера, учрежденъ былъ совѣтъ юстиціи, при открытіи котораго Кольберъ обратился къ Людовику XIV съ увѣщаніемъ ввести во всемъ королевствѣ одни законы, одну мѣру и одинъ вѣсъ; но эта мѣра не была приведена въ исполненіе. Относительно юстиціи при Людовикѣ XIV замѣчательно смягченіе наказаній для колдуновъ: въ 1670 году руанскій парламентъ захватилъ 34 колдуна и четверыхъ осудилъ на смерть; королевскій совѣтъ перемѣнилъ смерть на изгнаніе; послѣ смертная казнь была удержана только за святотатство, колдуновъ же предписано всюду наказывать изгнаніемъ, при чемъ жестокимъ наказаніемъ грозило правительству тѣмъ людямъ, которые обманывали невѣждъ и легковѣрныхъ мнимыми магическими дѣйствіями.

Освободивъ народъ отъ насилія ***) сильныхъ, хотѣли направить

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Оверни землевладѣльцы претендовали еще на *jus primae noctis*, и новобрачные должны были откупаться.

**) Коммиссія носила названіе *Les Grands-Jours*.

***) Въ память *Grands-Jours* была выбита медаль съ надписью: *Provinciae*

его къ торговой и промышленной дѣятельности, поднять средства и благосостояніе Франціи въ уровень съ средствами и благосостояніемъ самыхъ цвѣтущихъ государствъ Европы, именно Голландіи и Англіи. Въ 1669 году изданъ былъ знаменитый указъ о лѣсахъ и водныхъ сообщеніяхъ, восемь лѣтъ приготовлявшійся Кольберомъ въ комиссіи изъ 22 членовъ; означено было качество лѣсовъ и пространство, ими занимаемое, указаны мѣры для сохраненія и умноженія лѣсовъ, правила для рубки и продажи: всѣ эти заботы имѣли главною цѣлю сохраненіе матеріала для кораблестроенія. Прорытъ былъ Лангедокскій каналъ для соединенія Атлантическаго океана съ средиземнымъ моремъ; каналъ Орлеанскій для соединенія Луары съ Сеною. Кольберъ, какъ всѣ государственные люди того времени, отправлялся отъ той мысли, что народы богатѣютъ отъ торговли и мануфактурной промышленности, и потому задалъ себѣ задачу: возстановить упавшія или падающія отрасли промышленности, создать новые, всевозможные виды фабричной промышленности; образовать изъ купцовъ и промышленниковъ сильную фалангу, покорную разумному направленію сверху, для обезпеченія Франціи промышленнаго торжества посредствомъ порядка и единства для полученія самаго прочнаго и самаго красиваго качества въ товарахъ, а этого хотѣли достигнуть, предписывая работникамъ одинакіе приемы, которые знатоки признали лучшими; отстранить фискальныя препятствія, дать Франціи надлежащее ей участіе въ морской всемірной торговлѣ, дать ей возможность перевозить собственныя произведенія, тогда какъ до сихъ поръ эта перевозка была въ рукахъ сосѣдей, преимущественно голландцевъ; увеличить и усилить колоніи, заставить ихъ потреблять только произведенія метрополіи и сбывать свои произведенія только въ метрополію; для поддержанія торговаго могущества Франціи создать военный флотъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ.

Съ этими цѣлями учреждена была *Вестъ-Индская* компанія, которой правительство уступило на сорокъ лѣтъ всѣ французскія владѣнія въ Америкѣ и Африкѣ, ибо вторая снабжала первую черными работниками; учреждена была также *Остъ-Индская* компанія съ позволеніемъ утвердиться на Мадагаскарѣ, съ которымъ соединяли блестящія надежды, называя его африканскою Франціею; надежды не осуществились, и французскія колоніи на островѣ скоро исчезли, но Остъ-Индская компанія удержалась. Вытребованы были у Порты новыя пре-

ab injuriis potentiorum vindicatae: *Провинціи, освобожденныя насильствомъ.*

имущества для французовъ и чрезъ это усилена левантская торговля. Чтобы бы имѣть всегда хорошихъ матросовъ для военныхъ кораблей, Кольберъ придумалъ такое средство: взяты были всѣ матросы въ цѣлой Франціи и раздѣлены на три класса: одинъ классъ служилъ годъ на королевскихъ корабляхъ, а два другихъ года на купеческихъ, потомъ дѣлалъ то же второй и третій классъ, и наконецъ очередь возвращалась къ первому классу служить на королевскихъ корабляхъ и т. д.; подъ страхомъ жестокихъ наказаній, запрещено было французамъ вступать въ военную службу другихъ государствъ. Для приготовления морскихъ офицеровъ учреждена была компанія гардемариновъ (родъ морской военной школы). Спѣшили воспользоваться всѣми успѣхами, сдѣланными въ Англіи и Голландіи относительно кораблестроенія и старались превзойти сосѣдей гигантскими размѣрами судовъ; въ 1671 году число военныхъ кораблей простиралось до 196. Въ 1664 году Франція была раздѣлена на три большихъ торговыхъ округа, и въ каждомъ изъ нихъ были ежегодныя собранія изъ купеческихъ депутатовъ, выбранныхъ по два отъ cadaго приморскаго или торговаго города: собранія имѣли цѣлью разсмотрѣть состоянія торговли и промышленности и донести о результатахъ своихъ наблюденій королю. Въ 1664 году Людовикъ объявилъ намѣреніе уничтожить зависимость своихъ подданныхъ отъ иностранцевъ относительно мануфактурныхъ произведеній, и въ слѣдующемъ же году фабрики возникаютъ со всѣхъ сторонъ. Тарифъ 1664 г. увеличилъ вывозную пошлину съ грубыхъ матеріаловъ и удвоилъ пошлину съ привозимыхъ изъ-за границы мануфактурныхъ произведеній, чтобы дать французскимъ фабрикантамъ дешевыя сырыя произведенія и освободить ихъ отъ соперничества произведеній иностранныхъ, пересмотрѣны были правила старыхъ цеховъ, установлены новыя цехи, указомъ опредѣлена была длина, ширина и доброта суконъ и другихъ шерстяныхъ, шелковыхъ и льняныхъ тканей. Промышленность быстро процвѣла; толчекъ, данный энергическимъ правительствомъ энергическому и даровитому народу, произвелъ сильное и благодѣтельное движеніе, несмотря на односторонность и лишнюю регламентацію. Современники, самые нерасположенные къ Людовику XIV, не могли не отдать справедливости этому первому, Кольберовскому, періоду царствованія: «Все процвѣтало, все было богато: Кольберъ высоко поднялъ финансы, морское дѣло, торговлю, промышленность, самую литературу». Ближайшіе потомки по причинамъ, о которыхъ рѣчь будетъ послѣ, отнеслись враждебно къ дѣятельности Кольбера, но теперь, послѣ спокойнаго изученія дѣла, признано, что цѣлью Кольберова управленія было—создать работаю-

лій народъ; онъ говорилъ, что для него пѣтъ ничего драгоцѣннѣе въ государствѣ человѣческаго труда.

«Науки служатъ однимъ изъ величайшихъ украшеній для государства и обойтись безъ нихъ нельзя», сказалъ Ришельё; Кольберъ не говорилъ ничего, не призвавши напередъ имени знаменитаго кардинала; неудивительно поэтому, что Людовикъ XIV^е считалъ науки и литературу вообще однимъ изъ величайшихъ украшеній — *для престола*. Это украшеніе не нужно было создавать, какъ фабрики или флотъ: таланты были готовы; стоило только приблизить ихъ къ престолу, привести въ непосредственную зависимость отъ него пенсіями, и въ 1663 г. былъ составленъ первый списокъ литераторскихъ пенсій, въ который внесено было 34 писателя: Корнель названъ первымъ драматическимъ поэтомъ въ свѣтѣ, а Мольеръ превосходнымъ комическимъ поэтомъ. Король объявилъ себя покровителемъ академіи и далъ право ея членамъ привѣтствовать его въ торжественныхъ случаяхъ, «наравнѣ съ парламентомъ и другими высшими учрежденіями». Академія надписей и литературы получила въ это время свое начало въ видѣ придворнаго учрежденія: Кольберъ образовалъ подлѣ себя совѣтъ изъ знающихъ людей, которые должны были сочинять надписи для памятниковъ, медалей, задавать задачи артистамъ, сочинять планы для празднествъ и ихъ описанія, наконецъ записываться составленіемъ исторіи настоящаго царствованія. Въ 1666 году основана академія наукъ, хотя въ этомъ отношеніи Англія предупредила, потому что здѣсь еще въ 1662 году основано такое же учрежденіе, знаменитое королевское общество. Академія живописи и скульптуры, основанная при Мазарини, получила новый уставъ; академія архитектуры основана въ 1671 году. Въ слѣдующемъ году устроена обсерваторія. Королевскія благотѣянія не ограничились одними французскими писателями; французскіе посланники при иностранныхъ дворахъ должны были доставить своему двору свѣдѣнія о писателяхъ, пользующихся наибольшимъ почетомъ, и одни изъ нихъ привлечены во Францію предложеніемъ выгодныхъ должностей, какъ знаменитые астрономы голландецъ Гюйгенсъ, итальянецъ Кассини, датчанинъ Ремеръ; другіе получили пенсіи, нѣкоторые временные подарки, иные пошли въ тайные агенты французской дипломатіи; данцигскій астрономъ Гевеліусъ потерялъ свою библіотеку отъ пажара: Людовикъ XIV подарилъ ему новую, и вотъ по всей Европѣ раздались хвалебныя гимны въ честь французскаго короля; двѣнадцать панегириковъ ему было произнесено въ 12-ти городахъ итальянскихъ.

Разработка источниковъ французской исторіи, начатая прежде, при

Ришельё, получила теперь новое оживленіе. Стефанъ Балюзъ, бібліотекаръ Кольбера, издаетъ и объясняетъ множество важныхъ историческихъ актовъ; самый замѣчательный его трудъ, это—сборникъ законодательныхъ памятниковъ времени франкскихъ королей («*Capitularia regum Francorum*» 1677); въ 1667 г. начинается громадная дѣятельность монаха *Мабильона*, знаменитаго изданіемъ памятниковъ и установленіемъ правилъ, какъ повѣрять достовѣрность историческихъ источниковъ. Карлъ Дюфрень Дюканжъ въ 1678 г. издалъ «Словарь средневѣковой латыни», необходимый для пониманія памятниковъ этого времени; потомъ издалъ словарь и средневѣковаго греческаго языка. Исторіи еще пѣтъ; для нея только приготавливаются матеріалы, но пѣкоторые вопросы, особенно раздражающіе любопытство, уже начинаютъ изслѣдоваться, и здѣсь, разумѣется, слышенъ еще только лепетъ младенцествующей науки, не имѣющей средствъ освободиться отъ разныхъ постороннихъ вліяній, и прежде всего отъ ложно понимаемаго національнаго чувства. Начали съ вопроса о происхожденіи народа. Какъ у насъ въ Россіи, при младенческомъ состояніи исторической науки, національное чувство никакъ не позволяло принять яснаго свидѣтельства лѣтописца о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси и заставляло всѣми неправдами толковать это свидѣтельство въ пользу славянскаго происхожденія, такъ и во Франціи, въ описываемое время, изслѣдователи никакъ не хотѣли признать франковъ враждебными пѣмцами, завоевавшими Галлію, но старались доказать, что франки были галльской колоніею, поселившеюся въ Германію и потомъ возвратившеюся въ прежнее отечество. — Поддержкою Кольбера пользовался и знаменитый Гербело, собравшій въ лексиконной формѣ множество изслѣдованій по исторіи и литературѣ магометанскаго востока (Восточная бібліотека, *Bibliothèque orientale*).

Но гораздо сильнѣе, чѣмъ пенсіи иностраннымъ и своимъ литераторамъ и ученымъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ означенные труды, славѣ Людовика XIV и распространенію французскаго вліянія въ Европѣ содѣйствовало образованіе французскаго языка и обогащеніе его литературными произведеніями. Въ эпоху Возрожденія необразовавшійся еще французскій языкъ и молодая народная французская литература должны были подвергнуться сильному напору чуждыхъ элементовъ; подъ ихъ вліяніемъ языкъ быстро измѣнялся. Монтанъ говорилъ о своихъ *Опытахъ*: «Я пишу книгу для малаго числа людей и для малаго числа годовъ: чтобы сдѣлать ее болѣе долговѣчною, слѣдовало бы написать ее на языкъ болѣе твердомъ. Смотри на непрерывное измѣненіе, которому подвергался нашъ языкъ до сихъ поръ, кто мо-

жетъ надѣяться, что въ настоящемъ своемъ видѣ онъ продержится еще 50 лѣтъ? На моей памяти онъ измѣнился на половину». Такая анархія вызвала потребность въ правилахъ: явилось множество грамматикъ, разсужденій объ орѳографіи, произношеніи, происхожденіи языка. Началась сильная борьба между приверженцами той или другой системы: одни утверждали, что надобно писать какъ говорятъ (*tete, onete, oneur*), другіе требовали удержанія прежняго правописанія (*teste, honneste, honneur*); противники не щадили бранныхъ выраженій, называли другъ друга ослами и кабаками; нѣкоторые предлагали додѣлать языкъ, дать ему формы, которыхъ, по ихъ мнѣнію, недостовало (наприм., сравнительную степень: *bélicur, grandieur*, и превосходную: *bélistime, grandissime*). Съ одной стороны, ученые и учающіеся подчинялись вліянію латыни; съ другой стороны, обнаруживалъ сильное вліяніе языкъ итальянскій, вслѣдствіе богатства своей литературы, вслѣдствіе первенствующаго значенія, какое имѣла Італія въ эпоху Возрожденія, наконецъ, вслѣдствіе моды, господствовавшей при французскомъ дворѣ. Молодая французская литература никла подъ тяжестью этихъ двухъ вліяній; бѣдная крестьяночка, по выраженію одного писателя, не знала куда дѣваться въ присутствіи знатныхъ, разряженныхъ дамъ. Но гордость народная не вынесла униженія, патріоты поднялись противъ чуждыхъ вліяній, обезображивающихъ языкъ, началась борьба, и застрѣльщицей выступила насмѣшка, сатира. Еще Раблэ подсмѣялся надъ студентомъ, который искажалъ свою рѣчь латынью. «Что болтаетъ этотъ дуракъ?—говоритъ Пантагрюель:—мнѣ кажется, что онъ куетъ какой-то дьявольскій языкъ».—«Государь,—отвѣчаетъ ему одинъ изъ служителей:—этотъ молодецъ считаетъ себя великимъ ораторомъ именно потому, что презираетъ обыкновенный французскій языкъ». Труднѣе было насмѣшкѣ сладить съ итальянскимъ вліяніемъ, потому что оно поддерживалось модою, проводилось женщинами, дворомъ; это было вліяніе живого языка, живой блестящей литературы, высоко развившагося искусства. Когда восьмидесятилѣтній Леонардо да-Винчи явился при дворѣ Франциска I, то восторгъ французскаго общества не зналъ предѣловъ. Съ прибытіемъ Екатерины Медичи итальянское вліяніе стало господствующимъ при дворѣ и отсюда проникло и въ другіе слои общества; французская рѣчь самымъ смѣшнымъ образомъ запестрѣла итальянскими словами, вносимыми въ нее безъ всякой нужды. Но скоро сатира начала бичевать и эту нечлѣпость, при чемъ особенно сильно ратовалъ Ганри Этьенъ («*Dialogue du français italianisé*»). Эта борьба французской сатиры съ итальянскимъ вліяніемъ любопытна для насъ еще

тѣмъ, что напоминаетъ борьбу русской сатиры, борьбу нашихъ Сумароковыхъ, Фонъ-Визинныхъ и Грибоѣдовыхъ съ французскимъ вліяніемъ; приемы французскихъ и русскихъ сатириковъ одни и тѣ же.

Французскіе сатирики-патріоты восторжествовали надъ чуждымъ вліяніемъ, отстаивали свой языкъ, который сталъ образовываться, опредѣляться и, въ свою очередь, сталъ стремиться къ господству въ Европѣ, благодаря преимущественно знаменитымъ писателямъ, которые сообщили ему особенное изящество въ своихъ произведеніяхъ. Время было самое благопріятное. Европа стремилась къ окончательному опредѣленію своихъ формъ жизни, стремилась образовать рядъ крѣпкихъ, самостоятельныхъ народностей, которыя однако должны были жить общею жизнью; самостоятельность народовъ, политическая и духовная, требовала развитія отдѣльныхъ народныхъ языковъ и литературъ; но общая жизнь европейскихъ народовъ требовала также общаго языка для международныхъ и ученыхъ сношеній. До сихъ поръ для этого употреблялся языкъ латинскій, но потребности новаго общества, новыя понятія и отношенія требовали и языка новаго, живого, тѣмъ болѣе, что люди эпохи Возрожденія насмѣялись надъ средневѣковою латынью, которая все-таки была порожденіемъ новыхъ, живыхъ потребностей. Объявивши средневѣковую латынь явленіемъ безобразнымъ, ученые обратились къ цicerоновской латыни; на короткое время можно было поработить ей народы еще молодые съ языками и литературами новорожденными; но эти народы пачали расти не по днямъ, а по часамъ, и скоро узки имъ стали пеленки рѣчи чуждой, рѣчи народа отжившаго, имѣвшаго свой особый строй понятій, непригодный для новыхъ народовъ. Такимъ образомъ латинскій языкъ не могъ служить болѣе языкомъ общимъ для европейскихъ народовъ; нуженъ былъ языкъ современный, живой. Время языка итальянскаго и испанскаго прошло; литературная дѣятельность народовъ, ими говорившихъ, прекратилась, политическое значеніе ослабѣло, а между тѣмъ Франція выступила въ первый планъ; на французскомъ языкѣ говорилъ представитель самаго сильнаго государства въ Европѣ, на этомъ языкѣ говорили при самомъ блестящемъ европейскомъ дворѣ, которому стремились подражать другіе дворы, и главное — этотъ языкъ окончательно сформировался, отличался легкостью; доступностью, ясностью, точностью, изяществомъ, которыя далъ ему цѣлый рядъ знаменитыхъ писателей.

Изъ этихъ писателей мы остановимся только на тѣхъ, сочиненія которыхъ уясняютъ состояніе современнаго имъ общества,—прежде всего остановимся на Мольерѣ. Галлы, по словамъ Ка-

тона, страстно любили сражаться и острить; французы наслѣдовали эти двѣ страсти отъ предковъ, и ни одно крупное явленіе въ ихъ общественной жизни не проходило безъ того, чтобы они не подмѣтили въ немъ такой стороны, которая дала бы пищу ихъ остроумію. Новорожденная французская поэзія подлѣ любовной пѣсепки (*chanson*) представляла сатирическую (*servente*). Сильнымъ нападкамъ сатиры подверглось духовенство: пасмѣшка находить обильную пищу, когда люди ведутъ себя несоотвѣтственно своему возрасту, полу, званію, — слѣдовательно, обильную пищу находили въ средніе вѣка сочинители французскихъ народныхъ пѣсень въ поведеніи тогдашняго духовенства, вовсе не соотвѣтствовавшемъ христіанскому ученію, ибо духовенство, по словамъ пѣсень, «всегда желало брать, ничего не давая, покупать, ничего не продавая». Сатира защищала въ народѣ дѣло Филиппа Красиваго противъ папы и Тамплиеровъ; она громила папскія претензіи при Карлѣ V; она громко смѣялась надъ великимъ расколомъ въ западной церкви, когда нѣсколько папъ спорили за престолъ св. Петра: «Когда же кончится этотъ споръ?» — спрашивала сатира, и отвѣчала: «Когда не будетъ больше денегъ». Она не щадила вооруженной силы, подмѣчая въ ней хвастовство и буйство вмѣсто храбрости; не щадила новой, денежной силы, которая начала соперничать съ силою меча. Сатира нашла себѣ самое широкое поприще на театральныхъ подмосткахъ: сюда выводила она всѣ сословія, всѣ классы общества, и за свою смѣлость и цинизмъ часто подвергалась сильнымъ преслѣдованіямъ; кромѣ того, въ эпоху Возрожденія ей былъ нанесенъ ударъ стремленіемъ подражать античной комедіи: здѣсь бѣдная крестьяночка должна была уступить знатной барынѣ. Но холодныя подражанія латинской, а потомъ испанской комедіи не могли долго продержаться на сценѣ; французское общество требовало живой народной комедіи, и для удовлетворенія этой общественной потребности явился Мольеръ.

Мольеръ былъ дитя народа: сынъ обойщика, долго странствующій актеръ, онъ сталъ извѣстенъ комедіею «*Précieuses ridicules*» (1659), гдѣ насмѣялся надъ искусственностью, чопорностью, донкихотствомъ въ чувствахъ, отношеніяхъ и языкѣ; комедія эта имѣла важное значеніе, какъ протестъ противъ ложнаго, неественнаго, ходульнаго, во имя истины, простоты и жизни. Мольеръ приобрѣлъ себѣ покровителя въ знаменитомъ Фуке; но паденіе Фуке не повредило ему: онъ успѣлъ приобрести благосклонность самого Людовика XIV. Понятно, что положеніе комическаго поэта въ царствованіе Людовика было очень затруднительно: онъ долженъ былъ ограничиться изображе-

ніемъ общечеловѣческихъ слабостей, слабыхъ же сторонъ современнаго французскаго общества онъ могъ касаться очень осторожно, и только такихъ слабостей, надъ которыми было угодно посмѣяться королю. Людовикъ XIV^е позволилъ Мольеру выводить на сцену маркизовъ въ смѣшномъ видѣ, потому что король не былъ охотникъ до людей, думавшихъ, что они имѣютъ значеніе помимо его. Но опасность была для Мольера не со стороны одного короля: это обнаружилось, когда онъ поставилъ на сцену «Тартюфа», въ которомъ представилъ святошу, позволяющаго себѣ разныя гнусности. Поднялась буря: архіепископъ парижскій издаетъ посланіе противъ комедіи; первый президентъ парламента запрещаетъ ея представленіе въ Парижѣ; знаменитый проповѣдникъ Бурдалу громитъ ее съ церковной кафедры; Людовикъ испуганъ, колеблется, позволяетъ, запрещаетъ, наконецъ снова разрѣшаетъ представленіе комедіи. «Вотъ комедія,—говоритъ самъ Мольеръ о «Тартюфѣ»,—которая надѣлала много шума, которая долго была преслѣдуема, и люди, въ ней представленныя, доказали, что они могущественнѣе во Франціи всѣхъ тѣхъ, которыхъ я представлялъ до сихъ поръ. Маркизы, грёсеіеuses, роконосцы и медики спокойно сносили, что ихъ вывели на сцену, и показывали видъ, что вмѣстѣ со всѣми забавляются своимъ изображеніемъ. Но лицемѣры разгнѣвались и нашли страннымъ, какъ я осмѣлился представить ихъ гримасы и насмѣяться надъ промысломъ, которымъ столько порядочныхъ людей занимаются. Это—преступленіе, котораго они не могли мнѣ простить, и они вооружились противъ моей комедіи съ страшнымъ бѣшенствомъ. Слѣдуя своей похвальной привычкѣ, они прикрыли свои интересы интересами Божьими, и «Тартюфъ», по ихъ словамъ, оскорбляетъ благочестіе; піеса съ начала до конца наполнена нечестіемъ и все въ ней достойно огня. Я бы не обратилъ вниманія на ихъ слова, еслибъ они не постарались вооружить противъ меня людей, которыхъ я уважаю, привлечь на свою сторону людей дѣйствительно благонамѣренныхъ. Если бы взяли трудъ разсмотрѣть добросовѣстно мою комедію, то, безъ сомнѣнія, нашли бы, что мои намѣренія невинны и что въ ней нѣтъ насмѣшекъ надъ тѣмъ, что достойно уваженія. Эти господа внушаютъ, что нельзя въ театрѣ говорить о подобныхъ вещахъ; но я ихъ спрашиваю: на чемъ они основываютъ такое прекрасное правило? Если цѣль комедіи—исправлять людскіе пороки, то я не вижу причины, почему между пороками должны быть привилегированные; а порокъ, о которомъ идетъ рѣчь, вредитъ государству болѣе, чѣмъ всякій другой. Меня упрекаютъ, что я вложилъ благочестивыя слова въ уста моего

лицемѣра: но развѣ я могъ безъ этого вѣрно представить характеръ лицемѣра? Но, говорятъ, онъ въ четвертомъ актѣ проповѣдуетъ гибельное ученіе: но развѣ это ученіе содержитъ въ себѣ что-нибудь новое?» Во второмъ обращеніи къ королю по поводу «Тартюфа», Мольеръ высказывается откровеннѣе о причинахъ, поднявшихъ бурю: «Напрасно я поставилъ комедію подъ названіемъ «Лицемѣра» и переодѣлъ дѣйствующее лицо въ платье свѣтскаго человѣка; напрасно я надѣлъ на него маленькую шляпу, длинный парикъ, шпагу и кружева по всему платью; напрасно исключилъ я старательно все то, что могло бы дать хотя тѣнь предлога къ придиркѣ знаменитымъ оригиналамъ портрета, мною нарисованнаго: все это ни къ чему не послужило». Въ этихъ словахъ—объясненіе всего дѣла: «Тартюфъ» есть продолженіе старинныхъ сатирическихъ пѣсенокъ и театральныхъ представленій, осмѣивавшихъ духовенство, недостойные члены котораго необходимо являлись лицемѣрами. Мольеръ боялся одного—оскорбить «деликатность души королевской относительно предметовъ религіозныхъ», какъ самъ выражается, и потому переодѣлъ своего аббата въ свѣтское платье; но маска была надѣта не очень плотно: всѣ догадались, въ чемъ дѣло,—и заинтересованные подняли шумъ, тѣмъ болѣе сильный, что Мольеръ былъ извѣстенъ какъ воспитанникъ Гассанди, какъ членъ небольшого общества новыхъ эпикурейцевъ, которые стремленіе къ наслажденію соединяли съ невѣріемъ, знали, слѣдовательно, что Мольеръ осмѣивалъ лицемѣріе вовсе не въ видахъ нравственности и религіи, вовсе не хотѣлъ выставить въ «Тартюфѣ» атеиста, надѣвшаго маску религіозности, а просто хотѣлъ посмѣяться надъ своими врагами, сказавши имъ: вы не лучше насъ; у васъ такія же страсти и стремленія удовлетворять имъ; вы еще хуже насъ, но свои дурныя дѣла дѣлаете втихомолку, а кричите противъ насъ во имя требованій вашей религіи. Мольеръ побѣдилъ въ борьбѣ, потому что если враги его, оригиналы портрета, начертаннаго имъ въ «Тартюфѣ», пользовались деликатностью души королевской относительно предметовъ религіозныхъ, то онъ нашелъ еще болѣе чувствительную сторону въ душѣ королевской, чтобы побудить Людовика XIV снять запрещеніе съ комедіи. Въ концѣ ея говорится: «Успокойтесь: мы живемъ подъ государемъ—врагомъ неправды, подъ государемъ, котораго очи проникаютъ въ глубину сердець, котораго не можетъ обмануть все искусство лицемѣровъ».

Мольеръ имѣлъ полное право говорить, что порокъ, выведенный имъ въ «Тартюфѣ», вредитъ государству болѣе, чѣмъ всякій другой. Дѣйствительно, человѣкъ замаскированный есть самый опасный членъ

общества, которое для правильности всѣхъ своихъ отношеній и управленій требуетъ правды, открытости. Но добросовѣстный писатель долженъ касаться лицемѣрія съ большою осторожностью, ибо часто принимается за лицемѣріе совершенно другое. Есть люди съ высшими стремленіями, послушные призыву религіи, старающіеся собразовать свои поступки съ ея требованіями, и вотъ эти люди, какъ люди, не всегда выходятъ побѣдителями въ борьбѣ съ искушеніями, падаютъ; они несчастны отъ сознанія своего паденія, и при этомъ имѣютъ еще слабость всѣми средствами скрывать это паденіе отъ другихъ; но когда скрыть его не могутъ, то со всѣхъ сторонъ раздаются крики: лицемѣръ! обманщикъ! фарисей! Крики раздаются тѣмъ громче, что толпа людей мелкихъ рада паденію человѣка, выходившаго изъ ряду; нравственное превосходство его кололо ее, и она теперь съ торжествомъ заявляетъ, что и этотъ человѣкъ такой же, какъ и всѣ, а только притворялся лучшимъ, святошею—изъ корыстныхъ цѣлей. Въ человѣкѣ чистыя побужденія бываютъ такъ переплетены съ нечистыми, что самъ онъ съ большимъ трудомъ можетъ различить ихъ и опредѣлить долю участія тѣхъ или другихъ въ извѣстномъ поступкѣ; отсюда—частыя ошибки поэтовъ и историковъ въ представленіи характеровъ, — ошибки, состоящія въ стремленіи дать единство побужденіямъ, окрасить дѣйствующее лицо одною краскою: это гораздо легче, проще, но истина при этомъ страдаетъ, и высокая цѣль искусства—сказать намъ правду о человѣкѣ—не достигается.

Но въ то время, когда во Франціи столько даровитыхъ людей устремились высказать правду о человѣкѣ самымъ нагляднымъ образомъ, выставляя человѣка дѣйствующимъ предъ глазами зрителей, при чемъ явилась необходимость соединенія двухъ искусствъ: искусства авторскаго и искусства сценическаго, въ то самое время явился сильный протестъ противъ этого нагляднаго способа высказыванія правды о человѣкѣ—противъ театра. Протестъ послѣдовалъ во имя религіи и со стороны католическаго духовенства, и со стороны янсенистовъ. Янсенистъ Николь высказался такъ: «Комедія, говоря ея защитники, есть представленіе дѣйствій и словъ,—что-жъ тутъ дурного? Но есть средство предохранить себя отъ всякаго заблужденія на этотъ счетъ—это разсматривать комедію не въ химерической теоріи, но на практикѣ, въ исполненіи которой мы бываемъ свидѣтелями. Надобно обратиться къ тому, какую жизнь ведетъ актеръ, какое содержаніе и цѣль нашихъ комедій, какое вліяніе производятъ онѣ на тѣхъ, которые ихъ представляютъ, и на тѣхъ, которые присутствуютъ при ихъ представленіи, и потомъ изслѣдовать, имѣетъ ли

все это какое-нибудь отношеніе къ жизни и чувствамъ истиннаго христіанина. Зрѣлище не можетъ обойтись безъ артиста; чувства обыкновенныя и умѣренныя не поражаютъ: такимъ образомъ чувства не только обольщены вѣдѣнностью, но душа подвергается нападеніямъ со всѣхъ чувствительныхъ сторонъ». Разумѣется, мы не можемъ согласиться съ суровымъ янсенистомъ въ томъ, что вѣрное изображеніе человѣка съ его страстями можетъ дѣйствовать развращающимъ образомъ на человѣка; но, съ другой стороны, мы не можемъ не признать, что въ его словахъ есть значительная доля правды: такъ онъ имѣлъ полное право указать на безнравственную жизнь актеровъ, которые бывали вмѣстѣ и сочинителями піесъ: можно ли было ожидать, чтобы такіе люди имѣли въ виду нравственные цѣли? Противники театра особенно могли указать на то, что театръ сдѣлалъ съ женщинами, которыя посвящали себя ему,—въ какомъ видѣ явился этотъ образчикъ женскаго труда, женской общественной дѣятельности? Противники театра имѣли право утверждать, что высокое значеніе театра держится только въ теоріи, а на практикѣ театръ служитъ забавою для толпы, и забавою часто безнравственною, особенно въ комедіи, гдѣ старались понравиться толпѣ циническими выходками, отъ которыхъ и Мольеръ вовсе не былъ свободенъ.

Янсенистъ Николь, мнѣніе котораго о театрѣ мы привели, принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ моралистовъ, проникательныхъ наблюдателей надъ явленіями міра внутренняго и вѣдѣннаго, изложившихъ выводы изъ своихъ наблюденій въ формѣ краткихъ замѣтокъ, мыслей или правилъ. Выводы Николь, какъ и выводы Паскаля, проникнуты религіозно-нравственнымъ взглядомъ; онъ указываетъ на несовершенство явленій внутренняго и вѣдѣннаго міра, но вмѣстѣ съ тѣмъ успокаиваетъ и возвышаетъ душу указаніемъ на высшее, религіозное стремленіе. Но между французскими моралистами описываемаго времени есть одинъ, отличающійся тонкостью въ наблюденіяхъ и часто вѣрностью въ выводахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оставляющій въ душѣ читателя самое безотрадное впечатлѣніе, потому что у него выставляется въ человѣкѣ только одна темная сторона, а для всего хорошаго, возвышеннаго, высккиваются дурныя, мелкія, своекорыстныя побужденія; вы слышите хохотъ демона надъ тѣмъ, что человѣкъ привыкъ любить и уважать; авторъ «ничего во всей природѣ благословить не хочетъ». Этотъ яваторъ есть знаменитый герцогъ Ларошфуко, принимавшій дѣятельное участіе въ движеніяхъ фронтды. Изъ этихъ движеній, кончившихся ничѣмъ, изъ этого раздраженія безъ удовлетворенія, Ларошфуко вынесъ истомленную душу, исполненную

невѣрія въ нравственное достоинство человѣка; все люди являлись ему въ видѣ героев фронды: «Когда великіе люди падаютъ подъ бременемъ несчастій, то открываютъ намъ, что мы переносимъ эти несчастія только благодаря силѣ своего самолюбія, а не благодаря силѣ своего духа, и что, исключая великое тщеславіе, герои сдѣланы изъ такой же глины, какъ и остальные люди. Презрѣніе къ богатству было у философовъ тайнымъ желаніемъ отомстить за свои достоинства несправедливой судьбѣ презрѣніемъ тѣхъ благъ, которыхъ она ихъ лишила. Неправистъ къ фаворитамъ есть не иное что, какъ любовь къ фавору; люди, не добившіеся фавора, утѣшаютъ себя презрѣніемъ къ тѣмъ, которые его добились. Любовь къ правосудію въ большинствѣ людей есть не иное что, какъ боязнь потерпѣть несправедливость; то, что люди называютъ дружбою, есть уваженіе къ интересамъ другъ друга, мѣна услугъ, общеніе, при которомъ самолюбіе имѣетъ всегда въ виду что-нибудь выиграть. Люди не жили бы долго въ обществѣ, если бы не обманывали другъ друга. Старики любятъ давать хорошія наставленія, чтобы утѣшить себя въ невозможности давать дурные примѣры. Постоянство въ любви есть всегдашнее непостоянство: сердце постепенно привязывается то къ одному, то къ другому качеству особы, и выходитъ, что постоянство есть непостоянство, которое вращается въ одномъ и томъ же предметѣ. Добродѣтель не шла бы такъ далеко, если бы тщеславіе ее не сопровождало. Великодушіе презираетъ все, чтобъ имѣть все. Отчего любовники и любовницы не скучаютъ быть вмѣстѣ? Отъ того, что постоянно говорятъ другъ о другѣ». Презрѣніе къ нравственному достоинству человѣка вело естественно къ матеріализму, и Ларошфуко утверждаетъ между прочимъ, что «сила и слабость духа суть выраженіе неправильное: въ сущности это хорошее или дурное расположеніе органовъ тѣла»; или: «все страсти суть не иное что, какъ различныя степени теплоты крови».

Такимъ образомъ, сынъ фронды, Ларошфуко является продолжателемъ того темнаго направленія, которому янсенизмъ со своими Паскалями и Николаями былъ противодѣйствіемъ. Но янсенизмъ былъ явленіемъ опальнымъ въ западной церкви, которая въ описываемое время выставила во Франціи болѣе правотѣрнаго представителя въ знаменитомъ Боссюэтѣ. Въ самый разгаръ фронды, когда въ гостиныхъ и на улицахъ раздавались громкіе крики противъ верховной власти, молодой духовный говорилъ сильную проповѣдь на текстъ «Бога бойтесь, царя чтите». Этотъ молодой духовный былъ Боссюэтъ. Фронта стихла, истомленное ею общество вызывало крѣпкую власть,

и Боссюэтъ является подлѣ Людовика XIV съ тѣмъ же текстомъ, который развиваетъ не въ одной проповѣди, но проводитъ черезъ цѣлый рядъ сочиненій, носящихъ печать сильнаго таланта, и потому имѣющихъ сильное вліяніе на общество. Людовикъ XIV не хочетъ ограничиться только своимъ временемъ, не хочетъ воспользоваться только извѣстнымъ расположеніемъ общества, чтобы на дѣлѣ усилить свою власть, устранить здѣсь и тамъ разныя препятствія для нея: въ ранней молодости своей онъ былъ свидѣтелемъ сильнаго волненія, былъ свидѣтелемъ, какъ власть колебалась, преклонялась предъ народными требованіями, слышалъ зловѣщее слово: «республика», а съ той стороны пролива приходили страшныя вѣсти, что тронъ низверженъ и король погибъ на плахѣ; Людовикъ XIV въ молодости пережилъ страшное время, страшную борьбу, пережилъ внимательнымъ зрителемъ, сильно заинтересованнымъ участникомъ; чувство и мысль его были напряжены; онъ видѣлъ близко опасность и зналъ, что для борьбы съ нею не довольно одной матеріальной силы, не довольно тѣхъ субсидій, которыя онъ давалъ англійскимъ королямъ для противодѣйствія либеральнымъ стремленіямъ по ту сторону пролива,—Людовикъ искалъ другихъ средствъ, хотѣлъ составить для себя и для потомковъ своихъ правила, теорію, науку и противопоставить это ученіе другому, которое шло съ опаснаго острова. Теорія Людовика XIV, составившаяся подъ впечатлѣніями англійской революціи и французской фронтды, вторитъ англійскимъ охранительнымъ теоріямъ, которыя явились вслѣдствіе стремленія противодѣйствовать революціоннымъ движеніямъ. Вотъ основанія этой теоріи: «Франція есть государство монархическое въ полномъ смыслѣ этого слова. Король представляетъ здѣсь всю націю, и каждый частный человѣкъ представляетъ только самого себя предъ королемъ, слѣдовательно, вся власть находится въ рукахъ короля, и не можетъ быть никакихъ другихъ властей, кромѣ установленныхъ имъ. Нація во Франціи не составляетъ отдѣльнаго тѣла: она пребываетъ вся въ особѣ короля. Все, что находится въ нашемъ государствѣ, принадлежитъ намъ безспорно. Деньги, которыя пахотятся въ нашей казнѣ и которыя мы оставляемъ въ торговлѣ нашихъ подданныхъ, должны быть одинаково ими оберегаемы. Короли суть полновластные господа и распоряжаются неограниченно всѣми имуществами, которыя находятся во владѣніи какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ людей, смотря по надобности».

Боссюэтъ подкрѣпляетъ эту теорію: «Законъ,—говоритъ онъ,—есть въ началѣ условіе или торжественный договоръ, въ которомъ люди, по соизволенію государей, опредѣлили, что необходимо для образованія

общества. Это не значить, что сила законовъ зависить отъ согласія народовъ, но значить только, что государю помогаютъ самые мудрые люди изъ народа. Первая власть—есть власть отеческая въ каждомъ семействѣ; потомъ семейства соединились въ общества подъ властью государей, которые замѣнили имъ отцовъ. Въ началѣ было множество маленькихъ владѣній; завоеватели нарушили это согласіе народовъ. Монархія есть форма правленія самая обыкновенная, самая древняя и самая естественная. Изъ всѣхъ монархій лучшая—наслѣдственная. Что касается другихъ формъ правленія, то вообще государство должно оставаться при той формѣ, къ которой привыкло. Кто намѣревается разрушить законность формъ правленія, каковы бы онѣ ни были, есть не только общественный врагъ, но и врагъ Божій. Власть государева неограниченна. Государь въ своихъ приказаніяхъ не долженъ отдавать отчета никому. Государи—отъ Бога и участвуютъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, въ божественной независимости. Противъ власти государя нѣтъ другого средства, кромѣ той же власти государя. Государи, впрочемъ, не освобождены отъ повиновенія законамъ (по праву; на самомъ же дѣлѣ никто не можетъ принудить ихъ повиноваться закону). Власть государя подчинена разуму. Подданный можетъ ослушаться государя только въ одномъ случаѣ: когда государь приказываетъ что-нибудь противъ Бога (но и въ этомъ случаѣ сопротивление должно быть страдательное). Подданные обязаны платить дань государю (т.-е. согласіе народа не нужно для взиманія податей). Государь долженъ употреблять свою власть для истребленія въ своихъ владѣніяхъ ложныхъ религій. Въ нечестивомъ заблужденіи находятся тѣ, которые отвергають право государя употреблять принудительныя мѣры въ дѣлѣ религіи, на томъ основаніи, что религія должна быть свободна».

Людовикъ XIV сначала не шелъ такъ далеко въ этомъ отношеніи, какъ Боссюэтъ; около 1670 года онъ писалъ: «Мнѣ кажется, что люди, желавшіе употреблять насильственные мѣры противъ протестантизма, не понимали свойства этого зла, произведеннаго отчасти умственною горячкою, которой надобно дать пройти нечувствительно, а не поджигать сильнымъ противодѣйствіемъ, бесполезнымъ въ томъ случаѣ, когда язва не ограничивается извѣстнымъ числомъ людей, но распространена по всему государству. Лучшее средство уменьшить мало-по-малу число гугенотовъ во Франціи—это не отягощать ихъ никакою новою строгостію, соблюдать права, данныя имъ моими предшественниками, но не уступать имъ ничего болѣе, и самое соблюденіе дарованныхъ правъ ограничить возможно узкими предѣлами, ко-

которые предписываются правосудіемъ и приличіемъ. Что касается милостей, зависящихъ отъ меня одного, то я рѣшилъ не давать имъ никакой: пусть имъ приходитъ отъ времени до времени на умъ, согласно ли съ разсудкомъ добровольно лишаться выгодъ. Я рѣшился также наградами привлекать тѣхъ, которые окажутся покорными, воодушевлять, по возможности, епископовъ, чтобъ они заботились объ ихъ обращеніи; назначать на духовныя мѣста только людей испытаннаго благочестія, трудолюбія, знанія, способныхъ своимъ поведеніемъ уничтожить въ церкви тѣ безпорядки, которые произошли вслѣдствіе недостойнаго поведенія ихъ предшественниковъ».

Людовикъ боялся вначалѣ употреблять сильныя мѣры противъ протестантизма, потому что эта язва была распространена по всему государству; но была другая язва, ограниченная небольшимъ числомъ людей, съ которою поэтому не нужно было церемониться: то былъ янсенизмъ. Гугенотская ересь была ересь старая; Людовикъ не былъ виноватъ въ томъ, что предшественники его надавали ей правъ; по янсенизмъ была ересь *рождающаяся*, по выраженію Людовика; обязанность короля состояла въ томъ, чтобъ истребить ее въ зародышѣ, папа и король приказывали еретикамъ опомниться, но они не слушались. Но если у янсенистовъ были сильные враги, то были и сильные покровители, которые желали путемъ мирныхъ соглашеній удерживать при католической церкви даровитыхъ и энергическихъ борцовъ. Еретики-янсенисты Николь ревностно защищали противъ протестантовъ догматы присутствія. Печальные результаты движенія на покатомъ пути отрицанія,—движенія, начавшагося съ лютеровою реформы, тревожили все болѣе и болѣе протестантовъ, желавшихъ остаться христіанами, но не чувствовавшихъ подъ собою твердой почвы, а тутъ выступаетъ Боссюэтъ со своимъ «Изложеніемъ католической вѣры», написаннымъ съ большимъ талантомъ и умѣренностію. «Можно,—говоритъ Боссюэтъ,—сохранить послѣдовательность, установить единство въ планѣ ученія, когда или совершенно передаются вѣрѣ, какъ католики, или совершенно передаются разуму человѣческому, какъ невѣрующіе; но когда хотятъ смѣшивать то и другое, то приходятъ къ мѣшанимъ, противорѣчія которыхъ указываютъ на явную фальшивость дѣла». Протестантовъ поражала умѣренность, съ какою было написано «Изложеніе католической вѣры». «Это не папское ученіе,—кричали пасторы: — папа не утвердитъ его». Но папа имѣлъ благоразуміе утвердить. Протестанты начали обращаться въ католицизмъ; сильное впечатлѣніе было произведено обращеніемъ Тюреня; между гугенотами уже почти не было людей изъ знатныхъ фамилій.

II.

Войны съ Испаніей и Голландіей. Ментенонъ. Упадокъ Франціи.

Партіи въ Нидерландахъ. — Іоаннъ де Виттъ. — Соперничество Голландіи съ Англіей. — Претензіи Людовика на испанскія владѣнія. — Завоеваніе французами Бельгій. — Образованіе *Тройного* союза и С.-Жерменскій миръ. — Война съ Голландіей. — Истощеніе финансовъ. — Возненія въ провинціяхъ. — Захваты въ Германіи. — Большой Аугсбургскій союзъ. — Противоположность между цѣлями Людовика XIV и Кольбера. — Гоненіе на протестантовъ. — Ментенонъ. — Уничтоженіе Нантскаго эдикта. — Галликанство. — Фепелонъ. — Вопросъ о воспитаніи и образованіи. — Г-жа Гюйонъ. — Баль. — Политическая программа Фепелона. — Разореніе Франціи. — Великій союзъ противъ Франціи. — Риевикскій миръ.

Мы видѣли средства Людовика XIV и видѣли, что слабость сосѣднихъ государствъ влекла славолюбиваго короля воспользоваться своими средствами для расширенія границъ Франціи, для пріобрѣтенія первенствующаго, заправляющаго значенія въ Европѣ, игемоніи. Еще при Мазарини въ Германіи образовался Рейнскій союзъ, въ которомъ Франція имѣла заправляющее значеніе. Въ 1664 году союзъ распространился присоединеніемъ къ нему Вюртемберга, Дармштадта, Пфальцъ-Цвейбрикена, Базеля, и хотя впоследствии союзъ рушился, но это не уменьшило вліянія Франціи въ Германіи; деньги были главнымъ проводникомъ этого вліянія: и знаменитый курфирстъ бранденбургскій, великій курфирстъ Фридрихъ Вильгельмъ, братъ французскія деньги, саксонскій курфирстъ Іоганъ-Георгъ II за 200.000 талеровъ, получаемыхъ ежегодно отъ Людовика XIV, обязался на сеймахъ подавать всегда голосъ за Францію.

Германія, такимъ образомъ, не могла представить препятствій для осуществленія честолюбивыхъ замысловъ; еще менѣе могла представить ихъ Испанія, и на нее то молодой французскій король прежде всего долженъ былъ обратить свое вниманіе, ибо ея провинціи, прилегавшія къ Франціи съ сѣверо-востока, представляли легкую и бога-

тую добычу. Но покушеніе со стороны Франціи на южныя, испанскія Нидерланды должны были встревожить Нидерланды сѣверныя или Голландскую республику. Эта маленькая, но цвѣтущая республика господствовала на моряхъ, славилась громаднымъ богатствомъ, которое давало ей важное значеніе въ европейскихъ дѣлахъ; она смѣло мѣрялась силами въ морскихъ битвахъ съ своею соперницею Англіею; но положеніе обѣихъ морскихъ державъ было далеко не одинаково выгодное. Англія была отдѣлена моремъ отъ европейскаго материка и, не боясь ни откуда нападенія, могла спокойно развивать свои морскія силы, свою промышленность, формы своего правленія, тогда какъ Голландія, завоевавъ свою область у моря, была прислонена къ континенту, легко подвергалась нападеніямъ сильнѣйшихъ государствъ. Вслѣдствіе этого двойственнаго положенія Голландіи, съ одной стороны, какъ державы морской, занятой преимущественно промышленными и торговыми предпріятіями, а съ другой стороны, какъ державы все же континентальной, обязанной заботиться о средствахъ защиты, — вслѣдствіе этого двойственнаго положенія, въ Голландіи боролись двѣ партіи: республиканская, члены которой ревниво берегли свою свободу и поэтому больше всего боялись сухопутной войны, войска, полководца, и партія штатгалтерская или оранская, приверженная къ потомству Вильгельма Молчаливаго, которое постоянно давало Голландіи вождей для ея защиты въ опасное время. Главою республиканской партіи въ описываемую эпоху былъ самый видный въ семи соединенныхъ провинціяхъ человѣкъ, пенсіонарій Голландіи, Іоаннъ де Виттъ: такъ какъ Голландія занимала первенствующее положеніе среди другихъ провинцій, то ея пенсіонарій, заправлявшій иностранными дѣлами, имѣлъ рѣшительное вліяніе на дѣла штатовъ. Личныя достоинства де Витта давали ему право на первое мѣсто: онъ былъ отлично образованъ и ученъ (былъ знаменитъ, какъ математикъ), отличался нравственною чистотою, необыкновенною простотою жизни: первый человѣкъ въ самомъ богатомъ тогда государствѣ жилъ въ маленькомъ домѣ, вся прислуга его состояла изъ лакея и кухарки; въ тогдашнемъ обществѣ, находившемся подъ вліяніемъ классическаго образованія, де Виттъ представлялся гражданиномъ лучшихъ временъ античнаго міра, и легко понять, какъ это представленіе помогало ему быть во главѣ республиканской партіи, боровшейся съ государскими стремленіями оранской, княжеской партіи. Де Виттъ добился того, что ему было поручено воспитаніе малолѣтняго Вильгельма, единственнаго представителя знаменитаго оранскаго дома; де Виттъ далъ Вильгельму отличное образованіе, но республиканцемъ его не сдѣлалъ.

Де Виттъ съ своею партією находился въ описываемое время въ крайне затруднительномъ и опасномъ положеніи: по своему промышленному и торговому характеру, республика Соединенныхъ Штатовъ необходимо сталкивалась съ Англією, быстро стремившеюся ко владычеству на моряхъ и въ мірѣ промышленномъ; соперничество, ненависть между двумя торговыми государствами необходимо вели къ ожесточеннымъ войнамъ, что, разумѣется, было какъ нельзя выгоднѣе для Франціи. Говоря о царствованіи Карла II въ Англіи, мы уже упоминали о войнахъ ея съ Голландією, ведшихся съ перемѣннымъ счастьемъ. Республиканская партія въ Соединенныхъ Штатахъ не боялась этихъ морскихъ войнъ, имѣвшихъ притомъ ясный, опредѣленный смыслъ — поддержку своего могущества на морѣ; тѣмъ болѣе она боялась сухопутной войны, безцѣльной, разорительной, опасной по численности своего сухопутнаго войска и по тому значенію, какое могъ получить полководецъ. Вотъ почему республиканская партія должна была стараться жить въ мирѣ съ могущественною Франціей и искать ея союза; но съ Францією, вслѣдствіе ея честолюбивыхъ стремленій, долго нажить въ мирѣ было нельзя; нужно было ставить противъ нея оплотъ посредствомъ союзовъ слабѣйшихъ державъ, и прежде всего посредствомъ неестественнаго союза Голландіи съ Англією. Этого де Виттъ съ своею партією сдѣлать не могъ; могла сдѣлать это только оранская партія, если бы получила сильнаго личными средствами представителя.

Въ то время, какъ Англія и Голландія тратили свои силы въ жестокую борьбу, въ то время, какъ Голландія на сухомъ пути не могла собственными средствами отбиться даже отъ ничтожнаго войска мюнстерскаго епископа, Людовикъ VI^е создавалъ сильное войско и флотъ. Кольберъ давалъ ему финансовыя средства и стремился къ тому, чтобы сдѣлать Францію морскою державою и соединить съ могуществомъ сухопутнымъ сильное развитіе промышленное и торговое. Наконецъ, бесплодная борьба, стоившая Голландіи четыре съ половиною милліона гульденовъ, наскучила обѣимъ сторонамъ, и въ 1667 году Англія и Соединенные Штаты заключили миръ въ Бредѣ. Но въ томъ же году началась война у Франціи съ Испанією движеніемъ французскихъ войскъ на испанскіе Нидерланды. Людовикъ началъ войну по праву сильнаго, но придуманъ былъ благовидный предлогъ: мы знаемъ, что Людовикъ былъ женатъ на испанской принцессѣ, дочери Филиппа VI отъ перваго брака, при чемъ она отказалась отъ всѣхъ претензій на испанскія земли; но теперь Людовикъ объявилъ, что жена его имѣетъ право на извѣстную часть Нидерландовъ и Фландріи на основаніи

какого-то мѣстнаго, брабантскаго обычая, соблюдавшагося при наслѣдованіи частныхъ людей. Секретарь Тюрення, Дюганъ, написалъ «Трактатъ о правахъ французской королевы на различныя области испанской монархіи». Трактатъ оканчивался словами: «Король увѣренъ, что эти народы (жители Бельгій) не забудутъ, что французскій король былъ ихъ прирожденнымъ государемъ, когда еще кастильскихъ королевъ не существовало, и что они пожелаютъ возвратиться въ нѣдра древняго отечества». Опасаться сильнаго противоудѣйствія со стороны Испаніи Людовикъ не могъ: здѣсь по смерти Филиппа IV, умершаго въ 1665 году, вступилъ на престолъ сынъ его Карлъ II, болѣзненный, полуумертвѣвый ребенокъ, именемъ котораго управляла мать его, королева Марія-Анна, дочь германскаго императора Фердинанда III; правительница находилась совершенно подъ вліяніемъ своего духовника, нѣмца Нитарда, который не имѣлъ правительственныхъ способностей и руководился только своими частными интересами. Благодаря такому положенію дѣлъ, Испанія была беззащитна; съ востока Людовикъ XIV былъ обезпеченъ Рейнскимъ союзомъ: Голландія и Англія, хотя и примиренныя, но отдыхавшія послѣ тяжелой войны и слабыя своими сухопутными средствами, не могли возбудить никакого опасенія. Французское войско подъ начальствомъ Тюрення начало забирать города, на которые была объявлена претензія по «деволюціонному праву», какъ называлось мнимое право французской королевы на наслѣдство послѣ отца; самъ Людовикъ находился при войскахъ, чтобъ играть роль завоевателя, такъ привлекательную для французъ; но Людовикъ, выставляя права своей жены, называлъ походъ въ Нидерланды не иначе, какъ *путешествіемъ*.

Успѣхи Людовика, разумѣется, должны были сильно встревожить Англію и Голландію; англійскій король Карлъ II и де Виттъ поневолѣ должны были вмѣшаться въ дѣло и заступиться за беззащитную Испанію. Сперва хотѣли они достигнуть своей цѣли дипломатическимъ путемъ; но завоеватели, пока не истощатся, не любятъ слушать представленія слабыхъ. Французы продолжали свои завоеванія, и надобно было принятися за обычное средство европейской политики: поддержать равновѣсіе союзомъ слабыхъ противъ сильнаго. Благодаря стараніямъ англійскаго дипломата Темпля, въ началѣ 1668 года заключенъ былъ союзъ между Англіею и Голландіею, къ которому пристала и Швеція, отъ чего союзъ носитъ названіе *Тройного* (Triple-alliance); союзники рѣшили уладить дѣло такъ, что Испанія должна сдѣлать нѣкоторыя уступки Франціи, а послѣдняя должна ими ограничиться и прекратить войну; въ противномъ случаѣ союзники вооружались.

Разумѣется, морскія державы не могли вести сухопутной войны, а должна была вести ее Швеція, получавшая большія субсидіи. Союзъ достигъ своей цѣли: въ апрѣлѣ того же года Людовикъ заключилъ въ С.-Жерменѣ миръ съ Испаніею, по которому получилъ двѣнадцать изъ завоеванныхъ имъ городовъ съ округами; съ Англіею, Голландіею и Швеціею Франція, немного спустя, заключила миръ въ Ахенѣ; съ императоромъ Леопольдомъ заключенъ былъ секретный договоръ, по которому Людовикъ и Леопольдъ, какъ женатые на родныхъ сестрахъ, испанскихъ принцессахъ, въ случаѣ смерти Карла II, дѣлили между собою испанскія владѣнія.

Сильный завоеватель былъ сдержанъ союзомъ слабыхъ, слѣдовательно политика его должна была состоять въ томъ, чтобы разстроивать эти союзы и предупреждать ихъ образованіе. Людовикъ видѣлъ, что на континентѣ опаснѣе всѣхъ державъ для него Голландія, не по военнымъ своимъ средствамъ, но по богатству, которое давало ей возможность составлять союзы противъ Франціи, давать большія субсидіи бѣднымъ и жаднымъ правительствамъ, покупать чужое войско; золото доказало, что можетъ успѣшно бороться противъ меча: отсюда сильное желаніе Людовика сокрушить прежде всего Голландію, порвать этотъ узелъ союзовъ противъ Франціи, усмирить дерзкихъ торговцевъ, лавочниковъ, которые осмѣливаются мѣшать замысламъ великаго короля, и тогда эти замыслы осуществятся безпрепятственно. Де Виттъ, занятый преимущественно внутреннею борьбою своей партіи съ оранцами, считавшій послѣднихъ опаснѣе французовъ, не сдѣлалъ Тройного Союза постояннымъ послѣ Ахенскаго мира. Этимъ воспользовался Людовикъ, чтобъ уничтожить возможность будущаго союза въ преднамѣренной имъ войнѣ въ Голландіею. Отвлечь Англію было не трудно: король Карлъ II и его партія питали сильное сочувствіе къ Франціи, ибо отъ нея одной могли ожидать дѣятельной помощи для усиленія своей власти на счетъ парламента и для введенія католицизма, что и было обѣщано Людовикомъ; со стороны послѣдняго не были пощажены никакія средства для упроченія союза съ англійскимъ королемъ: ко двору его была отправлена дѣвица Керуай, которая должна была овладѣть Карломъ II-мъ и привязать его къ французской политикѣ; Керуай, въ послѣдствіи герцогиня портсмутская, отлично исполнила свое порученіе. Въ Швеціи бѣдная аристократія не могла устоять отъ искушенія при видѣ французскихъ денегъ, и въ апрѣлѣ 1672 года былъ заключенъ договоръ между Франціею и Швеціею, по которому вторая обязалась въ продолженіе трехъ лѣтъ вести войну съ тѣми изъ нѣмецкихъ князей, которые подадутъ

помощь Голландіи во время войны ея съ Франціею: договоръ былъ направленъ прямо противъ курфюрста бранденбургскаго. Французскія деньги имѣли силу и при дворѣ германскаго императора. Министры Леопольда I-го (Лобковичъ, Ауерсбергъ и Ламбергъ) успѣли уговорить этого слабого государя заключить тайный договоръ съ Франціею, по которому онъ обязался не помогать ни Англіи, ни Швеціи, ни Голландіи въ случаѣ войны ихъ съ Людовикомъ. Заключены были союзы съ Ганноверомъ, Оснабрюкомъ, Кельномъ и Мюнстеромъ.

Такимъ образомъ Голландія была окружена цѣпью французскихъ союзовъ; гдѣ не дѣйствовали деньги или гдѣ французскимъ деньгамъ противодѣйствовали голландскія, тамъ Людовикъ безцеремонно употреблялъ силу: такъ герцогъ Францъ Лотарингскій обязался было составить войско для Голландіи, но французское войско явилось въ Лотарингію и заняло страну; герцогъ принужденъ былъ бѣжать. Людовикъ попробовалъ дѣйствовать деньгами и въ самой Голландіи, предложивъ де Витту сто тысячъ гульденовъ, но предложеніе было отвергнуто. Де Виттъ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи. Страшная опасность, которая видимо грозила Голландіи отъ Франціи, слабость, безсоюзіе Штатовъ необходимо поднимали оранскую партію, которая требовала назначенія молодого принца Вильгельма III штатгалтеромъ, съ цѣлью созданія внутреннихъ средствъ защиты. Республиканская партія, по обстоятельствамъ, не могла прямо воспрепятствовать этому, и мѣшала только косвенно, возражала, что Вильгельмъ не достигъ еще полныхъ двадцати двухъ лѣтъ, требуемыхъ закономъ для штатгалтерской должности; потомъ тянули время при составленіи инструкціи штатгалтеру, котораго власть старались какъ можно болѣе ограничить; наконецъ тянули переговоры съ курфюрстомъ бранденбургскомъ, который предлагалъ войско за субсидію: республиканская партія боялась родства курфюрста съ принцемъ оранскимъ. А между тѣмъ, въ апрѣлѣ 1672 г. король французскій и англійскій объявили войну штатамъ—подъ предлогомъ какихъ-то оскорбленій, которыхъ долго сносить будто бы не было для нихъ возможности.

Въ слѣдъ за объявленіемъ войны 120.000 французскаго войска явилось на Рейнѣ и Маасѣ, и вели это войско Тюреннь и Конде; при войскѣ же находились военный министръ Лувуа и знаменитый строитель и разрушитель крѣпостей Вобанъ; завоеватель—Людовикъ, разумѣется, былъ тутъ же. Французы безъ сопротивленія занимали провинціи Соединенныхъ Штатовъ, проникали въ Голландію, и здѣсь республиканская партія рѣшилась купить необходимый ей миръ день-

гами и пожертвованіемъ крѣпостей; но завоеватель предложилъ такія условія, что голландцы должны были предпочесть имъ самыя отчаянныя мѣры для защиты. При этомъ вражда партій разыгралась кровавою игрою; оранская партія, какъ партія войны, взяла теперь верхъ; принцъ Вильгельмъ провозглашенъ былъ штатгалтеромъ и генераль-капитаномъ. Амстердамцы съ чрезвычайными усиліями отлично укрѣпили свой городъ, грозили, прорвавши плотины, затопить всю окрестную страну, и рѣшились скорѣе сѣсть на корабли и переселиться въ Батавію, чѣмъ подчиниться французскимъ требованіямъ. Но торжествующая партія хотѣла прежде всего избавиться отъ главы противной партіи—Іоанна де Витта и брата его, адмирала Корнелія. На Іоанна напало четверо убійцъ, но онъ успѣлъ спастись отъ нихъ, отдѣлавшись ранами; потомъ его обвинили въ казнокрадствѣ, но человѣку, знаменитому своимъ безкорыстіемъ, легко было оправдаться; тогда нашелся доносчикъ, который показалъ, что Корнелій де Витъ подговаривалъ его убить принца Вильгельма; Корнелія подвергли пыткамъ, онъ выдержалъ ее, не повинившись; осудить его было нельзя; но толпа разъяренной черни день и ночь окружала его темницу, требуя своей жертвы, и жертва была выдана и не одна: обманомъ былъ привлеченъ къ брату въ темницу Іоаннъ де Виттъ, обоихъ вывели къ народу, и обоихъ растерзалъ народъ. Принцъ Вильгельмъ запятналъ себя раздачею наградъ убійцамъ.

Между тѣмъ война начала принимать благопріятный для Штатовъ оборотъ: курфюрстъ бранденбургскій заключилъ съ ними союзъ, угрожилъ приступить къ нему и императора, такъ что Людовикъ XIV долженъ былъ отдѣлить часть своего войска для дѣйствія въ Германіи; Испанія также пристала къ союзу. Голландцы исполнили свои угрозы, открыли шлюзы и затопили окрестную страну, не обращая вниманія на страшные убытки, причиненные этимъ потопомъ. Принцъ Вильгельмъ оранскій, ободренный особенно тѣмъ, что при французскомъ войскѣ, оставленномъ въ Нидерландахъ, не было болѣе ни Конде, ни Тюрення, предпринялъ наступательное движеніе. Но если дѣла пошли дурно для французовъ въ Нидерландахъ, то они могли съ успѣхомъ дѣйствовать въ Германіи, благодаря слабости тамошнихъ мелкихъ владѣльцевъ, сеймовымъ проволочкамъ и продажности австрійскихъ министровъ. Въ 1674 году принцъ Оранскій, провозглашенный наслѣдственнымъ штатгалтеромъ въ Голландіи, Зеландіи и Утрехтѣ, рѣшился помѣряться съ великимъ Конде; начальствуя императорскимъ, испанскими и голландскимъ войсками, онъ встрѣтился съ французами при деревнѣ Сенефѣ (недалеко отъ Лувэна). Страшная

рѣзня кончилась только съ истощеніемъ силъ у обѣихъ сторонъ; французы принесли побѣду себѣ. Рѣшительнѣе была побѣда Тюрення надъ императорскими войсками при Зинсгеймѣ, послѣ которой побѣдитель варварскимъ образомъ опустошилъ Пфальцъ, процвѣтавшій подъ правленіемъ курфюрста Карла Людовика; курфюрстръ въ отчаяніи вызвалъ Тюрення на поединокъ, но получилъ уклончивый отвѣтъ. Бранденбургскія войска, подъ предводительствомъ самого великаго курфюрста Фридриха Вильгельма, въ соединеніи съ императорскими перешли на лѣвый берегъ Рейна; но несогласіе между союзниками дало возможность Тюренню одержать еще нѣсколько побѣдъ и заставить непріятеля перебраться на правый берегъ Рейна. Въ 1675 году великій курфюрстръ долженъ былъ оставить западную Германію и сѣсть на защиту своихъ владѣній, въ которыя вторглись шведы, союзники Франціи. Онъ напалъ на превосходнаго числа непріятеля при Фербеллингѣ и одержалъ блистательную побѣду, послѣ которой шведское войско разсѣялось; въ томъ же году французы потеряли Тюрення, убитаго при Засбахѣ въ сраженіи съ императорскими войсками. Но у Людовика XIV остались еще люди и средства, и Вильгельмъ Оранскій терпѣлъ постоянныя неудачи въ битвахъ съ французами, которые овладѣли Валансьеномъ, Камбрѣ, С. Омеромъ. «Принцъ Оранскій, говорили остряки, можетъ хвастаться, что въ такія молодыя лѣта ни одинъ генералъ не снялъ столько осадъ и не проигралъ столько битвъ, какъ онъ». Молодой Вильгельмъ совершенно напоминалъ собою своего знаменитаго предка, Вильгельма Молчаливаго, такъ же не отличаясь блестящими способностями, онъ бралъ спокойствіемъ, холодною, скрытною, ровностію духа въ бѣдѣ и удачѣ, что помогало ему послѣ пораженія являться снова на сцену, съ новыми средствами, и внушать къ себѣ полное довѣріе въ людяхъ, которые поручали ему свою судьбу.

Несмотря на свои неудачи, молодой Вильгельмъ Оранскій желалъ продолженія войны, которая поддерживала его власть, дѣлала ее необходимою; но онъ долженъ былъ уступить общему требованію, требованію мира: соединенныя провинціи принесли всевозможныя жертвы; ихъ торговля терпѣла страшный ущербъ, особенно отъ французскихъ корсаровъ. Людовикъ XIV, также нехотѣвшій мира, принужденъ былъ приступить къ соглашеніямъ, благодаря отпаденію Англіи, которая въ началѣ 1674 года заключила отдѣльный миръ съ Голландіею; мало того, Вильгельмъ Оранскій обручился съ племянницею англійскаго короля, Маріею, дочерью герцога Йоркскаго, и въ началѣ 1678 году заключенъ былъ оборонительный союзъ между Англіею и

Соединенными Штатами. Людовикъ спѣшилъ новыми завоеваніями въ беззащитныхъ испанскихъ Нидерландахъ пріобрѣсти выгоднѣйшія мирныя условія: его войско овладѣло Гентомъ и Ипромъ; съ другой стороны, онъ былъ въ сношеніяхъ съ республиканскою партіею въ Соединенныхъ Штатахъ, которая боялась чрезвычайнаго усиленія власти штатгалтера, особенно была напугана бракомъ Вильгельма на англійской принцессѣ и потому желала какъ можно скорѣе заключить миръ съ Франціею. Миръ былъ наконецъ заключенъ въ Нимвегенѣ въ 1678 году Франціею, Голландіею и Испаніею: всѣ выгоды получили сильныя державы— Франція и Голландія, всѣ невыгоды пали на долю слабой Испаніи: Голландія получила назадъ всѣ города и земли, занятыя французами, Испанія должна была уступить Франціи Франшъ-Контэ, Валансienнъ, Камбрэ, С. Омеръ, Ипернъ и нѣсколько другихъ менѣе значительныхъ городовъ. Послѣ этого имперія не могла долго бороться съ Франціею, не смотря на успѣхъ курфюрста бранденбургскаго и союзницы его Даніи противъ шведовъ, союзниковъ Франціи: курфюрстъ и датскій король должны были исполнить требованія Людовика XIV, возвратить шведамъ все у нихъ завоеванное.

Такимъ образомъ, несмотря на сильный, повидимому, союзъ противъ Франціи, ея король вышелъ изъ войны со славою и добычею; примѣръ Швеціи показывалъ, что съ могущественнымъ королемъ французскимъ выгодно быть въ союзѣ: союзникъ его ничего не потерялъ, несмотря на всѣ неудачи; униженное положеніе Бранденбурга и Даніи, обязанныхъ выйти изъ войны ни съ чѣмъ, несмотря на всѣ удачи, показывало, какъ опасно итти наперекоръ великому королю. Но за видимое могущество и славу своего короля Франція уже начинала дорого платить: финансы ея истощались; что всего важнѣе, она теряла людей, которые давали ей побѣды и давали средства къ побѣдамъ, которыхъ великій король не умѣлъ замѣнить другими равными имъ; всѣ блистательные успѣхи онъ начинаетъ приписывать себѣ, начинаетъ считать себя выше всѣхъ по способностямъ, гонить непріятную мысль, что онъ можетъ нуждаться въ людяхъ самостоятельныхъ, получившихъ дарованія «Божіею милостію», окружаетъ себя слѣпыми орудіями, не имѣющими своей мысли и воли, людьми, обязанными всѣмъ только «королевской милости».

Сходятъ со сцены Тюреннъ, Кондэ — и не замѣняются. Умираетъ Кольберъ, и умираетъ въ горѣ отъ немилости королевской. Для голландской войны Кольберъ долженъ былъ приготовить 45 милліоновъ. Средствами, соответствовавшими его системѣ, на примѣръ, уменьшеніемъ числа чиновниковъ и т. п., Кольберъ не могъ этого сдѣлать,

и долженъ былъ прибѣгнуть къ отчужденію государственныхъ имуществъ; Кольберъ не хотѣлъ слышать о займахъ, но соперникъ его Лувуа осилилъ, и назначенъ былъ заемъ. «Итакъ, дорога къ займамъ открыта, — сказалъ Кольберъ. — Какое же теперь останется средство остановить короля въ его издержкахъ? По заключеніи займовъ понадобятся налоги для ихъ выплачиванія, и если займы не будутъ имѣть границъ, то и налоги также не будутъ ихъ имѣть». Война разгорѣлась; королю внушаютъ, что для веденія ея съ успѣхомъ надобенъ чрезвычайный расходъ въ 60 милліоновъ ежегодно. «Но откуда взять столько денегъ! — съ ужасомъ говоритъ Кольберъ. — Подумайте, — отвѣчаетъ король: — есть человѣкъ, который возьмется достать эту сумму, если вы отказываетесь». Жесткое слово произвело желанное дѣйствіе: Кольберъ не отказался и сталъ думать, но эта дума провела глубокія морщины на его челѣ, которое потомъ не разглаживалось болѣе. До сихъ поръ онъ садился за работу съ веселымъ лицомъ, потирая руки отъ удовольствія; до сихъ поръ онъ былъ доступенъ, быстръ въ исполненіи: съ этихъ поръ онъ сталъ мраченъ, недоступенъ, нерѣшителенъ, началъ садиться за рабочій столъ не иначе, какъ съ озабоченнымъ лицомъ, со вздохами. Надобно было приниматься за старину, за чрезвычайныя средства: возстановлены были для продажи упраздненныя должности по юстиціи и по финансовому управленію, учреждены новыя, въ высшихъ судебныхъ палатахъ увеличено число членовъ, проданы привилегіи на продажу извѣстныхъ товаровъ, продано нѣкоторымъ лицамъ право освобожденія отъ податей; но отъ этихъ продажъ, отъ стѣсненій, которыя начинаютъ претерпѣвать народъ, уменьшаются доходы, — слѣдовательно, надобно увеличить подати, надобно прибѣгнуть къ ненавистному для Кольбера займу. Онъ учреждаетъ ссудную кассу, куда частные люди могутъ помѣщать свои деньги за пять процентовъ и съ правомъ брать всю сумму назадъ, когда захотятъ. Увеличена была пошлина на соль; табакъ сдѣланъ монополією; гербовая бумага, введенная при Мазарини и потомъ уничтоженная, возстановлена, при чемъ нельзя было писать на листѣ больше положеннаго числа строкъ; наложена пошлина съ клейма оловянной посуды, употребляемой въ простонародьи. Но всѣ эти мѣры могутъ возбудить сопротивленіе въ парламентѣ? Въ 1673 году вышелъ манифестъ, въ которомъ король повелѣвалъ парламентамъ вносить безпрекословно въ реестръ всѣ указы, съ правомъ дѣлать послѣ свои представленія королю насчетъ неудобства этихъ указовъ, которые между тѣмъ уже получили силу закона.

Парламентъ замолчалъ, по возстаніе вспыхнуло въ Бордо, клейменная оловянная посуда полетѣла въ воду, дома финансовыхъ чиновниковъ разграблены, совѣтники парламента умерщвлены; въ Реннѣ склады гербовой бумаги и табакъ были разграблены, при чемъ дѣло не обошлось безъ кровопролитія; въ Бретани толпы вооруженныхъ крестьянъ преслѣдовали финансовыхъ чиновниковъ и дворянъ, замки горѣли, и владѣльцы ихъ висѣли на колокольняхъ; заводчики смуты въ Бордо сносились съ голландцами, звали ихъ на помощь. Волненія въ Бордо были усмирены сильными средствами; войска правительства *такъ* вели себя въ этомъ городѣ, что лучшіе жители покинули его, и торговля на долго упала; въ Бретани видѣлись повсюду висѣльцы и колеса; изъ Ренна были выгнаны всѣ жители цѣлой большой улицы. Но королевскія экзекуціи не уничтожили причину волненій: въ 1675 году губернаторъ Дофинэ писалъ Кольберу, что торговля совершенно остановилась въ его провинціи, и что большая часть жителей должны были питаться зимою хлѣбомъ изъ желудей и корней, а весною ѣсть траву и древесную кору. Съ начала войны арендная плата за земли уменьшилась на половину; крестьянскія избы поражали путешественника своимъ печальнымъ видомъ, да и замки мелкаго дворянства не отличались роскошью.

Наконецъ война прекратилась; Кольберъ уже хлопоталъ, какъ бы возстановить народное благосостояніе, уменьшить налоги, поддержать кредитъ; онъ представляетъ королю необходимость уменьшить расходы, король соглашается, постановлено ограничить расходы 78 милліонами, и, не смотря на то, въ 1680 году издержано 90 милліоновъ, только двумя милліонами меньше, чѣмъ въ 1679. Все же меньше; но въ 1682 году издерживается 100 милліоновъ—во время мира! На что же идутъ теперь деньги? Строили Версаль, новую резиденцію короля, которому не нравился Парижъ. Были другія постройки, на которыя не менѣ жаловался Кольберъ: знаменитый Вобанъ построилъ и перестроилъ триста крѣпостей. Укрѣплялись границы государства со всѣхъ сторонъ; но откуда могущественнѣйшій изъ государей Европы могъ ожидать нападенія? Ни одно государство порознь не въ состояніи предпринять наступательное движеніе на Францію; развѣ составитъ новый, болѣе могущественный союзъ; но для этого Франціи должно предпринять наступательное движеніе и заставить слабыхъ соединиться для отпора. Людовикъ дѣйствительно не намѣренъ прекратить наступательное движеніе, удержаться отъ захвата чужихъ земель. Онъ расширилъ свои владѣнія на счетъ слабой Испаніи; теперь хочетъ расширить ихъ на

счесть слабой Германіи, сдѣлать завоеванія безъ войны: онъ учреждаетъ на сѣверо-востокѣ, со стороны Германіи, въ парламентѣ Мецкомъ и верховномъ совѣтѣ Эльзасскомъ, въ Безансонѣ, такъ называемыя Камеры Соединенія (Chambres de réunion), которыя должны были отыскать и присоединить къ Франціи всѣ земли, когда-либо зависѣвшія отъ Эльзаса и трехъ епископствъ (Меца, Тула и Вердена). Приводимъ примѣръ, какъ дѣйствовали Камеры Соединенія: нѣсколько городовъ и деревень было присоединено къ Франціи на томъ основаніи, что они пѣкогда зависѣли отъ монастыря Вейсенбургскаго, основаннаго королемъ Дагоберомъ, и не могли быть отчуждены, говорили французскіе юристы, потому что церковныя имущества неотчуждаемы. Притянуто было и герцогство Цвейбрикенское, принадлежавшее шведскому королю; отъ Карла XI потребовали, чтобъ онъ далъ Людовику XIV вассальную присягу за это герцогство; тотъ не согласился, тогда Людовикъ конфисковалъ Цвейбрикенъ и отдалъ его въ вассальное владѣніе князю Биркенфельдскому; герцогъ Виртембергскій, городъ Страсбургъ стали вассалами французскаго короля по землямъ, притянутымъ къ Франціи Камерами Соединенія. И самъ Страсбургъ, обхваченный французскими владѣніями, не долго могъ сохранять свою независимость, какъ вольный нѣмецкій городъ; онъ составлялъ предметъ давнишняго желанія Франціи, которая безъ Страсбурга не могла быть покойна относительно Рейна и Эльзаса. Положеніе между Франціей и Германіей повело въ этомъ вольномъ городѣ къ образованію двухъ партій: французско-католической и нѣмецко-протестантской. Перевѣсъ Франціи въ Европѣ послѣ Нимвегенскаго мира, естественно, далъ перевѣсъ французской партіи въ Страсбургѣ и облегчилъ Людовику XIV присоединеніе этого важнаго города. Ночью въ концѣ сентября 1681 года французское войско явилось подъ городомъ, начальство котораго получило приглашеніе признать Людовика XIV своимъ государемъ, «потому что Камера Соединенія подчинила королю весь Эльзасъ, а Страсбургъ составляетъ часть послѣдняго». Крики незначительнаго меньшинства, требовавшаго сопротивленія, были заглушены благоразумнымъ большинствомъ, которое считало сопротивленіе бесполезнымъ. Страсбургъ былъ присоединенъ къ Франціи, и великій король съ торжествомъ въѣхалъ въ городъ, овладѣніе которымъ не стоило ему ни одного выстрѣла. Страсбургскій епископъ привѣтствовалъ его словами Симеона: «Нынѣ отпущаеши раба твоего, владыко!» Радость прелата была искренняя: до сихъ поръ онъ жилъ внѣ города, а теперь переехалъ въ Страсбургъ и началъ служить въ знаменитомъ соборѣ,

отнятомъ у протестантовъ. На югѣ герцогъ Мантуанскій сдалъ французамъ крѣпость Казале, и такимъ образомъ Людовикъ получилъ ключъ къ Милану, къ итальянскимъ владѣніямъ Испаніи.

Какъ же смотрѣли въ Европѣ на эти завоеванія во время мира? Волненіе было сильное. Германія, гдѣ, при недостаткѣ политической дѣятельности, начала сильно развиваться дѣятельность научная, наблюденіе за политическими явленіями издалека и съ высока, соображенія по поводу ихъ и многообразныя разностороннія разсужденія, часто переходившія въ многоглаголаніе и многописаніе, — Германія подняла тревогу на счетъ готовящейся всемірной монархіи, выпустила множество историческихъ диссертаций, полемическихъ трактатовъ, памфлетовъ и пасквилей. Но это умственное возбужденіе не могло имѣть важныхъ послѣдствій при отсутствіи политическаго единства и происходившей отсюда слабости Германіи. Императоръ былъ занятъ турецкими отношеніями, у него было много дѣла на Дунаѣ, и потому онъ не могъ обращать надлежащее вниманіе на то, что дѣлалось на Рейнѣ; значительнѣйшій изъ владѣльцевъ нѣмецкихъ, особенно по личнымъ средствамъ, знаменитый курфюрстъ бранденбургскій Фридрихъ Вильгельмъ, раздосадованный тѣмъ, что въ предшествовавшей войнѣ не дали ему отнять у Швеціи ея германскихъ владѣній, и тѣмъ, что Голландія и Испанія перестали ему платить субсидіи, видя при томъ слабость Европы передъ Франціею, рѣшился усиливаться съ помощью послѣдней, заключилъ союзъ съ Людовикомъ XIV, и, поставленный этимъ союзомъ между двухъ огней, между интересами Германіи и Франціи, когда послѣдняя такъ безцеремонно захватывала земли у первой, долженъ былъ хлопотать о томъ, чтобы не доводить дѣло до войны, улаживать, примирять; но при этомъ примиреніи сильная Франція, разумѣется, выходила съ выгодною, а слабая Германія съ ущербомъ. Швеція, которой король былъ раздраженъ конфискаціею своего Цвейбрикенскаго герцогства, становилась теперь во враждебное положеніе къ Франціи, но вслѣдствіе этого самаго непримиримый врагъ Швеціи, Данія, становилась на сторону Франціи. Постояннымъ врагомъ Людовика, главнымъ дѣятелемъ при составленіи союзовъ противъ него былъ Вильгельмъ Оранскій. Послѣ Нимвегенскаго мира онъ заявилъ желаніе войти въ милость великаго короля, но получилъ высокоумный отвѣтъ: «Если принцъ своимъ поведеніемъ подтвердитъ искренность своихъ чувствъ, то его величество увидитъ, что нужно сдѣлать». Оттолкнутый такимъ образомъ, Вильгельмъ началъ опять дѣйствовать враждебно противъ Франціи; Людовикъ отомстилъ ему, вслѣдствіе разрушенія укрѣпленія

его наслѣдственнаго городка Оранжа; Вильгельмъ, услыхавши объ этомъ сказалъ: «Французскій король узнаетъ когда-нибудь, что значитъ оскорбить принца Оранскаго».

Но это «когда-нибудь» было еще далеко. Вильгельмъ встрѣчалъ постоянное препятствіе своимъ планамъ у себя въ Голландіи, которая уклонялась отъ войны, а безъ Голландіи другимъ державамъ нельзя было воевать, потому что у нея, какъ тогда выражались, былъ *нервъ войны*, деньги. Старались сдерживать Людовика, заключая съ нимъ мирные договоры; Людовикъ соглашался обыкновенно на миръ, потому что каждый разъ при этомъ что-нибудь выигрывалъ на счетъ Испаніи или Германіи; но миръ не мѣшалъ ему предъявлять новыя притязанія. Такъ онъ объявилъ свои притязанія на счетъ Пфальца во имя жены брата своего, герцога Орлеанскаго, урожденной принцессы пфальцской. Эти притязанія повели опять къ составленію союзовъ противъ Франціи, при чемъ опять дѣйствовалъ преимущественно Вильгельмъ Оранскій. Голландія рѣшилась отсчитать курфюресту бренденбургскому требуемыя имъ деньги и возобновила съ нимъ союзъ, заключила союзъ и съ королемъ шведскимъ, который, съ своей стороны, вступилъ въ союзъ съ курфюрестомъ бренденбургскимъ для поддержанія вестфальскаго и нимвегенскаго мировъ; курфюрестъ бренденбургскій вступилъ къ союзъ съ императоромъ; наконецъ, въ 1686 году заключенъ былъ между многими государствами такъ-называемый Большой Аугсбургскій союзъ для поддержанія существующихъ отношеній противъ французскихъ завоевательныхъ движеній. Началась такъ называемая Орлеанская война (по претензіямъ, предъявленнымъ именемъ герцогини Орлеанской); Людовикъ XIV опустошилъ Германію, когда въ 1689 году произошла вторая англійская революція: союзникъ Людовика, Іаковъ II Стюартъ, былъ свергнутъ, и на англійскій престолъ вступилъ заклятой врагъ Людовика, Вильгельмъ Оранскій.

Это событіе было поворотнымъ въ исторіи времени Людовика XIV: сопротивленіе замысламъ его въ Европѣ усилилось влѣдствіе того, что Вильгельмъ Оранскій сталъ королемъ англійскимъ, не переставая быть штатгалтеромъ голландскимъ. Разумѣется, стремленіе новаго короля втянуть Англію въ континентальныя дѣла, въ наступательную войну, стремленіе всегда антинаціональное въ Англіи, должно было бы встрѣтить здѣсь самое сильное сопротивленіе, если бы не былъ задѣтъ живой интересъ торжествующей партіи тѣмъ, что Людовикъ принялъ сторону изгнанныхъ Стюартовъ; опасность отъ замысловъ французскаго короля для торговыхъ интересовъ Англіи возбудила

противъ него здѣсь всѣхъ и заставила продолжать борьбу съ Людовикомъ и по смерти Вильгельма. Съ другой стороны, Священный союзъ между Россіею, Польшею, Австріею и Венеціею остановилъ напоръ турокъ и развязалъ руки Австріи дѣйствовать на западѣ; сюда же присоединились и счастливыя случайности: австрійскія войска, во всѣ времена славныя своими неудачами, получили полководца, который далъ имъ способность къ побѣдамъ, именно Евгенія Савойскаго; такого же полководца получили и англійскія войска въ Марьборо. Такимъ образомъ на сторонѣ государствъ, соединившихся для борьбы противъ французской игемоніи, всѣ средства къ успѣху; а на сторонѣ Людовика XIV ослабленіе этихъ средствъ. Какъ же произошло такое ослабленіе?

Имена Людовика XIV и Кольбера такъ неразлучно соединены въ нашей памяти; а между тѣмъ стремленія того и другого были крайне противоположны, сознательно или безсознательно для нихъ самихъ — все равно. У Кольбера была задача сдѣлать изъ Франціи морскую державу, не идеальную какую-нибудь, а такую, какая была предъ глазами,—Голландія. Нѣтъ денегъ въ государствѣ: какъ ихъ добыть, какъ сдѣлать государство богатымъ? Отвѣтъ ясенъ: дѣлать то что дѣлали государства разбогатѣвшія, именно морскія, Голландія Англія, тогда преимущественно первая; все вниманіе, слѣдовательно, должно быть обращено на торговлю, мануфактурную промышленность, колоніи, флотъ. И благодаря средствамъ народа и страны, Кольберъ въ короткое время успѣлъ сдѣлать много для достиженія своей цѣли. Но Кольберъ былъ министромъ короля, у котораго были другія континентальныя стремленія и цѣли. Эти цѣли—поддержать и, по возможности, усилить значеніе своего государства среди другихъ государствъ, при чемъ постоянная обязанность—стоять на сторожѣ, ибо и другія государства имѣютъ тѣ же самыя цѣли; стоять на сторожѣ—значить имѣть наготовѣ всегда войско, войско надобно содержать, и вотъ вѣчный вопросъ первой важности для континентальныхъ державъ—отношеніе войска къ финансовымъ средствамъ страны, вѣчная забота, отъ которой зависятъ важнѣйшія явленія въ народной жизни. Кольберу, чтобы уравнять Францію съ Голландіею, пужень прежде всего миръ; ему удалось увеличить количество капиталовъ до такой степени, что онъ могъ установить законный процентъ—5 на 100; но это только во время мира; какъ только война, процентъ поднимался, а въ Голландіи онъ былъ 3 на 100! Людовикъ XIV или велъ войну, или готовился къ ней: надобно поднять значеніе Франціи, для этого надобно укрѣпить и расширить до из-

вѣстныхъ мѣсть ея границы, округлить ихъ, и не воспользоваться для этого слабосиліемъ сосѣда было бы странно—самыя естественныя побужденія для славолубиваго государя славолубивѣйшаго изъ народовъ. Послѣ этого могла ли существовать Франція Людовика XIV рядомъ съ Франціею Кольбера, т.-е. съ Франціею, похожею на Голландію?

Кромѣ войны, кромѣ Версаля и необычайнаго великолѣпія, которымъ былъ окруженъ великій король, образецъ монарховъ, Людовикъ нанесъ ударъ системѣ Кольбера гоненіемъ протестантовъ. Нантскій эдиктъ не былъ результатомъ установленія принципа вѣротерпимости, а былъ только временною сдѣлкой: истомленное усобицею, католическое большинство должно было сдѣлать эту уступку королю, который, въ угоду ему, изъ протестанта сдѣлался католикомъ и долженъ былъ показать своимъ единовѣрцамъ, что онъ, въ своемъ отступничествѣ, не покинулъ ихъ, но выговорилъ для нихъ чрезвычайно выгодныя условія, какими иновѣрцы не пользовались нигдѣ въ Европѣ. Слѣдовательно, французскіе протестанты, обязанные своимъ положеніемъ стеченію особенныхъ обстоятельствъ, должны были ждать, что съ измѣненіемъ этихъ обстоятельствъ измѣнится и положеніе ихъ. Счастіе продолжало имъ благопріятствовать; сначала смуты въ малолѣтство Людовика XIII, потомъ правительство Ришелье: кардиналъ римской церкви хотя нанесъ имъ сильный ударъ, однако не тронулъ ихъ существенныхъ правъ, ибо въ его расчеты не входило возбужденіе сильной внутренней борьбы, когда Франція была занята важною внѣшнею борьбою, а у перваго министра лично было и такъ много внутреннихъ враговъ поопаснѣе протестантовъ; наконецъ, смуты въ малолѣтство Людовика XIV также не дали возможности думать о протестантахъ. Съ прекращеніемъ фронды кончилось золотое время для протестантовъ, особенно когда Людовикъ вступилъ въ самостоятельное управленіе, обезпеченный относительно внутренняго спокойствія усталостію всѣхъ классовъ народонаселенія отъ смутъ. Людовикъ не могъ благосклонно относиться къ людямъ, которые такъ рѣзко нарушали государственное единство, которые своимъ существованіемъ въ государствѣ показывали фальшивость знаменитаго выраженія: «государство—это я». Старался помочь Стюартамъ сломить англійскую конституцію низложеніемъ протестантизма и поднятіемъ католичества, ведя ожесточенную борьбу съ протестантскою Голландіею, съ ея штатгалтеромъ, героемъ протестантизма, христіаннѣйшій король долженъ былъ знать, что часть его подданныхъ не могутъ желать ему успѣха, долженъ былъ знать, что

протестанты разныхъ странъ находятся въ опасной связи и, при случаѣ, готовы помогать другъ другу даже явнымъ образомъ; если Людовикъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ большинства англійскаго народа могъ разсчитывать на сочувствіе и помощь католическаго меньшинства, то долженъ былъ естественно заключать, что англійское большинство найдетъ всегда сочувствіе и помощь во французскомъ протестантскомъ меньшинствѣ. Понятно, что при такомъ отношеніи къ протестантскимъ своимъ подданнымъ, Людовикъ былъ легко доступенъ всѣмъ внушеніямъ о необходимости и обязанности употреблять мѣры для уничтоженія ереси, онъ былъ тѣмъ болѣе доступенъ такимъ внушеніямъ, что дѣло казалось легкимъ: протестанты потеряли своихъ вождей въ высшихъ слояхъ общества, протестантизмъ сдѣлался въ это время *мѣщанскою* вѣрою и въ этомъ значеніи могъ найти только нерасположеніе и презрѣніе у людей, окружающихъ короля. Сначала Людовикъ не думалъ о явномъ гоненіи на протестантовъ, объ уничтоженіи Нантскаго эдикта: онъ хотѣлъ уменьшать число протестантовъ, осыпая наградами тѣхъ изъ нихъ, которые переходили въ католицизмъ, и отказывая во всякой милости тѣмъ, которые оставались въ ереси. Но духовенство не было довольно такимъ способомъ дѣйствія: Боссюэтъ называлъ нечестивыми тѣхъ, которые желали, чтобы государь щадилъ еретиковъ. Прежде гоненія начались стѣсненія: протестантамъ запрещено было собирать національные синоды, какіе бывали прежде каждые три года, вѣдно ограничиться синодами провинціальными; запрещено было протестантамъ, обратившимся въ католицизмъ, снова обращаться въ протестанство; запрещено католическимъ духовнымъ обращаться въ протестанство, и этимъ отнятіемъ у французовъ права выбора между двумя исповѣданіями нарушена была основа Нантскаго эдикта. Начали стѣснять доступъ протестантовъ въ цехи; постановили, что дѣти протестантовъ, мальчики съ 14, а дѣвочки съ 12 лѣтъ, могли перемѣнять исповѣданіе безъ согласія родителей и покидать послѣднихъ, которые, однако, обязаны были давать на ихъ содержаніе; протестантамъ не дозволяли заводить высшія школы. Тогда значительное число протестантскихъ семействъ покинули Францію. Кольберъ вступилъ въ дѣло, выставивъ вредъ этихъ мѣръ противъ протестантовъ для государства, для народной промышленности и на время успѣлъ остановить стѣснительныя постановленія. Но съ 1674 года они возобновились. Чтобы подвинуть дѣло обращенія еретиковъ, король назначалъ значительныя суммы для раздачи новообращеннымъ. Кромѣ политическихъ соображеній, король начиналъ уже теперь ру-

ководиться и религіозною ревностью, усилившеюся въ немъ подѣ вліяніемъ знаменитой Ментенонъ.

Любовница короля, Монтеспанъ, сблизила его съ бѣдною вдовою, оставшеюся послѣ шутовскаго поэта Скаррона. Вдова Скарронъ была гувернанткою при побочныхъ дѣтяхъ Людовика отъ Монтеспанъ. Сначала Скарронъ не нравилась королю, который находилъ ее очень церемонною и педаантливою; но потомъ мало-по-малу онъ сталъ находить удовольствіе въ обществѣ умной, спокойной, приличной, нравственной, пажобной, пожилой, но сохранившей красоту женщины. Новость явленія возбуждала любопытство, противоположность съ Монтеспанъ, которая уже наскучивала своею стремительностью, усиливала расположеніе. Людовикъ сталъ ухаживать, и тутъ постоянно сильный отпоръ, но не окончательное отверженіе превратили склонность въ страсть. Воспитанники Скарронъ были объявлены законными дѣтьми короля и представлены королевѣ, а гувернантка ихъ получила титулъ маркизы Ментенонъ. Это было въ 1675 году, а въ 1679 Ментенонъ писала: «Король сознается въ своихъ слабостяхъ, расклаивается въ своихъ ошибкахъ; онъ серьезно думалъ объ обращеніи еретиковъ, и скоро будетъ надъ этимъ сильно работать».

Нѣкоторыя правительственные лица требовали, что надобно употреблять противъ протестантовъ преимущественно нравственные средства, стараться прежде всего объ улучшеніи нравовъ и образованіи въ низшихъ слояхъ католическаго духовенства, которое не можетъ соперничать съ протестантскими пасторами; тщетно представляли, что протестантизмъ есть крѣпость, которую нельзя брать приступомъ, но надобно постепенно подкапываться: люди противоположныхъ убѣжденій, утверждавшіе, что надобно понудить еретиковъ войти въ царство небесное, взяли верхъ. 22 протестантскія церкви были разрушены въ 1679 году; были уничтожены судебныя палаты, составленныя смѣшанно изъ католиковъ и протестантовъ; запрещены всякія протестантскія собранія для церковныхъ дѣлъ безъ королевскаго позволенія и присутствія королевскаго комиссара, запрещено протестанткамъ быть повивальными бабками; протестантовъ запрещено опредѣлять въ служебныя должности, но протестантамъ, желающимъ обратиться въ католицизмъ, позволено три года не платить долговъ; запрещены браки между католиками и протестантами. Военному министру Лувуа захотѣлось взять дѣло обращенія еретиковъ въ свои руки, и онъ предписалъ расположить по протестантскимъ домамъ постоемъ кавалерію. Солдаты, поощряемые интендантами и чиновниками, подстрекаемые ревностными католиками, стали обращаться съ

своими хозяевами какъ съ непріятелями; чтобы избавиться отъ постоя, множество протестантовъ обратилось въ католицизмъ, множество другихъ собралось оставить Францію; но тутъ вступился въ дѣло Кольберъ и въ послѣдній разъ король послушалъ своего стараго министра: обращеніе еретиковъ *постоемъ* было прекращено.

Но духовные и свѣтскіе ревнители указали королю, какъ опасно прекращеніе строгихъ мѣръ: протестанты, обратившіеся было въ католицизмъ, толпами начали возвращаться къ прежней ереси, какъ только избавились отъ постоя. Ментенонъ писала въ 1681 году: «Король серьезно начинаетъ думать о спасеніи своемъ и своихъ подданныхъ. Если Богъ сохранитъ его намъ, то во Франціи будетъ только одна религія. Таково желаніе Лувуа, и я думаю, что онъ ревностиѣ въ этомъ отношеніи, чѣмъ Кольберъ, который думаетъ только о своихъ финансахъ и почти никогда не думаетъ о религіи». Въ томъ же году постановлено, что дѣти протестантовъ могутъ обращаться въ католицизмъ противъ воли родителей не съ 12 или 14 лѣтъ, какъ было постановлено прежде, но съ семилѣтняго возраста. Выселеніе протестантовъ изъ Франціи начало совершаться въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, несмотря на бдительный надзоръ, устроенный правительствомъ на границахъ; впрочемъ, пасторовъ не задерживали, напротивъ, понуждали выселяться. Кольберъ не могъ болѣе защищать протестантовъ. Враги дошли до того, что стали обвинять его въ пагубныхъ замыслахъ, и эти обвиненія имѣли вліяніе на короля, на его отношенія къ министру. Въ 1683 году Кольберъ умеръ 63 лѣтъ съ горькими упреками человѣку и безъ надежды на Бога. Онъ говорилъ предъ смертію: «Если бы я сдѣлалъ для Бога столько же, сколько сдѣлалъ для этого человѣка (Людовика), то я былъ бы спасенъ десять разъ, а теперь я не знаю, что со мною будетъ». Знаменитаго министра должны были похоронить ночью изъ опасенія, чтобы народъ не оскорбилъ его останковъ: толпа привыкла думать, что каждый министръ финансовъ заботится только о томъ, чтобы всѣми средствами выжимать деньги изъ народа, и всѣ тяжести послѣдняго времени приписывали Кольберу.

По смерти Кольбера министерства морское, торговли, двора и церковныхъ дѣлъ перешли къ сыну его Сеньелэ, молодому человѣку, очень живому, способному, хорошо приготовленному, но не имѣвшему отцовской серьезности; финансы получилъ Пеллетье, котораго рекомендовали Людовику, какъ человѣка мягкаго, способнаго, какъ воскъ, принимать тотъ отпечатокъ, какой угодно будетъ королю дать ему. Иностранцами дѣлами завѣдывалъ братъ покойнаго Кольбера,

Кольберъ де Круасси, человѣкъ, ничѣмъ особенно не замѣчательный и уступившій Лувуа большое участіе въ направленіи внѣшней политики. Лувуа съ должностію военнаго министра поспѣшилъ соединить завѣдываніе публичными зданіями и вообще художественными работами, ибо страсть короля къ постройкамъ давала этой должности большое значеніе. Лувуа, разумѣется, старался угождать этой страсти, вслѣдствіе чего расходы на постройки, простиравшіяся при Кольберѣ въ 1682 году до 6 милліоновъ, въ 1686 году возросли до 15 милліоновъ.

Скоро совѣтъ министровъ Людовика XIV получилъ новаго дѣятельнаго члена: то была маркиза Ментенонъ. Въ годъ смерти Кольбера умерла и королева Марія Терезія, по своей простотѣ совершенно исчезавшая среди блестящихъ женскихъ фигуръ, наполнявшихъ дворъ великаго короля. Въ слѣдующемъ 1684 году Людовикъ тайно обвинчался съ Ментенонъ, которая была старше его нѣсколькими годами (ей было подъ 50 лѣтъ). Всѣ вліянія должны были уступить теперь мѣсто вліянію Ментенонъ. Король уже не стѣснялся болѣе въ своей привязанности и работалъ съ министрами въ ея комнатѣ; когда вопросъ былъ труденъ для рѣшенія, король говорилъ: «посоветуемся съ разумомъ», и, обратясь къ Ментенонъ, спрашивалъ ее: «какъ думаетъ объ этомъ Ваша Солидность (*votre solidité*)?» Легко понять, что вопросъ протестантскій могъ быть рѣшенъ «ея солидностью» не въ пользу Нантскаго эдикта. Въ годъ королевскаго брака на Ментенонъ уже видимъ сильныя мѣры противъ протестантовъ: храмы ихъ закрывались безпрестанно подъ самыми пустыми предлогами, потомъ протестантамъ запрещено было быть адвокатами и медиками, содержателями типографій и книжныхъ лавокъ, запрещено проповѣдывать и писать противъ католицизма; протестантамъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ храмы были разрушены, запрещено присутствовать при богослуженіи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно еще продолжалось. Чтобы ускорить дѣло обращенія протестантовъ, Лувуа присоветовалъ королю *показать имъ войско*. Войско было показано и произвело сильное впечатлѣніе: завидѣвъ красныя мундиры и высокія шапки драгунъ, цехи и цѣлые города протестантскіе слали къ интендантамъ съ просьбою, чтобы ихъ приняли въ лоно католической церкви; которые не смѣшили обращаться, тѣ подвергались разнаго рода притѣсненіямъ и мучительствамъ, между прочимъ придумана была такая пытка: солдаты не давали несчастнымъ спать по цѣлымъ недѣлямъ. Употреблялись и другія средства: агенты правительства признавались, что раздача денегъ привлекла много душъ къ церкви. Людовикъ, отъ котораго скрывались подробности и представлялись одни резуль-

таты, былъ въ восторгѣ. Ментенонъ писала: «Нѣтъ ни одного курьера, который бы не радовалъ короля извѣстіемъ объ обращеніяхъ протестантовъ тысячами»; объ искренности обращенія не заботились: «Если отцы притворяются, то дѣти, по крайней мѣрѣ будутъ католиками», писала Ментенонъ. Наконецъ въ 1685 году было рѣшено отмѣнить Нантскій эдиктъ. Наслѣдникъ престола представилъ, что отмѣна эдикта опасна: протестанты могутъ взяться за оружіе, но если бы этого и не послѣдовало, то много ихъ покинетъ государство, что повредитъ торговлѣ и промышленности. Король отвѣчалъ, что противъ бунтовщиковъ у него есть войско и хорошіе генералы; матеріальные же интересы не стоятъ вниманія въ сравненіи съ выгодами отмѣны Нантскаго эдикта, которая возвратитъ религіи ея блескъ, государству — спокойствіе, власти — всѣ ея права. Нантскій эдиктъ былъ уничтоженъ, и престарѣлый канцлеръ Ле Теллье, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поджигателей гоненій, подписывая уничтоженіе эдикта, воскликнулъ: «Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко!». Вслѣдствіе уничтоженія эдикта разрушены всѣ протестантскіе храмы; запрещено собираться для богослуженія въ частныхъ домахъ или гдѣ бы то ни было подѣ страхомъ ареста и лишенія имущества; повелѣно всеѣмъ протестантскимъ пасторамъ въ 15 дней оставить Францію; запрещены частныя школы для протестантскихъ дѣтей; дѣти, имѣющія родиться у протестантовъ, будутъ крещены приходскими священниками и воспитаны въ католическомъ исповѣданіи; снова запрещено протестантамъ выѣзжать изъ Франціи подѣ страхомъ галеръ для мужчинъ, ареста и конфискаціи имущества для женщинъ. Впрочемъ, протестантамъ было обѣщано, что ихъ не будутъ беспокоить по поводу религіи.

Благодаря этому обѣщанію, уничтоженіе Нантскаго эдикта было принято протестантами больше какъ благодѣяніе, чѣмъ какъ послѣдній ударъ: по крайней мѣрѣ они избавлялись отъ притѣсненій и могли спокойно окончить дни свои въ вѣрѣ отцовъ; новообращенные начали раскаиваться и перестали ходить къ обѣднѣ. Тогда католическіе ревнители завопили объ ошибкахъ правительства, и Лувуа поспѣшилъ успокоить ихъ, повелѣвая дѣйствовать попрежнему: «Его величеству благоугодно, — писалъ онъ, — чтобы люди, не желающіе исповѣдывать одну съ нимъ религію, испытали на себѣ крайнюю строгость: солдатамъ позволяется жить *очень свободно*». Солдаты начали жить очень свободно, и протестанты испытали крайнюю строгость: для ихъ обращенія употребляли поджариваніе ногъ и другія пытки; матерей привязывали къ кроватямъ, а грудные младенцы ихъ пе-

редъ ними терзались въ мукахъ голода. Въ это время умираеть канцлеръ Ле Теллье, и въ надгробной рѣчи ему Боссюэтъ распространяется о благочестіи Людовика, котораго называетъ новымъ Константиномъ, новымъ Θεодосіемъ, новымъ Карломъ Великимъ, восхваляетъ его за утверждение вѣры за истребленіе еретиковъ. Всѣ сословія и палаты, академіи, университеты соперничаютъ въ похвалахъ новому Константину: медали представляютъ короля увѣнчанаго религіею за возвращеніе двухъ милліоновъ кальвинистовъ въ лоно церкви; воздвигаются статуи «истребителю ереси». Каждый писатель считаетъ своею обязанностью принести дань хвалы Людовику «за самое великое и прекрасное дѣло, какое когда-либо придумано и совершено». Въ Парижѣ и Версали восторженные похвалы и ликованія, а къ границамъ пробираются толпы богомольцевъ, нищихъ, странствующихъ ремесленниковъ обоого пола: все это протестанты, это «бѣгство Израиля изъ Египта»; нѣкоторые изъ нихъ въ самыя темныя зимнія ночи рѣшаются плыть по Атлантическому океану или Ламаншу въ утлыхъ судахъ, чтобы достигнуть береговъ корыстно-гостепріимной Англіи, жаждущей воспользоваться плодами ихъ искусства. До 250.000 протестантовъ покинули такимъ образомъ отечество; промышленные города Франціи обѣднѣли, лишенные трудолюбивыхъ и искусныхъ рукъ, города Англіи, Голландіи и Бранденбурга разбогатѣли отъ французскихъ переселенцевъ.

Мы видѣли главныхъ дѣятелей при уничтоженіи Нантскаго эдикта; но не упоминали о внушеніяхъ изъ Рима, отъ главы католицизма, который долженъ былъ болѣе всѣхъ радоваться расширенію своей паствы чрезъ обращеніе французскихъ еретиковъ. Папа показывалъ радость, но поневолѣ, потому что былъ въ ссорѣ съ Людовикомъ и большинствомъ французскаго духовенства. Великій король, требуя, чтобы подданные не разнились съ нимъ въ вѣроисповѣданіи, съ другой стороны естественно не хотѣлъ, чтобы они въ дѣлѣ религіи слишкомъ часто обращали взоры на другаго владыку, царствовавшего за Альпами, въ Римѣ: Кольберъ и Боссюэтъ, такъ расходившіеся во взглядахъ относительно протестантовъ дѣйствовали за одно относительно ограниченія папскаго вліянія на дѣла французской церкви. Дѣло началось ученою, богословскою борьбою: парижскій богословскій факультетъ отвергалъ непогрѣшительность папы, признавалъ власть собора выше папской, требовалъ независимости свѣтской власти отъ духовной, утверждалъ, что папа не имѣетъ права произвольно низлагать епископовъ; въ Римѣ, разумѣется, эти положенія подвергались запрещенію. Но скоро дѣло перешло на практическую почву: въ большин-

ствѣ французскихъ епархій, по смерти епископа, король имѣлъ право собирать доходы и распоряжаться бенефиціями до тѣхъ поръ, пока присяга въ вѣрности новаго епископа не будетъ заявлена въ Счетной Палатѣ. Четыре большія южныя провинціи были изъяты изъ этого права; но Людовикъ XIV отменилъ изъятіе. Тогда двое изъ южныхъ епископовъ протестовали противъ новизны и перенесли дѣло къ папѣ. Папа Иннокентій XI вступился за епископовъ и отправилъ къ королю два сильныхъ посланія противъ пагубныхъ совѣтовъ его министровъ, Людовикъ не обратилъ вниманія на два посланія; папа прислалъ третье съ угрозою отлученія. Церковный соборъ, созванный въ 1680 году, написалъ королю, что скорбитъ о такомъ поступкѣ папы, и прямо протестовалъ противъ безцѣльныхъ предпріятій св. престола. Борьба началась: папа отлучалъ духовенство, повиновавшееся новымъ королевскимъ распоряженіямъ; парижскій парламентъ, называя папскіе указы пасквилями, писалъ, что просвѣщеніе людей, угрожаемыхъ отлученіями, обезпечиваетъ ихъ отъ папскихъ перуновъ, гремящихъ попустому въ продолженіе вѣковъ. Умы сильно волновались: одни имѣли въ виду поддержать національную независимость, другіе—избавиться отъ тяжелыхъ повинностей относительно Рима; иные съ жаромъ бросились на безнаказанную борьбу съ духовною властью уже и потому, что борьба со всякою другою властью не могла быть безнаказанна; школьники обрадовались случаю пошумѣть противъ учителя, зная, что инспекторъ, сердитый на учителя, не накажетъ ихъ, а пожалуй, еще и наградить. Янсенисты думали, что церковь не выиграетъ отъ освобожденія отъ Рима, т.-е. отъ подчиненія Версали, и стояли за папу; но другіе толковали о необходимости совершеннаго отдѣленія отъ Рима, о необходимости французскаго патріаршества. Боссюэтъ явился примирителемъ, указывая средній путь между ультрамонтанствомъ и совершеннымъ отдѣленіемъ отъ Рима: онъ имѣлъ въ виду главнаго врага церкви—невѣріе, и сдерживалъ рьяныхъ противниковъ Рима указаніемъ на вольнодумцевъ, гонящихся за обманчивою прелестью новизны. Въ 1682 году появилось составленное Боссюэтомъ «Объявленіе французскаго духовенства о церковной власти»; здѣсь говорилось, что св. Петръ и его преемники получили отъ Бога власть только въ духовныхъ, а не въ мірскихъ дѣлахъ, ибо Господь сказалъ: «Царство Мое нѣсть отъ міра сего», слѣдовательно, глава церкви не можетъ ни посредственно, ни непосредственно низлагать государей и разрѣшать подданныхъ ихъ отъ присяги; папа имѣетъ главное участіе въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ, но его мнѣніе имѣетъ силу только тогда, когда подтверждено согласіемъ церкви.

Римъ былъ такъ слабъ, а король французскій такъ могущественъ, что Боссюэтъ могъ свободно и безопасно утверждать ученіе галликанской церкви. Съ одной стороны, этимъ ученіемъ Боссюэтъ доставлялъ протестантамъ болѣе удобства къ обращенію въ католицизмъ, отстраняя главный камень преткновенія—ультрамонтанское представленіе о папской власти; съ другой стороны, Боссюэтъ старался разъяснить протестантамъ несостоятельность ихъ собственнаго ученія, что сдѣлано имъ въ двухъ сочиненіяхъ: «Изложеніе ученія церкви» и «Исторія измѣненій протестантскихъ церквей». Наступательное движеніе со стороны знаменитаго католическаго писателя вызывало отвѣты протестантскихъ богослововъ, изгнанныхъ изъ Франціи; это изгнаніе, разумѣется, увеличивало горечь полемики. Выбиваемые изъ своего невыгоднаго положенія могущественнымъ противникомъ, протестанты тѣмъ легче устремлялись по покаянному пути сомнѣнія и отрицанія, уже отворенному для западной Европы въ протестантизмъ. Такимъ образомъ Боссюэтъ своимъ сильнымъ наступательнымъ движеніемъ, нравственнымъ и матеріальнымъ, противъ протестантовъ ускорялъ развитіе того, чего болѣе всего боялся,—развитія антихристіанскихъ стремленій. Но стремленія не были бы опасны, если бы католицизмъ имѣлъ побольше Боссюэтовъ, и если бы эти Боссюэты не слишкомъ полагались на матеріальныя средства, не слишкомъ часто обращались за помощью къ власти отъ міра сего, ибо за эту помощь католицизмъ дѣлался участникомъ и отвѣтчикомъ въ злоупотребленіяхъ мірской власти. Въ иномъ духѣ дѣйствовалъ другой знаменитый епископъ французской церкви—Фенелонъ, *лебедь* камбрэйскій (епархія Фенелона), котораго противопоставляли *орлу* изъ Мо (епархія Боссюэта). Фенелонъ, какъ священникъ, сталъ извѣстенъ своею дѣятельностью по утвержденію въ католицизмъ новообращенныхъ протестантовъ, но его дѣятельность этимъ не ограничивалась: онъ скоро заявляетъ себя какъ замѣчательный писатель, испытывающій свои силы въ разныхъ родахъ, пишетъ философско-богословскій трактатъ о бытіи Божіемъ, разговоры о краснорѣчьи, трактатъ о воспитаніи дѣвицъ. Для насъ особенно замѣчательно послѣднее сочиненіе Фенелона. Несмотря на сильное движеніе науки съ начала такъ называемой Новой Исторіи, вопросъ объ ученіи, о воспитаніи разрѣшался очень медленно, хотя лучшіе умы и затрогивали его. Знаменитый Монтанъ писалъ о школахъ своего времени: «Родители и вожди народа! посмотрите, какъ воспитываютъ вашихъ дѣтей въ школахъ! Всюду вы увидите учителей, раскраснѣвшихъ отъ злости, нисколько не сдерживающихъ себя въ своей раздражительности, повсюду услы-

ните вы безкончные крики дѣтей, поражаемыхъ ударами учителя. Неужели такими средствами можно внушить молодымъ людямъ расположение къ ученію, и неужели невозможно руководить ихъ безъ розги?» Лютеръ сильно хлопоталъ о распространеніи школьнаго образованія въ своей странѣ и писалъ германскимъ властямъ: «Тратятъ столько денегъ на оружіе, дороги, плотины: отчего же не тратятъ столько же на воспитаніе нашихъ дѣтей, на образованіе хорошихъ учителей? Главное дѣло — изученіе языковъ латинскаго, греческаго, еврейскаго: безъ нихъ смыслъ св. Писанія будетъ затемняться все болѣе и болѣе. Я не думаю, что каждый проповѣдникъ долженъ читать св. Писаніе въ подлинникѣ; но надобно, чтобы у насъ были ученые, способные восходить къ источникамъ». Но когда требованіе реформатора было исполнено, школы основались, то Лютеръ же долженъ былъ заняться вопросомъ о томъ, какъ учить; онъ вооружился противъ учителей, которые преподавали дѣтямъ въ одно время нѣмецкій, греческій и еврейскій языки; по Лютеру, надобно было ограничиться однимъ латинскимъ. Лютеръ коснулся и обхожденія съ учениками. «Надобно наказывать дѣтей, но не ожесточать ихъ: въ противномъ случаѣ они станутъ питать ненависть къ отеческому дому; ребенокъ, напуганный жестокимъ обращеніемъ, теряетъ рѣшительность; тотъ, кто привыкъ трястись передъ отцомъ и матерью, будетъ всю жизнь трястись отъ малѣйшаго шума». Крайности протестантизма вызвали католическую реакцію, произведеніемъ которой явились іезуиты. Почтенные отцы, при основаніи школъ, также обратили вниманіе на то, какъ воспитывать: они нашли, что самое сильное побужденіе къ успѣху — это соревнованіе; каждый ученикъ долженъ имѣть соперника, который наблюдаетъ за нимъ и доноситъ на него. Какъ Лютеръ съ своими послѣдователями, такъ и іезуиты имѣютъ одинаково въ виду латинскую школу; Лютеръ требовалъ, чтобы учитель иначе не говорилъ какъ полатыни и заставлялъ учениковъ говорить на томъ же языкѣ; іезуиты наказывали учениковъ за употребленіе родного языка; они-то придумали хорошо извѣстный намъ въ дѣтствѣ *языкъ*, т.-е. кусочекъ ткани, который надѣвали на провинившагося въ употребленіи родного языка, при чемъ виноватый, для избѣжанія наказанія, долженъ былъ стараться поймать одного изъ своихъ товарищей въ томъ же преступленіи и накинуть на него *языкъ*. Карлъ Борромео въ XVI, Каласенцъ (оба въ Италіи), янсенисты, и Жанъ Батистъ Деласалль въ XVII вѣкѣ заводятъ народныя школы для бѣдныхъ дѣтей; въ школахъ янсенистовъ ученіе начинается съ родного языка, а не съ латинскаго, а въ христіанскихъ школахъ Деласалля изученіе латин-

скаго языка строго запрещено. Такъ образованіе пропикало и въ низшіе слои общества, но еще не затрогивался вопросъ о женскомъ воспитаніи: его затронулъ Фенелонъ. «Женщины, по словамъ Фенелона, должны выполнять обязанности, которыя служатъ основаніемъ всей человѣческой жизни. Онѣ устраиваютъ домашнюю жизнь и отъ нихъ преимущественно зависятъ хорошіе или дурные нравы общества. Женщина разумная, занятая и религіозная есть душа цѣлаго дома; она устраиваетъ въ немъ порядокъ для блага временнаго и для спасенія душевнаго. Напротивъ, дурное воспитаніе женщинъ гораздо вреднѣе, чѣмъ дурное воспитаніе мужчинъ, потому что безнравственная жизнь мужчинъ происходитъ отъ дурнаго воспитанія, полученнаго ими отъ матерей, и отъ страстей, внушаемыхъ имъ другими женщинами въ лѣтахъ зрѣлыхъ. Невѣжество дѣвицы имѣетъ самыя пагубныя слѣдствія, ибо заставляетъ ее скучать. Въ дѣвицахъ всего опаснѣе тщеславіе, ибо онѣ рождаются съ сильнымъ желаніемъ правиться. Для образованія женщины, согласно съ ея призваніемъ, надобно съ малолѣтства приучать дѣвицъ къ управленію домомъ, поручая имъ извѣстныя домашнія занятія. Необходимыя для женщины знанія суть: правильное чтеніе и письмо, знаніе четырехъ первыхъ правилъ ариметики, умѣніе вести книгу приходамъ и расходамъ; хорошо также ей знать основныя законы и порядокъ гражданскаго управленія; женщина, владѣющая землею, должна имѣть понятіе о сельскомъ хозяйствѣ; наконецъ, женщина должна умѣть устроить маленькую школу, завести какую-нибудь мелкую промышленность для уменьшенія бѣдности, должна обладать и другими средствами для вспоможенія бѣднымъ и больнымъ. Послѣ этихъ знаній, которыя должны быть на первомъ планѣ, можно занимать дѣвицъ чтеніемъ свѣтскихъ книгъ, какъ-то: греческой и римской исторіи, особенно же исторіи отечественной. Можно позволить имъ чтеніе поэтическихъ произведеній, но соблюдая большую трезвость. Относительно музыки и пѣнія должно соблюдать такую же осторожность. Къ какому бы состоянію ни принадлежала дѣвушка, она должна бояться и избѣгать праздности; воспитаніе, равно какъ и занятія ея должны быть приноровлены къ средѣ, въ которой она должна жить; опасно выводить дѣвушку изъ сферы, ей предназначенной». Во Франціи того времени дѣвушки обыкновенно воспитывались въ монастыряхъ: Фенелонъ вооружился противъ этого воспитанія. «Если монастыри, — говоритъ онъ, — отличаются мірскимъ характеромъ, то въ нихъ составляется слишкомъ привлекательное понятіе о мірѣ; если же въ нихъ ведутъ суровую жизнь, то они не могутъ приготовить къ мірской жизни,

при входѣ въ которую монастырская воспитанница ослѣпляется какъ человекъ, выходящій изъ пещеры на свѣтъ». Фенелонъ не одобряетъ и ученаго воспитанія для женщины: «Женщина, — говоритъ онъ, — должна сохранять относительно знаній стыдливость столь же деликатную, какъ и ту, которую внушаетъ отвращеніе предъ порокомъ».

Послѣ уничтоженія Нантскаго эдикта Фенелонъ отправился миссіонеромъ въ Пуату для обращенія протестантовъ: это былъ почти единственный миссіонеръ, который, благодаря своей кротости, достигъ прочнаго успѣха. Наконецъ, друзья Фенелона сблизили его съ Ментенонъ, съ содѣйствіемъ которой онъ былъ назначенъ воспитателемъ герцога Бургундскаго, внука королевскаго, сына дофина. Будущій наслѣдникъ престола долженъ былъ воспитаться совершенно въ иныхъ правилахъ, чѣмъ тѣ, которыми руководился дѣдъ его. Но Фенелону хотѣлось перевоспитать и стараго короля, и потому въ 1693 г. Людовикъ получилъ безыменное письмо, въ которомъ изображалась печальная картина его царствованія; въ письмѣ говорилось: «Вы родились, государь, съ сердцемъ правымъ, но воспитатели ваши, вмѣсто искусства управлять народомъ, вложили въ васъ подозрительность, зависть, удаленіе отъ добродѣтели, боязнь предъ всякою блестящею заслугою, высокомеріе и вниманіе къ одному только вашему интересу». Затѣмъ слѣдовали упреки въ деспотизмъ министровъ, въ обѣднѣніи Франціи для удовлетворенія безумной роскоши придворной; имя Франціи и короля ея стало ненавистно для всѣхъ сосѣднихъ народовъ. Голландская война была несправедлива, и потому всѣ приобрѣтенія, сдѣланныя по ея поводу, также несправедливы; хищничествомъ и насиліемъ представлены присоединенія, сдѣланныя послѣ Нимвегенскаго мира. «Вся Франція представляетъ громадную больницу, но лишенную необходимыхъ припасовъ. Народъ, который прежде такъ любилъ васъ, начинаетъ терять привязанность, довѣріе и даже уваженіе къ вамъ. Народныя волненія становятся часты. Вы поставлены въ печальную необходимость или оставлять бунты безнаказанными, или избивать приведенный вами въ отчаяніе народъ, ежедневно погибающій отъ болѣзней, послѣдствія голода. Богъ подѣмлетъ надъ вами Свою карающую десницу, но Онъ медлитъ ударомъ, ибо милосердуетъ о государѣ, который всю жизнь свою окруженъ льстецами, и потому еще медлитъ, что ваши враги суть вмѣстѣ и Его враги (протестанты). Но Онъ сумѣетъ отдѣлить Свое правое дѣло отъ вашего и уничтожить васъ для вашего обращенія, ибо только въ уничтоженіи вы сдѣлаетесь христіаниномъ. Вы вовсе не любите Бога, вы Его боитесь, но боитесь рабскимъ страхомъ, вы боитесь

ада, а не Бога. Ваша религія состоитъ въ суевѣріяхъ, въ исполненіи мелкихъ обрядовъ. Вы все относите къ себѣ, какъ будто бы вы были земнымъ богомъ».

Легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести это письмо на великаго короля. Людовикъ не имѣлъ кротости Давида, и въ чаду отъ оиміама лести могъ только гнѣвно отнестись къ пророку, проповѣднику покаянія, увидать въ немъ человѣка, враждебнаго себѣ или подставленнаго людьми враждебными, желавшими, во имя религіи, нарушить покой государя и обозвать грѣхами великія дѣла, совершенныя для славы и могущества Франціи; проповѣдь покаянія производила тѣмъ слабѣйшее впечатлѣніе, что заключалась въ безыменномъ письмѣ: самъ пророкъ не рѣшился явиться предъ царемъ. Для насъ это письмо важно въ томъ отношеніи, что показываетъ, въ какомъ духѣ долженъ былъ воспитывать Фенелонъ внука Людовика XIV. Въ сочиненіяхъ, написанныхъ для воспитанника, Фенелонъ возражалъ противъ военнаго деспотизма «правленія варварскаго, гдѣ нѣтъ законовъ, кромѣ воли одного человѣка»; онъ осуждаетъ завоеванія, при чемъ обязанности въ отношеніи къ цѣлому человѣчеству ставитъ выше обязанностей къ своему народу: «Всѣ войны суть войны междоусобныя; для каждаго человѣка обязанности въ отношеніи къ человѣческости роду, этому великому отечеству, безконечно выше, чѣмъ обязанность къ частному отечеству, въ которомъ онъ родился». Такія мысли, которыя за Фенелономъ будутъ повторять мыслители XVIII в., явились вслѣдствіе недостатка точнаго, правильнаго опредѣленія правъ личности въ отношеніи къ обществу, точно такъ, какъ и правъ отдѣльнаго народа, народной личности въ отношеніи къ цѣлому человѣчеству. Это обращеніе къ отвлеченному представленію человѣчества было слѣдствіемъ недовольства отношеніями, господствовавшими тогда между народами; почти до половины XVII вѣка въ отношеніяхъ между народами, государствами, въ столкновеніяхъ между ними господствовалъ высшій духовный интересъ, религіозный; потомъ этотъ интересъ ослабѣлъ и на первомъ планѣ явились чисто матеріальныя стремленія отдѣльныхъ государствъ къ усиленію себя на счетъ другихъ; войны принимаютъ именно этотъ древній, языческій, непріятный для разумнаго и нравственнаго существа, для христіанина характеръ, — характеръ простого насилія, завоеванія, порабощенія, и хотя дѣло шло во имя интересовъ извѣстнаго народа, однако государи, и особенно самый видный изъ нихъ, великій король французскій, внутри и внѣ вели себя такъ, что на виду имѣлся ихъ личный интересъ и произволъ безъ обращенія вниманія на интере-

сы народа. Отсюда мыслителямъ естественно было обратиться къ интересамъ человѣчества, нарушаемыхъ въ ихъ глазахъ государями во имя интересовъ отдѣльныхъ народовъ или государствъ. Такимъ образомъ поведеніе Людовика XIV, его стремленіе къ преобладанію въ Европѣ, слѣдствіемъ чего было истощеніе французскаго народа, печальное состояніе страны, — это поведеніе вызвало протестъ въ области мысли, литературы; протестъ былъ высказанъ епископомъ, человѣкомъ, сознававшимъ свою обязанность проповѣдывать противъ уклоненій отъ высшихъ нравственныхъ началъ. Фенелономъ начинается этотъ рядъ протестовъ противъ злоупотребленій власти, начинается эта протестующая, обличительная литература XVIII вѣка. Фенелонъ былъ епископъ, былъ воспитатель королевскаго внука, будущаго короля, и потому обратилъ все свое вниманіе на то, чтобы дѣйствовать на государей, дать иное, лучшее направленіе ихъ дѣятельности, ихъ хорошо воспитывать, готовить къ правительственной дѣятельности; Фенелонъ имѣлъ въ виду усилить власть нравственными средствами; но уроки его не пошли впрокъ, опытъ перевоспитанія наверху не удался, и протестъ пошелъ внизъ, усиливаясь все болѣе и болѣе, принимая все болѣе и болѣе отрицательный характеръ, отрѣшившись отъ охранительной и положительной сферы религіозной.

Книгою, которою Фенелонъ болѣе всего надѣялся подѣйствовать на своего воспитанника, былъ знаменитый *Телемакъ*, поэма въ прозѣ, имѣющая цѣлью показать, какъ долженъ воспитываться образцовый царь. Авторъ постоянно вооружается противъ порядка вещей, господствовавшаго при Людовикѣ XIV, и указываетъ своему воспитанику на необходимость другого порядка; Фенелонъ внушаетъ герцогу бургундскому, что онъ долженъ отдать строжайшій отчетъ Богу, чѣмъ дѣдъ его, потому что воспитанъ въ познаніи истины, а дѣдъ не получилъ хорошаго воспитанія и избалованъ счастьемъ; въ случаѣ непослушанія совѣтамъ мудрости Фенелонъ грозитъ революціей, которая выхватитъ власть изъ рукъ государя, употребляющаго ее во зло. Людовикъ не могъ не свѣдать, что Фенелонъ воспитываетъ его внука въ правилахъ, противоположныхъ его собственнымъ. Король пожелалъ поговорить съ Фенелономъ и послѣ этого разговора произнесъ такое рѣшеніе: «Я говорилъ съ человѣкомъ, у котораго самый блестящій и самый химерическій умъ въ цѣломъ королевствѣ». Фенелона удалили отъ герцога Бургундскаго.

Но этимъ дѣломъ не кончилось: лебедю предстояла борьба съ орломъ. Фенелонъ, по природѣ своей, былъ склоненъ къ тому духов-

ному праздношатаию, которое называется мистицизмомъ. Въ описываемое время мистическимъ направлениемъ своей жизни и своихъ сочиненій была знаменита молодая и хорошенъкая вдова Гюйонъ: «Души суть потоки, истекшіе изъ Бога: онѣ не знаютъ покоя до тѣхъ поръ, пока не возвратятся къ своему источнику, что возможно и въ этой жизни. Душа при такомъ погруженіи въ океанъ Божества видитъ Бога не отдѣльно отъ себя, не внѣ себя, но имѣетъ Его въ себѣ; тутъ нѣтъ болѣе желаній, любви, знанія, по тождество; все для такой души одинаково—Богъ, она не видитъ ничего кромѣ Бога, какъ Онъ былъ до творенія; это не пророческій экстазъ, условливающий потерю чувствъ, ибо такой экстазъ показываетъ, что душа не довольно крѣпка, чтобы могла снести Бога: душа, достигшая совершенства жизни, находится въ экстазѣ безъ усилія, постоянно, а не на короткое время; душа въ такомъ состояніи непогрѣшительна». Фенелонъ сблизился съ Гюйонъ и подчинился ея влиянію. Ментенонъ также была на первыхъ порахъ очарована восторженною проповѣдницею постоянного восторга, и чрезъ нее книги Гюйонъ дошли до короля, но Людовикъ не понималъ ничего въ этихъ мечтаніяхъ; скоро наскучили они и Ментенонъ: она обратилась за совѣтомъ къ Боссюэту, Бурдалу и другимъ знаменитымъ писателямъ церковнымъ; всѣ высказались противъ мистицизма. Гюйонъ подверглась преслѣдованіямъ, была заперта въ крѣпость. Боссюэтъ написалъ противъ нея сочиненіе, въ которомъ старался опредѣлить границы между истиннымъ благочестіемъ и опасными заблужденіями. Фенелонъ отвѣчалъ книгою, въ которой оправдывалъ мистическія ученія. Борьба разгорѣлась. Книга Фенелона была отдана на судъ папскій; въ Римѣ мнѣнія раздѣлились, но Людовикъ настаиваетъ, чтобы папа непременно осудилъ книгу, и папа осудилъ ее, не употребивши, однако, слова: ересь. Фенелонъ подчинился папскому рѣшенію, не отказываясь отъ своихъ убѣжденій.

Боссюэтъ торжествовалъ; но онъ не могъ успокоиться въ своемъ торжествѣ, потому что поднимались другіе враги: вольнодумцы, подъ покровительствомъ людей высокопоставленныхъ, проникаютъ ко двору, окружаютъ дофина, ученика Боссюэтова, забывшаго наставленія учителя; а тутъ изъ среды протестантизма, искорененнаго, изгнаннаго изъ Франціи, является сильный талантомъ человекъ, который своимъ скептицизмомъ подкапываетъ всѣ вѣрованія, всѣ ученія,—Баль, сынъ французскаго протестантскаго пастора, нашедшій убѣжище въ Голландіи. Смерть родного брата, протестантскаго пастора, погибшаго въ жестокомъ заключеніи послѣ уничтоженія Нант-

скаго эдикта, побудила Бэля вооружиться въ своихъ сочиненіяхъ противъ порядка вещей, господствовавшаго во Франціи въ правленіе короля, котораго величали Великимъ, побудила вооружиться противъ нетерпимости; но, вооружаясь противъ нетерпимости, Бэль сталъ проповѣдывать индиферентизмъ, выставляя спорность религіозныхъ вопросовъ и утверждая, что нельзя преслѣдовать чловѣка за то, что невѣрно, потому что не всеми признано. Вѣрующіе протестанты, разумѣется, встрѣтили мудрованія Бэля такъ же враждебно, какъ и католики, и Бэль отплатилъ имъ тою же монетою. Покончивши и съ католицизмомъ и съ протестантизмомъ, Бэль занялся обширнымъ научнымъ дѣломъ, составленіемъ «Историческаго и критическаго словаря», въ которомъ во всей силѣ высказалось разрушительное начало сомнѣнія, стремящееся подорвать все и вмѣсто стройныхъ зданій представить груду развалинъ, хаосъ.

Боссюэтъ предвидѣлъ, что обращеніе Бэля къ индиферентизму не останется долго безъ отзыва; предъ смертію онъ говорилъ: «Я предвижу, что вольнодумцы потеряютъ кредитъ не потому, что возбуждаютъ ужасъ къ своимъ взглядамъ, но вслѣдствіе равнодушія ко всему, кромѣ удовольствій и заботъ житейскихъ». Боссюэтъ умеръ въ 1704 году. Фенелонъ пережилъ его, чтобы быть свидѣтелемъ исполненія своихъ пророчествъ, быть свидѣтелемъ страшныхъ бѣдствій, постигшихъ Францію въ концѣ царствованія великаго короля, и подать свой голосъ съ указаніемъ средствъ поправить дѣло. Въ политическомъ планѣ Фенелона выразилась аристократическая реакція, естественная, вслѣдствіе неудачъ системы Людовика XIV. Мы видимъ, что аристократія проиграла все свое дѣло во время фронды, тѣмъ и воспользовался Людовикъ XIV, чтобы сломать всякую аристократическую оппозицію и самовластно управлять страной посредствомъ министровъ и интендантовъ, взятыхъ изъ низшихъ рядовъ общества. Во время блеска и славы царствованія недовольная знать должна была затаить свое недовольство; но когда начались бѣдствія, то естественно было явиться мнѣнію, что вся бѣда произошла отъ того, что люди знатные удалены отъ правленія, которое отдано людямъ худороднымъ. Фенелонъ требуетъ уничтоженія министровъ и интендантовъ: государственный совѣтъ, находящійся подъ постояннымъ предсѣдательствомъ короля, и нѣсколько другихъ совѣтовъ, составленныхъ изъ знати, должны управлять государствомъ. Дворянству должны быть отданы всѣ придворныя мѣста, и всюду дворянинъ долженъ предпочитаться недворянину; для поддержанія дворянства должны быть установлены майораты; запрещены неравные

браки; всюду, по возможности, надобно замѣнять гражданскихъ чиновниковъ военными; продажность должностей должна быть уничтожена. Для возстановленія финансовъ Фенелонъ требуетъ возобновленія законовъ противъ роскоши, предлагаетъ отказаться отъ всѣхъ издержекъ на искусства и постройки до тѣхъ поръ, пока долги будутъ уплачены; отказаться отъ уплаты извѣстной доли долга; уничтожить разные налоги и установить общую подать: король требуетъ извѣстную сумму, провинціальныя чины (земства) разложить и собрать ее; обсудить въ собраніи государственныхъ чиновъ и провинціальныхъ, нужно ли удержать пошлины съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ; заводить фабрики, но безъ запрещенія иностранныхъ товаровъ; должна быть свободная торговля съ Англіей и Голландіею: для обогащенія Франціи достаточно продажи ея собственныхъ произведеній. Относительно всѣхъ этихъ мѣръ чины и королевскій совѣтъ должны собразоваться съ мнѣніемъ коммерческаго совѣта. Государство должно ссужать деньгами тѣхъ, которые хотятъ торговать и не имѣютъ нужныхъ для этого капиталовъ. Что касается церкви, то, по мнѣнію Фенелона, она во Франціи въ извѣстныхъ отношеніяхъ менѣе свободна, чѣмъ церкви только что терпимыя въ странахъ не католическихъ, ибо эти церкви свободно избираютъ, низлагаютъ и собираютъ своихъ пастырей. Во Франціи на практикѣ король болѣе глава церкви, чѣмъ папа: галликанскія права и вольности суть права и вольности въ отношеніи къ папѣ и рабство въ отношеніи къ королю. Церковь можетъ отлучить государя; государь можетъ казнить смертью пастыря церкви; церковь не имѣетъ права избирать и низлагать королей.

Но что же повергло Францію въ то печальное состояніе, изъ котораго Фенелонъ хотѣлъ ее вывести посредствомъ предложенныхъ мѣръ? Въ послѣднее десятилѣтіе XVII вѣка Франція должна была готовиться къ страшной войнѣ, а финансовыя средства оказывались недостаточными. Отъ смерти Кольбера до конца 1688 года годовой долгъ возросъ до 3.700,000 франковъ, а издержки на семь милліоновъ. Скромный и честный генераль-контролеръ Лепеллетье созналъ неспособность свою вести дѣло при такихъ обстоятельствахъ и вышелъ въ отставку. Преемникъ его Поншартрэнъ былъ человѣкъ противоположнаго характера—блестящій, смѣлый, съ высокимъ мнѣніемъ о своихъ способностяхъ. Чтобъ добыть деньги, онъ считалъ всѣ средства позволенными: старая монета была перелита въ новую съ произвольнымъ возвышеніемъ номинальной цѣны на десять процентовъ: частный человѣкъ, принесшій для перелива старую монету,

получалъ новой только $\frac{9}{10}$ противъ прежней; десятая часть шла правительству. Всѣ получили приказаніе приносить на монетный дворъ серебряную посуду и вещи. Король подаль примѣръ, отославши на переливъ серебряныя вещи высокої работы; искусство здѣсь было гораздо цѣннѣ матеріала, и потому получено было менѣ трехъ милліоновъ за то, что стоило десять. Большая часть церковнаго серебра имѣла ту же участь. Если бы Людовикъ не тратилъ по два милліона въ годъ на брильянты, то не былъ бы принужденъ уничтожать художественныя произведенія. Возобновлено было множество ненужныхъ, штатныхъ должностей для продажи, и каждая находила покупателя между тщеславными мѣщанами, которые непремѣнно хотѣли быть чиновниками, принадлежать къ привилегированному классу. Поншартрэнъ цинически говорилъ королю: «Всякій разъ, какъ ваше величество создаете должность, Богъ создаетъ дурака, который ее покупаетъ». Но занимаясь выдумываніемъ новыхъ должностей, Поншартрэнъ превратилъ въ продажныя и наслѣдственныя и тѣ немногія должности, которыя оставались выборными, въ торговыхъ и промышленныхъ корпораціяхъ, чѣмъ наносился ударъ кольберовой системѣ; нанесенъ былъ ударъ и городскому самоуправленію, потому что учреждены коронныя меры и ассесоры мера; хотя нѣкоторыя выборныя должности и остались, но выбирать на нихъ должно было только изъ ассесоровъ мера. Альзасъ откупился отъ новыхъ должностей, заплативши 600,000 ливровъ. Но въ то время, какъ старались всѣми средствами увеличить доходы, казна сильно страдала отъ дурного способа взиманія доходовъ; сборщики, страшно притѣсняя податныхъ людей, въ то же время представляли правительству трудность собрать доходы и выпрашивали отсрочки въ платежахъ; этими отсрочками пользовались, чтобы отдавать собранныя деньги взаймы за большіе проценты, и оканчивали тѣмъ, что при платежѣ доимокъ еще выпрашивали большія сбавки. Коснулись и земледѣлія: чтобы чаще получать пошлины при заключеніи договоровъ между землевладѣльцами и фермерами, ограничили арендные сроки девятью годами, т.-е., отнявши у фермеровъ возможность долго пользоваться землею, отняли у нихъ побужденія прилагать трудъ и капиталъ для ея улучшенія; въ Англіи въ то же время фермерскіе сроки простирались отъ 14 до 28 лѣтъ, и это различіе было одною изъ причинъ земледѣльческаго процвѣтанія Англіи и упадка Франціи. Наконецъ кофе, чай, шоколадъ были отданы на откупъ, какъ и табакъ. И, несмотря на подобныя мѣры, чистый доходъ не увеличивался, а уменьшался: въ 1693 году онъ прости-

рался до 108 миллионѣвъ, а въ 1694 до 103. Это заставило прибѣгнуть къ новымъ средствамъ въ родѣ прежнихъ: продали 500 дворянскихъ грамотъ по 2,000 червонныхъ за штуку, установили должность титулярныхъ губернаторовъ по городамъ и т. п. Но все было мало. Тогда добрые люди присовѣтовали королю приказать сдѣлать подробное изслѣдованіе о состояніи Франціи, потому что безъ этого нельзя было принять дѣйствительныхъ мѣръ для улучшенія этого состоянія. Всѣ интенданты должны были представить записки о состояніи ввѣренныхъ имъ провинцій. Изъ этихъ записокъ оказалось, что къ началу ХУІІІ вѣка во Франціи было 19 миллионѣвъ жителей, въ Парижѣ 720,000; оказалось, что мосты и дороги находятся повсюду въ жалкомъ состояніи; доходы землевладѣльцевъ уменьшились въ нѣкоторыхъ областяхъ на треть и на десятую долю; нѣкоторые города почти опустѣли; въ руанскомъ округѣ изъ 700,000 жителей только 50,000 спали не на соломѣ. Въ Турѣ вмѣсто прежнихъ 80,000 жителей оказалось только 33,000; турецкая область со времени голландской войны потеряла четвертую часть своего населенія и половину скота. Ліонъ потерялъ 20,000 жителей; Дофинѣ потеряла осьмую часть населенія со времени уничтоженія Нантскаго эдикта; въ орлеанскомъ округѣ насчитывалось шесть тысячъ купцовъ на семь тысячъ чиновниковъ. Почти на каждой страницѣ интендантскихъ записокъ попадаетъ эта печальная однообразная пѣсня: «Война, смертность, стоянки и безпрестанныя движенія войскъ, милиція, большія пошлины и удаленіе гугенотовъ разорили страну».

Знаменитый Вобанъ, обстроившій Францію крѣпостями, думалъ, что одною этою вѣншною защитою нельзя предохранить страну отъ бѣды и, во время безпрестанныхъ разбѣдовъ своихъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ собиралъ всевозможныя свѣдѣнія о состояніи Франціи, особенно низшихъ классовъ населенія. Вобанъ нашель, что десятая часть народа доведена до нищенства, изъ девяти остальныхъ частей пять не могутъ помогать этой десятой; три части находятся въ очень недостаточномъ состояніи, девятая часть содержитъ въ себѣ не болѣе ста тысячъ семействъ, и изъ нихъ не болѣе десяти тысячъ пользуются хорошимъ достаткомъ. Въ своихъ запискахъ, составленныхъ о разныхъ предметахъ, Вобанъ требовалъ уничтоженія привилегіи дворянства и духовенства не платить податей; требовалъ общаго палого съ доходовъ (королевскую десятину, *dîme royale*). Но такія широкія преобразованія приходились не по нраву Людовику ХІV, состарѣвшемуся, испорченному лестью: ему естественно невыносимы были заявленія, что въ его правленіе Фран-

ція далеко не благоденствуетъ; человѣку, привыкшему считать себя солнцемъ, все освѣщающимъ и согрѣвающимъ, нестерпимы были люди, толковавшіе, что нѣтъ ни свѣта, ни тепла, и что надобно дѣлать иначе, чѣмъ дѣлалось прежде по волѣ великаго короля. Какой неохотникъ былъ Людовикъ XIV до составителей проектовъ улучшеній, доказываетъ судьба Расина. Знаменитый поэтъ, по религіознымъ побужденіямъ, отказался писать для сцены, на которую, какъ мы видѣли, церковь смотрѣла враждебно; но чрезъ нѣсколько времени онъ опять принялся за перо также по религіознымъ побужденіямъ. Мадамъ Ментенонъ подлѣ Версаля, въ Сень-Сирѣ, устроила заведеніе для воспитанія дочерей бѣдныхъ дворянъ и занималась имъ съ чрезвычайною внимательностью. По примѣру іезуитскихъ коллегій, Мантенонъ ввела въ свое училище сценическія представленія и однажды заставила воспитанницъ разыграть Расинову трагедію «Андромаха». Но пьеса оказалась слишкомъ страшною, и Ментенонъ обратилась къ автору Андромахи съ предложеніемъ написать пьесу религіознаго содержанія собственно для представленія на сенсирской сценѣ. Расинъ согласился и написалъ двѣ знаменитыя трагедіи — «Есѳиръ» и «Аталію». Черезъ это Расинъ сдѣлался своимъ человѣкомъ у Ментенонъ. Однажды онъ разговаривалъ съ нею о народныхъ бѣдствіяхъ, при чемъ предлагалъ и средство облегчить ихъ. Ментенонъ предложила ему дать ей свои замѣчанія на письмѣ, что онъ и сдѣлалъ, и Ментенонъ имѣла неосторожность показать эти замѣчанія королю. «Что онъ умѣетъ мисать стихи, такъ думаетъ, что умѣетъ и все дѣлать! Что онъ славный поэтъ, такъ задумалъ министромъ быть!» сказалъ Людовикъ. Расину дали знать, чтобы не являлся болѣе къ Ментенонъ. Бѣдняжка не вынесъ удара, сталъ страдать болѣзнію печени и черезъ годъ умеръ.

Планы широкихъ преобразованій не нравились. «Думаютъ уничтожить зло, умалчивая о немъ», писала Ментенонъ. Принимались нѣкоторыя полумѣры, которыя также не уничтожили зла. Поншартрэнъ, боясь ответственности, поспѣшилъ промѣнять мѣсто генераль-контролера на мѣсто канцлера. Преемникомъ ему былъ назначенъ Шамилляръ, заслужившій благосклонность Людовика умѣніемъ играть на бильярдѣ и благосклонность Ментенонъ усерднымъ управленіемъ дѣлами Сень-Сира. При такихъ-то внутреннихъ условіяхъ оканчивался для Франціи XVII вѣкъ. Мы видѣли, что въ 1688 году, когда войска Людовика XIV опустошали Германію, заклятый врагъ великаго короля, Вильгельмъ Оранскій, выгнанъ изъ Англіи Іакова Стюарта и самъ сдѣлался королемъ англійскимъ, не переставая быть и

штатгалтеромъ голландскимъ, соединяя такимъ образомъ обѣ морскія державы. Людовикъ не поддержалъ на престолѣ Іакова II-го, своего естественнаго союзника, своего вассала, можно сказать; но онъ далъ ему пріютъ во Франціи, помѣстилъ его въ С.-Жерменѣ, окружилъ почетомъ, какъ единственно законнаго короля Англіи. Поддерживая этимъ надежды приверженцевъ изгнаннаго короля въ Англіи, Людовикъ вооружилъ противъ себя господствующую сторону, давшую торжество Вильгельму, и такимъ образомъ помогалъ послѣднему затягивать Англію въ континентальныя дѣла, въ союзъ противъ Франціи,—говоримъ *затягивать*, ибо политика вмѣшательства, трата денегъ на континентальныя войны никогда не были популярны въ Англіи. На первое время, когда Вильгельмъ былъ занятъ и въ Англіи, и въ Ирландіи, у Людовика были руки свободны, и онъ могъ безпрепятственно продолжать опустошеніе прирейнскихъ областей, чтобы послѣ не дать возможности союзникамъ вести здѣсь войны. Въ началѣ 1689 года былъ разрушенъ Гейдельбергъ и опустошена окрестная страна; потомъ были разрушены и выжжены Мангеймъ, Шпейеръ, Вормсъ, послѣ того, какъ у жителей отобраны были всѣ цѣнныя вещи. Эти дѣйствія французовъ возбуждали въ Германіи сильное негодованіе, но, вслѣдствіе безсилія, разъединенія страны, негодованіе это выражалось только на словахъ, да на бумагѣ; дѣйствовалъ Вильгельмъ III, король англійскій и штатгалтеръ голландскій, который уже въ маѣ 1689 года положилъ основаніе великому союзу, долженствовавшему соединить всю Европу противъ Франціи. Сначала союзъ былъ заключенъ между императоромъ Леопольдомъ и Голландіею; въ концѣ года присталъ къ нему Вильгельмъ III, какъ король англійскій; въ половинѣ слѣдующаго 1690 года присоединился Карлъ II, король испанскій; владѣльцы германскіе, Савойя, Данія также въ разныя времена приступили къ союзу. Союзники уговорились не полагать оружія до тѣхъ поръ, пока не будетъ восстановлено то положеніе Европы, въ какомъ она находилась по вестфальскому и пиринейскому мирамъ. Кромѣ того, союзники обязывались не допускать Людовика XIV посадить сына своего на испанскій и императорскій престолы. Но результаты не соответствовали обширности союза, потому что у Людовика XIV еще оставались даровитые полководцы, а у враговъ его ихъ не было. Союзники потерпѣли неудачи въ Нидерландахъ и Піемонтѣ, потому что въ Нидерландахъ французскими войсками командовалъ герцогъ Люксамбуръ, а въ Піемонтѣ Катина, превосходный полководецъ и человекъ. Но успѣхи Люксамбуръ и Катина не могли вознаградить

Людовика за потерю, которую онъ потерпѣлъ въ іюлѣ 1691 года: умеръ Лувуа, а замѣны не было. Въ 1692 году Вильгельмъ III самъ принялъ начальство надъ войсками союза въ Нидерландахъ, но потерпѣлъ поражение отъ Люксамбура. Катина дѣйствовалъ побѣдоносно въ Италіи и въ 1693 году; со стороны Германіи сопротивленіе французамъ было слабое, и они попрежнему пустошили страну отъ Штутгарда до Дармштадта. Но среди успѣховъ въ 1695 году опять сильная потеря для Людовика: умираетъ Люксамбуръ. А между тѣмъ приближался къ разрѣшенію вопросъ первой важности для Западной Европы—вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ, потому что болѣзненный Карлъ II-й долженъ былъ умереть бездѣтнымъ. Надобно было приготовиться къ рѣшенію этого вопроса, и Людовикъ началъ входить въ мирные переговоры съ членами Великаго Союза. Въ 1696 году заключилъ отдѣльный миръ съ Франціею герцогъ савойскій, Викторъ Амедей II-й: онъ получилъ всѣ мѣста, прежде уступленные имъ Франціи, и выдалъ дочь свою за внука французскаго короля. Въ 1697 году открылась конференція о мирѣ между уполномоченными Франціи, Англіи, Голландіи, императора и Испаніи въ Рисвикѣ въ Голландіи, и миръ былъ заключенъ осенью: Голландія получила много торговыхъ выгодъ; Вильгельмъ III былъ признанъ отъ Франціи королемъ англійскимъ; въ накладѣ остались слабѣйшія—Испанія и Германія: первая должна была уступить Франціи 82 мѣстности въ Нидерландахъ; вторая окончательно отказалась отъ Эльзаса и Страсбурга. Война кончилась; настало затишье предъ бурей.

III.

Война за испанское наследство.

Европейское равновѣсіе.—Испанское наследство.—Заплатіе французами Бельгій и Сѣверной Италіи.—Союзъ Англіи съ Голландіей.—Медлительность се стороны Австріи.—Союзъ Австріи, Англіи и Голландіи противъ Франціи.—Смерть Вильгельма Оранскаго и отношеніе къ нему современниковъ.—Анна.—Марльборо.—Начало войны и неудачи союзниковъ.—Филиппъ V и герцогиня Орсини.—Положеніе Португаліи.—Политика Піемонта.—Пораженіе французовъ.—Отношеніе англійскихъ партій къ побѣдѣ.—Возстаніе камизаровъ.—Успѣхи союзниковъ и истощеніе Франціи.—Безсмысленныя требованія союзниковъ и обращеніе Людовика къ народу.—Усиленіе партіи мира въ Англіи.—Гарлей и С. Джонъ.—Торжество торіевъ и мирные переговоры англійскаго правительства съ Франціей.—Заключеніе мира.—Вопрость о престолонаслѣдіи въ Англіи.—Болинброкъ.—Георгъ I.—Преслѣдованія протестантовъ и янсенистовъ.—Смерть Людовика XIV.

Въ первой половинѣ XVII вѣка Вестфальскимъ миромъ окончился для западной Европы періодъ религіозныхъ движеній и войнъ, и вторая половина вѣка представила стремленіе самаго сильнаго государства западной Европы, Франціи, усилиться еще болѣе на счетъ слабыхъ сосѣдей и получить игемонію. При общей жизни народовъ, къ которой уже привыкла Европа, слабые начинаютъ составлять союзы противъ сильнаго съ цѣлью сдержать его завоевательныя движенія. Уже не въ первый разъ мы видимъ это явленіе: въ началѣ новой исторіи Франція стремилась также усилиться на счетъ слабыхъ сосѣдей, именно Италіи, вслѣдствіе чего составлялись также союзы противъ нея; противъ нея образовалось даже огромное государство Карла V-го, обхватывавшее Францію съ разныхъ сторонъ. Но ни внѣшнія препятствія, ни внутреннія волненія не помѣшали росту и усиленію Франціи, крѣпкой своею округленностью и сплоченностью, и Людовикъ XIV явился опаснѣе Франциска I-го, тѣмъ болѣе, что противъ него не было могущественнаго Карла V-го. Душою союзовъ противъ Людовика XIV является Вильгельмъ Оранскій, дѣятель другого рода, представитель другой силы, тѣмъ старшій Карлъ V-й. Какъ

штатгалтеръ голландскій и король англійскій вмѣстѣ, Вильгельмъ сосредоточивалъ въ себѣ представительство морскихъ торговыхъ державъ, которыя не были въ состояніи бороться большими арміями съ крупными континентальными государствами, но у нихъ было другое могущественное средство, нервъ войны—деньги. Это средство давно уже явилось въ Европѣ, вслѣдствіе ея промышленнаго и торговаго развитія, и стало подлѣ силы меча; морская держава не могла выставить своего большого войска, но могла нанять войско, купить союзъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе общей жизни европейскихъ народовъ, въ ихъ дѣятельности, въ ихъ борьбѣ замѣчается раздѣленіе занятій: одни выставляютъ войско, другіе платятъ деньги, даютъ субсидіи, является въ своемъ родѣ соединеніе труда и капитала. Морскія, купеческія державы не охотницы до войнъ, особенно продолжительныхъ: такія войны дорого стоятъ; морскія державы воюють только по необходимости или когда того требуютъ торговыя выгоды, для нихъ континентальныя войны безцѣльны, ибо онѣ не ищутъ завоеваній на континентѣ Европы; цѣль ихъ войны—торговая выгода или богатая колонія за океаномъ. Но теперь для Англіи и Голландіи было необходимо вмѣшаться въ континентальную войну. Прямое насиліе, наступательное движеніе, захватъ чужого владѣнія безъ всякаго предлога—были неупотребительны въ новой христіанской Европѣ, и Людовикъ XIV, для распространенія своихъ владѣній, изыскивалъ различные предлоги, учреждалъ Камеры Соединенія. Но и безъ насилія, завоеваній и юридическихъ натяжекъ для европейскихъ государствъ существовала возможность усиливаться, присоединять къ себѣ цѣлыя другія государства, именно * посредствомъ браковъ, наслѣдствъ, завѣщаній: мы знаемъ, что такимъ образомъ одно время были соединены скандинавскія государства, Польша соединилась съ Литвою, и особенно знамениты были Габсбурги умѣніемъ устраивать выгодные браки и посредствомъ нихъ, по завѣщаніямъ и наслѣдствамъ, образовать обширное государство. Теперь мы, наученные историческимъ опытомъ и находясь подъ вліяніемъ принципа національности, утверждаемъ непрочность такихъ соединеній, указываемъ на кратковременность Калмарскаго союза, на дурныя слѣдствія Ягеллова брака для Польши, на непрочность пестрой монархіи Габсбурговъ; но не такъ смотрѣли прежде, да и теперь не совершенно отказываются приписать важное значеніе родственнымъ связямъ между владѣльческими домами: страшная, истребительная война, которой мы недавно были свидѣтелями, началась по поводу того, что одинъ изъ принцевъ Гогенцоллернскихъ призывался на

испанскій престолъ. Когда счастливый наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ, Карлъ V, образовывалъ обширное государство изъ австрійскихъ, испанскихъ и бургундскихъ владѣній, никто за это противъ него не вооружился, его выбрали даже въ императоры священной Римской имперіи, потому что въ его силѣ видѣли оплотъ противъ французскаго могущества; но теперь, когда могущественнѣйшій изъ королей французскихъ, Людовикъ XIV, обратилъ свои взоры на испанское наслѣдство, то Европа не могла оставаться спокойною, ибо противъ могущества Бурбоновъ не было равносильнаго могущества. Голландія не могла быть покойна при мысли, что между нею и страшною Франціею не будетъ больше владѣнія, принадлежащаго отдѣльному, самостоятельному государству; что Франція, недавно едва ее не погубившая, теперь еще болѣе усилится; партія виговъ въ Англіи, изгнавшая Стюартовъ, не могла быть покойна при мысли, что и безъ того могущественный покровитель Стюартовъ будетъ располагать и силами Испаніи; въ Вѣнѣ не могли помириться съ мыслью, что Испанія отъ Габсбурговъ перейдетъ къ Бурбонамъ, что Австрія перестанетъ быть счастливою на браки (*et tu, felix Austria, nube*), и что счастье перейдетъ къ Франціи. Австрія, Голландія и Англія должны были препятствовать Людовику XIV получить испанское наслѣдство, а штатгалтеромъ въ Голландіи и королемъ въ Англіи былъ Вильгельмъ III-й.

Роковое испанское наслѣдство должно было повести къ страшной, всеобщей войнѣ; но войны не хотѣли: ея не хотѣли морскія державы по своей всегдашней политикѣ, естественно и необходимо мирной, по естественному отвращенію тратить трудовую копейку на войну, которая не принесетъ непосредственныхъ торговыхъ выгодъ, непосредственныхъ барышей; ея не хотѣлъ императоръ по обычаю невоинственной Австріи, по недостатку денежныхъ средствъ, по дурной надеждѣ на помощь Германіи, по неоконченной, хотя и счастливой, войнѣ съ Турціею. Не хотѣлъ войны и Людовикъ XIV; мы видѣли, въ какомъ печальномъ состояніи находилась Франція въ концѣ XVII вѣка; съ разныхъ сторонъ слышались голоса о необходимости прекратить воинственную политику и не могли не производить впечатлѣнія на короля, какъ бы ни велико было его самолюбіе, какъ бы ни сильна была привычка презрительно относиться къ мнѣніямъ, не сходнымъ съ его мнѣніями и желаніями, считалъ эти мнѣнія фантазіями; притомъ послѣдняя война, кончившаяся не такъ, какъ бы хотѣлось Людовику, показывала ему, что не очень легко бороться съ коалиціями. Всѣ, такимъ образомъ, боялись войны и потому

придумывали разныя средства рѣшить трудное дѣло дипломатическимъ путемъ.

Испанское наслѣдство открывалось вслѣдствіе того, что король Карлъ II-й, болѣзненный, не развитой душевно и тѣлесно, доканчивалъ свое жалкое существованіе бездѣтнымъ, и съ нимъ прекращалась Габсбургская династія въ Испаніи. Претендентами на престолъ были: Людовикъ XIV, сынъ испанской принцессы и женатый на испанской принцессѣ, отъ которой имѣлъ потомство; императоръ Леопольдъ I-й, представитель Габсбургской династіи, сынъ испанской принцессы; онъ въ первомъ бракѣ имѣлъ испанскую принцессу, сестру королевы французской, дочь Филиппа IV, Маргариту, на которую отецъ, на случай пресѣченія мужеской линіи, перенесъ наслѣдство испанскаго престола, тогда какъ старшая сестра ея, выходя замужъ за Людовика XIV, отрекалась отъ этого наслѣдства. Но Маргарита умерла, оставивъ Леопольду одну дочь, Марію Антонію, которая вышла замужъ за курфюрста баварскаго и умерла въ 1692 году, оставивъ сына: этотъ-то ребенокъ былъ третьимъ претендентомъ и, на основаніи завѣщанія Филиппа IV, имѣлъ больше всѣхъ другихъ права на испанскій престолъ; притомъ этотъ баварскій принцъ удовлетворялъ интересамъ морскихъ державъ и политическому равновѣсію Европы. Но Людовикъ XIV не хотѣлъ отказываться отъ испанскаго наслѣдства; только для сохраненія политическаго равновѣсія и удовлетворенія интересамъ морскихъ державъ предлагалъ слѣдующія уступки: Испанія, переходя къ Бурбонской династіи, должна была имѣть отдѣльнаго отъ Франціи короля въ особѣ одного изъ внуковъ Людовика XIV; для обезпеченія Голландіи Испанія должна отказаться отъ своихъ Нидерландъ, которыя перейдутъ во владѣніе курфюрста баварскаго, при чемъ Голландія удержитъ право имѣть свои гарнизоны въ бельгійскихъ крѣпостяхъ, какъ до сихъ поръ имѣла; морскія державы получаютъ стоянки для своихъ судовъ на Средиземномъ морѣ; Дюнкирхенъ будетъ возвращенъ Англіи для обезпеченія ея береговъ отъ Французской высадки. Но война не избѣгалась этой сдѣлкой: курфюрстъ баварскій могъ удовлетвориться испанскими Нидерландами; но другой, могущественнѣйшій претендентъ, императоръ Леопольдъ не получалъ никакого удовлетворенія. И вотъ Вильгельмъ III, для удовлетворенія и третьяго претендента, предлагаетъ раздѣлить испанскую монархію: внукъ Людовика XIV возьметъ Испанію и Америку, курфюрстъ баварскій Нидерланды, а императоръ италіанскія владѣнія Испаніи. Западные историки, которые такъ много говорятъ противъ раздѣла Польши, обыкновенно или умалчиваютъ о

раздѣлъ Испаніи, или стараются показать, что это не былъ собственно раздѣлъ, подобный раздѣлу Польши; выставляютъ, что между частями испанской монархіи не было національной связи; но вопросъ о національной связи есть вопросъ нашего времени; что между Испаніею и южными Нидерландами была крѣпкая связь и помимо національной—доказывается то, что они не отдѣлились отъ Испаніи, когда отдѣлились отъ нея сѣверные Нидерланды; безспорно, что между Испаніею и ея владѣніями въ Италіи и Нидерландахъ было гораздо больше связи, чѣмъ между западною Россіею и Польшею, между которыми существовалъ антагонизмъ, вслѣдствіе различія народности и вѣры.

Людовику XIV не правилось предложеніе Вильгельма отдать императору испанскія владѣнія въ Италіи, ибо непосредственное увеличеніе государственной области считалось гораздо выгоднѣе, чѣмъ посаженіе родственника, хотя и очень близкаго, на испанскій престолъ, слѣдовательно Австрія получала болѣе выгодъ, чѣмъ Франція. Людовикъ соглашался уступить Испанію, католическіе Нидерланды и колоніи баварскому принцу, съ тѣмъ, чтобы Франціи были уступлены Неаполь и Сицилія, а императоръ взялъ бы одинъ Миланъ. Такое соглашеніе дѣйствительно послѣдовало осенью 1698 года. Когда въ Испаніи узнали, что ее хотятъ раздѣлить, то король Карлъ II объявилъ наслѣдникомъ всѣхъ своихъ владѣній принца баварскаго, но этого наслѣдника въ февралѣ 1699 года уже не было въ живыхъ, и снова начались хлопоты о роковомъ наслѣдствѣ. Людовикъ XIV хлопоталъ объ округленіи Франціи Лотарингіею и Савойею, съ тѣмъ, чтобы герцоги этихъ земель получили вознагражденіе испанскими владѣніями въ Италіи. Въ концѣ 1699 года состоялось второе соглашеніе: Испанія и католическіе Нидерланды должны были перейти ко второму сыну императора Леопольда, а Франція получила всѣ испанскія владѣнія въ Италіи. Впрочемъ, императоръ постоянно уклонялся отъ вступленія въ эти соглашенія.

Но въ Мадридѣ попрежнему не хотѣли раздѣла монархіи. Изъ двухъ теперь кандидатовъ, внука Людовика XIV и сына императора Леопольда, надобно было выбрать того, который подавалъ болѣе надеждъ, что удержитъ Испанію нераздѣльною; французскій посланникъ Гаркуръ умѣлъ убѣдить мадридскій дворъ, что такимъ кандидатомъ былъ именно внукъ Людовика XIV, и Карлъ II подписалъ завѣщаніе, по которому Испанія переходила ко второму сыну дофина, герцогу Филиппу Анжуйскому; за нимъ долженъ былъ слѣдовать братъ его, герцогъ Беррійскій, за этимъ—эрцгерцогъ Карлъ австрій-

скій; если всѣ эти принцы откажутся отъ наслѣдства или умрутъ бездѣтными, то Испанія переходитъ къ савойскому дому: пи въ какомъ случаѣ Испанія не должна быть соединена подъ однимъ государемъ ни съ Франціею, ни съ Австріею. Разсчетъ заставлялъ Людовика XIV принять это завѣщаніе: хотя непосредственное увеличеніе Франціи извѣстными частями Испанской монархіи и было для него выгодноѣ, однако, отказавшись отъ завѣщанія Карла II-го; съ тѣмъ, чтобы привести въ исполненіе договоръ о раздѣлѣ, заключенный съ Вильгельмомъ III-мъ, Людовикъ долженъ былъ вступить въ войну съ императоромъ, котораго сынъ получалъ всю испанскую монархію нераздѣльно и могъ надѣяться на сильную поддержку испанскаго народа, отвергавшаго оскорбительную для себя мысль о раздѣлѣ; на поддержку морскихъ державъ была плохая надежда, потому что огромное большинство въ Голландіи и особенно въ Англіи расходилось съ Вильгельмомъ III во взглядѣ, считая возведеніе на испанскій престолъ одного изъ внуковъ Людовика XIV менѣе опаснымъ для Европы, чѣмъ усиленіе Франціи въ Италіи; всѣ партіи въ Англіи считали дикимъ и невѣроятнымъ дѣломъ, чтобы Англія помогала Франціи добыть Италію.

Въ ноябрѣ 1700 года въ Англіи узнали о завѣщаніи Карла II. Вильгельмъ ждалъ, что со стороны Франціи будутъ соблюдены хотя приличія и начнутся переговоры по этому дѣлу въ связи съ прошлымъ договоромъ. Но Франція хранила глубокое молчаніе, и Вильгельмъ въ сильномъ раздраженіи написалъ человѣку, вполнѣ раздѣлявшему его взгляды, голландскому ратпенсіонарію Гейнзіусу, жалуюсь на французское безстыдство, на то, что Людовикъ его провелъ; онъ жаловался также на тупоуміе и слѣпоту англичанъ, которые очень довольны, что Франція предпочла завѣщаніе договору о раздѣлѣ. Дѣйствительно, въ Англіи, гдѣ болѣе всего имѣли въ виду торговые выгоды и болѣе всего жалѣли денегъ на континентальную войну, раздавались по поводу договора о раздѣлѣ Испаніи громкія жалобы на внѣшнюю политику короля, на тѣ страшныя потери, которыя италіанская и левантская торговля должна потерпѣть, вслѣдствіе утвержденія французскаго владычества въ обѣихъ Сициліяхъ. Уже нѣсколько разъ тори поднимали въ парламентѣ бурю противъ неблагонамѣренныхъ совѣтниковъ короля, и договоръ о раздѣлѣ испанской монархіи составлялъ предметъ сильныхъ парламентскихъ выходокъ. Такимъ образомъ, извѣстіе, что испанская монархія всецѣло достается одному изъ бургонскихъ принцевъ, принято было съ радостью въ Англіи; даже министры прямо говорили королю, что

они считают это событіе милостью неба, ниспосланною для избавленія его, короля, изъ затрудненій, въ которыя поставилъ его договоръ о раздѣлѣ; договоръ этотъ такъ непріятенъ народу, что король былъ бы не въ состояніи привести его въ исполненіе, и причинилъ бы ему много заботъ и горя. Многочисленныя брошюры, появившіяся по этому случаю, смотрѣли на дѣло точно такъ же, утверждая, что отъ посаженія Филиппа на испанскій престолъ могущество Франціи нисколько не увеличится; однѣ восхваляли мудрость Карла II, другія умѣренность Людовика XIV. Виги не смѣли ничего сказать противъ этого. И дѣйствительно, трудно было сказать что-нибудь, кромѣ того, что рано было хвалить умѣренность Людовика XIV, что посаженіе Филиппа на испанскій престолъ собственно не усиливало могущества Франціи; но Франція и безъ того была могущественна, и король до сихъ поръ не разбиралъ средствъ для увеличенія своихъ владѣній, а теперь, въ случаѣ войны съ нимъ, испанскіе Нидерланды будутъ въ его распоряженіи, и эти Нидерланды—ключъ къ независимымъ Нидерландамъ. Такъ смотрѣла на дѣло въ Нидерландахъ воинственная штатгалтерская партія, въ челѣ которой стоялъ личный другъ Вильгельма, голландскій ратпенсіонарій Антонъ Гейнзіусъ; но большинство депутатовъ соединенныхъ провинцій смотрѣло на воцареніе герцога анжуйскаго въ Испаніи, какъ на желанный исходъ дѣла. Впрочемъ, и друзья англійскаго короля были не за раздѣльный трактатъ: они не могли не сознавать, что трактатъ этотъ былъ ошибкою со стороны Вильгельма; Гейнзіусъ зналъ, какое отвращеніе питаютъ испанцы къ мысли о раздѣленіи ихъ государства, и потому хотѣлъ безраздѣльнаго перехода испанскихъ владѣній только не къ бургонскому, а къ габсбургскому принцу: для этого, по его мнѣнію, надобно было поднять въ Испаніи національное движеніе въ пользу Габсбурга и выставить 70.000 войска для поддержки императора, котораго побуждать немедленно вступить въ Италію и заключить союзъ съ Даніею, Польшею, Венеціею, Савойею и со всѣми другими государствами противъ Франціи.

Но безъ Англіи нельзя было ничего начинать, а въ Англіи дѣло шло дурно для Вильгельма. Министры изъ виговъ боролись съ враждебнымъ большинствомъ въ нижней палатѣ и съ товарищами своими торійскаго направленія, которые недавно были призваны въ кабинетъ. Такимъ образомъ, въ правительствѣ былъ раздоръ. Въ странѣ торійское направленіе усиливалось. На новыхъ парламентскихъ выборахъ торіи взяли верхъ, потому что обѣщали сохраніе міра. Но Людовикъ XIV спѣшилъ оправдать политику Вильгельма

III и виговъ. 1 ноября 1700 года умеръ Карлъ II испанскій; наслѣдникъ его, Филиппъ анжуйскій, отправляясь въ Испанію, передалъ дѣду своему, Людовику XIV, управление бельгійскими дѣлами; французскія войска немедленно перешли бельгійскіе границы и захватили по крѣпостямъ голландскіе гарнизоны, при чемъ во свое оправданіе Людовикъ объявилъ, что онъ поступилъ такъ для предупрежденія направленнаго противъ него вооруженія Штатовъ. Еще прежде занятія Бельгій французскія войска перешли Альпы, утвердились въ Миланѣ и Мантуѣ. Виги въ Англіи подняли головы, ихъ летучіе политическіе листки призывали патріотовъ вооружиться для охраны голландскихъ границъ, протестантскихъ интересовъ, равновѣсія Европы. Лондонскіе купцы встревожились не опасностью, грозящею протестантскимъ интересамъ и равновѣсію Европы: они встревожились слухами, что Людовикъ XIV намѣренъ запретить ввозъ англійскихъ и голландскихъ товаровъ въ испанскія колоніи. Въ такомъ случаѣ война являлась для миролюбивыхъ англичанъ уже меньшимъ зломъ. Отъ ужаса на нѣсколько времени остановились въ Лондонѣ всѣ торговые сдѣлки. Торн, въ свою очередь, должны были пріутихнуть. Но у нихъ было большинство въ парламентѣ: весною 1701 года парламенту былъ переданъ меморіаль голландской республики, въ которомъ говорилось, что Штаты намѣрены потребовать отъ Людовика XIV ручательства своей будущей безопасности, но не хотятъ начинать дѣла безъ согласія и содѣйствія Англіи; такъ какъ изъ этихъ переговоровъ могутъ возникнуть серьезныя столкновенія съ Франціею, то Штатамъ желательно знать, въ какой мѣрѣ они могутъ полагаться на Англію. Парламентъ согласился на то, чтобы англійское правительство приняло участіе въ голландскихъ переговорахъ, не предоставивъ однако королю права заключать союзы, настаивая на сохраненіи мира. Въ томъ же мѣсяцѣ начались переговоры въ Гагѣ. Въ первой конференціи уполномоченные морскихъ державъ требовали очищенія Бельгій отъ французскихъ войскъ и, наоборотъ, права для Голландіи и Англіи держать свои гарнизоны въ извѣстныхъ бельгійскихъ крѣпостяхъ; кромѣ того, требовали для англичанъ и голландцевъ такихъ же торговыхъ привилегій въ Испаніи, какими пользовались французы. Уполномоченный Людовика XIV, графъ д'Аво, отвергъ эти требованія и сталъ хлопотать, какъ бы поссорить англичанъ съ голландцами, началъ внушать голландскимъ уполномоченнымъ, что государь его можетъ заключить съ ихъ республикою договоръ и на выгоднѣйшихъ условіяхъ, если только Англія будетъ отстранена отъ переговоровъ; въ противномъ случаѣ грозитъ согла-

шеніемъ Франціи съ Австрією и образованіемъ большого католическаго союза. Но голландцы не дались въ обманъ: чувствуя опасность, они стояли твердо и единодушно. Голландское правительство сообщило англійскому о внушеніяхъ д'Аво, при чемъ объявило, что оно будетъ крѣпко держаться Англии; «но, говорилось въ грамотѣ Штатовъ, опасность приближается. Нидерланды окружены французскими войсками и укрѣпленіями; теперь дѣло идетъ уже не о признаніи прежнихъ договоровъ, а объ ихъ немедленномъ исполненіи, и потому ждемъ британской помощи».

Въ палатѣ лордовъ, гдѣ первенствовали виги, на грамоту Штатовъ отвѣчали горячимъ адресомъ королю, уполномачивая его заключить оборонительный и наступательный союзъ не только съ Голландією, но съ императоромъ и другими государствами. Въ палатѣ общинъ, гдѣ господствовали тори, не раздѣляли этого жара, не хотѣли войны, боясь, что при ея объявленіи ненавистные виги станутъ опять въ чедѣ управленія. Но дѣлать было нечего: народъ высказывался громко за войну, потому что опасенія за торговые выгоды все болѣе и болѣе усиливались: приходили извѣстія, что во Франціи образовались общества для захвата испанской торговли, составила компанія для перевоза негровъ въ Америку. Все торговое сословіе Англии возопило о необходимости войны, въ печати появились ругательства на депутатовъ, ихъ обвиняли въ забвеніи своихъ обязанностей, въ измѣнѣ. Тори видѣли, что если они еще далѣе будутъ противиться войнѣ съ Францією, то парламентъ будетъ распущенъ, и при новыхъ выборахъ виги непремѣнно возьмутъ верхъ. Такимъ образомъ и нижняя палата принуждена была объявить, что готова выполнить прежніе договоры, готова подать помощь союзникамъ и общасть королю поддерживать европейскую свободу.

Но морскія державы однѣ не могли поддержать европейской свободы: имъ нуженъ былъ союзъ континентальныхъ европейскихъ державъ и преимущественно самой сильной изъ нихъ, Австріи. Могъ ли императоръ Леопольдъ допустить, чтобъ испанская монархія всецѣло перешла отъ Габсбурговъ къ Бурбонамъ, и въ то время, когда Австрія находилась въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ? Благодаря *Священному союзу* между Австрією, Венецією, Россією и Польшею, Турція, потерпѣвъ сильныя пораженія, должна была сдѣлать союзникамъ важныя уступки. Австрія по Карловицкому миру приобрѣла Славонію, Кроацію, Трансильванію, почти всю Венгрію; но, кромѣ этихъ приобретеній, Австрія приобрѣла еще ручательство будущихъ успѣховъ—хорошее войско и первокласснаго полководца,

принца Евгенія Савойскаго; наконецъ, торжество Австрій надъ Турціею, блестяще-выгодный миръ были чувствительнымъ ударомъ для Франціи, потому что Порта была ея постоянною союзницею противъ Австрій, и Карловицкій миръ былъ заключенъ при сильномъ содѣйствіи морскихъ державъ, вопреки старанію Франціи поддержать войну. Все поэтому обѣщало, что Австрія, развязавъ себѣ руки на востокѣ, ободренная блестящими успѣхами здѣсь, немедленно обратитъ свое оружіе на западъ, приметъ самое дѣятельное участіе въ борьбѣ за испанское наслѣдство. Но это участіе Австрія приняла очень медленно. Такое поведеніе ея зависѣло, во-первыхъ, отъ всегдашней медленности въ политикѣ, отвращенія къ рѣшительнымъ мѣрамъ, отъ привычки выжидать, чтобы благопріятныя обстоятельства сдѣлали для нея все безъ сильнаго напряженія съ ея стороны. Австрійскіе министры, скорые въ составленіи плановъ и медленные, когда надобно было приводить ихъ въ исполненіе, боялись приступить къ испанскому вопросу, заключавшему въ себѣ, дѣйствительно, большія трудности. Имъ казалось гораздо выгоднѣе присоединить часть испанскихъ владѣній непосредственно въ Австрію, чѣмъ воевать для исключенія Бурбоновъ изъ испанскаго наслѣдства и для доставленія ея всецѣло второму сыну императора Леопольда, Карлу; за всѣ испанскія владѣнія въ Италіи они соглашались уступить остальное внуку Людовика XIV, даже и католическіе Нидерланды, что такъ противорѣчило выгодамъ морскихъ державъ, а Людовикъ XIV также не считалъ для себя выгоднымъ уступить Австріи всѣ испанскія владѣнія въ Италіи. Въ Вѣнѣ очень хотѣлось пріобрѣсти что-нибудь, не дать всей испанской монархіи Бурбонамъ, и въ тоже время не могли притти ни къ какому рѣшенію, выжидая, по привычкѣ, благопріятныхъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, поведеніе Австріи зависѣло отъ характера императора Леопольда, человека недаровитаго, медленнаго по природѣ, подозрительнаго и находившагося въ сильной зависимости отъ духовника; медленность всего лучше выражалась въ его рѣчи, отрывочной, безсвязной; самыя важныя дѣла по недѣлямъ и мѣсяцамъ лежали на столѣ императора безъ разрѣшенія, а въ настоящемъ случаѣ на рѣшительность императора имѣли еще вліяніе іезуиты, которымъ очень не нравился союзъ Австріи съ еретиками—англичанами и голландцами; іезуиты, наоборотъ, хлопотали о сближеніи католическихъ державъ Австріи, Франціи и Испаніи, чтобъ ихъ соединенными силами возстановить Стюартовъ въ Англіи. При вѣнскомъ дворѣ была, впрочемъ, партія, требовавшая рѣшительнаго дѣйствія, требовавшая войны: то была партія наслѣд-

ника престола, эрцгерцога Иосифа, и принца Евгенія Савойскаго; по противу нея дѣйствовали старые совѣтники императора, боявшіеся, что съ началомъ войны все значеніе перейдетъ отъ нихъ къ воинственной партіи Иосифа. Въ такихъ колебаніяхъ и выжиданіяхъ вѣнскій дворъ былъ потревоженъ извѣстіями, что Карлъ II умеръ, что новый король, Филиппъ V-й, съ торжествомъ принятъ въ Мадридѣ, что съ такою же радостію признали его и въ Италіи, что французскіе войска уже вступили въ эту страну и заняли Ломбардію, что конференціи въ Гагѣ могутъ кончиться сдѣлкою между Франціею и морскими державами, при чемъ Австріи не достанется ничего. Въ Вѣнѣ задвигались. Въ маѣ 1701 года австрійскій посланникъ въ Лондонѣ предложилъ королю Вильгельму, что императоръ будетъ доволенъ, если ему уступлены будутъ Неаполь, Сицилія, Миланъ и южныя Нидерланды. Послѣднее требованіе вполнѣ совпадало съ интересами морскихъ державъ, которымъ нужно было, чтобы между Франціею и Голландіею было владѣніе сильной державы. Въ августѣ морскія державы сдѣлали вѣнскому двору послѣднее предложеніе, которое состояло въ слѣдующемъ: оборонительный и наступательный союзъ противъ Франціи; если Людовикъ XIV откажетъ Австріи въ земельномъ вознагражденіи и морскимъ державамъ въ извѣстныхъ ручательствахъ ихъ безопасности и выгодъ, то союзники употребятъ всѣ усилія, чтобъ овладѣть для императора Миланомъ, Неаполемъ, Сициліею, тосканскими приморскими мѣстами и католическими Нидерландами; для себя Англія и Голландія предоставляютъ завоеваніе заатлантическихъ испанскихъ колоній. На этомъ основаніи въ слѣдующемъ мѣсяцѣ заключенъ былъ «европейскій союзъ» между императоромъ, Англіею и Голландіею: Австрія выставляла 90,000 войска, Голландія 102,000, Англія 40,000; Голландія 60 кораблей, Англія 100.

Въ то самое время, когда въ Гагѣ скрѣплялся великій союзъ, Людовикъ XIV своими распоряженіями какъ будто хотѣлъ ускорить войну; онъ нанесъ англичанамъ два чувствительныхъ удара: первый ударъ былъ нанесенъ ихъ матеріальнымъ средствамъ запрещеніемъ ввоза англійскихъ товаровъ во Францію; другой ударъ былъ нанесенъ ихъ національному чувству провозглашеніемъ, по смерти Іакова II, сына его королемъ англійскимъ подъ именемъ Іакова III, тогда какъ не за долго передъ тѣмъ парламентскимъ актомъ было утверждено протестантское наслѣдство: по смерти вдоваго и бездѣтнаго короля Вильгельма III на престолъ входила его свояченица, младшая дочь Іакова II, Анна, жена принца Георга датскаго, послѣ же нея престолъ переходилъ къ курфюрстшѣ ганноверской, внукѣ Іакова I

Стюарта отъ его дочери Елизаветы, жены курфюрста Фридриха пфальцскаго (ефемернаго короля богемскаго). Вслѣдствіе этихъ оскорбленій со стороны Франціи, Вильгельмъ III получилъ отъ своихъ подданныхъ множество адресовъ съ выраженіемъ преданности; страна громко требовала немедленнаго объявленія войны Франціи и распушенія невоинственнаго парламента. При новыхъ выборахъ, торійскіе кандидаты успѣли удержаться только тѣмъ, что громче своихъ соперниковъ, виговъ, кричали противъ Людовика XIV*, громче требовали войны. Въ январѣ 1702 года король открылъ новый парламентъ рѣчью, въ которой напоминалъ лордамъ и общинамъ, что въ настоящую минуту взоры всей Европы обращены на нихъ; міръ ждетъ ихъ рѣшенія; дѣло идетъ о величайшихъ благахъ народныхъ — свободѣ и религін; наступила драгоцѣнная минута для поддержанія англійской чести и англійскаго вліянія на дѣла Европы.

Это была послѣдняя рѣчь Вильгельма Оранскаго. Онъ давно уже не пользовался хорошимъ здоровьемъ; въ Англіи привыкли видѣть его страдающимъ, окруженнымъ врачами; но привыкли видѣть также, что, по требованію обстоятельствъ, онъ перемогался и быстро приступалъ къ дѣламъ. Въ описываемое время онъ ушибся, упавъ съ лошади, и этотъ, повидимому, легкій ушибъ приблизилъ Вильгельма къ могилѣ. Король говорилъ близкимъ людямъ, что чувствуетъ, какъ силы его ежедневно уменьшаются, что нельзя болѣе на него рассчитывать, что онъ покидаетъ жизнь безъ сожалѣнія, хотя въ настоящее время она представляетъ ему болѣе утѣшенія, чѣмъ когда-либо прежде. 19 марта Вильгельмъ умеръ. Свояченица его, Анна, была провозглашена королевою.

Новѣйшіе историки прославляютъ Вильгельма III, какъ человѣка, окончательно утвердившаго свободу Англіи въ политическомъ и религіозномъ отношеніи и въ то же время много потрудившагося для освобожденія Европы отъ французской игемоніи, связавшаго интересы Англіи съ интересами континента. Но современники въ Англіи вовсе не такъ смотрѣли на дѣло. Противъ воли, вынуждаемые необходимостью, они рѣшились на революціонное движеніе 1688 года и недовольными глазами смотрѣли на его слѣдствіе, когда должны были посадить на свой престолъ иностранца и не принадлежавшаго къ господствовавшей епископальной церкви. На голландскаго штатгалтера смотрѣли подозрительно, боялись его властолюбія, боялись и того, что онъ вовлечетъ страну въ континентальныя войны, будетъ тратить англійскія деньги для выгодъ своей Голландіи; отсюда — недовѣріе парламента къ королю, противоборство его намѣреніямъ со

стороны обѣихъ партій—и тори, и виговъ, скупость въ дачѣ субсидій на войну. Вильгельмъ, постоянно раздражаемый этимъ недовѣріемъ и препятствіями своимъ планамъ, не могъ любезно относиться къ своимъ подданнымъ, да и отъ природы не отличался любезностью: скрытный, молчаливый, необходимый, окруженный постоянно только своими голландскими любимцами, съ ними думавшій и о важнѣйшихъ англійскихъ дѣлахъ, Вильгельмъ никакъ не могъ быть популяренъ въ Англіи. Тѣмъ охотнѣе народное большинство увидало на престолѣ королеву Анну. Новая королева не отличалась видными достоинствами: воспитаніе ея было пренебрежено въ молодости, а въ лѣтахъ зрѣлыхъ она ничего не дѣлала для восполненія этого недостатка; духовная вялость высказывалась въ нерѣшительности и неспособности къ напряженному труду; какъ скоро вопросъ выходилъ изъ ряда ежедневныхъ явленій, то она уже приходила въ смущеніе. Но чѣмъ болѣе нуждалась она въ чужомъ совѣтѣ, тѣмъ менѣе была самостоятельна, тѣмъ болѣе хотѣла казаться такою, ибо считала самостоятельность необходимою въ своемъ царственномъ положеніи, и горе неосторожному, который бы слишкомъ явно захотѣлъ навязать королевѣ свое мнѣніе. Горячо приверженная къ англиканской церкви, Анна съ одинакимъ отвращеніемъ относилась и къ папизму и къ протестантской ереси, почему и показала свое-му Петру „Великому «истинною дочерью православной церкви», по его собственному выраженію. Недостатки Анны не могли рѣзко выразиться до вступленія ея на престолъ: видны были ея добрыя качества, ея безупречная супружеская жизнь; но, разумѣется, самое драгоцѣнное ея качество было то, котораго именно недоставало Вильгельму: она была англичанка и отличалась приверженностью къ англиканской церкви.

Что касается политическихъ партій, то восшествіе на престолъ Анны было встрѣчено тори съ радостными надеждами, а вигами съ недовѣріемъ. Виги подозрѣвали Анну въ привязанности къ отцу и брату; виги дѣйствовали враждебно противъ Анны при Вильгельмѣ и были виновниками сильной ссоры между ними; виги поднимали вопросъ: не слѣдуетъ ли престолу по смерти Вильгельма прямо перейти въ ганноверскую линію? Тѣмъ ревностнѣе стояли за Анну тори. Такъ какъ было вкоренено убѣжденіе, что сынъ Іакова II, провозглашенный на континентѣ королемъ подъ именемъ Іакова III, былъ подставной, то строгіе ревнители правильного престолонаслѣдія считали Анну законною наслѣдницею престола тотчасъ по смерти Іакова II, а на Вильгельма смотрѣли только, какъ на временнаго

правителя. Привязанность Анны къ англиканской церкви дѣлала ее идоломъ для всѣхъ приверженцевъ послѣдней, оскорбленныхъ тѣмъ, что король Вильгельмъ не принадлежалъ къ ихъ числу, былъ еретикомъ въ ихъ глазахъ. Оба университета, оксфордскій и кембриджскій, отличавшіеся всегда усердіемъ къ англиканской церкви, привѣтствовали Анну пламенными адресами; оксфордскіе богословы провозглашали, что теперь только, съ восшествіемъ на престолъ Анны, церковь обезпечена отъ вторженія ереси, теперь настала для Англіи новая, счастливая эпоха. Кромѣ виговъ и тори, въ Англіи существовала партія яacobитская, которая видѣла законнаго короля въ молодомъ Іаковѣ III, — и эта партія не относилась враждебно къ Аннѣ, потому что Іаковъ III былъ еще очень молодъ и не могъ самъ немедленно явиться въ Англію для возвращенія себѣ отцовской короны, и вожди его партіи сочли самымъ благоразумнымъ дожидаться; разстроенное здоровье тридцатисемилѣтней королевы не обѣщало продолжительнаго царствованія, притомъ знали, что Анна терпѣть не можетъ своихъ ганноверскихъ родственниковъ, и тѣмъ болѣе могли рассчитывать на привязанность ея къ брату. Но чѣмъ болѣе было надеждъ у яacobитовъ, тѣмъ болѣе страха у приверженцевъ революціи 1688 года; особенно они боялись вліянія графа Рочестера, дяди королевы съ материнской стороны, сына знаменитаго лорда Кларендона: Рочестеръ былъ извѣстный яacobитъ, и боялись, что онъ подниметъ на верхъ людей себѣ подобныхъ, которые измѣнятъ и внѣшнюю политику, отторгнуть Англію отъ великаго союза и сблизятъ съ Франціею.

Но страхъ былъ напрасенъ: новая королева немедленно дала знать голландскому правительству, что будетъ неуклонно держаться внѣшней политики своего предшественника; то же было объявлено въ Вѣнѣ и другимъ дружественнымъ державамъ. Партія, сознававшая необходимость принятія дѣятельнаго участія въ войнѣ противъ Франціи, была, по извѣстнымъ намъ причинамъ, такъ же сильна въ первые дни Анны, какъ и въ послѣдніе дни Вильгельма; и хотя вмѣшательство въ континентальныя дѣла, война за тамошніе интересы, трата денегъ на войну, не обѣщавшую непосредственныхъ выгодъ, никогда не могли быть популярны на островѣ, и партія мира должн была взять верхъ при первомъ благопріятномъ случаѣ и развязаться съ войною, однако такого благопріятнаго обстоятельства теперь еще не было. Что же касается королевы, то самое сильное вліяніе на нее имѣлъ въ описываемое время представитель партіи войны, лордъ Джонъ Чорчилль, графъ Марльборо. Сильное вліяніе на коро-

леву имѣлъ и самъ гр. Марльборо; но еще сильнѣйшимъ пользовалась жена его, которую тѣсная дружба связывала съ Анною, когда еще обѣ не были замужемъ. У друзей были противоположные характеры, потому что графиня Марльборо (урожденная Сара Дженингсъ), отличалась необычайною энергіею, выражавшеюся во всѣхъ ея движеніяхъ, во взглядѣ, въ сильной и быстрой рѣчи, была остроумна и часто зла. Не удивительно, что лѣнивая по уму принцесса сильно привязалась къ женщинѣ, которая избавляла ее отъ обязанности думать и говорить и такъ пріятно развлекала своею подвижностью и своею рѣчью. Анна Стюартъ вышла замужъ за ничтожнаго Георга датскаго, а Сара Дженингсъ за самаго виднаго изъ придворныхъ герцога іоркскаго, полковника Джона Чорчилля. Трудно было найти мужчину красивѣе Джона Чорчилля. Онъ не получилъ школьнаго образованія, долженъ былъ пріобрѣтать нужныя свѣдѣнія самъ; но ясный умъ, необыкновенная память и умѣнье пользоваться обхожденіемъ съ замѣчательнѣйшими лицами, съ которыми безпрестанно встрѣчался по своему положенію, помогли ему въ дѣлѣ самообразованія; чрезвычайная точность и выдержливость во всякомъ дѣлѣ рано выдвинули его изъ толпы и указали въ немъ будущаго знаменитаго дѣятеля; но при этомъ выдвигеніи изъ толпы ловкій честолюбецъ умѣлъ никого не толкнуть, не кололъ глаза своимъ превосходствомъ, жилъ въ большой дружбѣ съ сильными земли. Но холодный, расчетливый, осторожный и ловкій со всѣми другими, Чорчилль совершенно терялъ самообладаніе относительно своей жены, вліянію которой подчинялся постоянно и въ ущербъ своей славы. Военную дѣятельность свою Чорчилль началъ въ нидерландскихъ войнахъ семидесятыхъ годовъ, подъ глазами французскихъ полководцевъ. Іаковъ II возвелъ его въ званіе лорда, и въ 1685 году лордъ Чорчилль оказалъ королю важную услугу укрощеніемъ возстанія Монмута; но когда Іаковъ сталъ дѣйствовать противъ англиканской церкви, то Чорчилль, ревностный приверженецъ этой церкви, отсталъ отъ него, и его переходъ на сторону Вильгельма Оранскаго условилъ скорый и безкровный исходъ революціи. Чорчилль былъ возведенъ за это въ графы Марльборо; но скоро не поладилъ съ Вильгельмомъ, особенно когда жена его была оскорблена королевою Маріею, и послѣдовалъ разрывъ между королевскимъ дворомъ и принцессою Анною. Недовольный Марльборо вошелъ въ сношенія съ своимъ старымъ благодѣтелемъ, Іаковомъ II, и даже сообщилъ подробности о предпріятіи англичанъ противъ Бреста. Впрочемъ, въ послѣдствіи онъ снова сблизился съ Вильгельмомъ и былъ посвященъ во всѣ замыслы короля

относительно вѣншей политики. Вильгельмъ поручилъ ему начальство надъ вспомогательнымъ англійскимъ войскомъ въ Нидерландахъ и окончательное закрѣпленіе континентальныхъ союзовъ; король видѣлъ въ немъ человѣка, соединявшаго съ самою холодною головою самое горячее сердце. Легко понять, что Марльборо ничего не проигралъ съ смертію Вильгельма и восшествіемъ на престолъ Анны, которая смотрѣла на него, какъ на самаго преданнаго себѣ человѣка. Лордъ Марльборо немедленно получилъ высшій орденъ (Подвязки) и начальство надъ всѣми англійскими войсками, а жена его — мѣсто первой статсъ-дамы. Марльборо собственно не принадлежалъ ни къ какой партіи, а между тѣмъ обѣ партіи имѣли основанія и выгоду считать его своимъ: тори разсчитывали на его привязанность къ англиканской церкви, на его связи, на гоненіе, которое онъ претерпѣлъ во время господства виговъ при Вильгельмѣ, и надѣялись имѣть его на своей сторонѣ по всѣмъ вопросамъ внутренней политики; виги, съ своей стороны, видѣли, что леди Марльборо находится въ близкой связи со всѣми главами ихъ партіи, что отъявленный вигъ, лордъ Спенсеръ — зять Марльборо; наконецъ, виги стояли за войну, почему интересъ ихъ сливался съ интересомъ главнокомандующаго всѣми англійскими войсками, и виги заявили ему, что хотя они и не надѣются занимать правительственные мѣста въ настоящее царствованіе, тѣмъ не менѣе будутъ содѣйствовать всему, что будетъ дѣлаться для блага націи.

Первымъ дѣломъ Марльборо было отправиться въ Голландію для скрѣпленія союза между обѣими морскими державами, необходимо ослабѣвшаго по смерти короля и штатгалтера. Присутствіе въ Голландіи человѣка самаго вліятельнаго въ англійскомъ правительствѣ было необходимо и потому, что Людвигъ XIV старался оторвать Голландію отъ великаго союза обѣщаніями очистить Бельгію и сдѣлать другія уступки, вслѣдствіе чего нѣкоторые депутаты въ Соединенныхъ Штатахъ начали склоняться къ миру съ Франціею. Марльборо торжественно, въ присутствіи иностранныхъ пословъ, объявилъ что королева свято исполнитъ союзный договоръ, вслѣдствіе чего Штаты окончательно отвергли предложеніе Франціи. Между тѣмъ въ Англіи Рочестеръ, пользуясь отсутствіемъ Марльборо, спѣшилъ дать окончательное торжество торіейской партіи и успѣлъ образовать министерство изъ ея членовъ; мы видѣли отношеніе Марльборо къ тори, и онъ спѣшилъ увѣрить Штаты, что перемѣна въ англійскомъ министерствѣ не будетъ имѣть никакого вліянія на ходъ вѣншнихъ дѣлъ. Но леди Марльборо приняла сильное участіе въ борьбѣ съ

дядею королевы, ставши за вигомъ. Здѣсь въ первый разъ друзья столкнулись: королева Анна замѣтила рѣзкое различіе между почти-тельнымъ языкомъ всѣхъ другихъ, обращавшихся къ ней по этому дѣлу, и безцеремоннымъ, требовательнымъ языкомъ, какимъ, по старой привычкѣ, говорила съ нею леди Сара; съ этихъ поръ между друзьями началось охлажденіе. Но какъ бы то ни было, въ обществѣ господствовало такое же убѣжденіе въ необходимости войны съ Франціею для охраненія англійскихъ интересовъ, какъ и въ послѣднее время царствованія Вильгельма, и потому перемѣны въ министерствѣ не могли остановить дѣла. Національный взглядъ высказался въ государственномъ совѣтѣ, созданномъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о войнѣ; слышались голоса: «для чего такое дорогое и тяжелое вмѣшательство въ континентальныя смуты? Пусть англійскій флотъ находится въ хорошемъ состояніи; какъ первый флотъ въ Европѣ, пусть онъ охраняетъ берега и покровительствуетъ торговлѣ. Пусть континентальныя государства терзаютъ другъ друга въ кровавой борьбѣ: торговля и богатство нейтральной Англіи тѣмъ болѣе будутъ усиливаться. Такъ какъ въ континентальныхъ завоеваніяхъ Англія не нуждается, то ей слѣдуетъ помогать своимъ союзникамъ только деньгами, а если уже непременно надобно воевать, то должно ограничиться морскою войною; для выполненія союзныхъ обязательствъ съ Голландіею надобно вступить въ войну въ значеніи только помогающей державы, но никакъ не самостоятельно». Всѣ эти мнѣнія, какъ выраженіе основнаго національнаго взгляда, были очень важны для будущаго, ибо должны были взять верхъ при первомъ удобномъ случаѣ; но теперь этого удобства для нихъ не было, при убѣжденіи большинства въ необходимости сдержать странное могущество Франціи, и война была объявлена. Въ началѣ этой войны, именно лѣтомъ 1702 года, политическій и военный перевѣсъ вовсе не былъ на сторонѣ союзниковъ, несмотря на громкое имя «европейскаго союза». Сѣверныя державы отказались отъ участія въ войнѣ противъ Франціи; въ восточныхъ областяхъ Австрійской монархіи готово было вспыхнуть возстаніе; въ Германіи Баварія и Кельнъ были на сторонѣ Франціи, прикрытой Бельгіею, рейнскою линіею, нейтральною Швейцаріею и располагавшей силами Испаніи, Португаліи, Италіи. Союзники должны были выставить 232,000 войска, а въ дѣйствительности они могли располагать гораздо меньшимъ числомъ, такъ что силы Людовика XIV и его союзниковъ превосходили на 30,000 человекъ. Доходы Франціи (187,552,200 ливровъ) равнялись суммѣ

доходовъ императора, Англіи и Голландіи; кромѣ того, въ своихъ распоряженіяхъ Людовикъ не былъ стѣсненъ никакимъ парламентомъ, никакими провинціальными чинами, никакими отдѣльными національностями наконецъ, владѣнія континентальныхъ союзниковъ были открыты, тогда какъ Франція была защищена сильными крѣпостями.

Дѣйствительно, два первыхъ года войны (1702 и 1703) далеко не могли обѣщать «европейскому союзу» благопріятнаго исхода, несмотря на то, что и со стороны Франціи ясны были признаки дряхлости—слѣдствіе непроезводительной въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи системы Людовика XIV. Союзникъ Франціи, курфирстъ баварскій Максъ - Эммануилъ, взялъ важный имперскій городъ Ульмъ; въ Италіи полководецъ императора, принцъ Евгений Савойскій, не могъ сладить съ французами, бывшими подъ начальствомъ Вандома, долженъ былъ снять осаду Мантуи. Австрія, вслѣдствіе недостатковъ внутренняго управленія, не могла вести войны съ достаточною энергіей. «Непонятно,—писалъ голландскій посланникъ,—какъ въ такомъ обширномъ государствѣ, состоящемъ изъ стотъ многихъ плодородныхъ провинцій, не могутъ найти средство для предотвращенія государственнаго банкротства». Доходы колебались, потому что отдѣльныя области давали то больше, то меньше; иногда отдѣльныя области получали право не платить ничего годъ или долѣе. Ежегодный доходъ простирался до 14 милліоновъ гульденовъ: изъ этой суммы въ казну приходило не болѣе четырехъ милліоновъ; государственныя долги простирался до 22 милліоновъ гульденовъ. Продолжительная турецкая война сильно способствовала финансовому разстройству. Чрезвычайныхъ податей правительство налагать не рѣшалось изъ страха довести до отчаянія крестьянъ, и безъ того находившихся въ жалкомъ положеніи, и потому предпочитало занимать деньги съ уплатою отъ 20 до 100 процентовъ. Но такое финансовое разстройство не удерживало императора Леопольда отъ большихъ издержекъ, когда дѣло шло о придворныхъ удовольствіяхъ или когда затрогивали его религіозное чувство. Казну съѣдало огромное количество чиновниковъ, получавшихъ жалованье, а войскамъ во время походовъ жалованье доставлялось или очень поздно, или вовсе не доставлялось, такъ что полководцы, по окончаніи кампаній, а иногда и среди похода, были принуждены оставлять арміи и ѣхать въ Вѣну, чтобы ускорить высылку денегъ. Между полководцами и чиновниками придворнаго военнаго совѣта (гофкригсрата) господствовала постоянная ненависть; особенно всѣ гене-

ралы смотрѣли на президента гофкригсрата, какъ на своего смертельнаго врага; старшій сынъ императора, римскій король Іосифъ, указывалъ на управляющихъ военными и финансовыми дѣлами въ Вѣнѣ, какъ на виновниковъ всякаго зла. Императорскій генералиссимусъ узнавалъ о политическихъ переговорахъ и военныхъ событіяхъ только изъ вѣнской газеты. Производство въ войскѣ шло вовсе не по способностямъ, и послы иностранные при вѣнскомъ дворѣ болѣе всего поражались циническою откровенностью, съ какою каждый офицеръ отзывался о неспособности и безсовѣстности своихъ товарищей и генераловъ. При вѣнскомъ дворѣ существовала и реформаціонная партія: она состояла изъ принца Евгенія, принца Сальма, графовъ Кауница и Вратислава, во главѣ ея былъ римскій король Іосифъ; но всѣ ея стремленія разбивались о неодолимое недовѣріе императора къ новымъ людямъ и къ новымъ мыслямъ. Голландскій посланникъ отзывался, что скорѣе можно море выпить, чѣмъ дѣйствовать съ успѣхомъ противъ толпы іезуитовъ, женщинъ и министровъ Леопольда. Къ этому разстройству правительственной машины въ Австріи присоединялись еще безпокойства въ Венгріи и Трансильваніи, гдѣ поднялись крестьяне, обремененные налогами, и эти возстанія могли усиливаться, ибо восточная часть государства, вслѣдствіе войны на западѣ, была обнажена отъ войска. Сначала венгерскія волненія не имѣли политическаго характера, но дѣло перемѣнилось, когда возставшіе вошли въ сношеніе съ Францомъ Ракочи, жившимъ въ Польшѣ въ изгнаніи. Люди благоразумные требовали, чтобы венгерскія волненія были прекращены, какъ можно скорѣе, или милостію или строгостію; но императоръ предпочелъ полумѣры — и огонь разгорѣлся, а вмѣстѣ съ тѣмъ затруднительное положеніе Австріи въ европейской войнѣ достигло высшей степени: армія не получала рекрутъ, солдаты были голодны и холодны. Это положеніе должно было повести къ перемѣнамъ въ Вѣнѣ: президенты военнаго и финансоваго совѣта лишились своихъ мѣстъ, финансы были ввѣрены графу Штарембергу, военное управленіе поручено принцу Евгенію.

Такимъ образомъ, въ первое время войны Австрія, по состоянію своего управленія, не могла энергически содѣйствовать успѣхамъ союзниковъ. Морскія державы, Англія и Голландія, также не могли вести войну успѣшно въ Испанскихъ Нидерландахъ. Здѣсь двѣ кампаніи 1702 и 1703 годовъ кончились неудовлетворительно; Марльборо, начальствовавшій союзными войсками, былъ въ отчаяніи и справедливо складывалъ вину неуспѣха на рес-

публику Соединенныхъ Штатовъ, которая мѣшала ему купеческою бережливостію относительно людей и денегъ; кромѣ того партіи, борвшіяся въ соединенныхъ провинціяхъ, оранская и республиканская, раздирали и войско, генералы ссорились и отказывали другъ другу въ повиновеніи. Полководецъ стѣснялся такъ называемыми «походными депутатами», которые находились при немъ съ контрольнымъ значеніемъ: они завѣдывали продовольствіемъ войска, назначали комендантовъ въ завоеванныя мѣста, имѣли голосъ въ военныхъ совѣтахъ съ правомъ останавливать ихъ рѣшенія, при чемъ депутаты эти были вовсе невоенные люди. Наконецъ, въ Голландіи высказывалось недовѣріе къ иностранному полководцу, въ печати появлялись памфлеты противъ Марльборо и его смѣлыхъ плановъ. А между тѣмъ въ Англіи, вслѣдствіе неудовлетворительности двухъ кампаній, поднимали голову люди, бывшіе противъ континентальной войны.

Большіхъ успѣховъ для Англіи и Голландіи можно было ожидать отъ морскихъ предпріятій противъ Испаніи. Мы видѣли причины, почему Испанія къ концу XVII в. заснула мертвымъ сномъ. Событія, послѣдовавшія въ началѣ XVIII в., должны были разбудить ее: дѣйствительно, народъ взволновался, слышавъ, что ненавистные еретики, англичане и голландцы, задумали раздѣлить испанскія владѣнія, и поэтому вступленіе на престолъ Филиппа V-го съ ручательствомъ нераздѣльности находило сильное сочувствіе въ Испаніи. Къ несчастію новый король не былъ способенъ воспользоваться этимъ сочувствіемъ. Испанская инфанта, на которой Мазарини женилъ Людовика XIV, какъ будто принесла Бурбонской династіи печальное приданое; потомство, происшедшее отъ этого брака, обнаруживало черты той дряхлости, которою отличались послѣдніе Габсбурги въ Испаніи. Такимъ-то дряхлымъ юношею явился на испанскомъ престолѣ и Филиппъ V, для котораго корона была тяжестію и всякое серьезное занятіе—наказаніемъ; умныя, краснорѣчивыя наставленія и письма дѣда онъ принималъ съ равнодушною покорностію, возлагая на другихъ обязанность отвѣчать на нихъ и вести всю переписку, даже самую секретную. Точно такъ же поступалъ Филиппъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ. Было ясно, что король съ такимъ характеромъ нуждался въ первомъ министрѣ, и Филиппъ V нашелъ себѣ перваго министра въ шестидесятипятилѣтней старухѣ, которая, въ противоположность молодому королю, отличалась юношескою живостію и мужескою силою воли; то была Марія-Анна, по второму браку итальянская герцогиня Браччяно-Орсини, дочь французскаго герцога

Нуармуте. Въ Италіи она сохранила связь съ своимъ прежнимъ отечествомъ и была въ Римѣ агентомъ Людовика XIV, сильно хлопотала при переходѣ испанскаго наслѣдства въ Бурбонскую династію, при заключеніи брака между Филиппомъ V и дочерью герцога Савойскаго, и когда невѣста отправилась въ Испанію, отправилась вмѣстѣ съ нею и принцесса Орсини, какъ будущая оберъ-гофмейстерина. Много людей хотѣло овладѣть волею молодого короля и королевы; но Орсини одолѣла всѣхъ соперниковъ и привела Филиппа V и жену его въ полную отъ себя зависимость. Изъ партій при мадридскомъ дворѣ Орсини выбрала самую полезную для страны, партію національно-реформаціонную, и стала во главѣ ея. Людовикъ XIV хотѣлъ посредствомъ Орсини управлять Испаніею какъ вассальнымъ королевствомъ, но Орсини не хотѣла быть орудіемъ въ рукахъ французскаго короля, и пусть руководилась она при этомъ побужденіями собственнаго властолюбія, только ея поведеніе, стремленія, чтобы въ поступкахъ испанскаго короля не было замѣтно вліянія государя иностраннаго, совпадали съ благомъ и достоинствомъ страны и содѣйствовали утвержденію Бурбонской династіи на испанскомъ престолѣ. Но понятно, что при такомъ стремленіи сдѣлать себя и вообще правительство популярными Орсини должна была необходимо столкнуться съ французскими послами, которые хотѣли господствовать въ Мадридѣ.

При такихъ-то условіяхъ Испанія должна была участвовать въ войнѣ, которую западная Европа вела изъ-за нея. Въ 1702 году намѣреніе англичанъ овладѣть Кадиксомъ не удалось, но они успѣли захватить испанскій флотъ, шедшій изъ американскихъ колоній съ драгоценными металлами. Опаснѣйшей борьбы должна была ожидать Испанія оттого, что Португалія приступила къ европейскому союзу и въ Вѣнѣ рѣшились отправить на Пиренейскій полуостровъ эрцгерцога Карла, второго сына императора Леопольда, какъ претендента на испанскій престолъ: надѣялись, что въ Испаніи много приверженцевъ габсбургской династіи, много недовольныхъ, желающихъ переменъ вообще, и что при этихъ условіяхъ Филиппъ V легко можетъ быть смѣненъ Карломъ III-мъ. Этотъ Карлъ былъ любимый сынъ императора Леопольда, потому что онъ былъ похожъ на отца, тогда какъ старшій Іосифъ, по несходству характера и стремленій, стоялъ въ отдаленіи отъ отца и даже въ оппозиціи. Благонамѣренный, добросовѣстный, но вялый, неразвитый, осьмнадцатилѣтній Карлъ долженъ былъ отправиться въ отдаленное предпріятіе, на завоеваніе испанскаго престола, окруженнаго партіями, среди которыхъ могъ пробиваться только какой-нибудь посѣдѣвшій въ интригахъ кардиналъ или

придворная дама. Послѣ долгихъ сборовъ и препятствій, только въ мартѣ 1704 года англо-голландскій флотъ привезъ въ устье Таго «католическаго короля не божіею, а еретическою милостію», какъ говорились въ якобинскихъ памфлетахъ въ Англіи. При выходѣ на берегъ, Карлъ получаетъ вѣсть, что невѣста его, принцесса португальская, умерла отъ оспы, и отецъ ея Донъ-Педро впалъ въ глубокую меланхолію. Въ Португаліи не было ничего готово къ войнѣ, войско не получало жалованья, не умѣло владѣть оружіемъ, не хотѣло сражаться; всѣ сколько-нибудь годныя лошади были вывезены въ послѣднее время или въ Испанію или во Францію; народъ не хотѣлъ войны и съ ненавистью смотрѣлъ на еретическіе иноземные полки. Какъ бы то ни было, Португалія была крѣпко завязана въ союзъ торговымъ договоромъ съ Англіею, по которому португальскія вина должны были сбываться въ Британіи, гдѣ съ нихъ брали пошлины третью менѣе противъ французскихъ винъ, за что Португалія обязалась не пропускать къ себѣ никакихъ шерстяныхъ товаровъ кромѣ англійскихъ.

Кромѣ Португаліи союзъ приобрѣлъ еще члена—герцога Савойско-піемонтскаго. Держа въ своихъ рукахъ ключи къ Италіи и Франціи и находясь между владѣніями двухъ могущественныхъ династій, Бурбонской и Габсбургской, герцоги Савойско-піемонтскіе издавна должны были напрягать все свое вниманіе, чтобы сохранить независимость въ борьбѣ сильнѣйшихъ сосѣдей и усиливаться при каждомъ удобномъ случаѣ, пользуясь этою борьбою; поэтому они отличались бережливостію, ибо должны были держать всегда значительное войско, отличались также самою безцеремонною политикою: находясь въ союзѣ съ одною изъ воюющихъ сторонъ, они всегда вели тайные переговоры съ тою, противъ которой должны были воевать. Во время полного могущества Людовика XIV Піемонту приходилось плохо: онъ былъ почти вассальною землею Франціи. Но когда властолюбіе Людовика стало вызывать коалиціи, когда Вильгельмъ Оранскій сдѣлался королемъ англійскимъ, и начала двигаться тяжелая на подъемъ Австрія, положеніе Піемонта облегчилось: Людовикъ XIV началъ заискивать въ его герцогѣ Викторѣ Амедеѣ II и, чтобы привязать послѣдняго къ себѣ, женилъ двоихъ своихъ внуковъ на двухъ его дочеряхъ. Викторъ Амедей, какъ тестъ Филиппа V испанскаго, естественно, долженъ былъ находиться въ союзѣ съ нимъ и съ его дѣдомъ; мало того, при открывшейся войнѣ за испанское наслѣдство, Людовикъ XIV передалъ свату главное начальство надъ соединенными франко-испано-піемонтскими войсками. Но это былъ только одинъ

пустой титулъ: французскіе полководцы, зная піемонтскую политику, смотрѣли на распоряженія Виктора Амедея съ крайнею подозрительностію и вовсе не считали себя обязанными повиноваться ему; также относился къ нему и французскій посланникъ въ Туринѣ. Высокомѣрное обращеніе зятя, короля испанскаго, при личномъ свиданіи съ нимъ, должно было еще болѣе увеличить раздраженіе Виктора Амедея. Жалобы герцога Людовику оставались безъ послѣдствій на дѣлѣ: король отовсюду слышалъ вопли о вѣроломствѣ своего свата, о необходимости безъ церемоніи отдѣлаться отъ невѣрнаго союзника. Уже въ маѣ 1702 года голландскій посланникъ извѣщалъ изъ Вѣны, что императорскіе министры завязали сношенія съ герцогомъ Савойскимъ и въ то же время Викторъ Амедей сдѣлалъ запросъ въ Лондонѣ, будетъ ли англійское правительство помогать ему въ полученіи Милана. Цѣлый годъ тянулись переговоры: Викторъ Амедей все торговался, все выторговывалъ себѣ побольше землицы и приводилъ въ отчаяніе союзниковъ, которые призывали мщеніе неба и презрѣніе человѣчества на безстыднаго, подозрительнаго и жаднаго савояра, а Викторъ Амедей все припрашивалъ землицы, какъ вдругъ, наконецъ, въ сентябрѣ 1703 года онъ былъ потревоженъ въ своей торговлѣ вѣстію, что французы удостовѣрились въ его измѣнѣ. Вандомъ захватилъ многихъ піемонтскихъ генераловъ, обезоружилъ нѣкоторые кавалерійскіе полки и потребовалъ сдачи двухъ крѣпостей, какъ ручательство за вѣрность герцога. Тогда Викторъ Амедей прямо объявилъ себя противъ Франціи и перешелъ къ Великому Союзу, взявши что дали, т. е. Миланскую и Мантуанскую области съ видами на большія вознагражденія въ случаѣ успѣшнаго окончанія войны.

Рѣшительный успѣхъ на сторонѣ союза обнаружился въ 1704 году, когда Марльборо рѣшился соединиться съ принцемъ Евгениемъ въ Баваріи. Слѣдствіемъ этого соединенія была 13 августа блистательная побѣда союзниковъ надъ франко-баварскимъ войскомъ, бывшимъ подъ начальствомъ курфюрста баварскаго и французскихъ генераловъ Тальяра и Марсэна; побѣда эта носитъ двойное названіе: по деревнѣ Бленгеймъ или Блиндгеймъ, гдѣ побѣдили англчане, и по мѣстечку Хохштедтъ, гдѣ побѣдили нѣмцы; союзники заплатили за побѣду 4,500 убитыми и 7,500 ранеными. Французы и баварцы изъ 60.000 войска едва спасли 20,000, маршалъ Тальяръ и до 11,000 войска были взяты въ плѣнъ. Здѣсь рѣзко обнаружился характеръ французовъ: зазорные въ наступленіи, они не выдержливы, скоро теряютъ духъ при неудачѣ и позволяютъ брать себя въ плѣнъ

цѣлыми полками. Вслѣдствіе этого блиндгеймское пораженіе имѣло страшныя послѣдствія для французовъ: несмотря на тяжкія потери, они могли бы еще продержаться въ Баваріи, и курфирстъ Максъ предлагалъ это; но французы съ своимъ генераломъ Марсэномъ совершенно потеряли духъ; бѣгство казалось имъ единственнымъ средствомъ спасенія, и бѣглецы остановились только на лѣвомъ берегу Рейна; такимъ образомъ, вслѣдствіе одного пораженія французы очистили Германію, одно пораженіе сокрушило славу французскаго войска, которое привыкли считать непобѣдимымъ; особенно сильное впечатлѣніе произвела эта сдача въ плѣнъ большими толпами на полѣ сраженія, и насколько упали духомъ французы, настолько поднялись ихъ враги. Побѣдители хотѣли воздвигнуть памятникъ въ честь Блиндгеймской побѣды и написать на немъ: «Да познаетъ наконецъ Людовикъ XIV, что никто прежде смерти не долженъ называться счастливымъ или великимъ». Но Людовикъ, по крайней мѣрѣ, перенесъ свое несчастіе съ достоинствомъ: во всей перепискѣ своей, самой секретной, онъ умѣлъ сохранить ясность и твердость духа, нигдѣ не унизился до безполезныхъ жалобъ, имѣя въ виду одно—какъ бы поскорѣе поправить дѣла. Онъ выражалъ только сожалѣніе о маршалѣ Тальярѣ, сочувствіе его горю о потерѣ сына, павшаго въ гибельной битвѣ; еще болѣе король показывалъ сожалѣнія о своемъ несчастномъ союзникѣ, курфирстѣ баварскомъ; онъ писалъ Марсэну: «Настоящее положеніе курфирста баварскаго озабочиваетъ меня болѣе, чѣмъ моя собственная участь; если бы онъ могъ заключить договоръ съ императоромъ, обезпечивавшій его семейство отъ плѣна и страну отъ опустошенія, то это нисколько бы меня не огорчило; увѣрьте его, что мои чувства къ нему отъ этого не измѣнятся, и я никогда не заключу мира, не озаботившись возвращеніемъ ему всѣхъ его владѣній». Курфирстъ Максъ платилъ Людовику тою же монетою: когда Марльборо уговорилъ принца Евгенія предложить ему возвращеніе всѣхъ его владѣній и ежегодно значительную сумму денегъ, если онъ обратитъ свое оружіе противъ Франціи, то курфирстъ не согласился.

Кампанія, заключившаяся такою блестящею побѣдою, дорого стоила Марльборо; здоровье его сильно пострадало отъ страшнаго напряженія: «Я увѣренъ, писалъ онъ друзьямъ, что при нашемъ свиданіи вы найдете меня постарѣвшимъ десятию годами». Вѣсть о Блиндгеймской побѣдѣ была принята съ восторгомъ въ Англіи и во дворцѣ, и въ толпахъ народныхъ; посреди этого восторга слышались и отзывы враждебной партіи. Предъ побѣдою люди, бывшіе противъ

континентальной войны, громко порицали движеніе Марльборо въ Германію, кричали, что Марльборо превысилъ свою власть, бросилъ безъ защиты Голландію и подвергаетъ англійское войско опасности въ отдаленномъ и опасномъ предпріятіи. Побѣда не заставила умолкнуть порицателей: «мы побѣдили.—безспорно, но побѣда эта кровавая и бесполезная: она истощитъ Англію, а Франціи не причинитъ вреда; у французовъ много взято и побито народу, но для французскаго короля это все равно, что взять ведро воды изъ рѣки». Марльборо отвѣчалъ на это послѣднее сравненіе: «Если эти господа позволяютъ намъ взять еще одно или два такія ведра воды, то рѣка потечетъ покойно и не будетъ грозить сосѣдямъ наводненіемъ». Особенно была враждебна Марльборо та часть партіи тори, которая носила названіе якобитовъ, т.-е. приверженцевъ претендента, Іакова III Стюарта. Понятно, что эти якобиты должны были смотрѣть неблагопріятно на побѣду, унижавшую Францію, ибо только съ помощью Франціи они могли надѣяться на возвращеніе своего короля Іакова III. Досадуя на славу блиндгеймскаго побѣдителя, тори старались противопоставить ему адмирала Рука, котораго подвиги въ Испаніи были болѣе чѣмъ сомнительны: одно можно было выставить въ его пользу—это содѣйствіе ко взятію Гибралтара. Взятіе было облегчено тѣмъ, что испанскій гарнизонъ состоялъ менѣе чѣмъ изъ 100 человекъ. Англичане взяли Гибралтаръ не у Филиппа V въ пользу Карла III-го: они взяли его для себя и удержали навсегда за собою этотъ ключъ къ Средиземному морю.

Отношенія къ англійскимъ партіямъ могли только заставлятъ Марльборо усерднѣе трудиться въ пользу продолженія и успѣшнаго продолженія войны. Самымъ слабымъ мѣстомъ союза была Италія, гдѣ Викторъ Амедей не могъ сопротивляться лучшему французскому генералу, герцогу Вандому, гдѣ Туринъ готовъ былъ сдаться. Отдѣлить въ Италію часть войска, бывшаго подъ начальствомъ Марльборо и принца Евгенія, было нельзя безъ вреда военнымъ дѣйствіямъ въ Германіи; новаго войска отъ императора нельзя было требовать, потому что австрійскія войска были заняты противъ венгерскихъ мятежниковъ. Марльборо смотрѣлъ всюду, гдѣ бы достать войска, и остановился на Бранденбургѣ, котораго курфирстъ Фридрихъ принялъ титулъ короля прусскаго. Марльборо самъ отправился въ Берлинъ: здѣсь были очень польщены учтивостями знаменитаго блиндгеймскаго побѣдителя и дали ему 8,000 войска за англійскія деньги. Въ Венгріи дѣла шли удачно для императора: мятежники, грозившіе сначала Вѣнѣ, потерпѣли сильное пораженіе, но Рагоци все

еще держался. Марльборо очень хотѣлось прекратить эту вредную для союза войну, и опѣ настаивалъ, чтобы императоръ далъ своимъ венгерскимъ подданнымъ полную религіозную свободу; но императоръ, подъ вліяніемъ іезуитовъ, никакъ не хотѣлъ на это согласиться; іезуиты видѣли, что они были въ правѣ бояться союза съ еретиками. Но и Людовикъ XIV, раздувавшій венгерское возстаніе, видѣлъ подобное же явленіе въ собственныхъ владѣніяхъ, гдѣ въ Севенскихъ горахъ возстало протестантское народонаселеніе. Вслѣдствіе гоненій религіозный энтузіазмъ достигъ здѣсь высшей степени: явились пророки, дѣти пророчествовали; правительство усилило гоненія; но гонимые воспользовались войною, выходомъ гарнизоновъ изъ городовъ Лангедока и возстали, начали партизанскую войну; вождями отрядовъ были пророки (*voyants*); важнѣйшее мѣсто получалъ тотъ, кто отличался большею степенью вдохновенія; однимъ изъ главныхъ вождей былъ семнадцатилѣтній мальчикъ, Кавалье, самымъ главнымъ вождемъ былъ молодой человѣкъ 27 лѣтъ, Роланъ, соединявшій съ дикимъ мужествомъ что-то романическое, поражавшее воображеніе. У Ролана скоро набралось 3,000 человѣкъ войска, которые сами себя называли дѣтьми Божиими, а католики называли ихъ камизарами (рубашечниками), по бѣлымъ рубашкамъ, которыя они надѣвали ночью, чтобы узнавать другъ друга *). Пещеры въ горахъ служили имъ крѣпостями и арсеналами; они разрушили всѣ церкви и священническіе дома въ Севенскихъ горахъ, перебили или прогнали священниковъ, овладѣли замками и городами, истребили посланные противъ нихъ отряды войска, собрали подати и десятины. Лангедокскіе чины собрались и положили созвать милицію. Когда въ Парижѣ узнали объ этихъ событіяхъ, то Шамильяръ и Ментенонъ стоворились сначала скрыть ихъ отъ короля; но долго скрывать было нельзя; когда возстаніе распространилось, когда генераль-губернаторъ Лангедока, графъ Брольи, былъ разбитъ камизарами, король послалъ противъ мятежниковъ маршала Монревеля съ 10,000 войска; Монревель разбилъ Ролана и хотѣлъ сначала потушить мятежъ кроткими средствами; но когда камизары перестрѣляли тѣхъ изъ своихъ, которые приняли амністію, то Монревель началъ свирѣпствовать. Католическіе крестьяне также вооружились противъ камизаровъ подъ начальствомъ какого-то пустынника. Эта святая милиція, какъ выра-

*) Такъ обыкновенно объясняютъ; но извѣстно, что сектанты, отличающіеся подобнымъ настроеніемъ духа, любятъ употреблять бѣлыя рубашки въ своихъ собраніяхъ.

жался папа, начала такъ разбойничать противъ своихъ и чужихъ, что Монревели долженъ былъ усмирять ее; камизары не стихали; между ними творились чудеса: одинъ пророкъ для поддержанія вѣры своихъ взонелъ на пылающій костеръ и сошелъ съ него невредимъ. Но 1704 годъ былъ несчастенъ для камизаровъ: Кавалье принужденъ былъ войти въ соглашеніе съ правительствомъ и оставилъ Францію; Розанъ былъ разбитъ и убитъ; послѣ блиндгеймской битвы обширный заговоръ камизаровъ не удался; оставшіеся вожди ихъ были сожжены, перевѣшаны и возстаніе затихло, тѣмъ болѣе, что правительство, занятое страшною войною внѣшнею, смотрѣло сквозь пальцы на протестантскія религіозныя сборища.

Война съ камизарами прекратилась очень кстати въ 1704 году, потому что къ слѣдующему году Людовику XIV нужно было подумать о войнѣ оборонительной. Первые дни 1705 года въ Лондонѣ происходило торжество по случаю пріѣзда Марльборо съ трофеями и знатными плѣнниками. Палата общинъ представила королевѣ адресъ съ просьбою увѣковѣчить славу великихъ заслугъ, оказанныхъ герцогомъ Марльборо. Герцогъ получилъ королевское имѣніе Вудстокъ, гдѣ построили замокъ и назвали его Бленгеймъ. Императоръ далъ Марльборо титулъ князя и также имѣніе въ Швабіи. Одинъ только оксфордскій университетъ, принадлежавшій къ партіи тори, оскорбилъ Марльборо, поставивши его въ своихъ торжественныхъ рѣчахъ и стихахъ совершенно наравнѣ съ адмираломъ Рукмъ.

Марльборо еще въ 1704 году уговорился съ принцемъ Евгеніемъ насчетъ кампаніи 1705 года, уговорился напасть на Францію со стороны Мозеля, гдѣ она была менѣе укрѣплена; раннею весной обѣ арміи должны были начать дѣйствія осадю Сааръ-Люи, при чемъ должны были войти въ сношеніе съ герцогомъ лотарингскимъ, только поневолѣ бывшимъ за Францію. Людовикъ XIV также не терялъ времени, готовился и весной 1705 года могъ писать: «У непріятеля нѣтъ столько пѣхоты, сколько у меня во фландрской, мозельской и рейнской арміяхъ, хотя въ конницѣ онъ почти равенъ со мною». Но, главное преимущество Людовика XIV состояло въ томъ, что онъ могъ распоряжаться своими, относительно многочисленными, войсками, какъ хотѣлъ, тогда какъ Марльборо весной 1705 года тратилъ время въ Гаагѣ, уговаривая нидерландское правительство согласиться на его планъ. Когда онъ, наконецъ, вынудилъ это согласіе и явился съ войскомъ на Мозель, то нашелъ предъ собою большое, достаточно снабженное всѣмъ нужнымъ французское войско подъ предводительствомъ хорошаго генерала-маршала Виллара, тогда какъ у него са-

мого не было знаменитаго товарища блиндгеймской битвы: императоръ перевелъ принца Евгенія въ Италію для поправленія тамошнихъ дѣлъ, и вмѣсто Евгенія Марльборо долженъ былъ имѣть дѣло съ маркграфомъ Людовикомъ Баденскимъ, который не двигался съ мѣста, отговариваясь то болѣзнью, то недостаточнымъ снабженіемъ своихъ войскъ. Вѣсть о смерти императора Леопольда (5 мая н. с.) подала англійскому полководцу надежду, что при энергическомъ преемникѣ его, Іосифѣ I, дѣла пойдутъ живѣе. Какъ мы видѣли, Іосифъ общалъ быть энергическимъ государемъ, когда былъ наслѣдникомъ, когда былъ главою воинственной партіи, главою оппозиціи отцовскому министерству, отцовской системѣ. И дѣйствительно, сначала въ Вѣнѣ было что-то похожее на энергическое дѣйствіе; но скоро потомъ все пошло по-старому, вслѣдствіе чего ни Марльборо на Мозелѣ, ни Евгенийъ въ Италіи не могли ничего сдѣлать въ продолженіе всего 1705 года; только въ Испаніи союзники были счастливы: Барселона сдалась эрцгерцогу Карлу; въ Каталоніи, Валенціи, Аррагоніи его признали королемъ. Въ 1706 году дѣла шли также успѣшно въ Испаніи для союзниковъ: Филиппъ V долженъ былъ оставить Мадридъ. Съ другой стороны, дѣла пошли неудачно для французовъ на сѣверѣ со стороны Нидерландовъ: здѣсь въ маѣ мѣсяцѣ Марльборо поразилъ курфирста баварскаго и маршала Вильруа, при Рومیли, недалеко отъ Лювена, вслѣдствіе чего французы были вытѣснены изъ Бельгіи; наконецъ, они были вытѣснены изъ Италіи; и хотя въ концѣ года дѣла въ Испаніи приняли благопріятный оборотъ для Франціи, благодаря народному возстанію въ пользу Филиппа V изъ ненависти къ еретикамъ, поддерживавшимъ Карла III, однако этотъ успѣхъ не могъ вознаградить за потери въ Италіи и Бельгіи, и Людовикъ XIV началъ думать, какъ бы покончить несчастную войну на счетъ народа, который такъ усердно защищалъ престолъ его внука: онъ предложилъ раздѣлъ испанскихъ владѣній, Испанію и Америку уступать Карлу III, Бельгію—Голландіи, удерживая для Филиппа V только итальянскія владѣнія. Но союзники отвергли предложеніе.

Кампанія 1707-го года началась блистательною побѣдою франко-испанскихъ войскъ надъ союзными (англійскими, голландскими и португальскими), одержанною при Алманцѣ герцогомъ Бервикомъ (побочнымъ сыномъ Іакова II Стюарта). Со стороны Германіи французы также предприняли успѣшное наступательное движеніе и проникли до Дуная; но зато австрійскія войска овладѣли Неаполемъ, а съ другой стороны проникли въ Провансъ, хотя скоро и должны были оставить его. Франція держалась послѣ Хохштедта и Рومیли,

держалась, благодаря сильному правительству; но это правительство истощало послѣднія средства страны. Съ 1700 года число чиновниковъ почти удвоилось, вслѣдствіе усиленнаго созиданія новыхъ должностей на продажу; перелили монету, подняли ея цѣну, но этимъ доставляли только выгоду иностранцамъ; выпускъ неоплачиваемыхъ ассигнацій подрывать кредитъ, а между тѣмъ расходы, простиравшіеся въ 1701 году до 146 милліоновъ, въ 1707 достигли до 258. Начали брать пошлины съ крещенія, браковъ, похоронъ: бѣдные начали сами крестить дѣтей безъ священника, начали вѣнчаться тайкомъ, а между тѣмъ въ замкахъ знатнаго дворянства дѣлали фальшивую монету, и при дворѣ жилось попрежнему роскошно. Знаменитый Вобанъ издалъ въ 1707 году книгу, въ которой предложилъ планъ необходимыхъ финансовыхъ преобразованій. Книга была найдена возмутительною; пятидесятилѣтняя служба человѣка, котораго имя было извѣстно каждому образованному человѣку въ Европѣ, была забыта, и книгу Вобана прибили къ позорному столбу; черезъ шесть недѣль послѣ этой книжной экзекуціи авторъ умеръ, 74 лѣтъ отъ роду. Но главный контролеръ Шамильяръ, не видя никакой возможности вести дѣло при громадныхъ военныхъ издержкахъ, отказался отъ своей должности. Въ бѣдѣ вызвали на его мѣсто племянника Кольбера—Демаре, бывшаго двадцать лѣтъ въ немилости. Поручая Демаре новую должность, король сказалъ ему: «Я буду вамъ благодаренъ, если вы можете найти какое-нибудь средство, и не буду удивленъ, если дѣла будутъ идти день ото дня все хуже и хуже». Демаре отчаянными средствами добылъ денегъ на продолженіе войны, онъ удвоилъ пошлины съ провоза товаровъ сухимъ путемъ и по рѣкамъ, что нанесло рѣшительный ударъ торговлѣ. Деньги, добытыя такимъ образомъ, потрачены были на несчастную кампанію: на сѣверѣ Марльборгъ опять соединился съ Евгениемъ и между обоими полководцами по прежнему господствовало полное согласіе, тогда какъ между французскими полководцами, выставленными противъ нихъ,—внукомъ короля, герцогомъ бургундскимъ и герцогомъ Вандомомъ, господствовало полное несогласіе. Слѣдствіемъ было то, что французы потерпѣли пораженіе на Шельдѣ при Уденардѣ и потеряли главный городъ французской Фландріи, Лилль, укрѣпленный Вобаномъ. Къ этому присоединилось бѣдствіе физическое: въ началѣ 1709 года наступили страшные холода по всей Европѣ, не исключая и южной; море замерзло у береговъ Франціи, почти всѣ плодовые деревья погибли, самые крѣпкіе древесные стволы и камни трескались; суды, театры, конторы запирались, остано-

вились дѣла и удовольствія; бѣдники цѣлыми семьями замерзали въ своихъ избахъ. Холода прекратились въ мартѣ мѣсяцѣ; но знали, что сѣмена вымерзли, жатвы не будетъ и цѣлы на хлѣбъ поднялись. Въ деревняхъ мерли съ голода спокойно; въ городахъ бунтовали и на рынкахъ вывѣшивали бранныя выходки противъ правительства. Смертность удвоилась противъ обыкновенныхъ лѣтъ; потеря скота не вознаградилась и въ пятьдесятъ лѣтъ.

Въ мартѣ 1709 года Людовикъ XIV^е возобновилъ мирное предложеніе: онъ соглашался, чтобы Филиппъ V^е получилъ только Неаполь и Сицилію. Но союзники требовали всей испанской монархіи для Карла III, не соглашались возвратить Лилль и относительно Германіи требовали возвращенія къ вестфальскому миру. Людовикъ XIV^е созвалъ свой совѣтъ; но совѣтники на вопросъ о средствахъ спасенія отвѣчали слезами; Людовикъ согласился на требованія союзниковъ, просилъ одного Неаполя для внука, и съ этими предложеніями тайкомъ отправился въ Голландію самъ министръ иностранныхъ дѣлъ Торсен. Онъ кланялся Гейнзіусу, принцу Евгенію, Марльборо, предлагалъ послѣднему четыре милліона — и все понапрасну: союзники потребовали, чтобы внукъ Людовика XIV^е оставилъ Испанію въ два мѣсяца; а если не исполнить этого до истеченія означеннаго срока, то французскій король и союзники сообща примутъ мѣры для исполненія своего договора; французскія торговля суда не должны показываться въ испанскихъ заморскихъ владѣніяхъ и т. п. Людовикъ отвергъ эти условія и разослалъ губернаторамъ циркуляръ, въ которомъ говорилось: «Я увѣренъ, что мой народъ самъ воспротивится миру на условіяхъ равно противныхъ справедливости и чести имени французскаго». Здѣсь Людовикъ въ первый разъ обратился къ народу и встрѣтилъ въ этомъ разоренномъ и голодномъ народѣ самое живое сочувствіе, дававшее возможность поддерживать честь французскаго имени. Особенно оскорбительны были своею безсмысленностью требованія союзниковъ, чтобы онъ, Людовикъ, приносившій такія жертвы для мира, долженъ былъ продолжать войну для изгнанія своего внука изъ Испаніи, и война была необходима, потому что Филиппъ чувствовалъ себя крѣпкимъ въ Испаніи, благодаря расположенію народнаго большинства и, конечно подъ диктовку энергической жены и энергической гувернантки, писалъ дѣду: „Богъ возложилъ на меня испанскую корону, и я буду сохранять ее, пока одна капля крови останется въ моихъ жилахъ“. Поэтому Людовикъ имѣлъ право говорить: „Лучше же мнѣ вести войну съ своими непріятелями, чѣмъ съ своими дѣтьми“.

Но для спасенія Франціи нужно было продолжать ея разореніе. Въ арміи было достаточно людей, потому что крестьянинъ и горожанинъ, спасаясь отъ голода, шли въ солдаты; но зато, кромѣ людей, ничего уже больше не было въ арміи — ни хлѣба, ни оружія. Французскій солдатъ продавалъ ружье, чтобы не умереть съ голоду; а у союзниковъ всего было въ изобиліи; такимъ образомъ, голодные должны были воевать противъ сытыхъ; сытые наступали, голодные защищались, и защищались хорошо, потому что Марльборо и Евгений купили побѣду при Мальплакѣ потерю болѣе чѣмъ 20,000 народа. Но все же союзники побѣдили, и Людовикъ рѣшился опять просить мира, соглашался на все, лишь бы только не заставляли его еще воевать, и воевать со внукомъ. Въ отвѣтъ союзники потребовали, чтобы Людовикъ взялся одинъ выгнать внука изъ Испаніи. Война продолжалась. Въ 1710 году Марльборо и Евгенийъ опять сдѣлали нѣсколько пріобрѣтеній во французской Фландріи. Людовикъ XIV потребовалъ десятую часть дохода со всѣхъ принадлежащихъ къ податнымъ и неподатнымъ сословіямъ; но вслѣдствіе истощенія страны и недобросовѣстности въ платежѣ казна получила не болѣе 24 милліоновъ. Средства къ кампаніи 1711 года были приготовлены; но годъ начался мирными переговорами, и предложеніе о мирѣ шло, на этотъ разъ, не изъ Франціи. Въ январѣ аббатъ Готье, тайный корреспондентъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ въ Лондонѣ, явился въ Версаль къ Торси съ словами: «Хотите мира? Я привезъ вамъ средство заключить его независимо отъ голландцевъ». — Спрашивать французскаго министра, хочетъ ли онъ мира, это все равно, что спрашивать у больного долгою и опасною болѣзною, хочетъ ли онъ вылѣчиться», отвѣчалъ Торси. Готье имѣлъ порученіе отъ англійскаго министерства предложить французскому правительству, чтобы оно начало переговоры, Англія заставитъ Голландію окончить ихъ.

Мы видѣли, что національная политика Англіи состояла въ невмѣшательствѣ въ дѣла континента, если только не затрогивались торговые интересы Англіи. Эти торговые интересы были затронуты передъ начатіемъ войны за испанское наслѣдство, когда соединеніе Испаніи съ Франціею грозило отнять у Англіи возможность торговать въ обширныхъ и богатыхъ владѣніяхъ испанскихъ. Тутъ мирная партія, т.-е. партія, державшаяся національной политики, должна была умолкнуть, и войну начали. Но эта партія, смолкнувшая на время, поднималась при первомъ удобномъ случаѣ и была увѣрена, что встрѣтитъ сильное сочувствіе въ народѣ, какъ скоро опа-

сенія его относительно своихъ интересовъ разсѣются, ибо народу были противны—трата денегъ на войну, ведущуюся за чужіе интересы, увеличеніе войска и усиленіе его значенія, усиленіе значенія побѣдоноснаго полководца, который возбуждалъ непріятное воспоминаніе о Кромвеляхъ и Монкахъ. Война затянулась надолго, потратили на нее множество денегъ, цѣль была достигнута: страшная до сихъ поръ Франція доведена до послѣдней крайности, доведена до такого изнеможенія, послѣ котораго долго не будетъ въ состояніи оправиться и снова начать грозить англійскимъ торговымъ интересамъ; средствъ у стараго честолюбиваго короля, не дававшаго покоя Европѣ, нѣтъ болѣе и дни его сочтены; родственная связь испанскихъ королей съ французскими не опасна по смерти Людовика XIV и не стоитъ тратить столько денегъ и людей для того, чтобы навязать испанцамъ Карла III вмѣсто Филиппа V-го, лишь бы Гибралтаръ и торговыя выгоды въ Америкѣ остались за Англією; еще страннѣе вести войну за выгоды Голландіи, этой опасной соперницы въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ, тратить англійскую кровь и англійскія деньги для того, чтобъ обезпечить голландскую границу со стороны Франціи. Такимъ образомъ, успѣхи союзныхъ войскъ и явное истощеніе Франціи усилили въ Англіи партію мира, партію тори. Эта партія усиливалась, потому что ея стремленія и взгляды совпадали съ національными стремленіями и взглядами; нѣкоторые люди, понявшіе въ чемъ дѣло, могли выдвинуться, проводя національные стремленія и взгляды, и могли заключить миръ.

Эти люди, соединившіе свои имена съ окончаніемъ войны за испанское наслѣдство, были Гарлей и С.-Джонъ. Робертъ Гарлей въ 1701 году является ораторомъ или президентомъ палаты общинъ, а въ 1704, благодаря дружбѣ съ Марльборо, становится министромъ иностранныхъ дѣлъ. Новый министръ принадлежалъ къ умѣреннымъ тори и отличался искусствомъ лавировать между партіями и вліятельными лицами. Марльборо и его другъ, министръ финансовъ (лордъ-казначей) Годольфинъ, сами непривязанные крѣпкими убѣжденіями ни къ какой партіи, думали, что Гарлей будетъ ихъ покорнымъ слугою; но Гарлей, не привязанный ни къ кому и ни къ чему нравственно, преслѣдовалъ свои цѣли, и требовательность Марльборо и Годольфина, въ которой Гарлей видѣлъ посягновеніе на свою независимость, только раздражала его и заставляла сильнѣе желать избавленія отъ деспотизма друзей покровителей. Королева начала замѣтно охладѣвать къ герцогинѣ Марльборо, и у нея оказалась другая фаворитка, Абигаиль Гилль или, по мужу. Мешемъ, родственница

герцогини Марльборо, которая и пристроила ее ко двору. Гарлей сблизился съ Мешемъ, что, разумѣется, сильно раздражило Марльборо и Годольфина, заставило ихъ высказать свою ревнивость и требовательность, заставило ихъ подозрѣвать Гарлея во влияніи на такіа не-пріятныя для нихъ рѣшенія королевы, въ которыхъ онъ и не участвовалъ. Гарлей клялся, что онъ останется вѣренъ своему постоянному принципу — соединенія умѣренныхъ тори съ умѣренными вигами, такъ чтобы ни одна партія не преобладала рѣшительно; королева держалась того же самаго принципа и потому любила Гарлея, любила его и за то, что онъ являлся ревностнымъ приверженцемъ англиканской церкви. И Марльборо съ Годольфиномъ были вовсе не противъ принципа, выставляемаго Гарлеемъ, если бы Гарлей былъ во всемъ ихъ покорнымъ орудіемъ. Но, подозрѣвая его въ измѣнѣ, они соединились съ вигами для его низверженія; Гарлей долженъ былъ оставить министерство и естественно переходилъ на сторону тори.

Вмѣстѣ съ Гарлеемъ долженъ былъ выйти въ отставку Генрихъ С.-Джонъ, управлявшій военнымъ министерствомъ. Подобно Гарлею, С.-Джонъ считалъ партію только средствомъ играть важную роль въ управленіи страны. Аристократъ по происхожденію, онъ отличался красотою, блестящими способностями и самою разгульною жизнью; у него была необыкновенная память, изумительная быстрота соображенія и столь же изумительная легкость въ устномъ и письменномъ изложеніи мысли; эти способности дѣлали для него возможнымъ, при занятіи важной должности, при серьезныхъ работахъ, отдавать много времени женщинамъ, игрѣ, вину и бесѣдамъ со всѣми литературными знаменитостями времени. Въ самомъ началѣ вѣка, двадцати съ чѣмъ-нибудь лѣтъ, С.-Джонъ явился членомъ палаты общинъ, и такъ какъ большинство талантовъ было на сторонѣ виговъ, то онъ сталъ на сторонѣ тори и сейчасъ же обратилъ на себя вниманіе, какъ первокласный ораторъ. Чтобы выставить свой талантъ во всемъ блескѣ, онъ затрогивалъ нарочно самые трудные вопросы, которыхъ избѣгали другіе ораторы. С.-Джонъ гремѣлъ противъ континентальной войны, противъ бесполезныхъ издержекъ на нее. Но Марльборо понималъ, что эти громы исходятъ не изъ горячихъ убѣжденій и предложилъ ~~громовержцу~~ управленіе военнымъ департаментомъ. С.-Джонъ, получивши такое важное и трудное, особенно тогда, мѣсто, не измѣнилъ своего образа жизни, но удивилъ всѣхъ умѣренностью своихъ рѣчей, онъ явился самымъ ревностнымъ приверженцемъ Годольфина и страстнымъ поклонникомъ Марльборо. Но потомъ, вмѣстѣ съ Гарлеемъ, онъ перешелъ на сторону леди Мешемъ, и тогда долженъ былъ

оставить свое мѣсто, которое перешло къ знаменитому въ послѣдствіи, Роберту Вальполю.

Торжество виговъ не могло быть продолжительно. Королева противъ воли разсталась съ Гарлеемъ, была оскорблена уступкою, которую должна была сдѣлать вигамъ, Годольфину и Марльборо; къ этимъ личнымъ отношеніямъ присоединялся еще интересъ высшій: раздавались вопли, и преимущественно изъ Оксфордскаго университета, объ опасности, которою грозили виги англиканской церкви, а къ этимъ воплямъ Анна, по своимъ убѣжденіямъ, была очень чутка. Самыми сильными выходками противъ принциповъ революціи, которыхъ держались виги, отличался проповѣдникъ Сечьверель, отрицавшій законность сопротивленія какой бы то ни было тиранин. Онъ вооружился противъ диссидентовъ, противъ терпимости относительно кальвинизма, терпимости, которая грозитъ страшною опасностью англиской церкви, не удерживался и отъ намековъ на лица, особенно на Годольфина. Виги забыли тревогу и Сечьверель былъ преданъ суду по опредѣленію палаты общинъ; тори сочли своею обязанностью заступиться за проповѣдника; палата лордовъ незначительнымъ большинствомъ признала его виновнымъ; но когда дѣло дошло до опредѣленія наказанія, то положено было только запретить ему проповѣдывать три года и публично сжечь двѣ послѣднія его проповѣди. Такое легкое наказаніе было пораженіемъ для виговъ, затѣявшихъ дѣло, и торжествомъ для тори, и это торжество еще увеличивалось сочувствіемъ, которое высказывалось къ Сечьверелю: женщины толпами стекались въ церкви, гдѣ онъ служилъ (ибо ему запрещено было только проповѣдывать), его приглашали крестить дѣтей, въ честь его дѣлали иллюминаціи, жгли фейерверки; когда онъ поѣхалъ въ Валлисъ, то по дорогѣ, въ городахъ, дѣлали ему торжественныя встрѣчи (1710).

Королева, руководимая леди Мешемъ, которая, въ свою очередь, была руководима Гарлеемъ, показывала ясно, что не хочетъ болѣе имѣть между своими министрами виговъ: такъ, она уволила сначала самаго рьянаго вига, Сандерленда, управлявшаго иностранными дѣлами, женатаго на дочери Марльборо; тори были въ восторгѣ и говорили Аннѣ: «ваше величество теперь настоящая королева». Виги снесли терпѣливо это пораженіе, что, разумѣется, придало духу ихъ противникамъ, и королева сдѣлала рѣшительный шагъ—уволила Годольфина; Гарлей опять введенъ въ кабинетъ и сдѣланъ лордомъ-казначеемъ, С.-Джонъ получилъ завѣдываніе иностранными дѣлами. Парламентъ былъ распущенъ, и при новыхъ выборахъ въ него тори взяли перевѣсъ.

Новый парламентъ, открывшійся въ ноябрѣ 1710 года, отвергнулъ предложеніе поднести благодарственный адресъ Марльборо за послѣднюю кампанію; изъ министровъ С.-Джонъ былъ не прочь отъ союза съ «великимъ человѣкомъ», какъ величали Марльборо, подъ условіемъ, чтобы герцогъ отсталъ отъ виговъ и сдержалъ ярость своей супруги; но Гарлей не хотѣлъ этого союза. Въ декабрѣ Марльборо пріѣхалъ въ Лондонъ, былъ встрѣченъ горячими привѣтствіями отъ народа, былъ принятъ ласково, но холодно королевою. Анна сказала ему: «желаю, чтобы вы продолжали служить мнѣ, и ручаюсь за поведеніе всѣхъ моихъ министровъ относительно васъ; я должна просить васъ не позволить никакихъ благодарственныхъ адресовъ вамъ въ парламентъ въ нынѣшнемъ году, потому что мои министры будутъ этому противиться». Герцогъ отвѣчалъ: «радъ служить вашему величеству, если недавнія происшествія не отнимутъ у меня возможности къ этому». Анна была не противъ герцога, но противъ герцогини и требовала, чтобы послѣдняя отказалась отъ всѣхъ своихъ придворныхъ должностей; а герцогиня желала, во что бы то ни стало, сохранить ихъ. Въ началѣ 1711 года Марльборо подалъ королевѣ письмо отъ жены, написанное въ самомъ смиренномъ тонѣ; но Анна, прочтя письмо, сказала: «я не могу перемѣнить своего рѣшенія». Бленгеймскій побѣдитель сталъ на колѣняхъ умолять королеву умиловаться; но Анна была неумолима. Самъ герцогъ и послѣ этого остался на службѣ и отправился къ войску на твердую землю; но министерство хлопотало о средствѣ не нуждаться болѣе въ службѣ Марльборо: это средство было заключеніе мира, и Готье отправился въ Парижъ. Скоро новое обстоятельство должно было еще болѣе охладить Англію къ великому союзу: въ апрѣлѣ 1711 года умеръ императоръ Іосифъ I, не оставивъ дѣтей мужского пола, такъ что всѣ его владѣнія переходили къ брату его, Карлу, королю испанскому: нарушеніе политическаго равновѣсія Европы болѣе сильное, чѣмъ занятіе испанскаго престола принцемъ бурбонскаго дома. Гарлей, возведенный въ герцоги оксфордскіе, и С.-Джонъ продолжали мирные переговоры съ Людовикомъ XIV: они отправили для этого во Францію своего друга Пріора, который долженъ былъ объявить, что Англія не будетъ настаивать на отнятіи Испаніи у бурбонскаго дома, и въ сентябрѣ французскій уполномоченный Менаже поднесъ въ Лондонѣ прелиминарныя статьи, послѣ чего дѣло было сообщено голландскому правительству. Штаты были очень недовольны, но должны были согласиться вести и съ своей стороны мирные переговоры, для которыхъ былъ выбранъ городъ Утрехтъ. Еще недо-

вольнѣ была Австрія; были недовольные и въ Англіи, вслѣдствіе чего началась, по обычаю, жестокая война памфлетами, въ прозѣ и стихахъ. Вопросъ о мирѣ былъ соединенъ съ другимъ вопросомъ—о протестантскомъ наслѣдствѣ; виги боялись, что миръ поведетъ къ сближенію съ Франціею, дастъ королевѣ и ея министрамъ возможность дѣйствовать противъ протестантскаго ганноверскаго наслѣдника въ пользу Іакова III Стюарта. Въ декабрѣ 1711 года собрался парламентъ, и начались жаркіе споры. Виги провозгласили, что миръ не можетъ быть безопасенъ и почетенъ для Великобританіи и Европы, если Испанія, съ ея заатлантическими владѣніями, останется за бурбонскою династіею; то же самое утверждали Марльборо. Но противъ Марльборо нашлось страшное средство: онъ былъ обличенъ въ огромныхъ взяткахъ, полученныхъ съ подрядчика на армію, и на этомъ основаніи королева уволила его отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, а чтобы упредить за собою большинство въ верхней палатѣ, Анна воспользовалась правомъ англійскихъ королей и назначила 12 новыхъ лордовъ. Такъ начался 1712 годъ. Испанскій король, Карлъ III, владѣвшій теперь австрійскими землями и избранный императоромъ подъ именемъ Карла VI, отправилъ въ Лондонъ принца Евгенія на помощь вигамъ; но онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно и, проживши понапрасну два мѣсяца въ Лондонѣ, возвратился на твердую землю, чтобы приготовляться къ будущей кампаніи, которую долженъ былъ совершить одинъ, безъ Марльборо. Между тѣмъ въ январѣ открылись конференціи въ Утрехтѣ: онѣ велись на языкѣ побѣжденной Франціи, хотя и было объявлено, что это не должно вести ни къ какимъ послѣдствіямъ, ибо уполномоченные императора должны говорить только по-латыни; но мертвому языку трудно было бороться съ живымъ въ такихъ животрепещущихъ вопросахъ. Во Франціи возрождалась надежда, что страшныя бѣдствія приближаются къ концу: миръ никакъ уже не могъ быть заключенъ на такихъ позорныхъ условіяхъ, какія предлагались прежде. Внутри Франціи произошла перемѣна, также успокоивавшая насчетъ будущаго: дофинъ, отличавшійся совершенно безцвѣтнымъ характеромъ, умеръ; наслѣдникомъ престола былъ провозглашенъ старшій сынъ его Людовикъ, герцогъ бургундскій, воспитанникъ Фенелона, молодой человекъ, строгой нравственности, религіозный, энергическій и даровитый; жена его, Марія-Аделаида Савойская, своею живостью и обворожительнымъ обращеніемъ съ каждымъ приводила въ восторгъ французовъ. Но среди этихъ восторговъ и надеждъ Марія-Аделаида вдругъ занемогла оспою и скончалась двадцати шести лѣтъ; чрезъ

нѣсколько дней послѣдовалъ за нею и дофинъ, заразившійся отъ жены; тою же болѣзною занемогли двое ихъ маленькихъ сыновей, и старшій умеръ. Эти страшные удары, постигшіе королевскій французскій домъ, замедлили мирные переговоры, потому что явилась возможность Филиппу V испанскому занять французскій престолъ, и Англія начала требовать гарантіи, чтобы этого никогда не было. Филиппъ V отрекся навсегда отъ французской короны. Англія требовала, чтобы отреченіе Филиппа было скрѣплено государственными чинами Франціи; но Людовикъ XIV не могъ слышать о государственныхъ чинахъ и отвѣчалъ: «значеніе, какое иностранцы приписываютъ чинамъ, неизвѣстно во Франціи». Онъ обѣщалъ только принять отреченіе Филиппа, велѣлъ его обнародовать и внести въ протоколы парламентовъ. Между тѣмъ въ маѣ открылись военные дѣйствія, и французы взяли верхъ, потому что англійскія войска отдѣлились отъ нѣмецкихъ и голландскихъ. С.-Джонъ, теперь уже носившій титулъ виконта Болинброка, пріѣхалъ во Францію для ускоренія мирныхъ переговоровъ. Но не ранѣе апрѣля 1713 года былъ заключенъ миръ между Франціею, съ одной стороны, Англіею, Голландіею, Португаліею, Савойею и Пруссіею (отдѣльно отъ Германіи)—съ другой: Франція уступила Англіи въ Америкѣ земли Гудзонова залива, островъ Ньюфаундлендъ, полуостровъ Акадію и право торговать неграми въ испанскихъ колоніяхъ (*assiento*); въ Европѣ она потерпѣла значительныя потери во Фландріи и должна была срыть укрѣпленія Дюнкирхена. Виктору Амедею Франція возвратила Савойю и Ниццу. Австрія продолжала войну и въ 1713 году, но успѣшныя дѣйствія маршала Виллара, послѣдняго изъ искусныхъ генераловъ Людовика XIV (ибо Вандомъ умеръ незадолго предъ тѣмъ), показали ей невозможность одной вести войну даже и съ истощенною Франціею. Императоръ уполномочилъ принца Евгенія начать переговоры съ Вилларомъ въ Раштадтѣ. Карлъ VI отказался отъ испанскаго престола въ пользу Филиппа V; но Испанія все же была подѣлена: Австрія получила испанскіе Нидерланды, что считали необходимымъ для обезпеченія Голландіи со стороны Франціи, получила также испанскія владѣнія въ Италіи, кромѣ острова Сициліи, который получилъ Викторъ Амедей савойскій, принявшій, вслѣдствіе этого, титулъ короля сицилійскаго; курфиреты баварскій и кѣльнскій получили обратно свои владѣнія.

Такъ кончилась знаменитая война за испанское наслѣдство, т.-е. война Великаго европейскаго союза противъ Франціи, стремившейся къ преобладанію. Могущество Людовика XIV было сломлено, какъ

было сломлено прежде могущество Карла V-го и Фердинанда II-го. Но сокрушеніе могущества обоихъ названныхъ Габсбурговъ имѣло слѣдствіемъ усиленіе Франціи, тогда какъ послѣ войны за испанское наслѣдство мы не видимъ въ западной Европѣ ни одного государства, которое было бы сильнѣе всѣхъ другихъ и могло бы представлять опасность для ея свободы. Франція была унижена и страшно истощена, бургундская династія осталась въ Испаніи, и не было недостатка въ людяхъ, которые, расхваливая Людовика XIV какъ великаго короля, указывали, что, какъ бы то ни было, онъ умѣлъ достигнуть своей цѣли—посадить и удержать внука на испанскомъ престолѣ. Но мы видимъ, что, во-первыхъ, Людовикъ нисколько не былъ виноватъ въ этомъ успѣхѣ, и, во-вторыхъ, Франція ничего отъ этого не выпрывала. Австрія, повидимому, получила богатую добычу, но эта добыча, увеличившая національную пестроту монархіи Габсбурговъ, разумѣется нисколько не прибавила ей силы, а блескъ побѣдъ иностраннаго полководца Евгенія Савойскаго далъ только мгновенную славу, ибо, по смерти Евгенія, австрійскія войска обратились къ старой привычкѣ—«битыми быть», по выраженію Суворова. Еще болѣе, благодаря Марльборо, выдвинулась Англія; но могущество этой державы было одностороннее; по своему островному положенію она не могла и не хотѣла принимать дѣятельнаго участія въ дѣлахъ континента, не могла въ отношеніи къ нему играть роль Франціи. При заключеніи Утрехтскаго мира былъ поданъ первый примѣръ раздѣла государства во имя политическаго равновѣсія Европы: проектъ Вильгельма III былъ приведенъ въ исполненіе,—Испанія подѣлена. Что же касается до неожиданнаго окончанія войны, то мы уже видѣли, что его нельзя приписывать ни разрыву королевы Анны съ Марльборо, ни интригамъ Оксфорда и Болинброка. Война кончилась, потому что не было болѣе причинъ вести ее: Франція не представляла болѣе опасности, а вести войну для того, чтобы Испанію силою привести не только подъ власть одной династіи, но и одного государства съ Австріею, не имѣло смысла.

Несмотря на эту естественность и необходимость мира, онъ сталъ, благодаря борьбѣ партій, предметомъ злыхъ нареканій въ Англіи. Это нареканіе шло отъ виговъ, потому что миръ былъ заключенъ торіями. Раздраженіе по вопросу о прекращеніи или продолженіи войны за испанское наслѣдство усиливалось тѣмъ, что въ связи съ этимъ вопросомъ, какъ уже было сказано, находился другой важнѣйшій вопросъ объ англійскомъ наслѣдствѣ,— вопросъ о томъ, кто будетъ преемникомъ Анны, близкая смерть которой была несомнѣн-

на. Мы видѣли, что было утверждено протестантское наслѣдство, т. е., въ случаѣ смерти бездѣтной Анны, престолъ переходилъ къ курфирсту ганноверскому, потомку Елизаветы пфальцской, дочери Іакова I Стюарта; но, несмотря на это постановленіе, и кромѣ католиковъ было много людей, которые были противъ такого престолонаслѣдія. Постановленіе о ганноверскомъ наслѣдствѣ было дѣломъ, слѣдствіемъ революціи, а мы знаемъ, какъ враждебно англичане относились къ революціи, какъ боялись нарушеніемъ установленнаго порядка—законнаго преемства—подвергнуть страну новымъ смутамъ и переменамъ. Удаленіе Стюартовъ являлось только необходимостью для охраненія національной церкви, для избѣжанія папскаго ига. Но неужели при вступленіи на престолъ сына Іакова II нельзя получить достаточныхъ гарантій въ пользу національной церкви? А если можно, то для чего нарушать законное преемство, подвергать страну смутамъ, служить революціи? Сюда присоединялся страхъ снова получить короля-иностранца, чужого человѣка для Англіи, нѣмецкаго владѣльца, который будетъ непремѣнно втягивать Англію въ континентальныя дѣла. Характеръ Вильгельма III и его холодныя отношенія къ Англіи и англичанамъ, его постоянное обращеніе вниманія на голландскіе интересы, разумѣется, не могли помирить англичанъ съ мыслью о подобномъ же чужомъ королѣ. Другіе стояли твердо за протестантское наслѣдство: они не хотѣли слышать о Стюартахъ не потому только, что Стюарты, какъ католики, грозили національной церкви, но и потому, что Стюарты постоянно грозили англійской конституціи; король-иностранецъ былъ имъ менѣе опасенъ именно потому, что не могъ сближаться съ англичанами, приобретать расположеніе многихъ; народное удаленіе и холодность къ иностранцу для ревнителей свободы служили лучшими гарантіями противъ усиленія королевской власти. Такъ устанавливались взгляды на будущее Англіи, въ двухъ противоположныхъ лагеряхъ. Но было много людей, которые находились въ серединѣ, которые или не были способны къ рѣшенію подобныхъ вопросовъ и оставались равнодушны къ нимъ, будучи готовы пристать къ той сторонѣ, на которой будетъ успѣхъ, или не могли успокоиться на томъ или другомъ рѣшеніи. Къ числу такихъ людей могли принадлежать въ Англіи описываемаго времени люди самые видные, даровитые. Чтобы быть рѣшительнымъ приверженцемъ ганноверскаго наслѣдства или Стюартовъ, нужно было человѣку имѣть сильное чувство, сильную привязанность къ одному и сильную вражду къ другому. Только такое чувство могло заставить рѣшительнаго вига отрицать въ Стюартахъ всякую способность къ уступкѣ національнымъ

требованіямъ, видѣтъ въ сынѣ Іакова II непримиримаго врага парламентской формы и англиканской церкви; такое же сильное чувство привязанности и вражды могло заставить человека изъ противоположнаго лагеря рѣшительно дѣйствовать противъ ганноверскаго курфирста въ пользу Іакова III. Но люди, которые спокойно относились къ дѣлу, не могли рѣшить для себя вопросъ о томъ, при комъ будетъ лучше Англіи, при королѣ изъ Стюартовъ или изъ ганноверскаго дома, и рѣшали его по личнымъ отношеніямъ, разсчитывали, при комъ будетъ лучше для нихъ самихъ; нѣкоторые же, видя, что при положеніи партій и массы народонаселенія нѣтъ возможности рѣшить, на чьей сторонѣ будетъ успѣхъ, старались, для соблюденія своихъ интересовъ, войти въ соглашеніе съ обѣими сторонами, заискивали и въ Ганноверѣ, и у претендента, Іакова III. Они могли думать, что обязаны служить Англіи, не обращая большого вниманія на лица, которыя будутъ въ ней царствовать, ибо права этихъ лицъ не выяснены. Это неуясненіе правъ производило смуту, колебаніе, шатаніе, перелетство, какое было у насъ въ Россіи въ смутное время, когда не знали, кто былъ правъ: царь ли Василій Шуйскій, неизвѣстно какимъ образомъ вступившій на престолъ, или тотъ, кто называлъ себя царемъ Димитріемъ, и потому нѣкоторые считали себя въ правѣ перелетать изъ Москвы въ Тушино и обратно, смотря по тому, гдѣ лучше. Къ англійскимъ перелетамъ описываемаго времени принадлежалъ и знаменитый Марльборо, постоянно тяготившійся вопросомъ о престолонаслѣдствѣ и борьбою партій, мѣшавшею ему дѣйствовать. Въ 1713 году онъ писалъ курфирсту ганноверскому о своей готовности жертвовать имѣніемъ и жизнью на службѣ ему и въ томъ же году увѣрялъ агента Іакова III, что скорѣе отрубитъ себѣ руки, чѣмъ сдѣлаетъ что-нибудь противъ королевскаго дѣла.

Виги вопили противъ Утрехтскаго мира, потому что онъ сближалъ Англію съ Франціею, поправлялъ дѣла Людовика XIV, представителя неограниченной монархіи, покровителя Стюартовъ, которые съ его помощью хотѣли уничтожить парламентскую форму и ввести католицизмъ въ Англіи. Виги вопили противъ главы министерства, лорда-казначея Оксфорда и министра иностранныхъ дѣлъ, Болинброка, какъ виновниковъ постыднаго мира. Миръ не былъ постыденъ; Оксфордъ и Болинброкъ не были измѣнниками, не продали ни чести, ни выгоды Англіи; но противъ нихъ легко было кричать, легко обвинять во всемъ, потому что оба не пользовались чистою репутаціей, никто не могъ назвать ихъ честными, крѣпкими въ своихъ убѣжденіяхъ людьми. За Оксфордомъ нельзя было признать и отличныхъ способ-

ностей, это былъ человѣкъ, тратившійся на мелкія средства, мелкія интриги, совершенно отдавшійся злобѣ дня, хотѣвшій плыть по вѣтру, ждать, чѣмъ разрѣшится смута, имѣвшій въ виду одно, чтобы, при какомъ бы то ни было рѣшеніи, не потерять своихъ выгодъ, поэтому неспособный ни къ какому рѣшительному дѣйствію, когда, по его мнѣнію, было еще рано дѣйствовать, отдѣлывавшійся отъ нетерпѣливыхъ людей словами: «не беспокойтесь, все пойдеть хорошо», заслужившій даже отъ друзей своихъ названіе величайшаго кормителя завтраками въ мірѣ. У Болинброка никто не могъ отнять блестящихъ способностей, но никто не могъ назвать его человѣкомъ нравственнымъ. Этотъ ревностный теперь тори отличался вольнодумствомъ, отвергая въ жизни нравственныя начала, какъ въ сочиненіяхъ своихъ старался подкопаться подъ основу нравственности — христіанство. Онъ хотѣлъ быть Алкивиадомъ новаго времени, человѣкомъ удовольствій и человѣкомъ труда въ одно и то же время; проводилъ одну ночь въ самомъ сильномъ разгулѣ, а слѣдующую проводилъ за изготовленіемъ дипломатической бумаги, отъ которой зависѣла судьба Европы; то говорилъ громоносную рѣчь въ парламентѣ, то нашептывалъ нѣжности какой-нибудь красавицѣ. Но среди такого ревностнаго служенія двумъ господамъ онъ терялъ всякое достоинство, всякую правду, всякое соотвѣтствіе между словомъ и дѣломъ своимъ. Виги имѣли право предполагать, что Оксфордъ и Болинброкъ ведутъ интригу въ пользу Стюартовъ, и Утрехтскій миръ служить имъ для этого мостомъ. Дѣйствительно, еще въ 1710 году Оксфордъ сносился съ маршаломъ Бервикомъ, побочнымъ братомъ претендента, насчетъ возстановленія Стюартовъ съ гарантіями для англійской церкви и свободы. Но это было только на всякій случай: Оксфордъ не имѣлъ ничего и противъ ганноверскаго курфирета въ случаѣ успѣха, только въ успѣхѣ онъ не былъ увѣренъ и потому дожидался, не желая содѣйствовать успѣху той или другой стороны, изъ страха рисковать. Болинброкъ, отличаясь другимъ характеромъ, неутомимною дѣятельностью, хотѣлъ быть во главѣ движенія въ пользу одной изъ сторонъ и выбралъ Стюартовъ; при этомъ онъ вовсе не руководился обычнымъ побужденіемъ, заставлявшимъ другихъ англичанъ дѣйствовать въ пользу Іакова III: преданностью къ законной династіи, уваженіемъ къ божественному праву; онъ вовсе не имѣлъ этихъ побужденій, но зато вовсе не имѣлъ и тѣхъ побужденій, которыя заставляли другихъ требовать ганноверскаго курфирста, не имѣлъ горячей преданности политическимъ правамъ англійскаго народа и протестантскому исповѣданію Болинброкъ руководился своими опредѣлившимися уже отношеніями

къ партіямъ, своею привязанностью къ Франціи, расчетомъ, что партія Стюартовъ сильнѣе ганноверской. Въ 1713 году одинъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ послѣдней говорилъ ганноверскому посланнику: «большая часть провинціального дворянства скороѣ противъ насъ, чѣмъ за насъ, и если дѣла пойдутъ все такъ же, какъ теперь, то курфирстъ не получитъ англійской короны, развѣ явится съ войскомъ». На площадяхъ народъ съ громкими криками одобренія жегъ вмѣстѣ фигуры дьявола, папы и претендента (Іакова III), и между тѣмъ большинство народныхъ представителей въ палатѣ общинъ вовсе не было за ганноверскую династію, которая считала болѣе приверженцевъ въ палатѣ лордовъ. Это послѣднее обстоятельство также объясняетъ поведеніе Болинброка, который въ самомъ началѣ сталъ на сторонѣ тори, желая быть здѣсь на первомъ планѣ, тогда какъ между вигами онъ долженъ былъ со многими считаться. Если бы Іаковъ III былъ способенъ послѣдовать примѣру Генриха IV французскаго — перемѣнить вѣру, то успѣхъ его былъ бы несомнѣненъ. Въ началѣ 1714 года Оксфордъ далъ знать претенденту, что если онъ хочетъ обезпечить себѣ англійскій тронъ, то долженъ скрыть, что исповѣдуетъ католицизмъ, или торжественно приступить къ англиканской церкви; но пока онъ будетъ оставаться католикомъ, королева ничего не можетъ для него сдѣлать. Болинброкъ выразился въ томъ же смыслѣ; онъ говорилъ, что если курфирстъ ганноверскій вступитъ когда-нибудь на англійскій престолъ, то виноватъ въ этомъ будетъ претендентъ, отказавшійся отъ поступка, совершенно необходимаго для привлеченія сердецъ народа и отстраненія всѣхъ опасеній. Даже вожди католической партіи въ Англіи совѣтовали претенденту то же самое. Но Іаковъ, какъ писалъ въ манифестѣ своимъ приверженцамъ, не хотѣлъ ни притворяться, ни перемѣнять вѣры.

Это рѣшеніе должно было имѣть вліяніе на разрывъ между главами англійскаго министерства. Не надѣясь на вѣрный успѣхъ дѣла Іакова, когда послѣдній оставался католикомъ, Оксфордъ продолжалъ находиться въ выжидательномъ положеніи, а Болинброкъ хотѣлъ дѣйствовать и, видя, что отъ лорда-казначея нельзя ничего добиться въ пользу своего дѣла, рѣшился вытѣснить его изъ министерства. Онъ сдѣлалъ это посредствомъ придворной интриги, которую вела та же леди Мешемъ; претендентъ далъ знать королевѣ о своемъ желаніи, чтобы лордъ-казначей былъ удаленъ, и въ концѣ іюля 1714 года Оксфордъ вышелъ изъ министерства. Вся власть перешла теперь въ руки Болинброка, который поспѣшилъ заняться составленіемъ министерства изъ рѣшительныхъ якобитовъ, т.-е. приверженцевъ претен-

дента, Иакова III. Но эти приготовленія къ торжеству Стюартовъ были вдругъ остановлены тяжкою болѣзною и смертію королевы Анны, послѣдовавшею 1 августа 1714 года. Болинброкъ былъ пораженъ этою нечаянностью, а съ нимъ и всѣ сочувствующіе Иакову III; ихъ было много, но у нихъ былъ одинъ вождь, Болинброкъ, который долженъ былъ дѣйствовать за всѣхъ; въ этомъ состояла слабость партіи, тогда какъ вожди виговъ хотя и не могли соперничать въ блескѣ талантовъ съ Болинброкомъ, но ихъ было нѣсколько, и, при умѣнны дѣйствовать дружно въ опасное время, ихъ успѣхъ былъ обезпеченъ. Болинброкъ не считалъ возможнымъ провозгласить Иакова III въ минуту смерти Анны, а виги провозгласили Георга I ганноверскаго, и это провозглашеніе было съ восторгомъ принято народомъ, быть можетъ потому только, что было единственное. Новый король назначилъ людей, которые должны были управлять Англіею до его пріѣзда, и между этими именами не было герцога Марльборо. Георгъ I былъ хорошій человѣкъ, но не имѣлъ никакихъ сколько-нибудь выдающихся способностей; у него не было никакой представительности; дикій, угловатый, некрасивый, онъ производилъ непріятное впечатлѣніе на толпу; люди образованные отталкивались его необразованностью, совершеннымъ равнодушіемъ къ наукѣ и искусству; люди государственные жаловались на его упрямство и узкость взгляда; на англійскомъ престолѣ онъ остался небольшимъ нѣмецкимъ владѣльцемъ—и немудрено: ему уже было 54 года, когда онъ сдѣлался англійскимъ королемъ; онъ уже окрѣпъ въ нѣмецкихъ привычкахъ и не зналъ ни слова по-англійски. Эти обстоятельства еще болѣе усиливали его неловкость и нерасположеніе къ нему англичанъ. Какъ обыкновенно бываетъ съ людьми въ родѣ Георга I, онъ боялся умныхъ и знающихъ людей, окружалъ себя людьми мелкихъ способностей, среди которыхъ ему было свободно, которые не стѣсняли его своимъ превосходствомъ.

Георгъ, естественно, составилъ свой кабинетъ изъ виговъ, и первымъ министромъ считался лордъ Тауншендъ, человѣкъ честный, но незначительныхъ способностей. Съ Марльборо обходились очень почтительно, онъ носилъ титулъ генераль-капитана, т.-е. главнаго начальника всей британской арміи, но не имѣлъ никакого значенія въ управленіи; даже мѣста въ войскѣ онъ долженъ былъ выпрашивать черезъ другихъ, при чемъ прибавлялъ: «не говорите, что это для меня, ибо когда я прошу, то навѣрно мнѣ откажутъ». И генераль-капитанъ британской арміи продолжаетъ сноситься съ претендентомъ, посылаетъ ему деньги. Кавалеръ св. Георгія, какъ обыкновенно называли претендента, узнавъ о смерти сестры, поспѣшилъ было прі-

ѣхать изъ Лотарингіи въ Версаль, но здѣсь получилъ вѣжливое внушеніе оставить французскіе предѣлы. Скоро, впрочемъ, изъ Англіи начали приходить благопріятныя для него вѣсти. Торжествующіе виги не хотѣли оставить въ покоѣ своихъ противниковъ, требовали суда и наказанія дурнымъ совѣтникамъ покойной королевы. Болинброкъ убѣждалъ изъ Англіи къ претенденту и сталъ его министромъ. Оксфордъ былъ заключенъ въ крѣпость. Это преслѣдованіе заставило тори защищаться; въ разныхъ мѣстахъ вспыхнули возстанія. Изъ Шотландіи претендентъ получилъ горячія приглашенія пріѣхать; англійскіе друзья писали ему, что у нихъ изъ десяти человѣкъ девять противъ короля Георга, но для начатія дѣла въ пользу короля Іакова требовали, чтобы Франція прислала имъ три или четыре тысячи войска, денегъ, оружія. Министры Людовика XIV' отвѣчали, что не могутъ нарушить мира съ Англіею отправленіемъ войска противъ существующаго въ ней правительства, но дадутъ тайную помощь деньгами, оружіемъ; Людовикъ, не имѣя самъ денегъ, заставилъ мадридскій дворъ дать претенденту 1,200,000 франковъ, спарядилъ корабль, собралъ офицеровъ, приготовилъ оружія на 10,000 человѣкъ. Такая помощь не могла остаться тайною, и дѣло шло къ открытой войнѣ между Англіею и Франціею. Понятно, что Людовику хотѣлось блестящимъ дѣломъ возстановленія Стюартовъ, которые, разумѣется, должны были чѣмъ-нибудь вознаградить его за помощь, смыть безчестіе послѣдней войны; но эта новая война была ли по силамъ Франціи? Въ 1715 году во Франціи не было уже болѣе ни общественнаго, ни частнаго кредита: имѣя нужду въ 8 милліонахъ, правительство должно было выдать за нихъ 32 милліона билетовъ; ростовщики царствовали; въ народѣ и войскѣ вспыхивали мятежи изъ-за хлѣба; фабрики или были заперты, или едва шли; города были наполнены нищими, деревни опустѣли, поля оставались необработанными по недостатку земледѣльческихъ орудій, удобренія, скота, дома разваливались. Къ этимъ общимъ матеріальнымъ бѣдствіямъ для протестантовъ присоединились еще гоненія. Во время войны имъ дали нѣкоторый отдыхъ; съ заключеніемъ мира преслѣдованія возобновились: на третій день опасной болѣзни медикъ долженъ былъ отказываться лѣчить, если ему не представляли свидѣтельствъ духовника, что больной исполнилъ христіанскія обязанности по уставу католической церкви. Въ мартѣ 1715 года король объявилъ, что такъ какъ нѣтъ болѣе протестантовъ во Франціи, то человѣкъ, умершій безъ таинствъ церковныхъ, этимъ самымъ доказалъ, что онъ впалъ снова въ ересь и потому не можетъ быть удостоенъ христіанскаго погребенія.

бенія, точно такъ же какъ человѣкъ, не обвинявшійся въ церкви, вовсе не вступалъ въ бракъ, и потому дѣти его незаконны. Янсенистовъ также не оставили въ покоѣ: знаменитый Поръ-рояль былъ разрушенъ, покойниковъ вырыли изъ могилъ и снесли на деревенское кладбище. Людовикъ XIV требовалъ у папы осужденія книги Кенеля, вождя янсенистовъ послѣ Арно; книга носила заглавіе: «Нравственныя размышленія о новомъ завѣтѣ». Папа осудилъ книгу въ знаменитой буллѣ: Unigenitus *), осудилъ, т.-е. іезуиты осудили сто одно положеніе, извлеченное изъ книги Кенеля; между прочимъ, осуждено было, напримѣръ, такое положеніе: «нѣтъ Бога, нѣтъ религіи тамъ, гдѣ нѣтъ любви». Или: «чтеніе св. писанія доступно для всѣхъ; христіане должны освящать воскресный день чтеніемъ св. писанія; опасно лишать ихъ этого». Или: «страхъ предъ несправедливымъ отлученіемъ отъ церкви не долженъ мѣшать намъ исполнять свои обязанности». Пятнадцать французскихъ епископовъ протестовали противъ буллы, за нихъ стояли главные монашескіе ордена, ученые Сорбонны, парижское духовенство, и въ этой оппозиціи обнаруживался духъ національной, галликанской церкви. На этотъ разъ одряхлѣвшій король, находившійся подъ вліяніемъ духовника, іезуита Летелье, сталъ за папу, и только смерть помѣшала ему употребить насильственные мѣры даже противъ архіепископа парижскаго, кардинала Ноая.

Людовикъ пережилъ свою славу, потому что пережилъ людей, составившихъ славу его царствованія. 25 августа онъ почувствовалъ себя дурно; торжественно простился съ приближенными, спокойно распорядился тѣмъ, что надобно было сдѣлать послѣ его смерти, причемъ нѣсколько разъ вырывались у него слова: «въ то время, какъ я былъ королемъ...» Что онъ не былъ болѣе королемъ, это доказывало удаленіе отъ него людей самыхъ близкихъ, въ томъ числѣ и Ментенонъ. 1 сентября умеръ Людовикъ XIV, семидесяти семи лѣтъ, послѣ семидесятидвухлѣтняго царствованія и пятидесятичетырехлѣтняго самостоятельнаго управленія.

Почти въ одно время умерли, послѣ продолжительнаго царствованія, блестящій Людовикъ XIV во Франціи и, послѣ кратковременнаго царствованія, незначительная Анна въ Англіи. Мы видѣли борьбу Франціи и Англіи въ эти царствованія; теперь взглянемъ на другого рода отношенія между ними, проистекшія изъ развитія ихъ внутренней жизни, и рассмотримъ, какое вліяніе эти отношенія имѣли на общую историческую жизнь Европы.

*) Папскія буллы обыкновенно называются по начальному своему слову

IV

Умственное движеніе въ Англіи въ первую половину XVIII вѣка.

Борьба партій. — Политическое краснорѣчіе и литература. — Свифтъ. — Памфлеты. — Взаимное вліяніе Англіи и Франціи. — Локкъ. — Шефтсбюри и компанія. — Трактатъ Боллпброка *Объ изученіи исторіи*. — Поппъ. — Состояніе духовенства. — Методизмъ.

Мы видѣли, въ какомъ тяжеломъ состояніи находилось англійское общество предъ вступленіемъ на престолъ Ганноверской династіи. Одни изъ страха за національную церковь и за свободу Англіи, другіе изъ страха только за церковь, третьи изъ страха только за свободу — рѣшились, скрѣпя сердце, призвать на престолъ иностранца. Понятно, что при этомъ они постарались принять всѣ мѣры, обезпечивавшія насчетъ невыгодъ этого явленія. Было постановлено, чтобы будущій король непременно принадлежалъ къ англиканской церкви; что англійскій народъ, безъ согласія парламента, не можетъ быть вовлеченъ въ войну для защиты владѣнія, не принадлежащаго англійской коронѣ; никто, родившійся не въ трехъ соединенныхъ королевствахъ или во владѣніяхъ, къ нимъ принадлежащихъ, не можетъ быть членомъ тайнаго совѣта при королѣ, или членомъ той или другой палаты парламента, или занимать какое-нибудь важное мѣсто, военное или гражданское, не можетъ получить отъ короны земель во владѣніе или пользованіе. Было постановлено также, что человѣкъ, занимающій какое-нибудь коронное мѣсто или получающій пенсію отъ короны, не можетъ быть членомъ палаты общинъ; но это постановленіе скоро было отмѣнено. Важныя гарантіи для англичанъ съ восшествіемъ Ганноверской династіи заключались въ двухъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, въ этомъ самомъ иноземствѣ Георга I и даже преемника его Георга II, — иноземствѣ, которое связывало короля, дѣлая его чужимъ, одинокимъ въ народѣ, не давая ему возможности пріобрѣсть популярность; второе обстоятельство заключалось въ

личности королей новой династии: по своей невидности во всехъ отношеніяхъ эти короли не могли препятствовать развитію англійской конституціи. Мы знаемъ, что шотландское происхожденіе Стюартовъ имѣло сильное вліяніе на ихъ отношенія къ англійскимъ подданнымъ *); но шотландцы Стюарты не считались иностранцами и могли казаться своими. Въ описываемое время, когда Стюарты лишились навсегда англійской короны за вѣрность ихъ своему шотландскому характеру, своему шотландскому прошедшему, былъ нанесенъ рѣшительный ударъ политическому и національному различію между англичанами и шотландцами сліяніемъ обоихъ королевствъ, послѣдовавшимъ въ царствованіе Анны: парламенты обоихъ странъ слились, т.-е. шотландскій парламентъ потонулъ въ англійскомъ.

Во время заключенія Утрехтскаго мира народонаселеніе Англіи не могло быть больше пяти милліоновъ, въ Шотландіи не могло быть больше одного милліона, въ Ирландіи двухъ. Національный долгъ при восшествіи на престолъ Анны простирался до 16.000,000 фунтовъ стерлинговъ; въ 1714 году онъ выросъ до 52 милліоновъ; война за испанское наслѣдство стоила Англіи 69 милліоновъ. Эти расходы, увеличеніемъ національнаго долга, разумѣется, давали возможность всего сильнѣе и доказательнѣе вооружиться противъ войны: «высокіе союзники разорили насъ», писали они. Виги, разумѣется, должны были утверждать противное. Такъ, въ 1716 году Стивгопъ, министръ Георга I, говорилъ аббату Дюбуа: «какъ ни великъ нашъ національный долгъ, онъ безъ сомнѣнія, будетъ все болѣе и болѣе увеличиваться и, повѣрьте мнѣ, онъ не причинитъ и впослѣдствіи большаго затрудненія для правительства и большаго неудобства для народа, какъ не причиняетъ теперь».

Борьба партій по поводу самыхъ важныхъ вопросовъ должна была вызвать политическую литературу. Лучшіе литературные таланты участвуютъ въ борьбѣ, поддерживая ту или другую изъ господствующихъ партій. Вслѣдствіе сильнаго политическаго движенія, вслѣдствіе участія народа въ правленіи страны чрезъ выборы своихъ представителей въ парламентъ оказывалось необходимымъ дѣйствовать на избирателей и избранныхъ посредствомъ убѣжденія. Поэтому въ Англіи ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, государственные люди поняли, что авторскій талантъ есть могущество, и посигнѣли сблизиться съ обладателями этого таланта и пользоваться ими для проведенія своихъ началъ. Изложеніе рѣчей, произносимыхъ въ парламентѣ, было почти

* См. объ этомъ выше, стр. 169.

неизвѣстно въ описываемое время: ежедневныя газеты не сообщали ихъ; такимъ образомъ, парламентскія рѣчи Болинброка, о которыхъ современники не могли говорить безъ восторга, не дошли до потомства. Лица, не принадлежавшія къ членамъ парламента, гораздо чаще исключались изъ засѣданій, чѣмъ теперь; вопросы внѣшней политики всего чаще обсуждались при закрытыхъ дверяхъ. Въ 1714 году палата общинъ распорядилась, чтобы въ извѣстное засѣданіе въ ней не присутствовалъ никто кромѣ депутатовъ, даже не исключая и перовъ. Раздосадованные перы хотѣли было распорядиться у себя такимъ же образомъ, чтобы не было никого чужихъ, не исключая и депутатовъ, но одинъ изъ лордовъ остановилъ рѣшеніе, сказавши: «Честь нашего знаменитаго собранія требуетъ показать, что мы лучше воспитаны и больше учтивы, чѣмъ депутаты». Извѣстія о подачѣ голосовъ также не публиковались. Однажды палата общинъ объявила что обнародованіе именъ членовъ меньшинства есть нарушеніе привилегіи и гибельно для свободы и правъ парламента.

Такое отношеніе парламента къ публикѣ и публичности тѣмъ болѣе требовало особой политической литературы для обсужденія важныхъ вопросовъ, волновавшихъ общество, и вожди партій не только покровительствовали литературнымъ талантамъ, бравшимъ на себя это обсужденіе, не только щедро награждали ихъ, но и сближались съ ними дружески, поднимали ихъ значеніе въ обществѣ. На сторонѣ тори самымъ виднымъ политическимъ писателемъ былъ Свифтъ, на сторонѣ виговъ Аддисонъ; кромѣ періодическихъ изданій, партіи вели ожесточенную борьбу отдѣльными памфлетами. Такъ какъ большинство землевладѣльцевъ принадлежало къ тори, а денежная аристократія къ вигамъ, то у политическаго писателя первой партіи, Свифта, не удивительно найти слѣдующія слова: «я всегда гнушался стремленіемъ противопоставлять денежный интересъ земельному, ибо я всегда считалъ вѣрнѣйшимъ правиломъ нашего правительства то, что землевладѣльцы могутъ всего лучше обсудить, что выгодно и невыгодно для государства». Свифтъ считается величайшимъ сатирикомъ въ своей странѣ; но въ нравственномъ отношеніи онъ представляетъ такое же печальное явленіе, какъ и Болинброкъ. Съ блестящимъ талантомъ литературнымъ онъ соединялъ все тѣ пороки, которые, къ сожалѣнію, обыкновенно любятъ приписывать во всѣ времена издателямъ газетъ и журналовъ: онъ былъ дерзокъ, мстителенъ, безсовѣстенъ, рѣдко сдерживался деликатностью или состраданіемъ; онъ имѣлъ обширное познаніе въ дурныхъ наклонностяхъ человѣческой натуры, потому что самъ обладалъ ими. Не удивительно,

что при такихъ качествахъ и въ такое время Свифтъ былъ перелетъ. Воспитанный какъ вигъ, покровительствуемый вигами, печатно хвалившійся своимъ вигизмомъ, Свифтъ вдругъ, безъ малѣйшаго нравственнаго предлога, перешелъ къ противоположной партіи, когда послѣдняя взяла верхъ. Послѣ этого, какъ обыкновенно бываетъ съ подобными людьми въ подобныхъ положеніяхъ, онъ ожесточенно началъ въ своихъ памфлетахъ на старыхъ друзей: человѣкъ, который прежде величался, какъ новый Аристидъ, назывался теперь обманщикомъ и негодяемъ. Новые друзья-покровители—Оксфордъ и Болинброкъ—наградили ренегата доходнымъ церковнымъ мѣстомъ. Но въ Аддисонѣ англійская литература описываемаго времени выставила человѣка съ другимъ, болѣе почтеннымъ характеромъ.

Легко понять, что вначалѣ новая сила, печатное обличительное слово должно было производить очень непріятное впечатлѣніе на лица, которыхъ оно затрогивало, тѣмъ болѣе, что это были лица сильныя, не привыкшія къ тому, чтобы съ ними такъ безцеремонно обращались публично, и тѣмъ болѣе, что вначалѣ не привыкшее къ этому явленію общество не могло спокойно относиться къ нему, давало печатному слову слишкомъ большое значеніе, не умѣло еще критически обращаться съ нимъ. Вслѣдствіе этого авторы не подписывали своихъ именъ подъ обличительными статьями и памфлетами, ибо если сочиненіе было направлено противъ господствующей партіи, то послѣдняя или чрезъ королевскую власть, или чрезъ ту или другую палату парламента поднимала преслѣдованіе противъ автора, и если автора нельзя было отыскать, то подвергала штрафу и тюремному заключенію типографщика. Эти преслѣдованія заставляли людей, сочувствующихъ литературному движенію, говорить: «несчастливая судьба писателей: если они пріятны, то оскорбляютъ, если тупы, то умираютъ съ голоду». Марльборо не могъ выносить печатныхъ выходокъ противъ себя, признавался въ своихъ письмахъ, что эти выходки поражаютъ его въ сердце; однажды онъ требовалъ у Болинброка, чтобы тотъ запретилъ одному журналу говорить о немъ дурно. Болинброкъ отвѣчалъ: «можете быть увѣрены, что я готовъ служить вамъ постоянно и буду радъ видѣть васъ (что въ вашей власти) предметомъ общей похвалы... Я позаботился сдѣлать внушеніе журналу». Женщины также принимали участіе въ сочиненіи памфлетовъ, и нельзя сказать, чтобы отличались большою сдержанностью и чистотою. Такъ, изъ-подъ женскаго пера вышелъ памфлетъ—Новая Аталантида: здѣсь народное дѣло на второмъ планѣ; на первомъ знатныя барыни и прежде всего герцогиня Марльборо, ихъ лю-

бовныя приключенія въ подробностяхъ и, что всего хуже, приключенія выдуманныя. Автора (госпожу Менлей) посадили въ тюрьму. Знаменитый писатель Болинброкъ, будучи министромъ, неутомимо преслѣдовалъ публицистовъ и ихъ сочиненія: въ одинъ день онъ захватилъ двѣнадцать книгопродавцевъ и издателей памфлетовъ, направленныхъ противъ администраціи. Въ началѣ 1712 года отъ имени королевы онъ жаловался въ палатѣ общинъ на «великое своеволие въ изданіи лживыхъ и скандальныхъ памфлетовъ, и что существующіе законы беспильны обуздать такое зло». Палата, находившаяся въ это время совершенно подъ вліяніемъ Болинброка и товарищей его, отвѣчала жалобами, что издаются не одни лживые и скандальные памфлеты противъ правительства ея величества, но печатаются страшныя хулы противъ Бога и религіи; палата просила увѣрить королеву, что употребить все усилія найти лѣкарство, равносильное болѣзни. Лѣкарство было найдено и состояло въ томъ, что газеты и памфлеты были обложены огромною пошлиною; лѣкарство было сильно, но все же не достигало цѣли, потому что въ нужномъ случаѣ оппозиція не жалѣла расходовъ на изданіе. Кромѣ статей въ періодическихъ изданіяхъ и памфлетовъ, оппозиція пользовалась и художественными произведеніями для возбужденія въ публикѣ чувствъ неблагопріятныхъ господствующей партіи; такъ виги, въ 1712 году воспользовались трагедіею Аддисона — *Катонъ*; знаменитый охранитель древнеримской свободы являлся проповѣдникомъ вигскихъ началъ, тогда какъ цезарь и его приверженцы напоминали тори, стремившихся къ деспотизму.

Путешествіе на континентъ не было еще въ это время въ Англіи такимъ обычнымъ явленіемъ, какъ теперь; нельзя было выѣхать за море безъ королевскаго позволенія; пошлина съ заграничнаго паспорта была въ шесть фунтовъ стерлинговъ—сумма по тому времени очень значительная. Несмотря на то, французское вліяніе давало себя чувствовать и при дворѣ, и въ литературѣ. При дворѣ оно началось съ реставраціи, съ пріѣзда Карла II-го, и продолжалось постоянно, и хотя при дворѣ немногіе могли говорить сносно по-французски, но англійскую свою рѣчь, устную и письменную, наполняли галлицизмами; можно подумать, что письма Марльборо писать французъ. На лучшихъ писателяхъ Англіи замѣтно также сильное французское вліяніе. Мы упомянули объ Аддисоновомъ *Катонѣ*; если сравнимъ это произведеніе съ произведеніями почти тождественными по содержанію, съ Юліемъ Цезаремъ Шекспира и Цинною Корнелия, то увидимъ, что Аддисонъ не имѣетъ ничего общаго съ своимъ вели-

кимъ соотечественникомъ и приближается къ французскому образцу. Но англійскіе писатели, подчиняясь французскому вліянію съ внѣшней стороны, со стороны формы, имѣли могущественное вліяніе на французскихъ писателей со стороны внутренней, относительно идей.

Такое явленіе легко объясняется изъ различія направленій въ развитіи французскаго и англійскаго общества во вторую половину ХVІІ вѣка,—различія, естественно опредѣлившаго и послѣдующее, вытекшее изъ него, литературное движеніе ХVІІІ вѣка. Во Франціи безсмысленный исходъ движенія фронды, необходимое вслѣдствіе того усиленіе монархической власти, блестящее царствованіе великаго короля, первенствующая роль Франціи — все заставляло литературные таланты сосредоточиваться около великолѣпнаго двора, служить господствующему началу; многообразія политическихъ вопросовъ не было, борьбы партій и оппозиціи правительству не существовало, и потому литературныя произведенія должны были ограничиться чисто-художественною сферою, писатели должны были имѣть въ виду преимущественно внѣшнее, форму. Цѣль была достигнута: французскій языкъ усовершенствовался, получилъ опредѣленность, точность, легкость, гибкость—качества, которыя вмѣстѣ съ другими благоприятными условіями дали ему значеніе общаго европейскаго языка, дали возможность произведеніямъ французской литературы оказывать сильное вліяніе на литературы другихъ народовъ, не исключая, какъ мы видѣли, и англійской. Но англійская литература давно уже получила другое направленіе: давно уже она служила для народа выраженіемъ его политическихъ и церковныхъ интересовъ, тѣсно, впрочемъ, другъ съ другомъ связанныхъ, служила выраженіемъ борьбы партій, борьбы основныхъ началъ ихъ. Раннее обращеніе англійской мысли на практическіе интересы, на политическіе вопросы, тѣсно связанные съ матеріальными выгодами — платить или не платить, платить по первому востребованію власти или платить съ правомъ получать отчетъ въ употребленіи платимаго, раннее сознаніе, что наука есть могущество въ жизни,—дали англійской философіи практическій характеръ, заставили мыслителей обратить преимущественное вниманіе на способы приобрѣтенія точныхъ и вѣрныхъ познаній видимаго, приложимаго. Мы видимъ уже это направленіе у Бекона. Въ концѣ ХVІІ вѣка, когда Ньютонъ подмѣчалъ законъ тяготѣнія, Локкъ работалъ надъ своимъ знаменитымъ «Опытомъ изслѣдованія человѣческой познавательной способности», посредствомъ наблюденія, опыта старался опредѣлить отношенія видимаго міра къ тѣмъ средствамъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ овладѣваетъ этимъ види-

мымъ міромъ. Локкъ, по своему направленію, имѣлъ право сказать: «я чувствую, слѣдовательно существую», въ противоположность словамъ Декарта: «я мыслю, слѣдовательно существую». Согласно такому направленію Локкъ отнесся и къ христіанству: онъ беретъ доказательство въ пользу христіанства, какъ божественнаго откровенія, изъ сущности и дѣйствія ученія и отвергаетъ доказательство посредствомъ чудесъ и сверхъестественнаго дѣйствія, отдѣляетъ ученіе отъ евангельской и апостольской исторіи, подчиняя послѣднюю исторической критикѣ. Философъ-либераль, отвергая сверхъестественное, велъ прямо къ матеріализму, ибо заставлялъ рабствовать духовный міръ міру видимому, подмѣченнымъ въ послѣднемъ законамъ; уничтожалъ свободу Бога и свободу человѣка, свободу отношеній между Богомъ и человѣкомъ; отсутствіе вѣры въ могущество вѣры, въ силу молитвы ведетъ необходимо къ уничтоженію той и другой, ибо призваніе Бога въ помощь, требованіе Его дѣйствія, Его вмѣшательства въ дѣла физической природы и въ нравственный міръ человѣка есть требованіе сверхъестественнаго. Относительно различія вѣръ Локкъ требуетъ неограниченной свободы, требуетъ, чтобы еврей, язычникъ и магометанинъ были совершенно сравнены съ христіаниномъ въ гражданскихъ правахъ. Но кто далъ философу право предполагать, что еврей, язычникъ и магометанинъ отличаются философскимъ равнодушіемъ къ своей вѣрѣ, что ихъ религіозныя взгляды не будутъ имѣть никакого вліянія на ихъ гражданскія отношенія къ единовѣрцамъ и разновѣрцамъ? Если философъ предполагалъ начало христіанской любви, требующей снисхожденія, терпимости къ заблуждающемуся брату, то онъ, разумѣется, могъ предполагать это только относительно христіанъ различныхъ исповѣданій, а не требовать христіанскихъ взглядовъ отъ язычника и магометанина. Начало терпимости должно быть выставлено необходимо въ христіанскомъ обществѣ, но примѣненіе этого начала должно быть предоставлено государственной мудрости, ибо нельзя во всякое время проводить его безусловно, нельзя терпѣть того, что вредно; нельзя порицать соотечественниковъ Локка за то, что они не хотѣли слышать объ уравниніи правъ католиковъ до тѣхъ поръ, пока имѣли основаніе считать католическія стремленія вредными для установленія и развитія своего государственнаго устройства. Относительно политическихъ ученій Локкъ развивалъ взглядъ виговъ, высказанный уже, какъ мы видѣли, у Мильтона; онъ утверждаетъ въ книгѣ своей «О гражданскомъ управленіи» первоначальную свободу человѣка и происхожденіе первой общественной связи между людьми, слѣдователь-

но, всякаго правительства—изъ договора. Въ лагерѣ противоположномъ утверждали, что каждое правительство ведетъ начало отъ родительской власти, что, слѣдовательно, абсолютная монархія божественнаго происхожденія и человѣкъ не родится свободнымъ.

Далѣе своего учителя пошелъ ученикъ Локка лордъ Шефтсбюри, у котораго уже встрѣчаемъ выходки противъ христіанства и всякой положительной религіи; предоставленный самому себѣ, чуждый предразсудковъ и системъ, направленный единственно къ полезному или пріятному, разумъ есть единственный непогрѣшительный путеводитель жизни; но гдѣ найти такой разумъ, объ этомъ Шефтсбюри не говорить. На этомъ покатомъ пути не умѣли останавливаться, одинъ забѣгалъ далѣе другого: Толандъ называетъ суетвѣріемъ вѣру въ личное божество, отдѣльно отъ сотвореннаго существующее, вѣру въ бессмертіе души. Къ этому же разряду принадлежитъ цѣлая толпа писателей—Коллинсъ, Тиндаль, Воластонъ, Морганъ и другіе; къ этому же разряду писателей по своимъ религіознымъ взглядамъ принадлежалъ уже извѣстный намъ по своей политической дѣятельности С. Джонъ лордъ Болинброкъ; но онъ важнѣе для насъ какъ историческій и политическій писатель.

Мы видѣли, какъ сильное политическое движеніе въ Англіи, поведшее къ двумъ революціямъ, какъ тяжелая борьба для сохраненія и развитія старой конституціи должны были отразиться въ литературѣ, породить политическую литературу; но политическіе писатели не долго могли обходиться безъ исторіи: они естественно обратились къ ней за объясненіемъ и поученіемъ. Первый, взглянувшій такимъ образомъ на исторію, былъ Болинброкъ. Въ преклонныхъ лѣтахъ, испытавъ страшныя превратности судьбы, Болинброкъ изложилъ въ формѣ письма свои мысли *Объ изученіи исторіи*. Любовь къ исторіи кажется ему необходимымъ свойствомъ человѣческой природы, неразлучнымъ въ человѣкѣ съ любовью къ самому себѣ. Мы воображаемъ, что явленія, насъ занимающія, должны занимать и потомство. Мы стремимся сохранить, по мѣрѣ возможности, память о случившемся съ нами, о случившемся въ то же время и во время предшествовавшее; для этой цѣли складываются грубыя груды камней, складываются грубыя пѣсни народами, не имѣющими искусства и письменности. Страсть къ этому растетъ у народовъ образованныхъ по мѣрѣ пріобрѣтенія средствъ къ ея удовлетворенію. Съ другой стороны, съ самыхъ раннихъ поръ дѣйствуетъ любопытство: ребенокъ слушаетъ съ наслажденіемъ сказки своей няни; онъ выучился читать и пожираетъ легенды и повѣсти; въ лѣтахъ болѣе зрѣ-

лыхъ онъ бросается на исторію или на то, что считаютъ исторіею; даже въ старости желаніе знать, что случилось съ другими людьми, уступаетъ въ человѣкѣ только желанію разсказать, что случилось съ нимъ самимъ. Природа дала намъ любопытство для возбужденія дѣятельности нашего ума; но удовлетвореніе любопытства вовсе не есть единственная цѣль умственной дѣятельности. Настоящая собственная цѣль этой дѣятельности есть постоянное усиленіе добродѣтели въ частной и общественной жизни. Исторія есть философія, учающая посредствомъ примѣровъ. Таково несовершенство и слабосиліе человѣческаго разума, что отвлеченныя и общія положенія, хотя и вполне вѣрныя, часто являются намъ темными и сомнительными, пока не будутъ уяснены примѣрами. Школа примѣровъ есть міръ, учителя въ этой школѣ—исторія и опыты. Геній предпочтительнѣе обоихъ, но желательнѣе соединеніе всѣхъ трехъ вмѣстѣ: ибо какъ бы великъ геній ни былъ и сколько бы новаго свѣта и силы ни приобрѣлъ онъ въ быстромъ прохожденіи своего поприща, вѣрно то, что онъ никогда не явится въ полномъ сіяніи, никогда не окажетъ вполне вліянія, какое способенъ оказать, пока онъ къ собственному опыту не придастъ опыта другихъ людей и другихъ вѣковъ. Геній безъ опытности подобенъ кометѣ, метеору, неправильному въ движеніи, опасному въ приближеніи. Кто имѣетъ опытность безъ знанія исторіи, тотъ недоученъ въ наукѣ о человѣкѣ; и если знаетъ исторію безъ опытности, то хуже, чѣмъ невѣжда, ибо тогда онъ педантъ; человѣкъ же, соединяющій геній съ опытностью и знаніемъ исторіи есть честь своей страны и благословеніе Божіе для нея.

Болинброкъ призналъ вліяніе изученія исторіи на расширеніе умственнаго горизонта, вслѣдствіе чего человѣкъ, введенный въ общество многихъ народовъ, получившій возможность сравнивать ихъ дѣятельность, бытъ и характеры, освобождается отъ предразсудковъ, необходимыхъ при обращеніи въ тѣсномъ кругу одного своего народа. Въ рѣзкихъ словахъ Болинброкъ вооружается противъ смѣшнаго тщеславія, по которому извѣстный народъ предпочитаетъ себя всѣмъ другимъ, дѣлаетъ свои собственные нравы, обычаи и мнѣнія мѣриломъ истины и лжи, справедливости и неправды; но, съ другой стороны, изученіе исторіи усиливаетъ патріотизмъ, который не есть что-либо инстинктивное, но есть слѣдствіе убѣжденій разума: примѣры, находямые въ исторіи, живо представленные и сопровождаемые вѣрнымъ приговоромъ историка, дѣйствуютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ декламация оратора, или стихотворенія, или сухое философское

поученіе. Болинброкъ такъ описываетъ расширеніе умственнаго горизонта, производимое изученіемъ исторіи: «Мы живемъ съ людьми, которые жили прежде насъ; мы обитаемъ въ странахъ, которыхъ никогда не видали. Мѣсто расширено; время продолжено; человѣкъ, который рано занялся изученіемъ исторіи, пріобрѣтаетъ въ небольшое число лѣтъ не только большее познаніе человѣчества, но и опытъ большаго числа вѣковъ, чѣмъ сколько видѣлъ кто-либо изъ патріарховъ, и все это прежде, чѣмъ вступить въ свѣтъ». Но чтобы исторія приносила пользу въ указанномъ имъ смыслѣ, т.-е. какъ философія, научающая посредствомъ примѣровъ, Болинброкъ требуетъ, чтобы она изучалась философски, чтобы мы восходили отъ частныхъ къ общему, чтобы мы готовили себя къ общественной жизни и къ общественнымъ обязанностямъ, пріучали свой умъ размышлять надъ характеромъ историческихъ лицъ и надъ ходомъ событій; если изученіе исторіи вмѣсто того, чтобы сдѣлать насъ болѣе разумными и полезными гражданами и лучшими людьми, дѣлаетъ изъ насъ только антикваріевъ и школяровъ-педантовъ, въ этомъ исторія не виновата.

Кромѣ приложенія къ практической жизни, Болинброкъ настаиваетъ на образовательное или приготовительное значеніе исторіи. Изученіе геометріи рекомендуется и тѣмъ людямъ, которые не хотятъ быть геометрами: они могутъ забыть всѣ проблемы и рѣшенія ихъ, но у нихъ останется привычка неуклонно слѣдить за длиннымъ рядомъ идей, они привыкнутъ пропикать чрезъ софизмы и открывать сокрытую истину тамъ, гдѣ люди, не имѣющіе этой привычки, никогда ничего не откроютъ. Точно такимъ же образомъ изученіе исторіи приготовляетъ насъ къ дѣйствию и наблюденію. Наблюдая чрезвычайное разнообразіе отдѣльныхъ характеровъ и событій, изслѣдуя удивительную связь причинъ, различныхъ, отдаленныхъ и, повидимому, противоположныхъ, которыя часто соединяются въ произведеніи одного слѣдствія; наблюдая также изумительную плодущность единственной и однообразной причины въ произведеніи множества слѣдствій, различныхъ, отдаленныхъ и, повидимому, противоположныхъ; заботливо подмѣчая едва замѣтное обстоятельство или въ характерѣ дѣятелей, или въ ходѣ дѣйствій, отъ котораго, однако, зависитъ успѣхъ дѣла, — человѣкъ изошраетъ свою проницательность, пріобрѣтаетъ внимательность, даетъ твердость своему сужденію, пріобрѣтаетъ способность яснѣе различать и дальше видѣть.

Имѣя въ виду практическую пользу отъ исторіи, Болинброкъ естественно предпочитаетъ изученіе новой исторіи изученію древней.

Онъ совѣтуетъ сѣбшить отъ отрывочныхъ преданій древности къ болѣе цѣльнымъ и достовѣрнымъ исторіямъ новѣйшаго времени: въ послѣднихъ мы находимъ полный рядъ событій, съ ихъ непосредственными и отдаленными причинами, рассказанныхъ вполне со всѣми подробностями обстоятельствъ и характеровъ, что даетъ возможность внимательному читателю перенестись назадъ въ описываемое время, сдѣлаться участникомъ въ совѣтахъ и дѣйствіи. Такимъ образомъ, исторія становится тѣмъ, чѣмъ должна быть, — наставницею жизни (*magistra vitae*); въ противномъ случаѣ она только вѣстница древности (*nuntia vetustatis*), старинная газета, или сухой перечень безполезныхъ анекдотовъ. Цѣлые томы достовѣрныхъ извѣстій египетскихъ, халдейскихъ, греческихъ, латинскихъ, гальскихъ, британскихъ, франкскихъ, саксонскихъ для Болинброка не имѣютъ никакой цѣны, потому что не служатъ къ нашему улучшенію относительно мудрости и добродѣтели, если они содержатъ только династіи и генеалогіи, сухую перечень замѣчательныхъ событій въ хронологическомъ порядкѣ, подобную журналамъ, хронологическимъ таблицамъ или сухимъ лѣтописямъ. Эта выходка Болинброка направлена противъ историческихъ сочиненій его времени, авторы которыхъ были или сокращателями или компиляторами.

Современными историческими сочиненіями Болинброкъ не могъ быть доволенъ; для практическихъ цѣлей, для назиданія онъ требовалъ живого, осмысленнаго взгляда на событія, на связь ихъ, чего эти сочиненія не давали; оставалось обратиться къ историческимъ произведеніямъ классической древности; но будетъ ли и здѣсь удовлетворенъ Болинброкъ? Легко понять, какая эпоха въ древней исторіи должна была преимущественно занимать Болинброка и пошедшихъ за нимъ писателей, которые отъ прошедшаго потребовали поученія для настоящаго. Высшій интересъ для нихъ заключался въ вопросѣ объ отношеніи власти къ свободѣ. Англія, для разрѣшенія этого вопроса, выдержала двѣ революціи, и многіе изъ англичанъ считали вопросъ еще не рѣшеннымъ; движеніе, происшедшее по этому поводу въ Англіи, начиналось и на континентѣ. Умственное движеніе и здѣсь и тамъ вело свое начало отъ эпохи возрожденія, продолжало воспитываться на открытой въ эту эпоху древности; но пресловутая древность представляла любопытное явленіе: республика въ Римѣ перешла въ монархію, и монархію неограниченную. Какъ же это случилось? Люди, занятые политическими вопросами настоящаго и старавшіеся объяснить настоящее прошедшимъ, неодолимо влеклись ко времени перехода римской республики въ монархію и къ исто-

рін послѣдней, къ исторіи паденія Рима, ибо исторія паденія Греціи казалась слишкомъ простою: раздробленная на маленькія республики, истощавшія другъ друга въ усобицахъ, Греція естественно должна была пасть отъ напора воинской силы, тогда какъ Римъ, могущественный Римъ, покорившій весь свѣтъ, какой воинской силѣ могъ уступить? Въ какомъ могуществѣ послѣ того заключается для государства ручательство противъ паденія? И кромѣ того, задолго до паденія, Римъ долженъ былъ отказаться отъ свободы. Болинброкъ не можетъ утѣшиться въ потерѣ подробныхъ извѣстій о переходѣ римской республики въ монархію: «Какая школа частной и общественной доблести открылась бы для насъ въ эпоху возрожденія, если бы послѣдніе историки римской республики и первые историки монархіи дошли до насъ въ цѣлости! Немногое, что дошло до насъ отъ этого времени, хотя въ отрывкахъ, составляетъ лучшее достояніе исторической науки, — единственное, что заслуживаетъ быть предметомъ изученія. Признаюсь, я бы съ радостью отдалъ то, что мы имѣемъ отъ Ливія, за то, что потеряно изъ его исторіи: послѣдняя часть не только любопытнѣе и достовѣрнѣе первой, но имѣетъ болѣе непосредственное и важное приложеніе къ настоящему состоянію Британіи. Но она потеряна: потеря невознаградимая!»

Какъ государственный дѣятель, желающій непосредственно извлечь изъ исторіи пользу для настоящаго, Болинброкъ предпочитаетъ новѣйшую исторію древней, въ древней извѣстную эпоху другимъ; но сильный умъ проводитъ значеніе исторіи, какъ науки о человѣкѣ: «Человѣкъ есть предметъ исторіи, и чтобы знать его хорошо, мы должны видѣть его и разсматривать его, какъ одна исторія можетъ намъ его представить, во всякомъ возрастѣ, во всякомъ состояніи, въ жизни и смерти. Исторія всякаго рода, цивилизованныхъ и нецивилизованныхъ, древнихъ и новыхъ народовъ, — всякая исторія, представляющая достаточныя подробности человѣческихъ дѣйствій и характеровъ, — служить къ ознакомленію насъ съ человѣкомъ, съ нами самими. Мы не только странники въ этомъ мірѣ, но и совершенные иностранцы. Наши путеводители часто невѣжды, часто лжецы; но съ помощью ландкарты, которую исторія развертываетъ предъ нами, мы можемъ отыскать дорогу. Исторія есть собраніе журналовъ веденныхъ людьми, которые путешествовали по той же самой странѣ и подвергались тѣмъ же самымъ случайностямъ, что и мы; ихъ удачи и неудачи одинаково для насъ поучительны».

Но, сдѣлавши это заключеніе, Болинброкъ все же обращается къ мысли, что преимущественно надобно изучать новѣйшую исторію,

именно съ XVI вѣка, и это понятно. Исторія каждого, способнаго къ полному развитію народа, какъ исторія каждого человѣка, состоитъ изъ двухъ главныхъ періодовъ: въ первый періодъ народъ живетъ преимущественно подъ господствомъ чувства, во второй — подъ господствомъ мысли. Но на первый періодъ не должно смотрѣть, какъ на періодъ дѣтства, слабости во всѣхъ отношеніяхъ потому только, что нѣтъ науки или слышится ся начальный лепетъ, нѣтъ чудесъ цивилизациі: въ этомъ періодѣ, благодаря зиждательной силѣ чувства, выковываются сильныя народныя и государственныя тѣла, крѣпкіе общественные строи; но, съ другой стороны, нельзя безусловно и восхищаться всѣми явленіями этого періода: хотя религіозное чувство господствуетъ, но вѣра, при слабой дѣятельности ума, при отсутствіи знанія, легко переходитъ въ суевѣріе, и религіозный фанатизмъ порождаетъ печальныя явленія. Наконецъ, вслѣдствіе естественнаго роста, естественнаго развитія народовъ, при извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, народы переходятъ во второй періодъ: мысль начинаетъ свою работу, умы пробуждаются, науки цвѣтутъ; но и этотъ періодъ далеко не безъ тѣни, не безъ печальныхъ сторонъ: разумъ усиливается на счетъ чувства, сомнѣніе, изслѣдованіе болѣе или менѣе ошибочное, болѣе или менѣе одностороннее подкапываютъ древнее вѣрованіе, основу всего нравственнаго, а слѣдовательно общественнаго и государственнаго строя; религія слабѣетъ, и зло, происходившее отъ господства чувства, суевѣріе, замѣняется зломъ, происходящимъ отъ господства мысли—невѣріемъ. Въ этотъ второй періодъ или возрастъ народы западной Европы вступили въ такъ называемую эпоху возрожденія, когда знакомство съ произведеніями древней мысли разбудило ихъ умы, породило сомнѣніе во всемъ томъ, во что до сихъ поръ вѣрилось; мы знаемъ, что необходимымъ слѣдствіемъ этого была церковная реформа, но на церковной реформѣ движеніе не остановилось; требованіе поклоненія разуму человѣческому, требованіе признанія только того, что доступно разуму, вѣра въ могущество разума, который можетъ сдѣлать человѣка совершеннымъ и устроить его блаженство,—эти требованія, эта вѣра становятся все сильнѣе, характеризуютъ XVIII вѣкъ и поведутъ естественно и необходимо, во время французской революціи, къ видимому поклоненію разуму, богинѣ разума. Понятно, что люди трехъ первыхъ вѣковъ такъ называемой новой исторіи, находясь подъ господствомъ новаго начала, питая въ него полную вѣру, поклоняясь ему, должны были отнестись враждебно къ началу, господствовавшему въ первомъ періодѣ, къ чувству и ко всѣмъ его слѣдствіямъ; понят-

но, что подъ вліяніємъ этой враждебности, первый періодъ или такъ называемые средніе вѣка не могли быть поняты и оцѣнены какъ слѣдуетъ: это были вѣка варварства, господства поповъ, фанатизма, они исключались изъ исторіи, достойною изученія считалась исторія древнихъ *образованныхъ* народовъ, служившихъ разуму, да новая исторія, когда снова началось это служеніе. Понятно, что и Болинброкъ рекомендуетъ изученіе исторіи съ XVI вѣка: «Съ этихъ поръ мы перестаемъ быть флибустьерами, какими были прежде, война перестаетъ быть главнымъ или даже единственнымъ нашимъ занятіемъ; мирныя искусства усиливаются; мы становимся сельскими хозяевами, мануфактуристами, купцами и соревнуемъ сосѣднимъ народамъ въ литературѣ: съ этихъ-то поръ мы должны изучать свою исторію со всевозможнымъ прилежаніемъ».

Приступая къ этому изученію новой исторіи, Болинброкъ сейчасъ же бросаетъ яркій свѣтъ на ея явленія, даетъ имъ смыслъ: образовались двѣ могущественныя державы, Франція и Австрія, и между ними естественно началось соперничество; въ интересъ сосѣдей стало вооружаться противъ сильной и болѣе предприимчивой изъ нихъ и быть въ мирѣ и дружбѣ съ слабѣйшею. Отсюда явилось понятіе о европейскомъ равновѣсіи, отъ котораго должны зависѣть безопасность и спокойствіе всѣхъ народовъ. Нарушить равновѣсіе есть цѣль каждой изъ двухъ соперничающихъ державъ; препятствовать этому нарушенію, не допуская, чтобы слишкомъ много тяжести падало на одну чашку вѣсовъ, сдѣлалось основнымъ началомъ мудрой политики европейской. Относительно Франціи и австрійскаго дома, начиная съ XVI вѣка до настоящей минуты, Болинброкъ дѣлитъ новую исторію на три періода: 1) отъ XV до конца XVI вѣка; 2) отъ конца XVI вѣка до пиренейскаго мира; 3) отъ пиренейскаго мира до настоящаго времени. Дѣятельность Карла V и Филиппа II была главнымъ предметомъ вниманія и заботы европейскихъ дворовъ въ первомъ періодѣ; честолюбіе Фердинандовъ, второго и третьяго, было такимъ же предметомъ во второй періодъ; противодѣйствіе возрастающей силѣ Франціи, или, собственно говоря, страшное честолюбіе Бурбонскаго дома, было главнымъ явленіемъ третьяго періода.

Относительно изображенія характеровъ историческихъ лицъ и значенія ихъ дѣятельности приведемъ нѣсколько отзыовъ Болинброка о дѣятеляхъ новой французской исторіи: «Ришелье составилъ великій планъ и положилъ основаніе зданію; Мазарини продолжалъ дѣло и возвелъ зданіе. Если я не ошибаюсь самымъ грубымъ образомъ, въ исторіи мало явленій, болѣе заслуживающихъ вниманія, какъ пове-

деніе перваго и знаменитѣйшаго изъ этихъ министровъ. Замѣчательно, какъ онъ всюду запутываетъ дѣла, вмѣшивается въ ссоры между Італіею и Испаніею, въ Валтелинское и Мантуанское дѣло, не отвлекается, однако, отъ другой великой цѣли своей политики—подчиненія Рошели и обезоруженія гугенотовъ. Замѣтите, какъ, исполнивши это, онъ обращается къ тому, чтобы остановить успѣхи Фердинанда въ Германіи...» Или вотъ изображеніе историческаго дѣятеля ближайшаго къ автору—Людовика XIV: «Людовикъ вступилъ въ управленіе дѣлами въ цвѣтъ молодости, при чемъ соединялъ (что съ государями рѣдко случается) выгоды молодости съ выгодами опыта. Онъ получилъ дурное образованіе, иногда самъ смѣялся надъ своимъ невѣжествомъ; были и другіе недостатки въ его характерѣ, проистекавшіе отъ воспитанія, которыхъ онъ не замѣчалъ. Но Мазарини посвятилъ его въ тайнства своей политики. Онъ получилъ привычку къ тайнѣ и методѣ въ дѣлахъ, къ сдержанности, приличію и достоинству въ поведеніи. Если онъ не былъ величайшимъ изъ королей, то никто не превосходилъ его въ умѣнїи разыгрывать роль величества на тронѣ. Онъ былъ окруженъ великими полководцами, воспитавшимися въ прежнія войны, и великими министрами, воспитывавшимися въ одной съ нимъ школѣ. Тѣ, которые работали при Мазарини, работали по тому же плану и при Людовикѣ; они имѣли преимущество таланта и опытности предъ большею частью министровъ другихъ странъ; они имѣли предъ ними и то преимущество, что служили монарху, котораго неограниченная власть была установлена; наконецъ, они имѣли преимущество своего положенія, которое позволяло имъ употреблять всю свою способность безпрепятственно,—преимущество, которое они имѣли, напримѣръ, надъ лордомъ Кларендономъ въ Англіи и де-Виттомъ въ Голландіи. Между этими министрами особенно надобно упомянуть о Кольберѣ, потому что порядкомъ, внесеннымъ въ финансовое управленіе, поощреніемъ торговли и промышленности онъ увеличилъ богатство, а слѣдовательно и могущество Франціи. Почва, климатъ, географическое положеніе Франціи, способности, дѣятельность, живость ея обитателей, возможность обойтись безъ произведеній другихъ странъ, тогда какъ другія страны не могутъ обойтись безъ ея произведеній, даютъ Франціи средство обогащаться на счетъ другихъ народовъ, если только она не въ войнѣ со всѣми своими сосѣдями, пользуется внутреннимъ спокойствіемъ и сноснымъ управленіемъ.

Приведенныхъ мѣстъ изъ Болинброка, кажется, достаточно для уясненія его значенія въ исторіи исторической науки. Онъ не понималъ первой половины жизни новыхъ европейскихъ народовъ, такъ назы-

ваемой средней исторіи, враждебно относился къ ней, что было понятно въ это время, время горячей вѣры въ разумъ человѣческій, который, разгоняя всякую тьму, долженъ былъ установить на землѣ царство истины и правды, и непонятно въ наше время. когда подобная вѣра въ разумъ человѣческій утратилась, и ее стараются замѣнить печальною вѣрою въ вѣчный прогрессъ, т.-е. вѣрою въ вѣчное несовершенство, вѣчную неправду, вѣчное заблужденіе. Взглядъ Болинброка одностороненъ и отрывоченъ; но нельзя не признать, что онъ именно пролилъ свѣтъ на новую политическую исторію европейскихъ народовъ, уяснилъ связь явленій, указавъ на основныя изъ нихъ, достигъ своей цѣли, доказалъ поучительность, необходимость изученія исторіи для настоящаго. До него исторія была предметомъ простаго любопытства, изученіе ея было слѣдствіемъ неуясненнаго стремленія въ человѣкѣ, исторія была достояніемъ одной школы, людей ученыхъ, которые, не отличаясь даровитостію, разбрасывались въ частностяхъ; работы надъ общою исторіею ограничивались сокращеніями и компиляціями съ характеромъ сборниковъ, сухихъ газетныхъ извѣстій о событіяхъ; подъ перомъ Болинброка исторія явилась стройнымъ, живымъ, проникнутымъ мыслью изложеніемъ прошедшихъ явленій въ тѣсной связи ихъ съ настоящимъ, какъ результатомъ ихъ, изложеніемъ доступнымъ и поучительнымъ для всякаго мыслящаго человѣка. Болинброкъ есть глава исторической школы XVIII вѣка; Вольтеръ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ идутъ по дорогѣ, имъ проложенной.

Мы уже сказали, что Болинброкъ принадлежалъ къ ряду тѣхъ англійскихъ писателей конца XVII и первой половины XVIII вѣка, которые провозглашали поклоненіе разуму человѣческому. Легко понять, въ какое отношеніе поклоненіе это ставило ихъ къ религіи, къ вѣрѣ въ Существо высшее, духовное, непостижимое, котораго отношенія къ человѣку необходимо должны представлять рядъ явленій также непостижимыхъ для разума человѣческаго, для разума существа ограниченнаго. Свои философскіе взгляды Болинброкъ изложилъ въ письмѣ къ другу своему, поэту Попу. Здѣсь Болинброкъ проповѣдуетъ естественное богословіе или теизмъ и естественную религію или нравственное ученіе, разумѣя подъ первымъ такое знаніе о божествѣ, какое можетъ быть получено человѣческими средствами, а не сверхъестественное и откровенное, ибо знаніе, какъ знаніе, должно итти не сверху, а снизу, отъ достижимаго нами. Этотъ пріятель Болинброка, поэтъ Попъ втроемъ съ Арбутнотомъ и Свифтомъ, также хлопотали объ отнятій науки изъ рукъ ученыхъ педантовъ, о рас-

пространеніи ея въ обществѣ въ легкихъ, доступныхъ формахъ. Они возстали противъ школьной науки своего времени за ея непримѣнимость къ требованіямъ жизни. Но возставая противъ страннаго обоготворенія древности въ школахъ на счетъ живыхъ и полезныхъ знаній, они не избѣжали увлеченій, уже слишкомъ упрощая общее образованіе. Чтобы подорвать старое зданіе, они употребили самое сильное средство — насмѣшку; взявши за образецъ знаменитую сатиру Сервантеса, Арбутнотъ написалъ ученаго Донъ-Кихота-Мартинусъ Скриблерусъ, гдѣ осмѣялъ педантовъ своего времени и книги ихъ. Произведенія самого Попа имѣли важное значеніе въ Англіи и на континентѣ по изяществу или, лучше сказать, по гладкости и лоску формы и по задорности содержанія, вовсе не отличавшагося впрочемъ поэтичностью. Самое важное для насъ его сочиненіе—это длинное разсужденіе въ стихахъ:—«Опытъ о человѣкѣ», гдѣ изложено ученіе англійскихъ поклонниковъ разума. Самъ авторъ признается, что содержаніе, мысли принадлежатъ не ему, а Болинброку, который былъ для поэта предметомъ благоговѣйнаго удивленія и подражанія. Но что же мы узнаемъ о человѣкѣ изъ Опыта Попа о человѣкѣ? То, что въ дѣтскомъ возрастѣ для него нужны игрушки, въ зрѣломъ мундиры и орденскія ленты, а въ старческомъ молитвенники — и все это имѣетъ одно и то же значеніе. Развитіе человѣка начинается съ подражанія животнымъ, которыя учатъ его искусствамъ, а религіозное чувство есть произведеніе страха. Деспотизмъ и свобода имѣютъ одинъ источникъ — себялюбіе; въ человѣческой природѣ господствуютъ два начала—себялюбіе и разумъ: себялюбіе побуждаетъ, а разумъ сдерживаетъ.

Ученіе Болинброка и писателей его кружка, проповѣдуемое талантами болѣе или менѣе сильными, не могло встрѣтить противодѣйствія изъ среды англійскаго духовенства, обѣдѣвшаго талантомъ и ревностью. До насъ дошли жалобы, что англійское духовенство описываемого времени вело себя прилично, но не образцово; что большинство его представлялось лучшимъ людямъ безжизненнымъ тѣломъ; что духовныя лица, вмѣсто того чтобы одушевлять другъ друга, укладывали другъ друга спать. Духовный соборъ (конвокація) 1711 года, въ докладѣ своемъ королевѣ, жаловался на явное усиленіе безнравственности и иррелигіозности, на упадокъ церковной дисциплины. Сюда присоединялся еще разладъ между духовенствомъ и правительствомъ, имѣвшій слѣдствіемъ разладъ между высшимъ и низшимъ духовенствомъ. Большинство духовенства относилось непріязненно къ переходу англійскаго престола въ Ганноверскій домъ и стояло за

Сгюарта, какъ законнаго короля. Такимъ образомъ, новый король изъ Ганноверскаго дома долженъ былъ назначать епископовъ изъ небольшой части своихъ приверженцевъ, и отъ этого произошло, что большинство низшаго духовенства было на одной сторонѣ, а большинство епископовъ на другой. Но въ сильномъ народѣ была живуча религиозная потребность, для удовлетворенія которой явился методизмъ.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка въ графствѣ Линкольнскомъ жилъ священникъ Уеслей, человекъ благочестивый и ученый, но съ чрезвычайно странною природою. До какой степени борьба политическихъ партій дѣйствовала на подобныя природы, всего лучше показываетъ слѣдующее событіе въ жизни Уеслея. Однажды, заспоривъ съ женою о правахъ короля Вильгельма III и найдя, что она не вполне убѣждена въ этихъ правахъ, онъ поклялся, что не будетъ жить съ нею вмѣстѣ, пока она не перемѣнитъ своихъ мнѣній, и дѣйствительно сейчасъ же покинулъ домъ и не возвращался до смерти короля, которая, впрочемъ, случилась очень скоро. У этого-то Уеслея родился въ 1703 году сынъ Джонъ, который съ ранней молодости обнаружилъ религиозное стремленіе. Въ Оксфордѣ, гдѣ онъ воспитывался, около него собралось еще нѣсколько молодыхъ людей съ одинаковыми наклонностями, за которыя они получили отъ своихъ товарищей разныя прозвища: ихъ называли сакраментаріями за ежедневное пріобщеніе, — методистами за ихъ правильную, методическую жизнь; послѣднее названіе они въ послѣдствіи приняли и сами для себя. Вступивши въ духовное званіе, Уеслей отправился въ сѣверо-американскія колоніи проповѣдывать христіанство туземцамъ; но распушенная жизнь колонистовъ была сильнымъ препятствіемъ для проповѣди. Миссіонеръ возвратился въ Англію и нашелъ здѣсь много людей, почти столь же мало знакомыхъ съ христіанствомъ, какъ индѣйцы, но болѣе способныхъ къ обращенію. Онъ сталъ проповѣдывать низшимъ слоямъ народонаселенія на открытыхъ поляхъ, и жаръ его проповѣди привлекалъ огромное количество слушателей; по двадцати тысячъ народа, болѣею частью угольщиковъ, тѣснилось около проповѣдника, который съ восторгомъ видѣлъ, какъ на ихъ черныхъ щекахъ обрисовывались отъ слезъ бѣлыя полосы. И однѣми слезами дѣло не ограничивалось: между слушателями, особливо между слушательницами, обнаруживались сильныя нервныя припадки. Уеслей сначала осуждалъ проповѣди въ чистомъ полѣ, пока не почувствовалъ недостатка въ каюедрахъ; сначала также онъ не соглашался позволить мірянамъ проповѣдывать, но когда увидалъ, что

очень мало людей изъ духовенства расположены идти по его стопамъ, то мало-по-малу согласился на то, чтобы міряне проповѣдывали, но не священнодѣйствовали. Проповѣдники были большею частью люди простые, неученые, взятые отъ сохи; недостатокъ образованія, ученаго приготовленія они поополняли ревностью, энтузіазмомъ; въ своихъ проповѣдяхъ, отличавшихся особеннымъ жаромъ, они позволяли себѣ такія вещи, какихъ самъ Уесли не могъ одобрить; за то они не знали усталости, вели чрезвычайно строгій образъ жизни, не позволяли себѣ никакихъ такъ называемыхъ невинныхъ удовольствій и, будучи ниже Уесли по происхожденію и воспитанію, тѣмъ непрекословнѣе повиновались ему. Конференціи, собиравшіяся ежедневно и состоявшія изъ проповѣдниковъ, назначенныхъ Услеемъ, были главными административными совѣтами и давали силу его рѣшеніямъ; повсюду методисты были раздѣлены на классы, каждый классъ имѣлъ своего вождя и свое еженедѣльное собраніе; членъ уличенный въ преступленіи, исключался изъ общества, что поддерживало нравственную чистоту послѣдняго. Англійскіе историки, которые готовы осудить методистовъ за суевѣріе, вредный энтузіазмъ, запрещеніе невинныхъ удовольствій, тѣмъ не менѣе признаютъ, что дѣятельность Уесли и его послѣдователей пробудила дремлющее духовенство господствующей церкви, внесла въ нее новую жизнь, поставила преграду невѣрію, распространявшемуся съ необычайною быстротою, увлекала тысячи людей на путь религіи и нравственности. Такимъ образомъ, въ методизмъ мы видимъ стремленіе сильнаго народа возбужденіемъ религіознаго чувства противодействовать вредной односторонности, обнаруживавшейся въ ученіи поклонниковъ разума человѣческаго.

V.

Умственное движеніе во Франціи въ первую половину XVIII вѣка.

Паденіе монархическаго начала.—Правственное паденіе дворянства.—Паденіе духовнаго авторитета.—Разсудочное направиленіе.—Вольтеръ.—Монтескье. *Персидскія письма*.—*Разсужденіе о причинахъ величія и паденія римлянъ. О Духъ законовъ*.—Историко-политическая литература.—Антресольный клубъ.

Мы оставили Францію при могилѣ великаго короля, при которой послѣдній изъ знаменитыхъ проповѣдниковъ французскихъ. Массильонъ, воскликнулъ: «Богъ одинъ великъ, братья!» Но эти слова не выражали убѣжденія французскаго образованнаго общества, которое готово было отвѣчать Массильону: «Одинъ разумъ человѣческій великъ!» Мы знаемъ, что во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ западной Европы, съ XVI вѣка обнаружилось стремленіе къ одностороннему развитію мысли въ ущербъ чувства и при этомъ, съ ослабленіемъ религіознаго чувства, съ критическимъ отношеніемъ къ христіанству, поднимавшему духовную, нравственную сторону, естественно являлось стремленіе къ матеріализму, къ чувственности, къ поклоненію доброй матери природы, къ эманципациі тѣла *). Но тутъ же въ народномъ организмѣ и высказалось противодѣйствіе такой односторонности, способной нарушить здоровье организма. Это противодѣйствіе высказалось въ яansenизмѣ; но и католическая церковь во Франціи выставила рядъ духовныхъ лицъ съ сильными талантами, способныхъ противодѣйствовать антихристіанскому направленію поклонниковъ разума и матери природы. Сильное правительство Людовика XIV также сдерживало это направленіе; но такая сдержка средствами внѣшними обыкновенно не уничтожаетъ зла, а заставляетъ его притаиваться до поры до

*) См. объ „умственномъ движеніи въ Европѣ въ XVII вѣкѣ“, выше, стр. 215.

времени и потомъ, при отнятіи внѣшняго давленія, отрыгнуть съ большею силою. Со смертію Людовика XIV начинается приготовленіе къ тому явленію, которое мы называемъ французскою революціей. Если сильная власть Людовика XIV была естественнымъ слѣдствіемъ неудавшейся революціи, фронды, показавшей несостоятельность людей и цѣлыхъ учреждений, хотѣвшихъ произвести какой-то переворотъ, то перешедшія границу стремленія великаго короля усилить свою власть и печальное положеніе, въ которомъ онъ оставилъ Францію, должны были естественно произвести недовѣріе къ началамъ, которыми руководился Людовикъ, — народъ началъ искать иныхъ. Въ это время, разумѣется, важное значеніе должна была имѣть личность новаго короля. Въмѣсто короля, который умѣлъ такъ несравненно представлять короля, играть роль государя и этимъ очаровывать свой народъ, страстный къ великолѣпнымъ представленіямъ, къ искусному разыгрыванію ролей, — вмѣсто короля, который оставилъ много славы, много блеска, много памятниковъ искусствъ и литературы, — вмѣсто такого короля явился король, соединившій въ себѣ всѣ способности къ тому, чтобы уронить королевскую власть. Не говоря уже о чувственности, въ которой преемникъ Людовика XIV перешелъ предѣлы, гдѣ возможно было снисхожденіе, ибо не было слабости только, а былъ развратъ, уничтожающій достоинство человѣческое, — Людовикъ XV представлялъ совершенное безсиліе нравственное. У него не было недостатка въ ясности ума и благонамѣренности; но безсиліе воли было таково, что, при полномъ сознаніи необходимости какого-нибудь рѣшенія, Людовикъ соглашался съ рѣшеніемъ противоположнымъ, какого хотѣли его министры или любовницы.* Было извѣстно, что въ совѣтъ, когда король заявлялъ какое-нибудь мнѣніе и совѣтники начинали его оспаривать, то Людовикъ соглашался съ ними, зная, что соглашается съ мнѣніемъ несправедливымъ, и только для оправданія себя шепталъ: «тѣмъ хуже, они такъ хотятъ». Принужденный своею любовницею, Помпадуръ, отставить морского министра Машо, онъ писалъ своей любимой дочери, герцогинѣ пармской: «Они принудили меня отставить Машо — человѣка, который былъ мнѣ по сердцу; я никогда не утѣшусь въ этой потерѣ». Другая любовница королевская, Дюбарри, вмѣстѣ съ герцогомъ д'Эгильономъ хлопотали о сверженіи Монтейнара, военнаго министра, и король говорилъ: «Монтейнаръ падетъ непременно, потому что я одинъ только его поддерживаю». Отсутствіе воли сдѣлало изъ неограниченнаго монарха притворщика и обманщика, интригана, любящаго мелкія средства и извилистыя дороги. Ежедневно оберъ-

полицеймейстеръ подавалъ ему рапорты, въ которыхъ часто заключались предметы наименѣ достойные королевскаго вниманія, но которые нравились испорченной чувственностью натурѣ Людовика; кромѣ того въ Парижѣ и Версали у него были агенты, которые доносили о политическихъ интригахъ и тайнахъ частной жизни. Каждое воскресенье начальникъ почтоваго управленія докладывалъ королю объ открытіяхъ «чернаго кабинета», гдѣ распечатывали письма и списывали интереснѣйшія изъ нихъ.

Такимъ образомъ въ долгое царствованіе преемника Людовика XIV со стороны короля было сдѣлано все, чтобы уронить монархическое начало, образовать наверху пустоту, къ которой общество не могло остаться равнодушнымъ. Подлѣ французскихъ королей Франція и вся Европа привыкли видѣть блестящую аристократію; какъ великолѣпный король Франціи служилъ образцомъ для государей Европы, такъ блестящее, рыцарственное дворянство Франціи служило образцомъ для дворянства остальной Европы. Воинственная и славолюбивая нація достойно представлялась своимъ дворянствомъ, которое выставило столько героевъ, прославившихъ французское оружіе, и приобрѣло значеніе перваго войска въ мірѣ; такое достойное представительство націи поддерживало и первенствующее значеніе французскаго дворянства внутри, какъ бы ни были здѣсь неправильны его отношенія къ другимъ сословіямъ. Но, по замѣчательному соотвѣтствію, паденіе монархическаго начала во Франціи, вслѣдствіе слабости преемниковъ Людовика XIV, послѣдовало одновременно съ нравственнымъ паденіемъ французскаго дворянства, съ помраченіемъ славы французскаго войска. Людовикъ XIV, который наслѣдовалъ своихъ знаменитыхъ полководцевъ отъ времени предшествовавшаго, не воспиталъ новыхъ, несмотря на свои частыя войны: доказательство, что война можетъ служить школою для существующихъ талантовъ, но не создаетъ талантовъ, когда кругъ, изъ котораго они могутъ явиться, ограниченъ и потому легко истощается частыми войнами. Послѣ Людовика XIV до самой революціи французское войско не представляетъ замѣчательныхъ полководцевъ, хотя двѣ большія войны (за австрійское наслѣдство и Семилѣтняя) могли бы выдвинуть таланты. Французское войско и тутъ имѣло нѣсколько блестящихъ успѣховъ; но кому было обязано ими? — иностранцу, саксонскому принцу Морицу. Нигдѣ такъ ясно, какъ здѣсь, въ военномъ дѣлѣ, не выказалось паденіе французскаго дворянства, сословія преимущественно военнаго. Фридрихъ II замѣтилъ это явленіе и записалъ въ «Исторіи моего времени»: «Этотъ вѣкъ безплоденъ относи-

тельно великихъ людей во Франціи». Замѣтилъ это и Людовикъ XV: «Этотъ вѣкъ, по его словамъ, не обилень великими людьми, и было бы для насъ большое несчастье, если бы это безплодіе поразило одну Францію». Такимъ образомъ двѣ силы, дѣйствовавшія постоянно въ челѣ народа и достойно его представлявшія, король и дворянство, отказываются отъ своей дѣятельности. Отказывается отъ своей дѣятельности и третье сословіе — духовенство, которое не выставяетъ болѣе изъ своей среды Боссюэтовъ и Фенелоновъ, не можетъ единственно достойными его — нравственными — средствами бороться противъ враговъ, которыхъ постоянно имѣлъ въ виду Боссюэтъ, поклонниковъ разума человѣческаго, старается употреблять противъ нихъ только матеріальныя средства, средства свѣтскаго правительства, что, разумѣется, могло только содѣйствовать паденію духовнаго авторитета. Можно писать большія книги о причинахъ французской революціи, подробно исчислять всѣ злоупотребленія, всю неправильность отношеній между различными частями народонаселенія; по этимъ явленіе вполнѣ не объяснится, ибо нѣтъ такого злоупотребленія, нѣтъ такой неправильности, которыя не могли бы быть отстранены сильнымъ и разумнымъ правительствомъ, умѣющимъ извлекать и собирать около себя лучшія силы народа. Дѣло въ томъ, что во Франціи XVIII вѣка прежде дѣйствовавшія на первомъ планѣ силы отказываются отъ своей дѣятельности, являются несостоятельными, вслѣдствіе чего и начинается приготовляться болѣзненный переворотъ, перестановка силъ, называемая революціей. Это приготовленіе естественно обнаруживается въ отрицательномъ отношеніи къ тому, что имѣло авторитетъ и что представлялось теперь формою безъ содержанія, безъ духа, безъ силы. Въ организмъ французскаго общества въ это время происходило то, что происходитъ во всякомъ организмѣ, гдѣ извѣстный органъ омертвѣетъ или въ организмъ втѣснится какое-нибудь чуждое тѣло: въ организмъ тогда чувствуется тоскливое желаніе освободиться отъ такого омертвѣвшаго органа или чуждаго тѣла, не участвующихъ въ общей жизни, ничего не дающихъ ей. Это отрицательное отношеніе къ старымъ авторитетамъ необходимо должно было отразиться въ общественномъ словѣ, разговорѣ, который становился все громче и громче. Прежде высоко поднимался дворъ, блестящій, несравненный дворъ Людовика XIV: здѣсь было серьезное величіе, внушавшее уваженіе, — сила, съ которою каждому надобно было считаться; въ этомъ храмѣ дѣйствительно обитало божество, предъ которымъ каждый преклонялся. Вниманіе всѣхъ было обращено туда, къ этому дѣйствительному средоточію силы и вза-

сти. Но послѣ Людовика XIV дворъ потерялъ это значеніе, это обаяніе; отъ него мало-по-малу начали отворачиваться, и то, что прежде было сосредоточено здѣсь, раздѣлилось на нѣсколько круговъ, которые размножались все болѣе и болѣе. вмѣсто одного двора явилось много дворовъ. Явилось нѣсколько кружковъ, нѣсколько салоновъ, гдѣ сходились, чтобы свободно и весело провести время; національная страсть играть роль, блистать, овладѣвать вниманіемъ, правиться получила полную возможность развиваться. Но чѣмъ же блистать, возбуждать вниманіе, нравиться? Движеніе прекратилось: нѣтъ болѣе религіозной борьбы; нѣтъ болѣе борьбы партій, вслѣдствіе честолюбивыхъ стремленій принцевъ крови, могущественныхъ вельможъ; нѣтъ болѣе такихъ сильныхъ лицъ, которыя, привязавшись къ народному неудовольствію, могли поднять движеніе въ родѣ фронды; нѣтъ болѣе того сильнаго внутренняго и особенно военнаго движенія, какое было поднято великимъ королемъ и такъ поразило воображеніе народа, такъ заняло его вниманіе, нѣтъ и тѣхъ печальныхъ, страшныхъ минутъ, какія пережила Франція въ послѣднее время Людовика XIV. Нѣтъ жизни, нѣтъ движенія, нѣтъ серьезныхъ вопросовъ, къ рѣшенію которыхъ призывалось бы общество. Дѣлать нечего, да и говорить серьезнаго нечего, — говорить такъ, чтобы слово переходило непосредственно въ дѣло. Оставалось относиться враждебно къ этому недостатку жизни и движенія, къ этому отсутствію интересовъ; но и здѣсь серьезное отношеніе, вдумываніе въ причины зла и придумываніе средствъ къ его исправленію возможны были лишь для немногихъ; для большинства же непріязненное отношеніе къ настоящему должно было выражаться въ насмѣшкѣ надъ нимъ, которой помогали и складъ французскаго ума и самая постановка окружающихъ явленій, гдѣ форма не соотвѣтствовала болѣе содержанію, дѣла не соотвѣтствовали значенію лицъ, ихъ совершавшихъ, а такое несоотвѣтствіе именно и возбуждаетъ насмѣшку. Такимъ образомъ большинство, праздно отъ серьезной мысли и дѣла, осуждено было забавляться на счетъ настоящаго насмѣшками надъ нимъ; люди, которые хотѣли выказаться, блистать, обращать на себя вниманіе, должны были забавлять именно этимъ средствомъ, и вотъ вмѣстѣ съ салонностью, людскостью, изяществомъ манеръ развилось остроуміе, становившееся синонимомъ злоязычія. Остроуміе не щадило ничего. Мы знаемъ, въ какомъ періодѣ находилось французское общество съ эпохи возрожденія—съ эпохи развитія ума на счетъ чувства; уже шелъ третій вѣкъ, какъ умъ новыхъ европейскихъ народовъ, возбужденный къ дѣятельности расширеніемъ сферы

знанія, возбужденный силою древней мысли, сталъ критически относиться къ тому, чѣмъ до сихъ поръ жилось, во что вѣрилось; съ этого времени, времени поклоненія чуждому гению, гению древности, столь могущественному, такъ поразившему воображеніе памятниками искусства и мысли, начинается отрицательное отношеніе къ своему— къ своему прошедшему, къ среднимъ вѣкамъ, изъ которыхъ вытекло настоящее, отрицательное отношеніе къ своему періоду чувства, къ религіозному чувству, господствовавшему въ этотъ періодъ, и къ результатамъ этого господства. Враждебность начала, стремившагося господствовать, къ прежде господствовавшему началу, мысли къ чувству выказывалась очевидно; все, что напоминало чувство, основывалось на немъ, происходило отъ него, — все это было объявлено предразсудкомъ. Предразсудкомъ являлось все прежнее и потому подлежало уничтоженію; послѣ этого уничтоженія долженъ былъ явиться новый міръ отношеній человѣческихъ, основанный на законахъ и требованіяхъ одного разума человѣческаго. Понятно, что, несмотря на такое одностороннее направленіе французскаго общества въ описываемое время, въ немъ были люди дѣльные, которые понимали, къ чему ведетъ такая односторонность; но ихъ голосъ былъ голосомъ въ пустынь. Такъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ министровъ Людовика XV, Даржансонъ, оставилъ намъ о своемъ времени слѣдующія любопытныя строки: «сердце есть способность, которая исчезаетъ въ насъ каждый день по недостатку упражненія, тогда какъ умъ все болѣе и болѣе обтачивается и заостривается. Мы становимся существами исключительно составленными изъ одного ума...; но, вслѣдствіе исчезновенія способностей, идущихъ отъ сердца, Франція погибнетъ, я это предсказываю. У насъ нѣтъ болѣе друзей, мы равнодушны къ любимой женщинѣ, какъ же мы будемъ любить отечество?.. Мы каждый день теряемъ прекрасную часть самихъ себя— ту, которую называютъ чувствительностью... Любовь, потребность любить исчезаютъ съ земли... Расчеты интереса поглощаютъ теперь всѣ минуты; все посвящено интригамъ... Внутренній огонь погасаетъ по недостатку питанія. Мы страдаемъ параличомъ сердца... Тридцать лѣтъ наблюдаю я постепенное ослабленіе любви и предсказываю ея скорое уничтоженіе».

Понятно, что такое направленіе общественной мысли должно было отразиться въ общественномъ словѣ, въ литературѣ, и здѣсь самымъ виднымъ, самымъ блестящимъ выразителемъ господствующаго настроенія явился Вольтеръ. По воспитанію своему Вольтеръ принадлежалъ къ тому темному направленію въ нравственной жизни фран-

цузскаго общества, которое выражалось въ поклоненіи доброй матери-природѣ и которое встрѣтило сопротивленіе въ янсенизмѣ, въ сильномъ церковно-литературномъ движеніи при Людовикѣ XIV, въ религіозности великаго короля,—встрѣтило сопротивленіе, но не исчезло, продолжало жить втихомолку, дожидаясь своего времени. Въ самомъ нѣжномъ возрастѣ Вольтеръ уже напился невѣріемъ, и человекъ, который накормилъ его этою пищею, былъ аббатъ. Тотъ же аббатъ ввелъ его къ знаменитой жрицѣ «доброй матери природы», Нинонѣ Ланкло, которая сейчасъ же увидала, что отъ мальчика будетъ прокъ, и назначила ему стипендію на покупку книгъ. Вольтеръ окончилъ свое образованіе въ іезуитской школѣ и тѣмъ же добрымъ аббатомъ былъ введенъ въ разныя общества поклонниковъ «доброй матери природы», гдѣ и довершилъ свое воспитаніе. Въ то самое время, какъ Людовикъ XIV сходитъ въ могилу, Вольтеръ, представитель другого могущества, начинаетъ дѣйствовать. Онъ начинаетъ легкими сатирическими стишками, и эти проказы молодости сейчасъ же ведутъ его къ столкновенію съ властью: его сначала высылаютъ изъ Париза, потомъ сажаютъ въ Бастилію—и на этотъ разъ понапрасну, потому что безъ изслѣдованія приписываютъ ему стихи противъ покойнаго короля, вовсе не имъ написанные. Освободившись изъ Бастиліи, 24 лѣтъ, онъ ставитъ въ театрѣ свою первую пьесу «Эдипъ», возбуждившую сильное вниманіе и начавшую новую эпоху во французской и европейской литературѣ. Время чистаго искусства—время Корнеля и Расина—прошло для Франціи. Мы видѣли, какъ въ Англіи политическія идеи вторглись въ область искусства, какъ политическія партіи отражались въ стихахъ поэта, произносимыхъ со сцены, въ рѣчахъ римлянъ, выведенныхъ имъ въ своей пьесѣ, видѣли указанія на борьбу политическихъ партій въ Англіи. Теперь то же самое видимъ и во французской литературѣ. Мысли, которыя занимаютъ общество, которыя составляютъ предметъ разговоровъ въ гостиныхъ, входятъ въ литературу, въ публичное слово; разумѣется, въ публичномъ словѣ они не могли высказываться въ тогдашней Франціи съ полною свободою,—онѣ должны были являться въ видѣ намековъ; сочиненія же, въ которыхъ онѣ высказывались съ полною свободою, или ходили въ рукописяхъ, или печатались за границею. То сочиненіе могло рассчитывать на вѣрный успѣхъ, гдѣ общество встрѣчало мысли, которыя его занимали, а сочиненія Вольтера наполнены этими мыслями или намеками на нихъ. То, что въ гостиныхъ и кафе, вошедшихъ тогда въ моду, высказывалось отрывочно, смутно, то даровитый авторъ обрабатывалъ въ стройное цѣ-

лое, уясняя примѣрами, излагая увлекательно, остроумно, не глубоко, но легко, общедоступно; что было предметомъ сильныхъ желаній, что могло откровенно высказываться въ своемъ кружкѣ, въ стѣнахъ гостиной, то вдругъ слышали произносимымъ въ звучномъ стихѣ при многочисленной публикѣ, на театральной сценѣ. Впечатлѣніе было громадное, и авторъ пріобрѣталъ чрезвычайную популярность, общество было благодарно своему вѣрному слугѣ, глашатаю своихъ мыслей и желаній, удивлялось его смѣлости, геройству, рѣшимости публично высказывать то, о чемъ другіе говорили только втихомолку. Успѣхъ Вольтера былъ обезпеченъ тѣмъ, что онъ явился вѣрнымъ слугою направленія, которое брало верхъ, для большинства было моднымъ, явился проповѣдникомъ царства разума человѣческаго и потому заклятымъ врагомъ, порицателемъ того времени, въ которое господствовало чувство, заклятымъ врагомъ духовенства, христіанства, всякой положительной религіи. Въ «Эдипѣ» поклонники разума уже рукоплескали знаменитымъ стихамъ, въ которыхъ подъ языческими жрецами ясно выставлялось современное духовенство: «Наши жрецы вовсе не то, что простой народъ о нихъ думаетъ, — наше легковѣріе составляетъ всю ихъ мудрость». Что въ театральной піесѣ являлось только намекомъ, то высказано было прямо авторомъ въ стихотворномъ «Посланіи къ Ураніи». Змѣй подползаетъ къ женщинѣ и обдастъ ее хулами на все то, что она привыкла считать святымъ, что особенно было потребно ея сердцу; искушитель ловко, остроумно подбираетъ черты, которыя особенно могутъ озадачить неопытное существо; онъ не требуетъ отъ нея, чтобъ она перестала вѣрить, но чтобъ отвергла только положительную религію и избрала другую—естественную, которую Всемогущій начерталъ въ глубинѣ ея сердца.

По сочиненія, подобныя «Посланію къ Ураніи», могли ходить только въ рукописи, что давало мало извѣстности автору. Вольтеръ пишетъ поэму изъ новаго времени съ классическою обстановкою, что было непріятнымъ анахронизмомъ; но для автора форма не была главнымъ дѣломъ: ему нужно было подъ прикрытіемъ провести свои любимыя мысли, свои выходы противъ духовенства, противъ фанатизма, заклеить людей, для которыхъ религіозный интересъ былъ выше всего, прославить человѣка, знаменитаго своимъ равнодушіемъ къ вѣрѣ, три раза по обстоятельствамъ ее перемѣнявшаго. Герой поэмы—Генрихъ IV. Еще при жизни послѣдняго Валуа Генрихъ отправляется посломъ къ англійской королевѣ Елисаветѣ, потому что французскій Эней долженъ разсказать англійской Дидонѣ

исторію релігійної боротьби во Франціи, гдѣ онъ долженъ объявить, что одинаково равнодушень къ католицизму и протестантизму и сдѣлать сильную выходку противъ релігійной ревности: «безчеловѣчная релігійная ревность заставила всѣхъ французовъ взяться за оружіе. Я не отдаю предпочтенія ни Женевѣ, ни Риму, — и съ той и съ другой стороны я видѣлъ обманъ и неистовство. Моя обязанность защищать государство, а небо пусть само метитъ за себя. Да погибнетъ навсегда гнусная политика, которая захватываетъ деспотическую власть надъ сердцами, которая хочетъ обращать смертныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, которая орошаетъ алтари кровью еретиковъ». Герой-проповѣдникъ релігійнаго равнодушія ведетъ борьбу съ адскимъ чудовищемъ, «самымъ жестокимъ тираномъ царства тѣней», — съ фанатизмомъ, при описаніи дѣйствій котораго авторъ истощаетъ все свое искусство, и конецъ поэмы — торжество Генриха IV надъ фанатизмомъ.

Вольтеръ приобрѣталъ день ото дня болѣе знаменитости; общество шло въ немъ блестящаго, остроумнаго выразителя мыслей, взглядовъ, бывшихъ въ ходу, а такъ какъ писатель нисколько не рознился въ немъ съ человѣкомъ, такъ какъ авторъ Эдипа и Генріады былъ блестящимъ и остроумнымъ собесѣдникомъ, то понятно, что онъ былъ желаннымъ гостемъ въ модныхъ гостиныхъ. Чтобы яснѣе понять связь между писателемъ и обществомъ, мы обратимся къ тому же внимательному наблюдателю, слова котораго объ ослабленіи чувства мы уже прежде привели. Даржансонъ замѣчаетъ, что «общество сильно измѣнилось противъ прежняго, что оно отказалось отъ пьянства, предоставивъ его ремесленникамъ и лакеямъ, и вообще нравы смягчились самымъ очевиднымъ образомъ. Меньше кланутся, не богохульничаютъ хладнокровно и съ сердечною радостью, говорить тише и спокойнѣе, не злословятъ ближняго съ яростію и злобою, боятся послѣдствій, стали осторожны, избѣгаютъ и легкихъ столкновеній изъ страха, чтобы они не превратились въ серьезныя ссоры. Быть-можетъ (сознаемся втихомолку), мы стали потрусливѣе; но когда кто, по несчастію, трусливъ, то лучшее средство не казаться трусливымъ — это избавиться отъ столкновеній, а для этого надобно предвидѣть ихъ издалека. Наши предки были безспорно храбры и отважны, но мы гораздо общительнѣе ихъ. Между нами бываютъ только легкія перебранки, насмѣшки, которыя легко переносятся, когда умѣютъ на нихъ отвѣчать. Въ старину мы пожирали другъ друга, какъ львы и тигры; теперь мы играемъ другъ съ другомъ, какъ молодыя собачки, которыя слегка покусываютъ, или хо-

рошенькія кошечки, которыхъ царпанья никогда не бываютъ смертельны. Мы отказались отъ многихъ дикостей, отъ пустого волокитства, отъ славы успѣха съ женщинами. Не знаю, выиграла ли отъ этого нравственность, потому что, съ другой стороны, бросились въ развратъ съ потерянными женщинами. По крайней мѣрѣ въ этихъ непродолжительныхъ связяхъ нашли больше свободы, больше спокойствія духа; дѣйствительно, издержки здѣсь не такъ велики. Теперь расточительность такая же, какъ и прежде, но предметы роскоши другіе, болѣе издерживаютъ на удовольствія, на опрятность, на приличіе, отказались отъ позолоты, отъ вышитаго платья и т. п. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ публика не обнаруживала никакого любопытства относительно государственныхъ дѣлъ. Теперь всякій читаетъ «Парижскую Газету», даже въ провинціяхъ. Толкуютъ всось и вкривь о политикѣ, но толкуютъ. Англійская свобода получила къ намъ доступъ, болѣе наблюдаютъ за тиранствомъ; оно, по крайней мѣрѣ, обязано теперь скрывать свои ходы и говорить другимъ языкомъ...» Но что касается языка общества, то Даржансонъ не можетъ указать здѣсь ничего утѣшительнаго. «Разговоръ состоитъ въ однихъ эпиграммахъ, въ смѣшныхъ исторіяхъ, въ зlostныхъ выходкахъ, иногда въ присутствіи заинтересованныхъ лицъ. Жалуются, что нѣтъ болѣе разговора во Франціи въ наши дни, и я знаю причину: терпѣніе слушать уменьшается съ каждымъ днемъ у нашихъ современниковъ. Слушаютъ плохо, или, лучше сказать, вовсе не слушаютъ. Кто-нибудь меня спрашиваетъ, я ему добросовѣстно отвѣчаю, а онъ уже завязалъ разговоръ съ другимъ. Только слышны общія мѣста, фразы, не идущія къ дѣлу, которыя, возбуждая сомнѣніе, отдаляютъ отъ истины; всѣми овладѣла лѣнь разсуждать, потому что потеряна привычка слушать; неодолимые предрасудки, презрѣніе ко всему, неразумная критика—вотъ вѣкъ! Слушайте щебетанье птицъ въ рощѣ, которыя поютъ всѣ разомъ. Часто я бываю гораздо уединеннѣе въ обществѣ, чѣмъ въ своемъ кабинетѣ съ книгами. Хотите вы исчерпать предметъ въ разговорѣ, развить подробно извѣстную мысль,—ждите перерывовъ, криковъ, всего того, что отзывается дурнымъ обществомъ и что въ наше время допущено въ лучшее. И нечего оскорбляться; я видѣлъ такое вавилонское смѣшеніе у самого короля: самъ король не могъ сказать слова, — его ежеминутно прерывали. Наши умники отличаются такою злостью, что находятъ удовольствіе только въ бѣдствіи ближняго и въ смутѣ рода человѣческаго. Я говорилъ одному моему пріятелю, отличавшемуся въ этомъ сатирическомъ родѣ хорошаго тона: «Какъ мнѣ васъ жаль! Когда вы хоть

разъ посмотрите на что-нибудь съ удовольствіемъ?» Дѣло въ томъ, что чѣмъ невѣжественнѣе становится вѣкъ, тѣмъ сильнѣе становится въ немъ привычка все критиковать. Никогда такъ мало не читали, какъ теперь, никогда менѣе серьезно не занимались изученіемъ исторіи и литературы; никогда такъ поспѣшно не произносили своего суда надъ людьми и явленіями. Знаніе стремится узнавать все болѣе и болѣе; невѣжество относится ко всему съ презрѣніемъ и невниманіемъ. Такъ вотъ до чего мы дошли во Франціи. Занавѣсъ опускается, зрѣлище исчезаетъ, слышатся одни свистки. Скоро у насъ не будетъ ни краснорѣчивыхъ собесѣдниковъ въ обществѣ, ни трагическихъ и политическихъ авторовъ, ни музыки, ни живописи, ни архитектуры,—будетъ одна критика повсюду. Теперь появляется болѣе періодическихъ изданій, чѣмъ новыхъ книгъ. У сатиры нѣтъ болѣе нищи во рту, но она все жуетъ».

Допустивъ даже нѣкоторыя преувеличенія, нѣкоторую густоту красокъ, мы должны признать, что сущность господствовавшего тогда во французскомъ обществѣ направленія указана вѣрно Даржансономъ, вѣрно указана эта привычка, эта мода отрицательно относиться ко всему, господство легкой, поверхностной критики и отсутствіе критики серьезной, серьезнаго, строгаго вопроса каждому явленію; для такой критики у большинства, у толпы не было средствъ, и она тѣшилась злоязычіемъ, балаганною критикою, глумленіемъ надъ тѣмъ, предъ чѣмъ прежде преклонялась; толпа тѣшилась свободою отъ авторитетовъ, свободою отъ обязанности слушать и слушаться и, разумѣется, съ восторгомъ привѣтствовала блестящаго писателя, который такъ вѣрно служилъ модному направленію, разрушенію авторитетовъ, глумленію надъ предметами прежняго поклоненія.

Но въ обществѣ, среди котораго вращался Вольтеръ и модному направленію котораго такъ усердно служилъ,—въ этомъ обществѣ, какъ обыкновенно бываетъ въ переходныя времена, существовало двувѣріе—поклоненіе старымъ и новымъ богамъ. Люди, которые служили новому направленію, вопили противъ старыхъ предразсудковъ, охотно обращались къ этимъ предразсудкамъ, къ старымъ средствамъ, когда это было имъ выгодно, служило для удовлетворенія ихъ страстей. Вольтеръ испыталъ это на себѣ. Привыкнувъ къ дружескому обращенію людей знатныхъ, онъ думалъ, что старые предразсудки дѣйствительно исчезли и водворилось полное равенство между людьми знатными по таланту и знаменитыми по происхожденію. Столкнувшись въ чемъ-то съ кавалеромъ Роганъ-Шабо, онъ отдѣлалъ его колкими словами; тотъ, не умѣя сражаться такимъ же оружіемъ, вспо-

мнили старыя преданія о томъ, какъ знатные люди отдѣлывали грубыхъ мужиковъ. Однажды, когда Вольтеръ обѣдалъ у герцога Сюлли, Роганъ вызвалъ его подъ какимъ-то предлогомъ на улицу, гдѣ лакеи Рогана бросились на него и избили. Вольтеръ вызвалъ его на дуэль, но Роганъ предпочелъ отдѣлаться отъ дерзкаго мужика административнымъ порядкомъ и выхлопоталъ у правительства приказъ посадить Вольтера въ Бастилію, и хотя чрезъ нѣсколько времени его выпустили оттуда, но съ приказаніемъ оставить Парижъ. Вольтеръ уѣхалъ въ Англію.

Даржансонъ видитъ во французскомъ обществѣ своего времени явные признаки англійскаго вліянія. Французы, въ своихъ стремленіяхъ, начавшихся по смерти Людовика XIV, волею-неволею, безпрестанно обращались къ знаменитому острову, о свободныхъ учрежденіяхъ и богатствѣ котораго рассказывали чудеса: все это сильно должно было подстрекать бѣдныхъ свободою и деньгами французовъ. Самый громкій глашатай общественныхъ стремленій, Вольтеръ, рано долженъ былъ высказать свое сочувствіе къ Англіи. Мы видѣли, что онъ въ своей поэмѣ отправляетъ Генриха Бурбона въ Англію, чтобы заставить его рассказать королевѣ Елисаветѣ о Вароламеевской ночи, какъ Эней рассказывалъ Дидонѣ о разрушеніи Трои. Но по этому поводу авторъ высказываетъ свои мысли, т.-е. мысли своего общества, объ Англіи. Онъ говоритъ, что «Елисавета заставила неукротимаго англичанина полюбить свою власть, — англичанина, который не умѣетъ ни рабствовать, ни жить въ свободѣ». Это выраженіе, которое такъ шло къ французамъ, особенно послѣ 1789 года, въ первой четверти XVIII в. французскій поэтъ употребляетъ относительно англичанъ; недавнія революціонныя волненія на островѣ и не оконченная борьба между династіями давали ему на это право. Тутъ же Вольтеръ распространяется о богатствѣ и могуществѣ Англіи: ея луга покрыты безчисленными стадами, ея житницы наполнены хлѣбомъ, моря покрыты ея кораблями; ея бояся на сушѣ, она царитъ на водахъ. Лондонъ, нѣкогда городъ варварскій, теперь сталъ средоточіемъ искусствъ, магазиномъ міра и храмомъ Марса; но единственная причина изобилія, царствующаго въ этомъ неизмѣримомъ городѣ, — свобода; въ стѣнахъ Вестминстера являются вмѣстѣ три власти, удивленные своимъ союзомъ: депутаты народа, вельможи и король, раздѣленные интересами, соединенные закономъ, три священные члена непобѣдимаго тѣла, опаснаго самому себѣ, страшнаго сосѣдямъ». Такимъ образомъ Вольтеръ, прежде своей высылки изъ Франціи, былъ предубѣжденъ въ пользу Англіи вмѣстѣ со всѣмъ французскимъ обществомъ, въ

средѣ котораго вращался; Англія, слѣдовательно, не могла поразить его противоположностью своего государственнаго быта быту Франціи. Пребываніе Вольтера въ Англіи было важно въ исторіи его дѣятельности тѣмъ, что онъ поближе познакомился съ учніемъ поклонниковъ разума человѣческаго или такъ называемыхъ деистовъ, Локка съ товарищами, и по возвращеніи изъ Англіи популяризовалъ это ученіе для Франціи и для цѣлой Европы. Понятно, что въ этой усиленной, теперь систематической проповѣди поклоненія разуму, слѣдовательно проповѣди противъ господствовавшаго въ средніе вѣка начала, чувства религіознаго, Вольтеръ долженъ былъ напасть на авторитетъ, стоявшій ему на дорогѣ, — авторитетъ Паскаля; но этого мало: въ своемъ увлеченіи проповѣдью поклоненія разуму онъ наругался надъ самымъ священнымъ явленіемъ французской исторіи, потому что это явленіе выходило изъ области религіознаго чувства, — наругался надъ Орлеанскою дѣвственницею. Знаменитая «Pucelle» была знакомъ полнаго разрыва новой Франціи, поклоняющейся разуму, съ древнею Франціею, служившею религіозному чувству, — разрыва, совершеннаго со всѣмъ увлеченіемъ и легкостью французской природы.

За Вольтеромъ въ Англію на поклоненіе ея учрежденіямъ явился Монтескье. Недовольство, отрицательное отношеніе къ своему должно было прежде всего высказываться въ сатиру на современное состояніе общества, на существовавшія учрежденія; умы болѣе сильные не могли останавливаться на отрицаніи; въ исканіи чего-нибудь положительнаго, болѣе питательнаго для мысли они обращались къ исторіи, именно къ древней, потому что знали ее лучше и потому что видѣли въ ней явленіе, противоположное явленіямъ своего настоящаго. Но древняя исторія не могла удовлетворить ихъ, и въ настоящемъ они влеклись къ острову, знаменитому своими свободными учрежденіями, своимъ благосостояніемъ и результатами свободного движенія мысли. Монтескье началъ сатирую на французское государство и общество, потомъ остановился на древней исторіи, на самомъ любопытномъ вопросѣ: какъ возникла и почему пала древняя свобода, древняя республика, и наконецъ написалъ знаменитый «Духъ законовъ», отправившись отъ англійскихъ учреждений, для которыхъ начерталъ теорію. Грѣхъ юности Монтескье — это «Персидскія письма» — сатира въ очень замысловатой, удобной формѣ: человѣкъ изъ совершенно другого міра, азіатецъ, персіянинъ пріѣхалъ въ Парижъ, наблюдаетъ и описываетъ то, что особенно поразило его вниманіе. Что же осо-

бенно поразило персіянина, т.-е. что особенно было на сердцѣ у тогдашнихъ либераловъ, къ которымъ принадлежалъ авторъ «Персидскихъ писемъ?»

Если сильная власть Людовика XIV была естественною реакціею смутамъ фронды, то либеральныя движенія французскаго общества въ описываемое время были реакціею злоупотребленіямъ власти при великомъ королѣ, и сатира, явившаяся выраженіемъ этихъ либеральныхъ движеній, разумѣется, не отнесется благодушно къ человѣку, злоупотребившему своею властью. Персіанинъ пріѣхалъ во Францію въ послѣднее время царствованія Людовика XIV и пишетъ: «Французскій король старъ; говорить, что онъ въ высочайшей степени обладаетъ талантомъ — заставлятъ повиноваться себѣ; онъ часто говорить, что изъ всѣхъ образовъ правленія турецкій или персидскій болѣе всего ему нравится». Персіанинъ нашелъ неразрѣшимыми противорѣчія въ характерѣ Людовика: «у него министръ 18 лѣтъ, а любовникъ 80; онъ любитъ свою религію, но не терпитъ такихъ, которые говорятъ, что подобно соблюдать ее во всей строгости; онъ бѣжитъ шума городовъ и мало общителенъ, а между тѣмъ съ утра до ночи занятъ только тѣмъ, чтобы заставлятъ говорить о себѣ; онъ любитъ трофеи и побѣды, но точно такъ же непріятно видѣтъ ему хорошаго генерала въ челѣ своихъ войскъ, какъ и въ челѣ непріятельскихъ; только ему удалось въ одно время имѣть столько богатствъ, сколько ни одинъ государь не можетъ надѣяться имѣть, и быть утѣшеннымъ такою бѣдностью, какой частный человѣкъ не можетъ выдержатъ. Онъ любитъ награждать людей, которые ему служатъ; но онъ также щедро награждаетъ усердіе или, лучше сказать, праздность своихъ придворныхъ, какъ и трудные походы своихъ генераловъ: часто онъ предпочитаетъ человѣка, который его раздѣваетъ или служитъ за столомъ, другому, который беретъ непріятельскіе города или одерживаетъ побѣды. Онъ не думаетъ, что верховная власть должна чѣмъ-нибудь стѣсняться въ раздачѣ милостей, и, не обращая вниманія на то, достоинъ ли того человѣкъ, осыпаемый его милостями, думаетъ, что его выборъ дѣлаетъ его достойнымъ. Онъ великозпѣнъ, особенно въ своихъ постройкахъ: въ садахъ его дворца больше статуй, чѣмъ гражданъ въ большомъ городѣ». Выходку противъ уничтоженія нантскаго эдикта авторъ прикрылъ слѣдующимъ письмомъ персіанина: »Ты знаешь, мирза, что министры шаха Солимана приняли намѣреніе изгнать изъ Персіи всѣхъ армянъ или заставить ихъ обратиться въ магометанство, думая, что государство наше будетъ постоянно осквернено, если сохранить въ своихъ нѣдрахъ этихъ

неверныхъ. Неизвѣстно, какъ дѣло не удалось; случай занялъ мѣсто разума и политики и спасъ государство отъ опасности большей, чѣмъ если бы оно потерпѣло три пораженія и потеряло два города. Изгнаніемъ армянъ Персія въ одинъ день лишилась бы всѣхъ купцовъ и всѣхъ ремесленниковъ. Я увѣренъ, что великій шахъ Аббасъ скорѣе отрубилъ бы себѣ обѣ руки, чѣмъ подписать бы такой указъ, и, отсылая къ Моголу и другимъ владѣльцамъ Индіи самыхъ промышленныхъ своихъ подданныхъ, онъ считъ бы, что отдаетъ имъ половину своего государства. Уже и такъ преслѣдованія, которыя терпѣли у насъ гебры, заставили ихъ толпами бѣжать въ Индію и лишили Персію трудолюбиваго народа, который одинъ былъ въ состояніи побѣдить безплодіе нашей почвы. Оставалось благочестію нанести второй ударъ: уничтожить промышленность, а чрезъ это государство падало само собою и съ нимъ необходимо падала та самая религія, которую хотѣли сдѣлать цвѣтущею». Тутъ авторъ сходитъ съ высоты терпимости и унижается до соображенія, что различіе религій полезно для государства: «Замѣчено, что жители, исповѣдующіе вѣру терпимую, бываютъ полезнѣе своему отечеству, чѣмъ тѣ, которые исповѣдуютъ вѣру господствующую, ибо, удаленные отъ почестей, имѣя возможность отягчиться только богатствомъ, они стараются пріобрѣсти его трудомъ и потому не избѣгаютъ занятій самыхъ трудныхъ. Такъ какъ всѣ религіи содержатъ правила полезныя для общества, то хорошо, когда эти правила ревностно соблюдаются; но самое лучшее средство возбудить эту ревность—многообразіе религій. Исповѣдующіе разныя религіи—это соперники, которые не прощаютъ ничего другъ другу. Каждый боится сдѣлать что-нибудь безчестное для его партіи и выставить ее на позоръ, предметомъ порицанія для партіи противной. Пусть говорятъ, что не въ интересахъ государя терпѣть многія религіи: если бы секты всего міра собрались въ одно государство, то онѣ не повредили бы государю, потому что каждая изъ нихъ предписываетъ повиновеніе властямъ. Правда, что исторія наполнена религіозными войнами, но онѣ происходили не отъ многообразія религій, но отъ духа нетерпимости религій господствующей». Мы видимъ еще здѣсь дѣтскую поверхностность взгляда при рѣшеніи одного изъ самыхъ важныхъ вопросовъ въ жизни человѣчества; поклонникъ разума совершенно равнодушенъ къ религіи, чуждъ религіознаго чувства, а между тѣмъ позволяетъ себѣ толковать о религіи и сейчасъ же, разумѣется, несетъ наказаніе искаженіемъ исторіи, на которую рѣшился сослаться, какъ будто новая религія, проповѣдники которой отяччаются сильнымъ убѣжденіемъ, можетъ оставить въ покоѣ другія религіи, пока

не приобрѣтеть господства, пока не утвердить, по убѣжденіямъ ея поклонниковъ, истиннаго отношенія человѣка къ Богу; да и эти самыя господа-проповѣдники поклоненія разуму человѣческому, требовавшіе сначала только терпимости, жаловавшіеся на гоненіе отъ церковной и свѣтской власти,—вѣдь они требовали ни больше, ни меньше какъ права проповѣдывать свое ученіе, разрушающее всѣ религіи,—а развѣ не извѣстно, что они наконецъ приобрѣли господство,—п что же, отличались они терпимостью во время этого господства? Эти люди не хотѣли понять, что если безчестно требовать отъ отдѣльнаго человѣка полного равнодушія и спокойствія, когда въ его глазахъ принимаются всѣ мѣры противъ его благосостоянія и существованія, то также безчестно требовать этого и отъ цѣлыхъ учреждений.

По поводу смерти Людовика XIV персіянинецъ пишетъ: «Нѣтъ болѣе монарха, который царствовалъ такъ долго; при жизни онъ заставлялъ много говорить о себѣ; всѣ смолкли при его смерти». По поводу преемника Людовика XIV персіянинецъ указываетъ на одно изъ самыхъ сильныхъ золъ, которымъ страдала дряхлая французская монархія: «Говорятъ, что нельзя узнать характеръ западнаго короля до тѣхъ поръ, пока онъ не прошелъ чрезъ два великія испытанія—любовницу и духовника. Въ молодости короля эти двѣ силы соперничаютъ другъ съ другомъ, но онѣ примираются и заключаютъ союзъ во время его старости. Когда я пріѣхалъ во Францію, то покойный король находился совершенно во власти женщины. Я слышалъ, какъ одна женщина говорила: «Непремѣнно надобно сдѣлать что-нибудь для этого молодого полковника; его храбрость мнѣ извѣстна; я поговорю о немъ съ министромъ». Другая говорила: «Удивительно, что объ этомъ молодомъ аббатѣ забыли; ему надобно быть епископомъ; онъ изъ хорошей фамиліи, и я ручаюсь за его нравственность». И не воображай, чтобы эти дамы были въ большой милости у короля: онѣ, можетъ быть, во всю жизнь не говорили съ нимъ двухъ разъ. Дѣло въ томъ, что каждый человѣкъ, занимающій сколько-нибудь значительную должность при дворѣ, въ Парижѣ или въ провинціяхъ, имѣетъ женщину, чрезъ руки которой онъ получаетъ всѣ милости и которая защищаетъ его отъ послѣдствій дѣлаемыхъ имъ несправедливостей. Эти женщины находятся въ сношеніяхъ другъ съ другомъ и образуютъ родъ республики, которой члены, вѣчно дѣятельные, помогаютъ и служатъ другъ другу. Кто видитъ дѣятельность министровъ, начальствующихъ лицъ, прелатовъ и не знаетъ женщины, которая ими управляетъ, все равно, что видитъ машину въ ходу, но не имѣетъ понятія о пружинахъ, приводящихъ ее въ движеніе».

Но отъ Монтескьё съ товарищами, какъ отъ поклонниковъ разума, мы должны ждать самыхъ сильныхъ выходокъ противъ другой власти, другого авторитета—церковнаго. Персіяннинъ называетъ французскаго короля великимъ волшебникомъ, потому что онъ можетъ заставить своихъ подданныхъ вѣрить, что одна монета имѣетъ цѣнность двухъ такихъ же; но есть еще волшебникъ посильнѣе—папа, который можетъ заставить народъ вѣрить вещамъ менѣе имовѣрнымъ. Въ этихъ выходкахъ Монтескьё для историческаго изученія важны не пошлыя выходки противъ христіанства и религіи вообще, но выходки противъ тѣхъ слабыхъ мѣстъ современной французской церкви, которыя защитники религіи защищать не могли и которыя увеличивали силу враждебнаго церкви направленія. Епископы, пишетъ персіяннинъ, когда находятся въ собраніи, то ставятъ религіозныя правила, когда же дѣйствуютъ порознь, то занимаются только разрѣшеніями отъ соблюденія этихъ правилъ. Монтескьё, разумѣется, не упустилъ случая посмѣяться на самомъ твердомъ основаніи насмѣшки, на противоположности слова и дѣла, проповѣди и проповѣдника. Персіяннинъ не могъ не замѣтить толстенькаго человѣка въ черномъ плащѣ, но печальный цвѣтъ одежды находился въ противоположности съ веселымъ видомъ и цвѣтущимъ лицомъ господина, причесаннаго съ большою тщательностью, чѣмъ причесывались дамы; персіяннинъ пишетъ, что этотъ господинъ отлично знаетъ слабости женщинъ и женщины знаютъ его собственную слабость. Персіяннинъ замѣтилъ, что гуляки содержатъ во Франціи огромное количество женщинъ вольнаго поведенія, а люди набожные содержатъ великое множество дервишей, у которыхъ три обѣта—повиновеніе, бѣдность и цѣломудріе, но изъ этихъ обѣтовъ соблюдается только первый; скорѣе султанъ откажется отъ своихъ великолѣпныхъ титуловъ, чѣмъ французскіе дервиши отъ титула бѣдности, ибо титулъ бѣдныхъ служить имъ главнымъ препятствіемъ быть дѣйствительно бѣдными. Персіяннинъ замѣтилъ и мѣтко описалъ это печальное состояніе общества, когда многіе, не отказываясь отъ религіи, перестали быть религіозными: «я не замѣтилъ между христіанами этого живого религіознаго убѣжденія, которое господствуетъ между магометанами. Религія у нихъ составляетъ для всѣхъ предметъ спора; придворные, военные, даже женщины поднимаются противъ духовенства и требуютъ у него доказательствъ тому, во что рѣшились не вѣрить. Это рѣшеніе составилось не вслѣдствіе убѣжденій разума, не вслѣдствіе того, что они потрудились изслѣдовать истину или ложность отвергаемой ими религіи, — это бунтовщики, которые почувствовали иго и свергли его

прежде, чѣмъ сознали. Поэтому они такъ же слабы въ своемъ невѣріи, какъ и въ своей вѣрѣ, они живутъ въ приливѣ и отливѣ, которые несутъ ихъ отъ одного къ другой».

Персіянинъ замѣтилъ отсутствіе жизни и въ другомъ сословіи, которое прежде стояло наверху по своимъ личнымъ качествамъ, а теперь, утративъ эти качества, старалось напомнить о своемъ значеніи витѣшными приемами, способными производить сильное раздраженіе и ускорить переворотъ. Пріятель персіянина сказалъ ему, что повезетъ его къ одному изъ самыхъ знатныхъ и представительныхъ людей. «Что это значитъ? — спросилъ мнимый азіатецъ, — это значитъ, что онъ учтивѣе, ласковѣе другихъ?» — «Нѣтъ, — отвѣчалъ пріятель, — это значитъ, что онъ дастъ чувствовать каждую минуту свое превосходство надъ всѣми тѣми, которые къ нему приближаются». — «Я увидалъ, — пишетъ персіянинъ, — маленькаго человѣчка, которому не могъ не удивиться: такъ онъ былъ гордъ, съ такимъ высокомеріемъ нюхалъ табакъ, такъ громко сморкался, съ такою величественною медленностью плевалъ, ласкалъ своихъ собакъ такъ оскорбительно для людей! Надобно намъ имѣть слишкомъ гадкую натуру, чтобы позволить себѣ дѣлать сотню маленькихъ обидъ людямъ, которые ежедневно приходятъ къ намъ съ заявленіемъ своего добраго расположенія». Не пощажена и новая денежная аристократія. Персіянинъ осведомляется у своего пріятеля, кто это человѣкъ, который такъ много говоритъ объ обѣдахъ, данныхъ имъ знати, который такъ близокъ съ вашими герцогами, который такъ часто говоритъ съ вашими министрами? Должно-быть, это человѣкъ очень значительный; но у него такая пошлая фізіономія, что не дѣлаетъ чести людямъ значительнымъ, къ тому же это человѣкъ не воспитанный». — «Это откупщикъ, — отвѣчалъ пріятель, — онъ настолько выше другихъ по своему богатству, насколько ниже по происхожденію. Онъ большой наглецъ, какъ вы видите; но у него превосходный поваръ, и онъ ему благодаренъ: вы слышали, какъ онъ цѣлый день его расхваливалъ?»

Но всего лучше вскрыта одна изъ главныхъ причинъ приближавшагося переворота въ указаніяхъ на безнравственность тогдашняго французскаго общества. Персіянинъ разговорился съ однимъ изъ господъ, счастливыхъ съ женщинами: «У меня нѣтъ другого занятія, — говорилъ этотъ господинъ, — какъ привести въ бѣшенство мужа или привести въ отчаяніе отца: насъ нѣсколько такихъ молодыхъ людей, и мы раздѣлили Парижъ, который интересуется нашимъ малѣйшимъ приключеніемъ». — «Что сказать о странѣ, — пишетъ по этому поводу персіянинъ, — что сказать о странѣ, гдѣ терпятъ подобныхъ людей,

гдѣ невѣрность, похищеніе, вѣроломство и неправда ведутъ къ знаменитости, гдѣ уважаютъ человѣка, который отнимаетъ дочь у отца, жену у мужа? Здѣсь мужья смотрятъ на невѣрность своихъ женъ, какъ на неизбѣжные удары судьбы. Ревнивый мужъ считается помѣхою всеобщаго веселья, безумцемъ, который хочетъ пользоваться солнечнымъ свѣтомъ за исключеніемъ всѣхъ другихъ. Игра въ обществѣ употребленіи; быть игрокомъ — значитъ имѣть почетное положеніе въ обществѣ. Женщины особенно склонны къ игрѣ». Персіянинъ указываетъ признакъ гніенія общества въ толпѣ людей праздныхъ, живущихъ болтовней, занятыхъ только дѣланіемъ визитовъ и посѣщеніемъ публичныхъ мѣстъ. Одинъ изъ такихъ людей умеръ отъ усталости, и на могилѣ его была начертана слѣдующая епитафія: «Здѣсь покойся тотъ, кто никогда не зналъ покоя: онъ присутствовалъ на 530 похоронахъ, на 2,680 крестинахъ; пенсіи, съ которыми онъ поздравлялъ своихъ друзей, простираются до 2,600,000 ливровъ; путь, который онъ совершалъ по мостовой, до 9,600 стадій, за городомъ до 36,000. Разговоръ его былъ занимателенъ; онъ имѣлъ въ запасѣ 365 разсказовъ, кромѣ того 118 апофегмъ, заимствованныхъ изъ твореній древнихъ».

Персіянинъ неблагоприятно отнесся къ литературѣ и литераторамъ. Понятно, что отрицательному отношенію къ общественному строю должно было соответствовать отрицательное отношеніе къ литературѣ, выражавшей этотъ строй и служившей ему; вызывалась новая литература, которая должна была выражать и служить новымъ потребностямъ, — литература съ новыми политическими тенденціями, стремящаяся разрушать старое, пересоздать общество на новыхъ началахъ; литература, писатели, не имѣвшіе такихъ тенденцій, считались пустыми, а имѣвшіе тенденціи другого рода — вредными. Персіянинъ оскорбляется тѣмъ, что люди, считающіе себя умниками, не хотятъ быть полезными обществу и упражняютъ свои таланты въ пустякахъ; на примѣръ, персіянинъ засталъ ихъ въ пылу спора о самомъ пустомъ предметѣ, именно о степени достоинства одного стараго греческаго поэта, котораго родина и время смерти не извѣстны; споръ шелъ о степени достоинства, ибо всѣ были убѣждены, что этотъ поэтъ превосходный. Выходка Монтеスキе противъ споровъ о достоинствѣ Гомера была выходкою противъ всего того направленія, которое господствовало съ эпохи Возрожденія, когда древняя греко-римская жизнь и литература были на первомъ планѣ. «Страсть большей части французовъ, пишетъ персіянинъ, — быть умниками и составлять книги, тогда какъ ничего не можетъ быть хуже этого. Природа муд-

ро распорядилась, чтобы человѣческія глупости были преходящи, а книги даютъ имъ безсмертіе! Глупцу мало того, что наскучиваетъ всѣмъ тѣмъ, которые живутъ вмѣстѣ съ нимъ: онъ хочетъ мучить еще будущее поколѣніе; онъ хочетъ, чтобы потомство знало, что онъ жилъ и что былъ глупъ». Но больше всего въ «Персидскихъ письмахъ» достается поэтѣмъ, и понятно почему: никто такъ не прославилъ непріятнаго теперь вѣка Людовика XIV, какъ поэты; ихъ произведенія сдѣлались неотъемлемымъ достояніемъ народа, его красою и гордостью, а что сдѣлали они для того воспитанія или перевоспитанія народа, какого хотѣлъ Монтескье съ товарищами? Въ одномъ обществѣ персіянннхъ встрѣтилъ человѣка дурно одѣтаго, дѣлающаго гримасы, говорящаго какимъ-то страннымъ языкомъ. Когда онъ освѣдомился, кто это, то ему отвѣчали: поэтъ, а поэты самые смѣшные люди на свѣтѣ, поэтому ихъ не щадятъ, ихъ облаютъ презрѣніемъ. Въ другой разъ персіянннхъ вошелъ въ бібліотеку; провожатый указать ему на отдѣлы книгъ и сказалъ: это все поэты, т.-е. авторы, которыхъ ремесло состоитъ въ томъ, чтобы мѣшать здравому смыслу и обременять умъ украшеніями, какъ нѣкогда обременяли женщинъ нарядами; провожатый сдѣлалъ особенно злую выходку противъ лирическихъ поэтовъ, которыхъ искусство, по его словамъ, состоитъ въ гармонической безсмыслицѣ.

Кромѣ общихъ причинъ, заключавшихся въ характерѣ времени, собственная природа Монтескье участвовала въ составленіи такого отзыва о поэтахъ. Несмотря на легкій, насмѣшливый характеръ «Персидскихъ писемъ», въ ихъ авторѣ виденъ уже человѣкъ, который не можетъ освободиться отъ серьезныхъ вопросовъ, отъ серьезныхъ думъ надъ общественными явленіями. Онъ уже возбуждаетъ вопросъ о пользѣ и вредѣ цивилизаціи и старается разрѣшить его. Одинъ персіянннхъ оспариваетъ пользу цивилизаціи: «я слышалъ, — пишетъ онъ, — что изобрѣтеніе бомбъ отняло свободу у всѣхъ народовъ Европы: государи, не будучи болѣе въ состояніи ввѣрять охрану крѣпости гражданамъ, которые сдались бы при первой бомбѣ, получили предлогъ содержать регулярныя войска, съ помощью которыхъ поработили потомъ своихъ подданныхъ. Послѣ изобрѣтенія пороха нѣтъ болѣе неприступныхъ крѣпостей, т.-е. нѣтъ болѣе на землѣ убѣжища противъ несправедливости и насилія. Я трепещу при мысли, что откроютъ еще новое средство истреблять людей и цѣлые народы. Ты читалъ историковъ: обрати вниманіе на то, что всѣ государства основались во время невѣжества и пали вслѣдствіе излишняго занятія искусствами. Недавно я въ Европѣ, но уже слышалъ отъ разумныхъ

людей о свирѣпствахъ химіи: это четвертый бичъ, истребляющій людей, но истребляющій постоянно, тогда какъ война, моръ и голодъ истребляютъ большія массы, но послѣ долгихъ промежутковъ времени. Къ чему послужило изобрѣтеніе компаса и открытіе столькихъ новыхъ народовъ, которые сообщили намъ болѣе свои болѣзни, чѣмъ богатства? Это изобрѣтеніе было гибелью для открытыхъ странъ: цѣлые народы были истреблены, оставшіеся обращены въ рабовъ».

«Или ты не думаешь того, что говоришь, отвѣчаешь другой персіянинъ, или ты поступаешь лучше, чѣмъ думаешь? Ты покинулъ отечество для науки — и ты презираешь просвѣщеніе? Подумать ли ты о варварскомъ и несчастномъ положеніи, въ какое мы повергнуты потерей образованія! Ты боишься, что выдумаютъ какое-нибудь новое средство истребленія. Нѣтъ: если пагубное изобрѣтеніе явится, то оно будетъ запрещено народнымъ правомъ, и единодушное соглашеніе народовъ погубитъ его. Для государей нѣтъ выгоды дѣлать завоеванія подобными средствами: они должны искать подданныхъ, а не земли. Ты жалуешься, что нѣтъ болѣе неприступныхъ крѣпостей: значитъ, ты жалѣешь, что теперь войны оканчиваются скорѣе, чѣмъ прежде. Ты долженъ былъ замѣтить, читая исторію, что, со времени изобрѣтенія пороха, битвы стали менѣе кровопролитны, чѣмъ прежде, ибо почти не бываетъ болѣе рукопашныхъ боевъ. Когда говорить, что искусства дѣлаютъ людей изнѣженными, то здѣсь рѣчь не идетъ, по крайней мѣрѣ, о людяхъ, которые занимаются искусствомъ, ибо они никогда не бываютъ праздны, а праздность болѣе всѣхъ пороковъ истребляетъ мужество. Въ странѣ образованной люди, которые пользуются удобствами отъ извѣстнаго искусства, принуждены заниматься другимъ искусствомъ, если не хотятъ видѣть себя въ постыдной бѣдности, слѣдовательно праздность и изнѣженность не совмѣстимы съ искусствами. Парижъ, быть-можетъ, самый чувственный городъ въ мірѣ, нигдѣ болѣе не утончаютъ удовольствій; но въ немъ же ведутъ и самую трудовую жизнь. Чтобы одинъ человѣкъ жилъ роскошно, сотня другихъ должны работать безъ усталости. Одна женщина вздумала, что ей надобно явиться въ извѣстномъ обществѣ въ такомъ-то нарядѣ, и вотъ съ этой минуты пятьдесятъ ремесленниковъ уже не спятъ болѣе и не имѣютъ болѣе времени ѣсть и пить; она приказываетъ—и ей повинуются скорѣе, чѣмъ нашему монарху, ибо интересъ есть самый могущественный монархъ въ свѣтѣ. Эта страсть къ труду, страсть къ обогащенію идетъ изъ сословія въ сословіе, отъ ремесленниковъ до вельможъ, овладѣваетъ цѣлымъ народомъ, среди котораго только и видишь трудъ, промыш-

ленность. Гдѣ же изнѣженный народъ, о которомъ ты толкуешь?» — Дѣло начато слабо, поверхностно, но начато.

Будущій авторъ «Духа законовъ» дѣлаетъ сильную выходку противъ господства римскаго права во Франціи.—выходку, также знаменующую пробужденіе народности. «Кто можетъ подумать,—пишетъ персіанинъ,—чтобы королевство самое древнее и самое могущественное въ Европѣ уже десять вѣковъ руководилось чужими законами? Еслибъ еще французы были покорены, то это легко было бы понять; но они завоеватели. Они покинули древніе законы, изданные ихъ первыми королями въ общихъ собраніяхъ народа, и, что всего страннѣе, римскіе законы, которые они приняли вмѣсто своихъ, были изданы въ то же время. И чтобы заимствование было полное, и чтобы весь здравый смыслъ пришелъ изчужа, они еще взяли всѣ панскія постановленія и сдѣлали ихъ частью своего права: новыи видъ рабства. Это обиліе чужихъ натурализованныхъ законовъ подавляетъ правосудіе и судей, но эти томы законовъ ничто въ сравненіи съ страшнымъ войскомъ глоссаторовъ, комментаторовъ, компиляторовъ,—людей столь же бѣдныхъ здравымъ смысломъ, сколько богатыхъ числомъ своимъ».

Авторъ по поводу исторической библіотеки, которую показываютъ персіанину, дѣлаетъ краткій очеркъ или лучше краткій отзывъ объ исторіи европейскихъ государствъ. О Германіи авторъ выражается такъ: «Это единственное государство въ мірѣ, которое не ослабѣваетъ отъ раздѣленія, которое укрѣпляется по мѣрѣ потерь своихъ; медленное въ пользованіи своими успѣхами, оно становится неодолимымъ вслѣдствіе своихъ пораженій». Въ исторіи Франціи Монтескье видитъ только исторію усиленія королевской власти. Въ англійской исторіи онъ видитъ «свободу, постоянно порождающуюся изъ огня междоусобій и мятежей,—короля, постоянно колеблющагося на престолѣ непоколебимомъ,—народъ нетерпѣливый, мудрый въ самомъ бѣшенствѣ своемъ». Польша такъ дурно пользуется своею свободою и правомъ избранія королей, что какъ будто хочетъ этимъ утѣшить сосѣдніе народы, потерявшіе и ту, и другое. О государствахъ скандинавскихъ ни слова въ этомъ очеркѣ, но неумѣнно сказать о нихъ что-нибудь; но Россіи, благодаря Петру Великому, посвящено цѣлое письмо, полученное персіаниномъ, находящимся въ Парижѣ, отъ пріятели, находившагося по дипломатическимъ порученіямъ въ Россіи. Собравши кой-какія свѣдѣнія, казавшіяся ему характеристичными для изображенія до-петровской Россіи, Монтескье говоритъ о Петрѣ: «царствующій государь захотѣлъ все перемѣнить; у него бы-

ли большія столкновенія съ подданными на счетъ бороды, съ духовенствомъ и монахами — насчетъ ихъ невѣжества. Онъ старается о процвѣтаніи искусствъ и не упускаетъ ничего, чтобы въ Европѣ и Азіи прославить народъ свой, до сихъ поръ забытый. Безпокойный, въ безпрестанномъ волненіи, блуждаетъ онъ въ областяхъ своего обширнаго государства, оставляя повсюду слѣды своей врожденной строгости. Онъ покидаетъ свою землю, какъ будто бы она была тѣсна для него, и ищетъ въ Европѣ другихъ областей, другихъ государствъ».

Персидскія письма были напечатаны въ Голландіи въ 1721 году. Во Франціи авторъ, молодой президентъ бордосскаго парламента, не былъ обезпокоенъ: Франціею правилъ въ это время регентъ, герцогъ Орлеанскій, который не чувствовалъ въ себѣ никакого побужденія возставать ни за духовенство, ни за память Людовика XIV. Въ 1729 году, когда Монтескье понадобилось вступить въ члены французской академіи и когда авторъ «Персидскихъ писемъ» долженъ былъ ожидать препятствій отъ правителя съ другимъ характеромъ, отъ кардинала Флери, онъ приписалъ выходы противъ религіи винѣ голландскихъ издателей и представилъ Флери очищенный экземпляръ. Монтескье продалъ свое мѣсто президента въ парламентѣ, предпринялъ послѣ этого долгое путешествіе по Европѣ и, по возвращеніи во Францію, въ 1734 году издалъ «Разсужденіе о причинахъ величія и паденія римлянъ». Здѣсь Монтескье указалъ на значеніе хорошаго воспитанія, хорошей школы для народа, значеніе постоянного труда, постоянного напряженія силъ, развивающаго ихъ, хотя и не могъ освободиться отъ односторонняго взгляда, что только бѣдность педдерживаетъ нравственность народную, а богатство ведетъ неминуемо къ паденію; онъ указываетъ на пользу для римлянъ отъ продолжительности войнъ, которыя должны были вести они съ сосѣдними городами, отъ упорнаго сопротивленія послѣднихъ. «Если бы римляне быстро покорили всѣ сосѣдніе города, то они были бы уже испорченнымъ народомъ во время нашествія Пирра, галловъ и Аннибала и, по общему закону, слишкомъ быстро перешли бы отъ бѣдности къ богатству, отъ богатства къ порчѣ нравовъ. Но Римъ, дѣлая постоянно усилія и находя постоянно препятствія, давалъ чувствовать свое могущество, не имѣя возможности распространять его, и въ небольшой сферѣ упражнялся въ добродѣтеляхъ, долженствовавшихъ стать столь пагубными для вселенной». Переходя къ внутреннимъ причинамъ силы Рима, Монтескье забываетъ то, что говорилъ прежде въ «Персидскихъ письмахъ» о пользѣ цивилизаціи,

о значеніи труда и его усиленіи при раздѣленіи занятій, о томъ, что праздность болѣе всего портитъ нравы. Теперь онъ говоритъ, что сила древнихъ республикъ основывалась на равномъ раздѣленіи земель, на томъ, что большинство народонаселенія состояло изъ воиновъ и земледѣльцевъ, что увеличеніе числа ремесленниковъ вело къ порчѣ, ибо ремесленники—народъ робкій и испорченный, при чемъ не отдѣляетъ рабовъ отъ ремесленниковъ. При объясненіи борьбы между патриціями и плебеями Монтескье обходитъ всѣ необходимыя подробности и объясняетъ дѣло просто завистью и венавистью простого народа къ знати. Причиною паденія Рима было, во-первыхъ, то, что легіоны, начавши вести войну внѣ предѣловъ Италіи, потеряли гражданскій характеръ и стали смотрѣть на себя какъ на войско того или другого полководца; во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что право римскаго гражданства было распространено на италійскіе народы, Римъ наполнился гражданами, которые принесли свой геній, свои частныя интересы и свою зависимость отъ какого-нибудь могущественнаго патрона. Городъ потерялъ свою цѣлостность; Римъ пересталъ быть тѣмъ для своихъ гражданъ, чѣмъ былъ прежде; римскій патріотизмъ, римскія чувства исчезли. Честолюбцы приводили въ Римъ цѣлые города и народы для произведенія смутъ при подачѣ голосовъ; народныя собранія получили видъ заговоровъ.

При настоящемъ состояніи исторической науки изслѣдованіе Монтескье представляется трудомъ очень легкимъ, поверхностнымъ; но не надобно забывать, что это была первая попытка вдуматься въ причины явленія. Мысль, возбужденная настоящимъ неудовлетворительнымъ состояніемъ Франціи, ищетъ разрѣшенія важныхъ вопросовъ настоящаго въ прошедшемъ, наиболѣе извѣстномъ, ищетъ причинъ величія и гибели государствъ, имѣя въ виду завѣтную цѣль—опредѣленіе отношеній свободы и власти,—опредѣленіе удовлетворительное, то-есть способное охранить государство, и среди объясненій поверхностныхъ мыслителей приходитъ иногда къ выводамъ, которые становятся цѣннымъ вкладомъ въ науку. Таковъ, напримѣръ, слѣдующій выводъ: «То, что называютъ единствомъ, есть нѣчто очень неопредѣленное относительно тѣла политическаго. Истинное единство есть единство гармоніи, состоящее въ томъ, чтобы всѣ части, какъ бы онѣ противоположны ни казались, содѣйствовали благу общему, какъ диссонансы въ музыкѣ содѣйствуютъ общему согласію. Можетъ существовать единство въ такомъ государствѣ, которое, повидимому, находится въ безпокойномъ состояніи, тогда какъ въ видимомъ покоѣ азіатскаго деспотизма заключается дѣйствительное раздѣленіе:

земледѣлецъ, воинъ, купецъ, начальствующее лицо, благородный связаны такъ, что одни притѣсняютъ другихъ безъ сопротивленія, и если здѣсь видятъ единство, то здѣсь не граждане соединены, а мертвыя тѣла, погребенныя одни подлѣ другихъ».

Такъ же точно можно найти много недостатковъ и въ самомъ знаменитомъ сочиненіи Монтескье — *«Духъ законовъ»*, вышедшемъ въ 1748 году; можно, съ нѣкоторымъ основаніемъ упрекнуть и его въ поверхностности, въ стремленіи построить систему, не заботясь при этомъ о собраніи матеріаловъ. Но такой приговоръ будетъ крайне одностороненъ, если мы не прибавимъ, что книга заслужила свою громадную репутацію тѣмъ, что впервые въ такихъ широкихъ размѣрахъ представила различныя формы государственнаго устройства, причины ихъ происхожденія, ихъ исторію у различныхъ народовъ, древнихъ и новыхъ, христіанскихъ и нехристіанскихъ; легкость, доступность изложенія расширяли кругъ читателей и увеличивали полезность книги; то же самое производили умѣренность, сдержанность, научно-историческое уваженіе къ каждой формѣ, какъ происшедшей не случайно, не произвольно, стремленіе извѣстными объясненіями, извѣстными указаніями привести къ правильному пониманію человѣческихъ отношеній и содѣйствовать благополучію человѣческихъ обществъ, какія бы формы для нихъ ни выработала исторія. Книга Монтескье небывалою широтою плана, возбужденіемъ столькихъ важныхъ историческихъ и юридическихъ вопросовъ производила могущественное вліяніе на умы современниковъ, порождала цѣлую литературу и въ то же время имѣла важное практическое значеніе, измѣняя взгляды на существующія отношенія, измѣняя ихъ ко благу народовъ и достигая этого указанною выше умѣренностью, сдержанностью, не пугая правительства революціонными требованіями, но указывая имъ средства содѣйствовать благосостоянію подданныхъ и при существующихъ основныхъ формахъ, ибо ничто такъ не вредитъ правильному свободному развитію человѣческихъ обществъ, какъ революціонныя требованія, пугающія не правительство только, но и большинство, заставляющія его опасаться за самые существенные интересы общества: человѣкъ убѣжденъ въ необходимости выйти изъ дому подышать чистымъ воздухомъ, но, испуганный ревомъ бури, ливнемъ и холодомъ, спѣшитъ затворить окно и предпочитаетъ остаться въ душной атмосферѣ своей маленькой комнаты.

Авторъ книги *«О Духѣ законовъ»*, разумѣется, долженъ былъ начать опредѣленіемъ закона: «Законы, въ самомъ строгомъ смыслѣ слова, суть необходимыя отношенія, проистекающія изъ природы

вещей, и въ этомъ смыслѣ все существующее имѣть свои законы. Сказавшіе, что «слѣпой случай произвелъ все видимое нами въ мірѣ», сказали великую нелѣпость, ибо что можетъ быть нелѣпѣе утвержденія, что слѣпой случай могъ произвести разумныя существа? Слѣдовательно, есть первоначальный разумъ, и законы суть отношенія между нимъ и различными существами и отношенія этихъ различныхъ существъ между собою. Богъ относится ко вселенной какъ творецъ и охранитель; законы, по которымъ Онъ создалъ, суть законы, по которымъ Онъ охраняетъ; Онъ дѣйствуетъ по этимъ правиламъ, потому что Онъ ихъ сознаетъ; Онъ ихъ сознаетъ, потому что они Его созданіе; Онъ ихъ создалъ, потому что они имѣютъ отношеніе къ Его мудрости и могуществу. Существа отдѣльныя, разумныя, могутъ имѣть законы, которые они сами составили, но они имѣютъ также законы, не ими составленные. Прежде появленія существъ разумныхъ они были возможны: слѣдовательно они имѣли возможные отношенія другъ къ другу, и слѣдовательно законы возможные. Прежде появленія законовъ существовали возможные отношенія юридическія. Сказать, что нѣтъ ничего справедливаго и несправедливаго, кромѣ того, что повелѣваютъ или запрещаютъ положительныя законы, это все равно сказать, что прежде начертанія круга всѣ радіусы не были равны между собою. Слѣдовательно, необходимо признать отношенія правды прежде закона, ихъ устанавливающаго».

Переходя къ объясненію происхожденія государства, Монтескье отрицаетъ, что одноличное управленіе есть наиболѣе соответствующее природѣ, ибо природа установила родительскую власть; онъ указываетъ на то, что государство необходимо заключаетъ въ себѣ соединеніе многихъ семействъ. У него другое мнѣніе относительно естественности: форма правленія наиболѣе соответственная природѣ есть та, которая наиболѣе удовлетворяетъ свойствамъ народа, ее установившаго. «Законъ вообще есть человѣческій разумъ, во сколько онъ управляетъ всѣми народами міра; а законы политическіе и гражданскіе суть особенныя случаи, къ которымъ прилагается этотъ человѣческій разумъ. Они должны быть такою собственностью народа, для котораго изданы, что удивительную случайность представить явленіе, если законы одного народа будутъ пригодны для другаго. Они должны соответствовать природѣ и принципу правленія установленнаго или которое хотятъ установить, будутъ ли это законы, устанавливающіе правленіе, какъ законы политическіе, или поддерживающіе его, какъ законы гражданскіе. Они должны соответствовать физическому виду

страны, климату холодному, жаркому или умеренному, качеству почвы, положенію страны, ея величій, образу жизни народонаселенія земледельческаго, звѣроловнаго или пастушескаго. Они должны соответствовать степенн свободы, допускаемой конституціею, религій жителей, ихъ склонностямъ, ихъ богатству, ихъ числу, ихъ торговлѣ, правамъ и обычаямъ. Наконецъ, они имѣютъ отношенія другъ къ другу, къ своему происхожденію, къ цѣли законодателя, къ порядку вещей, на которомъ они основываются. Ихъ надобно разсматривать во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Такое разсмотрѣніе я предпринялъ сдѣлать въ предлагаемомъ сочиненіи. Я изслѣдую всѣ эти отношенія: всѣ вмѣстѣ они образуютъ то, что называется *духомъ законовъ*. Прежде всего я изслѣдую отношенія законовъ къ природѣ и принципу каждаго образа правленія; такъ какъ этотъ принципъ имѣетъ на законы главное вліяніе, то я постараюсь лучше съ нимъ познакомиться».

Изслѣдованіе начинается извѣстнымъ тройственнымъ дѣленіемъ правительственной формы на республиканскую, монархическую и деспотическую и подраздѣленіемъ первой на аристократію и демократію. Самую важную часть изслѣдованія составляетъ опредѣленіе монархическаго правленія: «Власти посредствующія, подначальныя и зависимыя составляютъ натуру монархическаго правленія, т.-е. такого, гдѣ одинъ управляетъ посредствомъ основныхъ законовъ. Самая естественная посредствующая подчиненная власть есть власть дворянства; оно входитъ въ сущность монархіи, основное правило которой: «Нѣтъ монарха—нѣтъ дворянства; нѣтъ дворянства—нѣтъ монарха, а вмѣсто него деспотъ». Уничтожьте въ монархіи преимуществъ вельможъ, духовенства, дворянства и городовъ,—у васъ очутится или республика, или деспотизмъ. Недостаточно, чтобы въ монархіи были посредствующіе члены,—нужно еще хранилище законовъ. Въ государствахъ, гдѣ нѣтъ основныхъ законовъ, нѣтъ и хранилища законовъ. Вотъ почему въ этихъ странахъ религія имѣетъ обыкновенно такую силу, а куда не простирается вліяніе религіи, тамъ дѣйствуютъ обычаи, имѣющіе силу законовъ». Это различіе двухъ формъ—монархической и деспотической—имѣетъ важное историческое значеніе, ибо здѣсь впервые указана отличительная черта новыхъ европейскихъ государствъ, обозначившаяся при самомъ ихъ происхожденіи и условившая все дальнѣйшее ихъ развитіе, всю ихъ исторію: это болѣе сильное развитіе, большая сложность организма сравнительно съ государствами восточными, древними и новыми. Новое европейское государство при самомъ рожденіи своемъ пред-

ставляю уже тѣло высшаго организма, имѣвшее уже нѣсколько сильно развитыхъ органовъ, и дальнѣйшее опредѣленіе отношеній между ними представляетъ главное явленіе, главный интересъ европейской исторіи: это-то Монтескьё и указалъ въ своихъ посредствующихъ властяхъ, и преимущественно въ дворянствѣ, котораго восточныя государства не имѣютъ.

За этимъ указаніемъ слѣдуетъ указаніе на принципы или пружины трехъ правительственныхъ формъ: для республики добродѣтель, для монархіи честь, для деспотіи страхъ. Легко понять, что указаніе на эти принципы встрѣтило самыя сильныя возраженія, и, несмотря на все стараніе самого Монтескьё оправдаться и стараніе другихъ оправдать его, — принципы эти не могутъ быть приняты. Добродѣтель, или политическая добродѣтель, какъ хочетъ Монтескьё выражаться, т.-е. патріотизмъ, желаніе истинной славы, самоотреченіе, способность жертвовать самыми дорогими интересами на пользу общую, одинаково необходимы какъ для республики, такъ и для монархіи; какъ въ той, такъ и въ другой люди, обладающіе этими качествами, не представляются толпами. Политическая добродѣтель во всей силѣ обнаруживается обыкновенно въ опасныя для государства времена, и государство спасается, если имѣетъ достаточный запасъ этой добродѣтели; въ противномъ случаѣ оно гибнетъ. То, что Монтескьё называлъ честью и выставилъ какъ принципъ или пружину монархіи, есть та же политическая добродѣтель, та же способность выполнить свою обязанность, сдѣлать то, что признается хорошимъ и полезнымъ для общаго блага, и, наоборотъ, не сдѣлать ничего такого, что признается дурнымъ, несмотря на требованіе одного сильнаго человѣка или на требованіе толпы, на требованіе могущественной партіи, — все равно, какая бы ни была правительственная форма. Это видно изъ примѣра, приводимаго самимъ же Монтескьё. Послѣ Варооломеевской ночи, Карлъ IX предписалъ всѣмъ губернаторамъ умерщвлять гугенотовъ. Виконтъ Ортесъ, начальствовавшій въ Байонѣ, отвѣчалъ: «Государь, между подчиненными мнѣ жителями и военными я нашелъ только добрыхъ гражданъ, храбрыхъ солдатъ и ни одного палача; поэтому они и я умоляемъ ваше величество употребить наши руки и нашу жизнь на какое-нибудь другое дѣло, которое можно исполнить». Если бы Монтескьё остался вѣрнымъ историческому взгляду, то господство такъ-называемой чести въ новыхъ европейско-христіанскихъ обществахъ онъ приписалъ бы тому же развитію послѣднихъ, существованію сильныхъ самостоятельныхъ органовъ, которые онъ называетъ посредствующими

ними властями. Но главный источникъ ошибки Монтескьё заключался въ условіяхъ времени. Государство, среди котораго жилъ Монтескьё, представляло наверху крайнее оскуднѣніе политической добродѣтели; сохранились только извѣстные принятые приличія, такъ-называемыя требованія чести. Монтескьё ужасными красками описываетъ нравы придворныхъ своего времени: «Честолюбіе въ праздности, низость въ гордости, страсть къ обогащенію безъ труда, отвращеніе къ правдѣ, лѣсть, измѣна, коварство, невниманіе къ обязательствамъ, презрѣніе обязанностей гражданина, страхъ имѣть добродѣтельнаго государя, упованіе, полагаемое на его слабость, и, что хуже всего, постоянная насмѣшка надъ добродѣтелью». Мы считаемъ это описаніе вѣрнымъ, ибо повѣрка на-лицо—революція, а революція обыкновенно готовится не снизу, ибо здѣсь всегда требуется твердая и разумная власть, а сверху, если здѣсь изсякаетъ способность доставлять народу эту необходимость, т.-е. твердую и разумную власть, и происходитъ болѣзненное движеніе съ цѣлюю восполнить эту способность. Но Монтескьё не думалъ, что начертанное имъ состояніе нравственности наверху французскаго общества необходимо условливало революцію; онъ думалъ, что государство можетъ продолжать свое существованіе при такихъ условіяхъ съ одною только пружиною — честью, ложною честью, какъ самъ признается.

Печальное состояніе французскаго правительства внушило, впрочемъ, Монтескьё нѣсколько мыслей, которыя не остались безъ дѣйствія въ другихъ концахъ Европы, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ: «Монархія погибаетъ, когда государь думаетъ, что онъ показываетъ болѣе свое могущество въ перемѣнѣ извѣстнаго порядка вещей, чѣмъ въ его соблюденіи; когда онъ отнимаетъ у однихъ естественно-принадлежащія имъ должности, чтобы произвольно отдать другимъ. Монархія погибаетъ, когда государь, относя все единственно къ себѣ, сосредоточиваетъ государство въ своей столицѣ, столицу въ дворѣ, а дворъ—въ собственной особѣ. Монархія погибаетъ, когда государь не понимаетъ значенія своей власти, своего положенія, любви подданныхъ, когда не понимаетъ, что монархъ долженъ считать себя въ безопасности, точно такъ, какъ деспотъ долженъ считать себя въ постоянной опасности. Принципъ монархіи искажается, когда наивысшія достоинства суть знаки наибольшаго рабства; когда отнимаютъ у вельможъ уваженіе народовъ, когда ихъ дѣлаютъ позорными орудіями произвола. Онъ искажается еще болѣе, когда честь приводится въ противорѣчіе съ почестями, когда можно быть покрытымъ въ одно время знаками отличія и безславіемъ. Онъ иска-

жается, когда государь перемѣняетъ правосудіе на жестокость, когда онъ принимаетъ грозный и страшный видъ, который Коммодъ приказывалъ давать своимъ статуямъ. Принципъ монархіи искажается, когда подлые души хвастаются величіемъ своего рабства и думаютъ, что, получивши все отъ государя, могутъ освободить себя отъ всѣхъ обязанностей къ отечеству».

Замѣтимъ и слѣдующія положенія Монтескье относительно внѣшней политики: «Когда въ сосѣдствѣ находится государство, клонящееся къ свосму паденію, то не должно ускорять этого паденія, ибо не должно лишать себя положенія самаго счастливаго, какое только можетъ быть для государя: нѣтъ ничего удобнѣе, какъ находиться подлѣ другаго государя, который принимаетъ на себя всѣ удары и всѣ обиды судьбы. И рѣдко завоеваніемъ подобнаго государства настолько же усиливается дѣйствительное могущество, насколько теряется могущество относительное». Это замѣчаніе грѣшитъ односторонностію, безусловностію. Для государства, разумѣется, всегда выгодно, если оно окружено слабыми или, по крайней мѣрѣ, слабѣйшими государствами. Такою выгодною до послѣдняго времени отличалось положеніе Франціи между слабою Испанією и слабыми, по раздѣленію своему, Германією и Италією; такъ было выгодно положеніе Русской имперіи послѣ Петра В. между Швецією, Польшею и Турцією. Но если сосѣднее государство, клонящееся къ паденію, представляетъ безонасность само по себѣ, то по слабости своей оно можетъ усилить другаго сосѣда, который захочетъ увеличить свои средства на его счетъ,—другіе сосѣди не могутъ этого позволить, и такимъ образомъ падающее государство становится предлогомъ постоянной борьбы между ними; его слабостію уничтожается пространство, раздѣляющее сильные государства, по его поводу они приходятъ въ постоянныя столкновенія другъ съ другомъ, слѣдовательно существованіе между ними слабого государства не приноситъ имъ никакой выгоды; напротивъ, гранича непосредственно другъ съ другомъ, они имѣли бы менѣе причинъ къ враждѣ. Сосѣдство съ слабымъ государствомъ принуждаетъ сильнаго, не имѣющаго никакихъ побужденій къ завоеваніямъ, рѣшиться по-неволѣ на дѣло насилія противъ слабого изъ самосохраненія, чтобы не дать другому сильному усилиться еще болѣе на счетъ слабого. Вообще нельзя полагать большаго счастья для государства въ слабости сосѣдей, ибо самое вѣрное ручательство для государства состоитъ не въ чужой слабости, а въ собственной внутренней силѣ, которая даетъ возможность имѣть всегда прямую, честную политику, возможность не бояться

чужой силы, не стараться безъ разбора средствъ обезпечивать себя физически захватомъ чужого, округленіемъ своей государственной области, ибо для безопасности государства требуются прежде всего силы нравственныя. Окруженіе слабыми сосѣдями дурно воспитываетъ народъ, приучаетъ къ драчливости, вселяетъ завоевательный духъ; окруженіе сильными сосѣдями воспитываетъ хорошо, сдерживаетъ, внушаетъ уваженіе къ чужимъ правамъ, заставляетъ хлопотать о внутренней силѣ, о правильности внутренняго развитія, какъ о главномъ средствѣ безопасности. Вѣроятно, Монтескьё, пиша свои замѣчанія, хотѣлъ показать, что сильнымъ невыгодно пользоваться слабостію слабыхъ, хотѣлъ высказаться противъ завоевательныхъ стремленій и вмѣстѣ высказаться противъ политики своего отечества. Вслѣдъ затѣмъ авторъ требуетъ также, чтобы завоеватели умѣряли свои стремленія и чтобы кротко обходились съ покоренными, по требованіямъ благоразумія. «Монархія можетъ дѣлать завоеваніе только въ естественныхъ границахъ; благоразуміе требуетъ остановиться, какъ скоро эти границы перейдены. При этихъ завоеваніяхъ нужно оставлять все въ томъ положеніи, въ какомъ найдено, оставлять прежнія судилища, прежніе законы, прежніе обычаи, прежнія привилегіи; перемѣниться должно только войско и самъ государь. Съ завоеванными областями должно обходиться чрезвычайно кротко».

Самая знаменитая часть сочиненія Монтескьё, о которой до сихъ поръ наиболѣе идетъ рѣчь въ литературѣ государственнаго права,— это одиннадцатая книга, трактующая «о законахъ, которые образуютъ политическую свободу въ связи съ конституціею». Здѣсь излагается теорія раздѣленія властей: въ каждомъ государствѣ существуютъ троякаго рода власти: власть законодательная, власть исполнительная и власть судебная. Основываясь на примѣрѣ Англіи, авторъ требуетъ раздѣленія этихъ властей, какъ необходимости для политической свободы, а политическая свобода, по мнѣнію Монтескьё, состоитъ для гражданина въ спокойствіи духа, происходящемъ отъ увѣренности въ своей безопасности. Противъ этого требованія раздѣленія власти вооружаются въ наукѣ настоящаго времени: Монтескьё упрекаютъ за то, что онъ слишкомъ много обращаетъ вниманія на государственный механизмъ, даетъ слишкомъ много значенія механическому дѣйствию дѣленія властей, слишкомъ мало внутренней, живой силѣ; упрекаютъ его за то, что онъ на цѣль государства смотритъ со внѣшней, отрицательной стороны, полагая ее въ безопасности отдѣльнаго лица, а не въ положительномъ благѣ, не въ

совершенствѣ общественнаго состоянія. Но для историка совершенно понятна такая точка зрѣнія, ибо эта безопасность отдѣльнаго лица была всего важнѣе для француза временъ Монтескьё; понятно, какъ Монтескьё пришелъ къ убѣжденію въ необходимости, чтобы одна власть сдерживала другую для безопасности гражданина, въ необходимости раздѣленія властей: если раздѣляя властвуютъ, то раздѣляя же власть становятся свободными (*dividendo imperant et dividendo liberi fiunt*). Для насъ важнѣе, чѣмъ спорное требованіе раздѣленія властей, указаніе Монтескьё на исторію происхожденія представительной формы, попытка отыскать ее въ началѣ средневѣковой исторіи, попытка сравнить явленія этой исторіи съ явленіями исторіи древней. Мы теперь не можемъ удовлетвориться объясненіями Монтескьё, но не можемъ не признать, что положено было начало правильному пониманію дѣла, что данъ былъ смыслъ, значеніе этимъ среднимъ вѣкамъ, къ которымъ до сихъ поръ относились такъ неприязненно; образованные люди западной Европы переставали бредить греками и римлянами и начинали обращать вниманіе на свою собственную древнюю исторію, которую называли среднею, въ ней искать твердой почвы для дальнѣйшихъ государственныхъ построекъ, ею объяснять свое настоящее. Понятно, что при новости дѣла, при отсутствіи достаточныхъ свѣдѣній въ исторіи среднихъ вѣковъ, достаточной вдуманности въ ея явленія, неизбежны были ошибки, которыя мы находимъ у Монтескьё; но дѣло было имъ начато, указаніе было сдѣлано громко, на всю Европу, и произвело сильнѣйшее впечатлѣніе. Важенъ былъ приемъ, постоянно употребляемый Монтескьё: указавши на происхожденіе средневѣковой монархіи въ западной Европѣ, *готическаго правленія*, по выраженію автора, онъ сейчасъ же указываетъ на значеніе царей героическаго періода греческой исторіи, на значеніе римскихъ царей, на положеніе Рима, на раздѣленіе властей послѣ изгнанія царей.

Неоспоримо и вліяніе двѣнадцатой книги, гдѣ говорится о законахъ, составляющихъ политическую свободу по отношенію къ гражданину. Безопасность гражданина всего болѣе подвергается нарушенію въ обвиненіяхъ публичныхъ и частныхъ. Свобода торжествуетъ, когда уголовные законы извлекаютъ наказанія изъ самой природы преступленія. Несмотря на ошибки въ объясненіи частныхъ, книга должна была производить благотворное впечатлѣніе, выставя неразумность и неэффективность жестокихъ наказаній и разныхъ правительственныхъ мѣръ для предотвращенія преступленій. Авторъ указалъ, какъ осторожно надобно поступать съ обвиненіями въ оскорб-

леніи величества, когда оскорбленіе состоитъ въ словахъ, ибо дѣло не въ словахъ, а въ тонѣ; иногда молчаніе выражаетъ болѣе, чѣмъ разговоръ. Гдѣ изъ словъ дѣлаютъ преступленіе, тамъ нѣтъ и тѣни свободы. Слова, соединенныя съ дѣйствіемъ, принимаютъ природу этого дѣйствія. Такъ человѣкъ, который на площади возбуждаетъ подданныхъ къ мятежу, виновенъ въ оскорбленіи величества, ибо здѣсь слова соединены съ дѣйствіемъ. Монтескье съ негодованіемъ приводитъ манифестъ русской императрицы Анны противъ Долгорукихъ, гдѣ одинъ изъ этихъ князей осуждается на смерть за то, что произнесъ неприличныя слова объ особѣ государыни; другой за то, что злостно толковалъ ея мудрое распоряженіе. Но мы должны прибавить, что другая русская императрица, подъ вліяніемъ книги Монтескье, запретила обращать вниманіе на слова, которыя до нея вели къ розыскамъ «тайной канцеляріи».

«Государь, говоритъ Монтескье, долженъ обходиться съ подданными прямо, откровенно, довѣрчиво. Человѣкъ озабоченный, боязливый и подозрѣвающий—это актеръ, затрудненный своею ролью. Когда государь видитъ, что законы исполняются, пользуются уваженіемъ, то можетъ считать себя безопаснымъ. Только бы онъ не боялся, и тогда увидитъ, до какой степени народъ склоненъ любить его. Да и за что бы его не любить? Онъ есть источникъ почти всего хорошаго, что дѣлается въ государствѣ, а наказанія относятся на счетъ законовъ. Когда министръ отказывается, то воображаютъ, что государь исполнилъ бы просьбу. Даже въ общественныхъ бѣдствіяхъ не обвиняютъ особу государя, а жалуются, что онъ не знаетъ, что дѣлается, что онъ окруженъ людьми порочными. «Еслибы государь зналъ!» говоритъ народъ. Власть королевская—это великая пружина, которая должна двигаться легко и безъ шума. Есть случаи, гдѣ верховная власть должна дѣйствовать во всей своей силѣ; есть случаи, гдѣ она должна дѣйствовать умѣренно. Высшее искусство въ управленіи—это знать, какое въ извѣстныхъ случаяхъ участіе должна принимать власть, большое или малое. Въ нашихъ монархіяхъ счастье подданныхъ состоитъ въ мнѣніи, какое они имѣютъ о кротости правленія. Неискусный министръ всегда вамъ напоминаетъ, что вы рабы, тогда какъ онъ долженъ былъ бы скрывать это, еслибъ и въ самомъ дѣлѣ такъ было. Государь долженъ только поощрять, грозить же должны только законы. Нравы государя столько же помогаютъ свободѣ, сколько и законы; онъ можетъ, подобно законамъ, дѣлать людей звѣрями и звѣрей людьми. Если онъ любитъ души свободныя, онъ будетъ имѣть подданныхъ; если онъ любитъ души низкія, то будетъ имѣть рабовъ.

Хочетъ ли онъ знать великое искусство управленія—да приблизить къ себѣ честь и добродѣтель, да приблизить къ себѣ достоинство личное, да не боятся соперниковъ, которыхъ называютъ людьми достойными: онъ равенъ съ ними, когда ихъ любить. Пусть охотно выслушиваетъ онъ просьбы и будетъ твердъ относительно требованій; да знаетъ, что придворные пользуются его милостями, а народъ получаетъ выгоду отъ его отказовъ. Монархи должны быть чрезвычайно сдержаны относительно насмѣшки. Она лѣститъ, когда умѣренна, ибо вводитъ въ фамиліарность; но колкая насмѣшка позволительна государямъ менѣе, чѣмъ кому-либо изъ подданныхъ, потому что она одна ранитъ всегда смертельно. Еще менѣе должны они позволять себѣ явное оскорбленіе: ихъ обязанность—прощать, наказывать, но никогда не оскорблять. Они должны восхищаться тѣмъ, что имѣютъ подданныхъ, которымъ честь дороже жизни, ибо честь есть такое же побужденіе къ вѣрности, какъ и къ мужеству».

Въ научномъ отношеніи большое значеніе имѣетъ книга четырнадцатая, гдѣ говорится о законахъ въ связи съ природою страны, съ ея климатомъ. «Если справедливо, что свойство разума и страсти сердца чрезвычайно различны въ различныхъ климатахъ, то законы должны быть въ связи съ этимъ различіемъ страстей, съ этимъ различіемъ свойствъ». Мысль о значеніи природы не была нова, но Монтескье принадлежитъ особенное ея развитіе, какъ на него же падаетъ и отвѣтственность за односторонность, ибо онъ не указалъ на другія могущественныя вліянія, на племя, къ которому принадлежитъ народъ, и на исторію или воспитаніе народа. Односторонне смотритъ Монтескье и на происхожденіе рабства, когда находитъ для него естественную причину существованія въ жаркихъ странахъ, не обращая вниманія на степень экономического развитія у народовъ. Въ принципѣ онъ вооружается рѣшительно противъ рабства, называя его явленіемъ противуестественнымъ; но допускаетъ исключеніе для нѣкоторыхъ странъ; потомъ, хотя и съ оговоркой, съ колебаніемъ, доходитъ до вѣрнаго вывода, что никакой климатъ не дѣлаетъ рабства вѣчною необходимостью: «Надобно ограничить рабство извѣстными странами, въ остальныхъ же, какъ бы тяжелы ни были нѣкоторыя работы, можно всѣ ихъ исполнять свободными людьми. Вотъ что меня заставляетъ такъ думать: прежде чѣмъ христіанство уничтожило въ Европѣ гражданское рабство, работы въ рудникахъ считались столь тяжкими, что употребляли для нихъ только рабовъ или преступниковъ. Но извѣстно, что теперь люди работающіе въ рудникахъ, живутъ счастливо. Нѣтъ такой тяжелой работы, которую

бы нельзя было привести въ соотвѣтствіе съ силами работника, если при этомъ дѣйствуетъ разсудокъ, а не аичность. Можно машинами восполнять трудъ, какой въ другихъ мѣстахъ налагають на рабовъ. *Не знаю, умъ или сердце диктуетъ мнѣ этотъ параграфъ. Быть-можетъ нѣтъ на землѣ климата, который бы не допускалъ работы свободныхъ людей. Ежедневно мы слышимъ разговоры, что хорошо было бы имѣть рабовъ.* Но чтобы хорошо обсудить это дѣло, нечего изслѣдовать, полезно ли рабство для небольшой утопающей въ роскоши части народа; безъ сомнѣнія, оно ей полезно. Но, принявъ другую точку зрѣнія, я не думаю, что бы каждый изъ этого меньшинства захотѣлъ бросить жребій для рѣшенія, кому быть свободнымъ и кому рабомъ. Тѣ, которые громче другихъ говорятъ за рабство, больше другихъ отъ него въ ужасѣ, и люди самые несчастные пришли бы отъ него въ такой же ужасъ. Крикъ за рабство такимъ образомъ есть крикъ роскоши и страсти къ наслажденіямъ, а не крикъ любви къ общему благу. Кто сомнѣвается, что каждый человѣкъ въ частности былъ бы очень доволенъ, еслибы могъ располагать имуществомъ, честію и жизнію другихъ, и что всѣ его страсти поднимаются при этой мысли? Въ этихъ вещахъ, если хотите знать, законны ли желанія каждаго,—разузайте желанія всѣхъ».

Величіе научной задачи, которую взялся выполнить Монтескье, удивительнымъ образомъ отрезвило его и укрѣпило, сдѣлало мужемъ изъ легкомысленнаго юноши, какимъ онъ является въ «Персидскихъ письмахъ». Въ этихъ письмахъ онъ, слѣдуя модѣ времени, забавляется легкимъ дѣломъ отрицанія, разрушенія, бросаетъ камни въ религію вообще и въ христіанство. Въ «Духѣ законовъ». Монтескье является съ положительнымъ направленіемъ, указываетъ, какъ строится общественное зданіе, какіе крѣпкіе матеріалы должно употреблять для его фундамента, и потому съ благоговѣніемъ относится къ христіанству, ратуетъ противъ людей, которые толковали, что христіанство, отвлекая помыслы людей къ иной, будущей жизни, не способно къ установленію ихъ жизни на землѣ. «Удивительное дѣло! говоритъ Монтескье: христіанская религія, которая, кажется, имѣетъ въ виду только блаженство будущей жизни, составляетъ наше счастье и въ этой жизни. Бѣдъ, опорочивши всѣ религіи, отнимаетъ значеніе и у христіанства: онъ осмѣливается сказать, что истинные христіане не въ состояніи образовать государства, могущаго существовать. Это почему? Это были бы граждане, вполне сознающіе свои обязанности и самые ревностные ихъ исполнители; они отлично понимали бы права естественной защиты. Правила христіанства, неизгладимо на-

чертанныя въ сердцахъ, были бы дѣйствительнѣе всей этой ложной чести въ монархіяхъ, этихъ человѣческихъ добродѣтелей въ республикахъ и рабской боязни въ государствахъ деспотическихъ» *). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Человѣкъ благочестивый и атеистъ говорятъ постоянно о религіи: одинъ говоритъ о томъ, что онъ любитъ, а другой о томъ, чего онъ боится».

Мы не можемъ разстаться съ Монтескье, не приведши нѣсколько его мыслей и замѣтокъ, которыя имѣютъ или общее значеніе, или относятся къ исторіи его времени и его страны. Изъ первыхъ замѣтимъ слѣдующее: «Признаюсь, что я не такъ смирененъ, какъ атеисты. Я не знаю, какъ они думаютъ; но я ни за что не промѣняю идеи моего безсмертія на идею однодневнаго блаженства. Я прихожу въ восторгъ отъ мысли, что я безсмертенъ, какъ самъ Богъ. Независимо отъ идей, данныхъ откровеніемъ, идеи метафизическія вселяютъ въ меня твердую надежду моего вѣчнаго блаженства, отъ котораго я не откажусь.—Я говорилъ съ мадамъ Шателъ: вы уничтожаете свой сонъ изученіемъ философіи; наоборотъ, надобно изучать философію, чтобы пріобрѣсти умѣнье спать.—Успѣхъ въ большей части дѣлъ зависитъ отъ знанія, сколько нужно времени для успѣха.—Не должно достигать законами того, что можно достигнуть нравами.—Еслибы хотѣли быть только счастливыми, то этого бы скоро достигли; но хотятъ быть счастливѣе другихъ, а это почти всегда трудно, ибо мы считаемъ другихъ счастливѣе, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ.—Различія между людьми такъ ничтожны, что нечего много ими хвастаться: у однихъ подагра, у другихъ камень; одни умираютъ, другіе приближаются къ смерти; у всѣхъ одна душа для вѣчности, и различіе только на четверть часа.—Наблюденія составляютъ исторію естественныхъ наукъ, системы соотвѣтствуютъ баснословнымъ сказаніямъ.—Когда хотятъ унижить полководца, то говорятъ, что онъ счастливъ; но хорошо, когда его счастье составляетъ счастье общественное».

Изъ замѣтокъ второго рода приведемъ слѣдующія: «Франція погибнетъ отъ военныхъ людей. Люблю земледѣльцевъ: они не довольно учены для того, чтобъ уметовать превратнымъ образомъ.—Я замѣтилъ, что для успѣховъ въ свѣтѣ надобно быть мудрымъ съ наружностью дурака. — Извѣстный духъ славы и мужества мало-по-малу исчезаетъ между нами; философія взяла силу; древнія идеи героизма

*) См. объ этомъ предметѣ мою статью: „Прогрессъ и христіанство“ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1868 года.

и новыя рыцарства потеряны. Мѣста гражданскія заняты людьми богатыми, а военныя потеряли важность, будучи заняты бѣдняками. Наконецъ, равнодушіе къ вопросу принадлежать тому или другому государству. Установленіе торговли публичными фондами, громадныя дары государей позволяютъ большому числу людей жить въ праздности и пріобрѣтать даже значеніе своею праздностію; равнодушіе къ будущей жизни, которое влечетъ за собою изнѣженность, слабость въ жизни настоящей и дѣлаетъ насъ нечувствительными и неспособными ко всему тому, что предполагаетъ усилія; менѣе случаевъ отличатся; извѣстный методическій способъ брать города и давать сраженія: все дѣло въ томъ, чтобы сдѣлать брешь и сдаться, когда она сдѣлана; война состоитъ болѣе въ искусствѣ, чѣмъ въ личныхъ достоинствахъ людей, которые бьются, при каждой осадѣ знаютъ заранѣе, сколько будетъ потеряно людей; дворянство не сражается болѣе цѣлыми корпусами.—Когда въ государствѣ становится выгоднѣе поодольщаться къ сильнымъ людямъ, чѣмъ исполнять свою обязанность, то все погибло.—Нравится въ пустой болтовнѣ—теперь единственная заслуга: для этого судья покидаетъ изученіе законовъ, медикъ считаетъ унижительнымъ изученіе медицины, бѣгутъ какъ отъ гибели отъ всякаго серьезнаго занятія. Смѣяться надъ вздоромъ и посылать этотъ вздоръ изъ дома въ домъ называется знаніемъ свѣта. Боятся потерять это знаніе при стремленіи получить другое. Я помню, какъ однажды взяло меня любопытство считать, сколько разъ я услышу маленькую исторію, не стоящую того, чтобы ее рассказывать: три недѣли она занимала весь образованный кругъ, и я слышалъ ее ровно 225 разъ».

Обязанные остановить особенное вниманіе на книгѣ Монтескье, которая имѣла и до сихъ поръ еще имѣетъ значеніе не для одной Франціи, но и для цѣлой Европы, мы не можемъ пройти молчаніемъ тѣхъ учено-политическихъ вопросовъ, которые были подняты въ описываемое время и касались собственно Франціи, вызванные тѣмъ движеніемъ, которое въ ней совершалось. Въ самомъ концѣ царствованія Людовика XIV, ученый Фрере былъ посаженъ въ Бастилію за диссертацию о происхожденіи франковъ, оскорбившую ложный патриотизмъ тѣмъ, что основателями французскаго государства являлись нѣмцы. Фрере, благодаря этой первой неудачѣ въ занятіяхъ французской исторіей, бросился въ самую глубокую древность, какъ болѣе безопасную, и своими изслѣдованіями, методомъ, въ нихъ употребленнымъ, оказалъ важныя услуги исторической наукѣ. Но ни эти изслѣдованія, ни смѣлая попытка Бофора, француза, эмигрировав-

чаго въ Голландію, указать на баснословность древней римской исторіи, — попытка, пролагавшая дорогу Нибуру, не могли въ это время обратить на себя большаго вниманія. Вышло иначе, когда графъ Булэнвильеръ вопросъ о происхожденіи французскаго государства и первоначальныхъ, основныхъ отношеній въ немъ свелъ съ чисто-ученой почвы на политическую въ двухъ сочиненіяхъ своихъ: «Исторія древняго правленія во Франціи» и «Письма о парламентѣ». Въ то время, когда высшій слой французскаго общества терялъ свое значеніе вслѣдствіе потѣри нравственныхъ силъ, чѣмъ приготавлилась перестановка силъ, революціонное движеніе, Булэнвильеръ, почувавъ бѣду, рѣшился объявить неприкосновенность правъ высшаго сословія, рѣшился, во имя исторіи, сдѣлать вызовъ революціонному движенію, показать его незаконность, показать незаконность и прежнихъ движеній въ ущербъ дворянству, происходившихъ то въ пользу королевской власти, то въ пользу низшаго сословія, ибо значеніе дворянства, какъ сословія высшаго, властвующаго, основывалось на правѣ завоеванія галловъ франками, отъ которыхъ французское дворянство происходитъ. Булэнвильеру отвѣчалъ аббатъ Дюбо: этотъ, желая подорвать основное положеніе Булэнвильера, впалъ въ противоположную крайность: онъ старался доказать, что не было никогда завоеванія галловъ франками, что франкская или французская монархія мирнымъ образомъ наслѣдовала права римской имперіи надъ галлами, а феодализмъ устанавился гораздо позднѣе путемъ насилія. Несмотря на то, что въ этомъ спорѣ исторія находилась въ зависимо-мъ, служебномъ отношеніи, однако она не осталась безъ выгоды: въ сочиненіи Дюбо было указано, что франкское завоеваніе вовсе не уничтожило прежняго чисто-римскаго строя.

Противъ Булэнвильера и противъ существовавшаго тогда способа управленія во Франціи рѣзко высказался человѣкъ, стоявшій высоко по происхожденію и по должности, маркизъ и министръ Даржансонъ въ своемъ сочиненіи: «Размышленіе о французскомъ правительствѣ». Даржансонъ хотеть сохранить во всей полнотѣ власть королевскую, считая раздѣленіе властей дѣломъ противуестественнымъ: но онъ сильно вооружается противъ централизаціи. Вся верховная власть, всѣ государственныя отправленія должны быть въ рукахъ короля и лицъ имъ поставленныхъ; но мѣстная жизнь должна быть предоставлена сама себѣ; онъ не допускаетъ раздѣленія Франціи на провинціи, участки слишкомъ обширныя и иногда опасныя для центральной власти; онъ требуетъ раздѣленія на департаменты, состоящіе изъ двухъ сотъ приходо-въ не больше; каждый департаментъ долженъ

быть порученъ интенданту и его помощникамъ, избираемымъ на три года; они должны избирать муниципальное начальство изъ людей, представленныхъ общиною, имѣть также власть и отрѣшати ихъ. Муниципальное начальство (по крайней мѣрѣ по пяти человекъ на общину) имѣеть въ своемъ завѣдываніи администрацію, финансы, полицію. Сосѣднія общины могутъ собираться для разсужденія объ общихъ интересахъ съ позволенія интенданта. Даржансонъ первый выставилъ въ пользу децентрализаціи доказательства, которыя потомъ повторялись ея приверженцами; все дѣлается дурно и дорого чиновниками королевскими; публичныя работы будутъ производиться лучше и дешевле, когда не нужно будетъ ждать разрѣшенія сверху на всякую пустяшную поправку и проч. Даржансонъ требуетъ свободы торговли внутри и внѣ, требуетъ уничтоженія продажи должностей, требуетъ стремленія къ равенству, требуетъ, чтобы каждый былъ сыномъ своей собственной дѣятельности, но оговаривается, что это идеаль, котораго исполнѣ достигнуть нельзя.

Духъ времени и стремленіе заниматься политическими вопросами повели къ образованію общества, такъ-называемаго «Антресольнаго клуба», члены котораго сходились въ назначенное время слушать записки по разнымъ вопросамъ и толковать по ихъ поводу. Клубъ былъ учрежденъ аббатомъ Алари, и это англійское слово — клубъ впервые введено было во Франціи. Самымъ дѣятельнымъ членомъ клуба былъ аббатъ Сень-Пьеръ, неутомимый въ составленіи записокъ по многоразличнымъ вопросамъ—и по вопросу о всеобщемъ мирѣ съ помощію европейскаго конгресса, и по вопросу о податяхъ, о единствѣ уложенія, объ усовершенствованіи воспитанія и проч. Правительство нашло клубъ опаснымъ и закрыло его; но движеніе не остановилось въ обществѣ, ибо правительство поддерживало его своею собственною остановкою. Вольтеръ, который самъ измѣнилъ прежній характеръ литературныхъ произведеній, наполнивъ ихъ политическими намеками,—Вольтеръ въ началѣ второй половины вѣка жалуется, что грація и вкусъ исчезли изъ Франціи, уступивъ мѣсто запутанной метафизикѣ, политикѣ мечтателей, длиннымъ разсужденіямъ о финансахъ, торговлѣ и народонаселеніи, которыя не прибавятъ государству ни одного экю и ни одного лишняго человека.

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 29 томовъ въ 6 книгахъ съ подробнымъ указателемъ собственныхъ именъ и предметовъ. Ц. 15 р.

Общедоступныя чтенія о Русской исторіи. 18 чтеній (234 стр.). Изд. 3-е. Ц. 75 к.

Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

Учебная книга Русской исторіи. Изд. 9-е. Ц. 1 р. 25 к.

